

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8 (74). №4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2022

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол № 5 от 12 октября 2022 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (главный редактор)
Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Люттов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.
Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.
Тонков Евгений Евгениевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Нифанов Алексей Николаевич, к.ю.н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Шармойнц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
Подписано в печать 12.10.2022. Формат 70x100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Бесплатно.
Дата выхода в свет «__». _____. 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-law.cfuv.ru>

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.8 (091)

ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА ФИНЛЯНДИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭВОЛЮЦИЮ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ (1866-1870 ГГ.)

Великая О. С.

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Принятие ряда постановлений 1866 г. финским законодателем («Постановление о детоубийстве, изгнании плода и оставлении младенца без помощи, а также об ответственности за некоторые случаи незаконного сожигания»; «о неумышленном смертоубийстве и других насильственных действиях»; «о поединках», «о исполнении наказаний лишением свободы») привело к существенной замене (обновлению) значительной части норм уголовного права, на и заложил основы для реформирования пенитенциарной системы, оставив для этого три года, а вместе с тем, дал новый толчок к развитию уже действовавших рабочих и смирительных учреждений; законодательно было расширено разделение смирительных заведений и тюрем; используемый ранее термин «рабочих и смирительных», принятый, очевидно, с целью наиболее полной характеристики их, трансформировался в более сокращенный вид «смирительные», с сохранением важнейшей задачи по «исправлению» осужденных с упорядоченным привлечением их к труду.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, постановление, пенитенциарная система, уголовное право, реформа.

Проблемы правовой организации и деятельности пенитенциарных систем каждой страны, безусловно, тесным образом связаны с развитием уголовного законодательства, права.

Связь эта представляется весьма логической, так как данные системы взаимодействуют друг с другом, дополняя одно другое, являясь отображением развития уровня государства и права каждой конкретной страны, а иногда и объединения стран, общества.

В Великом княжестве Финляндском, как известно, долгое время использовалось шведское законодательство, которое, тем не менее, в начале XIX в. уже не удовлетворяло оказавшихся в составе разных государств как шведов, так и финнов.

Признают данные факты и финские ученые. Так, научный сотрудник кафедры культур университета Хельсинки Лариса Каспурго, указывает, что «В начале 19 столетия уголовная политика в финской провинции регулировалась нормами из «Отделов о преступлениях и наказаниях» Уложения Швеции, принятого риксдагом в 1734 г. и, утвержденного 23.01.1736 г. манифестом шведского короля Фредерика Первого (1720-1751). В 1807 г. было переиздано упомянутое уложение Швеции с последними изменениями и дополнениями. В 1812 г. эти законодательные нормы были распространены и, на так называемую, Старую Финляндию, которая вместе с другими губерниями, присоединенными в 1809 г., составила Великое Княжество Финляндское. В 1824 г. по указу императора Александра Первого Уложение было переиздано в Санкт-Петербурге на русском и шведском языках под названием

«Уложение Швеции, принятое на Сейме 1734 и Его Императорским Величеством утвержденное для Великого Княжества Финляндского» [1].

Однако, как справедливо указывают иные финские ученые «Реформа в Финляндии застопорилась по государственно-политическим причинам», при этом признавая, что подготовка к реформе санкций и уголовного права началась в 1820-х годах, но частичная реформа, охватывающая применение санкций, была принята в 1866 г. [2].

Необходимость реформы осознавали практически все заинтересованные стороны, т.к. «В основе карательной системы лежали смертная казнь, разнообразные телесные и позорящие наказания, конфискация, изгнание. Рядом разновременно изданных узаконений применение этих устарелых кар было, правда, существенно ограничено...» [3].

Общеизвестно, что новый, отвечающий все требованиям своего времени и желаниям представителей финского народа Уголовный кодекс (Уложение), был принят в 1889 г. [4, с. 217-226], а введен, формально, в действие с 1 января 1891 г., хотя тут же вокруг данного документа разгорелись непростые, в том числе и политические процессы [3].

Как видим данный процесс весьма растянулся во времени, при том, к примеру, что в Швеции новый уголовный кодекс был принят 1864 г., что конечно-же стимулировало ускорение разработки собственного кодекса со стороны финского общества, сейма.

Однако, задача нашего исследования состоит в изучении процесса реформирования финского уголовного права в 1866 г., т.е. в ходе подготовки нового уголовного кодекса. Причина такого интереса состоит в том, что уголовное законодательство тесным образом связано с деятельностью пенитенциарной системы. Это, в данном случае, означает необходимость определенного периода, когда: а) пенитенциарная система должна быть подготовлена к деятельности в условиях нового уголовного законодательства, что нельзя было сделать одномоментно; б) потребность постепенного, предварительного преобразования хотя бы части санкционных норм уголовного права в ходе предстоящей реорганизации всего комплекса исследуемых правоотношений.

В данном случае, считаем, необходимо самостоятельно изучить специфику соответствующих изменений, произошедших, как общепризнано, еще 1866 г. и отраженных в серии нормативно-правовых актов.

В тоже время, необходимо упомянуть указ от 19 октября 1829 г., которым был утвержден «регламент для тюремного заведения в Свеаборгской крепости».

Им, в частности, «Для улучшения в обще тюрьме Свеаборгской крепости надзора и за арестантами и нравственного их исправления... действовать по регламенту «пока не приведено будет в действо назначенное Нами общее рабочее и смиренное заведение, и пока не воспоследуют как о сем заведении, так и о крепостной тюрьме, Высочайшие Наши постановления» [5, с. 112].

Следующим этапом стало издание 17 декабря 1839 г. «устав для рабочих и исправительных заведений в Финляндии» которым, была произведена попытка стандартизировать и упорядочить систему пенитенциарных заведений великого княжества [6]. Этими двумя документами был произведен процесс осовременивания и

упорядочения пенитенциарной системы Финляндии, подготовки ее последующему реформированию.

В реформа 1866 г. базировалась нормативно на нескольких законодательных актах, изданных одновременно 26 ноября 1866 г. Первые три из них, последовательно вводили новую систему наказаний за основные преступления, а завершающий – «Высочайшее Его Императорского Величества Постановление о исполнении наказаний лишением свободы» ввел новую систему исполнения наказаний.

Первое постановление «о детоубийстве, изгнании плода и оставлении младенца без помощи, а также об ответственности за некоторые случаи незаконного сожития» [7], устанавливало такие меры ответственности:

– за убийство ребенка от незаконного сожительства – смирительный дом от 4 до 10 лет независимо от обстоятельств (с. 1); а советчики и помощники данного деяния (далее - соучастники) – смирительный дом от 6 до 12 лет (п. 1.) [7, с. 2];

– покушение на убийство младенца женщиной – смирительный дом от 6 месяцев до 2 лет, а соучастники – от 1 до 3 лет. При причинении младенцу тяжёлого телесного повреждения (увечье, лишение языка, зрения, слуха, «постоянное повреждение здоровья») срок мог быть продлен для женщины до 4 лет, а помощнику до 6 лет (п. 2);

– виновная по упущению или нерадению в смерти младенца – от 6 месяцев до 3 лет, или же тюрьма от 3 месяцев до 2 лет (п. 3);

– если смерть младенца произошла без преступного умысла, но вследствие отсутствия необходимой помощи (скрывалась) виновная подвергалась заключению на срок от 2 до 6 месяцев (п. 4);

– укрывательство незаконнорожденного, или если мать «изведет плод, и если не может быть доказано что младенец родился живым» – тюрьма от 1 месяца до 1 года и пеня от 40 до 400 марок; советчиков и помощников – тюрьма от 2 месяцев до 2 лет и пеня от 60 до 600 марок. Если было доказано что младенец «умер без вины матери, или же был рожден мертвым...», то «мать подвергается наказанию только за незаконное сожитие» (п. 5);

– за попытки избавиться от плода при беременности (если ребенок рождался мертвый или недоношенный – смирительный дом от 2 до 6 лет, а без последствий – тюрьма от 2 до 6 месяцев) (п. 6);

– умышленное убийство плода по воле беременной – смирительный дом от 3 до 8 лет; при покушении – смирительный дом от 2 месяцев до 2-х лет; при предоставлении средств к аборту или умерщвлению – смирительный дом от 2 до 4 лет, а если младенец выжил – 2-6 месяцев тюрьмы (п. 7);

– действия по умерщвлению плода или ведущие к выкидышу без воли беременной, приведшие к смерти или недоношенности – смирительный дом от 4 до 10 лет, а если действия не привели к такому результату – от 6 месяцев до 2 лет. Если такое действие привело к тяжкому телесному повреждению беременной – заключение увеличивалось до 12 лет; а при ее смерти – смирительный дом на 12 лет или пожизненно (п. 8);

– за оставление «незаконно прижитого» ребенка в опасности, хотя надеялась на спасение, а ребенок умер или понес тяжкое телесное повреждение, в первом случае – смирительный дом от 6 месяцев до 3 лет, во втором – тюрьма от 2 месяцев до года. Соучастники преступления при смерти младенца – заключение в смирительный

дом 1-4 года, а если ребенок получил тяжкое повреждение – тюрьма от 4 месяцев до 3-х лет, а без последствий – тюрьма от 3 месяцев до 2-х лет (п. 9);

– если ребенок был оставлен в безопасном месте, но последовала его смерть или телесные повреждения, то мать приговаривалась к тюрьме в первом случае – от 3 месяцев до 1 года, во втором от 2 до 6 месяцев, а без последствий – пеня до 200 марок; соучастники при смерти ребенка – тюрьма от 4 месяцев до 2 лет; а если ребенок получил телесное повреждение – тюрьма от 3 месяцев до 1 года; без последствий – пеня от 30 до 300 марок (п. 10);

– виновный в беременности при незаконном сожитии, оставивший беременную и тем способствовавший умерщвлению младенца или срывом беременности, оставлением новорожденного без помощи, приговаривается к пене от 400 марок или к тюрьме до 6 месяцев. Родители или хозяева, зная о беременности женщины, если довели ее или побудили к совершению детоубийства, или не оказали нужной заботы во время беременности и тем были виновны в смерти ребенка – пеня от 40 до 400 марок (п. 11). Данное постановление вступало в силу с 1 января 1870 г. (п. 17) [7, с. 1-6].

Второй нормативный акт также принятый в этот день «о неумышленном смертоубийстве и других насильственных действиях» [8], тоже подразумевал отмену значительного количества норм Общего Уложения 1722 г. «или особых постановлений определенных наказаний за преступления, означенные в настоящем Положении...». В нем предусматривалось, что:

- если убийство совершено без намерения, но при умышленном насилии – смирительный дом от 8 до 12 лет или пожизненно. Если тоже совершено в раздражении – от 4 до 8 лет. Если виновный, без собственной вины, был приведен в раздражение обидой и насильственными действиями убитого и т.п., виновному грозил смирительный дом от 2 до 4 лет (п. 1);

– причинение смерти без насильственных умысла и поступка, или по беспечности – тюрьма от 2 до 6 месяцев, или пеня. При особо тяжкой вине – заключение в смирительный дом от 7 месяцев до 2 лет (п. 2);

– виновный в смерти, причиненная по умышленному насилию или без намерения нанесенное телесное повреждение, в результате чего наступила смерть; в том числе, когда смерть могла не наступить при оказании врачебной помощи, болезни и т.п. Если же смерть наступала от неправильного оказания помощи, следовало поступать с виновным соответственно пар. 2 (п. 3);

– умышленное тяжкое телесное повреждение – смирительный дом от 3 до 12 лет, а если оно совершено в раздражении от 2 до 6 лет (п. 4);

– причинение вреда по неосторожности, без умысла, беспечности (см. п. 4) – тюрьма от 2 до 6 месяцев, или пеня от 20 до 400 марок (п. 6);

– умышленное увечье – смирительный дом от 3 месяцев до 3 лет, или тюрьма от 2 месяцев до 2 лет (п. 7);

– умышленное увечье без намерения нанести таковые телесные повреждения – пеня от 10 до 200 марок (п. 8);

– за групповую драку с убийством или тяжкими последствиями – каждый соучастник – смирительный дом от 2 месяцев до 2 лет, или тюрьма также. Участие в драке, но не поднимавший руку на убитого или потерпевшего – тюрьма от 14 дней до 6 месяцев, или штраф от 50 до 1000 марок (п. 10);

– за нанесение тяжкого телесного повреждения в драке, даже при защите, каждый участвующий наказывался тюрьмой от 6 дней до 6 месяцев или пеней от 40 до 400 марок;

– за умышленное насилие «посредством поруба, удара, толков» и т.п. с нанесением «малозначительного вреда или совершенно без онаго» – тюрьма от 6 дней до 6 месяцев, или к пене от 200 марок (п. 12);

– за насилие «родственнику по прямой восходящей линии, тот когда преступление наказывается содержанием в смирительном доме от 8 до 12 лет, может быть присуждаем к пожизненному там заключению», или увеличено кроме стандартного еще на 2 года (п. 14);

– осуществление насилие против близких родственников, супруга или супруги, приемных родителей, опекуна, хозяина, лица «в подчинении которого виновный состоит», сеймового депутата, должностного лица при исполнении, «против лица, назначенного или избранного для выполнения какого-либо общественного дела», «насилие нанесено лицу, присутствующему при богослужении, то таковое обстоятельство признается особенно увеличивающим вину». За данное преступление присуждали к пене до 500 марок, или заключению в тюрьме до 1 года, смирительный дом до 2 лет (п. 15);

– осуществление насилие за участие в суде, свидетельство в губернском правлении или ином казенном месте, подачу иска; насилие, чтобы принудить кого-либо к признанию в каком-либо деле – присуждались к смирительному дому до 2 лет, или тюрьме от 2 до 6 месяцев. Если же преступление было сопряжено с усиливающими вину обстоятельствами – смирительный дом от 2 до 4 лет (п. 17);

– насилие, осуществленное виновным в чужом доме, дворе где он живет или укрылся, на судне или при вторжении в чужое жилище – смирительный дом от 2 месяцев до 2 лет, или пеня от 50 до 200 марок (п. 18);

– за незаконное, насильственное лишение свободы и содержание в заключении – смирительный дом от 1 до 4 лет, а за незаконное задержание подозреваемого – тюрьма от 2 месяцев до 1 года или пеня от 100 до 1000 марок (п. 19);

– за неумышленное насилие против беременной, приведшее к неумышленному выкидышу, преждевременным родам, без умысла повредить ребенку – смирительный дом от 6 мес. до 4 лет, а если действие было совершено в раздражении – от 3 месяцев до 2 лет (п. 20);

– за умышленный вред здоровью с использованием яды или химических веществ с тяжелыми последствиями – смирительный дом от 6 до 12 лет или пожизненно; при незначительном вреде или без него, или если преступление заключалось лишь в покушении – смирительный дом от 2 до 6 лет; намеренное приготовление яда или иного подобного, но без совершения покушения – смирительный дом от 2 до 6 месяцев, «если не уничтожил яд по собственному побуждению или до открытия преступления» (п. 21);

– намерение нанести вред в раздражении, обнажение холодного оружия (нож или меч), наведение ружья или поднятие иного опасного для жизни оружия, при наступлении вреда, усиливало вину – смирительный дом от 2 до 6 месяцев; без телесного повреждения – пеня от 20 до 300 марок (п. 22).

Следует также указать, в данном документе пар. 25 устанавливал право необходимой обороны, а пар. 26 её пределы. Также, согласно пар. 30, срок давности пре-

следования преступников, совершивших деяния, указанные в рассматриваемом постановлении, устанавливался 2 года, если только «преступление не влечет за собой заключения в смирительном доме».

Можно также указать, что «...При неимении приговоренным к денежному штрафу средств к уплате, оный заменяется тюремным заключением на хлеб и воду, соответственно третьей доли присужденной пени» (п. 31). Кроме того, под действие данного постановления не попадали: насильственные действия против императора или члена императорского дома; умышленный поджог, ставший причиной смерти; «насилие младенцу, коим женщина есть или была беременна от незаконной связи», «или нападет на кого либо с целью его ограбить»; «или причинит смерть или тяжкое телесное повреждение нарушением правил, установленных для охранения железной дороги или канала»; «или же убьёт или ранит другого на поединке; то обо всем этом постановлено особо». Также данное постановление не распространялось на лиц «военного ведомства» (п. 31) [8, с. 7-17].

Третьим нормативным актом в данной серии, очевидно, из-за достаточно узкого круга лиц, на которое он распространялся (дворяне, военные) является постановление о поединках. Данное постановление, как и в предыдущих два отменяло соответствующие нормы шведских законов, в основном 1722 и 1723 гг. Им, в частности, устанавливалось, что при поединке по уговору и с использованием оружия, когда в результате один из участников был убит или ранен, виновный подлежал наказанию за убийство или другое насилие; а получивший рану, если сам не убил или не ранил иного, наказывался за участие в поединке тюремным заключением на срок от 1 месяца до 1 года или пеней от 40 до 400 марок.

При смягчающих обстоятельствах, за умышленное убийство предусматривалось – смирительный дом от 10 до 12 лет; за неумышленное – смирительный дом от 4 до 8 лет; за тяжкое телесное повреждение – смирительный дом от 2 до 6 лет; за меньшее – содержание в тюрьме от 1 месяца до 1 года или пеня от сорока до 400 марок (пар. 1) [9].

Здесь особо следует обратить внимание на то, что в данном последнем постановлении отсутствуют какие-либо ссылки, как и в предыдущих, на возможный привилегированный статус виновных или осужденных, подразумевая тем самым равенство всех перед законом.

И, наконец, последний нормативный акт, изданный в этот день (26 ноября 1866 г.), стало постановление о исполнении наказаний лишением свободы [10]. Не имея возможности в рамках одной статьи анализировать его содержание, лишь укажем, что он состоял из трех глав: 1) «О заключении в смирительном доме»; 2) «О содержании в тюрьме на хлебе и на воде»; 3) «О наказании тюремным заключением», и, как и предыдущие постановления, вступал в «в действие с 1 января 1870 г.» и характеризовался современниками, как значительный шаг вперед к реорганизации финляндской пенитенциарной системы [11].

Таким образом финский законодатель не только существенно заменил (осовременил) значительную часть норм уголовного права, но и заложил основы для реформирования пенитенциарной системы, оставив для этого три года, а вместе с тем, дал новый толчок к развитию уже действовавших рабочих и смирительных учреждений [12, с. 435-441]; законодательно было расширено разделение смирительных заведений и тюрем; используемый ранее термин «рабочих и смирительных», приня-

тый, очевидно, с целью наиболее полной характеристики их, трансформировался в более сокращенный вид «смирительные», с сохранением важнейшей задачи по «исправлению» осужденных с упорядоченным привлечением их к труду.

Список литературы:

1. Лариса Кангаспуру. Преступление и наказание. Особенности правового положения Великого княжества Финляндского". Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. – (DOC) Особенности правового положения Великого княжества Финляндского | Larisa Kangaspuro - Academia.edu
2. Crime and Punishment Tapio Lappi-Seppälä and Kimmo Nuotio Lappi-Seppälä: University of Helsinki, Institute of Criminology and Legal Policy, Helsinki, Finland. – 11_Crime_and_PunishmentTLS.pdf (helsinki.fi)
3. Общее уложение Финляндии 1734 года: И дополнительные к нему узаконения с приложениями и указателями / сост. Н. Н. Корево. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1912. – Том 1. Общее уложение. – 655 с.
4. Кангаспуру Лариса. Уголовный кодекс Финляндии 1889 г. как законодательный источник европейской интеграции // Санкт-Петербургский исторический журнал. 2015. №4. С. 217-226.
5. 19 октября 1829 г. Высочайший его Императорского Величества регламент для тюремного заведения в Свеаборгской крепости // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПб, 1902. С. 112.
6. 17 декабря 1839 г. Высочайший ЕИВ устав для рабочих и исправительных заведений в Финляндии // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПб, 1902.
7. Высочайшее Его Императорского Величества Постановление о детоубийстве, изгнании плода и оставлении младенца без помощи, а также об ответственности за некоторые случаи незаконного сожития. Гельсингфорс 26 ноября 1866 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1866 год. № 26, 2 ½ листа, печатан в Гельсингфорсе 22 июля 1867 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии 1867 г.
8. Высочайшее Его Императорского Величества Постановление о неумышленном смертоубийстве и других насильственных действиях. 26 ноября 1866 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1866 год. № 26, 2 ½ листа, печатан в Гельсингфорсе 22 июля 1867 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии 1867 г.
9. Высочайшее Его Императорского Величества Постановление о поединках. Гельсингфорс, 26 ноября 1866 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1866 год. № 26, 2 ½ листа, печатан в Гельсингфорсе 22 июля 1867 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии 1867 г. С. 18-20.
10. Высочайшее Его Императорского Величества Постановление о исполнении наказаний лишением свободы. 26 ноября 1866 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1866 год. №27, 2 ¼ листа, печатан в Гельсингфорсе 31 июля 1867 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии 1867 г.
11. Высочайшее Его Императорского Величества Постановление о исполнении наказаний лишением свободы. 26 ноября 1866 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1866 год. №27, 2 ¼ листа, печатан в Гельсингфорсе 31 июля 1867 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии 1867 г.
12. Великая О. С. Правовая организация рабочих и исправительных заведений в Великом Княжестве Финляндском в первой половине XIX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 435-441.

Velika O. S. The Pre-Reform Period of Finnish Criminal Law and its Influence on the Evolution of the Penitentiary System (1866-1870) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 3-10.

The adoption of a number of regulations in 1866. by the Finnish legislator ("Ordinance on infanticide, expulsion of the fetus and leaving the infant unaided, and on liability for certain cases of unlawful cohabitation"; "on manslaughter and other violent acts ; "on duels", "on execution of punishments by imprisonment") led to a significant replacement (renovation) of a considerable part of the criminal law norms, and laid the basis for the reform of the penitentiary system, leaving three years for this, and at the same time gave a new impetus to the development of the already existing labor and straitjacket institutions; The separation of straitjacket institutions from prisons was enlarged by law; the term "work and straitjacket institutions," which had been used

earlier and had evidently been adopted to describe them as fully as possible, was transformed into the shorter form "straitjacket institutions," retaining the essential task of "reforming" convicts by involving them in an orderly manner in the work process.

Keywords: Grand Duchy of Finland, regulation, penitentiary system, criminal law, reform.

Spisok literatury:

1. Larisa Kaspurgo. Prestuplenie i nakazanie. Osobennosti pravogo polozheniya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo". Pribaltijskie issledovaniya v Rossii. 2017–2018. – (DOC) Osobennosti pravogo polozheniya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo | Larisa Kangaspuro - Academia.edu
2. Crime and Punishment Tapio Lappi-Seppälä and Kimmo Nuotio Lappi-Seppälä: University of Helsinki, Institute of Criminology and Legal Policy, Helsinki, Finland. – 11_Crime_and_Punishment/TLS.pdf (helsinki.fi)
3. Obschchee ulozhenie Finlyandii 1734 goda: I dopolnitel'nye k nemu uzakoneniya s prilozheniyami i ukazatelyami / sost. N. N. Korevo. – Sankt-Peterburg : Gosudarstvennaya tipografiya, 1912. – Tom 1. Obschchee ulozhenie. – 655 s.
4. Kangaspuro Larisa. Ugolovnyj kodeks Finlyandii 1889 g. kak zakonodatel'nyj istochnik evropejskoj integracii // Sankt-Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2015. №4. S. 217-226.
5. 19 oktyabrya 1829 g. Vysochajshij ego Imperatorskogo Velichestva reglament dlya tyuremnogo zavedeniya v Sveaborgskoj kreposti // Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoneniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839. – SPB, 1902. S. 112.
6. 17 dekabrya 1839 g. Vysochajshij EIV ustav dlya rabochih i ispravitel'nyh zavedenij v Finlyandii // Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoneniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839. – SPB, 1902.
7. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Postanovlenie o detoubijstve, izgnanii ploda i ostavlenii mladenca bez pomoshchi, a takzhe ob otvetstvennosti za nekotorye sluchai nezakonnogo sozhitiya. Gel'singfors 26 noyabrya 1866 g. // Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo za 1866 god. № 26, 2 ½ lista, pechatan v Gel'singfurse 22 iyulya 1867 g. Gel'singfors, v Senatskoj tipografii 1867 g.
8. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Postanovlenie o neumyshlennom smertoubijstve i drugih nasil'stvennyh dejstviyah. 26 noyabrya 1866 g. // Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo za 1866 god. № 26, 2 ½ lista, pechatan v Gel'singfurse 22 iyulya 1867 g. Gel'singfors, v Senatskoj tipografii 1867 g.
9. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Postanovlenie o poedinkah. Gel'singfors, 26 noyabrya 1866 g. // Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo za 1866 god. № 26, 2 ½ lista, pechatan v Gel'singfurse 22 iyulya 1867 g. Gel'singfors, v Senatskoj tipografii 1867 g. S. 18-20.
10. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Postanovlenie o ispolnenii nakazaniy lisheniem svobody. 26 noyabrya 1866 g. // Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo za 1866 god. №27, 2 ¼ lista, pechatan v Gel'singfurse 31 iyulya 1867 g. Gel'singfors, v Senatskoj tipografii 1867 g.
11. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Postanovlenie o ispolnenii nakazaniy lisheniem svobody. 26 noyabrya 1866 g. // Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo za 1866 god. №27, 2 ¼ lista, pechatan v Gel'singfurse 31 iyulya 1867 g. Gel'singfors, v Senatskoj tipografii 1867 g.
12. Velikaya O. S. Pravovaya organizaciya rabochih i ispravitel'nyh zavedenij v Velikom Knyazhestve Finlyandskom v pervoj polovine XIX v. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – S. 435-441.

УДК 93:[328.1+329.11+281.93]

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОМОНАРХИСТОВ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 1907–
1912 ГОДОВ (часть II)**

Ивакин Г. А.

ФГБНУ «Психологический институт РАО»

В статье рассматривается законодательная деятельность правомонархистов с 1907 по 1912 г. – период работы III Государственной думы и Государственного совета Российской империи. Рассматривается законодательная деятельность православного духовенства. Отмечается tandem правомонархистов и православного лиц духовного звания. Особо анализируются законопроекты и их обсуждение по вопросам социально-экономического и общественного характера. На основе представленных архивных документов отмечается сложное материальное состояние крестьянства, проблема пьянства в Российской империи, освещаются вопросы в сфере образования и аграрной политики. Также не остались без внимания документы, связанные с внешнеполитической деятельностью России в данный период. Острую полемику вызвал вопрос предоставления права свободы проповеди всем конфессиям Империи, при обсуждении, которого правые депутаты и духовенство действовали сплоченно и не одобряли законопроект.

Ключевые слова: законодательная деятельность, парламентаризм, духовенство, император Николай II, Государственная дума Российской империи, Государственный совет Российской империи, черносотенство, правые, правомонархизм, вероисповедная комиссия, старообрядцы, Союз 17 октября, православная церковь, вероисповедные законопроекты.

Комиссия по делам РПЦ рассматривала законопроект «Об отмене ограничений политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям». Этот законопроект был полностью разработан православным духовенством и принят большинством голосов, несмотря на протест правых. На имя императора стали поступать петиции от лиц правомонархических организаций. Так, например, член Казанского отдела Русского собрания и член Второго отдела СРН Александр Соловьев писал царю: «...кощунственное издевательство в Государственной думой над Православной верой»; «...Распусти, Государь, Думу, в которой нет защиты веры Православной, Царя и Родины... нет чувства правды, нет полезной работы...» [1, л. 6].

Однако после роспуска II Думы вероисповедные законопроекты переключались в III Думу, и некоторые были приняты ею, несмотря на противодействие большинства думского духовенства. Государственный совет перешел в это время в правую оппозицию к правительству П. А. Столыпина, и большинство вероисповедных проектов при активном содействии представителей православного духовенства было заблокировано. Государственный совет в 1911 г. одобрил только один из проектов – «Об отмене ограничений политических и гражданских, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана и звания». Сторонниками этого законопроекта в верхней палате выступили С. Ю. Витте и А. Д. Оболенский, а главным противником – В. К. Саблер, во времена К. П. Победоносцева несколько лет занимавший должность товарища обер-прокурора [2, с. 405]. Сущность поправок к внесенному министром МВД законопроекту «Об отмене ограничений, политических и гражданских,

связанных с лишением или добровольным снятием сана или звания» была, с точки зрения «реформ», столь же ничтожной. Комиссия по делам РПЦ сократила несколько сильнее, чем это предлагалось в министерском проекте, правоограничения для лиц духовного звания, лишенных сана, но отнюдь не отменяла их все [3, с. 68]. Именно поэтому император отказался подписать принятый обеими палатами законопроект, а В. К. Саблер был назначен обер-прокурором. Вскоре произошло убийство П. А. Столыпина. О принятии вероисповедных законов, против которых резко возражала официальная Церковь, теперь не могло быть и речи. На несколько лет между верхами Церкви и правительством установилось относительное согласие, несмотря на то что вопрос о Соборе все еще не был решен [2, с. 405].

Из всего этого следует, что социал-демократы и католики, находясь по разные стороны политических взглядов, совместно пытались протолкнуть вопрос о старообрядцах, расколоть идеологически страну, ее фундаментальную основу российской государственности и симфонию властей. Оратории в Думе четко характеризуют политический спектр взглядов и устремлений общественно-политических деятелей. Под предлогом обсуждений о правах и свободах человека продвигалась совершенно иная концепция по формированию общественной среды будущей революционной напряженности. Сенатор архиепископ Никон считал, что «Россия прежде всего для православных русских... и что историческая задача России, русского правительства... состоит... в том, чтобы обрусить все нерусское и оправославить все неправославное» [4, с. 160].

Правое крыло Государственного совета полагали, что вероисповедное законодательство должно всячески охранять господствующее положение Православной церкви. Православие рассматривалось как «сила, связующая Русское государство». По утверждению представителя духовенства протоиерея Дмитрия Беликова, «православие – есть краса нашего Отечества, на которое обращено религиозное внимание других стран... Без православия наше русское государство, как тело без души, распалось бы и разложилось». Правые полагали, что «право... отступления от православия... есть право отступления от русской народности» [4, с. 159-160].

Вопрос образования в России обсуждался и в I и II Думах, была открытая полемика как и светских и церковных депутатов-правомонархистов, так и других депутатов от различных партий. Вопрос остался открытым и получил освещение уже в период III Государственной думы. Неизменным вниманием правомонархистов и депутатов-священников пользовался вопрос о церковно-приходских школах, который, по словам епископа Евлогия (Георгиевского), «сделался в Думе важным и боевым. Эти школы – детище императора Александра III и К. П. Победоносцева – возникли в противовес школам светским, дабы избежать вредного влияния на учащиеся революционного настроения учительского персонала, нередко занимавшегося пропагандой. Позиция Думы была иная: единая государственная школа (в городах и земствах) стала основным требованием школьной реформы; церковно-приходские школы не должны рассчитывать на ассигновки, а если Церкви угодно иметь свои школы, пусть она их и содержит за свой счет» [5, с. 178]. В противовес этой точке зрения указывалось, что «события последних лет показали, что если в светских школах бывали случаи, противные нравственному и патриотическому чувству, то и учащиеся в школах духовного ведомства, средних и низших, принимали участие в революционном движении. Следовательно, принадлежность школы духовному ве-

домству еще далеко не обеспечивает прочности тех устоев народной жизни, которые сторонники церковной школы старались укрепить в населении путем покровительства школам духовного ведомства» [6, с. 101]. Тем не менее 1 ноября 1907 г. в Государственную думу был внесен законопроект о всеобщем обучении; ранее он уже вносился в предыдущую Думу.

В представлении министра народного просвещения еще не стоял вопрос об испрашивании денежных средств на всеобщее обучение. В нем устанавливалось только общее положение, согласно которому содержание преподавательского персонала в начальных школах, включенных в школьную сеть, должно быть относимо на счет государственного казначейства, причем на школы земское пособие должно было отпускаться по смете Министерства народного просвещения, а на церковно-приходские – по смете Священного синода [7, с. 130]. С этого момента в Государственной думе третьего созыва и начинается борьба за ассигнования на церковные школы со стороны депутатов от духовенства и предложения объединения обеих школ со стороны светских депутатов.

Одновременно с законопроектом о дополнительном ассигновании 7 000 000 руб. на земско-министерские народные школы группа правых депутатов за подписью 94 человек, в числе которых были епископ Евлогий и епископ Митрофан, а также ряд правых священников, 15 декабря 1907 г. внесли законопроект «Об ассигновании на 1908 г. по смете Священного синода 4 003 740 руб. на жалованье учащихся в церковных школах и устройство и открытие новых школ». Первый законопроект был принят Государственной думой 15 марта 1908 г. [8, с. 352-403]. Вторым законопроектом намечено было обсуждать 19 марта 1908 г. и, по словам о. Ф. И. Никоновича, многие из священников считали полезным «из тактических соображений» воздержаться от участия в прениях. Меньшинство же доказывало, «что возможный провал в Думе церковно-приходского вопроса будет знаменовать собою провал и других вопросов, для которых духовенство собственно пришло в Думу». На другой день, еще до начала заседания, выяснилось, что октябристы на собрании фракции решили сдать законопроект в «комиссию законодательных предположений», куда обычно передавались законопроекты, заранее обреченные на провал. Положение спас В. М. Пуришкевич. В своем выступлении он стал отвлекаться, погружаясь в исторический экскурс, и был остановлен председателем Думы. Он отказался от выступления и был удален из зала заседания. Учиненный им скандал отвлек на себя общее внимание, и законопроект 19 ноября 1908 г. был передан в комиссию по народному образованию для выработки законопроекта [8, с. 352-403].

Борясь за каждое слово законопроекта, епископ Митрофан и священники А. М. Станиславский и Н. Е. Гепецкий порой сильно раздражали октябристов. 8 декабря им не без усилий удалось настоять, чтобы списки школ, включенных в школьную сеть, доставлялись не только министру народного просвещения, но и обер-прокурору Синода [7, с. 141]. В итоге комиссия признала это законодательное предложение желательным [6, с. 54].

Правительство в лице обер-прокурора не одобрило предложение Священного синода, который настаивал на выделении не 4 003 740 руб., а суммы в 10 135 600 руб. Правительство, сочувствуя увеличению церковных школ и улучшению материального положения учащихся, должно было считаться с бюджетом и потому высказалось за постепенное выполнение намеченного плана и вписало в Роспись государ-

ственных расходов на 1909 г. 1 000 000 руб. На эти цели Государственная дума 179 голосами против 120 согласилась с заключением комиссии по народному образованию об ассигновании кредита на церковно-приходские школы [6, с. 56-57]. Активными участниками выработки законопроекта были клирики-священник Н. Е. Гепецкий, епископ Евлогий, епископ Митрофан и священник А. А. Попов 2-й. Они активно высказывались с трибуны Государственной думы по вопросу церковно-приходских школ, о необходимости их существования и что они являются духовно-нравственным оплотом. Они, по словам священника А. А. Попова 2-го, «стремятся к просвещению народа и не жалеют на это каких-то 3–4 000 000 руб.» [9, с. 1430]. На заключение законопроекта поступил в комиссии по делам РПЦ 18 февраля 1909 г. [8, с. 352-403]. Заметим, что особое значение имел состав комиссии по народному образованию, где духовенство составляло 25%, а в комиссии по делам РПЦ – 51%.

Законопроект об ассигновании на церковно-приходские школы был одобрен Государственной думой 28 мая 1909 г., а Высочайше утвержден 19 июня 1909 г. Депутаты-клирики были инициаторами законопроекта об отпуске из средств государственного казначейства в сумме 500 000 руб. в год на увеличение с 1 июля 1910 г. жалованья учащимся в церковных школах до установленного законом от 3 мая 1908 г. размера. Этот законопроект был передан 10 октября 1909 г. в комиссию по народному образованию и по делам Православной церкви, которые внесли доклад 1 июня 1910 г. Законопроект был поддержан всем духовенством Государственной думы и одобрен 4 июня, Высочайше утвержден 17 июня 1910 г.

Другим рассматриваемым в области образования законопроектом был проект Министерства народного просвещения о начальных школах, который начали обсуждать в Государственной думе в начале 4-й сессии с 15 октября в 17 заседаниях, а принят был во втором чтении 29 ноября 1910 г. Одним из принципиально важных при обсуждении законопроекта был вопрос, касающийся церковно-приходских школ: сохранить ли их самостоятельность или передать в ведомство Министерства народного образования. Законопроект о начальном образовании вместе с докладом думской комиссии по народному образованию представлял собой внушительный фолиант в 306 страниц. Проект заключал в себе 14 отделов и Положение о начальных училищах, всего 103 отдельные статьи. Из этого количества статей лишь шесть статей раздела 14 касались положения церковно-приходских школ, но именно из-за этих статей законопроект был отвергнут Государственным советом, а в Думе эти статьи сделались центральным пунктом всех прений [8, с. 146].

Автор книги «Что сделала третья Государственная дума для народного образования?» А. Н. Ропп охарактеризовал мнение комиссии по народному образованию, которая считала, что «разъединение школьного дела между двумя ведомствами представляется тем более странным, что светские и церковные школы ничем не отличаются друг от друга в своих целях, как образовательных, так и воспитательных» [6, с. 100-101]. Этой комиссии оппонировала комиссия по делам Православной церкви, в которой численное превосходство духовенства по сравнению с комиссией по образованию было вдвое больше. Доводы комиссии по делам Православной церкви о невозможности объединения сводились к двум точкам зрения: 1) основной и 2) правовой. С первой точки зрения, объединение было невозможно, так как это противоречило догматическому учению Церкви. С точки зрения правовой, такое объединение невозможно потому, что «церковно-приходские школы со-

ставляют часть управления церковного» [6, с. 100-101].

Член фракции правых и комиссии по народному образованию протоиерей А. Д. Юрашкевич указывал на то, что церковно-приходским школам ставится в вину низкий уровень подготовки [10, с. 44-48]. Но следует учитывать, что эти школы менее обеспечены, чем министерские и земские. В общем его выводы сводились к тому, что церковно-приходские школы имеют право на существование наряду с министерскими. С подобными речами в защиту церковно-приходских школ выступали епископ Евлогий [10, с. 108-114, 320-323] и епископ Митрофан [10, с. 134-139]. Выступало много светских депутатов, в речах которых прослеживалось порой негативное и явно недоброжелательное отношение по вопросу церковно-приходских школ.

Полностью законопроект Министерства народного просвещения о начальных школах (с передачей церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения) был принят в третьем чтении 9 февраля 1911 г. Государственный совет не одобрил законопроект в том виде, в котором он был принят Государственной думой и тем самым подтвердил право церковно-приходских школ на отдельное финансирование и существование. Депутат Г. Г. Замысловский, дворянин, юрист, один из лидеров СРН, а с 1908 г. член Русского народного союза имени Михаила Архангела, ярый антисемит, выступая с трибуны Таврического дворца, заявлял: «...наша школа находится в состоянии глубокого упадка... высшей школой завладела революция... студенчеством руководит так называемый центральный орган, организация явно и несомненно революционная... Академический союз – организация, которая я считаю... тоже революционная...» [11, с. 133]; «...университет не храм науки, а очаг революции...»; «...в этом отношении я приветствую речь профессора фон Анрепа, который, говоря от имени фракции 17 октября, категорически сказал, что политики в школе не должно быть, что политика должна быть осуждена...» [11, с. 138, 165].

Другой оратор от правых епископ Евлогий, выступая в контексте законопроекта об образовании, поднял снова вопрос о церковно-приходских школах. Преосвященный с думской кафедры говорил: «...на первый вкус, этот свиток, этот законопроект действительно кажется сладким, но по мере усвоения его открывается вся сокрытая в нем горечь. Есть в нем один главный капитальный дефект... Дефект этот – это отнятие от Церкви церковно-приходских школ. Это узурпация самого права учительства у Православной церкви, права бесспорного, неотъемлемого и непреложного, это устранение Церкви от дела учительства...» [11, с. 103]. Свою пространную и довольно длинную речь архипастырь продолжал так: «До сих пор во главе церковной школы стояла сама Церковь, которая... организовала всю стройную систему управления этой школой, которая независимо и полновластно устроила жизнь соответственно своим нормам...» [11, с. 103].

Подхватил эстафету депутат А. А. Бобринский, который в рамках обсуждения закона об образовании затронул частный аспект об уездных и губернских училищных советах. Предпочтительно говорил о существующей несовершенной системе образования, прежде чем приступить к построению новой: «Вы заняты в настоящее время созиданием нового храма науки... на месте недостаточного строения... приступая к огромной стройке... достаточно ли богаты, чтобы позволить себе роскошь снести все существующее и строить новое?.. К сожалению, Россия далеко не находится в состоянии богача, которому такой поступок был бы дозволен...»;

«...перехожу к вопросу. кому следует председательствовать в уездных и губернских училищных советах... комиссия предлагает нам изменение существующего положения вещей (передавалась эта функция предводителю дворянства. – Г. И.)... эта схема простая, но очень дорогая...» [11, с. 40-43]. Далее следовало заключение всей оратории А. А. Бобринского в духе консерватизма: «Нам следует сказать предводителям то, что им было неоднократно сказано с высоты престола – „Продолжайте нести свою бескорыстную службу“...» [11, с. 43].

В общей полемике по законопроекту об образовании высказался и депутат А. С. Вязигин: «...прения в комиссии... обмен мнениями... установили, что в данном случае мы имеем перед своими глазами вовсе не борьбу каких-либо партий; происходит столкновение непримиримых и совершенно противоположных мировоззрений: религиозно-патриотическое мирозерцание столкнулось с космополитическим революционным, которое имеет свою религию... и эта религия – культ революции... направленной на ниспровержение самих основ христианской гражданственности: Церкви, государства, собственности и семьи. Вся Европа втянута в круговорот этой борьбы, и школа сделана ее орудием...»; «...справедливость мысли, выраженной Лейбницем, что тот, кто держит в своих руках школу, тот держит мир... Следовательно, для прочного закрепления своих завоеваний им надо было захватить школу... Начинается дехристианизация школы под личиной превращения ее в светскую... Поход против религии ведется у нас также очень определенно и ясно...» [11, с. 72-75]. Вязигин видел в этом законопроекте об образовании ловкую идеологическую игру тех сил, которые готовят сценарий постепенной подготовки к захвату власти. Приводит пример Франции, говорит о об интеллигенции как источнике революционных идей. «Исключительный успех», «независимость взглядов, исторический кругозор... стройная система мыслей» [11, с. 70] говорят об его интеллектуальном уровне и политической подготовке.

При рассмотрении проблем народного просвещения сенаторы правого крыла Госсовета настаивали на защите привилегий русского языка и Православной церкви в этой области. По мнению консерваторов верхней палаты, «культивирование местных языков на средства государства трудно было бы оправдать с точки зрения государственных интересов [4, с. 170]. По мнению сенатора Д. Арсеньева, «если правительству удастся основать и укрепить народное просвещение на идеалах христианской веры и нравственности, то Россия будет спасена и исполнит свою миссию в человечестве!» [4, с. 170].

Правая группа поддерживала предложения о всемерном расширении начального образования. В то же время многие представители консервативного крыла считали более целесообразным тратить деньги на вооруженные силы и полицию или на другие надобности (церковные, дорожные, переселенческие, мелиоративные). Алексей Мосолов считал, что перед введением всеобщего обучения необходимо подготовить благонадежные кадры учителей [4, с. 170]. Крайне правые в Государственном совете возражали против открытия новых вузов. Так, сенатор князь Николай Касаткин-Ростовский предлагал в 1907 г. закрыть все университеты и создать вместо них один [4, с. 170].

Очередными вопросами, обсуждаемыми в III Государственной думе, были принятие сметы Синода и выделение Холмщины из состава Царства Польского с образованием особой самостоятельной Холмской губернии. Проект о выделении Холм-

щины отвечал самым насущным потребностям русских людей Холмщины: он защищал от полонизации вкрапленное в административный округ Польши русское население, лишал права рассматривать Холмщину как часть Польского края. На заседании Совета Холмского братства в октябре 1905 г. была создана специальная комиссия для выработки законопроекта о выделении Холмщины, и было решено отправить с этим проектом делегацию в Петербург во главе с епископом Евлогием. Но проект залежался, и его рассмотрение состоялось только в III Государственной думе [7, с. 188-190]. По словам самого епископа Евлогия, «Холмский законопроект волочился в комиссии без малого три года (1908–1911). Меня это удручало. Борьба в комиссии была упорная и длительная. Поляки тормозили обсуждение законопроекта, вдавались в бесконечные прения – это была настоящая обструкция. Левая часть была против меня независимо от того, правое или неправое дело я защищаю» [5, с. 197-206]. После убийства П. А. Столыпина, который поддерживал законопроект, епископу Евлогию и населению Холмщины казалось, что «надежда рухнула» [5, с. 206]. И это было бы действительно так, если бы преосвященный не принял решения заручиться поддержкой некоторых входивших в правительство персон и не начал бы пропагандировать законопроект вне стен Думы. Итак, епископ Евлогий поставил цель внедриться в петербургский светский круг, и именно там, он считал, должна решиться судьба законопроекта.

Против законопроекта была не только Дума и поляки, у «которых сказывался словный эгоизм» [5, с. 197], но и Православная церковь. Но этот проект был смыслом всей жизни преосвященного Евлогия, который хотел выделения Холмщины и постепенно заручался поддержкой таких видных иерархов того времени, членов Государственного совета, как архиепископ Николай Варшавский, архиепископ Флавиан Киевский, архиепископ Арсений Новгородский, а также архиепископ Антоний Волынский, епископ Анастасий – ректор Петербургской Духовной академии, епископ Антонин и др. [5, с. 198]. О Холмщине заговорили в прессе и общественных кругах [7, с. 191]. Это было сделано не без участия «пышно-пустой петербургской аристократии, которая была средоточием всевозможных политических, церковных и карьерных интриг» [5, с. 201]. Но после долгих переговоров с Председателем совета министров В. Н. Коковцовым он все же поручает товарищу министра внутренних дел Макарову представить Думе законопроект. Законопроект МВД «О выделении из состава губерний Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии» рассматривался в комиссии по направлению законодательных предложений в четвертую сессию Думы.

Выделение Холмщины, по мнению большинства комиссии, должно было рассматриваться как первый шаг в ряду системы мероприятий культурного и экономического характера, в основу которых должно было лечь сознание местными деятелями сверху донизу принадлежности большинства населения Холмщины к русской национальности и необходимости твердой и последовательной национальной политики [7, с. 195]. В комиссии было всего четыре клирика, которые составляли 12% от общего числа членов комиссии. Это были члены фракции правых: протоиерей К. Н. Добромыслов, епископ Евлогий, протоиерей А. А. Попов 1-й, протоиерей К. Н. Рознатовский [12, с. 34].

На вопрос о цели выделения Холмской Руси из состава «чуждой ей Польши»

черносотенец епископ Евлогий ответил «прямо и коротко»: «...это необходимо для спасения погибающей там русской народности». После восьмидневного обсуждения переход к поштатейному чтению проекта был принят 154 голосами против 107. В результате большинством голосов (150 против 105) было одобрено предложение фон Анрепа исключить слова, говорящие о выделении Холмщины из состава Царства Польского. Затем большинством всего в четыре голоса (139 против 135) было принято предложение подчинить новую губернию варшавскому губернатору, а не министру внутренних дел. Фракция националистов потребовала повторного голосования [7, с. 202, 218], но в результате было принято решение подчинить новую губернию министру внутренних дел.

По словам епископа Евлогия, в третьем чтении законопроект был одобрен: «Голосование... Левые, поляки, инородцы голосовали против; некоторые левые октябристы до вотума из зала исчезли; остальные октябристы в подавляющем большинстве и вся правая сторона Думы голосовали за законопроект. Он прошел почти 50–60 голосами. Аплодисменты, приветствия... все меня поздравляют» [5, с. 209]. Если же быть точнее, то законопроект был принят перевесом в 48 голосов, а не 50–60, как это подчеркивает епископ в своих мемуарах. Впоследствии законопроект был одобрен Государственным советом и Высочайше утвержден.

По мнению митрополита Евлогия (Георгиевского), принятие законопроекта было благом для народа Холмской губернии. По мнению исследователя церковных вопросов протоиерея Владимира Рожкова, принятие законопроекта было положительным результатом работы преосвященного в Думе и отвечало требованиям времени и чаяниям народа. На самом же деле образование Холмской губернии из входивших в царство Польское Люблинской и Седлецкой губерний создало новые проблемы для польского, еврейского, украинского и русского населения региона [13].

Националистические настроения в речах правомонархистов на кафедре Таврического дворца прослеживаются по вопросу о Финляндии. Оппозиционная пресса писала: «На трибуну вскарабкалось „чудище обло, стозевно, озорно, огромно и лаяй...“... Пошли черные серяки земли русской, калеки переходящей мысли, заики слова...» [13].

Ярким представителем правых был депутат В. М. Пуришкевич, который с трибуны произнес: «Финляндия, выросшая под покровительством русского двуглавого орла, обязана всем своим благоденствием России, эта Финляндия отплатила ей черной неблагодарностью, а, по гражданским правам, в случае неблагодарности одаренного дар возвращается дарителю, и этот дар должен быть возвращен дарителю...» [11, с. 278]. «Мы имеем „пороховой погреб“, – продолжал Пуришкевич, – ...обнаглевший до последней степени инородец посягает на наше историческое будущее, посягает на наше могущество... да будет этот финляндский вопрос предостережением в будущем – что у нас нет системы управления Кавказом, нет системы управления Польшей, нет системы управления Финляндией...» [11, с. 279-280]. В завершение своей пространной речи депутат парировал: «...все русские окраины мы не можем поставить под одну черту с Финляндией; все зависит от понимания ими наших государственных задач и долга присяги...» [11, с. 283]; «...этот вопрос является экзаменом нашей государственной зрелости...» [11, с. 285].

Список литературы:

1. ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 142. Л. 6.
2. Русское Православие. Вехи истории / Науч. ред. А. И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
3. Аврех А. Я. III Дума и начало кризиса третьиюньской системы (1908–1909) // Исторические записки. 1955. – № 53. – С. 68.
4. Демин В. А. Верхняя палата Российской империи 1906-1917 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 376 с.
5. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: воспоминания. М.: Московский рабочий, 1994. – 619 с.
6. Ропп А.Н. Что сделала третья Государственная дума для народного образования? СПб., 1912. 254 с.
7. Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной Думе. – М: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – 560 с.
8. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва (1907-1912). Ч. 2. СПб., 1912. Приложение 12. – С. 352-403.
9. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. Ч. I.
10. Государственная дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия IV. Ч. I.
11. Ораторы России в Государственной думе. 1907–1917. Т. II. СПб., Издательство: СЗАГС, Образование-Культура, 2004. – 400 с.
12. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Ч. I–III. Созыв III. Сессия. I. СПб., 1907-1908.
13. Зорин В. Ю. Национальный вопрос в Государственных думах России (опыт законотворчества) / В. Ю. Зорин, Д. А. Аманжолова, С. В. Кулешов, М.: Русский мир, 1999. – 504 с.

Ivakin G.A. Legislative activities of the right-wing monarchists in the state дума and the state council in 1907–1912 (part II) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 11-19.

The article deals with the legislative activities of the right-wing monarchists from 1907 to 1912 – in the period of work of the State Duma III and the State Council of the Russian Empire. The legislative activity of the Orthodox clergy is considered. A tandem of the right-wing monarchists and Orthodox clergy is celebrated. Particularly analyzed are the bills and their discussion on the issues of socio-economic and public nature. On the basis of the presented archival documents, the complex material condition of the peasantry, the problem of drunkenness in the Russian Empire are noted, the issues in the field of education and agrarian policy are highlighted. Also, the documents related to the Russia's foreign policy activities in this period were not left without attention. A sharp controversy was caused by the issue of granting the right to freedom of preaching to all confessions of the Empire, during the discussion of which the right-wing deputies and the clergy acted unitedly and did not approve the bill.

Key words: legislative activity, parliamentarism, clergy, Emperor Nicholas II, State Duma of the Russian Empire, State Council of the Russian Empire, Black Hundreds, right-wingers, right-wing monarchism, religious commission, Old Believers, Union of October 17, Orthodox Church, religious bills.

Spisok literatury:

1. GA RF. F. 116. Op. 1. D. 142. L. 6.
2. Russkoe Pravoslavie. Vekhi istorii / Nauch. red. A. I. Klibanov. – М.: Politizdat, 1989. – 719 s.
3. Avrek A. YA. III Duma i nachalo krizisa tret'eiyun'skoj sistemy (1908–1909) // Istoricheskie zapiski. 1955. – № 53. – S. 68.
4. Demin V. A. Verhnyaya palata Rossijskoj imperii 1906-1917 gg. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2006. – 376 s.
5. Evlogij (Georgievskij), mitropolit. Put' moej zhizni: vospominaniya. M.: Moskovskij rabochij, 1994. 619.
6. Ropp A. N. CHto sdelala tret'ya Gosudarstvennaya дума dlya narodnogo obrazovaniya? SPb., 1912. – 254
7. Rozhkov V., protoierej. Cerkovnye voprosy v Gosudarstvennoj Dume. – M: Izdatel'stvo Krutickogo podvor'ya. Obshchestvo lyubitelej cerkovnoj istorii, 2004. – 560 s.
8. Obzor deyatel'nosti Gosudarstvennoj dumy tret'ego sozyva (1907-1912). CH. 2. SPb., 1912. Prilozhenie 12. – S. 352-403.
9. Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. Sozyv III. Sessiya II. CH. I.
10. Gosudarstvennaya дума. Sozyv III. Stenograficheskie otchety. Sessiya IV. CH. I.
11. Oratory Rossii v Gosudarstvennoj dume. 1907–1917. T. II. SPb., Izdatel'stvo: SZAGS, Obrazovanie-Kul'tura, 2004. – 400 s.
12. Gosudarstvennaya дума. Ukazatel' k stenograficheskim otchetam. CH. I–III. Sozyv III. Sessiya. I. SPb., 1907-1908.
13. Zorin V. YU. Nacional'nyj vopros v Gosudarstvennyh dumah Rossii (opyt zakonotvorchestva) / V. YU. Zorin, D. A. Amanzholova, S. V. Kuleshov, M.: Russkij mir, 1999. – 504 s.

УДК: 34.096

ВОПРОСЫ СООТВЕТСТВИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ, НАУЧНОЙ ДОКТРИНЫ И ПРАКТИКИ

Костян О. А.

Высшая школа права ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

В статье приводятся ключевые определения инвестиций, закрепленные на уровне федерального законодательства. Выбранные и изученные с учетом сферы их регулирования определения разнятся в перечне объектов инвестирования, и потому возникает вопрос относительно инвестиционного характера банковских вкладов. Как следствие, в статье исследуются и обосновываются противоположные точки зрения относительно инвестиционного характера банковских вкладов (депозитов): с одной стороны, по общему правилу банковская практика относит их к разновидности сбережений, выделяя инвестиционные вклады в отдельную разновидность комплексных банковских продуктов; с другой стороны, в научной и учебной юридической литературе они приводятся в пример инвестиций в силу их принадлежности к финансовым инструментам и получения процентного дохода. В результате проведенного исследования обоснована необходимость обновления инвестиционного законодательства в части исключения устаревших норм и объединения морально устаревших актов в новый Федеральный закон, действие которого будет распространяться на всю совокупность инвестиционных отношений.

Ключевые слова: инвестиции, банковский вклад (депозит), капитальные вложения, сберегательный (депозитный) сертификат, сбережения.

В научной юридической литературе для определения понятия «инвестиции» приводят в пример определение инвестиций из ст. 1 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее: ФЗ «О капвложениях»): «инвестиции — денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта» [1]. Однако капитальные вложения представляют собой только один из видов инвестиций. Согласно ст. 1 ФЗ «О капвложениях» капитальными вложениями являются инвестиции в основной капитал (например, в здания и сооружения (инвестиции в строительство, реконструкцию, модернизацию), в машины и оборудование (в техническое перевооружение, приобретение инвентаря), в объекты интеллектуальной собственности и др.). Инвестиции в основной капитал являются разновидностью инвестиций в нефинансовые активы (реальные инвестиции). Согласно данным Росстата начиная с 2015 г. на долю капитальных вложений (без учета инвестиций субъектов малого предпринимательства и ненаблюдаемых прямыми статистическими методами инвестиции) приходится более 98% от общего объема инвестиций в нефинансовые активы; оставшийся объем инвестиций приходится на инвестиции в произведенные нефинансовые активы [2, с. 40], которые хотя и не являются результатом производства, но являются необходимыми для производства объектами (Например: земля, животные, полезные ископаемые, гудвилл (оценка деловой репутации компании, рассчитываемая как разница между рыночной и балансовой стоимостями компании). Помимо реальных инвестиций в классификацию инвестиций в зависимости от объекта вло-

жения входят также финансовые инвестиции, объектами которых являются финансовые инструменты (денежные средства, основные и производные ценные бумаги). Исходя из данной классификации, действие ФЗ «О капвложениях» распространяется только на часть реальных инвестиций. Другим действующим законом (действует в части норм, не противоречащих ФЗ «О капвложениях»), регулирующим всю совокупность инвестиционных отношений, является Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (далее: Закон РСФСР №1488-1). Ст. 1 Закона РСФСР № 1488-1 дает следующее определение инвестиций: «Инвестициями являются денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта» [3]. Как следствие, существенных различий между определениями понятия «инвестиции» в ФЗ «О капвложениях» и Законе РСФСР №1488-1 нет, с той лишь разницей, что определение из федерального закона более полно отражает цели инвестиций и содержит перечисление объектов инвестиций в более обобщенном виде. В отличие от объектов инвестирования, закрепленных в определении Закона РСФСР № 1488-1, в ФЗ «О капвложениях» не упоминаются *целевые банковские вклады*. В результате возникают следующие вопросы: «Существуют ли в настоящее время целевые банковские вклады?» и «Относятся ли банковские вклады к инвестициям?».

Современное законодательство не выделяет целевые банковские вклады в специфичный вид банковских вкладов. Согласно статье 837 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) существует открытый перечень условий выдачи (возврата) банковских вкладов: по требованию, по стечению определенного договором срока и на иных не противоречащих закону условиях. К таким условиям относятся: возможность частичного снятия или пополнения вклада, открытие вклада в иностранной валюте, вклад в пользу третьих лиц и проч. Согласно ст. 842 ГК РФ вклад может быть внесен на указанное в договоре банковского вклада третье лицо (на гражданина или юридическое лицо), которое может истребовать денежные средства с этого вклада, однако до момента выражения этим лицом намерения воспользоваться вкладом правами вкладчика может воспользоваться лицо, заключившее договор банковского вклада [4]. Получается, что банки могут предлагать договоры на открытие целевого банковского вклада (например, целевой вклад на ребенка, который становится получателем вклада по достижении определенного возраста, или накопительные программы: накопление определенной суммы благодаря регулярно пополнению вклада и проч.), а значит, целевые банковские вклады существуют, но их уже не выделяют в особый вид вкладов, относящихся к инвестициям. Означает ли это, что все банковские вклады относятся к инвестициям? Ответ на данный вопрос отличается неоднозначностью мнений.

С одной стороны, предлагая оформить своим клиентам банковский вклад (депозит), кредитные организации относят их в раздел «Сбережения», а к «Инвестициям» относят вложения в паевые фонды, в коммерческую недвижимость, открытие брокерского или индивидуального инвестиционных счетов, доверительное управление и проч. Также в банках предлагается для оформления отдельная разновидность вкладов — инвестиционные вклады, которые возможно оформить благодаря откры-

тому перечню условий договора банковского вклада (ст. 837 ГК РФ) [4]. Значит, по общему правилу вклады не относят к инвестициям, но имеются не противоречащие закону исключения, такие как комплексные банковские продукты, совмещающие в себе характеристики классического вклада и инвестиционных вложений — инвестиционные вклады. Инвестиционная составляющая таких вкладов заключается в распределении денежных средств клиента между банковским вкладом и накопительным продуктом (чаще всего страховым) или между банковским вкладом и вложением в предлагаемый перечень ценных бумаг, благодаря своей инвестиционной составляющей такие вклады могут принести бóльший доход, чем классические вклады, однако такие вложения сопровождаются бóльшим риском и на их инвестиционную составляющую не распространяется ФЗ «О страховании вкладов». Депозиты представляют собой аналогичный вкладу банковский продукт, предназначенный для оформления юридическими лицами. (Согласно п. 2.9 главы 2 Инструкции Банка России от 30.06.2021 № 204-И «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)» вклады предназначены для открытия физическими лицами, а депозиты — юридическими [5].)

Таким образом, банковская практика показывает, что в общем виде вклады (депозиты) не являются инвестициями, поскольку сами банки предлагают их своим клиентам как разновидность сбережений и накоплений. Глава VI Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее: ФЗ «О банках и БД») относит вклады, сберегательные и депозитные сертификаты к сберегательному делу: согласно ч.1 ст. 36 ФЗ «О банках и БД» банковские вклады представляют собой денежные средства, размещаемые на банковских счетах для хранения и получения дохода [6], тогда как инвестиции предполагают вложения в объекты предпринимательской и (или) иного вида деятельности — достаточно ли этого основания, чтобы вклады не считались инвестициями? Да, поскольку несоответствие одному из критериев законодательного определения (с учетом того, что в этом определении отсутствует указание на взаимоисключение условий) влечет за собой вывод о том, что вклады не относятся к инвестициям. Однако действие ФЗ «О капвложениях» не распространяется «на отношения, связанные с вложениями инвестиций в кредитные и страховые организации, на инвестиции через инвестиционные платформы и на привлечение денежных средств для долевого строительства недвижимости, поскольку эти отношения регулируются соответствующими законами (согласно ч. 2 ст. 2 ФЗ «О капвложениях») [1], а значит, банковские вклады (депозиты) и не могут попасть под определение инвестиций в ФЗ «О капвложениях». Но несмотря на указание ч. 1 ст. 2 ФЗ «О капвложениях» о том, что действие акта «распространяется на отношения, связанные с инвестиционной деятельностью, осуществляемой в форме капитальных вложений» [1], он остается базовым специальным нормативным правовым актом, регулирующим инвестиционные отношения и определение «инвестиций» в научной юридической литературе чаще всего приводится именно из ФЗ «О капвложениях».

С другой стороны, в статистическом сборнике Федеральной службы государственной статистики (Росстат) «Инвестиции в России», публикуемом раз в 2 года, даются методологические пояснения, в которых определение понятия «Финансовые вложения организаций» указывает, что вклады (депозиты) организаций относятся к

инвестициям [2, с. 150]. (В сборнике приводится информация только по вложениям юридических лиц).

В научной и учебной литературе вложения в банковские вклады (депозиты) приводят как пример инвестиций [7, с. 37; 8, с. 28; 9, с. 8, 10]. Поскольку банковские вклады (депозиты) являются финансовыми инструментами, их указывают в качестве примера финансовых инвестиций, но при этом теми же авторами финансовые инвестиции определены как операции с ценными бумагами, поэтому приведение в пример банковских депозитов выглядит необоснованным. Некоторые авторы разделяют финансовые инвестиции на портфельные (инвестиции в ценные бумаги) и прочие, относя вклады и депозиты к прочим финансовым инвестициям и обосновывая их инвестиционную составляющую последующим предоставлением кредитов другим клиентам банка [10, с. 17] (получается, что авторы рассматривают вклады (депозиты) как вложения в банковскую деятельность, поскольку банк выплачивает вкладчику проценты за пользование денежными средствами, находящимися на вкладе (депозите), хотя вкладчик имеет своей целью сохранение своих накоплений и получение дохода, но не вложения в объекты банковской деятельности). В силу сравнительно меньшего риска при оформлении банковских вкладов и отсутствия участия вкладчика в приросте их стоимости банковские вклады (депозиты) относят и к пассивному инвестированию [8, с. 28], поскольку инвестор-вкладчик только ожидает оговоренного заранее дохода по вкладу, тогда как банк использует полученные средства в своей деятельности, в том числе инвестиционной. Следовательно, банковский вклад можно отнести к косвенным инвестициям, однако к перечню косвенных инвестиций авторы относят только ценные бумаги (например, акции). Внесенные на вклад или депозит денежные средства могут быть оформлены именной документарной ценной бумагой — сберегательным или депозитным сертификатом (далее: сертификат), однако такая банковская услуга хотя и предусмотрена действующим законодательством [4; 6; 11; 12], является малораспространенной (см. Таблица 1) и всё меньше предлагается кредитными организациями. (Прим.: до 1 июня 2018 г. оформлялись как именные, так и предъявительские сберегательные (депозитные) сертификаты, которые давали возможность передачи вклада иному лицу. С одной стороны, эта ценная бумага на предъявителя давала возможность простой передачи сертификата в качестве подарка, а с другой — не требовала обоснования и могла иметь коррупционное или мошенническое основание, тогда как именной сертификат идентичен вкладу по своим условиям и в соответствии со ст. 844 ГК РФ подлежит страхованию как любой банковский вклад, соответствующий требованиям ст. 5 Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» [4], но требует от кредитной организации соблюдения требований по оформлению и регистрации сертификата как ценной бумаги).

Таблица 1. Объемы денежных средств, привлеченных кредитными организациями во вклады (депозиты) и объемы выпущенных сберегательных (депозитных) сертификатов и их соотношения в 2018–2022 (составлено автором по данным статистики ЦБ РФ [13])

Показатели деятельности кредитных организаций (млн. руб.)	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022
Вклады (депозиты) физических лиц	25 987 406	28 460 229	30 549 014	32 834 229	34 694 763
Объем выпущенных кредитными организациями сберегательных сертификатов	387 774	151 284	32 935	12 105	5 287
Депозиты и проч. привлеченные средства юр. лиц (кроме кредитных организаций)	17 900 432	21 651 970	21 683 994	24 406 748	29 832 309
Объем выпущенных кредитными организациями депозитных сертификатов	526	66	3687	862	7

Обратившись к иностранному законодательству, также можно найти обе позиции относительно инвестиционного характера банковских вкладов (депозитов). Например, в соответствии со статьей L214-20 Валютно-финансового кодекса Франции (Code monétaire et financier) депозиты, внесенные во французские или иностранные кредитные организации, являются разновидностью активов лицензированных агентств по коллективным инвестициям (в соответствии с директивой 2009/65/СЕ Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 года) [14]. Противоположный вывод о том, что банковские вклады (депозиты) не относятся к инвестициям можно сделать из ст. 1 гл. 1 Закона Египта от 31.05.2017 № 72 «Об инвестициях», регулирующего местные и иностранные инвестиции на территории Арабской Республики Египет, которая определяет инвестиции как использование денег для создания, расширения, развития, финансирования, содержания или управления инвестиционным проектом, в целях всестороннего и устойчивого развития государства [15]. В качестве основных категорий инвестиционных продуктов Управление по образованию и защите интересов инвесторов Комиссии по ценным бумагам и биржам США (The United States Securities and Exchange Commission, SEC) (далее: КЦББ США) выделяет операции на фондовом рынке, вложения в паевые инвестиционные фонды, взаимные фонды и страховые продукты, предполагающие переменный аннуитет (периодические выплаты по наступлению страхового случая или оговоренной в договоре страхования даты), противопоставляя инвестиционные продукты застрахованным в Федеральной корпорации по страхованию вкладов (Federal Deposit Insurance Corporation, FDIC) депозитам. КЦББ США определяет инвестирование как вовлечение в деятельность, которая подвергает деньги риску с целью получения прибыли [16]. Статья 2 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» закрепляет перечень отношений, на которые действие данного акта не распространяется и в их числе: «предоставление займов, кредитов и их возврат, размещение банковских вкладов (депозитов)» [17]. В отличие от российского ФЗ «О капитальных вложениях» данный закон распространяется на всю совокупность инвестиционных

отношений и однозначно указывает на неинвестиционную природу кредитов и депозитов.

Таким образом, обе позиции относительно инвестиционного характера вкладов (депозитов) имеют свое обоснование, и возникает вопрос о соответствии определенных понятия «инвестиции» в ФЗ «О капвложениях» и в действующем Законе РСФСР № 1488-1, который относит целевые банковские вклады к отдельному объекту инвестирования. В результате считаю необходимым внести ясность в определение инвестиций или уточнить перечень объектов инвестирования. Отсутствие единства в законодательном определении «инвестиции» отмечают и правоведы [18, с. 8; 19]. В своей изначальной редакции Закон РСФСР № 1488-1 в определении «инвестиций» также содержал указание на лицензии как на объект инвестиционных вложений. Текущая шестая редакция 2017 года является действующей и содержит ряд указаний на законодательство Российской Федерации: например, в п. 2 ст. 6 содержится отсылка на законодательство Российской Федерации в отношении лицензирования и сертифицирования соответствующих видов деятельности (тогда как ранее этот вопрос относился к введению Советов Министров РСФСР и республик в составе РСФСР) [3]. Тем не менее в большинстве норм содержится указание на РСФСР и упраздненные государственные органы. В текущей редакции данного закона имеется указание, что он утратил силу в части норм, противоречащих Федеральному закону от 25.02.1999 № 39-ФЗ, однако суды продолжают на него ссылаться: например, в Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 01.12.2021 № Ф10-4311/2021 по делу № А84-7219/2020 имеется указание на применение законодательства об инвестициях, а именно на статьи, содержащие перечни прав инвесторов — упоминаются не только статья 6 ФЗ «О капвложениях», но и статья 5 Закона РСФСР № 1488-1 [20]. Примечательно, что статья 5 Закона РСФСР № 1488-1 содержит положения об общих правах инвесторов, применимых к любому виду инвестиционной деятельности, однако имеет указания на законодательство РСФСР [3]. Хотя статьи и похожи: например, в статье 6 ФЗ «О капвложениях» говорится о правах инвестора на владение, пользование и распоряжение объектами капитальных вложений и результатами такого инвестирования [1], в п. 5 статьи 5 Закона РСФСР № 1488-1 также говорится об этих правах, причем применительно к любому виду инвестирования, но имеется и уточнение: «в том числе осуществлять торговые операции и реинвестирование на территории РСФСР, в соответствии с законодательными актами РСФСР и республик в составе РСФСР» [3]. Безусловно, в настоящее время под этими актами подразумевается законодательство Российской Федерации, однако в большинстве норм данного Закона РСФСР такого указания нет, что, по-моему, означает необходимость его переиздания в виде систематизированной совокупности норм инвестиционного законодательства в новом законе.

Необходимость формирования нового федерального закона обусловлена тем, что в случае отмены Закона РСФСР № 1488-1 основным специальным актом в сфере инвестиционных отношений станет Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (ФЗ «О капвложениях»), который не охватывает все виды инвестиций, тогда как Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (Закон РСФСР № 1488-1) направлен на общее регулирование различных инвестиционных отношений. Также считаю целесообразным вклю-

чение норм ФЗ «О капвложениях» в новый закон и последующую отмену старого закона во избежание многочисленного дублирования схожих норм. Однако именно ФЗ «О капвложениях» может быть основой нового закона, поскольку он структурированно охватывает правовые, экономические и регулятивные основы инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (ред. от 14.03.2022; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации 01.03.99, № 9, ст.1096;
2. Инвестиции в России. 2021: Стат.сб./ Росстат. — М., 2021. — 273 с.;
3. Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (ред. от 26.07.2017; утратил силу в части норм, противоречащих Федеральному закону от 25.02.1999 № 39-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 18.07.1991, № 29, ст. 1005;
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410;
5. Инструкция Банка России от 30.06.2021 № 204-И «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.08.2021 № 64669) // Вестник Банка России, 01.09.2021, № 61;
6. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 16.04.2022; с изм. и доп., вступ. в силу с 03.07.2022) // Собрание законодательства РФ, 05.02.1996, № 6, ст. 492;
7. Инвестиционное право + Приложение: Тесты. : учебник / А.П. Альбов, С.В. Николокин, Л.И. Гончаренко [и др.] ; под ред. Г.Ф. Ручкиной. — Москва : КноРус, 2021. — 429 с.;
8. Терехова, Е.В., Инвестиционное право: публично-правовые аспекты : учебное пособие / Е.В. Терехова. — Москва : Русайнс, 2022. — 309 с.;
9. Черноусенко, А.И., Инвестиции. : учебное пособие / А.И. Черноусенко, В.И. Зозуля, Н.А. Хрусталёва, ; под ред. М.В. Чиненова. — Москва : КноРус, 2021. — 365 с.;
10. Киселева О.В. Инвестиционный анализ : учебное пособие / Киселева О.В., Макеева Ф.С. — Москва : КноРус, 2022. — 246 с.;
11. Положение Банка России от 03.07.2018 № 645-П «О сберегательных и депозитных сертификатах кредитных организаций» // Вестник Банка России, 12.12.2018, № 88 (2042);
12. Информационное письмо Банка России от 11.09.2020 № ИН-06-59/130 «О паспортизации финансовых продуктов» // Вестник Банка России, 23.09.2020, № 73 (2209);
13. Показатели деятельности кредитных организаций / Сайт Банка России. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/pdko_sub/ (дата обращения: 13.06.22);
14. France Code monétaire et financier (Dernière mise à jour des données de ce code : 18 juin 2022) / Légifrance (Le service public de la diffusion du droit). — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (date of application: 03.07.2022);
15. Egypt Investment Law No. 72 of 2017 / UNCTAD Division on Investment and Enterprise // <https://investmentpolicy.unctad.org> (дата обращения: 22.06.2022)
16. Investor.gov / The U.S. Securities and Exchange Commission. — URL: <https://www.investor.gov> (date of application: 06.07.2022);
17. Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (в ред. Закона Республики Беларусь от 05.01.2022 № 149-З) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 19.07.2013, № 2/2051;
18. Кутепов, О.Е., Публично-правовое регулирование инвестиционной деятельности : монография / О.Е. Кутепов, С.П. Казакова. — Москва : Юстиция, 2021. — 168 с.;
19. Шпинев, Ю. С. К вопросу об определении понятия инвестиции в законодательстве и науке / Ю. С. Шпинев // Вестник Костромского государственного университета. — 2020. — Т. 26. — № 2. — С. 217-223. — DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-217-223. — EDN RTIOIW;
20. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 01.12.2021 № Ф10-4311/2021 по делу № А84-7219/2020 / Информационная система «Картотека арбитражных дел». — Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/4a4b2953-2141-42af-b447-41bb24dc275d> (дата обращения: 24.05.2022).

Kostyan Oxana A. Issues of investments' legislative definition compliance with scientific doctrine and practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2022. — Т. 8 (74). № 4. — P. 20-27.

The article quotes the key definitions of investments, fixed at the level of federal legislation. Definitions, chosen and studied due to their regulation scope, differ in the list of investment objects, and therefore a question about bank deposits' investment nature is raised. As a consequence, the article explores and substantiates the opposite points of view regarding the investment nature of bank deposits: on the one hand, as a general rule, banking practice classifies them as a type of savings, allocating investment deposits into a specific type of complex banking products; on the other hand, in scientific and educational legal literature, they are listed as an example of investments due to its belonging to financial instruments and receiving interest income. As a result of the conducted research, the necessity of updating investment legislation in terms of eliminating outdated norms and combining obsolete acts into a new Federal Law, the effect of which will apply to the entire set of investment relations, is justified.

Keywords: investments, bank deposit, capital investments, certificates of deposits, savings.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 25.02.1999 № 39-FZ «Ob investicionnoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii, osushhestvljaemoj v forme kapital'nyh vložhenij» (red. ot 14.03.2022; s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2022) // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* 01.03.99, № 9, st.1096.
2. Investicii v Rossii. 2021: Stat.sb./ Rosstat. — M., 2021. — 273 s.
3. Zakon RSFSR ot 26.06.1991 № 1488-1 «Ob investicionnoj dejatel'nosti v RSFSR» (red. ot 26.07.2017; utratil silu v chasti norm, protivorechashhih Federal'nomu zakonu ot 25.02.1999 № 39-FZ) // *Vedomosti SND i VS RSFSR*, 18.07.1991, № 29, st. 1005.
4. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja)» ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 01.07.2021; s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 29.01.1996, № 5, st. 410.
5. Instrukcija Banka Rossii ot 30.06.2021 № 204-I «Ob otkrytii, vedenii i zakrytii bankovskih schetov i schetov po vkladam (depozitam)» (Zaregistrirvano v Minjuste Rossii 18.08.2021 № 64669) // *Vestnik Banka Rossii*, 01.09.2021, № 61.
6. Federal'nyj zakon ot 02.12.1990 № 395-1 «O bankah i bankovskoj dejatel'nosti» (red. ot 16.04.2022; s izm. i dop., vstup. v silu s 03.07.2022) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 05.02.1996, № 6, st. 492.
7. Investicionnoe pravo + Prilozhenie: Testy. : uchebnik / A.P. Al'bov, S.V. Nikoljukin, L.I. Goncharenko [i dr.] ; pod red. G.F. Ruchkinov. — Moskva : KnoRus, 2021. — 429 s.
8. Terehova, E.V., Investicionnoe pravo: publichno-pravovye aspekty : uchebnoe posobie / E.V. Terehova. — Moskva : Rusajns, 2022. — 309 s.
9. Chernousenko, A.I., Investicii. : uchebnoe posobie / A.I. Chernousenko, V.I. Zozulja, N.A. Hrustal'jova, ; pod red. M.V. Chinenova. — Moskva : KnoRus, 2021. — 365 s.
10. Kiseleva O.V. Investicionnyj analiz : uchebnoe posobie / Kiseleva O.V., Makeeva F.S. — Moskva : KnoRus, 2022. — 246 s.;
11. Polozhenie Banka Rossii ot 03.07.2018 № 645-P «O sberegatel'nyh i depozitnyh sertifikatah kreditnyh organizacij» // *Vestnik Banka Rossii*, 12.12.2018, № 88 (2042).
12. Informacionnoe pis'mo Banka Rossii ot 11.09.2020 № IN-06-59/130 «O pasportizacii finansovyh produktov» // *Vestnik Banka Rossii*, 23.09.2020, № 73 (2209).
13. Pokazateli dejatel'nosti kreditnyh organizacij / Sajt Banka Rossii. — Rezhim dostupa: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/pdco_sub/ (data obrashhenija: 13.06.22).
14. France Code monétaire et financier (Dernière mise à jour des données de ce code : 18 juin 2022) / Légifrance (Le service public de la diffusion du droit). — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (date of application: 03.07.2022).
15. Egypt Investment Law No. 72 of 2017 / UNCTAD Division on Investment and Enterprise // <https://investmentpolicy.unctad.org> (data obrashhenija: 22.06.2022).
16. Investor.gov / The U.S. Securities and Exchange Commission. — URL: <https://www.investor.gov> (date of application: 06.07.2022).
17. Zakon Respubliki Belarus' ot 12 ijulja 2013 g. № 53-Z «Ob investicijah» (v red. Zakona Respubliki Belarus' ot 05.01.2022 № 149-Z) // *Nacional'nyj reestr pravovyh aktov Respubliki Belarus'*, 19.07.2013, № 2/2051;
18. Kutepov, O.E., Publichno-pravovoe regulirovanie investicionnoj dejatel'nosti : monografija / O.E. Kutepov, S.P. Kazakova. — Moskva : Justicija, 2021. — 168 s.
19. Shpinev, Ju. S. K voprosu ob opredelenii ponjatija investicii v zakonodatel'stve i nauke / Ju. S. Shpinev // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2020. — T. 26. — № 2. — S. 217-223. — DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-217-223. — EDN RTIOIW.
20. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga ot 01.12.2021 № F10-4311/2021 po delu № A84-7219/2020 / Informacionnaja sistema «Kartoteka arbitraznyh del». — Rezhim dostupa: <https://kad.arbitr.ru/Card/4a4b2953-2141-42af-b447-41bb24dc275d> (data obrashhenija: 24.05.2022).

УДК 345.5

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ХОЛЕРЫ В ФИНЛЯНДИИ В 1831 Г. (Ч. 2)

Клименко П. М., Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Данная статья посвящена продолжению изучению и освещению проблемы организационно-правовых мер борьбы с распространением холеры в Финляндии в 1831 г. Указано, что в ходе второй пандемии холеры в Европе данное заболевание распространилось в центре и на севере континента, затронув страны и территории, ранее не подверженные данной болезни.

Основными путями распространения данной болезни, как и многих других в данный период, являлись морские, что делало государства с существенной морской границей и торговыми портами в наиболее опасное положение. В отдельных регионах болезнь распространялась и сухопутными путями.

С целью предотвращения дальнейшего распространения холеры и вызванных пандемией в 1830-1831 гг. случаев общественного возмущения предпринимались меры организационно-правового, лечебного и профилактического характера предусмотренные карантинным уставом 1818 г. Однако, основные нормы данного нормативного акта были разработаны с опорой на деятельность карантинных учреждений, в основном имеющих лишь на юге Российской империи. Важнейшими же нормативными актами в Великом княжестве Финляндском в этом направлении стали специально разработанные объявления «О нужных мерах предосторожности от заразы холера морбусть» и «Наставление о мерах предосторожности от эпидемической болезни холеры, равно о способах к излечению и прекращению дальнейшего распространения сей язвы» 1831 г.

Ключевые слова: холера, распространение, Финляндия, нормативно-правовой акт, организационно-правовые меры.

Как указывалось, в первой части нашей статьи, в данной публикации мы обратимся к отдельным аспектам организации борьбы с холерой в Великом княжестве Финляндском в 1831 г.

Напомним, что вторая пандемия холеры 1830-1831 гг. унесла множество жизней во всей Европе, Российской империи. Основными ее движителями, как и прежде, стало перемещение населения (занесение болезни на торговых судах, при передвижении пеших групп людей).

Холера впервые попала в Финляндию в 1831 г. в рамках второй пандемии холеры, как принято считать, через Прибалтику [1]. По разным данным в этот период в Финляндии погибло от болезни не менее 600-700 человек [2].

С самого начала появления эпидемии финляндский Сенат приказал Андерсу Фальку, занимавшего пост в экономическом департаменте, возглавить непростую борьбу с эпидемией холеры.

В это время врачей и больниц в стране было мало, о борьбе с опасным заболеванием также знали немного. Известно было только, что она передавалась от человека к человеку. Разработанная «Инструкция» А. Фалька, рекомендовала пострадавшим ходить в нагретую сауну, массировать себя, отдыхать и потеть на банных лавках, тепло одеваться после бани, каждое воскресенье читались прихожанам с кафедры и вывешивались в публичных местах.

Здесь, очевидно, следует отдельно указать, что Финляндия не была затронута первой пандемией холеры (1814-1824 гг.), т.к. в Европе она затронула лишь Средиземноморье, а потому, как и для всей Российской империи пандемия 1830-1831 гг. стала первой [3, с. 259-288].

Конечно, определенный опыт борьбы с эпидемическими болезнями в России к тому времени уже был накоплен. О об этом свидетельствует создание и весьма активное действие системы карантинных учреждений [4]. В тоже время, данные учреждения в первую очередь защищали Причерноморье, т.к. север страны считался относительно безопасным.

Достаточно сложно такой подход назвать беспечным, т.к., в наиболее сложное эпидемиологическое время в этот период все необходимые суда проходили карантин еще на входе в Балтийское море, обычно в Кристианзанде. Если суммировать время подхода парусных судов к установленным карантинам, а также время обсервации, то можно уверенно утверждать, что данного периода вполне хватало для выявления большинства инфекционных болезней, инкубационный период которых был значительно меньше.

Появление же болезни в Финляндии могло произойти лишь по двум причинам: а) нарушение карантина для торговых судов; б) занесение ее сухопутным путем.

Можно также указать на то, что действовавший в данный период карантинный устав Российской империи 1818 г., хотя и не учитывал последних научных достижений, однако даже и при его соблюдении, хотя бы в части обсервации, мог весьма содействовать сдерживанию эпидемий. Существенным же его недостатком следует считать весьма низкий уровень мер, предписанных для предотвращения эпидемических болезней среди населения [5, с. 37-38].

В основном нормативном акте, посвященном проблеме борьбы с эпидемией – «Наставление о мерах предосторожности от эпидемической болезни холеры, равно о способах к излечению и прекращению дальнейшего распространения сей язвы», так как данная болезнь еще не являлась в полной мере изученной, публиковались известные на тот момент сведения, в которые также входили «О свойстве болезни» и «Причины, способствующие распространению холеры» [6, с. 89-90].

В губерниях, где обнаружилась холера, считающиеся до прекращения пандемии, как выше указано, должны быть оцеплены кордоном, который, смотря по местным обстоятельствам, разделяется таким образом, что любое сообщение между лицами из смежных губерний и зараженных мест тщательно предупреждается.

В том случае и когда оцепляется город или деревня, следовало наблюдать, чтобы обсервационные заставы и оставленные при них пикеты и караулы, имели тщательный надзор, чтобы никто не мог приблизиться к оцепленному месту, также чтобы оцепляемые лица, за исключением чиновников и смотрителей с их прислужкой, лекарей, фельдшеров и аптекарей, не иначе как с особого разрешения, выдаваемого только в важных случаях, с наблюдением мер предосторожности, не могли удалиться от оцепленного места; чтобы при движении почт или эстафет, следующие с ними лица, были подвергнуты к обмытию хлором до допуска их к линии оцепления, где привезенные ими вещи и письма следовало отданы другим лицам для дальнейшего доставления; также, чтобы в отношении курьеров и переписки вообще наблюдались одинаковые меры, как при свирепствовании чумы.

По вновь открывшимся обстоятельствам и по мере хода болезни, почтовые конторы также следовало расположить в удобных местах, чтобы все дороги, ведущие через зараженное место, были заграждены, и устроена дорога, по возможности вне линии оцепления; чтобы издаваемыми публикациями тотчас дано было знать, когда появилась язва в каком-либо месте оцепленном, также о том, когда [6, с. 96] оцепление снято и чтобы в оцепленном городе или деревне, если они расположены при общей дороге и если там находилась почтовая станция, которая беспроблемно не могла быть перемещена в другое место, несколько из крайних домов были отведены для перемены лошадей и устроены для проезжающих, отдалив их при этом от любого сообщения с прочими домами.

Линия оцепления разделялась на всем своем протяжении на отделения, из которых каждое вверялось, особому смотрителю, подведомственному смотрителю того уезда, где был поставлен кордон. Для решения вопросов расположения кордонов Ландсгевдингам всех губерний, как благополучных, так и неблагополучных, каждую неделю следовало уведомлять начальство соседних губерний о состоянии здоровья, а в случае появления заразы, немедленно отправлять о том посыльного, для принятия необходимых мер предосторожности. Таким образом также магистраты и коронные фохты должны были сообщать подобные сведения ближайшим городам и уездам, в губернии и вне ее находящимся, и вместе с тем немедленно доставлять такие сведения комитетам и смотрителям.

Относительно обсервационных застав, учреждаемых для более строгого ограждения зараженных мест от благополучных, а также для очищения проезжих и пешеходов следовало соблюдать следующее:

1) вдоль всей линии и по ведущим во внутрь губернии общим и проселочным дорогам не позволять проезжающему или проходящему из мест неблагополучных, какого бы он ни был чина и звания, останавливаться на ночлег или отдых, если такое лицо не могло предъявить свидетельство временной обсервационной заставы в о том, что оно выдержало установленную обсервацию, составляющую для того, который подозревался в имени болезни 14, а для того, о состоянии здоровья которого не имелось сомнения - 5 дней; одежда данных лиц, как и ежедневно используемые вещи во время обсервации, следовало обмывать хлоровым раствором, окуривать, проветривать, но прочие вещи следовало пропускать без задержки; приезжающим и пешеходам из мест не пораженных холерой позволялось беспрепятственно продолжать путешествие, с тем только, чтобы они после осмотра предъявляли свидетельства губернского начальства, учрежденных комитетов или смотрителей о состоянии здоровья в том месте, откуда они шли;

2) если проезжающий и проходящий из неблагополучных мест не мог предъявить магистрату и полиции в городах и уездах, коронным служителям или определенным смотрителям указанного свидетельства, то такого следовало немедленно задержать для выдержания обсервации на правилах карантинных, в обсервационных заставах или в городах, в специально отведенными для того в конце каждого города дома, а действительно больных отправлять в ближайшие больницы;

3) для безапелляционного исполнения данных правил на эти заставы следовало направить все пути, идущие в смежную губернию и из нее идущие, смотря по местностям и времени года; прочие же дороги полагалось перекопать или завалить и мосты снять, уведомляя о том смежных Ландсгевдингов. Определенные смотрители

для контроля за этим должны были беспрепятственно объезжать свои дистанции, организовывать действия полиции, прилагать старание уверяя сельских обывателей, что собственное их благо требует данных мер;

4) билеты, выдаваемые от обсервационных застав, должны были содержать следующее: предъявитель (указать чин, звание и всех находящихся при нем людей мужского и женского пола), следующий туда то, по таким-то делам (поручениям) выдержал на NN заставе надлежащий карантин, и вещи его окурены; эти билеты полагалось обеспечить подписями чиновника, заведующего заставой;

5) во всех деревнях, где были устроены обсервационные заставы, следовало выделить несколько домов, для проезжих, лекарей и почтальонов, также сараи и балаганы для товаров и экипажей. Эти дома должны были быть на районе обсервационной линии отделены от самой деревни особым шлагбаумом, через который никто, не выдержавший предписанной обсервации и не получивший в том надлежащего свидетельства, не должен был протий.

При указанных заставах полагались врачи, которым следовало смотреть за больными; в ином следовало смотреть, чтобы лица, задерживаемые при заставах, не лишались нужного продовольствия и т.п.; также следовало утвердить умеренную таксу как жизненным припасам, так и за квартиру. Для помощи подвоза всех необходимых продуктов полагалось вступить в сношение с Ландсгевдингами соседних губерний, если обстоятельства того требовали, с просьбой о принятии необходимых распоряжений.

Указанные билеты обсервационных застав давали только право на проезд через ту губернию, на границе которой они были выданы, но в случае если такой билет был выдан на границе, не пораженной еще холерой губернии, то проезд через все губернии, в которые не было болезни оставался свободен.

Билеты, выдаваемые по прибытии в губернию, пораженную холерой, из другой такой же давали право на беспрепятственный проезд только через другую пораженную губернию, но в случае продолжения оттуда пути или в пораженную, либо в благополучную губернию, проезжий должен был выдержать новую обсервацию, т.к. он, во время проезда через пораженную губернию сам мог быть поражен болезнью.

Постановленное о проезжих и проходящих относится также к следующим морем между внутренними местами, к которым также, смотря по местностям и другим встречающимся обстоятельствам, следовало применять.

И, конечно, предписывалось по рубежу губерний, в которых появилась холера, учредить пикеты, поставить их в таком расстоянии, чтобы один от другого был виден, а в покрытых лесом, кустарником или пригорками – чаще. На каждом пикете полагалось по 4 человека, из которых 1 должен быть конный, а иные пешие. Для данных пикетов следовало устроить особые дома или шалаши нужной величины, лучше всего на высотах и пригорках, хорошо прикрытые со всех сторон соломой, иметь соломенную дверь, внутри – соломенные постели, а снаружи окопанные канавой, во избежание протока в них воды, и пикеты от этого не подверглись бы простуде и болезням.

Данные меры предосторожности, принятые для неблагополучных мест, следовало распространить также на партии пересыльных из таких мест заключенных, чтобы не заразить их холерой, или через зараженных арестантов на занести болезнь благополучные места [6, с. 97].

Как видно из представленного материала, меры, предпринимаемые в Финляндии в 1831 г. с целью предотвращения распространения холеры, были достаточно разумны для своего времени и вполне соответствовали имеющемуся опыту, а также карантинному уставу 1818 г.

Важнейшей из них было предотвращение распространения болезни между населенными пунктами, а при проникновении холеры в населенный пункт – изоляция усадеб с больными, ограничения посещения общественных мест, времени нахождения на улице; оцепление населенных пунктов и т.п. Важным считаем решение о изменении маршрутов дорогах, деятельности постоянных дворов, тщательную проверку всех проезжих. Все эти меры регулировались нормативно, а их исполнение возлагалось на представителей местных органов власти.

Список литературы:

1. Arno Forsius. Kolera eli aasialainen kolera. - Холера или азиатская холера (www-saunalahti-fi.translate.goog)
2. Sofia Paasikivi. Lakastuvat uhrin iskustasi kaatuvat” Koleran pelko 1800-luvun Turussa // Arvio vuodelta 2014. Ks. WHO: Fact sheet №107.
3. Л.В. Высокочков, А.А. Шелаева. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам // STUDIA HISTORICA GEDANENSIA ТОМ XII (2021). S. 259-288.
4. Змерзлый Б. В. Создание карантинных учреждений в Крыму в конце XVIII – начале XIX вв. // Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма. Материалы V Международной научной конференции. (6-7 октября 2012 г.). – Симферополь; Новый Свет, 2013.
5. Змерзлый Б.В., Воронина Е. О. Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Таврической губернии). - Симферополь, 2014. – 262 с.
6. 8 июня 1831 г. Высочайшее Его Императорского Величества объявление «О нужных мерах предосторожности от заразы холера морбусь» // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПб, 1902. С. 244.
6. 1831 г. Наставление о мерах предосторожности от эпидемической болезни холеры, равно о способах к излечению и прекращению дальнейшего распространения сей язвы // Собрание постановлений финляндских. Том 1. Узаконения обнародованные на русском языке. 1808-1839. – СПб, 1902.

Klimenko P. M., Zmerzly B.V. Legal and institutional measures to combat the spread of cholera in Finland in 1831 (part 2) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 28-33.

This article examines and highlights the problem of institutional and legal measures to control the spread of cholera in Finland in 1831. It points out that during the second cholera pandemic in Europe, the disease spread in the centre and north of the continent, affecting countries and territories previously not affected by the disease. The main routes for the spread of the disease, as for many others in this period, were by sea, putting countries with significant maritime borders and trading ports in the most perilous position. In some regions, the disease also spread by land routes. In order to prevent further spread of cholera and cases of public disturbance caused by the pandemic in 1830-1831 legal, therapeutic and prophylactic measures were taken in the quarantine statute of 1818. The most important laws in the Grand Duchy of Finland in this respect were the specially elaborated decree "On necessary precautions against cholera morbus" and "Instructions on precautions against cholera epidemic disease, equally on ways to cure and stopping further spread of this plague" of 1831.

Key words: cholera, spreading, Finland, regulation, organizational and legal measures.

Spisok literatury:

1. Arno Forsius. Kolera eli aasialainen kolera. - Holera ili aziatskaya holera (www-saunalahti-fi.translate.goog)
2. Sofia Paasikivi. Lakastuvat uhrin iskustasi kaatuvat” Koleran pelko 1800-luvun Turussa // Arvio vuodelta 2014. Ks. WHO: Fact sheet №107.

3. L.V. Vyskochkov, A.A. SHelaeva. Holernaya pandemiya 1830–1831 gg. v Rossijskoj imperii po vospominaniyam i pis'mam, gazetnym zametkam, tekstam administrativnyh ukazov i drugim lichnym i oficial'nym istochnikam // *STUDIA HISTORICA GEDANENSIA TOM XII* (2021). S. 259-288.
4. Zmerzlyj B. V. Sozdanie karantinnyh uchrezhdenij v Krymu v konce XVIII – nachale XIX vv. // Aktual'nye voprosy istorii, kul'tury i etnografii YUgo-Vostochnogo Kryma. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. (6-7 oktyabrya 2012 g.). – Simferopol'; Novyj Svet, 2013.
5. Zmerzlyj B.V., Voronina E. O. Pravovye osnovy sozdaniya i deyatel'nosti karantinnyh uchrezhdenij v Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX vv. (na materialah Tavricheskoj gubernii). - Simferopol', 2014. – 262 s.
6. 8 iyunya 1831 g. Vyschajshee Ego Imperatorskogo Velichestva ob"yavlenie «O nuzhnyh merah predostorozhnosti ot zarazy holera morbus» // *Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoeniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839.* – SPB, 1902. S. 244.
6. 1831 g. Nastavlenie o merah predostorozhnosti ot epidemicheskoi bolezni holery, ravno o sposobah k izlecheniyu i prekrashcheniyu dal'nejshego rasprostraneniya sej yazvy // *Sobranie postanovlenij finlyandskih. Tom 1. Uzakoeniya obnarodovannye na russkom yazyke. 1808-1839.* – SPB, 1902.

УДК 340

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ В РОССИИ (СЕРЕДИНА XIX В. - КОНЕЦ XX В.)¹

Малюгин С. В.

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева

В статье исследуются историографические источники – носители информации о предмете и методе истории политических и правовых учений в России, которые выполняли образовательную функцию. Хронологические рамки изучения заявленной проблематики ограничены серединой XIX столетия - концом XX века, временем возникновения, формирования и развития истории политических и правовых учений как юридической науки и учебной дисциплины в России. Задачей настоящего исследования является объяснение процессов оформления в историографии истории политических и правовых учений в России учебной литературы как особого носителя информации, который позволяет проследить историографические процессы науки на определенном этапе ее формирования и развития. Философскую методологическую основу исследования составил диалектико-материалистический метод. Наряду с общенаучной и специально-юридической методологией автором привлекается комплексное междисциплинарное направление современной истории учений о государстве и праве - источниковедение историографии. Применительно к выделяемым в статье этапам исследуются основные взаимосвязи между учебной литературой и историей науки истории политических и правовых учений в России применительно к исторически значимым контекстам. Обсуждаются основные выводы исследования.

Ключевые слова: учебная литература, юридическое образование, юридическая наука, источниковедение, историография, история политических и правовых учений, историографические источники.

Актуальность темы исследования определяется недостаточной степенью разработанности науковедческих проблем историографии российской истории политических и правовых учений. Под историографией истории политических и правовых учений понимается специальный раздел данной науки, в котором исследуется история ее формирования, становления и развития. Историография истории политических и правовых учений выступает как вспомогательная область знаний на уровне «исследователь – историографический источник», а источниковедческая составляющая в предмете историографии истории развития истории политических и правовых учений обуславливается необходимостью изучения носителей историографической информации [30, с. 6]. Источниковедческое направление в историографии истории политических и правовых учений позволяет раскрыть существовавшие в истории юридической науки социальные практики формирования и развития науки как элемента общей культуры общества и обнаружить институциональные, коммуникативные, социокультурные процессы в историко-научном пространстве [1, с. 106, 118]. Составляя источниковедческое направление историографии данное пространство раскрывается как сложная система исторических источников, несущих в себе значимую информацию об истории развития предмета и метода истории поли-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

тических и правовых учений в России. Сложившийся благодаря научной деятельности О. М. Медушевской в начале XX века когнитивно-информационный методологический подход в изучении истории показывает, что в целом прошлое и, в частности, прошлое истории политических и правовых учений как науки в России, представляет собой информационный обмен социальной информацией различных исторических источников, образующих определенную систему, структуру и функции [37, С. 241]. Как составная часть прошлого образовательная функция источника для историка является весьма важной для понимания происходящих процессов в историографии истории политических и правовых учений России, которая несет в себе сведения о единстве ее предмета и метода – конститутивных элементов науки. Содержание образовательной функции состоит в трансляции научного знания в систему образовательных юридических практик, которые формируют профессиональное правосознание и мышление юристов. Особый интерес в связи с этим, составляет выполнение отдельными источниками образовательной функции и, как следствие, – оформление в историографии истории политических и правовых учений в России учебной литературы как особого носителя информации, который позволяет проследить историографические процессы науки на определенном этапе ее формирования и развития.

Соответственно, историографические исторические источники, выполнявшие образовательную функцию, и несущие информацию о предмете и методе истории политических и правовых учений России будут являться предметом настоящей статьи. Предмет исследования будет раскрываться применительно к историческим этапам процесса формирования, становления и развития учебной литературы по истории политических и правовых учений в России.

Середина XIX в. – первая половина XX в. – этап формирования учебной литературы по истории политических и правовых учений в России. Его начало знаменуется появлением данной науки благодаря исторически значимым работам К. А. Неволина, Н. И. Пилянкевича, Д. И. Каченовского и, конечно же, выходу в свет первой части известнейшего научного труда Б. Н. Чичерина «История политических учений». Завершение данного этапа связывается с появлением первого в истории России учебника «История политических учений» под общей редакцией С. Ф. Кечекьяна.

Изменения в области образования и науки как последствия либеральных реформ 60-70-х г. Императора Александра II создали благоприятные условия для зарождения в дореволюционной России «золотого века» юридической науки и образования. Принятый и введенный в действие новый Университетский устав 1863 г. знаменовал переход России от догматического юридического образования к фундаментальному [36, С. 96-97]. Во многом это обуславливалось поименованными науками, преподаваемыми на юридических факультетах Императорских Университетов, среди которых особое мировоззренческое значение приобрела история философии права [54].

История политических и правовых учений как наука зарождается в России в середине XIX в. в условиях культурного информационного обмена с ведущими университетами восточной Европы. Начало формирования данной науки связывается со второй частью «Энциклопедии законоведения» К. А. Неволина – истории философии законодательства, а также работам Н. И. Пилянкевича и Д. И. Каченовского

[40, 45, 29]. Статус истории политических и правовых учений как науки связывается с оформлением ее предмета Б. Н. Чичериным, который указывал, что история политических учений занимает середину между философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений... находится в непосредственной связи теорий философских систем, которые заключают в себе политические теории [56, с. 3].

Появление науки истории политических и правовых учений инициировало процесс ее включения в образовательные практики и, как следствие, - вызвало потребность в учебной литературе. С выхода в свет первой части известнейшего научного труда Б. Н. Чичерина «История политических учений» [56] начинается отсчет времени формирования учебной литературы. По своей природе это был особый историографический источник, который имел не только научный характер, но и в свое историческое время выполнял образовательную функцию. Данный труд создавался Б. Н. Чичериным для «содействия занятиям университетской молодежи на основании собственных лекций, читаемых в Московском Университете» [56, С. 9].

Следует отметить, что в образовательных практиках использовалось и наименование курса «История политических учений», хотя, по справедливому мнению Е. Н. Мошелкова и по содержанию, и по предмету «История политических учений» и «История философии права» мало отличались друг от друга. Авторы курса по «Истории политических учений» в своем названии ориентировались на стандарты правительственной политики в области образования, а вторые исходили, прежде всего, из логики развития науки, а не из политики властей [38, С. 44].

Историографические источники истории политических и правовых учений, используемые в образовательной деятельности в данный период, были представлены основательными книгами Б. Н. Чичерина (История политических учений в 5 томах - 1869-1902 гг.), С. А. Бершадского (Очерки по истории философии права. Вып. 1 – 1892 г.), В. Ф. Залесского (Лекции по истории философии права – 1900 г.), Н. М. Коркунова (История философии права: Пособие к лекциям – 1903 г.), П. Н. Новгородцева (Из лекций по истории философии права. Учения нового времени XVI—XVIII вв. – 1904 г.), Г. Ф. Шершеневича (История философии права – 1905 г.). В то же время в истории некоторых историографических источников по истории политических и правовых учений появляется информация вспомогательного учебного характера. К началу XX века, называясь лекциями, конспектами к лекциям, сочинениями, очерками по своему содержанию учебный материал пытался адаптироваться к обучению еще вчерашних гимназистов. Пособие к лекциям Н. М. Коркунова, к примеру, содержало литературу по каждой теме и дополнительные источники по всему курсу [34, с. 3]. В помощь студентам университетов издавались программы курсов, которые включали основные темы по преподаваемой дисциплине [27, 28].

Анализ основных литературных источников показывает, что в качестве юридической «азбуки» по политико-правовой мысли для юристов использовались по своему содержанию труды научного характера [31]. В это время предмет истории политических и правовых учений определялся как историческая составляющая философии права. В частности, Г.Ф. Шершеневич писал, что современная научная философия права состоит из общей теории права, истории философии права и политики права [58, с. 24].

Изучение историографических источников показывает, что в них отражалась формирующаяся методология познания политико-правовой мысли, которая находила отражение в структуре построения литературы [27, 28, 57]. Учения привязывались к известным именам в истории политико-правовых идей и последовательно выстраивались по периодам истории развития человечества. К примеру, у Г. Ф. Шершеневича период Возрождения и Реформации обозначался как период борьбы за религиозную свободу. Н. М. Коркунов, напротив, выстраивал учения по хронологическому описанию периодизации истории (Древний мир, Средние века, Новое время и Новейшее время). В лекциях по данной учебной дисциплине предпринималась попытка по уровню мировоззрения эпохи систематизировать основные политико-правовые учения. Так формировались портретный, хронологический проблемно-теоретический методологические подходы к описанию учений прошлого.

Революционные события 1917 г. прервали эволюционное формирование истории политических и правовых учений как учебной дисциплины в России и учебной литературы - соответственно. Юридическое образование в данный период оказалось в совершенно новых исторических реалиях [3, с. 809], проникнутых марксистско-ленинской идеологией. Юридическая литература, являясь отражением состояния юриспруденции, государственной политики и образования советской власти, вбирала в себя существенные изменения, которые нашли в ней свое отражение, пожалуй, к концу 40-х г. XX в.

«Организация дисциплины и ее преподавания только начиналась к концу изучаемого хронологического этапа 1920 - 1930-х гг.» – пишет П. Е. Соборнов. Ученый справедливо указывает, что история политических и правовых учений мыслилась в качестве сугубо практической учебной дисциплины, необходимой в реализации агитационно-пропагандистской деятельности ВКП(б), а происходило это как по причине становления самого марксистского обществоведения, так и по причине длительного игнорирования историко-правовых основ государства и права [49, С. 26-30]. Это обстоятельство подтверждается историографическими источниками, в частности первой советской работой по истории политических учений М. А. Рейснера. Собственно, политические и правовые учения мыслились автором как руководство по боевой подготовке борцов, своего рода учение об идейной фортификации капиталистически организованной крепости и о важнейших средствах ее нападения и защиты. «История политических учений должна быть необходимой составной частью политического просвещения вообще» – указывал М. А. Рейснер [78, с. 7].

Принятие Постановления ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования» во многом способствовало разработке учебников по юридической науке, но мгновенного эффекта за собой не повлекло. Дефицит учебной литературы восполнялся конспектами лекций ведущих преподавателей [7]. В конце 30-х г. XX в. в ученой среде указывалось на необходимость разработки учебников [2, с. 68]. Однако, Великая Отечественная война приостановила развитие не только всей юридической науки, но и учебной литературы, в том числе, по истории политических и правовых учений.

Принятое в послевоенные годы 5 октября 1946 г. Постановление ЦК ВКП(б) «О расширении и улучшении юридического образования в стране» выступило знаковой государственно-правовой мерой по развитию юридического образования, что дало

серьезный импульс для развития учебников по рассматриваемой историко-теоретической юридической науке. Спустя два года после принятия данного документа и почти восемь лет со дня выхода в свет учебника по теории государства и права в 1948 г. печатается первый том первого советского учебника по истории политических и правовых учений. «История политических учений» – так был озаглавлен первый советский учебный труд. Довольно внушительная по объему первая часть истории политических учений коллектива авторов под общей редакцией С. Ф. Кечекьяна заложила отечественную традицию в отношении учебной литературы по политико-правовой мысли [20]. С этого момента философский характер предмета истории политических и правовых учений перестал существовать. В качестве предмета определялось «возникновение и развитие идей и учений о сущности государства и права и о его политической организации общества, взятых как закономерное отражение борьбы классов в обществе, как выражение интересов и взглядов борющихся классов и партий» [20, с. 3]. Во многом это связывается с определяющим влиянием теории государства и права, первый советский учебник по которой вышел на 8 лет ранее под редакцией С. А. Голунского и М. С. Строговича [52].

В 1953 г. печатается 2 часть вышедшего 5 лет назад учебника по истории политических учений [24]. Том второй был дополнен главами XXIII – XXXII о возникновении и развитии марксистско-ленинского учения о государстве и праве, а также коммунистических идеологических основах Российского социалистического государства. Первый советский учебник во многом продолжал традиционное построение материала по политико-правовой мысли дореволюционного периода. Выращенный на идеологической почве и построенный по хронологическому образцу дореволюционной литературы учебник отражал основополагающие достижения общеправовой политико-правовой мысли.

Итак, исследование в рамках первого этапа основных процессов формирования учебной литературы в развитии российской истории политических и правовых учений показывает серьезный хронологический разрыв между историей политических правовых учений как науки и учебной дисциплины. Появившаяся во второй половине XIX века наука истории политических правовых учений так не была адаптирована для целей юридического образования. Учебную функцию источника выполняла литература научного характера. В целом ее отличал научный предмет истории философии права, исследовательская цель создания, а также объяснительная функция, что означало отсутствие сложившегося жанра учебной литературы в указанный период. Появлению учебной литературы по истории политических и правовых учений способствовало множество факторов, социального и духовного характера, среди которых определяющим явился политико-идеологический. Рассмотренный этап связан с оформлением в советское время предмета и метода истории политических и правовых учений, которое нашло свое воплощение в учебной литературе. Предметное пространство истории политических и правовых учений, несмотря на подавляющее значение материалистической диалектики, направило развитие данной науки от историко-философского характера к соответствующей триаде составляющих: исторической, теоретической и юридической.

Вторая половина XX в. - начало 90-х гг. XX в. – этап становления и развития учебной литературы по истории политических и правовых учений. Его начало определяется знаковым событием в источниковедении историографии – появлением

в конце 40-х начале 50-х гг. XX в. учебника по истории политических учений. Завершение советского этапа развития учебной литературы связывается с коренным переломом советского общественно-политического строя, фундаментальными изменениями в области государственной правовой регламентации в образовании и науке, в том числе, и юридической. За сравнительно небольшой период в истории России происходили интереснейшие изменения в науке и учебной дисциплине по истории политических и правовых учений, что нашло свое отражение в учебной литературе. В отличие от Имперской России на содержание науки и учебной дисциплины оказывала существенное, если не сказать, определяющее влияние государственная политика и идеология.

Новый этап в становлении и развитии учебной литературы по истории политических и правовых учений начинается с активной научно-педагогической коммуникации в вопросах ее подготовки. В указанный период происходит взаимное обогащение информацией между теорией государства и права и историей политических и правовых учений. В 1952 г. [5, с. 73-79] и 1954 г. [6, с. 117-122] прорабатываются макеты учебников по теории государства и права. Обсуждается и макет учебника по истории политических учений. В качестве существенных замечаний к разрабатываемому макету по истории политических учений были сформулированы вопросы о предмете, наименовании курса, описания идей некоторых отечественных мыслителей, а также периодизации. Среди идеологического наставления от Главного управления университетов, экономических и юридических вузов Министерства высшего образования СССР ставилась задача более четко показать, что в учебном курсе главное составляет история развития взглядов на государство и право, а также более последовательно раскрыть отражение борьбы классов в области идеологии. В результате данного обсуждения была подготовлена программа курса истории политических учений [5, с. 125-129]. Как приказывалось руководящими органами советской России, учебник вышел в свет в 1955 г. и полностью соответствовал утвержденной программе курса [18]. Предмет истории политических учений существенным образом не изменился, а в качестве метода прочно утвердился единственно научный метод познания – марксистский диалектический метод [18, с. 12].

В конце 50-х – начале 70-х годов XX в. научная и учебная литература в Советском Союзе переживает настоящий подъем. Активно печатаются новые учебники по теории государства и права. Не отстает и история политических учений. Во второй половине 1950-х г. начинается обсуждаться макет учебно-методического пособия [23] и учебник по истории политических учений [4]. В начале 1960-х гг. печатается второе издание учебника под редакцией С. Ф. Кечекьяна [17], который не претерпел принципиальных изменений.

Середина 60-х гг. XX в. является важным моментом для юридической науки и образования. Причиной для пересмотра всего правоведения явилось принятие Постановления ЦК КПСС от 16 июня 1964 г. «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» [47, с. 188-192], в котором содержалась критика состояния всей юридической науки. Издание данного документа не могло не сказаться на дальнейшем развитии учебной литературы по истории политических и правовых учений. После данного события просматривается увеличение количества научных исследований по истории политиче-

ских и правовых учений, которые значительно ускоряли процессы развития предмета и метода данной науки.

В начале 70-х гг. XX в. в двух частях выходит учебник по истории политических учений коллектива авторов под редакцией К. А. Мокичева [19, 22]. Принципиальным отличием от предыдущих учебников, выстроенных по портретному (биографическому) методологическому подходу, новый учебник основывался на политико-правовых теориях, идеологиях. Следует отметить, что учебная литература по истории политических учений начинает обретать новые теоретико-методологические основания. Это связывается с научными разработками, которые проводятся в середине 70-х гг. по истории политико-правовой мысли [46]. В это время поднимаются вопросы о содержании учебников по истории политических учений [44, с. 132-133], а также о совершенствовании преподавания данного предмета [59, с. 126-128]. Издаваемые учебники все также содержат принципиальное противопоставление марксистской теории и остальных учений [21]. Внимание в новых учебниках уделялось доктринальным положениям политико-правовой мысли.

В начале 70-х гг. XX в. в советской юридической науке сформировалось особое осмысление предмета истории политико-правовой мысли. В понимании ученых специфику указанной области юриспруденции определял ее теоретико-исторический характер, что связывалось исследователями с особенностями понятийного аппарата и самой логикой политико-правовых явлений. На данных основаниях в отечественной науке возникла идея о необходимости исследования именно концептуально оформленных и логически целостных учений, представляющих собой определенную совокупность теоретических положений принципиального характера [46, С. 4], которое нашло свое отражение в учебной литературе только с начала 90-х гг. XX века.

В 80-е гг. XX в. осуществляется дальнейшая проработка учебной литературы. Среди знаковых событий следует отметить вышедшее в 1981 г. учебное пособие Э. Л. Розина и Н. М. Золотухиной, содержащее основные положения из работ отечественной политико-правовой мысли, Макиавелли и утопических социалистов [26]. Особенный интерес вызывает хрестоматия по истории политических учений А. С. Емелина и В. С. Нерсисянца. Несмотря на то, что хрестоматия содержала текст основных работ мыслителей Древней Греции, утопических социалистов и сосредотачивала свое внимание на отечественной политико-правовой мысли XVIII-XIX вв., она включала в себя выдержки из произведений Ш. Монтескье и Ж. Ж. Руссо [55]. В 1983 г. происходит изменение названия дисциплины. Публикуется учебник под новым названием «История политических и правовых учений» под редакцией В. С. Нерсисянца [12]. Во вводной части к учебному курсу внимание студентов акцентировалось на исследовании идеи права в прошлом. Указывалось, что дисциплина является именно юридической и имеет особенные специальные познавательные приемы, цели и задачи. Теперь внимание обучаемых сосредотачивалось на методологии, в системе которой, конечно, все также занимала первоначальное значение материалистическая диалектика. Описание основных политико-правовых учений во многом основывалось на классовом характере и борьбе идеологий. Однако, данный учебник, не смотря на высокую идеологическую составляющую, представлял собой учебную литературу новой формации, которая отражала достижения науки того периода (конечно же в пределах возможностей советского времени). В конце 80-х гг.

XX в. учебник по истории политических и правовых учений переиздается, принципиально не изменив содержание и общие подходы к изложению учебного материала [13]. Накопленная информация о научных исследованиях истории политических и правовых учений вызывала закрепление в научной литературе конкретно исторического и теоретического характера учений прошлого.

Итак, с середины XX в. по 90-е г. XX в. происходят значительные изменения в науке по истории политических и правовых учений, что находит свое отражение в учебной юридической литературе. Отсутствие свободного научного познавательного пространства в идеологизированной научной и учебной среде предопределило содержание учебной литературы. Пропитанная коммунистической идеологией советская учебная литература на уровне философско-методологического уровня оставалась неизменной до начала 80-х г. XX в. Научный коммунизм являлся прочной опорой не только всей юридической науки, но и образования. В отличие от дореволюционной научной литературы по истории философии права, в которой научное знание напрямую транслировалось в учебную деятельность, в указанный период информация о юридических идеях прошлого значительно трансформировалась. Сильнейшее влияние оказывала государственная идеология, которая воздействовала на учебную литературу через систему партийных организаций и государственных органов. Формируя содержание советского высшего юридического образования, советское государство четко контролировало учебную литературу в фундаментальных вопросах. Закладывая определенный материалистический стереотип к описанию истории политико-правовой идеологии, советское государство включало в учебную литературу «единственно верный подход» к восприятию учебного знания. В тоже время, особенно со второй половины 70-х гг. XX в., в учебной литературе по истории политических и правовых учений происходят довольно значительные изменения. Учебная литература переориентируется на «правовые», а не только на «политические» аспекты учения, учебная дисциплина становится юридической. В юридическую литературу включаются новые теоретико-методологические основания исследований. Следует отметить, что в советское время активно зарождались различные типы и жанры учебной литературы, включалась методика и научная информация в учебные историографические источники. В этом смысле, учебная литература адаптировалась для целей юридического образования, проходила через жернова государственно-правовых и научно-педагогических институтов.

Начало 90-х гг. XX в. и до конца XX в. – завершающий этап истории развития учебной литературы в историографии истории политических и правовых учений в России. Как уже указывалось ранее, переход в новую стадию развития учебной литературы по истории политических и правовых учений связан со сломом советского режима и формированием нового Российского государства и общества. Содержание данного этапа связано с обновлением предмета и метода науки, а также новых подходов к юридическому образованию и учебной литературе. Окончание данного этапа, связываемое с переходом в новое тысячелетие, выделяется весьма условно, поскольку основной задачей следующей части исследования является рассмотрение становления учебной литературы по истории политических и правовых учений в новой России.

«Ветер перемен» 90-х гг. XX в. освободил науку и учебную литературу от оков материализма и государственной идеологической политики. Перестройка на новые

методологические основания происходила постепенно, о чем свидетельствуют учебные работы не только по истории политических и правовых учений, но и по теории государства и права. В них еще имелись остатки советской идеологии, которая находила выражение в социалистической терминологии и рассмотрении вопросов исторического характера советской государственности [50]. Учебная литература по истории политических и правовых учений освободилось от марксизма не сразу. Еще в названии учебных работ будут отдельные составляющие марксизма-ленинизма. Учебник под редакцией В. С. Нерсесянца, вышедший в 1993 г. сосредоточил внимание новой российской молодежи на XIX в. политических и правовых учениях Западной Европы, политической и правовой мысли России, Америки и Востока [9]. Вопросам марксизма, конечно, уделялось внимание, но уже не в том объеме, что было при советской власти. История политических и правовых учений, как и в советское время, имела существенные взаимосвязи с теорией государства и права, которые также сказывались на процессе ее развития. В частности, принципиальным положением нового учебника по истории политических и правовых учений под редакцией О. Э. Лейста являлось рассмотрение политико-правовых учений сквозь призму политико-правовой доктрины, что свидетельствовало о принципиально новом теоретико-методологическом подходе к описанию учений, который сложился еще в советское время, но не был представлен в учебной литературе [11]. В учебную литературу по теории государства и права включались вопросы будущего российского государства, его перспектив развития. Издавались курсы лекций, в которых поднимались вопросы соотношения права и политической власти, человека и государства, правового государства и гражданского общества, основных прав и обязанностей человека [35, 53, 41, 51].

В середине 90-х гг. выйдет долгожданное продолжение учебника под редакцией В. С. Нерсесянца 1993 г., в котором содержалось подробное изложение основных политико-правовых идей XX века [10], полное и объективное рассмотрение которых в советский период по понятным причинам было невозможным.

В это время происходит увеличение разнообразной юридической учебной литературы по истории политико-правовой мысли [8, 25]. Структурно и содержательно новые издаваемые учебники становятся совершенно разноплановыми. Педагогические образовательные методики включаются в сферу подготовки юридических кадров. Учебная литература все дальше отдалается от единых правил последовательного изложения теоретических научных вопросов, учебники становятся разнообразными и начинают выражать формируемые научные направления исследований. В системе конкуренции учебной печатной деятельности перечень рассматриваемых в учебной литературе вопросов постепенно унифицируется. Зарождается учебная литература вспомогательного характера, которая в упрощенном виде раскрывает основные вопросы теории государства и права [43].

В новом тысячелетии в помощь студентам вышла довольно объемная хрестоматия по истории политических и правовых учений, целевая направленность которой была связана с непосредственным восприятием студентами политико-правовых учений прошлого через соответствующие источники [14]. Продолжалась подготовка учебников сформированных научных школ. В вопросы теории права В.С. Нерсесянцем была включена история политико-правовых идей правового государства, основных концепций происхождения и сущности права и государства [42], что сви-

детельствовало о начале глубокой интеграции теории государства и права и истории учений о государстве и праве. В это время формируется предмет истории политических и правовых учений, очищенный от идеологии. Предметом истории учений о государстве и праве является история возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве, история политических и правовых теорий, история теорий права и государства [16, С. 1]. Причем, предметная область данной юридической науки нашла выражение в трех фундаментальных составляющих. Юридическая составляющая предметной области истории политических и правовых учений представлена именно взглядами на политику, право и государство как элементами государственно-правовой действительности. Историческая составляющая предмета данной науки связана с закономерностями возникновения, формирования и развития основных политико-правовых учений прошлого. Теоретическая составляющая предмета истории учений о государстве и праве отражает систему обобщенных положений о взглядах на политику, государство и право. Совокупность данных элементов раскрывает историю учений о государстве и праве как историю теории государства и права [16, с. 18]. Во всей своей совокупности познавательные средства истории политических и правовых учений отражали ее своеобразие, нашли свое выражение в предмете. Среди ключевых инструментов познания в истории политических и правовых учений явились методологические подходы: портретный (биографический), страноведческий, проблемно-теоретический. История политических и правовых учений окончательно сформировалась как наука и учебная дисциплина юридического профиля, что нашло свое выражение в учебной литературе. Причем, наиболее оформленное юридическая составляющая нашла свое отражение в учебниках под редакцией О. Э. Лейста.

Итак, постсоветское время для источниковедения историографии истории политических и правовых учений в России представляет особый интерес. Практически сразу после слома идеологической эпохи российская наука и образование совершили качественный рывок. Сохранив и транслировав через советское время научные юридические знания, отечественная юридическая наука сумела воплотить в учебном пространстве свои передовые разработки. Закрепив все достижения отечественной юриспруденции в сочетании с педагогическими методиками, научное сообщество смогло успешно адаптировать научное знание в учебную литературу. Сделав ее доступной для молодых людей нового времени, юриспруденция смогла выразить передовые положения научного знания. Почти за 10 лет учебная дисциплина по истории политических и правовых учений сформировала уникальные жанры, воплощенные в учебной литературе. Разноплановость учебной литературы способствовала повышению эффективности юридического обучения и воспитания юристов. В это время сложилось особое пространство предметной области истории политических и правовых учений, которое составляло слаженную систему трех составляющих: юридическое, историческое и теоретическое.

Таким образом, изучение учебной литературы по истории политических и правовых учений в источниковедческой составляющей историографии позволяет рассматривать ее как носитель особого порядка. Учебная литература способна выражать процессы государственно-правового регулирования системы образования, влияния правовой идеологии, согласования, адаптации и формализации научного знания исходя из нужд образовательного процесса, достижений методики, педаго-

гики, технологий и техник обучения. Все это имеет важное значение в аспектах отношений наука - юридическое образование, поскольку раскрывает механизмы взаимодействия и обогащения механизмов историографического творчества по истории политических и правовых учений.

Список литературы:

1. Алеврас Н.Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2017. Вып. 11. – С. 100 – 121.
2. Асский. Нужно дать хорошие учебники / Асский // Социалистическая законность. – М., 1938. – № 7 (июль). – С. 64 – 69.
3. Баженова, Т. М. Историко-правовые курсы в российском юридическом образовании: традиции, модернизация, преемственность / Т. М. Баженова, Н. Н. Зипунникова, Э. Ф. Шамсумова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – Т. 29. – № 6. – С. 806-815.
4. В Институте права АН СССР: Обсуждение учебника "История политических учений" // Советское государство и право. - М.: Наука, 1957, № 2. – С. 121-124.
5. Г.И. Обсуждение проспекта учебника по теории государства и права для юридических вузов: [В Институте права Академии Наук СССР] / Г.И. // Советское государство и право. – М., 1952. – № 3 (март). – С. 73 – 79.
6. Е.П. Обсуждение макета учебника «Теория государства и права»: [В Институте права Академии наук СССР] / Е.П. // Советское государство и право. – М., 1954. – № 6. – С. 117-122.
7. Зипунникова, Н. Н. Подготовка советских юристов (1935-1946 гг.) на примере Свердловского юридического института (75-летию Великой победы посвящается) / Н. Н. Зипунникова, А. В. Калинина // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Материалы XIV Всероссийской научной конференции. В 2-х томах, Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 года. – Екатеринбург: ООО "Издательство УМЦ УПИ", 2020. – С. 552.
8. История политических и правовых учений России XIX - XX вв. / Золотухина Н.М., Исаев И.А. - М.: Юристъ, 1995. – 378 с.
9. История политических и правовых учений, XIX в. / Графский В.Г., Зорькин В.Д., Кобзев А.И., Лапшев Е.Г., и др.; Отв. ред.: Нерсесянц В.С.; Редкол.: Графский В.Г., Мамут Л.С., Мартышин О.В. - М.: Наука, 1993. – 389 с.
10. История политических и правовых учений, XX в. / Газенко Г.В., Галкина Н.А., Графский В.Г., Мамут Л.С., и др.; Отв. ред.: Нерсесянц В.С.; Редкол.: Графский В.Г., Мамут Л.С., Мартышин О.В. - М.: Наука, 1995. – 347 с.
11. История политических и правовых учений. Домарксистский период: Учебник / Под ред.: Лейст О.Э. - М.: Юрид. лит., 1991. – 528 с.
12. История политических и правовых учений. Учебник / Грацианский П.С., Зорькин В.Д., Мамут Л.С., Нерсесянц В.С., и др.; Под ред.: Нерсесянц В.С. - М.: Юрид. лит., 1983. – 720 с.
13. История политических и правовых учений. Учебник / Грацианский П.С., Зорькин В.Д., Мамут Л.С., Нерсесянц В.С., и др.; Под ред.: Нерсесянц В.С.. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрид. лит., 1988. – 816 с.
14. История политических и правовых учений. Хрестоматия / Воротилин Е.А., Лейст О.Э., Мачин И.Ф., Фролова Е.А.; Отв. ред.: Лейст О.Э. - М.: Городец, 2000. – 512 с.
15. История политических и правовых учений: Учебник / Отв. ред. В.В. Лазарев - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 800 с.
16. История политических и правовых учений: Учебник для И90 вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсесянца. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2004. – 944 с.
17. История политических учений. Учебник / Вахидов Х., Галанза П.Н., Дюков Л.В., Карева М.П., и др.; Под ред.: Кечежян С.Ф., Федькин Г.И.. - 2-е изд. - М.: Госюриздат, 1960. – 894 с.
18. История политических учений. Учебник / Галанза П.Н., Дюков Л.В., Карева М.П., Кечежян С.Ф., и др.; Под ред.: Кечежян С.Ф., Федькин Г.И. - М.: Госюриздат, 1955. – 771 с.
19. История политических учений. Учебник. Ч. 1 / Алискеров М.Н., Баскин Ю.А., Дюков Л.В., Инцирвелли Г.З., и др.; Под ред.: Мокичев К.А.. - 2-е изд., испр. - М.: Высш. шк., 1971. – 392 с.;
20. История политических учений. Учебник. Ч. 1 / Галанза П.Н., Кечежян С.Ф., Покровский С.А.; Ред.: Кечежян С.Ф. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 915 с.
21. История политических учений. Учебник. Ч. 2 / Грацианский П.С., Денисов А.И., Егоров К.А., Завьялов Ю.С., и др.; Под ред.: Денисов А.И., Лейст О.Э. - М.: Юрид. лит., 1978. – 424 с.
22. История политических учений. Учебник. Ч. 2 / Лейст О.Э., Мамут Л.С., Мокичев К.А., Покровский С.А., и др.; Под ред.: Мокичев К.А. - М.: Высш. шк., 1972. – 375 с.
23. История политических учений. Учебно-методическое пособие: Макет. Вып. 1 / Кравцов Б.П. - М.: РИО ВЮА, 1955. – 30 с.

24. История политических учений: Главы XXIII - XXXII. Т. 2 / Карева М.П., Кечекьян С.Ф., Покровский В.С., Ронин С.Л.; Под общ. ред.: Кечекьян С.Ф., Федькин Г.И. - М.: Госюриздат, 1953. - 315 с.
25. История политических учений: Эпохи свободной конкуренции и буржуазных революций. Вып. 2 / Азаркин Н.М., Завьялов Ю.С., Левченко В.Н., Мартышин О.В., и др.; Под общ. ред.: Мартышин О.В. - М.: Юрист, 1996. - 368 с.
26. Источники по истории политических и правовых учений. Учебное пособие / Сост.: Золотухина Н.М.; Сост. и отв. ред.: Розин Э.Л. - М., 1981. - 86 с.
27. Капустин М.Н. Программа лекций энциклопедии права / читанных ординарным профессором М. Капустиным // Временник Демидовского Юридического Лицея. - Ярославль, 1874. - Книга 7. - С. 513 - 528.
28. Карасевич П.Л. Программа лекций по предмету энциклопедии права, читанных в 1872/73 акад. году / и. д. э. пр. П. Карасевичем // Временник Демидовского Юридического Лицея. - Ярославль, 1873. - Книга 4. - С. 380 - 390.
29. Каченовский, Д. И. О современном состоянии политических наук на западе Европы и в России: речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского харьковского университета, 1862 г., ординарным профессором Д. Каченовским. - Харьков : Университетская тип., 1862. - 172. [2] с.
30. Кодан, С. В. Историография в структуре истории политических и правовых учений: проблемы определения предметного пространства и места в структуре научной дисциплины / С. В. Кодан // Историография истории политических и правовых учений. Теоретические, методологические и исследовательские проблемы. Материалы круглого стола. / под общ. ред. С.В. Кодана. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. - 82 с.
31. Коркунов Н. М. История философии права: Пособие к лекциям / [Сочинение] Н.М. Коркунова, профессора С.-Петербургского университета. - Издание четвертое (без перемен). - СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. - VI.
32. Коркунов Н.М. Политические воззрения Сперанского до его знакомства с Императором Александром I / Н. Коркунов // Вестник Права. - СПб., 1899. - № 8 (Октябрь). - С. 1 - 40.
33. Коркунов Н.М. С.Е. Десницкий первый русский профессор права (Речь в годовом собрании Петербургского юридического общества 13 ноября 1894) / Н.М. Коркунова // Журнал Министерства Юстиции. - СПб., 1894. - № 2 (Декабрь). - С. 113 - 141.
34. Коркунов, Н.М. История философии права: Пособие к лекциям / [Соч.] Н.М. Коркунова. - Изд. 3-е (без перемен). - СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1903. - VI, 483 с.
35. Курс лекций по теории государства и права. Ч. 1 / Колесников Е.В., Кулапов В.Л., Малько А.В., Матузов Н.И., и др.; Под общ. ред.: Малько А.В., Разгельдеев Н.Т. - Саратов, 1993. - 184 с.
36. Левитан, К. М. Юридическая педагогика: учебник / К.М. Левитан. — 2-е изд., изм. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. - 416 с.
37. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. - 358 с.
38. Мошелков, Е. Н. История политических учений как научная и образовательная дисциплина в России в XIX - начале XX В. (аналитический обзор источников) / Е. Н. Мошелков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. - 2005. - № 1. - С. 37-45.
39. Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции / [Сочинение] Сергей Муромцева. - Издание второе, исправленное и дополненное. - М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1886. - 98, II с.
40. Неволлин К.А. Энциклопедия законовещения. Том первый: Введение в Энциклопедию Законовещения, общая часть ее и первая половина особенной части / Сочинение Доктора прав и Ординарного Профессора Энциклопедии Законовещения и Учреждений Российской Империи в Университете Св. Владимира Константина Неволлина. - Киев: В Университетской Типографии, 1839. - VIII, 633 с.
41. Общая теория права и государства. Учебник / Афанасьев В.С., Братко А.Г., Герасимов А.П., Гойман В.И., и др.; Под ред.: Лазарев В.В. - М.: Юрист, 1994. - 360 с.
42. Общая теория права и государства. Учебник / Нерсесянц В.С. - М.: Норма, Инфра-М, 1999. - 552 с.
43. Очерки истории политических учений. Учебное пособие / Борисов Л.П. - М.: Белые альфы, 1997. - 128 с.
44. Пахоленко Н.Б. Обсуждение учебника по истории политических учений // Правоведение. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973, № 3. - С. 132-133.
45. Пилянкевич Н. И. История философии права. - Киев: Университетская тип., 1870. - 300 с.
46. Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / Графский В.Г., Грацианский П.С., Деев Н.Н., Лазуренко В.Д., и др.; Редкол.: Грацианский П.С., Гулиев В.Е. (Отв. ред.), Нерсесянц В.С. - М.: Наука, 1976. - 495 с.
47. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» - программа деятельности юридических вузов страны // Правоведение. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965, № 1. - С. 188-192.

48. Рейснер М.А. История политических учений. Том первый / М. Рейснер. – М.; Л.: Государственное издательство, 1929. – 456 с., [1] вкл. л. портр.
49. Соборнов, П. Е. История политических и правовых учений: из опыта преподавания в системе юридического образования 1920-1930-х годов / П. Е. Соборнов // История государства и права. 2014. № 6. – С. 26-30.
50. Теория государства и права. Актуальные проблемы: Учебное пособие / Лазарев В.В. - М.: Изд-во Акад. МВД РФ, 1992. – 183 с.
51. Теория государства и права. Учебное пособие / Самигуллин В.К., Тимонин А.Н. - Уфа: Изд-во ВЭГУ, 1994. – 67 с.
52. Теория государства и права: учебник / С. А. Голунский, М. С. Строгович. - Москва: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1940. – 303, [1] с.
53. Теория права. Учебник / Лившиц Р.З. - М.: БЕК, 1994. – 224 с.
54. Университетский устав 1863 года. СПб., 1863.
55. Хрестоматия по истории политических учений / Емелин А.С., Нерсесянц В.С. - М.: Изд-во Воен. ин-та, 1983. – 246 с.
56. Чичерин Б.Н. История политических учений. Часть I: Древность и средние века / [Сочинение] Б. Чичерина. – М.: Типография Грачева и К°, 1869. – IX, 444 с.
57. Шершеневич Г.Ф. История философии права. Выпуск четвертый / Профессора Казанского Университета Г.Ф. Шершеневича. – Казань: Типо-литография Казанского Университета, 1905. – [2], 349 – 494 с.
58. Шершеневич Г.Ф. Философия права. Том 1: Часть теоретическая. Выпуск 1: Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. – VI.
59. Ячевский В.В. О совершенствовании преподавания истории политических учений // Правоведение. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977, № 1. – С. 126-128.

Malyugin S. B. Study literature in source studies of the historiography of political and legal doctrines in Russia (mid XIX century - late XIX century) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 34-48.

The article examines historiographical sources - carriers of information about the subject and method of history of political and legal doctrines in Russia, which fulfilled an educational function. Chronological framework of the stated problematics is limited by middle XIX century - the end of XX century, the time of emergence, formation and development of history of political and legal doctrines as legal science and educational discipline in Russia. The task of this study is to explain the processes of formation in the historiography of the history of political and legal doctrines in Russia academic literature as a special medium of information, which allows to trace the historiographic processes of science at a certain stage of its formation and development. The philosophical methodological basis of the study was the dialectical-materialistic method. Along with general scientific and special legal methodology, the author attracted a complex interdisciplinary direction of the modern history of doctrines of the state and law - historiography source study. The main interconnections between academic literature and the history of political and legal doctrines in Russia, as applied to historically significant contexts, are explored in relation to the stages highlighted in the article. Key conclusions are discussed.

Key words: academic literature, legal education, legal science, source study, historiography, history of political and legal doctrines, historiographic sources.

Spisok literatury:

1. Alevras N.N. Istochnikovedenie istoriografii i istoriograficheskij istochnik v kontekste istochnikovedcheskoj paradigmy kak povod dlya istoriograficheskix zametok i razmyshlenij // Mir istorika. Istoriograficheskij sbornik. Omsk, 2017. Vyp. 11. – S. 100 – 121.
2. Asskij. Nuzhno dat' horoshie uchebniki / Asskij // Socialisticheskaya zakonnost'. – М., 1938. – № 7 (iyul'). – S. 64 – 69.
3. Bazhenova, T. M. Istoriko-pravovye kursy v rossijskom juridicheskom obrazovanii: tradicii, modernizaciya, preemstvennost' / T. M. Bazhenova, N. N. Zipunnikova, E. F. SHamsumova // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. – 2019. – Т. 29. – № 6. – S. 806-815.
4. V Institute prava AN SSSR: Obsuzhdenie uchebnika "Istoriya politicheskix uchenij" // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. - М.: Nauka, 1957, № 2. – S. 121-124.
5. G.I. Obsuzhdenie prospekta uchebnika po teorii gosudarstva i prava dlya juridicheskix vuzov: [V Institute prava Akademii Nauk SSSR] / G.I. // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – М., 1952. – № 3 (mart). – S. 73 – 79.
6. E.P. Obsuzhdenie maketa uchebnika «Teoriya gosudarstva i prava»: [V Institute prava Akademii nauk SSSR] / E.P. // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – М., 1954. – № 6. – S. 117-122.
7. Zipunnikova, N. N. Podgotovka sovetskih yuristov (1935-1946 gg.) na primere Sverdlovskogo juridicheskogo instituta (75-letiyu Velikoj pobedy posvyashchaetsya) / N. N. Zipunnikova, A. V. Kalinina // Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya : Materialy HIV Vserossijskoj nauchnoj konferencii. V 2-h tomah, Ekaterinburg, 16–17 noyabrya 2020 goda. – Ekaterinburg: ООО "Izdatel'stvo UMC UPI", 2020. – S. 552.

8. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij Rossii XIX - XX vv. / Zolotuhina N.M., Isaev I.A. - M.: YUrist", 1995. – 378 c.
9. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij, XIX v. / Grafskij V.G., Zor'kin V.D., Kobzev A.I., Lapshev E.G., i dr.; Otv. red.: Nersesyanc V.S.; Redkol.: Grafskij V.G., Mamut L.S., Martyshin O.V. - M.: Nauka, 1993. – 389 c.
10. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij, XX v. / Gzenko G.V., Galkina N.A., Grafskij V.G., Mamut L.S., i dr.; Otv. red.: Nersesyanc V.S.; Redkol.: Grafskij V.G., Mamut L.S., Martyshin O.V. - M.: Nauka, 1995. – 347 c.
11. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij. Domarksistskij period: Uchebnik / Pod red.: Lejst O.E. - M.: YUrid. lit., 1991. – 528 c.
12. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij. Uchebnik / Gracianskij P.S., Zor'kin V.D., Mamut L.S., Nersesyanc V.S., i dr.; Pod red.: Nersesyanc V.S. - M.: YUrid. lit., 1983. – 720 c.
13. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij. Uchebnik / Gracianskij P.S., Zor'kin V.D., Mamut L.S., Nersesyanc V.S., i dr.; Pod red.: Nersesyanc V.S.. - 2-e izd., pererab. i dop. - M.: YUrid. lit., 1988. – 816 c.
14. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij. Hrestomatiya / Vorotilin E.A., Lejst O.E., Machin I.F., Frolova E.A.; Otv. red.: Lejst O.E. - M.: Gorodec, 2000. – 512 c.
15. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: Uchebnik / Otv. red. V.V. Lazarev - 3-e izd., ispr. i dop. - M.: YUr.Norma, NIC INFRA-M, 2019. – 800 s.
16. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: Uchebnik dlya I90 vuzov / Pod obshch. red. akad. RAN, d. yu. n., prof. V. S. Nersesyanc. — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, 2004. – 944 s.
17. Istoriya politicheskikh uchenij. Uchebnik / Vahidov H., Galanza P.N., Dyukov L.V., Kareva M.P., i dr.; Pod red.: Keчек'yan S.F., Fed'kin G.I. - 2-e izd. - M.: Gosyurizdat, 1960. – 894 c.
18. Istoriya politicheskikh uchenij. Uchebnik / Galanza P.N., Dyukov L.V., Kareva M.P., Keчек'yan S.F., i dr.; Pod red.: Keчек'yan S.F., Fed'kin G.I. - M.: Gosyurizdat, 1955. – 771 c.
19. Istoriya politicheskikh uchenij. Uchebnik. CH. 1 / Aliskerov M.N., Baskin YU.A., Dyukov L.V., Inckirveli G.Z., i dr.; Pod red.: Mokichev K.A. - 2-e izd., ispr. - M.: Vyssh. shk., 1971. – 392 c.;
20. Istoriya politicheskikh uchenij. Uchebnik. CH. 1 / Galanza P.N., Keчек'yan S.F., Pokrovskij S.A.; Red.: Keчек'yan S.F. - M.: YUrid. izd-vo MYU SSSR, 1948. – 915 c.
21. Istoriya politicheskikh uchenij. Uchebnik. CH. 2 / Gracianskij P.S., Denisov A.I., Egorov K.A., Zav'yalov YU.S., i dr.; Pod red.: Denisov A.I., Lejst O.E. - M.: YUrid. lit., 1978. – 424 c.
22. Istoriya politicheskikh uchenij. Uchebnik. CH. 2 / Lejst O.E., Mamut L.S., Mokichev K.A., Pokrovskij S.A., i dr.; Pod red.: Mokichev K.A. - M.: Vyssh. shk., 1972. – 375 c.
23. Istoriya politicheskikh uchenij. Uchebno-metodicheskoe posobie: Maket. Vyp. 1 / Kravcov B.P. - M.: RIO VYUA, 1955. – 30 c.
24. Istoriya politicheskikh uchenij: Glavy XXIII - XXXII. T. 2 / Kareva M.P., Keчек'yan S.F., Pokrovskij V.S., Ronin S.L.; Pod obshch. red.: Keчек'yan S.F., Fed'kin G.I. - M.: Gosyurizdat, 1953. – 315 c.
25. Istoriya politicheskikh uchenij: Epohi svobodnoj konkurencii i burzhuaznykh revolyucij. Vyp. 2 / Azarkin N.M., Zav'yalov YU.S., Levchenko V.N., Martyshin O.V., i dr.; Pod obshch. red.: Martyshin O.V. - M.: YUrist", 1996. – 368 c.
26. Istochniki po istorii politicheskikh i pravovykh uchenij. Uchebnoe posobie / Sost.: Zolotuhina N.M.; Sost. i otv. red.: Rozin E.L. - M., 1981. – 86 c.
27. Kapustin M.N. Programma lekciy enciklopedii prava / chitannykh ordinarnym professorom M. Kapustinyim // Vremennik Demidovskogo YUridicheskogo Liceya. – YArosavl', 1874. – Kniga 7. – S. 513 – 528.
28. Karasevich P.L. Programma lekciy po predmetu enciklopedii prava, chitannykh v 1872/73 akad. godu / i. d. e. pr. P. Karasevichem // Vremennik Demidovskogo YUridicheskogo Liceya. – YArosavl', 1873. – Kniga 4. – S. 380 – 390.
29. Kachenovskij, D. I. O sovremennom sostoyanii politicheskikh nauk na zapade Evropy i v Rossii: rech', napisannaya dlya proizneseniya v torzhestvennom sobranii Imperatorskago har'kovskago universiteta, 1862 g., ordinarnym professorom D. Kachenovskim. - Har'kov : Universitetskaya tip., 1862. – 172. [2] s.
30. Kodan, S. V. Istoriofografiya v strukture istorii politicheskikh i pravovykh uchenij: problemy opredeleniya predmetnogo prostranstva i mesta v strukture nauchnoj discipliny / S. V. Kodan // Istoriofografiya istorii politicheskikh i pravovykh uchenij. Teoreticheskie, metodologicheskie i issledovatel'skie problemy. Materialy kruglogo stola. / pod obshch. red. S.V. Kodana. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet, 2020. – 82 s.
31. Korkunov N. M. Istoriya filosofii prava: Posobie k lekciyam / [Sochinenie] N.M. Korkunova, professora S.-Peterburgskogo universiteta. – Izdanie chetvertoe (bez peremen). – SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 1908. – VI.
32. Korkunov N.M. Politicheskie vozzreniya Speranskogo do ego znakomstva s Imperatorom Aleksandrom I / N. Korkunov // Vestnik Prava. – SPb., 1899. – № 8 (Oktyabr'). – S. 1 – 40.
33. Korkunov N.M. S.E. Desnickij pervyj russkij professor prava (Rech' v godovom sobranii Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva 13 noyabrya 1894) / N.M. Korkunova // ZHurnal Ministerstva YUsticii. – SPb., 1894. – № 2 (Dekabr'). – S. 113 – 141.
34. Korkunov, N.M. Istoriya filosofii prava: Posobie k lekciyam / [Soch.] N.M. Korkunova. - Izd. 3-e (bez peremen). - SPb. : tip. M.M. Stasyulevicha, 1903. – VI, 483 s.
35. Kurs lekciy po teorii gosudarstva i prava. CH. 1 / Kolesnikov E.V., Kulapov V.L., Mal'ko A.V., Matuzov N.I., i dr.; Pod obshch. red.: Mal'ko A.V., Razgel'deev N.T. - Saratov, 1993. – 184 c.
36. Levitan, K. M. YUridicheskaya pedagogika: uchebnik / K.M. Levitan. — 2-e izd., izm. i dop. — Moskva: Norma: INFRA-M, 2021. – 416 s.
37. Medushevskaya O.M. Teoriya i metodologiya kognitivnoj istorii. M., 2008. – 358 c.

38. Moshchelkov, E. N. Istoriya politicheskikh uchenij kak nauchnaya i obrazovatel'naya disciplina v Rossii v XIX - nachale XX V. (analiticheskij obzor istochnikov) / E. N. Moshchelkov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. – 2005. – № 1. – S. 37-45.
39. Muromcev S.A. Obrazovanie prava po ucheniyam nemeckoj yurisprudencii / [Sochinenie] Sergej Muromceva. – Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. – M.: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1886. – 98, II s.
40. Nevolin K.A. Enciklopediya zakonovedeniya. Tom pervyj: Vvedenie v Enciklopediyu Zakonovedeniya, obshchaya chast' ee i pervaya polovina osobennoj chasti / Sochinenie Doktora prav i Ordinarnogo Professora Enciklopedii Zakonovedeniya i Uchrezhdenij Rossijskoj Imperii v Universitete Sv. Vladimira Konstantina Nevolina. – Kiev: V Universitetskoj Tipografii, 1839. – VIII, 633 s.
41. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. Uchebnik / Afanas'ev V.S., Bratko A.G., Gerasimov A.P., Gojman V.I., i dr.; Pod red.: Lazarev V.V. - M.: YUrist, 1994. – 360 c.
42. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. Uchebnik / Nersesyanc V.S. - M.: Norma, Infra-M, 1999. – 552 c.
43. Oчерки istorii politicheskikh uchenij. Uchebnoe posobie / Borisov L.P. - M.: Belye al'vy, 1997. – 128 c.
44. Paholenko N.B. Obsuzhdenie uchebnika po istorii politicheskikh uchenij // Pravovedenie. - L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1973, № 3. – S. 132-133.
45. Pilyankevich N. I. Istoriya filosofii prava..- Kiev: Universitetskaya tip., 1870. – 300 s.
46. Politicheskie ucheniya: istoriya i sovremennost'. Domarksistskaya politicheskaya mysl' / Grafskij V.G., Gracianskij P.S., Deev N.N., Lazurenko V.D., i dr.; Redkol.: Gracianskij P.S., Guliev V.E. (Otv. red.), Nersesyanc V.S. - M.: Nauka, 1976. – 495 c.
47. Postanovlenie CK KPSS «O merah po dal'nejshemu razvitiyu yuridicheskoy nauki i uluchsheniyu yuridicheskogo obrazovaniya v strane» - programma deyatel'nosti yuridicheskikh vuzov strany // Pravovedenie. - L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1965, № 1. – S. 188-192.
48. Rejsner M.A. Istoriya politicheskikh uchenij. Tom pervyj / M. Rejsner. – M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929. – 456 s., [1] vkl. l. portr.
49. Sobornov, P. E. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: iz opyta prepodavaniya v sisteme yuridicheskogo obrazovaniya 1920-1930-h godov / P. E. Sobornov // Istoriya gosudarstva i prava. 2014. № 6. – S. 26-30.
50. Teoriya gosudarstva i prava. Aktual'nye problemy: Uchebnoe posobie / Lazarev V.V. - M.: Izd-vo Akad. MVD RF, 1992. – 183 c.
51. Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnoe posobie / Samigullin V.K., Timonin A.N. - Ufa: Izd-vo VEGU, 1994. – 67 c.
52. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / S. A. Golunskij, M. S. Strogovich. - Moskva: YUridicheskoe izd-vo NKYU SSSR, 1940. – 303, [1] s.
53. Teoriya prava. Uchebnik / Livshic R.Z. - M.: BEK, 1994. – 224 c.
54. Universitetskij ustav 1863 goda. SPb., 1863.
55. Hrestomatiya po istorii politicheskikh uchenij / Emelin A.S., Nersesyanc V.S. - M.: Izd-vo Voen. in-ta, 1983. – 246 c.
56. CHicherin B.N. Istoriya politicheskikh uchenij. CHast' I: Drevnost' i srednie veka / [Sochinenie] B. CHicherina. – M.: Tipografiya Gracheva i K^o, 1869. – IX, 444 s.
57. SHershenevich G.F. Istoriya filosofii prava. Vypusk chetvertyj / Professora Kazanskogo Universiteta G.F. SHershenevicha. – Kazan': Tipo-litografiya Kazanskogo Universiteta, 1905. – [2], 349 – 494 s.
58. SHershenevich G.F. Filosofiya prava. Tom 1: CHast' teoreticheskaya. Vypusk 1: Obshchaya teoriya prava / G.F. SHershenevich. M.: Izdanie Br. Bashmakovykh, 1910. – VI.
59. YAchevskij V.V. O sovershenstvovanii prepodavaniya istorii politicheskikh uchenij // Pravovedenie. - L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1977, № 1. – S. 126-128.

УДК 349

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТОРГОВОГО ПОРТА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Осоченко А. А.

Правовое регулирование пожарной безопасности торгового флота в конце XIX – начале XX века играло важное значение при перевозке различных товаров, грузов, в том числе взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ.

Несоблюдении правил пожарной безопасности, могло привести не только к большому материальному ущербу, но и стать причиной гибели людей.

В данной статье рассмотрены правила пожарной безопасности на кораблях, судах, а также правила по использованию, перевозке, погрузке, выгрузке взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ, установленные распорядительными актами министерства и локальными нормативными актами, действовавшие на территории Ленинградского торгового порта в конце XIX – начале XX вв.

В данной статье были рассмотрены такие локальные акты торгового порта, как Сборник Обязательных Постановлений по Ленинградскому торговому порту от 1929 г. и Сборник Обязательных Постановлений по Ленинградскому торговому порту от 1937 г.

После детального исследования указанных нормативных актов, был сделан вывод о том, что в конце XIX – начале XX в. уже уделяли особое внимание не только использованию огня в портах, на кораблях, судах, а также использованию, перевозке, погрузке и выгрузке взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ. Предписания были направлены на уменьшение рисков, вероятности возникновения пожаров, возгорания таких веществ, которые могли бы причинить еще больший ущерб, убыток, в силу особенностей своего химического состава, и трудностей в ликвидации таких пожаров.

Ключевые слова: Ленинградский торговый порт, корабль, взрывоопасные, легковоспламеняющиеся вещества, пожарная безопасность.

Совершенствование нормативного правового регулирования в области пожарной безопасности, гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций является актуальной задачей в условиях участвовавших техногенных и природных катастроф [1, с. 34].

Задачи снижения экономических потерь от пожаров, уменьшение количества погибших и пострадавших при пожарах диктуют необходимость совершенствования государственного управления в области пожарной безопасности, дальнейшего разграничения полномочий в этой сфере между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, что позволит усилить ответственность за выполнение требований по пожарной безопасности и повысить эффективность правоприменения нормативных правовых актов по пожарной безопасности [2, с. 52].

Отечественное законодательство имеет более чем полуторавековые традиции в этой сфере. С момента принятия Пожарного устава в 1832 году формирование пожарной политики российского государства в сфере обеспечения безопасности от пожаров и иных стихийных бедствий не носило случайного характера, а было обусловлено следствием и продолжением единого замысла по ее реформированию [3, с. 42-45].

Эпоха великих реформ, проводившихся в Российской империи во второй половине XIX в., отразилась на всем российском законодательстве. Повлияла она и на положение дел в пожарной охране. При издании свода законов в 1885 г. в него не вошел Пожарный Устав. Большая часть требований этого устава повторяла ранее изданные положения, в связи с чем он был исключен из свода законов Российской империи и потерял свою силу. Его статьи были размещены по различным томам [4, с. 22].

В конце XIX – начале XX века, основные положения, были направлены на предотвращение пожаров и уменьшение их негативных последствий, как правило, касались непосредственно промышленных заведений, складов, а также некоторых иных объектов. При этом была введена определенная система мер, призванных защитить население и имущество от последствий огня [5, с. 141-146].

Регламентация деятельности так называемых «опасных» производств была направлена преимущественно на минимизацию неблагоприятных последствий для окружающей природной среды и человека.

В означенный исторический период достаточно подробно регулировалось изготовление взрывчатых веществ, функционирование частных пороховых, пушечных и оружейных заводов, заведений для приготовления капсюлей к охотничьему оружию, утилизационных заведений, а также испытание, перевозка, хранение и продажа минеральных масел, нефти и продуктов ее перегонки, употребление ацетилена, хранение и продажа кальция-карбоната [6, с. 94-102].

Следует обратить внимание на правовое регулирование пожарной безопасности торгового флота в конце XIX – начале XX века, игравшего в то время важное значение при перевозке различных товаров, грузов, в том числе взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ, которые при несоблюдении правил пожарной безопасности, могли нанести не только большой материальный ущерб, но и стать причиной гибели людей.

Более подробно рассмотрим правила пожарной безопасности Ленинградского торгового порта, история развития которого начинается с 1703 г., когда по указу Петра I были возведены первые портовые сооружения.

Начнем с того, что в конце XIX – начале XX века на территории Российской империи были изданы и действовали общеобязательные распорядительные акты министерств и ведомств, которые устанавливали правила судоходства, правила пожарной безопасности на кораблях, судах, а также правила по использованию, перевозке, погрузке, выгрузке взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ. Данные распорядительные акты далее конкретизировались уже в локальных нормативных актах торговых портов.

За соблюдением правил пожарной безопасности на воде вместе с представителями речной полиции отвечали начальники судоходных станций. По инструкции Министерства путей сообщения от 13 июля 1876 г. капитаны судов и помощники инспекторов судоходства обязаны были следить за исправным состоянием пожарных средств на кораблях и пристанях и за обучением команды правилам их применения на случае пожара [4, с. 22-27].

Одними из распорядительных актов того времени, были Правила буксирования судов и гонок и сплава гонок по р. Неве между Шлиссельбургом и Рожковскою

пристанью в С.-Петербурге (утверждены министром путей сообщения 16 июня 1879 г.).

Так, согласно п. 3. указанных Правил, всякий буксирный пароход, на случай пожара на воде, должен был быть снабжен брандспойтом, или же исправной пожарной трубой с рукавом, длиной не менее 10 саж., а каждое судно, идущее на буксире, обязано было иметь достаточное число швабр и одно ведро с водой на каждые 2.000 пуд. груза, - во всяком случае не должно было иметь менее 6 ведер с водой и во все время следования, кроме рулевого, на нем должен был находиться и один из рабочих для караула и подачи первой помощи. Шкипера буксирных пароходов имели за этим строгое наблюдение.

В каждом буксирном возе (т.е. караване) судна с грузом легко воспламеняемым, должны были ставиться в задних рядах каравана. Если воз состоял исключительно из судов с легко воспламеняемым грузом, буксир должен был быть вдвое длиннее против буксира с судами, нагруженными обыкновенным грузом (п. 7).

При воспламенении груза на одном из буксируемых судов, необходимо было прежде всего озаботиться удалением всех судов от горящего судна, или наоборот, смотря по тому, что удобнее сделать; если загорится заднее судно, то оно немедленно отчаливалось, а пароход отводили другие суда и, отводя их, возвращалось к загоревшемуся судну для оказания посильной помощи; напротив, если загоралось среднее судно, или переднее, пароход прежде всего удалял его от других судов (п. 8).

В случае угрожающей судну или гонке, вследствие повреждения или пожара, опасности, всякий мимо проходящий и близ стоящий пароход был обязан оказать всевозможную помощь, равно как и все рабочие с судов и гонок, стоящие вне опасности (п. 9).

О всяком происшествии, случившемся во время буксирования, шкипер парохода был обязан доносить должностному лицу по судоходству на первом посту, мимо которого он после случившегося проходил (п. 10).

Барки и счалки с сеном, соловой или древесным углем, предоставляющие по объему значительную площадь для ветра, допускались принимать на буксир по течению только в числе четырех судов, которые помещаются по 2 в ряд, при чем для пароходов, отапливаемых углем, интервал первого ряда от кормы буксирного парохода, для обеспечения от искр и ослабления волнения от движения парохода, не должны были быть менее 30 саж.; для пароходов же отапливаемых дровами, буксировка барок с сеном вовсе воспрещалась (п. 11.) [7, с. 37-39].

На территории Ленинградского торгового порта, как и на территориях иных торговых портов, действовали и локальные нормативные акты, которые так же устанавливали, конкретизировали правила пожарной безопасности, в том числе правила перевозки, погрузки, выгрузки, хранения и использования различных грузов и опасных веществ.

Одним из локальных актов первой половины XX века является Сборник Обязательных Постановлений по Ленинградскому торговому порту от 1929 г.

В соответствии с данным нормативным актом, определялся порядок выгрузки взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ, а также курения, освещения. Так морские суда, прибывающие в порт с полной нагрузкой бурого или каменного угля, кокса или торфяных брикетов, а также суда, прибывающие хотя и не с полной нагрузкой упомянутого груза, но имеющие его более 50 % общей нагрузки, независи-

мо от того, подлежал ли этот груз выгрузке на берег в вагоны или в подгрузные суда, устанавливались под выгрузку в Угольной гавани (п. 135)

Порядок складирования и хранения каменного угля на территории порта определялся Обязательным Постановлением Ленинградского Совета «О хранении каменного угля» (Сборн. обязат. пост. Презид. Лен. Совета, изд. 1928., стр. 576) (п. 137).

Взрывчатые и легковоспламеняющиеся вещества, допускались к выгрузке и хранению в Порту лишь в местах и по установленным правилам (п. 138).

О нахождении на судне указанных грузов и о предстоящей выгрузке их в предназначенных для этого местах, грузополучатель был обязан заблаговременно сообщить Управлению Порта, которое в свою очередь своевременно ставило об этом в известность Управление таможни и Пожарную Охрану (п. 139).

Документы, необходимые для досмотра и выпуска упомянутых грузов, должны были быть представлены грузополучателем в Управление Таможни не позднее одних суток с момента начала выгрузки судна (п. 140).

Выгрузка и погрузка взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ должна была производиться с соблюдением надлежащих мер осторожности. (п. 141)

К производству погрузочно-разгрузочных работ в Порту допускались лишь предприятия, имеющие в своем распоряжении:

а) достаточный персонал квалифицированных технических руководителей упомянутых работ, как-то: стивидоров, экспедиторов, корабельных и иных агентов;

б) необходимые материалы, орудия, приспособления и прочий инвентарь, соответствующий роду производимых работ (п. 1 Раздела «О производстве погрузочных и разгрузочных работ в порту»).

Погрузочно-разгрузочные предприятия, при посылке рабочих, были обязаны инструктировать их о предельной норме тяжести, подлежащей переноске каждым рабочим в отдельности, а также ознакомить их с опасностями, связанными с производством той или иной работы (п. 7).

Лица, находящиеся в нетрезвом состоянии, к работам не допускались и в случае обнаружения таких лиц, последние снимались с работы (п. 9).

Курение табаку воспрещалось: на судах и набережных, где производились грузовые операции, на загруженных площадках, под навесами и в пакгаузах, за исключением мест, специально предназначенных для курения (п. 11).

Места работы на судах, производящих погрузку или разгрузку ночью, или, вообще, в темное время, должны были быть хорошо освещены и обставлены надлежащими предосторожностями, как в отношении безопасности самих работ, так и в пожарном отношении (п. 12).

При употреблении электрических ламп во время производства грузовых операций и для освещения складочных мест на набережных Порта, таковые лампы должны были быть ограждены рефлекторами или щитами, чтобы освещение ими не мешало судоходству (п. 13).

Подъем и опускание грузов должны были производиться возможно плавно, дабы избежать их раскачивания (п. 21).

В соответствии с Разделом 4 «О мерах предосторожности против пожаров» Сборника Обязательных Постановлений по Ленинградскому торговому порту от 1929 г., воспрещалось в пределах Порта курение на перегрузочных судах, на берегу

в местах выгрузки, на участках, занятых лесными и прочими материалами, а также вблизи таковых участков (п. 1).

В виду повышенной пожарной опасности, в связи с применением для автомобилей газового бензина, воспрещалось:

а) употребление газового бензина для примусов, паяльных ламп, клееварок и т.п. при обслуживании автомобилей;

б) курение на автомобилях водителями машин и лицами, сидящими рядом с ними;

в) заливка горючего в бак автомобиля при работающем двигателе (п. 8).

Все баки в автомобилях и посуда для бензина в гараже должны были быть оборудованы предохранительными сетками и пробками и всегда находиться в исправном состоянии, не допуская на малейшей течи. В таком же исправном состоянии должны были всегда находиться на автомобилях бензинопроводы, выпускные трубы и глушители (п. 9).

В местах хранения бензина должна была быть устроена усиленная вентиляция, без применения механических приборов (п. 10).

Все лица, в ведении которых находились автомобили, должны были следить за правильной регулировкой двигателя и карбюратора, во избежание отдачи в карбюратор или глушитель горящих газов (п.11).

Все автомобили должны были быть снабжены огнетушителями малого типа (п. 12) [8, с. 61-70].

Со временем, был издан Сборник Обязательных Постановлений по Ленинградскому торговому порту от 1937 г., куда были добавлены и иные пункты, регулирующие правила пожарной безопасности торгового порта.

В соответствии с Разделом XVI «О мерах предосторожности против пожаров», на всей территории порта курить воспрещалось. Курение допускалось лишь в жилых помещениях, конторах или других приспособленных для этого безопасных закрытых помещениях с разрешения пожарной охраны порта. На морских судах во время производства погрузочно-разгрузочных работ курение допускалось лишь в жилых помещениях. Курение внутри люков, трюмов безусловно воспрещалось (п. 211).

Воспрещалось разведение огня для каких бы то ни было целей на перегрузочных и на зимующих судах, а равно на всей территории порта. В случае крайней необходимости, разведение огня могло быть допущено в каждом отдельном случае только с разрешение пожарной охраны, при условии принятия всех мер предосторожности (п. 212).

Воспрещалось зажигание фейерверков и иллюминаций, а также хранение заряженного оружия без особого на то письменного разрешения Управления порта (п. 213).

Воспрещались все виды освещений, кроме электрического (п. 214).

Отопление железнодорожных паровозов и судов речного плавания, работающих в порту, должно было производиться нефтью или углем; дровяное отопление не допускалось (п. 215).

При перевозке взрывчатых веществ должно было быть обращено особое внимание на принятие противопожарных мер, для чего:

а) судно, назначенное для буксировки барж (транспортов) с указанным грузом так же, как и буксируемые суда, должны были иметь на всех дымовых трубах (не исключая кухни), при отоплении твердым топливом, предохранительные искроуловительные сетки. Кроме того, во всех случаях – пожарный насос и прочее противопожарное оборудование, согласно существующих правил;

б) на буксирующих судах приготовление пищи и курение разрешалось только в особо отведенных для этого местах и с соблюдением всех противопожарных правил;

в) приготовление пищи и курение на буксируемых судах с этим грузом воспрещалось, о чем вывешивались соответствующие надписи;

г) пожарные насосы и мелкий пожарный инструмент как на буксирующем судне, так и на буксируемых баржах, должны были быть опробованы и находиться в полной готовности, в частности – насосы с повернутыми рукавами;

д) держание прочих огней, кроме сигнальных и для освещения помещений, допускаемого согласно правил освещения, на буксируемых судах воспрещалось, о чем вывешивались соответствующие надписи;

е) проживание семей команд на перевозящих эти грузы судах (паротепловых и непаровых) – воспрещалось; доступ посторонних лиц на эти суда, без разрешения администрации судов также воспрещался (п. 216).

Воспрещалась укладка товаров и грузов вокруг колодцев, пожарных кранов и пожарных сигналов, радиусом менее двух метров – для сохранения свободного к ним проходов и проезда.

Воспрещалась также укладка грузов, пакетов пиломатериалов и вообще какое-либо загромождение специальных пожарных проездов и пирсов (п. 217).

Также воспрещалось:

а) курение на автомобилях водителями машин и лицами, сидящими рядом с ним;

б) заливка горячего в бак автомобиля при работающем двигателе;

в) залив горячего в бак автомобиля при работающем двигателе (п. 218).

Также были установлены Правила для судов, перевозящих минеральные масла и другие горючие жидкости, а именно:

а) капитан судна, везущего горючие жидкости наливом, за сутки до прибытия в Ленинградский Торговый порт, должен был известить об этом Портовой надзор, а в случае порожнего суда - происхождение и температуру вспышки последнего груза.

б) наливные суда в груженом и порожнем состоянии могли иметь место стоянки только у Морской пристани.

в) после швартовки судна и ухода команды на берег, должны были быть оставлены на вахта, которые следовало оставлять таким образом, чтобы она была в состоянии, в случае пожарной опасности тотчас же отвести судно.

г) на наливных судах во время стоянки их у Морской пристани, не разрешалось какое-либо употребление огня и курение, а в летнее время, кроме того пользование паровыми котлами.

д) по окончании выгрузки или погрузки, судно сразу же должно было покинуть порт.

е) наливное судно, по окончании разгрузки, с разрешения Портового надзора, могло оставаться в порту для принятия груза, ремонта или докирования, при соблюдении отдельной инструкции Пожарной охраны.

ж) пользование камбузом при стоянке у Морской пристани, могло быть разрешено при условии отопления его коксом и если труба камбуза отводилась в главную дымовую трубу, снабженную искроуловителями [9, с. 46-49].

Можно сделать вывод, что в конце XIX – начале XX в. уже уделяли особое внимание не только использованию огня в портах, на кораблях, судах, а также использованию, перевозке, погрузке и выгрузке взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ. Предписания были направлены на уменьшение рисков, вероятности возникновения пожаров, возгорания таких веществ, которые могли бы причинить еще больший ущерб, убыток, в силу особенностей своего химического состава, и трудностей в ликвидации таких пожаров [10, с. 30-38].

На территории Ленинградского торгового порта действовали общеобязательные распорядительные акты министерств и ведомств, а также локальные нормативные акты, которые устанавливали правила пожарной безопасности, направленные на предотвращение пожаров и минимизацию негативных последствий.

Список литературы:

1. Немченко С. Б. О правовой политике в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий: материалы круглого стола. Санкт-Петербург. 4 июня 2014 года / под общ. ред. Э. Н. Чижикова, А. В. Малько, С. Б. Немченко; сост. А. А. Смирнова, Н. И. Уткин. – СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2016. – 310 с.
2. Журавлев П. Е. Проблемные вопросы нормативного правового регулирования системы обеспечения пожарной безопасности в Российской Федерации: материалы круглого стола. Санкт-Петербург. 4 июня 2014 года / под общ. ред. Э. Н. Чижикова, А. В. Малько, С. Б. Немченко; сост. А. А. Смирнова, Н. И. Уткин. – СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2016. – 310 с.
3. Немченко С. Б., Смирнова А. А. К вопросу о формировании правовой политики России в сфере борьбы с пожарами и стихийными бедствиями в первой половине XIX века // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2013. № 1 (14). С. 42-45;
4. Новичкова Н. Ю. Пожарная охрана и российское законодательство на рубеже XIX - XX вв. // Журнал «Пожаровзрывобезопасность», 2006. - С. 22-27.
5. Ковалева Н. В. Пожарные объекты: техническое регулирование по законодательству Российской империи XIX - начала XX веков. Добровольная пожарная охрана: истоки, проблемы, перспективы: материалы круглого стола. Санкт-Петербург, 17 мая 2012 года под общ. ред. О. М. Латышева; сост. О. М. Латышев, Р. Э. Агаева, С. Б. Немченко, А. А. Смирнова. - СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2013. - С. 141-146.
6. Ковалева Н. В. Техно-юридическое регулирование опасных производств в Российской империи (XIX- начала XX в) // Журнал российского права. - 2011. - № 3. - С. 94-102.
7. Собрании узаконений и распоряжений Правит. 1879 г. №93, ст. 526.
8. Сборник Обязательных Постановлений по Ленинградскому торговому порту от 1929 г.
9. Сборник Обязательных Постановлений по Ленинградскому торговому порту от 1937 г.
10. Губченко А. А. (Осоченко А. А.) Общая характеристика правил пожарной безопасности при использовании и перевозки, погрузки, выгрузки взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ в торговых портах Российской империи XIX - начала XX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. – Т. 6 (72). № 1. – С. 30-38.

Osochenko A. A. Legal regulation of fire safety of the Leningrad commercial port in the late XIX - early XX centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 49-56.

The legal regulation of the fire safety of the merchant fleet in the late XIX - early XX century played an important role in the transportation of various goods, cargo, including explosive and flammable substances. Failure to comply with fire safety rules could lead not only to great material damage, but also cause death of people. This article discusses the fire safety rules on ships, vessels, as well as the rules for the use, transportation, loading, unloading of explosive and flammable substances, established by the administrative acts of the

ministry and local regulations that were in force on the territory of the Leningrad Commercial Port in the late XIX - early XX centuries . In this article, such local acts of the commercial port as the Collection of Compulsory Regulations for the Leningrad Commercial Port of 1929 and the Collection of Compulsory Regulations for the Leningrad Commercial Port of 1937 were considered.

After a detailed study of these regulations, it was concluded that in the late XIX - early XX century. have already paid special attention not only to the use of fire in ports, on ships, but also to the use, transportation, loading and unloading of explosive and flammable substances. The regulations were aimed at reducing risks, the likelihood of fires, the ignition of such substances that could cause even more damage, loss, due to the nature of their chemical composition, and the difficulties in extinguishing such fires.

Key words: Leningrad commercial port, ship, explosive, flammable substances, fire safety.

Spisok literatury:

1. Nemchenko S. B. O pravovoy politike v sfere obespecheniya pozharnoy bezopasnosti, grazhdanskoy oborony, chrezvychaynykh situatsiy i likvidatsii posledstviy stikhiynykh bedstviy: materialy kruglogo stola. Sankt-Peterburg. 4 iyunya 2014 goda / pod obshch. red. E. N. Chizhikova, A. V. Mal'ko, S. B. Nemchenko; sost. A. A. Smirnova, N. I. Utkin. – SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet GPS MCHS Rossii, 2016. – 310 s.
2. Zhuravlev P. Ye. Problemnyye voprosy normativnogo pravovogo regulirovaniya sistemy obespecheniya pozharnoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii: materialy kruglogo stola. Sankt-Peterburg. 4 iyunya 2014 goda / pod obshch. red. E. N. Chizhikova, A. V. Mal'ko, S. B. Nemchenko; sost. A. A. Smirnova, N. I. Utkin. – SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet GPS MCHS Rossii, 2016. – 310 s.
3. Nemchenko S. B., Smirnova A. A. K voprosu o formirovani pravovoy politiki Rossii v sfere bor'by s pozharami i stikhiynymi bedstviyami v pervoy polovine XIX veka // Vestnik Gumanitarnogo instituta TGU.2013. № 1 (14) . S. 42-45;
4. Novichkova N. YU. Pozharnaya okhrana i rossiyskoye zakonodatel'stvo na rubezhe XIX - XX vv. // Zhurnal "Pozharovzryvobezopasnost", 2006 g. - S. 22-27.
5. Kovaleva N. V. Pozharnyye ob'yekty: tekhnicheskoye regulirovaniye po zakonodatel'stvu Rossiyskoy imperii XIX - nachala XX vekov. Dobrovol'naya pozharnaya okhrana: istoki, problemy, perspektivy: materialy kruglogo stola. Sankt-Peterburg, 17 maya 2012 goda pod obshch. red. O. M. Latysheva; sost. O. M. Latyshev, R. E. Agayeva, S. B. Nemchenko, A. A. Smirnova. - SMb.: Sankt-Peterburgskiy universitet GPS MCHS Rossii, 2013. -360 s. - S. 141-146;
6. Kovaleva N. V. Tekhniko-yuridicheskoye regulirovaniye opasnykh proizvodstv v Rossiyskoy imperii (XIX-nachala XX v) // Zhurnal rossiyskogo prava. - 2011. - № 3. - S. 94-102.
7. Sobranii uzakoneniy i rasporyazheniy Pravit. 1879 g. №93, st. 526.
8. Sbornik Obyazatel'nykh Postanovleniy po Leningradskomu torgovomu portu ot 1929 g.
9. Sbornik Obyazatel'nykh Postanovleniy po Leningradskomu torgovomu portu ot 1937 g.
10. Gubchenko A. A. (Osochenko A. A.) Obshchaya kharakteristika pravil pozharnoy bezopasnosti pri ispol'zovanii i perevozki, pogruzki, vygruzki vzryvoopasnykh i legkovosplamenyayushchikhsya veshchestv v torgovykh portakh Rossiyskoy imperii XIX - nachala XX veka.: Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskoye nauki. 2020. – T. 6 (72). № 1. – S. 30-38.

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

УДК 342.4

**ОБ ИССЛЕДОВАНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ СИСТЕМЫ
ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Анохин А. Н.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье рассматриваются проблемы исследования конституционных основ системы публичной власти в Российской Федерации. Акцент сделан на вопросах организации системы публичной власти в условиях действующей конституционной модели. Показана системообразующая роль Государственного Совета Российской Федерации в строительстве и координации деятельности субъектов системы публичной власти. Подчеркивается интеграционная роль Президента Российской Федерации в механизме данной системы.

Ключевые слова: система публичной власти, государственная власть, муниципальная власть, Государственный Совет Российской Федерации.

В научной литературе проблемы государственной, муниципальной власти занимают одно из центральных мест. Это обусловлено тем, что в основе государственно-правового регулирования содержится власть народа (в условиях демократического, правового государства), поэтому конституционная концепция народовластия выступает исходной теоретической предпосылкой для понимания природы публичной власти (государственной и муниципальной), анализа ее структуры, интегративных механизмов функционирования. Непосредственно конституционным вопросам организации государственной и муниципальной власти посвящены работы Торгашина И.М., Мещерякова А.Н., Лобанова И.В., Ильиных А.В., Коваль Т.А., Хоменко Е.В., Корсун К.И., Усманова Р.М. и многих других авторов. Однако исследование системы публичной власти в Российской Федерации должно осуществляться с учетом ее интегративной природы, основанной на идее народовластия и соответствующем статусе Президента Российской Федерации. Отсюда цель статьи – показать системообразующую роль Государственного Совета Российской Федерации, формируемого Президентом РФ, в организации публичной власти.

Важно подчеркнуть, что одним из важнейших достижений Конституции Российской Федерации 1993 г. является закрепление институтов народовластия, признание Российского государства в качестве демократического, правового. В рамках выделения видов власти народа, Конституция Российской Федерации закрепляет государственную и муниципальную власть, без их нормативного определения как единой системы публичной власти. Вместе с тем в юридической литературе активно разрабатывалась концепция публичной власти, ее понимание как подсистемы единой системы власти народа, куда в качестве системообразующего фактора входит учредительная власть народа, воплощенная в Преамбуле Конституции Российской Федерации и провозглашающая статус государственной и муниципальной власти [1, с. 3 – 11; 2, с. 82 - 134].

Важно указать, что в новой редакции Конституции Российской Федерации [3] были установлены положения, относящиеся к организации и системе публичной власти, ее конкретизации в условиях действующей конституционной модели. Так, в соответствии с пунктом «г» статьи 71 Конституции Российской Федерации сфера организации публичной власти отнесена к ведению Российской Федерации. Это свидетельствует о важности регулирования данных вопросов на общефедеральном уровне и их приоритетности с позиций необходимости усиления тенденций централизации в построении и организации единой системы публичной власти.

Исходя из данной концептуальной логики, непосредственная деятельность по организации публичной власти должна быть передана такому институту государства, который бы интегрировал в себе (замыкал) всю систему государственной власти и в целом государственное управление обществом. Подобную роль в рамках действующей конституционной системы выполняет Президент Российской Федерации - глава государства (п. 1 ст. 80 Конституции Российской Федерации), выступающий в условиях Российского государства объединяющим фактором в формировании и функционировании единой конструкции государственно-организованного общества.

Кроме того, согласно п. 1 ст. 81 Конституции Российской Федерации, Президент Российской Федерации избирается сроком на шесть лет гражданами Российской Федерации. Это свидетельствует о представительных началах должности Президента, избираемого народом (избирательным корпусом) России. Поэтому сочетание в конституционной модели статуса Президента Российской Федерации представительных и государственных начал указывает на интеграцию народовластия (народа как источника и социального субъекта государственной и муниципальной власти) и системы органов государственной и муниципальной власти (технических носителей государственной и муниципальной власти).

Поэтому в соответствии с п. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации в установленном Конституцией Российской Федерации порядке обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Согласно ст. 1 Федерального Закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 394-ФЗ) [4], под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах, на основе принципов согласованного функционирования и установленного на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно - правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально – экономического развития государства.

В научно-практическом Комментарий к Конституции Российской Федерации, под редакцией Председателя Конституционного Суда РФ Зорькина В.Д., подчеркивается, что статья 80 Конституции Российской Федерации возлагает на Президента Российской Федерации ряд функций, доминирующее место в числе которых имеет

интеграционная. Указанная функция проявляется в различных аспектах. Во-первых, в самом словосочетании «глава государства» содержится указание на то, что Президент Российской Федерации как неколлегиальный и первый в конституционной системе власти орган олицетворяет единство и целостность Российского государства и политическое единство общества, а его полномочия служат для выражения и обеспечения этого единства. Во-вторых, указанная функция проявляется в том, что Президент обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Глава государства не только выступает воплощением единства власти, но и выполняет координирующую функцию [4, с. 688].

Следовательно, в системе публичной власти Президент Российской Федерации выступает системообразующим фактором, координирующим, стабилизирующим и развивающим систему публичной власти, обеспечивающим ее полноту, единство, целостность. Однако для успешного осуществления этой деятельности Президент Российской Федерации должен обладать эффективным вспомогательным механизмом подобного системообразования. В качестве такого механизма конституционно учрежден специальный государственный орган – Государственный Совет Российской Федерации.

В пункте «е. 5» ст. 83 Конституции Российской Федерации установлено, что Президент Российской Федерации формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства.

Более конкретизировано целью создания Государственного Совета Российской Федерации является его участие в пределах компетенции в разработке стратегических задач и целей внутренней и внешней политики Российской Федерации, в формировании государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, способствование согласованному функционированию и взаимодействию органов, входящих в единую систему публичной власти (статья 3 Федерального Закона № 394-ФЗ).

Следовательно, функционально-целевое назначение данного органа состоит в его служебном, по отношению к Президенту Российской Федерации, характере, вспомогательном участии в осуществлении интегративной, координационно-стабилизирующей роли главы государства.

В контексте изложенного важно подчеркнуть, что строение Государственного Совета Российской Федерации, закрепленное в рассматриваемом Законе, структурно воспроизводит модель системы публичной власти с указанием в ней системообразующих места и роли Президента Российской Федерации. Согласно статье 7 Федерального Закона № 394-ФЗ в состав Государственного Совета входят Председатель Государственного Совета и члены Государственного Совета. Ст. 8 Федерального Закона № 394-ФЗ устанавливает, что Председателем Государственного Совета является Президент Российской Федерации. Председатель Государственного Совета: 1) осуществляет руководство деятельностью Государственного Совета; 2) определяет место и время проведения заседаний Государственного Совета и его Президиума; 3) председательствует на заседаниях Государственного Совета и его

Президиума; 4) формирует план работы Государственного Совета и повестку дня его очередного заседания; 5) назначает Секретаря Государственного Совета из числа членов Государственного Совета; 6) решает иные вопросы деятельности Государственного Совета.

Ст. 9 Федерального Закона № 394-ФЗ определяет членов Государственного Совета: Председатель Правительства Российской Федерации, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Председатель Государственной Думы Российской Федерации, Руководитель Администрации Президента Российской Федерации, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации (руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации). По решению Президента Российской Федерации в состав Государственного Совета могут быть включены представители политических партий, имеющих фракции в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, представители местного самоуправления. По решению Президента Российской Федерации в состав Государственного Совета также могут быть включены иные лица.

Для решения текущих вопросов деятельности Государственного Совета формируется Президиум Государственного Совета. Персональный состав Президиума Государственного Совета определяется Председателем Государственного Совета (пункты 1, 2 ст. 10 Федерального Закона № 394-ФЗ).

Итак, изложенное свидетельствует, что в Российской Федерации продолжается процесс институционального оформления единой системы публичной власти. Публичная власть получила развитие именно как системное образование, призванное привести в две подсистемы государственной и муниципальной власти (местного самоуправления) такие общесистемные качества как интегративность, целостность, единство, полноту. Такое преобразование государственной и муниципальной власти в единую публичную власть может быть обосновано, как уже отмечалось выше, производностью этих видов власти от исходной, единой власти народа России – учредительной власти, воплощенной в Конституции Российской Федерации, и способной не только учреждать, но и модифицировать, корректировать различные конституционные положения.

В условиях современной глобальной трансформации (перезагрузки) всех сфер жизнедеятельности, реальных угроз суверенитету народов и государств, возникла настоятельная необходимость концентрации и централизации всего властного потенциала, его мобилизации для эффективного решения и предотвращения возможных негативных вызовов.

Список литературы:

1. Анохин А.Н. Методологические основы исследования системы власти народа // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. Т.6 (72). №1. – С. 3–11.
2. Тихомиров Ю.А. Публичное право. Учебник. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 496 с.
3. Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва: Проспект, 2020. – 64 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации /под ред. В.Д. Зорькина. – 3 – е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2013. – 1040с. html (дата обращения 27.03.2021)
5. Федеральный Закон от 8 декабря 2020г. № 394 – ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» - Российская газета – rg.ru/2020/12/11gossovet-dok).

A.N. Anohin. On the study of the constitutional foundations of the system of public relations in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 57-61.

The article deals with the problems of studying the constitutional foundations of the system of public relations in the Russian Federation. The emphasis is placed on the problem of the organization of the system of public relations in the terms of the current constitutional model in Russia. The study shows the leading role of the State Council of the Russian Federation in the construction and coordination of the activities of the subjects of the public relations system. The integration role of the President of the Russian Federation in this system mechanism is emphasized.

Keywords: system of public relations, state power, municipal authority, State Council of the Russian Federation.

Список литературы:

1. Анохин А.Н. Методологические основы исследования системы власти народа // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. Т.6 (72). №1. – С. 3–11.
2. Тихомиров Ю.А. Публичное право. Учебник. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 496 с.
3. Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва: Проспект, 2020. – 64 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации /под ред. В.Д. Зорькина. – 3 – е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2013. – 1040с. html (дата обращения 27.03.2021)
5. Федеральный Закон от 8 декабря 2020г. № 394 – ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» - Российская газета – rg.ru/2020/12/11gossovet-dok).

УДК 343.9

**ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ
ОРГАНАМИ ДОСТИЖЕНИЙ КРИМИНАЛИСТИКИ В ЦЕЛЯХ РАСКРЫТИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аскаргов С. В.

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России (г. Ставрополь)

В статье раскрыто понятие криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, а также возможности в совершенствовании криминалистических методов, средств, приемов и рекомендаций в практической деятельности правоохранительных органов в целях раскрытия и расследования дорожно-транспортных преступлений. Автор приходит к выводу о том, что использование следователями и экспертами в своей профессиональной деятельности специальной криминалистической техники будет способствовать получению ими объективных результатов для дальнейших исследований и повышения эффективности своей деятельности при расследовании ДТП.

Ключевые слова: криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, расследование дорожно-транспортных преступлений, судебная автотехническая экспертиза, технико-криминалистические средства, прибор для проверки эффективности тормозной системы транспортного средства.

Криминалистика постоянно внедряет в деятельность правоохранительных органов с целью усовершенствования эффективности борьбы с преступностью различные достижения научно-технического прогресса (НТП). Однако по мере развития НТП все значительней и заметнее становится разрыв между возможностями в совершенствовании криминалистических методов, средств, приемов, рекомендаций и реализации таких возможностей в практической деятельности правоохранительных органов в раскрытии и расследовании различных видов преступлений [1].

Впервые понятие криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений ввел В.Г. Коломацкий – «Криминалистическое обеспечение это внедрение в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка, борьбе с преступностью, криминалистических знаний, воплощенных в умении практических работников использовать научные, методические и тактические криминалистические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения» [2].

Несколько позже, в уточненной редакции Р.С. Белкин, представляет это определение «Как систему криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений» [3].

Инновационный процесс достигает завершенности, если результат научной разработки внедрен в практику правоохранительных органов по борьбе с преступностью и постоянно используется следователями, дознавателями, экспертами-криминалистами и др. в решении криминалистических задач.

Таким образом, с позиции научно-технического прогресса, с учетом достижений науки и техники определяются только возможности удовлетворения потребностей правоохранительных органов, в совершенствовании имеющихся и разработке новых

методов и средств криминалистической техники, а удовлетворяются такие потребности под влиянием общественного прогресса. Им были predeterminedены положения УПК РФ, которыми определяется допустимость (недопустимость) тех или иных технических средств в уголовном процессе, формы и порядок их применения, наконец, признание (непризнание) в качестве доказательств результатов их практического использования.

Техника собирания следов преступлений, как правило, представляет собой комплекты научно-технических средств: унифицированные и «тематические» (для изъятия следов пальцев рук, следов запаха, микрообъектов, для осмотра места пожара, места взрыва, ДТП и др.).

В настоящее время экспертно-криминалистические подразделения МВД России обеспечены современными технико-криминалистическими средствами, которые во многом остаются невостребованными следователями при расследовании дорожно-транспортных преступлений. Одним из таких технико-криминалистических средств является унифицированный чемодан эксперта-автотехника «Автотехэксперт», производства ООО «Криминалистическая техника». Общий вид чемодана представлен на рисунке 1 [4].

Рисунок 1

Чемодан укомплектован унифицированными технико-криминалистическими средствами, используемых при осмотре места ДТП, такими как: осветитель ультрафиолетовый портативный, микроскоп под маркировку ДатаДот с увеличением не менее 50х, измеритель расстояний лазерный с диапазоном измерений не менее 0,05 – 60 метров, а также стандартная рулетка длиной 50 метров и другие. Кроме этого, в указанном чемодане имеется прибор для проверки эффективности тормозной системы транспортного средства «Эффект» (далее прибор). Общий вид прибора и его комплектация указана на рисунке 2 [5].

Рисунок 2

В зависимости от способа установки прибора в салоне испытуемого автомобиля, он выпускается в нескольких модификациях [6]: - «Эффект-02» с вертикальным рабочим положением (рисунок 3).

Рисунок 3

- «Эффект-02.01» с горизонтальным рабочим положением (рисунок 4).

Рисунок 4

При экспертных расчётах остановочного пути, расстояний обгона и других параметров, связанных с расстояниями, проходимыми ТС в заторможенном состоянии, необходимо учитывать время срабатывания тормозной системы [7]. На практике

эксперты-автотехники в ходе проведения экспертизы используют табличные значения установившегося замедления автомобиля, предложенных методическими рекомендациями более 40 лет назад. Учитывая это, возникают сомнения в объективности этих значений замедления автомобиля, так как с техническим развитием автомобильной промышленности изменились различные технические параметры автомобилей, что соответственно влияет на указанные значения. Поэтому использование в настоящее время экспертами в ходе проведения судебных автотехнических экспертиз табличных значений установившегося замедления автомобиля вызывает сомнения в объективности сделанных ими выводов исследований.

Чтобы добиться объективности показателей тормозной системы транспортного средства, которое участвовало в дорожно-транспортном происшествии следователям и экспертам необходимо использовать вышеуказанный прибор «Эффект-02». Так, он может использоваться в ходе проведения следователем следственного эксперимента с целью проверки эффективности рабочей тормозной системы испытуемого автомобиля, участвовавшего в ДТП, а экспертом в ходе проведения автотехнической судебной экспертизы в ходе проведения ходовых испытаний (три экспериментальных заезда) с контрольным торможением и измерением величины замедления.

Для того, чтобы провести проверку тормозной системы транспортного средства, которое участвовало в дорожно-транспортном происшествии, указанное ТС необходимо разместить на заранее выбранной горизонтальной сухой асфальтированной поверхности дороги, при этом шины проходящего поверку ТС должны быть чистыми и сухими. После этого, разместить электронный блок прибора с помощью прижима имеющегося с тыльной стороны его корпуса на стекле передней пассажирской или водительской двери проверяемого автомобиля, при этом стрелки указанные в нижней части корпуса прибора должны соответствовать направлению движения ТС. С помощью специального крепления на верхнюю поверхность педали тормоза крепится датчик силы.

Во время проведения ходовых испытаний (не менее двух экспериментальных заезда) с контрольным торможением водитель разгоняет проверяемый автомобиль до скорости около 40 км/ч, после чего воздействием на педаль тормоза, в режиме экстренного торможения замедляет до полной остановки испытуемый автомобиль, при этом согласно руководству по эксплуатации прибора [6], в процессе торможения, не допускается корректировка траектории движения ТС, если этого не требует обеспечение безопасности всех участников следственного действия и испытаний.

После остановки испытуемого автомобиля, следователь или эксперт фиксируют полученные результаты, при этом указанный прибор рассчитывает следующие параметры: установившееся замедление, пиковое значение усилия нажатия на педаль, длину тормозного пути и время срабатывания тормозной системы. Прибор также производит пересчет нормы тормозного пути к реальной начальной скорости торможения [6].

Полученные результаты, следователи могут использовать как исходные данные при назначении судебных автотехнических экспертиз, а эксперты анализируя полученные результаты замеров эффективности рабочей тормозной системы испытуемого автомобиля устанавливают, находятся ли они в допустимых границах, регламентированных требованиями ГОСТ Р 51709-2001 [8], после чего делают объективные

выводы о нахождении рабочей тормозной системы испытуемого автомобиля в исправном состоянии, или нет.

Чем сложнее техника, тем совершенней должна быть организация ее применения, тем выше должен быть уровень специализации применяющих ее специалистов и экспертов. При всей важности и значимости работы, выполняемой экспертно-криминалистическими подразделениями в целях раскрытия и расследования различных видов преступлений, в том числе и дорожно-транспортных преступлений, все-таки ее эффективность во многом предопределяется следователями, отвечающими в соответствии с УПК РФ за результаты собирания и использования доказательств. В этой связи они сами обязаны в своей работе в известных пределах применять методы и средства криминалистической техники, а при необходимости организовывать или обеспечивать их использование в процессе раскрытия и расследования преступлений, с помощью экспертов и специалистов.

На основании вышеизложенного считаю, что субъектами раскрытия и расследования дорожно-транспортных преступлений нужно чаще использовать в своей профессиональной деятельности специальную криминалистическую технику, такую, как прибор «Эффект» при проведении ими следственных действий или при выполнении автотехнической судебной экспертизы ТС, что будет способствовать получению объективных результатов для дальнейших исследований и повышения эффективности их деятельности при расследовании ДТП.

Список литературы:

1. Хмелева, А.В. Международная научно-практическая конференция «Криминалистическое сопровождение расследования преступлений», посвященная 110-летию со дня рождения профессора И.Ф. Крылова / А.В. Хмелева, В.И. Саньков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 3(26). – С. 332-348.
2. Коломацкий, В.Г. Криминалистика. Учебник. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений. - Москва. : Академия управления МВД РФ, 1994. Ч.1. С. 62–74.
3. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. Москва. 1997. С. 64-69.
4. Унифицированный чемодан эксперта-автотехника «Автотехэксперт» / Текст. Изображение. : электронный // Krimtex.ru : [сайт]. – 2022.– URL: <http://www.krimtex.ru/produkcija/node-unificirovannyyu-chemodan-eksperta-avtotehnika-avtotehekspert> (дата обращения: 07.06.2022).
5. Прибор для проверки технического состояния тормозных систем Эффект - 02 / Текст. Изображение. : электронный // Satom.ru : [сайт]. – 2022.– URL: <https://satom.ru/p/666601063-pribor-dlya-proverki-tehnicheskogo-sostoyaniya-tormoznyh-sistem-effekt-02> (дата обращения: 07.06.2022).
6. Диагностическое оборудование : Эффект-02 : файлы для скачивания Текст : электронный // Metamoscw.ru : [сайт]. – 2022.– URL: <http://www.metamoscw.ru/upload/iblock/773/77317a348df7e184bebc6e59ca743584.pdf> (дата обращения: 07.06.2022).
7. Параметры торможения. Установившееся замедление / Текст : электронный // Bstudy.net : [сайт]. – 2022.– URL: https://bstudy.net/911611/tehnika/parametry_tormozheniya_ustanovivsheesya_zamedlenie (дата обращения: 07.06.2022).
8. ГОСТ Р 51709-2001 «Автотранспортные средства. Требования безопасности к техническому состоянию и методы проверки.» © ИПК Издательство стандартов, 2001.

Askarov S.V. Organization of the use of forensic achievements by law enforcement authorities for the purposes of disclosure and investigation of road crimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 62-67.

The article reveals the concept of forensic support for the disclosure and investigation of crimes, as well as opportunities for improving forensic methods, tools, techniques and recommendations in the practical activi-

ties of law enforcement agencies in order to disclose and investigate road traffic crimes. The author comes to the conclusion that the use of special forensic equipment by investigators and experts in their professional activities will help them to obtain objective results for further research and increase the effectiveness of their activities in the investigation of road accidents.

Keywords: forensic support for the disclosure and investigation of crimes, investigation of road traffic crimes, forensic auto technical expertise, technical and forensic means, a device for checking the effectiveness of the braking system of a vehicle.

Spisok literatury:

1. Hmeleva, A.V. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Kriminalisticheskoe so-provozhdenie rassledovaniya prestuplenij», posvyashchennaya 110-letiyu so dnya rozhdeniya professora I.F. Krylova / A.V. Hmeleva, V.I. San'kov // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2016. – № 3(26). – S. 332-348.
2. Kolomackij, V.G. Kriminalistika. Uchebnik. Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del po rassledovaniyu prestuplenij. - Moskva. : Akademiya upravleniya MVD RF, 1994. CH.1. S. 62–74.
3. Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noj milicii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya / pod red. T.V. Aver'yanovoj, R.S. Belkina. Moskva. 1997. S. 64-69.
4. Unificirovannyj chemodan eksperta-avtotehnika «Avtotekhekspert» / Tekst. Izobrazhenie. : elektronnyj // Krimtex.ru : [sajt]. – 2022.– URL: <http://www.krimtex.ru/produkcija/node-unificirovannyj-chemodan-eksperta-avtotehnika-avtotehekspert> (data obrashcheniya: 07.06.2022).
5. Pribor dlya proverki tekhnicheskogo sostoyaniya tormoznyh sistem Effekt - 02 / Tekst. Izobrazhenie. : elektronnyj // Satom.ru : [sajt]. – 2022.– URL: <https://satom.ru/p/666601063-pribor-dlya-proverki-tehnicheskogo-sostoyaniya-tormoznyh-sistem-effekt-02> (data obrashcheniya: 07.06.2022).
6. Diagnosticheskoe oborudovanie : Effekt-02 : fajly dlya skachivaniya Tekst : elektronnyj // Meta-moscow.ru : [sajt]. – 2022.– URL: <http://www.meta-moscow.ru/upload/iblock/773/77317a348df7e184bebc6e59ca743584.pdf> (data obrashcheniya: 07.06.2022).
7. Parametry tormozheniya. Ustanovivsheesya zamedlenie / Tekst : elektronnyj // Bstudy.net : [sajt]. – 2022.– URL: https://bstudy.net/911611/tehnika/parametry_tormozheniya_ustanovivsheesya_zamedlenie (data obrashcheniya: 07.06.2022).
8. GOST R 51709-2001 «Avtotransportnye sredstva. Trebovaniya bezopasnosti k tekhnicheskomu sostoyaniyu i metody proverki.» © IPK Izdatel'stvo standartov, 2001.

УДК 343

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Ахмедханова С. Т.

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Российская система образования в последние годы превратилась в самую коррумпированную область социальной сферы общества. В данном исследовании мы рассмотрим теоретические и практические вопросы, связанные с признанием работников системы образования субъектами должностных преступлений. В связи с постоянно растущей актуальностью изучения причин и условий совершения коррупционной преступности в системе государственного образования, на наш взгляд, необходимо особое внимание уделить специальному субъекту коррупционной преступности – должностному лицу.

В то же время, на практике и в научной литературе остается остро дискуссионным вопрос отнесения категории преподавателей к должностным лицам, и, как правило, квалифицировать преступное взяточничество преподавателей, если они не являются должностными лицами. Именно изучению субъекта коррупционной преступности, и его отличительных, характеризующих признаков, помогающих при квалификации и в правоприменительной практике уполномоченных сотрудников раскрыть, расследовать и привлечь к ответственности субъектов коррупционной преступности в сфере образования, мы и посвятим наше исследование.

Ключевые слова: образование, коррупция, должностное лицо, управление, преступление, субъект.

Введение. В теории уголовного права приведены разносторонние признаки, позволяющие условно классифицировать специальных субъектов по полу, возрасту, занимаемой должности, гражданству, семейным отношениям, отношению к службе. Присущие специальному субъекту признаки способствуют быстрой и правильной квалификации совершенного преступного деяния и значительно облегчают работу сотрудников правоохранительных органов.

Изложение основного материала. По общим характеристикам, относящимся к роду занятий, различают следующие признаки:

- служебное положение;
- должностное лицо;
- лицо, выполняющее административно-хозяйственные функции в коммерческих структурах и организациях;
- сотрудник правоохранительных органов;
- военнослужащий.

По обязанностям субъекта различают:

- правила дорожного движения;
- правила безопасности движения и эксплуатации транспортных средств.

По личностным характеристикам различают:

- достижение совершеннолетнего возраста;
- мужской пол;
- наличие гражданства.

В качестве отличительной характеристики специального субъекта в некоторых составах преступлений выступают следующие признаки: отсутствие медицинского

образования либо медицинского образования соответствующего профиля; привлечение субъекта к административной ответственности и установление административного надзора. Данные дополнительные признаки приведены в диспозициях соответствующих статей в качестве квалифицирующих обстоятельств состава преступлений.

Некоторые признаки специального субъекта учитываются при установлении наличия отягчающих обстоятельств в деянии преступника, например, использование доверия, оказанное должностному лицу в силу занимаемой им должности и осуществляемых им служебных обязательств. Наличие специального субъекта в уголовном праве помогает процессу квалификации и способствует объединению статей в отдельные главы Уголовного кодекса. В некоторых случаях отсутствие специального субъекта, затрудняет процесс квалификации преступления, либо способствует исключению уголовной ответственности [1, с. 46-50].

Наличие признаков специального субъекта значительно облегчают процесс квалификации преступлений, специальный субъект выступает не только непосредственным исполнителем деяния, но одновременно и соисполнителем. Если лицо не является специальным субъектом, но совершает преступное деяние в соучастии, то он несет уголовную ответственность не как соисполнитель, а как пособник, подстрекатель, либо организатор, согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ. В случаях, когда в преступлении отсутствует третье лицо говорить, что такое преступление совершено группой лиц, неправильно. Выявление всех признаков субъекта преступления, в том числе и совокупность отягчающих обстоятельств, способствует установлению самого события преступления, формы умысла лица, его личностные характеристики, с целью привлечения его к ответственности и назначению ему справедливого, гуманного наказания.

Согласно примечанию к ст. 285 УК РФ субъектами должностных преступлений выступают лица, осуществляющие административно-хозяйственные или властно – распорядительные функции, на постоянной, временной, либо по специальному полномочию в органах государственной власти, местного самоуправления, муниципальных учреждениях, государственных корпорациях.

Преподаватели, как одно из составляющих звеньев в системе преступлений коррупционной направленности, не относятся ни к законодательной, ни к исполнительной, ни к судебной ветви власти, они не выполняют деятельность работников правоохранительных органов по выявлению, изобличению, привлечению к ответственности субъектов преступления, они не наделены распорядительными полномочиями в отношении своих подчиненных, следовательно можно прийти к выводу, что педагогические работники не относятся к должностным лицам, к представителям власти [6, с. 53-58].

Административно-хозяйственная функция свойственна как должностным лицам, выполняющим свою деятельность в органах государственной власти, так и лицам, возглавляющим коммерческие и иные организации. При осуществлении административно-хозяйственных функций руководитель выполняет действия: по распоряжению, распределению имущества; следит за порядком поступления денежных средств из бюджетного финансирования; выплачивает заработную плату работникам; выделяет премию отличившимся работникам; определяет способы хранения,

учета, контроля материальных ценностей; осуществляет контроль за их расходованием.

Организационно-распорядительные функции должностного лица в органах государственной власти согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «По судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000 г. № 6, заключаются в осуществлении руководства коллективом, подборе кадров, организации условий труда и ведения службы подчинёнными, наложение дисциплинарных взысканий, применение мер поощрения, поддержание трудовой дисциплины.

Не все работники государственных и муниципальных органов, выполняющие профессиональные и технические функции, относятся к субъектам получения взятки, так как они не выполняют организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. Казалась бы все достаточно ясно в примечании к статье 285 УК РФ и преподаватели не относятся к категории должностных лиц, выполняющих управленческие функции.

Но изучение материалов судебной практики, массовость дел подобной направленности, отсутствие статей в уголовном законодательстве, согласно которым можно категорию преподавателей и учителей привлечь к ответственности-нет. В связи с чем суды стали выносить обвинительные приговоры по ст. 290 УК РФ «Получение взятки», и данные приговоры закреплялись на уровне судов субъектов Российской Федерации и Верховного суда.

Возникла необходимость законодательного закрепления подобной судебной практики, обоснования новой тенденции в правоприменительной судебной практике на заседании Пленума Верховного Суда Российской Федерации. На заседании Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19, принято Постановление, согласно которому организационно-распорядительные функции рассмотрены более расширено и включены полномочия лица по принятию определенных решений, влекущих юридические последствия, имеющие определенное юридическое значение.

Следовательно, лицо, принимающее экзамены, зачеты, выставляющее определенные оценки по ним, государственная экзаменационная комиссия, принимающая защиту выпускных квалификационных работ, итоговые экзамены в системе среднего и высшего образования, все они являются лицами, способными принимать окончательно решение, имеющее важное юридическое значение.

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда от 16 ноября 2009 г. № 19 данная категория лиц способна нести уголовную ответственность по ст. 290 УК РФ в случае совершения преступления коррупционной направленности. Подобная практика уже существовала в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 №4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге», на основе которого должностное лицо, выполняющее управленческие функции, и работник, на которого возлагаются определенные профессиональные обязанности, в случае совершения коррупционных преступлений, превышая или злоупотребляя своими должностными полномочиями, принимая итоговое решение, имеющее юридическое значение, из личной заинтересованности, будет нести уголовную ответственность. Но все же, дискуссионным остается

вопрос относительно преподавателей и учителей, они не относятся к членам экзаменационной, аттестационной комиссии, принимающей итоговые решения, не являются должностными лицами, осуществляющими руководство органами государственной власти, как же привлечь их к ответственности?

В отношении этого вопроса существует множество противоречивых высказываний и позиции выдающихся ученых. Некоторые ученые считают, что учителя в системе среднего и средне-профессионального и преподаватели в системе высшего образования не могут выступать в должностных преступлениях. Согласно мнению В. Воронина, преподаватель принимающий экзамен или зачет, выносящий итоговое решение, имеющее определенные последствия для студента, не приобретает права должностного лица, выполняющего полномочия представителя власти, осуществляющего управленческие функции, следовательно, они не могут нести ответственность за получение взятки по ст. 290 УК РФ [4, с. 15-16].

Такой же позиции придерживается Б. Здравомыслов, А. Рарог. Некоторые ученые считают, что на момент принятия экзамена преподаватель осуществляет организационно-распорядительные функции и, следовательно, на данный момент приобретает права должностного лица. Согласно нашему мнению, возникает необходимость более подробного изучения управленческих и профессиональных функций, выполняемых в государственных и муниципальных органах, для более четкого проведения разграничения между ними [5, с. 234-236].

Согласно мнению В. Волженкина, наличие у работников распорядительных полномочий способствует осуществлению юридически значимых функций, что влечет порождение, изменение или прекращение определенных правовых последствий [3, с. 43].

Некоторые ученые полагают, что во время проведения учебных занятий преподаватель выполняет свои профессиональные функции, во время проведения зачетов и экзаменов он становится должностным лицом, принимающим определенные решения, поскольку от баллов и оценок зависит поступление в высшем учебном заведении, перевод на другой курс, получение повышенной стипендии, поступление на бюджетную форму обучения, получение диплома с отличием, перевод в следующий класс, либо на следующий курс.

Данная позиция многих ученых является достаточно популярной. Но, не все ученые согласны и с этой точкой зрения, обосновывая это тем, что преподаватели при проведении семинарских и лекционных занятий могут за определенное денежное вознаграждение не выставлять пропуски занятий, что может послужить не допуском на экзамен или зачет, это тоже влечет определенные правовые последствия, реализуются распорядительные функции преподавателя. Однако, при изучении судебной практики подобных дел не встречалось.

П. Панченко считает, что преподаватели относятся к должностным лицам за преступления коррупционной направленности, будут нести уголовную ответственность. Объясняет он это тем, что преподаватель, принимающий материальное вознаграждение за вступительные экзамены, зачеты, курсовые, дипломные работы, осуществляющий свою профессиональную деятельность в государственном и муниципальном учреждении, несет ответственность по ст. 290 УК РФ «Получение взятки», а преподаватель коммерческого учебного образовательного учреждения несет ответственность по ч.ч. 3 и 4 ст. 204 УК РФ [6, с. 53-55].

Но в данном мнении есть небольшая оговорка, преподаватель привлекается к уголовной ответственности в случае если он принимает денежное вознаграждение за выставление оценок на экзамене или зачете, а в случаях, если он оказывает помощь и получает материальное вознаграждение за дополнительные консультации и репетиторство, за оказание помощи в доработке рефератов, курсовых, контрольных, дипломных работ, то он не будет нести ответственность.

П. Панченко так же считает, что если преподаватель, получив денежное вознаграждение, выставит студенту неудовлетворительную оценку, то состав преступления отсутствует, однако налицо признаки грубейшего нарушения профессиональной этики. Преступное деяние считается оконченным составом преступления с момента получения хотя бы части материальных ценностей, что приводится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6. Многие ученые считают, что если преподаватели не числятся по штату в образовательном учреждении, но приходят по краткосрочному договору выполнять только отдельные учебно-методические работы по чтению лекций, проведению консультаций, подготовка к олимпиадам, руководство дипломными работами, участие в конференции, лицо не будет нести ответственности, поскольку между преподавателем и учреждением сугубо гражданско-правовые взаимоотношения [6, с. 53-56].

Согласно проведенному исследованию преподаватели выступают лицами, принимающими итоговые решения, имеющие определенное юридическое последствие, но на наш взгляд выставление оценок при приеме зачета или экзамена не относится к управленческим функциям и не могут признаваться организационно-распорядительными. В подтверждение нашей точки зрения принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19, в котором приведено в качестве юридически значимого решения деятельность членов государственной аттестационной комиссии, а не деятельность преподавателя по принятию зачетов, экзаменов и выставлению оценок [2, с. 120-123].

Должностными лицами системы высшего образования на наш взгляд могут выступать ректор образовательного учреждения, декан (директор) факультета. Юридически значимые действия как допуск к сессии, перевод на следующий курс, отчисление, восстановление в вуз, совершаются именно этими лицами. Должностным лицом системы среднего образования выступает директор образовательного учреждения. Именно на эти лица и возлагается функция принятия определенных юридически значимых решений, они осуществляют руководство, управление, распределение обязанностей, контроль за деятельностью всех работников, следовательно, выполняют организационно-распорядительную функцию.

Заключение. Считаем, что преподаватели вузов и учителя школ выполняют организационно-распорядительную функцию и выступают должностными лицами, когда они участвуют в государственных экзаменационных, аттестационных комиссиях, в этот период простые работники системы образования приобретают право от имени государства принимать решение о присвоении квалификации, о зачислении в учебное заведение, данное право закреплено в Положении об итоговой государственной аттестации выпускников системы высшего образования, а также в Положении о формах и порядке проведения государственной аттестации обучающихся.

Список литературы:

- 1.Алиев В.М., Соловых Н.Н. Преступления коррупционной направленности в сфере высшего образования: проблемы противодействия // Российский следователь. 2019. № 4. – С. 46-50.
- 2.Борисова Е.А. Коррупция в системе высшего образования: перспективы социального контроля (региональный аспект): дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. М., 2013. – 222 с.
- 3.Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000.
- 4.Воронин В.В. Педагог и врач как субъекты получения взятки: взгляд против // Уголовный процесс. 2005. № 9. - С. 15-23.
- 5.Рарог А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров. – М.: Проспект, 2016.
- 6.Панченко П. Коррупция в образовательных учреждениях: составы преступлений и соотношение с преступными деяниями // Уголовное право. 2005. № 2. – С. 53-58.

Akhmedkhanova S. T. General characteristics of subjective signs of corruption crimes committed in the field of education // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – Р. 68-73

In recent years, the Russian education system has become the most corrupt area of the social sphere of society. In this study, we will consider theoretical and practical issues related to the recognition of employees of the education system as subjects of official duties. Due to the ever-growing relevance of studying the causes and conditions of corruption crime in the public education system, in our opinion, special attention should be paid to a special subject of corruption crime - an official.

At the same time, in practice and in the scientific literature, the issue of assigning the category of teachers to officials remains acutely debatable, and how to properly qualify criminal bribery of teachers if they are not officials. It is to the study of the subject of corruption crime, and its distinctive, characteristic features that help in the qualification and law enforcement practice of authorized employees to uncover, investigate and bring to justice the subjects of corruption crime in the field of education, that we will devote our research.

Keywords: education, corruption, official, management, crime, subject.

Spisok literatury:

- 1.Aliev V.M., Solovyh N.N. Prestupleniya korrupcionnoj napravlenosti v sfere vysshego obrazovaniya: problemy protivodejstviya // Rossijskij sledovatel'. 2019. № 4. – S. 46-50.
- 2.Borisova E.A. Korrupciya v sisteme vysshego obrazovaniya: perspektivy social'nogo kontrolya (regional'nyj aspekt): dis. ... kand. soc. nauk: 22.00.08. M., 2013. – 222 s.
- 3.Volzhenkin B.V. Sluzhebnye prestupleniya. M., 2000.
- 4.Voronin V.V. Pedagog i vrach kak sub"ekty polucheniya vzyatki: vzglyad protiv // Ugolovnyj process. 2005. № 9. - S. 15-23.
- 5.Rarog A.I. Ugolovnoe pravo Rossii. CHasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik dlya bakalavrov. – M.: Prospekt, 2016.
- 6.Panchenko P. Korrupciya v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah: sostavy prestuplenij i sootnoshenie s prestupnymi deyaniyami // Ugolovnoe pravo. 2005. № 2. – S. 53-58.

УДК: 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Басов А. В.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматриваются факторы, создающие предпосылки для нарушений (судебных ошибок) при установлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Целью исследования является определение юридической природы института «административного надзора», а также анализ правоприменения при установлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, выявление «сложностей» возникающих в процессе установления административных ограничений. Установлено, что административный надзор является комплексным правовым институтом, т.к. имеет «двойную правовую прописку». В приведенном исследовании применялись общенаучные и частнонаучные методы познания социально-правовых явлений: системный и структурно-функциональный. Выявление проблем регулятивного и правоприменительного характера осуществлялись с использованием нормативно-логического и герменевтического методов.

Ключевые слова: административные дела, административный надзор, законодательство, систематизация, правоприменительная практика.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1].

Данное положение в полной мере применимо к институту административного надзора за лицами, которые освобождены из мест лишения свободы. К делам, которые связаны с осуществлением обязательного судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных и иных публичных полномочий относятся в т.ч. и дела об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Актуальность указанной проблематики не вызывает сомнения. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. Количество рассмотренных судами административных дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы остается высоким – в 2021 г. административных дел об установлении административного надзора 48 084 (доля удовлетворенных – 96%); о продлении административного надзора 7 316 (доля удовлетворенных – 97%); О выполнении ранее установленных административных ограничений (доля удовлетворенных – 97%); О досрочном прекращении административного надзора (доля удовлетворенных – 62%); О частичной отмене ранее установленных поднадзорному лицу административных ограничений (доля удовлетворенных – 68%); Прочие об административном надзоре (доля удовлетворенных – 73%) [2].

Анализируя институт административного надзора следует отметить, что административный надзор является комплексным правовым институтом, т.к. имеет

«двойную правовую прописку». Следует согласиться с мнением А.П. Фильченко, что отмечает, что: «административный надзор имеет уголовно-правовую природу и составляет меру уголовно-правового характера, однако, реализация данной меры осуществляется через административно-правовые отношения» [3, с. 55].

Правовой основой реализации процедурных аспектов установления, продления, досрочного прекращения административного надзора, а также частичной отмены либо дополнения ранее установленных административных ограничений являются:

- Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»;
- Кодекс административного судопроизводства РФ (гл. 29);
- Уголовно-исполнительным кодексом РФ (ст. 173-1);
- Приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 (ред. от 30.05.2022) «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»;
- Приказ Генерального прокурора РФ от 05.09.2022 № 494 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»;
- постановление Пленума ВС РФ от 16.05.2017 № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из лишения свободы».

Исследуя правовую природу данного правового института следует отметить, что важной особенностью административного надзора является следующее:

во-первых, ограничения, которые применяются при установлении административного надзора не являются наказанием;

во-вторых, основная цель устанавливаемых ограничений заключается в предотвращении повторного совершения противоправных действий лицами, имеющими судимость за определенные виды преступлений, предусмотренных Законом № 64-ФЗ;

в-третьих, установление административного надзора связано не с исполнением наказания, а с освобождением лица с мест лишения свободы;

в-четвертых, устанавливается судом в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобождённого из мест лишения свободы;

в-пятых, установление административного надзора связано с наличием непогашенной либо неснятой судимости за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений либо умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего.

Анализ положений ст. 270 КАС РФ позволяет выделить субъектов, обладающих правом на подачу административного искового заявления, связанного с административным надзором, исходя из его конкретной направленности:

1) заявление об установлении административного надзора подается в суд либо исправительным учреждением (в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы), либо органом внутренних дел (в отношении лица, освобождённого из мест лишения свободы, а также в отношении лица, отбывающего наказание в виде ограничения свободы, назначенное в качестве дополнительного вида наказания, или при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы ограничением свободы);

2) заявления о продлении административного надзора и о дополнении ранее установленных административных ограничений подаются в суд органом внутренних дел;

3) заявление о досрочном прекращении административного надзора о частичной отмене административных ограничений могут подаваться в суд органом внутренних дел или поднадзорным лицом либо его представителем.

При этом, прокурор вправе обратиться в суд с административным иском заявлением о досрочном прекращении административного надзора или о частичной отмене административных ограничений для защиты прав и свобод поднадзорного лица при условии, что поднадзорное лицо по состоянию здоровья либо по другим уважительным причинам не может само обратиться в суд.

Важным аспектом в назначении административного надзора является соблюдение закрепленных сроков подачи административного заявления об установлении административного надзора. Данные сроки определены в п. 6 ч. 1 ст. 12 Закона № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», ч. 7 и 8 ст. 270 КАС РФ, ч. 3 ст. 173¹ Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Данный срок составляет для администрации исправительного учреждения – два месяца, до истечения определенного приговором суда срока отбывания осужденным наказания, для органа внутренних дел – не позднее чем за 1 месяц до истечения срока ограничения свободы.

В то же время, анализ судебной практики показывает, что в отдельных случаях данный срок нарушается, в связи с чем, на основании ст. 200 и ч. 9 ст. 270 КАС РФ прокурор имеет право обратиться с ходатайством о внесении частного определения в отношении уполномоченных органов. В таких ситуациях, суды в определении указывают уполномоченным органам на нарушения закрепленных в законодательстве сроков.

В соответствии со ст. 9 ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» административный надзор может быть досрочно прекращен судом на основании заявления органа внутренних дел или поднадзорного лица либо его представителя по истечению, не менее половины установленного судом срока административного надзора при условии, что поднадзорное лицо добросовестно соблюдает административные ограничения, выполняет обязанности, предусмотренные настоящим Федеральным законом, и положительно характеризуется по месту работы и (или) месту жительства, пребывания или фактического нахождения [4].

В случае отказа суда в досрочном прекращении административного надзора повторное заявление может быть подано в суд не ранее чем по истечении шести месяцев со дня вынесения решения суда об отказе в досрочном прекращении административного надзора. Не менее важным процедурным аспектом связанный с установлением административного надзора является срок, на который устанавливаются данные ограничения и определение перечня административных ограничений для лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Анализ правоприменения показывает, что в отдельных случаях допускаются ошибки, связанные со сроками установления административного надзора, порядком его исчисления. Так, в 2020 году Девятым кассационным судом общей юрисдикции пересмотрено 15 административных дел указанной категории, по которым изменено

4 судебных акта, 1 судебное постановление не отменено с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции [5].

Конечно, на основании данных о работе только за один год невозможно обнаружить в правоприменении сложившиеся закономерности, что не исключает установление отдельных аспектов, подлежащих учету в этой работе прокуроров и влияющих на ее эффективность. Так, определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2021 по кассационной жалобе административного ответчика изменены решение Елизовского районного суда от 30.12.2020 и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Камчатского краевого суда от 11.03.2021 в части срока исчисления административного надзора в отношении гр-на Б. (дело № 88а-6266/2021).

Из материалов дела следовало, что гр-н Б. осужден за совершение ряда преступлений, при опасном рецидиве, и ему назначено наказание в виде лишения свободы, и дополнительное в виде ограничение свободы. Между тем, при определении начала исчисления срока административного надзора, судебными инстанциями не учтено, что в соответствии с ч. 4 ст. 5 ФЗ № 64-ФЗ, в случае назначения лицу ограничения свободы в качестве дополнительного вида наказания, срок административного надзора исчисляется со дня отбытия наказания в виде ограничения свободы. Аналогичные разъяснения даны в аб. 3 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [6].

Поскольку гр-ну Б. было назначено дополнительное наказание в виде ограничения свободы, то срок административного надзора подлежал исчислению со дня отбытия им данного вида наказания, а не со дня постановки на учет в органе внутренних дел по избранному месту жительства [7]. По аналогичным основаниям по кассационному представлению прокурора Республики Саха (Якутия) изменены судебные акты по административному делу об установлении административного надзора в отношении Макарова В.Г. (дело № 88а-6965/2020) [8].

Также, по кассационному представлению Девятого кассационного суда общей юрисдикции изменены судебные акты в части исчисления срока административного надзора в отношении гр-на К., осужденного к наказанию в виде лишения свободы и освобожденного по постановлению суда о замене неотбытой части наказания исправительными работами. В то же время, судебными актами ошибочно определено, что срок административного надзора следует исчислять со дня постановки гр-на К. на учёт в органе внутренних дел по избранному месту жительства или пребывания, тогда как в п. 4, 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» разъяснено, что в подобном случае срок административного надзора исчисляется со дня истечения срока оставшейся неотбытой части наказания (дело № 88а-7063/2020) [9].

Относительно перечня административных ограничений следует отметить, что он является исчерпывающим и определен в ч. 1 ст. 4 Закона № 64-ФЗ, а именно: запрет на пребывание в определенных местах; запрет на посещение мест проведения массовых и иных мероприятий и участие в указанных мероприятиях; запрет на

пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток; запрет на выезд за установленные судом пределы территории; обязательная явка от 1 до 4 раз в месяц для регистрации в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания.

Однако, Пленум указывает на важный процедурный аспект назначения административных ограничений, а именно: их назначение не может носить произвольный характер и должен быть направлен на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений или административных правонарушений, а также оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения указанных правонарушений или антиобщественного поведения. Анализ судебной практики показывает, что в отдельных случаях суд при назначении административных ограничений не учитывает семейное положение, а именно: наличие членов семьи, проживающих в иных населенных пунктах, обучение в образовательных организациях [10].

Требования к содержанию административного искового заявления, связанного с административным надзором, и прилагаемым к нему документам содержит ст. 271 КАС РФ.

Во-первых, в таком заявлении указываются общие сведения по ст. 125 КАС РФ, такие как наименование суда, в который подается административное исковое заявление; наименование административного истца и ответчика, место их нахождения (жительства или место пребывания); содержание требований к административному ответчику и изложение оснований и доводов, посредством которых административный истец обосновывает свои требования и иные сведения.

Во-вторых, в нем должны быть указаны основания для установления административного надзора, перечисленные в ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», а именно:

а) лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания;

б) лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, совершает в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

Ст. 270 КАС РФ содержит также и правила подсудности по данной категории дел. Так, административное исковое заявление о досрочном прекращении административного надзора подаются в суд по месту жительства или месту пребывания поднадзорного лица.

О времени и месте рассмотрения административного дела суд извещает лицо, в отношении которого решается вопрос, связанный с административным надзором, соответствующее исправительное учреждение или орган внутренних дел, а также прокурора. Неявка в судебное заседание надлежащим образом извещенного прокурора, а также надлежащим образом извещенного представителя соответствующего исправительного учреждения или органа внутренних дел не

препятствует рассмотрению и разрешению административного дела об установлении, о продлении административного надзора или о дополнении административных ограничений, за исключением случая, если явка такого представителя будет признана судом обязательной.

Решение суда по делу об административном надзоре принимается по общим правилам, установленным гл. 15 КАС РФ. При этом в резолютивной части должны содержаться следующие сведения:

1) по делу об установлении или о продлении административного надзора - срок административного надзора, а также конкретные административные ограничения, установленные судом;

2) по делу о дополнении административных ограничений - конкретные дополнительные административные ограничения, установленные судом;

3) по делу о частичной отмене административных ограничений - конкретные административные ограничения, отмененные судом.

Согласно ч. 5 ст. 273 КАС РФ, копии решения суда вручаются под расписку лицам, участвующим в деле, и их представителям или направляются им незамедлительно после изготовления решения способами, позволяющими обеспечить скорейшую доставку. Принимая во внимание, складывающуюся судебную практику, свидетельствующую о допускаемых уполномоченными органами нарушениях, представляется необходимым отметить важную роль прокуроров по обеспечению участия в рассмотрении административных дел данной категории, которая строится на тщательном изучении материалов дел, анализе законодательства и судебной практики по спорным правоотношениям, а также на своевременной реакции на незаконные и необоснованные судебные постановления путем принесения апелляционных, кассационных и надзорных представлений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 03.09.2022)
2. Судебная статистика. Административное судопроизводство (публично-правовые споры): Показатели по отдельным категориям дел [Электронный ресурс] URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm1/t/72/s/1> (дата обращения 03.09.2022).
3. Фильченко А.П. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: правовая природа и перспективы законодательного регулирования // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 54–58.
4. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/12184517/493aff9450b0b89b29b367693300b74a/> дата обращения 04.09.2022).
5. Обзоры судебной практики Девятого кассационного суда общей юрисдикции за 2020 г. [Электронный ресурс] URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=7 (дата обращения 04.09.2022).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216883/ (дата обращения 04.09.2022).
7. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2021 по делу № 88а-6266/2021 [Электронный ресурс]. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=4118460&case_uid=ab637ab1-bcef-4bdc-b832-2323ec6b27db&new=0&delo_id=43 (дата обращения 22.09.2022).
8. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.10.2020 по делу № 88а-6965/2020 [Электронный ресурс]. URL:

- https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3937708&case_uid=a4973512-5658-41cf-8d0e-8aec145609a6&new=0&delo_id=43 (дата обращения 22.09.2022)/
9. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2020 по делу № 88а-7063/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3937714&case_uid=cee99102-4170-49cb-964d-7e7364b056c2&new=0&delo_id=43 (дата обращения 22.09.2022).
10. Апелляционное определение Самарского областного суда от 12.11.2019 по делу № 33а-14128/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/52471370> (дата обращения 22.09.2022).

Basov A. V. Actual issues in establishing administrative supervision over persons released from places of deprivation of freedom // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 74-80.

The article examines the factors that create prerequisites for violations (judicial errors) when establishing administrative supervision over persons released from prison. The purpose of the study is to determine the legal nature of the institution of "administrative supervision", as well as the analysis of law enforcement when establishing administrative supervision over persons released from prison, identifying "difficulties" arising in the process of establishing administrative restrictions. It is established that administrative supervision is a complex legal institution, since has a "double legal residence permit". In this study, general scientific and private scientific methods of cognition of socio-legal phenomena were used: systemic and structural-functional. The identification of regulatory and law enforcement problems was carried out using normative-logical and hermeneutic methods.

Keywords: administrative cases, administrative supervision, legislation, systematization, law enforcement practice.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993 // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» [Elektronnyj resurs] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya 03.09.2022).
2. Sudebnaya statistika. Administrativnoe sudoproizvodstvo (publichno-pravovye spory): Pokazateli po otdel'nym kategoriyam del [Elektronnyj resurs] URL: <https://stat.api-press.rf/stats/adm1/t/72/s/1> (data obrashcheniya 03.09.2022).
3. Fil'chenko A.P. Administrativnyj nadzor za licami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody: pravovaya priroda i perspektivy zakonodatel'nogo regulirovaniya // Administrativnoe pravo i process. 2012. № 2. S. 54–58.
4. Federal'nyj zakon ot 6 aprelya 2011 g. № 64-FZ «Ob administrativnom nadzore za licami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody» [Elektronnyj resurs] URL: <https://base.garant.ru/12184517/493aff9450b0b89b29b367693300b74a/> data obrashcheniya 04.09.2022).
5. Obzory sudebnoj praktiki Devyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii za 2020 g. [Elektronnyj resurs] URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=7 (data obrashcheniya 04.09.2022).
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 16.05.2017 № 15 «O nekotoryh voprosah, vznikayushchih pri rassmotrenii sudami del ob administrativnom nadzore za licami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody» // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» [Elektronnyj resurs] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216883/ (data obrashcheniya 04.09.2022).
7. Kassacionnoe opredelenie Devyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 28.07.2021 po delu № 88а-6266/2021 [Elektronnyj resurs]. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=4118460&case_uid=ab637ab1-bcef-4bdc-b832-2323ec6b27db&new=0&delo_id=43 (data obrashcheniya 22.09.2022).
8. Kassacionnoe opredelenie Devyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 14.10.2020 po delu № 88а-6965/2020 [Elektronnyj resurs]. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3937708&case_uid=a4973512-5658-41cf-8d0e-8aec145609a6&new=0&delo_id=43 (data obrashcheniya 22.09.2022)/
9. Kassacionnoe opredelenie Devyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 30.09.2020 po delu № 88а-7063/2020 [Elektronnyj resurs]. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3937714&case_uid=cee99102-4170-49cb-964d-7e7364b056c2&new=0&delo_id=43 (data obrashcheniya 22.09.2022).
10. Apellyacionnoe opredelenie Samarskogo oblastnogo suda ot 12.11.2019 po delu № 33а-14128/2019 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sudebnyeresheniya.rf/52471370> (data obrashcheniya 22.09.2022).

УДК 343.92

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕНТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Донская О. Г., Новикова Т. Ю., Москалева Е. Н.

В статье представлен авторский анализ уровня защищенности ментальной безопасности личности, при этом особое внимание уделяется защите подростков и молодежи. Авторы исследуют современный информационный контент на предмет угроз для формирования личности. Проводится анализ негативного интернет-контента в соотношении с кризисными факторами. Авторами представлены аргументированные предложения по обеспечению ментальной безопасности личности в современных реалиях.

В заключении авторы указывают, что криминологическое обеспечение ментальной безопасности личности зависит от множества факторов. Негативный информационный контент способен оказывать деструктивное воздействие на процесс формирования личности. Нравственно-идеологическое и правовое направления общественной жизни должны быть обеспечены эффективной охраной. Обеспечение ментальной безопасности личности является частью государственной политики в целом которая также требует разработки современных программ специального назначения, ориентированных на нейтрализацию негативного влияния информационной среды.

Ключевые слова: цифровая криминология, цифровой ресурс, кризисные факторы, кибернетическое пространство, общественная жизнь, современная реальность, гражданское общество.

С течением времени общество видоизменяется. Трендом современности является развитие информационных технологий. Цифровизация открывает новые возможности взаимодействия между людьми, организациями, государствами. Цифровые ресурсы делают жизнь граждан более комфортной, позволяют соответствовать современному ритму взаимодействия.

В России поддерживается идея создания и внедрения передовых решений, в том числе в области искусственного интеллекта. В силу новых возможностей многие инструменты социального регулирования в обществе утрачивают свое значение. Цифровизация по своей сути – это трансформация, переход к новой модели мышления и ведения дел, где решения принимаются на основе данных и аналитики.

Процесс цифровизации необратим, поэтому трансформация общественной жизни неизбежна. Многие граждане в силу профессиональной необходимости вынуждены повышать квалификацию в области IT-технологий, перепрофилироваться. В профессии программиста выделяют три специализации: прикладные программисты, системные програмисты, веб-программисты, основными направлениями которых являются «Информатика и вычислительная техника» или «Информационная безопасность». Появляются новые востребованные профессии: маркетолог, специалист в области кибербезопасности, дизайнер интерфейсов, IT-медик, SEO-специалист, биоинженер, оператор дрона и др. Это открывает новые возможности для профессиональной реализации.

При этом новые реалии глобализации требуют соответствующей подготовки не только специалистов в области IT-технологий, но всего общества, каждого индивида, в частности. Необходимо своевременное приобретение знаний и умений в области информационных технологий, а также выработка определенных навыков распо-

знавания угроз в сети Интернет. Виктимологический аспект в цифровом мире также актуален, как и в повседневности.

В связи с развитием цифровизации замечены негативные тенденции: «кибернетическое пространство и информационная продукция императивно, агрессивно, интенсивно, турбулентно и парадоксально оказывают влияние на личность, часто становясь детерминантами ее социализации, неосознанного социального обучения и источником неформального образования» [1, с. 313]. В силу актуальности данной проблемы формируется новое направление в области криминологических знаний «Цифровая криминология». «Цифровая экономика и развитие цифровых технологий несет в себе огромный потенциал криминологических рисков, поскольку правовая основа, организационно-управленческие составляющие антикриминальные инструменты еще находятся на стадии разработки, а представители организованных преступных формирований уже используют новые технологии» [2, с. 47].

Криминологи и социологи все больше обращают внимание на различные виртуальные угрозы для ментальной безопасности человека и социума, особенно негативному влиянию подвержены подростки и молодежь, в силу отсутствия у них социального опыта и недостаточности правовых знаний.

К современным угрозам ментальной безопасности можно отнести новые медиа, видеоигры, инновации в области кинематографа и музыкальной индустрии. В игровой и художественной форме осуществляется проецирование детализированной и реалистичной асоциальной активности в физический мир. «Большинство современной кино- и аудиопродукции закладывает у социума установки к потреблению, паразитированию и саморазрушению. Такое деструктивное мировоззрение гармонично вкладывается в сюжетную линию, модель поведения и образ жизни главных героев, продакт-плейсмент и др., формируя аморальный, безнравственный или асоциальный духовно-нравственный облик потребителей данной продукции» [1, с. 313].

Анализ соцсетей популярных среди подростков блогеров свидетельствует о трансляции контента, негативно влияющего на формирование морально-нравственного облика современного гражданина. При этом публичное афиширование личной жизни блогеров ориентирует зрителя на сверхблагополучную в материальном плане жизнь, что требует соответственно получения сверхдоходов. Из поля восприятия данной действительности выпадает важный элемент в формировании представлений зрителя об источниках доходов, позволяющих обеспечить элементы пропагандируемой роскоши. При этом духовному развитию личности в современной интернет-среде практически не уделяется внимания. Согласно Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года духовное и нравственное воспитание детей на основе российских традиционных ценностей осуществляется за счет: развития у детей нравственных чувств (чести, долга, справедливости, милосердия и дружелюбия); формирования выраженной в поведении нравственной позиции, в том числе способности к сознательному выбору добра и др. Данные ориентиры духовного и нравственного воспитания детей реализуются в образовательной среде. На официальных сайтах, школах и ВУЗов широко представлены направления воспитательной работы. С учетом востребованности интернет-ресурса среди подрастающего поколения, назрела необходимость в обеспечении ментальной безопасности личности. Интернет-зависимость, бесконтрольный просмотр негативного контента неминуемо будет отражаться на психике человека, мо-

жет существенно искажать представления о современной реальности, на массовом уровне разрушать нравственные устои и национальные традиции.

В условиях постоянного расширения объективно-виртуальной реальности сложно предположить каким образом негативная часть информационной среды будет воспринята подрастающим поколением. Современные подростки имеют доступ к сети Интернет, так они общаются со сверстниками, знакомятся, находят новые увлечения. Слабо контролируемое времяпровождение в интернет-среде может приводить к самым негативным последствиям. Так, в современный период ведется борьба с группами-смерти, склоняющими детей к суициду. Опасным явлением в сети Интернет является вербовка подростков в различные преступные, в том числе, террористические и экстремистские организации. Активно вовлекается молодежь в сбыт наркотических средств и психотропных веществ. Все чаще посредством информационно-телекоммуникационной сети совершаются посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Правоохранительные органы активно противодействуют данным преступлениям. При этом, стоит предположить, что определенная часть данных посягательств может быть латентной. Нарастание возможностей искусственного интеллекта в ближайшей перспективе позволит в полной мере обеспечить выявление любых противоправных проявлений в информационной среде.

Подростки и молодежь формируются в новом цифровом обществе. Это новое поколение, от которого зависит будущее страны и мира, в целом. При этом данное поколение «впитывает» информацию разного характера и «всемирной паутины». Существует реальная угроза «потребления» подростками и молодежью контента, отрицательно влияющего на такие важные ипостаси как «правовая культура», «мораль», «нравственность», «справедливость» и т.д. Разнородность предлагаемой в сети Интернет информации позволяет восполнить любой интерес как подростка, так и взрослого. Каким образом отразится вседозволенность в использовании информационной среды на облике современного гражданина предугадать сложно. В таких условиях невозможно опереться на опыт предыдущего поколения, так как оно проходило формирование и самореализацию в иных социально-психологических условиях. Поэтому сложно прогнозировать каким образом будет развиваться такое массовое явление как преступность в ближайшем и перспективном будущем. Погружение индивида в виртуальную (дополненную) реальность в игре или при виртуальных контактах может оказывать негативное психическое воздействие, в том числе на восприятие пользователем самого себя. «Гражданская идентичность является отражением изменений, происходящих в самосознании людей, которые связаны с восприятием экономических, социально-политических и других явлений нашей жизни» [3]. Трудности самоопределения молодежи обусловлены также и тем, что все больше увеличивается расслоение общества по социально-экономическим показателям [4].

Национальная ментальность имеет повышенную уязвимость в силу назревшего нравственно-психологического кризиса. «Обретение самоидентификации в современном обществе коренным образом отличается от её обретения в традиционном, что порождает проблему кризиса идентификации, характерную для нашего времени. Для российского человека ситуация усложняется в связи с тем, что на глобальный кризис накладывается сформированное в последние годы потребительское ми-

ровозрание, исключая нравственные ориентиры на ответственность, порядочность, правдивость, честность» [5, с. 3].

Представляется необходимым дальнейшее комплексное исследование данной проблематики с целью прогнозирования последствий бесконтрольного использования информационной среды подростками и молодежью. Очевидна потребность в выработке коллективного иммунитета к контенту, несущему угрозы ментальной безопасности личности. Вероятностные негативные последствия должны быть своевременно выявлены и нейтрализованы.

Эффективным прогностическим критерием результативного поведения личности в критической ситуации является устойчивость личности. Это определяется тем, что исход кризиса во многом зависит от понимания кризиса как события в большей или меньшей степени опасного и деструктивного.

Не избегание кризиса, а научение жить в различных эмоциональных ситуациях и является, по нашему мнению, важным этапом профилактики негативных зависимостей. С этой целью важным является поиск личностного конструкта, который может сделать процесс преодоления кризисных ситуаций более продуктивным, адекватным задачам выполняемой деятельности. Поэтому в центре внимания исследователей оказываются не только жизненные трудности, стрессы, кризисы и конфликты, но также и те психологические резервы и ресурсы личности, которые помогают человеку их успешно преодолевать. В последнее время проблематика психологических ресурсов активно освещается в литературе, начиная с механизмов психологической защиты и копинг-поведения, и заканчивая такими понятиями, как личностный адаптационный потенциал, личностный потенциал, а также стрессоустойчивость и жизнестойкость. На наш взгляд, нравственные ресурсы личности и сила традиций являются важнейшими элементами взаимодействия личности с внешней средой.

Цифровые технологии активно внедряются и в практику борьбы с преступностью: «обеспечивается информационная безопасность технологической инфраструктуры органов внутренних дел, развивается электронное взаимодействие с органами государственной власти и организациями» [6, с. 255]. Считаем, что при применении возможностей цифровой индустрии необходима оптимизация работы с различными типами личности в виктимологическом аспекте. Требуется установление «картины» цифрового взаимодействия личности и цифровой среды.

Оптимизация общих процессов технологического внедрения и автоматизации, поможет эффективно анализировать и прогнозировать виктимогенную ситуацию, позволяя сотрудникам правоохранительных органов во взаимодействии с социологами и педагогами, подбирать оптимальный способ нейтрализации проблемы. В частности, в рамках разработки эффективных мер обеспечения ментальной безопасности личности в современных реалиях, с учетом выявленных специалистами закономерностей, в профессиональные гаджеты сотрудников правоохранительных органов могут быть заложены методические рекомендации по работе с подростками группы риска. Возможно выстраивание алгоритма профилактической деятельности с учетом их типологии и направленности личности, интересов и увлечений, а также уровня «зараженности» негативной виртуальной средой.

При планировании перспективных мер обеспечения ментальной безопасности личности необходимо совершенствовать алгоритм действий по преодолению право-

вого нигилизма, который является «симптомом» отклоняющегося от требований правовых норм поведения. Самыми эффективными регуляторами поведения субъектов общественных отношений выступают конституционные нормы. Выступая частью правосознания, конституционное правосознание формирует у отдельно взятой личности и российского социума в целом представления об общественных отношениях, а также о государственно-правовых процессах, происходящих в России. В условиях цифровизации российского общества требуется формирование качественно нового уровня правового сознания.

Основами государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан устанавливается, что «развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надёжной защищённости публичных интересов» [7]. Поддерживаем высказанное в юридической литературе мнение Т.В. Драбиной о том, что «в условиях цифровизации только совместными усилиями государства, гражданского общества и представителей юридической науки возможно преодоление правового нигилизма и формирование должного правосознания, достаточного для реализации положений Конституции Российской Федерации» [8, с. 160].

С развитием цифровизации появляются новые возможности правового просвещения граждан, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». По инициативе сенатора от Ростовской области И. Рукавишниковой в России внедряется портал юридической помощи и правового просвещения, являющейся своеобразной единой информационной точкой получения «скорой правовой помощи» [9]. Данный цифровой ресурс можно считать существенным шагом на пути разрушения правового нигилизма.

Таким образом, криминологическое обеспечение ментальной безопасности личности зависит от множества факторов. Негативный информационный контент способен оказывать деструктивное воздействие на процесс формирования личности. Нравственно-идеологическое и правовое направления общественной жизни должны быть обеспечены эффективной охраной.

С одной стороны, обеспечение ментальной безопасности личности является частью государственной политики в целом, с другой – данная проблема требует разработки современных программ специального назначения, ориентированных на нейтрализацию негативного влияния информационной среды. В данном аспекте важная роль принадлежит гражданскому обществу, в лице педагогов, семьи, ближайшего окружения.

Список литературы:

1. Буткевич С.А. Предупреждение угроз ментальной безопасности: правовой, криминологический и психолого-педагогический инструментарий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – С. 313-314.
2. Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С. Цифровая криминология: учебное пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2021. 244 с.
3. Целуйкина Т.Г. Психологические особенности формирования гражданской идентичности студентов на разных этапах обучения в вузе // Мир науки. Педагогика и психология - 2019 - №2 - URL: <https://mir-nauki.com/PDF/34PSMN219.pdf> (дата обращения: 27.03.2022).

4. Кожанов И.В. Диагностика сформированности гражданской идентичности у студентов // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-7. - С. 1504–1508. - URL: <http://fundamentalresearch.ru/ru/article/view?id=34369> (дата обращения: 21.03.2022).
5. Ветров Р.Ю. Нравственные ресурсы преодоления личностью кризисных ситуаций: автореф. дисс. ... д.ю.н. М., С. 3.
6. Гутиева И.Г. Некоторые проблемы противодействия преступности на современном этапе // Евразийский Юридический журнал. - 2021. - № 6 (157). - С. 255.
7. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. Пр-1168) // Российская газета. 2011. № 151.
8. Драбина Т.В. Актуальные проблемы конституционно-правового механизма преодоления правового нигилизма в Российской Федерации в условиях цифровизации // Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции «Юридическая деятельность в условиях цифровизации» / под ред. Е.В. Евсиковой, В.С. Тихомаевой. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2021. – С. 160.
9. В России будет создан единый портал бесплатной правовой помощи https://news.rambler.ru/other/42498560/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copypink (дата обращения: 04.04.2022).

Donskaya Olga G., Novikova Tatyana Y., Moskaleva Elena N. Ensuring the mental security of the person in the conditions of digitalization // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 81–86.

The article presents the author's analysis of the level of protection of the mental security of the individual, with special attention being paid to the protection of adolescents and youth. The authors explore modern information content for threats to the formation of personality. The analysis of negative Internet content in relation to crisis factors is carried out. The authors present well-reasoned proposals for ensuring the mental security of the individual in modern realities.

In conclusion, the authors point out that the criminological support of the mental security of a person depends on many factors. Negative information content can have a destructive effect on the process of personality formation. The moral-ideological and legal directions of public life must be provided with effective protection. Ensuring the mental security of the individual is part of the state policy as a whole, which also requires the development of modern special-purpose programs aimed at neutralizing the negative impact of the information environment.

Keywords: digital criminology, digital resource, crisis factors, cyberspace, public life, modern reality, civil society.

Spisok literatury:

1. Butkevich S.A. Preduprezhdeniye ugroz mental'noy bezopasnosti: pravovoy, kriminologicheskoy i psikhologo-pedagogicheskoy instrumentariy // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskoye nauki. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – С. 313–314.
2. Ishchuk YA.G., Pinkevich T.V., Smol'yaninov Ye.S. Tsifrovaya kriminologiya: uchebnoye posobiye. – М.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. 244 s.
3. Tseluykina T.G. Psikhologicheskiye osobennosti formirovaniya grazhdanskoy identichnosti studentov na raznyye yazyki obucheniya v vuze // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya - 2019 - №2 - URL: <https://mir-nauki.com/PDF/34PSMN219.pdf> (data obrashcheniya: 27.03.2022).
4. Kozhanov I.V. Diagnostika sformirovannosti grazhdanskoy prinadlezhnosti u studentov // Fundamental'nyye issledovaniya. 2014. № 6-7. - С. 1504–1508 gg. - URL: <http://fundamentalresearch.ru/ru/article/view?id=34369> (data obrashcheniya: 21.03.2022).
5. Vetrov R.YU. Nravstvennyye resursy preodoleniya lichnost'yu krizisnykh situatsiy: avtoref. diss. ... d.yu.n. М., С. 3.
6. Gutiyeva I.G. Nekotoryye problemy protivodeystviya prestupnosti na sovremennom etape // Yevraziyskiy Yuridicheskoy zhurnal. - 2021. - № 6 (157). - С. 255.
7. Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere razvitiya pravovoy gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (utv. Prezidentom RF 28 aprelya 2011 g. Pr-1168) // Rossiyskaya gazeta. 2011. № 151.
8. Drabina T.V. Aktual'nyye problemy konstitutsionno-pravovogo mekhanizma preodoleniya pravovogo nigilizma v Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh tsifrovizatsii // Sbornik stat'yey po rezul'tatam mezhdunarodnoy nauchnoprakticheskoy konferentsii «Yuridicheskaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii» / pod red. Ye.V. Yevsikovoy, V.S. Tikhomayevoy. – Simferopol' : IT «ARIAL», 2021. – С. 160.
9. V Rossii budet sozdan yedinyy portal besplatnoy pravovoy pomoshchi https://news.rambler.ru/other/42498560/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copypink (data obrashcheniya: 04.04.2022).

УДК 342.951

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Евсикова Е. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье сделана попытка изучить и раскрыть правовую природу, сущность и особенности публично-правовой ответственности в современном российском праве, что видится вполне логичным и обоснованным в условиях правового дуализма, позволяющего увидеть и рассмотреть систему юридической ответственности в целом. Автор анализирует различные научные подходы к пониманию категории «публично-правовая ответственность». Так, исследуется позиция рассмотрения категории «публично-правовая ответственность» с позиций конституционного и муниципального права, как «ответственность публично-правовых образований». Однако, автор приходит к выводу, что категорию «публично-правовая ответственность» следует отличать от понятия «ответственность публично-правовых образований», которые также могут выступать субъектами публично-правовой ответственности.

Также, автор изучает существующие сегодня научные точки зрения в сфере понимания «публично-правовой ответственности», исходя из позиций деления права на публичное и частное (дуализм права), а также анализирует предлагаемые различными учеными типы или формы публично-правовой ответственности, к которым, по мнению автора, можно отнести конституционно-правовую, уголовно-правовую, административно-правовую, финансово-правовую, налогово-правовую, бюджетно-правовую, земельно-правовую, эколого-правовую, муниципально-правовую ответственность.

На основе проведенного анализа автором предложено собственное определение категории «публично-правовая ответственность», что позволит усовершенствовать публично-правовые отношения в данной сфере, повысить эффективность и качество их реализации.

Ключевые слова: публичная власть; публичное право; публично-правовая ответственность; юридическая ответственность.

В современных условиях формирования правовой действительности национальная правовая система остро нуждается в надлежащих и качественных средствах правовой охраны и защиты действенных механизмов правового регулирования, важное место в котором занимает институт «публично-правовой ответственности», которая, на сегодняшний день продолжает оставаться малоизученной и требует проведения комплексного научного исследования своей сущности, правовой природы, особенностей, проведения классификации на основе различных критериев, чтобы устранить существующие недостатки и проблемы правопонимания и правоприменения данного вида юридической ответственности, избежать правовой неопределенности в механизме ее нормативно-правового регулирования. При этом, само по себе выделение категории «публично-правовая ответственность» в рамках более общего понятия «юридическая ответственность» до сих пор остается дискуссионным [1].

При этом, новый импульс к оживлению дискуссии о типологизации видов и пониманию «публично-правовой ответственности» придали изменения в Конституцию РФ в рамках Закона о поправке в Конституцию РФ – 2020 [2], в связи с введением конституционного термина «публичная власть» [3].

Однако, на сегодняшний день комплексного исследования вопросов трактования понятия и особенностей публично-правовой ответственности, ее типологизации и

их критериев проведено так и не было, несмотря на высокую актуальность и значимость данной темы для нашей страны в целом и отдельных ее субъектов, чем и обусловлен выбор обозначенной темы исследования, т.к., по нашему мнению, сегодня, как никогда, правовая доктрина нуждается в комплексном анализе подходов к правопониманию сущности и особенностей категории «публично-правовая ответственность», выделении путей усовершенствования ее нормативно-правового регулирования и правоприменения.

Основной текст. Как известно, юридическая ответственность, наряду с другими институтами российской правовой системы в современных реалиях постоянно пребывает в динамике, изменяется и развивается, в силу чего, проблемы ее усовершенствования и пути их разрешения требуют дальнейшей научной разработки и исследования.

Однако, в условиях неустанного совершенствования и развития российской правовой системы на первый план выдвигаются вопросы трактования правовой природы, сущности и особенностей не столько юридической ответственности, сколько ее основных типов – публично-правовой и частноправовой ответственности, определение содержания их сущностных аспектов, видов, функций, оснований, субъектов и т.д.

При этом, в условиях правового дуализма, позволяющего увидеть и рассмотреть систему юридической ответственности в целом, не ограничиваясь только отдельными отраслями и подотраслями, на первый план выдвигаются вопросы формирования и развития частноправовой и публично-правовой ответственности, что особенно важно в непрерывно идущем процессе правотворчества, когда ситуационная скорость и узкая предметность регулирования затрудняют видение общетеоретических проблем. В то же время важнейшей функцией законодательной власти в сфере регулирования публичных и частных отношений является издание законов, закрепляющих и развивающих принципы публичного и частного права. Вместе с тем, в повседневной практике этого недостаточно, поскольку, требуется законодательное закрепление нормативных моделей наиболее типичных публично-правовых и частноправовых связей. Указанные модели могут быть разработаны на основе общетеоретической модели юридической ответственности в публичном и частном праве [4, с.4].

Следует отметить, что дискуссии относительно трактования категории «публично-правовая ответственность» ведутся уже достаточно давно, а попытки осмыслить указанное понятие и раскрыть ее сущность и особенности отличаются разнообразием подходов.

Так, Умнова И.А. в свое время отмечала, что одной из важнейших задач государственно-правового реформирования является формирование конституционных основ публично-правовой ответственности Российской Федерации и ее субъектов, что предполагает восполнение пробелов в конституционном регулировании, а именно - определение форм и мер ответственности, нацеленных на укрепление России как демократического правового федеративного государства, создание достаточно централизованной системы контроля федеральной власти за обеспечением конституционности и правопорядка, повышение роли конституционного судопроизводства в защите и реализации конституционных основ современного российского федерализма и действующей системы разделения государственной власти между Россий-

ской Федерацией и ее субъектами [5]. Однако, в рамках данного подхода, публично-правовая ответственность рассматривалась как вид юридической ответственности, субъектами которой выступают только органы публичной власти перед населением страны.

Кушхова Б.З., в свою очередь отмечает, что ответственность публичной власти является публично-правовой ответственностью, в основе которой лежат нормы конституционного и (или) муниципального права. Именно конституционно-правовая ответственность и, соответственно, муниципально-правовая ответственность детерминируют применение к субъектам властных отношений меры иных разновидностей юридической ответственности – уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой [6].

Яценко О.В. также указывает, что публично-правовая ответственность отличается от других видов ответственности тем, что в ней сочетаются моральные, политические и правовые меры ответственности, а субъекты ответственности несут ее перед основными источниками публичной власти – гражданином, народом, населением. При этом, особым видом публично-правовой ответственности является ответственность Российской Федерации (далее – РФ) и субъектов Российской Федерации (далее – субъектов РФ) как носителей публичной власти в федеративном государстве. Разграничивая между собой функции и полномочия государственной власти, федерация и ее субъекты в то же время представляют собой единое целое – государство, поэтому, смысл публичной ответственности в федеративных отношениях заключается в том, что она должна быть раздельной, обеспечивающей единую сквозную и сбалансированную ответственность РФ и субъектов РФ перед гражданином, народом и населением за невыполнение возложенных функций, нарушение законов и нанесение вреда. Публичная ответственность РФ и субъектов РФ как носителей государственной власти, урегулированная правом, становится публично-правовой ответственностью [7].

Критикуя данную позицию, Рунец С.В. отмечает, что концепция публично-правовой ответственности не выглядит убедительной, поскольку, юридическая ответственность носит отраслевой характер и вытекает из конкретных отраслей правовой системы, что позволяет ее индивидуализировать, а наличие какой-то межотраслевой, комбинированной ответственности противоречит природе юридической ответственности, каждая из отраслей которой характеризуется собственным набором средств принудительного воздействия [8].

Вместе с тем, в рамках данного исследования, обозначим, что категорию «публично-правовая ответственность» следует отличать от понятия «ответственность публично-правовых образований», которые также могут выступать субъектами публично-правовой ответственности.

При этом, выделение в национальной правовой системе в рамках юридической ответственности отдельного правового института «публично-правовой ответственности», не вызывает сомнений, что обусловлено уже не столько дуализмом в праве, сколько объективной необходимостью обеспечения самостоятельной и полноценной защиты законных интересов общества и государства (мерами публично-правовой ответственности); систематизации форм и мер юридической ответственности, а также механизмов ее реализации (применения) в сфере организации и функционирования публичной власти; повышения эффективности правопримени-

тельной практики; усовершенствования правового качества и практической ориентации актов официального толкования норм о публично-правовой ответственности и механизмах ее реализации [9].

Следует согласиться с позицией Бутаковой Н.А. и Пирожковой Н.П., что в условиях необходимости сохранения основной отраслевой классификации видов юридической ответственности и недопущения нарушения устоявшегося и урегулированного порядка применения отраслевой юридической ответственности, развитие современной системы российского законодательства и тенденции к углублению разделения российского права на частное и публичное, бесспорно, должно привести к углублению и наших представлений о юридической ответственности и деления всех видов юридической ответственности на два главных – частноправовую и публично-правовую, к которой относятся конституционная, уголовная, административная, а также сформированные на ее базе финансовая, налоговая, бюджетная, экологическая ответственность и т.д. (сюда же следует причислить дисциплинарную ответственность гражданских государственных служащих, военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, судов, прокуратуры, муниципальных служащих) [10].

Шубников Ю.Б., Андреянова И.В. отмечают, что опираясь на присущее для романо-германской правовой системы разделение права на публичное и частное ("дуализм права"), можно выделить два соответствующих вида юридической ответственности: публично-правовую и частноправовую, каждый из которых, в свою очередь, содержит множество подвидов юридической ответственности: уголовную, административную, налоговую, трудовую, гражданскую, корпоративную и др. Так, оба вида юридической ответственности, обладая рассмотренными ранее общими родовыми признаками, существование которых обусловлено их единой правовой природой, характеризуются своими видовыми особенностями. Наличие последних есть результат имеющихся внутриродовых различий содержания, субъектов и объектов данных правоотношений, сохранение которых они обеспечивают [11]. При этом, по мнению указанных авторов, основу публично-правовой ответственности образуют уголовная и административная ответственность. Именно на них ложится основная нагрузка по противодействию посягательствам на порядок государственного устройства и управления общественными процессами.

Следует отметить, что юридическая, в частности уголовная, ответственность чаще всего рассматривается в ретроспективном смысле как обязанность нести ответственность за уже совершенное человеком правонарушение, однако уголовная ответственность, будучи категорией не только юридической, но и философской, не может не рассматриваться в двух известных философских аспектах. При этом, содержанием уголовной ответственности следует считать единство двух форм ее реализации (с одной стороны - это законопослушное поведение лица к требованиям, закрепленным в уголовном законе, а с другой — возможность принудительного воздействия со стороны общества и государства на лицо, нарушившее эти требования) [12].

Административная ответственность, по нашему мнению, представляет собой сложное правовое явление и категорию, выступающую с одной стороны видом юридической ответственности, с другой – мерой государственного принуждения, обладающую присущими только ей специфическими признаками, отличающими ее

от других видов юридической ответственности, закрепленную нормами административно-деликтного законодательства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, возникающую вследствие совершения общественно опасного, противоправного, виновного, наказуемого деяния (действия или бездействия) субъектом административной ответственности (физическим или юридическим лицом), состоящую с одной стороны в применении уполномоченными органами административной юрисдикции к субъектам административной ответственности мер принуждения, предусмотренных административно-деликтным законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, с другой стороны – обязанности субъектов административной ответственности претерпевать административные наказания личного, имущественного или организационного характера, которые могут быть применены к лицу за совершение административного правонарушения [13].

При этом, сегодня на первый план выдвигаются вопросы трансформации административной ответственности в уголовную, например, административная преюдиция (или «административная предикация», когда посредством установления связи между субъектом (актантом) и предикатом (наличие у лица непогашенного административного взыскания) формируется препозиция (условие привлечения к уголовной ответственности или усиление таковой); при этом свойства предиката при формировании препозиции подлежат оценке и вполне могут быть подвергнуты ревизии, что не свойственно преюдиции [14]) или наоборот, когда происходит декриминализация ряда противоправных уголовно-наказуемых деяний и уголовная ответственность трансформируется в административную.

В то же время, как отмечает Конституционный Суд РФ, в РФ как правовом демократическом государстве привлечение виновного лица к административной или уголовной ответственности, которые являются разновидностями публично-правовой ответственности, осуществляется на основании закона, действовавшего на момент совершения им противоправного общественно опасного деяния, при этом в случае усиления общественной опасности совершенного деяния и соответствующего изменения правового регулирования не допускается распространение на лицо, привлекаемое к такой ответственности, закона, ухудшающего его положение, в том числе посредством увеличения размера наказания, предусмотренного за его совершение, или замены его более строгой санкцией. В то же время исходя из гуманистических соображений на такое лицо распространяются изменения закона, обусловленные снижением общественной опасности наказуемого деяния и ослаблением вследствие этого меры ответственности, в том числе заменяющие вид ответственности на менее строгий, т.е. изменения, которые - в контексте общеправового регулирования и с учетом всех правовых последствий нововведений в сложившейся структуре права – могут расцениваться как улучшающие правовое положение лица, совершившего противоправное деяние.

Судебная практика в данном случае исходит в основном из общего правила об обратной силе закона, отменяющего административную ответственность. Так, суды различных инстанций, рассматривая ранее возбужденные в отношении граждан и должностных лиц дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.1.1 КоАП Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 20 июля 2011 года № 250-ФЗ), прекращали производство по этим делам в связи с

отменой административной ответственности для граждан и должностных лиц, притом что одновременно вводилась уголовная ответственность за те же самые деяния (постановления Верховного Суда Республики Татарстан от 15 января 2015 г. и от 27 февраля 2015 г.; Свердловского областного суда от 7 апреля 2015 г.; Вологодского областного суда от 27 апреля 2015 г.; Верховного Суда Республики Башкортостан от 6 мая 2015 г.; Архангельского областного суда от 18 мая 2015 г.; Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г.).

Между тем административная ответственность и ответственность уголовная, будучи разновидностями публично-правовой ответственности, преследуют общую цель охраны публичных интересов, прежде всего таких как защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка. В силу этого они имеют схожие задачи, принципы и тем самым дополняют друг друга [15].

Таким образом, исходя из форм проявления публично-правовой ответственности, можно сделать вывод о комплексном подходе к пониманию публично-правовой ответственности как системе, включающей конституционно-правовую, уголовную и административно-правовую составляющие, что подтверждается позицией Конституционного Суда РФ [16].

Так, например, под конституционно-правовой ответственностью, как правило, понимают предусмотренную нормами Конституции РФ и других федеральных законов, а также обеспеченную мерами государственного воздействия в целях защиты конституционно-правовых отношений обязанность субъектов таких правоотношений претерпевать различные неблагоприятные последствия за свое юридически значимое поведение, нарушающее конституционный правопорядок, установленный данными нормами [17].

В свою очередь, Прокопович Г.А., категорию «публично-правовая юридическая ответственность» рассматривает сквозь призму комплексного публично-правового регулирования, указывая, что публично-правовая ответственность (которую следует изучать и рассматривать в динамике в рамках правовой системы в целом) наступает лишь при нарушении норм публичного права (административного, уголовного и т.д.) [4].

Вместе с тем, современные исследователи, под юридической ответственностью в публичном праве понимают одну из форм реализации государственного принуждения, применяемую к виновным в совершении правонарушения лицам с целью защиты интересов общества, государства и личности в публично-правовой сфере. Характерной чертой юридической ответственности в публичном праве является применение публично-правовых мер воздействия на правонарушителя в строго установленной действующим законодательством форме [18].

По нашему мнению, исходя из системного понимания и анализа публично-правовой ответственности, на сегодняшний день, можно выделить следующие типы или формы публично-правовой ответственности, к которым, по мнению автора, можно отнести конституционно-правовую, уголовно-правовую, административно-правовую, финансово-правовую, налогово-правовую, бюджетно-правовую, земельно-правовую, эколого-правовую, муниципально-правовую ответственность, которые входят в систему комплексного понятия «публично-правовая ответственность» и соответствуют присущим ей признакам.

В то же время, при исследовании публично-правовой ответственности следует исходить из следующих особенностей данной правовой категории:

1) Целью установления публично-правовой ответственности является обеспечение публичных интересов государства и общества, которая предполагает, что у публичных органов власти имеются интересы, совпадающие с интересами общества, которые и являются основой для создания публично-правовых норм и публично-правовой ответственности за их нарушение. Исходя из целеполагания публично-правовой ответственности, следует отметить ее ориентацию на обеспечение нормального функционирования норм публичного права в условиях законности и правопорядка (в условиях защищенности государства и общества от социально вредных противоправных деяний), а также достижение правового состояния «наказанности», которое является следствием реализации ответственности в отношении конкретного правонарушителя;

2) Сфера применения публично-правовой ответственности охватывает значительный круг различных общественных отношений, опосредованных правом, в рамках традиционных отраслей публичного права (конституционного, уголовного, административного);

3) Система публично-правовой ответственности включает в себя различные виды форм юридической ответственности исходя из их отраслевой типизации. К традиционным формам публично-правовой ответственности относятся конституционно-правовая, уголовная, административно-правовая, а к дискуссионным формам публично-правовой ответственности, как правило, относят: (налоговую, муниципально-правовую, процессуальную, международно-правовую и т.д.);

4) Закрепление мер публично-правовой ответственности на законодательном уровне;

5) Фактическим основанием (юридическим фактом), влекущим возникновение публично-правовой ответственности, является публичное правонарушение;

6) Особенности субъектного состава - одним из субъектов указанных правоотношений всегда будет субъект публичной власти;

7) Реализация публично-правовой ответственности может осуществляться как в принудительной (уголовно-правовая или административно-правовая ответственность), так и в добровольной форме (добровольная выплата лицом суммы налоговой санкции, рассчитанной налоговым органом, до вынесения судом решения о принудительном взыскании налоговой санкции). Механизм (порядок) реализации публично-правовой ответственности зависит от вида ответственности и органа (субъекта), применяющего соответствующие санкции [9].

При этом, на сегодняшний день, не вызывает сомнений тот факт, что «публично-правовая ответственность» представляет собой комплексное сложное правовое явление, отличающееся целями и сферой применения, формами, субъектным составом, особенностями нормативно-правового урегулирования и правоприменения, совокупностью оснований для ее реализации (нормативных, фактических, процессуальных); мерами и механизмом реализации.

Таким образом, публично-правовая ответственность, по нашему мнению, представляет собой сложное правовое явление и категорию, выступающую типом юридической ответственности, обладающую присущими только ей специфическими

признаками, отличающими ее от частно-правовой юридической ответственности, закрепленную нормами публичного права, возникающую вследствие нарушения публичных правоотношений (совершения публичного правонарушения) субъектом публично-правовой ответственности (физическим или юридическим лицом), состоящую с одной стороны в применении уполномоченными органами публичной власти мер принуждения, предусмотренных нормами публичного права (конституционного, уголовного, административного, финансового, налогового, бюджетного, земельного, экологического, муниципального и т.д.), с другой стороны – обязанности субъектов публично-правовой ответственности добровольно или принудительно претерпевать негативные последствия личного, имущественного, организационного характера, которые могут быть применены к виновному лицу за совершение правонарушения в целях защиты публичных интересов и наказания виновных лиц.

Указанные предложения позволят усовершенствовать институт публично-правовой ответственности в современном российском праве, будут способствовать дальнейшим научным разработкам и исследованиям в сфере публично-правовой ответственности, повышению эффективности ее правопонимания и правореализации, а также позволят обеспечить соблюдение прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц при привлечении к публично-правовой ответственности.

Список литературы:

1. Евсикова Е.В. Публично-правовая ответственность: понятие и особенности / Е.В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. – 2022. № 5 (168). – С. 131-133.
2. Евсикова Е.В. К закону о поправке к Конституции Российской Федерации – 2020 / Е.В. Евсикова, С.Б. Буц // Евразийский юридический журнал. – 2021. № 11 (162). – С. 133-135.
3. Евсикова Е.В. Закон о поправке в Конституцию Российской Федерации 2020: некоторые аспекты теории и практики / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. № 4. – С. 58-71
4. Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве : автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук 12.00.01 / Прокопович Галина Алексеевна / НОУ ВПО «Юридический институт» (Санкт-Петербург): 2010, - 62 с.
5. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Умнова Ирина Анатольевна/Московская государственная юридическая академия, Москва, - 1997. -398 с.
6. Кушхова Б.З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кушхова Бэла Залимовна / Пятигорский государственный технологический университет, Краснодар. – 2009 . – 28 с.
7. Яценко О.В. Институт правовой ответственности в публичном праве: теоретические аспекты / О.В. Яценко // Философия права. – 2007. № 2. –С. 35.
8. Рунец С.В. Публично-правовая ответственность главы государства / С.В. Рунец / Бизнес в законе. – 2010. - № 3. – С. 11-12.
9. Кузьмин И.А. Специфика публично-правовой ответственности / И.А. Кузьмин / Lex Russica. – 2017. - № 6 (127). – С. 39-50.
10. Бутакова Н.А., Пирожкова Н.П. Юридическая ответственность: понятие, виды / Бутакова Н.А., Пирожкова Н.П. / Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. – 2012. – Т. 3. - № 1 (50). – С. 251-265.
11. Шубников Ю.Б., Андреева И.В. Публично-правовая и частноправовая (гражданско-правовая) ответственность: родовые и видовые признаки / Шубников Ю.Б., Андреева И.В. // Ленинградский юридический журнал. – 2015. - № 4 (42). – С. 129-138.

12. Харабара И.В. Уголовная ответственность и ее основание /Харабара И.В. // Образование и право. – 2020. № 6. – С. 340-345.
13. Буц, С.Б. К вопросу о реформировании административно-деликтного законодательства и законодательном определении понятия «административная ответственность» / С.Б. Буц, Е.В. Евсикова, А.В. Пономарев // Евразийский юридический журнал. – 2020. - № 5 (144). – С. 154-156.
14. Арямов А.А. Административная преюдиция в уголовном праве и требования юридической техники / А.А. Арямов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. Ч. 2. – С. 3-12.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П "По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области". [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182814/#dst100053
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П "По делу о проверке конституционности положений пункта "в" части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона "О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139990/(date of access: 07.06.2022).
17. Олимпиев А.Ю. К вопросу о понятии, сущности и видах конституционно-правовой ответственности / Олимпиев А.Ю. // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. № 3. – С. 112-116.
18. Герасимова Н.Р., Гадбан Х.Т.Г. Юридическая ответственность в публичном праве / Герасимова Н.Р., Гадбан Х.Т.Г. // Контентус. – 2020. - № 7. – С. 34-43.

Evsikova E.V. Public legal responsibility in modern Russian law: theoretical and legal aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 87-96.

The article attempts to study and reveal the legal nature, essence and features of public liability in modern Russian law, which seems quite logical and justified in the conditions of legal dualism, which allows us to see and consider the system of legal liability as a whole. The author analyzes various scientific approaches to understanding the category of "public liability". Thus, the position of considering the category of "public legal responsibility" from the standpoint of constitutional and municipal law as "responsibility of public legal entities" is investigated. However, the author comes to the conclusion that the category of "public legal responsibility" should be distinguished from the concept of "responsibility of public legal entities", which can also act as subjects of public legal responsibility.

Also, the author studies the existing scientific points of view in the field of understanding "public-legal responsibility", based on the positions of the division of law into public and private (dualism of law), and also analyzes the types or forms of public-legal responsibility proposed by various scientists, which, in the author's opinion, can be attributed to constitutional-legal, criminal-legal, administrative-legal, financial-legal, tax-legal, budgetary-legal, land-legal, environmental-legal, municipal-legal responsibility. Based on the analysis, the author proposed his own definition of the category of "public legal responsibility", which will improve public legal relations in this area, increase the efficiency and quality of their implementation.

Keywords: public authority; public law; public legal responsibility; legal responsibility.

Spisok literaturi:

1. Evsikova E.V. Publichno-pravovaya otvetstvennost': ponyatie i osobennosti / E.V. Evsikova // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2022. № 5 (168). – S. 131-133.
2. Evsikova E.V. K zakonu o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii – 2020 / E.V. Evsikova, S.B. Buc // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2021. № 11 (162). – S. 133-135.
3. Evsikova E.V. Zakon o popravke v Konstituciyu Rossijskoj Federacii 2020: nekotorye aspekty teorii i praktiki / E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2021. – Т. 7. № 4. – S. 58-71
4. Prokopovich G.A. Teoreticheskaya model' yuridicheskoy otvetstvennosti v publichnom i chastnom prave : avtoref. diss. ... d-ra. yurid. nauk 12.00.01 / Prokopovich Galina Alekseevna / NOU VPO «Yuridicheskij institut» (Sankt-Peterburg): 2010, - 62 s.

5. Umnova I.A. Konstitucionnye osnovy sovremennogo rossijskogo federalizma : dis. ... d-ra jurid. nauk : 12.00.02 / Umnova Irina Anatol'evna/Moskovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, Moskva, - 1997. -398 s.
6. Kushkhova B.Z. YUridicheskaya otvetstvennost' publichnoj vlasti v sovremennoj Rossii: obshcheteoreticheskiy aspekt : diss. ... kand. jurid. nauk : 12.00.01 / Kushkhova Bela Zalimovna / Pyatigorskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet, Krasnodar. – 2009 . – 28 s.
7. YAcenko O.V. Institut pravovoj otvetstvennosti v publichnom prave: teoreticheskie aspekty / O.V. YAcenko // *Filosofiya prava*. – 2007. № 2. –S. 35.
8. Runec S.V. Publichno-pravovaya otvetstvennost' glavy gosudarstva / S.V. Runec / *Biznes v zakone*. – 2010. - № 3. – S. 11-12.
9. Kuz'min I.A. Specifika publichno-pravovoj otvetstvennosti / I.A. Kuz'min / *Lex Russica*. – 2017. - № 6 (127). – S. 39-50.
10. Butakova N.A., Pirozhkova N.P. YUridicheskaya otvetstvennost': ponyatie, vidy / Butakova N.A., Pirozhkova N.P. / *Nauchnye trudy Severo-Zapadnoj akademii gosudarstvennoj sluzhby*. – 2012. – T. 3. - № 1 (50. – S. 251-265.
11. SHubnikov YU.B., Andreyanova I.V. Publichno-pravovaya i chastnopravovaya (grazhdansko-pravovaya) otvetstvennost': rodovye i vidovye priznaki / SHubnikov YU.B., Andreyanova I.V. // *Leningradskij yuridicheskij zhurnal*. – 2015. - № 4 (42). – S. 129-138.
12. Harabara I.V. Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie /Harabara I.V. // *Obrazovanie i pravo*. – 2020. № 6. – S. 340-345.
13. Buc, S.B. K voprosu o reformirovanii administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva i zakonodatel'nom opredelenii ponyatiya «administrativnaya otvetstvennost'» / S.B. Buc, E.V. Evsikova, A.V. Ponomarev // *EvrAzijskij yuridicheskij zhurnal*. – 2020. - № 5 (144). – S. 154-156.
14. Aryamov A.A. Administrativnaya preudiciya v ugolovnom prave i trebovaniya yuridicheskoy tekhniki / A.A. Aryamov // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I.Vernadskogo. YUridicheskie nauki*. – 2021. – T. 7 (73). № 3. CH. 2. – S. 3-12.
15. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.07.2015 № 20-P "Po delu o provere konstitucionnosti chasti 2 stat'i 1.7 i punkta 2 stat'i 31.7 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah v svyazi s zaprosom mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 1 Vyksunskogo sudebnogo rajona Nizhegorodskoj oblasti". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182814/#dst100053
16. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.12.2012 № 34-P "Po delu o provere konstitucionnosti polozenij punkta "v" chasti pervoj i chasti pyatoj stat'i 4 Federal'nogo zakona "O statuse chlena Soveta Federacii i statuse deputata Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii" v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoj Dumy". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139990//(date of access: 07.06.2022).
17. Olimpiev A.YU. K voprosu o ponyatii, sushchnosti i vidah konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti / Olimpiev A.YU. // *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. – 2020. № 3. – S. 112-116.
18. Gerasimova N.R., Gadban H.T.G. YUridicheskaya otvetstvennost' v publichnom prave / Gerasimova N.R., Gadban H.T.G. // *Kontentus*. – 2020. - № 7. – S. 34-43.

УДК 342.9

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Заброда Д. Г., Аминов А. А.

В статье дается общая характеристика взаимодействия участкового уполномоченного полиции с общественными объединениями правоохранительной направленности.

Изучение научных публикаций, касающихся совместной деятельности участкового уполномоченного полиции и общественных объединений правоохранительной направленности, анализ законодательства, регулирующего привлечение граждан к охране общественного порядка, изучение исторического опыта деятельности сотрудников полиции и общественности в обеспечении правопорядка, позволили раскрыть правовые основания сотрудничества УУП и ООПН, осветить основные подходы к пониманию сущности взаимодействия этих субъектов правоохранительной деятельности и её правовой природы, охарактеризовать формы и виды партнерства, а также конкретизировать основные этапы его формирования и развития.

С учетом философского, общетеоретического, нормативного и практического подходов сформулировано понятие рассматриваемого нами взаимодействия как «осуществляемая в пределах административного участка и территории муниципального образования, урегулированная административно-правовыми нормами совместная или согласованная по месту, времени и способам деятельность УУП, как представителя полиции, и ООПН, как формы добровольного участия граждан Российской Федерации, в охране общественного порядка, направленная на защиту жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах».

Выделены специальные принципы, которые отражают особенности организации и осуществления взаимодействия, виды и формы совместной деятельности.

Сделан вывод о том, что организации и осуществлению совместной деятельности УУП и ООПН, присущи следующие этапы: аналитический, этап проектирования, этап выработки управленческих решений, функциональный этап, контроль исполнения принятых решений, оценочный этап.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, общественные объединения правоохранительной направленности, взаимодействие.

Необходимость повышения эффективности охраны общественного порядка, надежного обеспечения общественной безопасности, стабильности оперативной обстановки в населенных пунктах нашей страны требует слаженности действий полиции и других субъектов охраны правопорядка, среди которых важное место занимают общественные объединения правоохранительной направленности.

Актуальность изучения теоретико-правых и практических основ взаимодействия участковых уполномоченных полиции (далее – УУП) и общественности обуславливается как близостью данного подразделения полиции к населению, так и общностью интересов полиции и общественных объединений правоохранительной направленности (далее – ООПН) – созданием безопасных условий для жизнедеятельности физических и юридических лиц, а также их безусловной защиты от противоправных посягательств.

Следует отметить, что помощь, оказываемая общественными формированиями в поддержании общественного порядка и предупреждении правонарушений, ежегодно позитивно отмечается в отчетах МВД России и выступлениях руководителей МВД России различных уровней. В частности, оценивая результаты деятельности

органов внутренних дел в 2020 г. В. Колокольцев отметил, что «...существенную помощь сотрудникам полиции оказывают представители различных общественных формирований правоохранительной направленности. Граждане активно участвуют в охране общественного порядка. В 2020 г. к таким мероприятиям привлекалось почти 2 миллиона человек» [1]. Например, в Республике Крым (по состоянию на 01.01.2022) в региональный реестр народных дружин, народных дружин из числа членов казачьих обществ, общественных объединений правоохранительной направленности всего внесено 50 организаций. При этом, за 6 месяцев 2021 г. на территории республики в совместных патрулях с сотрудниками полиции задействовало 6532 дружинника, совместно с дружинниками задержано за совершение преступлений 17 лиц, за совершение административных правонарушений – 1909 лиц [2].

Теоретико-правовые и организационные проблемы взаимодействия УУП и ООПН рассматриваются административистами в контексте принципа, отдельного направления и способа оптимизации системы охраны общественного порядка. В частности, базовые параметры современной модели этого взаимодействия сформированы в трудах О.И. Бекетова, А. В. Белокопя, О.В. Беляевой, А.В. Борисова, А.Н. Герасименко, А.Г. Головки, А.Г. Гришакова, Е.В. Кашкиной, Е.В. Киричка, В.Ю. Кокорева, М.В. Колчманова, В. К. Самигуллина, А.В. Хандогиной и др.

В данной публикации предлагается рассмотреть общую характеристику взаимодействия УУП с таким институтом гражданского общества, как общественные объединения правоохранительной направленности.

В отличие от народных дружин, статус ООПН недостаточно конкретизирован в действующем законодательстве. В частности, не закреплены их права и обязанности, их виды, особенности взаимодействия с органами внутренних дел и другими правоохранительными органами.

В связи с этим, считаем целесообразным рассмотреть: правовые основания сотрудничества УУП и ООПН, основные подходы к пониманию сущности взаимодействия этих субъектов правоохранительной деятельности, её правовой природы, формы и виды партнерства, а также этапов его формирования и развития.

Привлечение граждан к охране общественного порядка является и способом реализации положений ст.10 ФЗ «О полиции», нормы которой закрепили ряд концептуальных положений, составляющих основу взаимодействия данного правоохранительного органа и общественности.

Во-первых, обязанность полиции при осуществлении своей деятельности: а) взаимодействовать с общественными объединениями, организациями и гражданами; б) в пределах своих полномочий оказывать содействие общественным объединениям и организациям в обеспечении защиты прав и свобод граждан, соблюдения законности и правопорядка, а также оказывать поддержку развитию гражданских инициатив в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения правопорядка. Во-вторых, право при выполнении возложенных на нее обязанностей – использовать возможности общественных объединений и организаций. В-третьих, обязанность общественных объединений и организации – оказывать содействие полиции при выполнении взятых на себя обязанностей.

Следует согласиться с мнением Е.Н. Прохоровой, рассматривающей приведённые выше группы правоотношений как разновидности правоохранительных отношений «государственно-общественного характера, где закреплена непосредственная

роль указанных организаций, а также их участие в активном продвижении различных действий с целью осуществления поддержки на уровне государства порядка в социуме» [3]. Эти нормы: определяют УУП и ООПН как субъектов взаимодействия; определяют предмет взаимодействия (по поводу чего должно осуществляться взаимодействие); устанавливают порядок взаимодействия, а также его формы; закрепляют порядок обмена информацией о состоянии предмета, по поводу которого осуществляется взаимодействие; конкретизируют сроки осуществления совместных мероприятий; закрепляют компетенцию, полномочия взаимодействующих субъектов [4, с. 10].

Особенностями УУП, определяющими его роль в организации взаимодействия с ООПН, является то, что он: представляет полицию на административном участке, реализуя значительный объем полномочий административно-юрисдикционного, профилактического, информационного и организационного характера; осуществляет деятельность, напрямую связанную с укреплением правопорядка и законности, защитой прав и интересов граждан от противоправных посягательств; в своей повседневной деятельности опирается на доверие и поддержку населения, помощь общественности и трудовых коллективов [5, с. 8,16].

Что касается отличительной особенности деятельности общественных объединений правоохранительной направленности, то она проявляется в наличии конкретной цели (например, поиск пропавшего ребенка), для достижения которой объединяются усилия людей (не членство в организации) [6, с. 530].

К сожалению, как указывалось нами выше, законодательство, регламентирующее деятельность УУП по взаимодействию с рассматриваемой нами категорией общественных формирований, носит общий характер, что предусматривает анализ их совместной деятельности, исходя из теоретических подходов к пониманию сущности и основных направлений такого взаимодействия, выявления отдельных положений законодательства, устанавливающего особенности участия коллективов граждан в охране общественного порядка, а также практики их сотрудничества в сфере обеспечения правопорядка.

Анализ справочной, научной и учебной литературы показывает, что взаимодействие УУП с общественными объединениями правоохранительной направленности может быть рассмотрена как:

- 1) базовая философская категория, отражающая процессы воздействия объектов (субъектов) друг на друга, их изменения, взаимную обусловленность и порождение одним объектом других [7];
- 2) достижение согласованности действий в определенной деятельности на основе достигнутого объединения, реализация мероприятий, способствующих достижению единой цели, а также повышение эффективности совместной деятельности в реализации поставленных задач (общетеоретический аспект) [8, с. 19-20];
- 3) совместная или согласованная по месту и времени в определенных пределах между собой деятельность, осуществляемая в соответствии с компетенцией уполномоченных субъектов и направленная на достижение социально значимых целей (практический аспект) [9, с. 66, 68];
- 4) основанная на законах и подзаконных актах совместную организованную деятельность независимых друг от друга субъектов правоохранительной направленности, согласованную по задачам, функциям, формам, в интересах достижения об-

щей цели по защите прав и законных интересов граждан, обеспечению общественной безопасности и правопорядка» (нормативный аспект) [10, с. 7].

Кроме этого, учеными совместная деятельность УУП и общественности в области охраны правопорядка характеризуются как отношения: «сотрудничества», «партнерства», «содействия» или «взаимопомощи».

Следует согласиться с мнением А. В. Белокопя, что эти отношения являются по своей природе административно-правовыми [4, с. 6, 8]. При этом, интерпретируя его позицию, к особенностям рассматриваемого нами взаимодействия предлагается относить: согласованность по месту осуществления, времени и способам выполнения совместных задач; направленность на защиту жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах; урегулированность законодательством (в области деятельности полиции в целом и УУП в частности, объединений граждан, а также их участия в охране общественного порядка, в сфере противодействия преступлениям и административным правонарушениям и др.), содержащим преимущественно нормы административного права; наличие объективной потребности в совместных действиях как важного условия эффективного выполнения задач, возложенных на УУП и реализации правового статуса общественных объединений правоохранительной направленности; территориальная ограниченность административным участком для УУП, и границами соответствующего муниципального образования для общественных объединений правоохранительной направленности; плановый и систематический характер.

С учетом изложенного, взаимодействие участковых уполномоченных полиции и общественных объединений правоохранительной направленности – это осуществляемая в пределах административного участка и территории муниципального образования, урегулированная административно-правовыми нормами совместная или согласованная по месту, времени и способам деятельности УУП, как представителя полиции, и ООПН, как формы добровольного участия граждан РФ, в охране общественного порядка, направленная на защиту жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах.

В науке выделяют такие элементы взаимодействия, как организационно-структурные, социального регулирования и информационные. К содержанию организации взаимодействия относятся: установления целей взаимодействия, определение субъектов взаимодействия, выбор форм взаимодействия, определение способа осуществления избранной формы взаимодействия, определение пространственно-временных границ взаимодействия [11].

Обзор исторического опыта и современного состояния взаимодействия полиции и общественности в сфере охраны правопорядка позволяет утверждать о наличии общих и специальных принципов, реализация которых распространяется и на деятельность УУП [12, с. 139-140]. Так, к общим (общетеоретическим, конституционным) принципам, закрепляющим правовые основы такого взаимодействия, относятся: законность, гуманизм, гласность, соблюдение прав и свобод человека и т.п.

Среди специальных принципов, которые отражают особенности организации и осуществления взаимодействия, выделяются принципы: планирования, непрерывности, добровольности, индивидуальности и коллективности, научности, конфи-

денциальности, целесообразности, самоуправления, территориальности, оперативности, пропорциональной ответственности за результаты выполненной работы, недопустимости подмены полномочий полиции и т.п.

Указанные принципы тесно связаны между собой и реализуются комплексно, представляя собою соответствующую систему.

Определяя основные направления взаимодействия, необходимо указать, что их перечень закреплен в ч. 3 ст. 11 ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»: содействие органам внутренних дел (полиции) в охране общественного порядка; участие в предупреждении и пресечении правонарушений; распространение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах [13].

В отдельных учебных изданиях как приоритетные формы взаимодействия УУП и ООПН называются: его регулярные рабочие встречи с командирами народных дружин и руководителями других ООПН; совместное участие в проведении тематических круглых столов, семинаров, конференций, совещаний и иных мероприятий, посвященных вопросам взаимодействия полиции и институтов гражданского общества; осуществление информационно-пропагандистских акций; проведение встреч с учащейся молодежью и др. [14, с. 29-30].

Содержание взаимодействия УУП и ООПН раскрывается также путем анализа форм, видов и стадий взаимодействия. Так, Е.В. Кашкина и А.В. Хандогина определяют такие основные формы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями: 1) совместная деятельность (совместное патрулирование, инструктаж и обучение дружинников, совместный анализ состояния охраны общественного порядка, оказание членам общественных объединений методической помощи в планировании и организации их работы, совместное планирование и проведение мероприятий по охране общественного порядка, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений); 2) обмен информацией (совместное проведение правовых занятий в школах, училищах и других образовательных организациях, обмен информацией о состоянии общественного порядка на административном участке, помощь в организации информирования населения о разрешенных законом способах обеспечения личной безопасности и защиты имущества от преступных посягательств) [15, с. 23].

Также, ООПН: содействуют УУП в процессе мероприятий по охране общественного порядка по приглашению органов внутренних дел (полиции), при проведении спортивных, культурно-зрелищных и иных массовых мероприятий по приглашению их организаторов; оказывают помощь в мероприятиях по поиску лиц, пропавших без вести; привлекаются для проведения комплексных профилактических мероприятий в жилом секторе, предупреждения и пресечения правонарушений, наиболее распространенных в общественных местах и др.

Многообразие проявлений совместной деятельности предусматривает возможность их классификации с использованием следующих критериев: а) целей, достижение которых требует совместных действий (например, пресечение правонарушений, совершаемых в общественных местах); б) способом решения задач (патрулирование, оцепление и др.); в) временем и длительностью проводимых мероприятий (повторяющиеся, краткосрочные, длительные); г) оснований возникновения (планируемые, эпизодические) [16, с. 6].

Мы солидарны с Е. В. Киричком, который отметил процессуальный характер взаимодействия полиции с институтами гражданского общества, которому присущи определённые этапы [17; 18]. В ходе организации и осуществления изучаемого нами взаимодействия, в совместной деятельности УУП и ООПН выделяются следующие этапы: 1) аналитический, предусматривающий проведение комплексного анализа с целью выявления проблем; информационный обмен между участниками по вопросам, относящимся к решению проблем, на которые будет направлено взаимодействие; определение целей, задач, форм и методов взаимодействия; 2) этап проектирования: формирование перспективных и текущих планов взаимодействия; определения сроков исполнения и исполнителей (соисполнителей), разработки методических рекомендаций; 3) этап выработки управленческих решений: принятие совместных решений по организации взаимодействия и их официальное оформление; 4) функциональный этап: непосредственное проведение совместных мероприятий и решение проблем, возникающих в результате взаимодействия; 5) контроль исполнения принятых решений: проверка исполнения запланированных решений, освещение результатов взаимодействия в средствах массовой информации, просветительская работа среди населения; 6) оценочный этап: оценка эффективности принятых решений по заранее разработанным критериям в целях дальнейшего совершенствования форм и методов совместной деятельности.

Думается, что приведённые выше этапы следует учитывать при разработке планов совместной деятельности УУП и ООПН. Например, для привлечения представителей таких общественных объединений к проведению профилактических мероприятий на территории административного участка руководитель подразделения УУП, исходя из анализа оперативной обстановки и задач конкретного мероприятия, определяет целесообразность участия в нём ООПН, необходимое количество его представителей, УУП которые непосредственно отвечает за взаимодействие с общественностью, порядок и содержание инструктажа, формы обратной связи, а также порядок оценки и учета их результативности.

Изучение теоретического материала и правоохранительной практики показало, что для совместной деятельности УУП и ООПН характерны как общие признаки, так и отличительные черты, определяемые общностью задач, целей и методов совместной деятельности. При этом эффективность деятельности УУП на обслуживаемом участке в значительной мере обусловлена должной организацией их взаимодействия с общественными объединениями, имеющими правоохранительную направленность. Развитие данного направления деятельности УУП следует признать актуальным в контексте оптимизации комплексных форм обеспечения правопорядка, борьбы с преступностью, повышения уровня правосознания и социальной активности у граждан.

Список литературы:

1. Выступление Президента России В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, 03.03.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 10.02.2022 г.).
2. Информация о деятельности народных дружин и казачьих обществ на территории Республики Крым за 6 месяцев 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://82.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Vzaimodejstvie_s_organami_gosvlasti_i_MS/%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%BD%D1%8B (дата обращения: 10.02.2022 г.).
3. Прохорова Е.Н. Некоторые вопросы понятия и сущности правоохранительных правоотношений в

современной России // Молодой ученый. 2019. №15. С. 323-325.

4. Забрда Д.Г. Правовые и организационные основы взаимодействия службы участковых инспекторов милиции с общественностью: Учеб. пособие / Кол. авт. ; Днепро-ровский: Днепропетровский. гос. ун-т внутр. дел, 2010, 142 с.
5. Профессиональная подготовка полицейских: учебник в 4 ч. / под общ.ред. В.Л. Кубышко. – М.: ДГСК МВД России, 2020. Часть 4, 597 с.
6. Взаимодействие // Большая советская энциклопедия / А. М. Прохоров. — 3-е издание. — Большая советская энциклопедия, 1971. - Т. 5, 640 с.
7. Ревин И.А. Взаимодействие органов внутренних дел с общественными формированиями правоохранительной направленности в обеспечении общественной безопасности в Северо-Кавказском регионе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004, 32 с.
8. Головкин А.Г. Взаимодействие органов внутренних дел с другими субъектами правоохранительной системы в сфере обеспечения прав и свобод граждан (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999, 232 с.
9. Колчманов М.В. Правовое и организационное обеспечение взаимодействия органов внутренних дел с негосударственными (частными) охранными и детективными структурами (по материалам ГУВД г. Москвы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008, 25 с.
10. Белоконов А. В. Взаимодействие органов внутренних дел с организациями правоохранительной направленности в охране общественного порядка: учебное пособие / А. В. Белоконов. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018, 46 с.
11. Теоретические основы взаимодействия органов внутренних дел с общественностью и средствами массовой информации: рабочая лекция. – СПб МВД России, Санкт-Петербург, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://cl142-177-182-213.cl.metrocom.ru/kafedr/26.Upravleniya_personalom_i_vospitatelnoy_raboty/vzaimodejstvie_OVD_so_SM I (дата обращения: 10.02.2022 г.).
12. Прудников А.С. Конституционный порядок и национальная безопасность – базовые основы жизнедеятельности государства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 10. С. 139–140.
13. Об участии граждан в охране общественного порядка [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
14. Взаимодействие органов внутренних дел с институтами гражданского общества: проблемы и перспективы развития: учебное пособие / В. К. Самигуллин [и др.]. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2020, 48 с.
15. Кашкина Е.В., Хандогина А.В. Основные направления деятельности участкового уполномоченного полиции [Текст] : учебно-наглядное пособие. - 3-е изд., перераб. и доп. - Домодедово: ВИПК МВД России, 2016, С.23.
16. Забрда Д. Взаимодействие субъектов борьбы с коррупцией (административно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд.юрид. наук: 12.00.07. – К., 2005, 20 с.
17. Киричѐк Е. В. Взаимодействие полиции с общественными объединениями и иными институтами гражданского общества в условиях реализации принципа соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2013. № 12. С. 1140.
18. Аминов А. А.Взаимодействие участковых уполномоченных полиции с общественными объединениями правоохранительной направленности [Электронный ресурс]. - Симферополь : КФ КрУ МВД России, 2021. - 79 с.

Zabroda D.G., Aminov A.A. General characteristics of interaction of the district authorized police with law enforcement public associations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 97-104.

The article gives a general description of the interaction of the district police commissioner with public associations of law enforcement orientation.

The study of scientific publications concerning the joint activities of the district police commissioner and law enforcement public associations, the analysis of legislation regulating the involvement of citizens in the protection of public order, the study of the historical experience of the activities of police officers and the public in law enforcement, allowed to reveal the legal foundations of cooperation between the UUP and the Public Security Service, to highlight the main approaches to understanding the essence of the interaction of these subjects of law enforcement and its legal nature, to characterize the forms and types of partnership, and also to specify the main stages of its formation and development.

Taking into account the philosophical, general theoretical, normative and practical approaches, the concept of the interaction we are considering is formulated as "joint or coordinated activity of the UUP, as a representative of the police, and the OOPN, as a form of voluntary participation of citizens of the Russian Federation, in the protection of public order, aimed at protecting life, health, honor and dignity of a person, property,

regulated by administrative and legal norms, the interests of society and the state from criminal and other illegal encroachments committed in public places."

Special principles are highlighted that reflect the specifics of the organization and implementation of interaction, types and forms of joint activities.

It is concluded that the following stages are inherent in the organization and implementation of joint activities of the UUP and the OOPN: analytical, design stage, management decision-making stage, functional stage, control of the execution of decisions, evaluation stage.

Key words: district police officer, law enforcement public associations, interaction.

Spisok literatury:

1. Vystuplenie Prezidenta Rossii V. Putina na rasshirennoem zasedanii kollegii Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 03.03.2021 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (data obrasheniya: 10.02.2022 g.).
2. Informaciya o deyatelnosti narodnyh družin i kazachih obshestv na territorii Respubliki Krym za 6 mesyacev 2021 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://82.xn--b1aew.xn--p1ai/Deyatelnost/Vzaimodejstvie_s_organami_gosvlasti_i_MS/%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%BD%D1%8B (data obrasheniya: 10.02.2022 g.).
3. Prohorova E.N. Nekotorye voprosy ponyatiya i sushnosti pravoohranitelnyh pravootnoshenij v sovremennoj Rossii // Molodoy uchenyj. 2019. №15. S. 323-325.
4. Zabroda D.G. Pravovye i organizacionnye osnovy vzaimodejstviya sluzhby uchastkovykh inspektorov milicii s obshestvennostyu: Ucheb. posobie / Kol. avt. ; Dnepro-rovskij: Dnepropetrovskij. gos. un-t vnutr. del, 2010, 142 s.
5. Professionalnaya podgotovka policejskih: uchebnik v 4 ch. / pod obsh.red. V.L. Kubysheko. – M.: DGSK MVD Rossii, 2020. Chast 4, 597 s.
6. Vzaimodejstvie // Bolshaya sovetckaya enciklopediya / A. M. Prohorov. — 3-e izdanie. — Bolshaya sovetckaya enciklopediya, 1971. - T. 5, 640 s.
7. Revin I.A. Vzaimodejstvie organov vnutrennih del s obshestvennymi formirovaniyami pravoohranitelnoj napravlenosti v obespechenii obshestvennoj bezopasnosti v Severo-Kavkazskom regione: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004, 32 s.
8. Golovko A.G. Vzaimodejstvie organov vnutrennih del s drugimi subektami pravoohranitelnoj sistemy v sfere obespecheniya prav i svobod grazhdan (voprosy teorii): dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 1999, 232 s.
9. Kolchemanov M.V. Pravovoe i organizacionnoe obespechenie vzaimodejstviya organov vnutrennih del s negosudarstvennymi (chastnymi) ohrannymi i detektivnymi strukturami (po materialam GUVd g. Moskvy): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008, 25 s.
10. Belokon A. V. Vzaimodejstvie organov vnutrennih del s organizacijami pravoohranitelnoj napravlenosti v ohrane obshestvennogo poryadka: uchebnoe posobie / A. V. Belokon. – Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2018, 46 s.
11. Teoreticheskie osnovy vzaimodejstviya organov vnutrennih del s obshestvennostyu i sredstvami massovoj informacii: rabochaya lekciya. – SPb MVD Rossi, Sankt-Peterburg, 2020 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://cl142-177-182-213.cl.metrocom.ru/kafedr/26.Upravleniya_personalom_i_vospitatelnoy_raboty/vzaimodejstvie_OVD_so_SM I (data obrasheniya: 10.02.2022 g.).
12. Prudnikov A.S. Konstitucionnyj poryadok i nacionalnaya bezopasnost – bazovye osnovy zhiznedeyatelnosti gosudarstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 10. S. 139–140.
13. Ob uchastii grazhdan v ohrane obshestvennogo poryadka [Elektronnyj resurs]: Federalnyj zakon ot 02.04.2014 g. № 44-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsultant Plyus».
14. Vzaimodejstvie organov vnutrennih del s institutami grazhdanskogo obshestva: problemy i perspektivy razvitiya: uchebnoe posobie / V. K. Samigullin [i dr.]. – Ufa: Ufimskij YuI MVD Rossii, 2020, 48 s.
15. Kashkina E.V., Handogina A.V. Osnovnye napravleniya deyatelnosti uchastkovogo upolnomochennogo policii [Tekst] : uchebno-naglyadnoe posobie. - 3-e izd., pererab. i dop. - Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2016, S.23.
16. Zabroda D. Vzaimodejstvie subektov borby s korrupciej (administrativno-pravovoj aspekt): avtoref. dis. ... kand.yurid. nauk: 12.00.07. – K., 2005, 20 s.
17. Kirichyok E. V. Vzaimodejstvie policii s obshestvennymi obedineniyami i inymi institutami grazhdanskogo obshestva v usloviyah realizacii principa soblyudeniya i uvazheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii // Administrativnoe i municipalnoe pravo. 2013. № 12. S. 1140.
18. Aminov A. A. Vzaimodejstvie uchastkovykh upolnomochennykh policii s obshestvennymi ob"edineniyami pravoohranitel'noj napravlenosti [Elektronnyj resurs]. - Simferopol' : KF KrU MVD Rossii, 2021. - 79 s.

УДК 342.52

СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Клубенко В. С.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

В статье рассматривается вопрос о соотношении и границах взаимодействия органов законодательной и судебной власти, раскрываются направления нормотворческой деятельности суда.

Обращено внимание на дискуссионность в научной литературе относительно создания на территории субъектов Российской Федерации конституционных (уставных) судов.

На основе отечественного и зарубежного опыта проведен сравнительный анализ полномочий конституционных советов при парламентах. В результате исследования, автором предложено создание на территории Республики Крым комитета по конституционному контролю, действующему при парламенте, определен перечень полномочий данного органа.

Ключевые слова: конституционный (уставной) суд субъекта, комитет по конституционному контролю в Республике Крым, судебный орган власти, законодательный орган власти, конституционный совет.

Одной из основных задач парламента является формирование правовой системы государства, с целью урегулирования отношений во всех сферах общественной жизни. Прежде всего, поставленные задачи реализуются с помощью законодательной функции парламента, которая заключается непосредственно в разработке, принятии, рассмотрении, отмене и изменении законов.

По результатам законотворческой деятельности в правовом поле начинает действовать закон, имеющий высшую юридическую силу.

Вместе с тем, достаточно часто, в процессе правоприменения возникают ситуации, когда существует потребность в конкретизации или толковании норм права, имеющих общий характер, то есть не предусматривающих, а соответственно, не регулирующих определенные правоотношения [1, с.152]. Таким образом, возникает потребность в судебном правотворчестве, которое не создает новые нормы права, а лишь устраняет пробелы в праве, дополняет действующее законодательство.

При реализации судебного правотворчества происходит разрешение конкретных дел, устраняется пробельность и неясность норм, принятых законодателем, дается толкование нормам права [1, с. 156].

Вместе с тем, большинство авторов выступают против концепции судебного правотворчества. По мнению С.Л. Зивса, правотворческая деятельность суда неизбежно умаляет значение закона. С данной позицией соглашается Г.Н. Манов, он убежден в широком правовом кругозоре законодателя, который в отличие от судей, имеющих дело с какой-либо конкретной ситуацией, при осуществлении правотворческой деятельности, учитывает большее количество факторов [2, с.175].

По мнению учёных В.С. Нерсисянц, А.С. Пиголкина и др. наделение судебной власти чертами правотворчества приведёт к нарушению конституционного принципа разделения властей ввиду того, что суд не законодательствует, не управляет, а лишь применяет право [3, с. 33].

Необходимо отметить, что российское законодательство не предусматривает судебное правотворчество в качестве источника права, судебные акты уточняют смысл закона, но не отменяют или не изменяют его.

Судебное правотворчество не является прецедентным правом, однако способствует формированию единообразного понимания и применения норм права [1, с.68]. До настоящего времени, исследователи не пришли к единому мнению по вопросу своевременного урегулирования динамично развивающихся общественных отношений.

Ряд правоведов придерживаются мнения о необходимости включения судебной власти в правотворческий процесс, другие, полагают, что это приведет к смешению принципа разделения властей ведь реагировать на происходящие изменения в обществе может только законодательный орган власти.

Так, по мнению Сосенкова Ф.С. в сфере правотворчества, прежде всего, следует ориентироваться на законодателя, поскольку именно он призван на высоком профессиональном уровне и тесной обратной связи с правоприменительной, в том числе судебной практикой, своевременно реагировать на изменения, а также приводить в соответствие действующее законодательство [3, с. 35].

Иной позиции придерживается М.В. Кучин отмечая, что именно судебное правотворчество позволит усовершенствовать действующее законодательство, восполнить пробелы в правовой системе, где законодатель в силу динамического развития общественных отношений не способен быстро реагировать, ведь процесс правотворчества имеет строго установленную процедуру для принятия правового акта.

При этом, правовосполнительная функция суда свидетельствует о подзаконном характере судебного правотворчества [4, с 31-32].

Действительно, подзаконное правотворчество дополняет законодательство в случаях, когда возникает необходимость заполнить обнаружившиеся пробелы в праве, однако сами подзаконные акты в любом случае издаются на основании законов и во исполнение последних.

Также судебное правотворчество заполняет обнаружившиеся пробелы в праве, в то же время, судебные акты принимаются в рамках закона, не противоречат последнему, следовательно, не создают новую норму, а лишь уточняют смысл и содержание нормы, закреплённой в законе.

Вместе с тем, подзаконное правотворчество имеет общеобязательный характер, а судебное - распространяется только на правоотношения сторон по конкретному делу [1, с. 78-79].

Таким образом, суд при осуществлении правотворчества, путем принятия судебного акта, восполняет пробелы в законодательстве, однако предопределяет и распространяет их действие лишь на конкретных лиц, а потому, отсутствуют основания полагать, что действия суда приводят к умалению закона или к нарушению конституционного принципа разделения властей.

В последующем, при осуществлении правотворчества, законодательный орган учитывает решения судов и принимает меры для урегулирования вновь развивающихся отношений в обществе.

Следовательно, деятельность нормотворческих органов тесно связана с деятельностью органов судебной власти.

Однако законодатель не стремится переписать дословно в нормативно правовых актах выводы, изложенные в решениях суда, закрепить судебную позицию нормой закона, которая бы действовала вместе или в противовес закону, а пытается найти вариант компромисса: «делает позицию суда своей» [5, с.47], в случае действительной её потребности, с целью эффективного урегулирования вновь возникших отношений в обществе.

Из вышеизложенного следует, что судебные акты выступают средством для совершенствования и развития действующего законодательства, а восполнение пробелов на уровне общественности осуществляет непосредственно законодательный орган, путем принятия соответствующего нормативного правового акта, содержащего нормы права регулирующие отношения в определенной сфере деятельности.

Законодатель при принятии правового акта, имеющего общеобязательный характер, учитывает множество факторов, а суд выносит решение с учетом законов, принятых законодателем и на основании конкретно установленных обстоятельств, доказательств, предоставленных в материалы дела соответствующими сторонами, то есть без учета каких-либо иных всесторонних факторов.

Факт того, что суд осуществляет свою деятельность в рамках законодательства также подтверждается следующим:

Решение суда будет законным только в том случае, если оно принято с учетом полного соблюдения норм материального и процессуального права либо основано на применении аналогии закона или аналогии права [6].

Судья, применяя соответствующую норму права по каждому конкретному делу, не вдается в оценку материалов дела, с позиции соответствия принятого им решения собственным принципам справедливости и моральности. Другими словами, даже если в ходе судебного разбирательства правоприменительный орган, по личным убеждениям и внутреннему правосознанию придет к выводу о несправедливости применения тех или иных нормативных предписаний, следуемых из закона, по какому-либо конкретному делу, он будет обязан применить норму права, регулиующую данные правоотношения и разрешить дело по существу.

Радбух Г. писал: «Профессиональный долг судьи заключается в том, чтобы приводить в действие «волю действия», заложенную в законе», жертвовать собственным правовым чувством во имя высшего авторитета закона. Ему надлежит спрашивать лишь о том, что соответствует закону, и никогда о том, является ли это одновременно «справедливым» [7, с. 81].

Тем не менее, судья, может повести себя как «обычный правоприменитель» или же, разрешить конкретное дело «творчески», проанализировать и в рамках закона применить ту норму права, которая в результате, приведет к принятию не только законного, но и справедливого решения [8, с. 21].

Так, например, в пункте 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» указано, что апелляционный суд, не отменяя обжалуемый судебный акт (при отсутствии оснований для отмены), имеет право привести иную мотивировочную часть по тексту судебного акта [9].

Таким образом, изменение мотивировочной части, может быть, именно тем нормотворческим действием со стороны суда, когда спор разрешается, по существу, не только строго в соответствии с нормами, закрепленными в законе, но и справедливо.

Кроме того, необходимо отметить, что правовые акты, принимаемые законодательным органом, могут содержать противоречия между материальными и процессуальными нормами. В данном случае, суд должен учитывать разъяснения, содержащиеся в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые в свою очередь, обеспечивают единообразное применение и толкование законов судами, а как результат, применение законной нормы права, где также проявляется признак творческой деятельности суда.

Вместе с тем, согласно п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» суд, установив, что оспариваемый нормативный правовой акт или его часть противоречат нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, признает этот нормативный правовой акт не действующим полностью или в части со дня его принятия или иного указанного судом времени [9].

Таким образом, суд указывает на противоречие нормативного правового акта, в то же время, законодательно предоставляется время для устранения нарушений, закрепления норм права, соответствующих действующему законодательству путем разработки и принятия нового нормативного правового акта или внесение необходимых изменений.

Интерес для исследования вопроса о соотношении и взаимодействии органов законодательной и судебной власти, представляет деятельность таких органов как конституционные (уставные) суды и конституционные советы при парламентах, действующие на территории определенных государств и субъектов.

Так, к примеру, согласно пункту 1 статьи 7 Закона Республики Казахстан от 06 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах» (далее – Закон) [10] нормативные правовые акты подразделяются на основные и производные. К основным видам нормативно-правовых актов, в частности, относятся нормативные постановления Конституционного Совета, Верховного Суда Республики.

Конституционный Совет Республики Казахстан обеспечивает верховенство конституции на всей территории республики, в частности рассматривает на соответствие конституции до подписания Президентом, принятые Парламентом законы, постановления, дает официальное толкование норм Конституции.

Итоговое решение Конституционного Совета является общеобязательным на всей территории Республики Казахстан и не подлежит обжалованию [11].

Следовательно нормативные постановления отнесены к действующему праву Республики Казахстан, что согласуется с пунктом 1 ст. 4 Конституции Республики Казахстан [12], а функция толкования норм конституции закреплена не за законодательным органом как на территории Республики Крым, а за органом судебной власти, который пришел на смену Конституционному суду Республики Казахстан.

Далее, анализируя положения закона Республики Адыгея от 28 апреля 2022 г. № 66 «О Конституционном Совете Республики Адыгея» [13] приходим к выводу, что Конституционный Совет создан при Государственном Совете – Хасэ Республики

Аддыгея и рассматривает проекты законов Республики, а по результатам выносит заключения рекомендательного характера, которые в последующем рассматриваются комитетами и комиссиями Государственного Совета в соответствии с Регламентом.

Из вышеизложенного следует, что в одних государствах судебное правотворчество является частью правовой системы и осуществляется советом, относящимся к судебной власти, а в других – акт Конституционного совета, существующего при законодательном органе власти, носит лишь рекомендательный характер.

Другими словами, норма, которая закреплена в акте Конституционного Совета принимается к сведению законодательного органа, затем ведется мыслительная, интеллектуально-творческая работа по разрешению вопроса о необходимости создания нормативного правового акта для урегулирования общественных отношений, а после разрабатывается законопроект, который проходит через стадии законодательного процесса.

Вместе с тем, отметим, что в соответствии со статьей 17 Конституционного закона Республики Казахстан от 29 декабря 1995 года № 2737 «О Конституционном Совете Республики Казахстан» Конституционный Совет дает официальное толкование норм Конституции [11].

На территории Республики Крым согласно статье 168 Регламента, утвержденного постановлением Государственного Совета Республики Крым от 24 декабря 2014 года № 376-1/14 толкование Конституции и законов Республики Крым относится к компетенции Государственного Совета Республики Крым [14].

Именно комитет Государственного Совета по законодательству по направлению своей деятельности рассматривает вопрос о толковании Конституции и законов Республики Крым [15].

Вместе с тем, большинство авторов придерживается позиции, что данные полномочия необходимо передать конституционному (уставному) суду субъекта Российской Федерации, возможность создание которого предусмотрено статьей 27 Федерального Конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [16].

Евдокимова В.Б. и Тухватуллина Т.А. полагают, что отсутствие судебных органов конституционного (уставного) контроля приводит к нарушению принципа разделения властей на региональном уровне.

Создание в субъектах конституционных (уставных) судов обеспечило бы реализацию положений о гарантированности государством судебной защиты прав, свобод человека и гражданина путем осуществления правосудия [17, с. 115].

Позиции относительно создания на территории Республики Крым Конституционного суда Республики Крым придерживаются и такие авторы как Адельсеитова А.Б., Мариева А.А. отмечая, что в настоящее время, вопросы о толковании Конституции и законов Республики Крым рассматривает соответствующий комитет законодательного органа, в который входят лица не имеющие юридического образования и квалификации в сфере права, что приводит к принятию низкого уровня правовых актов, создание же конституционного суда, в состав которого будут входить грамотные, с юридическим образованием, квалифицированные специалисты, позволит повысить уровень, принимаемых правовых актов [18, с. 80].

Исследуя данный вопрос, Евдокимов В.Б. и Тухватуллин Т.А. также отмечают, что законодатель не заинтересован в создании данного органа в субъекте, поскольку

последний будет иметь возможность признавать принятые ими нормативные правовые акты незаконными, в частности указывают на финансово-материальные проблемы и отсутствие методических материалов по разработке закона, регулирующего деятельность конституционных (уставных) судов.

Вместе с тем, авторы предполагают, что большинство законов при их принятии не проверяются на предмет соответствия Конституции (уставу) субъектов Федерации [17, с.115 - 116].

Считаем, что данное утверждение ошибочно, поскольку данный вопрос на территории субъекта может быть разрешен иначе, то есть без создания на территории конституционных (уставных) судов.

Так, например, на территории Республики Крым в соответствии с законодательством субъекта (Постановление Государственного Совета Республики Крым от 30.10.2019 № 88-2/19), полномочия относительно приведения законов Республики Крым в соответствие с Конституцией Республики Крым и федеральным законодательством закреплены за комитетом Государственного Совета по законодательству, который также в обязательном порядке осуществляет правовую экспертизу.

Довод относительно незаинтересованности создания на территории субъекта конституционного (уставного) суда с целью во избежания подконтрольности считаем несостоятельным ввиду следующего.

Исходя из этой позиции, можно полагать, что лица, которые будут входить в состав конституционного (уставного) суда также не будут подконтрольны, как и лица, осуществляющие деятельность при законодательном органе, ведь согласно действующего законодательства, решения, принятые такими судами, не могут быть пересмотрены иным судом.

Сущность вопроса заключается не в том, какой орган будет осуществлять полномочия, то ли конституционный (уставной) суд либо соответствующий конституционный совет при парламенте, а в том, насколько лица, входящие в сформированный орган власти, компетентны в данных вопросах, придерживаются ли они принципов моральности, справедливости при осуществлении возложенных на них полномочий.

Евлоев И.М., рассматривая данный вопрос указал, что на сегодняшний день, причинами невостребованности конституционных судов являются отсутствие понимания предназначения конституционных судов в государственной системе, цели их существования, четкого разграничения между полномочиями Конституционного суда России и судов общей юрисдикции, наличие небольшого объема полномочий, нерациональное расходование денежных средств на содержание данных судов, а также минимальное количество рассматриваемых ими дел.

Автор отметил, что функцию по проверке нормативных правовых актов на соответствие Конституции региона можно возложить на суды общей юрисдикции, где судьи могли бы осуществлять свои полномочия на непостоянной основе, что позволило бы сэкономить бюджетные средства.

Султанов Е.Б. предлагает создать конституционные уставные коллегии верховных или иных судов субъектов России, которые выполняли бы полномочия по толкованию и определению соответствия нормативно правовых актов Конституции [19, с.146-147].

Вместе с тем, проанализировав действующее законодательство, приходим к выводу, что в настоящее время, законодатель постепенно направил вектор действий на

во избежание создания на практике конституционных (уставных), судов, что подтверждается принятыми

14 марта 2020 г. изменениями в Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция). Так, в соответствии со ст. 118 Конституции судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации [20].

Из вышеизложенного следует, что среди перечня отсутствуют конституционные (уставные) суды.

Также, например, конституционные (уставные) суды не предусмотрены на территории Республики Крым, что подтверждается статьей 1 Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 154 -ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [21].

Более того, законодателем принят Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы», в соответствии с которым конституционные (уставные) суды Российской Федерации до 1 января 2023 г. упраздняются, в то же время субъектам Российской Федерации предоставляется право принять решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации [22]. Таким образом, будут создаваться органы парламентского контроля, функционирующие при парламентах субъектов, при этом ранее, подобный опыт был широко распространен.

Так, в СССР действовал Комитет конституционного контроля, а после принятия Конституции 1993 года, в некоторых субъектах Российской Федерации действовали конституционные (уставные палаты) такие как: Конституционная палата Республики Адыгея, Уставная палата в Иркутской области [23].

Комитет конституционного контроля СССР принимал решения в форме заключений, имеющих общеобязательный правовой характер и приостанавливали полностью либо в части действие оспоренного акта вплоть до устранения Комитетом, выявленных недостатков [24, с. 99].

Представляет интерес и зарубежный опыт относительно аналогичных органов конституционного контроля. Например, в Финляндии отсутствуют конституционные (уставные) суды, а проверку законов на предмет конституционности осуществляет Комитет по конституционному праву, являющийся структурным подразделением парламента [25, с.11].

Другими словами, именно законодательный орган имеет преимущественное право по разрешению данных вопросов, а не судебный.

Комитет, выступая в роли квазисудебного органа привлекает в процессе своей деятельности экспертов по конституционному праву, что приводит к принятию нормативных правовых актов высокого уровня ввиду их предварительного конституционного контроля.

Активное толкование Комитетом норм права создает условия во избежания отмены законов по причине их несоответствия принципам защиты прав и свобод человека [25, с.12].

Обратим внимание на Конституционный совет Франции. Интересным представляется то, что данный орган может высказывать свое мнение о конституционности проекта закона, проходящего обсуждение в парламенте, однако не в праве его отменить.

Следовательно данный орган не относится к судебной системе, однако имеет значение для повышения качества принимаемых и ранее принятых законов [24, с.101].

Из вышеизложенного следует, что Комитет по конституционному праву в Финляндии, Конституционный Совет Франции и Республики Адыгея имеют менее значимую роль в осуществлении конституционного контроля, чем в Республике Казахстан.

Полагаем, что на территории Республики Крым необходимо создать комитет по конституционному контролю, который будет действовать при законодательном (представительном) органе государственной власти с целью соблюдения верховенства Конституции, укрепления конституционной законности, а как следствие, эффективной защиты прав и свобод граждан, обеспечения единства системы государственной власти.

Для осуществления данным органом своей деятельности на территории субъекта целесообразно разработать отдельный Регламент или закрепить организационный порядок и полномочия в действующем Регламенте, утвержденным постановлением Государственного Совета Республики Крым от 24 декабря 2014 г. № 376-1/14, а следовательно, внести изменения в Положение о Комитетах Государственного Совета Республики Крым, утвержденное постановлением от 30 октября 2019 г. № 88-2/19.

По результатам толкования Конституции Республики Крым данный орган может выносить решения в форме постановлений, а при толковании законов – заключений.

Закрепить за данным комитетом полномочия, в частности возможность разрешать дела о соответствии Конституции Республики Крым законов и нормативных правовых актов, уставов муниципальных образований и нормативных правовых актов органов местного самоуправления муниципальных образований, разрешать споры о компетенции между органами государственной власти согласно предмету ведения, толковать Конституцию и законы Республики Крым, а также предоставить комитету право законодательной инициативы.

Думается, что аутентичное толкование норм права, то есть разъяснение права именно органом, издавшим норму права, будет более рациональным нежели при создании органа власти, относящегося к судебной системе.

Нормативное разъяснение (толкование) уточняет и конкретизирует положение толкуемого акта, а соответственно, пояснить сущность применения закона по вопросам в определенной сфере жизни обстоятельно имеет возможность орган, которым изначально рассматривался вопрос о создании закона, с целью эффективного урегулирования общественных отношений.

Другими словами, нормативное толкование должно служить цели единообразного понимания и не отходить от точного смысла правовых норм, содержать суть, которая не расходится с замыслом законодателя.

Вместе с тем, толкование должно быть профессиональным, то есть полным и систематическим, осуществляться лицами, имеющими юридическое образование [26, с. 21-22].

Следовательно, при рассмотрении вопросов о толковании Конституции, законов, в комитет по конституционному контролю необходимо включать лиц преимущественно с юридическим образованием, определенным стажем по юридической профессии, высокой квалификацией в области права, а также привлекать экспертов по конституционному праву, иных лиц, имеющих знания в сфере деятельности, которая регулируется законом, требующим толкования или проверки на соответствие Конституции.

Рассмотрев вопросы о взаимодействии двух значимых органов власти, приходим к выводу, что по своей природе и сущности право – это совокупность норм, в свою очередь, норма – это правило поведения, действующее в определенной сфере.

Право состоит из совокупности норм, то есть общеобязательных, формально-определенных и гарантируемых государством правил поведения.

Следовательно, суд также осуществляет нормотворческую деятельность, которая сводится к творческому моменту и выработке определенного правила поведения (нормы), которое может иметь общеобязательный характер, однако лишь в случае прохождения согласования её в рамках законодательного процесса, то есть утверждения на законодательном уровне в соответствующем правовом акте, имеющим высшую юридическую силу.

Из вышеизложенного следует, что нормотворческая деятельность хотя и связана с деятельностью судебных органов, однако осуществляется самостоятельно, без какого-либо воздействия, а соответственно, отсутствуют основания полагать о наличии смешения принципа разделения властей при существующей на территории Российской Федерации романо-германской правовой системе.

Вместе с тем, законодатель, принимая правовые акты, не имеет возможности наперед предвидеть все случаи развития общественных отношений.

Целью судебного правотворчества в первую очередь, является непосредственно корректировка права, обеспечение единообразного применения норм права, заполнение пробелов в правовом регулировании, выявление тех правовых актов, которые противоречат закону либо акту, имеющему большую юридическую силу, но никак не установление и принятие новой нормы закона.

В научной литературе высказывается мнение, что судебное правотворчество имеет подзаконный характер, вместе с тем считаем, что данный вид правотворчества нельзя отнести к виду подзаконного правотворчества, так как судебный акт распространяет свое действие лишь на конкретные стороны по делу и не имеет общеобязательного характера, в частности судебному правотворчеству не характерны признаки, которые присущи подзаконному правотворчеству.

При принятии судебного акта, судья руководствуется здравым смыслом, знаниями, опытом, материалами дела, включающими в каждом конкретном случае определенные доказательства, в частности, обязан также безапелляционно руководствоваться законом, в необходимых случаях его аналогией или аналогией права, в противном случае, решение будет признано незаконным.

Недостаток подхода многих авторов, состоит в том, что они трактуют понятие «правотворчество» исключительно как принятие, изменение или отмену правовых норм, вместе с тем, в данном случае, судебное правотворчество необходимо рассматривать в более «широком» смысле.

Ведь мы говорим лишь о функции суда как своего рода интерпретации норм права, о толковании актов и законов, то есть о творческой функции суда, результатом которой является разъяснение и применение нормы строго в соответствии с законом и никоим образом не имеется ввиду, что суд осуществляет какую-либо законотворческую функцию.

Таким образом, судебные и законодательные органы власти при действующем законодательстве взаимодополняют друг друга, действуют в параллели и векторы их деятельности, прежде всего, направлены на разработку законных нормативных правовых актов, где приоритетом выступает защита прав и свобод граждан.

Список литературы:

1. Румянцев М.Б. Правотворчество в Российской Федерации: монография. – Чебоксары: ИД «Среда», 2018 с.324. - Elibrary.ru: науч. электрон. б-ка: - URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 17.05.2022). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
2. Манахова Ю.В. Правотворческая деятельность в современном российском обществе (теоретический аспект): диссертация кандидата юридических наук. – Москва, 2005. - с.175 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.disserscat.com/> (дата обращения: 25.05.2022).
3. Сосенков Ф.С. Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: теоретический и практический аспекты: диссертация кандидата юридических наук. – Нижний Новгород, 2007. – с. 33 - 35 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.disserscat.com/> (дата обращения: 27.05.2022).
4. Абрамова А.И. Подзаконное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.06.2022).
5. Бондарчук И.В. Имплементация позиций Конституционного Суда России в законодательство Республики Крым/ И.В. Бондарчук// Журнал российского права № 8, 2020., С.47. – Текст: непосредственный.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» (ред. от 23.06.2015) п.2. - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 10.06.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
7. Переславцев А.О. Структура механизма правотворчества и уровни его осуществления [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 13.06.2022).
8. Гаджиев Х.И. Т.Я. Судебные доктрины и эффективность правоприменения/ Х.И. Гаджиев // Журнал Российского права № 6, 2019, С.21. - Текст непосредственный.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» п.37, п.39. - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 15.06.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
10. Закон Республики Казахстан «О правовых актах» от 6.04.2016 года № 480 – V [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 15.06.2022).
11. Конституционный закон Республики Казахстан от 29 декабря 1995 года № 2737 «О Конституционном Совете Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 25.07.2022).
12. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 26.07.2022).
13. Закон Республики Адыгея № 66 от 28.04.2022 года «О Конституционном совете Республики Адыгея» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gshra.ru/zakon-respubliki-adygeya-66-ot-28-04-2022.html> (дата обращения: 26.07.2022).
14. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 24.12.2014 года № 376-1/14 «О Регламенте Государственного Совета Республики Крым». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 26.07.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
15. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 30.10.2019 года № 88-2/19 «О Положении о комитетах Государственного Совета Республики Крым второго созыва и признании утратившими силу некоторых постановлений Государственного Совета Республики Крым». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 27.07.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
16. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 года № 1 - ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». - <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 27.07.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.

17. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. О необходимости создания конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 28.07.2022).
18. Адельштейнова А.Б., Мариева А.А. Реализация законодательной функции Государственным Советом Республики Крым [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 28.07.2022).
19. Евлоев И.М. Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ: закономерность или ошибка? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.07.2022).
20. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями от 01.07.2020). - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 29.07.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
21. Федеральный закон от 23.06.2014 года № 154 -ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 29.07.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
22. Федеральный закон от 08.12.2020 года № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 29.07.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
23. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 31.12.1996 года № 1 - ФЗ «О судебной системе Российской Федерации». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 29.07.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
24. Муратшин Ф.Р. Конституционные (уставные) советы при парламентах субъектов Российской Федерации: быть или не быть? - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 30.07.2022).
25. Киммо Нуотио Права человека и основные свободы на примере Конституции Финляндии. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 30.07.2022).
26. Бошно С.В. Толкование норм права. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 05.08.2022).

Klubenko V.S. Correlation and interaction of legislative and judicial authorities // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. - 2022. - Т. 8 (74). № 4. - P. 105-116.

The article looks through with the question of the correlation and boundaries of interaction between legislative and judicial authorities, reveals the directions of the rule-making activity of the court.

Attention is drawn to the debatability in the scientific literature regarding the creation of constitutional (statutory) courts on the territory of the constituent entities of the Russian Federation.

On the basis of domestic and foreign experience, a comparative analysis of the powers of constitutional councils under parliaments was carried out. As a result of the study, the author proposed the creation on the territory of the Republic of Crimea of a committee for constitutional control, operating under the parliament, and determined the list of powers of this body.

Keywords: the constitutional (statutory) court of the subject, the committee for constitutional control in the Republic of Crimea, the judicial authority, the legislative authority, the constitutional council.

Spisok literatury:

1. Rumyantsev M.B. Pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii: monografiya. - Cheboksary: ID «Sreda», 2018 s.324. - Elibrary.ru: nauch. e`lektron. b-ka: - URL: <https://elibrary.ru> (data obrashheniya: 17.05.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol`zovatelej. - Tekst: e`lektronny`j.
2. Manaxova Yu.V. Pravotvorcheskaya deyatel`nost` v sovremennom rossijskom obshhestve (teoreticheskij aspekt): dissertaciya kandidata yuridicheskix nauk. - Moskva, 2005. - s.175 [E`lektronny`j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://www.dissercat.com/> (data obrashheniya: 25.05.2022).
3. Sosenkov F.S. Pravotvorcheskaya deyatel`nost` sub`ektov Rossijskoj Federacii: teoreticheskij i prakticheskij aspekty`: dissertaciya kandidata yuridicheskix nauk. - Nizhnij Novgorod, 2007. - s. 33 - 35 [E`lektronny`j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://www.dissercat.com/> (data obrashheniya: 27.05.2022).
4. Abramova A.I. Podzakonnoe pravotvorchestvo v sovremennom ponimanii: realii i perspektivy` [E`lektronny`j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashheniya: 10.06.2022).
5. Bondarchuk I.V. Implementaciya pozicij Konstitucionnogo Suda Rossii v zakonodatel`stvo Respubliki Kry`m/ I.V. Bondarchuk// Zhurnal rossijskogo prava № 8, 2020., S.47. - Tekst: neposredstvenny`j.
6. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 19.12.2003 № 23 «O sudebnom reshenii» (red. ot 23.06.2015) p.2. - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashheniya: 10.06.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol`zovatelej. - Tekst: e`lektronny`j.
7. Pereslavcev A.O. Struktura mexanizma pravotvorchestva i urovni ego osushhestvleniya [E`lektronny`j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashheniya: 13.06.2022).
8. Gadzhiev X.I. T.Ya. Sudebny`e doktriny` i e`ffektivnost` pravoprimereniya/ X.I. Gadzhiev // Zhurnal Rossijskogo prava № 6, 2019, S.21. - Tekst neposredstvenny`j.
9. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30.06.2020 № 12 «O primenении Arbitrazhnogo processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii pri rassmotrenii del v arbitrazhnom sude apellyacionnoj instancii» p.37, p.39. -

- URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashheniya: 15.06.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: e'lektronny'j.
10. Zakon Respubliki Kazaxstan «O pravovy'x aktax» ot 6.04.2016 goda № 480 – V [E'lektronny'j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://online.zakon.kz> (data obrashheniya: 15.06.2022).
11. Konstitucionny'j zakon Respubliki Kazaxstan ot 29 dekabrya 1995 goda № 2737 «O Konstitucionnom Sovete Respubliki Kazaxstan» [E'lektronny'j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://online.zakon.kz> (data obrashheniya: 25.07.2022).
12. Konstituciya Respubliki Kazaxstan ot 30.08.1995 goda [E'lektronny'j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://online.zakon.kz> (data obrashheniya: 26.07.2022).
13. Zakon Respubliki Ady`geya № 66 ot 28.04.2022 goda «O Konstitucionnom sovete Respubliki Ady`geya» [E'lektronny'j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://gshra.ru/zakon-respubliki-adygeya-66-ot-28-04-2022.html> (data obrashheniya: 26.07.2022).
14. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m ot 24.12.2014 goda № 376-1/14 «O Reglamente Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashheniya: 26.07.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: e'lektronny'j.
15. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m ot 30.10.2019 goda № 88-2/19 «O Polozhenii o komitetax Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m va i priznanii utrativshimi silu nekotory'x postanovlenij Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashheniya: 27.07.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: e'lektronny'j.
16. Federal'ny'j konstitucionny'j zakon ot 31.12.1996 goda № 1 - FKZ «O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii». - <https://internet.garant.ru> (data obrashheniya: 27.07.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: e'lektronny'j.
17. Evdokimov V.B., Tuxvatullin T.A. O neobxodimosti sozdaniya konstitucionny'x (ustavny'x) sudov v sub`ektax Rossijskoj Federacii [E'lektronny'j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashheniya: 28.07.2022).
18. Adel'seitova A.B., Marieva A.A. Realizaciya zakonodatel'noj funkcii Gosudarstvenny'm Sovetom Respubliki Kry`m [E'lektronny'j resurs]. - Rezhim dostupa: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (data obrashheniya: 28.07.2022).
19. Evloev I.M. Likvidaciya konstitucionny'x (ustavny'x) sudov sub`ektov RF: zakonovernost' ili oshibka? [E'lektronny'j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashheniya: 29.07.2022).
20. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993 (s izmeneniyami ot 01.07.2020). - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashheniya: 29.07.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: e'lektronny'j.
21. Federal'ny'j zakon ot 23.06.2014 goda № 154 -FZ «O sozdanii sudov Rossijskoj Federacii na territorii Respubliki Kry`m i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya i o vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashheniya: 29.07.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: e'lektronny'j.
22. Federal'ny'j zakon ot 08.12.2020 goda № 7-FKZ «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e federal'ny'e konstitucionny'e zakony'». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashheniya: 29.07.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: e'lektronny'j.
23. Kommentarij k Federal'nomu konstitucionnomu zakonu ot 31.12.1996 goda № 1 – FKZ «O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashheniya: 29.07.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. - Tekst: e'lektronny'j.
24. Muratshin F.R. Konstitucionny'e (ustavny'e) sovety` pri parlamentax sub`ektov Rossijskoj Federacii: by`t ili ne by`t? - [E'lektronny'j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashheniya: 30.07.2022).
25. Kimmo Nuotio Prava cheloveka i osnovny'e svobody` na primere Konstitucii Finlyandii. - [E'lektronny'j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashheniya: 30.07.2022).
26. Boshno S.V. Tolkovanie norm prava. - [E'lektronny'j resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashheniya: 05.08.2022)

УДК 342.95

ПРОДАЖА САМОГОНА: НАКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ. ГДЕ СТАВИМ ЗАПЯТУЮ?

Мишина Ю. В.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова»

В статье рассматриваются отдельные аспекты привлечения к административной ответственности физических лиц за розничную продажу спиртосодержащих напитков домашней выработки. Исследуя судебную практику, автор приходит к выводу о наличии правовых коллизий, препятствующих достижению поставленной государством цели по снижению уровня алкоголизации населения. Выделяются типичные недостатки, допускаемые сотрудниками полиции при документировании материалов, связанных с продажей самогона, напрямую влияющие на квалификацию правонарушения и последующее привлечение виновных к ответственности. Акцентируется внимание на наличие в судебной практике диаметрально противоположных решений по аналогичным административным делам. Автор приходит к выводу о необходимости расширения перечня спиртосодержащей продукции, запрещенной к розничной продаже физическими лицами, и уточнения диспозиции ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ.

Ключевые слова: незаконная продажа, продажа алкоголя, самогон, ответственность за продажу самогона, квалификация правонарушений, деятельность полиции, потребление алкоголя.

Алкогольная и спиртосодержащая продукция в Российской Федерации отнесена к объектам, оборот которых ограничен. Деятельность, связанная с производством и реализацией такой продукции, регулируется государством, что обусловлено как его экономическими интересами, так и необходимостью осуществлять защиту жизни и здоровья населения, в том числе путем установления контроля по соблюдению норм и правил, действующих в рассматриваемой сфере.

Последовательно реализуя меры, направленные на снижение количества потребляемого населением алкоголя: от установления частичного запрета на его рекламу (в 1996 г.) до введения ответственности за незаконную розничную продажу спиртосодержащей пищевой продукции (в 2017 г.), государство пытается добиться уменьшения объема потребления алкоголя (в большей степени нелегального) на душу населения. Подобные попытки не инновационны. Вопрос деалкоголизации страны в царской России решался штрафом за продажу самогона в тысячекратном размере (за бутылку стоимостью 1 рубль требовалось уплатить в казну 1000 руб.) и уголовным преследованием (тюремным заключением на срок до 8 месяцев) при повторном выявлении факта продажи. В рамках борьбы с самогонварением советская власть объявляла самогонщиков врагами народа, а изготовление этого напитка в период становления советского государства каралось десятью годами лишения свободы с конфискацией имущества [1]. Этапы активной борьбы с кустарным производством крепких спиртных напитков сменялись лояльным отношением государства к этому роду деятельности. В частности, в 1958 г. уголовная ответственность за самогонварение была заменена на административную, однако уже в 1961 г. последовало ужесточение санкций с возвратом к прежнему виду ответственности.

В настоящее время изготовление самогона для личного потребления не является противоправным деянием. Административная ответственность предусмотрена за продажу такого напитка, а уголовная – за реализацию самогона, не соответствующую

щего требованиям безопасности жизни или здоровья; неоднократную розничную продажу или продажу несовершеннолетним.

Социологи отмечают, что с начала пандемии количество лиц, занимающихся изготовлением спиртных напитков домашней выработки, существенно возросло. По данным Финансового университета при Правительстве РФ, так называемый «индекс самогона» вырос на 78% за неполные три года. Информация, полученная от респондентов, проживающих на территории различных субъектов России для формирования данного «индекса», включает сведения о наличии в кругу их друзей и знакомых людей, занимающиеся производством домашнего алкоголя, а так е его продажей. Если в сентябре 2019 г. о наличии таких знакомых заявляли 4,5% опрошенных, то в 2020 г. уже 7%, а в марте 2022 – 8% [2]. Исследователи связывают рост числа самогонщиков с 2 аспектами: снижением уровня жизни населения и увеличением количества времени, проводимого людьми дома в связи с переходом на дистанционный формат работы. Наличие у конкретного производителя самогона готового к употреблению продукта, в совокупности с уменьшением реального дохода данного лица из легальных источников, в свою очередь, нередко создает предпосылки для перехода от изготовления напитка для собственных нужд к его розничной реализации.

Существенная часть российского общества к лицам, занимающимся изготовлением спиртосодержащей продукции в домашних условиях, относится нейтрально. Однако лояльность, как правило, пропадает при наступлении отрицательных последствий для здоровья лиц, купивших произведенный кустарно напиток. Особенно если в пострадавшую категорию попадают не асоциальные личности, а любители всего «натурального» или несовершеннолетние. Так, широкий общественный резонанс в сети «Интернет» имела история продажи самогона в городе Гай Оренбургской области. Занимавшаяся реализацией кустарных напитков женщина продала спиртосодержащую жидкость подросткам, которые угостили им внуку торговли. В результате девочка была доставлена в больницу с тяжелым отравлением [3].

Нередко в правоохранительные органы обращаются члены семей покупателей самогона с жалобами на то, что домочадцы выносят из дома вещи, тратят деньги на приобретение спиртосодержащей продукции, а после ее употребления дебоширят. Как правило, основным виновником такой ситуации назначается продавец «зелья». Полицию обвиняют в бездействии, попустительстве, а иногда и «укрывательстве» самогонщиков. Но всегда ли у сотрудников органов внутренних дел есть необходимый правовой инструментарий для адекватного и своевременного противодействия? Административная ответственность за розничную продажу физическими лицами алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции была введена в 2017 году в рамках борьбы с нелегальным оборотом спиртосодержащей продукции. Однако практически сразу правоприменительная практика выявила наличие коллизий в правовой норме. Например, при квалификации правонарушения по ч.1 ст.14.17.1 в число исключений попадают случаи продажи собственной нелегальной продукции продавцами магазинов. Данная «опция» особенно востребована в часы запрета продаж легального алкоголя. А ответственность в описанной ситуации может наступить только в рамках ст.14.2 КоАП РФ, санкция которой предусматривает штраф в несколько десятков раз меньший, чем по ч.1 ст.14.17.1 КоАП РФ. Такая диспропорция фактически создает условия для манипуляций по уходу от ответственности как организаций и индивидуальных предпринимателей, так и физических лиц.

Кроме того, сотрудники полиции отмечают сложность процессуального оформления и доказывания рассматриваемого состава правонарушения. В частности, обязательным для квалификации по ст.14.17 КоАП РФ является установление факта продажи самогона, то есть обмена его на денежные средства. Даже если покупатель приобрел самогон у конкретного торговца и обратился в полицию с просьбой привлечь последнего к ответственности, при отсутствии свидетелей передачи денег судья, принимающий решение по делу, может посчитать факт продажи недоказанным. Кроме того, лица, осуществляющие продажу кустарного алкоголя, нередко используют различные уловки: от правовых (заявляют о дарении емкости со спиртосодержащей жидкостью, передаче ее, как имущества, по договору аренды), до тактических (передачу самогона осуществляет один человек, а денежные средства забирает другой).

В таких ситуациях сотрудникам полиции нередко приходится обращаться к специальным способам и методам выявления фактов продаж, например, проводить «проверочную закупку». Однако, в соответствии с требованиями Федерального закона от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» право на проведение «проверочной закупки» предоставляется только сотрудникам, наделенным полномочиями на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Участковые уполномоченные полиции, к которым фактически поступают жалобы и заявления на самогонщиков, такими полномочиями не обладают. Фактически для установления факта правонарушения они вынуждены обращаться за содействием к сотрудникам уголовного розыска. Кроме того, для проведения закупки необходимо найти человека, готового совершить мнимую сделку по приобретению реализуемой спиртосодержащей продукции. При этом постоянные покупатели самогона, как правило, участвовать в таких мероприятиях отказываются, поскольку менее всего заинтересованы в утрате источника продаж, а лицам «со стороны» самогонщики продукцию стараются не продавать. В ряде случаев свою помощь в выявлении фактов продажи спиртосодержащего напитка предлагают родственники приобретателя самогона. Однако зачастую именно они обращаются в полицию с требованием привлечь продавца самогона к ответственности, ввиду чего являются лицами, заинтересованными в результатах проведения закупки, следовательно, выступать в качестве закупщика не могут. Кроме того, процедура «проверочной закупки» обязательно рассматривается судами с точки зрения провокации продажи. В частности, обращается внимание на достаточность оснований для проведения данного оперативно-розыскного мероприятия и проверяемость информации об их наличии; особенности формирования умысла на совершение противоправных действий (его возникновение не должно быть связано с деятельностью сотрудников полиции); отсутствие давления на объект оперативной заинтересованности, и ряд других аспектов [4]. Например, обращение закупщика к лицу, в отношении которого нет документально подтвержденных сведений о фактах продажи им самогона, с просьбой продать «напиток» может быть расценено как провокация. Аналогичным образом может расцениваться и его «торг» с потенциальным продавцом: «упрашивание», подкрепленное жалобами на абстинентное состояние; предложение купить за более высокую цену.

Еще один критерий, подлежащий доказыванию для привлечения по ст.14.17.1 КоАП РФ – отнесение изъятой при закупке спиртосодержащей жидкости к пище-

вой. Нередко изготовленный кустарно самогон содержит токсичные примеси и вещества, содержание или концентрация которых не характерно для водки, спирта, русских традиционных спиртных напитков, изготавливаемых промышленно. Так, помимо допустимых в определенных пропорциях согласно ГОСТ Р 56368-2015 «Напитки русские традиционные на натуральном сырье» (далее ГОСТ) фурфурола, альдегидов, сивушных масел, метилового спирта, сложных эфиров, в кустарном самогоне определяются примеси кетонов, фенилэганола и ряда других веществ [5].

В то же время, покупатель приобретает даже такой «напиток» (с токсичными веществами) для последующего пищевого потребления, а лицо, реализующее спиртосодержащую жидкость, осознает указанное обстоятельство. Возникает вопрос, образуют ли действия по розничной продаже некачественного самогона состав правонарушения, предусмотренный ст.14.17.1 КоАП РФ?

В поисках ответа предпримем попытку дифференцировать все спиртосодержащие жидкости, реализуемые как самогон, на несколько групп.

1. Спиртной напиток «Самогон», произведенный в заводских условиях в соответствии с требованиями ГОСТ.

2. Спиртной напиток, произведенный в домашних условиях, но соответствующий по органолептическим и химико-токсикологическим показателям требованиям ГОСТ.

3. Спиртосодержащая жидкость, произведенная в домашних условиях, имеющая посторонние микропримеси, не характерные для водки, спирта, русских традиционных напитков, изготавливаемых на натуральном сырье.

4. Спиртосодержащая жидкость, произведенная в домашних условиях, имеющая посторонние микропримеси, концентрация которых представляет непосредственную угрозу для жизни и здоровья граждан при ее потреблении.

В первом случае розничная продажа физическим лицом самогона образует состав правонарушения, предусмотренного ст.14.17.1. КоАП РФ. Более того, наличие этикетки с маркировкой продукции (при закрытой бутылке) позволяет привлекать к ответственности без проведения дополнительного специального исследования.

Во втором, несмотря на то, что самогон выработан кустарно, судебная практика идет по пути его отнесения к алкогольным напиткам, апеллируя к п.7 и п.9 ст.2 ФЗ от 22.11.1995 №171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» и определяя изъятую жидкость как «алкогольную продукцию, произведенную в домашних условиях» [6]. В продаже такого напитка так же усматривают признаки ст.14.17.1 КоАП РФ.

Квалификация деяний, состоящих в продаже самогона, условно выделенного в третью группу, вызывает наибольшее количество вопросов у правоприменителей. Наличие в продаваемом напитке посторонних примесей либо превышение допустимых химических показателей обуславливает отнесение его специалистами не к алкогольной, а к спиртосодержащей продукции. Но и она, для квалификации по ст.14.17.1 КоАП РФ, должна по своим химико-токсикологическим показателям быть пригодна к употреблению в пищу.

Как правило, изъятая тара со спиртосодержащей жидкостью направляется для проведения экспертизы в ЭКЦ УМВД России по конкретному субъекту. Однако специалисты ЭКЦ дают заключения лишь о том, что жидкость является самогоном с

определенной объемной долей этилового спирта и конкретным химическим составом. Между тем, следует согласиться с мнением Нудель С.Л, Зайцева О.А. и Кашепова В.П. констатирующих, что для отнесения объекта к пищевой продукции «необходимо не только установление сырьевого происхождения спирта этилового, но и признание в целом объекта пригодным (безопасным) к употреблению в пищу» [7]. Оценка спиртосодержащей продукции с позиции пищевой пригодности и безопасности для здоровья при употреблении перорально – сфера ведения специалистов Роспотребнадзора. Но именно это исследование, как показывает статистика, проводится далеко не всегда. Собранные материалы нередко передаются на рассмотрение в суд без информации об отнесении представленного образца самогона к пищевой продукции.

Анализ судебной практики за 2018 – 2022 годы позволил выделить две тенденции связанных с разрешением дел о продаже физическими лицами некачественного самогона при отсутствии сведений о признании его пищевым продуктом. В одних случаях суд все же привлекает продавца к ответственности по ст.14.17.1 КоАП РФ. В других – переквалифицирует его действия на ст.14.2 КоАП РФ.

Суды, разделяющие первую позицию, констатируют, что самогон – один из видов алкогольной продукции, а именно «спиртной напиток», но домашней выработки. Алкогольная продукция априори – пищевая, следовательно, произведенный кустарным способом самогон – тоже пищевой продукт. Наличие в нем токсических веществ, по мнению суда, выступает лишь признаком не качества пищевого продукта [8]. Важно отметить, что судьи, придерживающиеся данной позиции, допускают привлечение к ответственности по ст.14.17.1 КоАП РФ и при наличии в самогоне примесей, не предусмотренных ГОСТом, но не являющихся денатурирующими: 1-пропанола, изобутанола и других [9].

Суды, разделяющие вторую позицию, при отсутствии в представленных материалах сведений об отнесении изъятой жидкости к категории пищевой, вменяют физическому лицу незаконную продажу товаров ограниченной реализации. Например, Шахунским районным судом были переквалифицированы действия Т., реализовавшей самогон, с ч.1 ст.14.17.1 КоАП РФ на ст. 14.12 КоАП РФ, поскольку «отнесение представленной жидкости к категории «пищевой» не входит в компетенцию эксперта-химика ЭКЦ» [10]. По этой же статье привлекают к ответственности и фигурантов, реализующих самогон, признанный, ввиду наличия посторонних примесей или превышения их доли в общем объеме, непищевым [11]. Возможность переквалификации (при условии, что речь идет об однородных правонарушениях и положение лица, привлекаемого к ответственности, не ухудшается) предусмотрена действующим административным законодательством. Однако в подобных случаях есть вероятность, что продавцу самогона удастся избежать привлечения к ответственности вследствие истечения срока давности. Если по ст.14.17.1 КоАП РФ такой срок составляет один год с момента совершения правонарушения, то по ст.14.2 КоАП РФ – всего три месяца. Соответственно, дело об административном правонарушении, поступившее на рассмотрение в суд в пределах годичного срока при переквалификации может быть прекращено в связи с истечением срока давности, установленного для ст.14.2 КоАП РФ.

С точки зрения обывателя, продажа самогона с токсичными микропримесями (четвертая группа из представленной выше классификации), должна была бы расце-

ниваться правоохранителями как сбыт продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, и квалифицироваться по ст.238 УК РФ. В отдельных случаях так и происходит. Например, по части первой указанной статьи, были квалифицированы действия Т., изготовившего и сбывшего самогон в котором присутствовал изоамилол, бензальдегид, и другие токсичные вещества [5]. Проданная Т. спиртосодержащая жидкость была идентифицирована как непищевая и непригодная для производства алкоголя. В то же время Л., продававший самогон с токсичными микропримесями, признанный «некачественным продуктом, опасным для здоровья и жизни человека при употреблении», понес только административное наказание по ч.1 ст.14.17.1 КоАП РФ [8]. В обоих примерах речь идет о веществе, не просто не соответствующем требованиям к пищевой продукции подобного типа, а представляющем опасность для здоровья и жизни при пероральном приеме. Почему в похожих, на первый взгляд, ситуациях разная квалификация? Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 25 июня 2019 г. №18 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» разъяснил, что уголовная ответственность за сбыт продукции, не отвечающей требованиям безопасности, наступает лишь при реальной опасности для жизни и здоровья человека, а именно, если употребление такой продукции «в обычных условиях могло повлечь смерть или причинение тяжкого вреда здоровью».

В ситуации с Т. экспертами было не просто определено количество бензальдегида, но и сделан вывод о превышении референтной дозы этого вещества для перорального применения в 1000 раз (при допустимой дозе 0,1 содержание в самогоне составило 101,1 мкг/кг), что критично для почек и печени человека. В случае с Л. экспертизой так же установлено наличие опасных для жизни и здоровья веществ. Однако их соотнесение с референтными значениями, закрепленными в национальном стандарте Р 2.1.10.1920-04 «Руководство по оценке риска для здоровья населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду» не осуществлялось. Кроме того, обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ является наличие у виновного лица умысла на продажу именно «опасного» самогона. Между тем состав спиртосодержащей жидкости изготовленной в разное время может существенно меняться. При этом большинство лиц, реализующих самогон, заявляют, что сами периодически его употребляют и не имеют представления о том, что продаваемый напиток высокотоксичен. В таких условиях сотрудники полиции вынуждены идти по пути уведомления продавца о несоответствии изъятой при продаже спиртосодержащей жидкости требованиям, предъявляемым к пищевой продукции при первичной закупке (с привлечением к административной ответственности), и только при фиксации факта продажи опасного самогона повторно ставить вопрос о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, складывается парадоксальная ситуация. Лицо, реализовавшее самогон, в составе которого есть опасные для жизни и здоровья вещества, может не только избежать уголовной ответственности, но и отделаться небольшим административным штрафом. Наличие микропримесей послужит препятствием для отнесения проданной спиртосодержащей жидкости к пищевой, а отсутствие «реальной опасности», ввиду невысокой концентрации таких веществ – исключит возможность уголовного преследования по ч.1 ст. 238 УК РФ. Как следствие – квалификация по ст.14.2 КоАП РФ. Казалось бы: реализация принципа неотвратимости нака-

зания в действии. Однако размер штрафных санкций ст.14.2 КоАП РФ и ч.1 ст.14.17.1 КоАП РФ представляется несопоставимым. В первом случае наказание может быть назначено в пределах от 1500 до 2000 рублей, во втором – от 30 000 до 50 000. Более того, при выявлении факта повторной продажи некачественного самогона нарушителю удастся избежать ответственности по ст.171.4 УК РФ.

Исключая ст.14.17.1 КоАП РФ из состава ст.14.2 КоАП РФ законодатель ставил цель урегулировать оборот определенного спектра спиртосодержащей продукции посредством применения высоких штрафных санкций, оказывающих, в том числе превентивное воздействие на правонарушителей. Однако анализ решений судов, размещенных в Интернет-ресурсе «Судебные и нормативные акты РФ», позволяет сделать вывод, что при назначении наказания по ч.1 ст.14.17 КоАП РФ судьи активно практикуют назначение штрафа менее минимального размера, установленного санкцией. Так, из 124 материалов по данной статье, рассмотренных судами за период с июля 2020 по февраль 2022 штраф в пределах диапазона санкции статьи был вынесен всего 11 раз. В остальных случаях размер штрафа составил 15 000 руб. или производство по делу прекращено в связи с малозначительностью, либо действия продавца самогона переквалифицированы на более «мягкую» ст. – 14.2 КоАП РФ.

Возможность назначения штрафа «менее минимального», действительно предусмотрена ч. 2.2 ст. 4.1 КоАП РФ. Но только при наличии исключительных обстоятельств. Однако применение данного положения нередко аргументируется только тем, что правонарушитель не работает или является пенсионером. В отдельных постановлениях причина назначения наказания «менее минимального» звучит еще более обобщенно: «минимальный размер штрафа 30 000 рублей является для Х. обременительным» [12].

Отмечаются случаи назначения штрафа (в рамках уголовного наказания), в несколько раз ниже предусмотренного ст.14.17.1 КоАП РФ даже при продаже напитка обладающего высокой токсичностью. Например, в ситуации с И. привлеченной к уголовной ответственности за реализацию самогона, в составе которого концентрация микропримесей составила: этилацетата –14,3 мг/дм³, ацетальдегида– 94,1 мг/дм³, этилформиата – 4,1 мг/дм³, метилового спирта - 0,002 % об., 2-пропанола – 10,1 мг/дм³; изобутанола – 1283,5 мг/дм³; 1-бутанола – 2,9 мг/дм³, изоамилола – 2516,4 мг/дм³. Напиток признан представляющим угрозу для жизни и здоровья человека без летальных последствий. При этом И. было назначено наказание в виде штрафа в размере 10 000 рублей [13].

В настоящее время КоАП РФ не содержит ограничений на применение положений малозначительности правонарушений. Более того норма, предусматривающая возможность освобождения от ответственности по такому основанию является «оценочной» и ее применение связано с индивидуальным восприятием обстоятельств конкретного правонарушения лицом, уполномоченным принимать решения по делу. Однако общие условия малозначительности все же обозначены в п.21 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. №5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее Постановление Пленума Верховного суда РФ). В частности, совершенное лицом деяние не должно существенно нарушать охраняемые общественные правоотношения. Однако именно в этом аспекте наблюдается анонсированный А.Н.Абрамовым и И.А.Клюшниковым

«судебный "разнойбой"» [14]. Например, в постановлении Партизанского городского суда Приморского края по делу о розничной продаже К. двух бутылок самогона отмечается, что «оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции находится под особым государственным контролем, обеспечивающим защиту жизни и здоровья граждан, в связи с чем, данное административное правонарушение не может быть признано малозначительным» [15]. Аналогичный факт трактуется Кирсановским районным судом Тамбовской области как «не создавший какой-либо угрозы охраняемым общественным отношениям» и дело в отношении П. прекращается в связи с малозначительностью [16].

В рассматриваемой сфере, по сути, возникает парадоксальная ситуация: государство ужесточает ответственность, а суды изыскивают возможность минимизировать наказание. И здесь можно согласиться с мнением А.И. Смолякова, который, анализируя действующее административное законодательство и правоприменительную практику, приходит в итоге к тому что «меры по ужесточению наказаний зачастую на практике оказываются формальными» [17]. Между тем, эффективное применение правовых норм способствует повышению эффективности профилактики злоупотреблений алкоголем [18]. Безусловно, для лиц, разово реализовавших кустарно изготовленный спиртной напиток, применение любых мер государственного принуждения может оказаться хорошим «уроком». Однако подавляющее большинство продавцов самогона занимаются этим системно. Штраф в размере 1500 рублей (в рамках санкции ст.14.2 КоАП РФ) эквивалентен 10–15 бутылкам предлагаемой продукции и не оказывает должного профилактического эффекта для данной категории. Сотрудники полиции отмечают, что после применения такого наказания лица, реализующие самогон, лишь становятся осторожнее, продавая его исключительно знакомым или по их «рекомендации». Указанное обстоятельство существенно осложняет возможность привлечения к ответственности повторно. При этом у местного населения, чаще всего осведомленного о продолжающейся торговле, складывается мнение о несостоятельности правоохранительных органов.

Существующий нормативный дисбаланс позволяет лицам продавать кустарно произведенный спиртосодержащий напиток с токсичными посторонними примесями с минимальными финансовыми потерями. Фактически, с учетом правовой коллизии, самогонщикам, изготавливающим напиток для дальнейшей продажи, выгоднее производить такой некачественный продукт. Стремилось ли государство достигнуть подобного эффекта? Представляется, что нет. В этой связи считаем возможным и обоснованным предложить внести изменения в КоАП РФ, распространив запрет на розничную продажу физическими лицами не только алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, но и спиртосодержащей продукции кустарного производства, признанной в установленном порядке непивной. А именно: дополнить диспозицию ч.1 ст. 14.17.1 после слов «спиртосодержащей пищевой продукции» словами «спиртосодержащей непивной продукции кустарного производства».

Список литературы:

1. Административно-правовые меры борьбы с пьянством в России: история и современность / Н.В. Суменкова, В.А. Катомина – Текст : электронный // Genesis: исторические исследования. – 2020. – №5. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-mery-borby-s-pyanstvom-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения 29.05.2022)

2. «Индекс самогона»: – Текст : электронный // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://www.fa.ru/org/div/cos/press/News/2020-05-22-11.aspx?>(дата обращения 29.05.2022)
3. Новости Оренбурга: – Текст : электронный // proOren.ru: [сайт]. – URL: <https://prooren.ru/news/obschestvo/v-gae-osudili-zhenschinu-chim-samogonom-otravilas-ee-sobstvennaya-vnuchka> (дата обращения 29.05.2022)
4. Проверочная закупка и провокационные риски при ее проведении / В.Н. Омелин, А.А. Веселовский. – Текст : непосредственный // Научный портал МВД России. – 2016. – № 3. – С. 60-65.
5. Дело №22-1383/2018: апелляционное постановление Верховного суда Чувашской Республики от 03.07.2018г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – 2018. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mHocNZUNtTHX/> (дата обращения 29.05.2022)
6. Дело №7-433/2020: решение Алтайского краевого суда № от 25.11.2020 г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – 2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/plinFr216JLC/> (дата обращения 29.05.2022)
7. Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции / С.Л. Нудель, О.А. Зайцев, В.П. Кашепов. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 247-254.
8. Дело №37-АД18-1: постановление Верховного Суда РФ от 02.10.2018г. – Текст: электронный // Законы, кодексы и нормативные акты РФ : [сайт]. – 2018. – URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02102018-n-37-ad18-1/> (дата обращения 29.05.2022)
9. Дело №12-186/2018: решение Пензенского областного суда от 02.10.2018г. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – 2018. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146914/(дата обращения 29.05.2022)
10. Дело №5-254/2021: постановление Шахунского районного суда от 16.06.2021г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – 2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uWhahAzIqYxm/> (дата обращения 29.05.2022)
11. Дело №5-60/2021: постановление Яшкинского районного суда от 29.03.2021г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – 2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DL0mbXKdSvIP/> (дата обращения 29.05.2022)
12. Дело №5-1377/2020: постановление Почепского районного суда от 09.09.2020г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – 2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MyM8EKwWdDYP/> (дата обращения 29.05.2022)
13. Дело №1-172/2020: приговор Моршанского районного суда от 02.09.2020г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – 2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JWk7cma8rbQg/> (дата обращения 29.05.2022)
14. Признаки и понятие малозначительного административного правонарушения / А. М. Абрамов, И. А. Клюшников. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2012. – № 1-2. – С. 3-11.
15. Дело №5-55/2020: постановление Партизанского городского суда от 26.05.2020г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – 2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/26fTuUFbT4Qp/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+14.17.1. (дата обращения 29.05.2022)
16. Дело №5-131/2020: постановление Кирсановского районного суда от 14.07.2020г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – 2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CrdDoz6MCvNK/> (дата обращения 29.05.2022)
17. Государственная политика в области обеспечения безопасности дорожного движения: шаг вперед, два назад / А.И. Смоляков – Текст : непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. - 2020. - Т. 17. № 1. - С. 105-109.
18. К вопросу о квалификации розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции / М.В. Баранчикова. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 1(15). – С. 41-45.

Mishina Y. V. Selling moonshine: you can't be punished. where do we put a comma? // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 117-126.

The article considers certain aspects of bringing individuals to administrative responsibility for the retail sale of alcohol-containing beverages of home production. Examining judicial practice, the author comes to the conclusion that there are legal conflicts that prevent the achievement of the goal set by the state to reduce the level of alcoholization of the population. Typical shortcomings made by police officers in documenting materials related to the sale of moonshine are highlighted, directly affecting the qualification of the offense and the subsequent prosecution of those responsible. Attention is paid to the presence in judicial practice of diametrically opposed decisions in similar administrative cases. The author comes to the conclusion that it is necessary

to expand the list of alcohol-containing products prohibited for retail sale by individuals and clarify the disposition of Part 1 of Art. 14.17.1 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: illegal sale, sale of alcohol, moonshine, liability for sale of moonshine, qualification of offenses, police activity, alcohol consumption.

Spisok literaturey:

1. Administrativno-pravovye mery bor'by s p'yanstvom v Rossii: istoriya i sovremennost' / N.V. Sumenkova, V.A. Katomina – Tekst : elektronnyj // Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2020. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-mery-borby-s-pyanstvom-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (data obrashcheniya 29.05.2022)
- 2.«Индекс самогона»: – Tekst : elektronnyj // Finansovyy universitet pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: [sajt]. – URL: <http://www.fa.ru/org/div/cos/press/News/2020-05-22-11.aspx?>(data obrashcheniya 29.05.2022)
3. Novosti Orenburga: – Tekst : elektronnyj // proOren.ru: [sajt]. – URL: <https://prooren.ru/news/obschestvo/v-gae-osudili-zhenschinu-chim-samogonom-otravilas-ee-sobstvennaya-vnuchka> (data obrashcheniya 29.05.2022)
4. Proverochnaya zakupka i provokacionnye riski pri ee provedenii / V.N. Omelin, A.A. Veselovskij. – Tekst : neposredstvennyj // Nauchnyj portal MVD Rossii. – 2016. – № 3. – S. 60-65.
5. Delo №22-1383/2018: apellyacionnoe postanovlenie Verhovnogo suda CHuvashskoj Respubliki ot 03.07.2018g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – 2018. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mHocNZUNtTHX/?> (data obrashcheniya 29.05.2022)
6. Delo №7-433/2020: reshenie Altajskogo kraevogo suda № ot 25.11.2020 g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – 2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pInFr2I6JLC/?> (data obrashcheniya 29.05.2022)
7. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, svyazannye s nezakonnym oborotom alkohol'noj i spirtosoderzhashchej produkcii / S.L. Nudel', O.A. Zajcev, V.P. Kashpov. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 447. – S. 247-254.
8. Delo №37-AD18-1: postanovlenie Verhovnogo Suda RF ot 02.10.2018g. – Tekst: elektronnyj // Zakony, kodeksy i normativnye akty RF : [sajt]. – 2018. – URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogoSuda-rf-ot-02102018-n-37-ad18-1/> (data obrashcheniya 29.05.2022)
9. Delo №12-186/2018: reshenie Penzenskogo oblastnogo suda ot 02.10.2018g. – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus» : [sajt]. – 2018. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146914/(data obrashcheniya 29.05.2022)
10. Delo №5-254/2021: postanovlenie SHahunskogo rajonnogo suda ot 16.06.2021g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – 2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uWhahAzIqYxm/?> (data obrashcheniya 29.05.2022)
11. Delo №5-60/2021: postanovlenie YAshkinskogo rajonnogo suda ot 29.03.2021g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – 2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DL0mbXKdSvIP/?> (data obrashcheniya 29.05.2022)
12. Delo №5-1377/2020: postanovlenie Pochepenskogo rajonnogo suda ot 09.09.2020g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – 2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MyM8EKwWdDYP/> (data obrashcheniya 29.05.2022)
13. Delo №1-172/2020: prigovor Morshanskogo rajonnogo suda ot 02.09.2020g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – 2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JWk7cma8rbQg/?> (data obrashcheniya 29.05.2022)
14. Priznaki i ponyatie malo znachitel'nogo administrativnogo pravonarusheniya / A. M. Abramov, I. A. Klyushnikov. – Tekst : neposredstvennyj // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2012. – № 1-2. – S. 3-11.
15. Delo №5-55/2020: postanovlenie Partizanskogo gorodskogo suda ot 26.05.2020g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – 2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/26fTuUFbT4Qp/?page=2&ular-court=&ular-date_from=&ular-case_doc=&ular-lawchunkinfo=Stat'ya+14.17.1. (data obrashcheniya 29.05.2022)
16. Delo №5-131/2020: postanovlenie Kirsanovskogo rajonnogo suda ot 14.07.2020g. – Tekst: elektronnyj // Sudebnye i normativnye akty RF : [sajt]. – 2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CrdDoz6MCvNK/?> (data obrashcheniya 29.05.2022)
17. Gosudarstvennaya politika v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: shag vpered, dva nazad / A.I. Smolyakov – Tekst : neposredstvennyj // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2020. – T. 17. № 1. – S. 105-109.
18. K voprosu o kvalifikacii roznichnoj prodazhi nesovershennoletnim alkohol'noj produkcii / M.V. Baranchikova. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 1(15). – S. 41-45.

УДК 343.13

**ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА
ПОТЕРПЕВШЕМУ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И
ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Нагорный А. П., Родителева Я. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Анализируется теория и практика возмещения вреда потерпевшему в ходе уголовного судопроизводства, в том числе законодательство России и подход других государств к возмещению вреда лицом, совершившим преступление. В настоящее время остается непроработанным ряд вопросов теоретического и прикладного характера. Основная обязанность по обеспечению возмещения вреда потерпевшему ложится на органы предварительного расследования (следствие, дознание). Выделяют различные категории вреда, а именно материальный, моральный, физический, однако на практике вопросы вызывает возмещение материального и морального вреда. Обосновываются модели возмещения вреда лицом, совершившим преступление, в том числе в случаях, когда отсутствуют денежные средства и имущество, на которые можно обратиться взыскание, в том числе путем создания специального фонда поддержки потерпевших (жертв преступления). Важным является также грамотное расследование преступлений, связанных с причинением вреда потерпевшему, доказывание характера и размера причиненного вреда.

Ключевые слова: ущерб, возмещение ущерба, потерпевший, уголовное судопроизводство, моральный вред.

Статья 52 Конституции РФ обязывает государство не только обеспечить потерпевшему реализацию права на справедливое правосудие, но и компенсировать ущерб, причиненный ему преступлением. Конституционные положения находят свое развитие в ст. 42 и 44 УПК РФ, где делается указание на необходимость возмещения вреда, причиненного потерпевшему (имущественного, физического, морального), а если речь идет о юридическом лице, то возмещению подлежит имущественный вред и вред деловой репутации. Вопрос возмещения вреда в уголовном процессе всегда был предметом пристального внимания ученых на протяжении многих лет. В отечественной науке сформирована определенная теоретическая база по рассматриваемому вопросу. Исследованием данной темы занимались такие авторы, как В.В. Дубровин, Н.Е. Муллахметова, А.В. Суслин и пр.

Однако, несмотря на освещенность основных проблем возмещения вреда потерпевшему в рамках уголовного судопроизводства, ряд положений пока остается непроработанным, существует ряд проблем теоретического и прикладного характера.

Основные полномочия в части возмещения вреда потерпевшему возложены на органы предварительного расследования и устанавливаются ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а перечень мер, реализуемых ими, в ст. 182-183 УПК РФ (поиск похищенного имущества путем проведения обысков и выемок), ст. 115-116 УПК РФ (наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, и наложение ареста на ценные бумаги либо их сертификаты) и т.д. [1].

В связи с вышеизложенными положениями на следственные органы, дознание возлагается обязанность по обеспечению возмещения вреда потерпевшему в ходе уголовного судопроизводства. Как обоснованно указывает Ж.В. Цыренов, под деятельностью органов предварительного расследования по обеспечению возмещения вреда понимается «осуществляемая в соответствии с УПК РФ деятельность руководителей и должностных лиц органов предварительного расследования по поиску похищенного имущества, его изъятию и возврату законному владельцу, принятию мер, направленных на обеспечение гражданских исков, заявленных по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [2, с. 573].

А.В. Суслин указывает, что компенсация причиненного ущерба потерпевшему не является специальным институтом возмещения вреда в отличие от других подобных институтов (источник повышенной опасности или возмещение вреда при исполнении служебных обязанностей), вопреки распространенному мнению юристов. Автор указывает на проблематику подачи искового заявления при необходимости возмещения ущерба, причиненного преступлением [3, с.12]. Стоит заметить, что на современном этапе такой вопрос, в принципе, не стоит, как показывает практика, исковые заявления в обязательном порядке составляются к каждому уголовному делу, направляемому в суд, еще на стадии предварительного расследования.

Ущерб, причиненный преступлением, может быть материальным, физическим, моральным. Приоритетной проблемой, требующей решения, является проблема возмещения материального ущерба. Именно на возмещение материального вреда ориентированы действия потерпевшего в первую очередь. Возмещение морального вреда также имеет актуальность, однако, очевидно, в российских реалиях не поддается судьями, так как отсутствует методика оценки морального вреда, в результате чего потерпевшие получают достаточно незначительные суммы, практически не компенсирующие тот вред, который преступник причиняет самим фактом совершения преступления.

Не менее актуальной остается проблема возмещения физического вреда, однако очевидно, что в условиях сложившейся экономической обстановки экономические преступления более распространены, чем остальные.

Как показывает статистика, следствию не удастся обеспечить возмещение вреда потерпевшим в полном объеме. Так, в 2018 г. было возмещено лишь 13,7% от общего объема причиненного ущерба. За 2021 год ущерб от преступлений составил 834,5 млрд. руб., что на 62,7% больше аналогичных показателей прошлого года. За 5 месяцев 2022 года ущерб от преступлений составил 420,4 млрд. преступлений, что на 113,7% больше показателей прошлого года [4]. Таким образом, статистические показатели также подтверждают актуальность рассматриваемого вопроса.

Н.Е. Муллахметова указывает на основную проблему возмещения вреда следственными органами, которая заключается в том, что на современном этапе не выработан действенный правовой механизм его реализации. Основные меры, которые следователь предпринимает для возмещения ущерба: добровольное возмещение, изъятие имущества и в качестве возмещения передача его потерпевшему, арест на имущество, запросы и т.д., которые далеко не всегда оказываются эффективными, особенно когда у преступника нет ни имущества, ни заработка. [5, с. 25-28].

Э.А. Баянов делит проблемы возмещения вреда потерпевшим на три группы:

1. Пробелы уголовно-процессуального законодательства, а также низкая эффективность деятельности правоохранительных органов.

2. Неточность законодательства, регламентирующего стадию предварительного расследования (отсутствие у потерпевшего права на бесплатную юридическую помощь, обязанность доказывания вины, отсутствие установления сроков признания лица в качестве потерпевшего).

3. Проблемы при возмещении материального вреда и морального ущерба [6, с. 214].

По мнению А.В. Суслин, основной проблематикой возмещения вреда потерпевшему в ходе уголовного судопроизводства выступает отсутствие должного механизма регулирования имущественных прав и интересов потерпевшего, что свидетельствует о необеспеченности прав потерпевшего на возмещение вреда. Автор также указывает на стереотипность мышления в той части, что многие преступники неплатежеспособны [3, с. 12]. Однако, несмотря на указание автора на стереотипность подобного мышления, до настоящего времени проблема возмещения вреда указанной категорией лиц (неплатежеспособной) не решена. Также не совсем ясно, как подходить к решению проблемы в случаях, когда преступник намеренно скрывает свой доход, переходит на «неофициальную» работу, чтобы не платить потерпевшему компенсацию.

По мнению А.Д. Милостьянова, проблема защиты прав потерпевшего на стадии предварительного расследования заключается в том, что уголовно-процессуальное законодательство России в большей степени ориентировано на политику ущемления прав преступника и его наказания, чем на возмещение причиненного ущерба. В связи с публично-правовым характером уголовного судопроизводства государство в лице своих компетентных органов берет на себя обязанность по защите нарушенных прав и интересов граждан [7, с. 167].

В.В. Дубровин указывает, что жертва в России фактически не может получить никакого возмещения, если преступник неплатежеспособен, а также, если преступление не раскрыто. В сложившейся ситуации автор предлагает взыскивать денежные средства с государства, которое в порядке регресса сможет удержать взысканную сумму с осужденного [8, с. 15].

На наш взгляд, данное предложение позволит эффективно решить задачу возмещения вреда потерпевшему, однако в условиях сложившейся социально-экономической ситуации и политической обстановки вряд ли будет рассматриваться. С одной стороны, данное предложение направлено на защиту имущественных прав потерпевшего, в связи с чем необходимо оценивать данный инструмент как эффективный. С другой стороны, подобное нововведение может нанести серьезный ущерб бюджету государства в условиях сложившейся социально-экономической обстановки и нестабильных политических отношений. Споры вызывает и случаи виктимности потерпевших, когда потерпевшие сами провоцируют совершение преступлений в отношении них (особенно когда речь идет о дистанционных мошенничествах, приносящих миллиардные ущербы). Эффективная реализация данной идеи возможна только при создании специфических финансовых инструментов, которые будут способны обеспечить ее реализацию.

Кроме того, в теории уголовного процесса не уделено достаточно внимания изучению и доказыванию характера и размера вреда, причиненного преступлением. Дан-

ный вопрос рассматривается непосредственно в суде в связи с исследованием гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Однако, как обоснованно указывает Ю.Н. Зверева, акцент делается на средствах и способах возмещения вреда, а проблеме его доказывания внимание практически не уделяется. Кроме того, автор помимо физического, имущественного, морального вреда выделяет также вред, причиненный деловой репутации как отдельный вид вреда, причиненного потерпевшему. Немаловажными является и вывод о том, что законодатель не определяет размеры морального вреда и вреда деловой репутации, нечетко устанавливает критерии определения размера компенсации такого вреда, что негативно влияет на правоприменительную практику [9, с. 5].

Таким образом, существуют как теоретические, так и практические проблемы возмещения вреда потерпевшему в ходе уголовного судопроизводства. Основная проблема рассматриваемого вопроса заключается в отсутствии механизма взыскания денежных средств с лиц, которые не имеют дохода или не желают делать отчисления в пользу потерпевшего.

В свете рассмотренной проблематики необходимо учитывать практику зарубежных стран по вопросу компенсации вреда, причиненного преступлением. Так, уголовно-процессуальное законодательство ФРГ не содержит понятия «гражданский иск» и «гражданский истец». Однако гл. 3 книги 51 УПК ФРГ посвящена вопросу возмещения ущерба потерпевшим и так и называется. Согласно параграфу 403 УПК ФРГ потерпевший и его наследник имеют право предъявить иск (имущественное требование) в уголовном процессе к обвиняемому. С целью обеспечения иска производится наложение штрафа, изъятие или арест имущества обвиняемого. Если возмещение вреда невозможно (например, у подозреваемого отсутствуют имущество и денежные средства), то вред потерпевшему возмещают третьи лица [10]. Полагаем, что в данном случае речь идет о лицах, ответственных за преступника, в том числе о родителях, законных представителях, если преступник несовершеннолетний и не может в силу отсутствия доходов возместить вред, причиненный совершенным преступлением.

УПК Франции также предусматривает положения о возмещении вреда потерпевшему, однако в законе употребляется термин «гражданский истец». До 1977 г.р. вред от преступления возмещал только сам преступник, однако в последующем был принят Закон №77-5 «О возмещении ущерба за телесный вред, причиненный потерпевшим преступлением», который позволил потерпевшим получать компенсацию от государства до того момента, пока преступник не предстанет перед судом (в приговоре дополнительно указывается положение о возмещении ущерба). В дальнейшем государство в регрессном порядке взыскивает с осужденного все затраты по выплате ущерба потерпевшему от преступления. 2 февраля 1981 г. во Франции был принят Закон N 81-82 «Об усилении безопасности и защиты свободы личности», который предусматривает раздел «О защите потерпевшего». Так, например, положениями закона предусмотрена компенсация для граждан, в отношении которых совершены такие экономические преступления, как кража или мошенничество, в сумме, равной трехкратному размеру их максимального ежемесячного дохода (при условии, что доход в месяц ниже 900 франков) [11, с. 30].

Уголовно-процессуальное законодательство Испании также специфически регулирует данный вопрос. Согласно ст. 113 УК Испании «компенсация материального

и морального вреда означает возмещение вреда, причиненного не только потерпевшему, но и его родственникам или третьему лицу» [12, с. 27]. На наш взгляд, данное положение является справедливым в части возмещения морального вреда, когда совершение преступления в отношении лица ухудшило состояние близких лиц (особенно когда последствия подтверждаются документально, например, медицинскими справками или заключением).

Уголовно-процессуальное законодательство Австрии не только защищает права потерпевшего в части возмещения вреда, но и поощряет преступников на возмещение вреда. Так, законодательство страны предусматривает возможность сокращения срока наказания или избежать лишения свободы для преступника, возместившего убытки потерпевшему параграф 38 УК Австрии). Если лицо не может возместить вред, то одним из условий освобождения из мест свободы или смягчения наказания является выполнение предписания суда устроиться на работу, чтобы из заработка возмещать вред, причиненный потерпевшему преступлением.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Швеции предусматривает аналогичные положения. Так, если осужденный не возмещает вред, ему выносятся предупреждение, а затем его отправляют в места лишения свободы. Законодательство США предусматривает принудительное направление преступника на работу, в том числе осужденного к тюремному заключению. Кроме того, законодательство некоторых штатов предусматривает выплату компенсаций как лицам, которым был причинен физический ущерб в результате насильственных преступлений, так и в случае причинения ущерба собственности потерпевшего [12, с. 27].

Таким образом, анализ теоретических предложений и опыта зарубежных стран позволяет сделать вывод о необходимости реформирования подхода к возмещению вреда, причиненного потерпевшему в ходе совершения преступления.

Теоретические положения по рассматриваемому вопросу нуждаются в совершенствовании. Предлагаем под деятельностью органов предварительного расследования по обеспечению возмещения вреда потерпевшему понимать деятельность органов предварительного расследования, осуществляемую на основании УПК РФ, направленную на возмещение имущественного, морального и физического вреда, причиненного потерпевшему преступлением.

Необходима разработка общепринятой системы оценки морального вреда, причиненного преступлением, с учетом ряда критериев (тяжесть преступления, поведение преступника в момент и после совершения преступления). Использование подобной шкалы позволило бы исключить несправедливые приговоры при исчислении денежной компенсации за причиненный моральный вред.

До настоящего времени отсутствует специальный фонд поддержки жертв преступлений, который позволил бы производить выплаты потерпевшим даже в том случае, если отсутствует возможность взыскания денежных средств с преступника. На наш взгляд, целесообразно создать подобный фонд и пополнять за счет денежных средств, полученных со штрафов, изъятого имущества, имущества, добытого преступным путем. Создание данных фондов позволит эффективно применить вышеуказанное положение о взыскании денежных средств с государства, если у преступника денежные средства отсутствуют.

Целесообразно было бы также предусмотреть меры поощрения лицам, совершившим преступление, по которым возникла необходимость возмещения причи-

ненного вреда. Так, можно пойти по опыту республики Беларусь и предусмотреть отсрочку исполнения приговора для заглаживания вреда. Можно также предусмотреть возможность освобождения от наказания в случае полного заглаживания вреда в течение установленного срока (срок должен устанавливаться судом), что будет целесообразнее применения ряда наказаний, в особенности лишения свободы.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.07.2022) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Цыренов Ж.В. Обеспечивают ли органы предварительного расследования компенсацию причиненного вреда потерпевшим? // В сборнике: Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития. материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции. Москва, 2020. С. 572-575.
3. Суслин А.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юр. наук. 2005. Москва. С 12.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-май 2022 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/30967346/>. Дата обращения: 06.07.2022.
5. Муллахметова Н.Е. Совершенствование механизмов возмещения вреда, причиненного преступлением // Закон и власть. 2021. № 3. С. 25-28.
6. Баянов А.Э. Некоторые проблемы реализации прав потерпевшего в ходе уголовного преследования // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 214-217.
7. Милостьянова, А. Д. Проблема защиты прав потерпевшего при возмещении ущерба, причиненного преступлением / А. Д. Милостьянова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 45 (231). — С. 167-170.
8. Дубровин В. В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, путем компенсации со стороны государства (отечественный и зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 3. С. 15.
9. Зверева Ю.Н. Доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением: дисс. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2015. – 204 с. С. 5.
10. Strafprozessordnung (StPO) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/stpo/>. Режим доступа: 08.07.2022.
11. Мартынов А.М. Реализация возмещения вреда лицу, пострадавшему в результате совершения преступления, в законодательстве зарубежных стран // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 3. С. 29-32.
12. Пекарев Г.В., Логинов Е.А. Механизм обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве России и ряда зарубежных стран // Вестник магистратуры. 2015. № 5-3 (44). С. 26-28.

A.P. Nagorny, Ya.N. Roditeleva. About certain problems of compensation for harm to the victim in the course of criminal proceedings and ways to solve them // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 127-133.

The article analyzes the theory and practice of compensation for harm to the victim in the course of criminal proceedings, including the legislation of Russia and the approach of other states to compensation for harm by the person who committed the crime. Currently, a number of theoretical and applied issues remain unresolved. The main duty to ensure compensation for harm to the victim falls on the bodies of preliminary investigation (investigation, inquiry). There are various categories of harm, namely material, moral, physical, but in practice, compensation for material and moral harm raises questions. The models of compensation for harm by a person who has committed a crime are substantiated, including in cases where there are no funds and property that can be recovered, including by creating a special fund to support victims (victims of crime). It is also important to properly investigate crimes related to harming the victim, proving the nature and extent of the harm caused.

Keywords: damage, compensation for damage, victim, criminal proceedings, moral damage.

Spisok literatury:

1. Uголовно-protsessual'nyj kodeks Rossijskoj Federatsii ot 18.12.2001 N 174-FZ (red. ot 28.06.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 09.07.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 24.12.2001, N 52 (ch. I), st. 4921.
2. Tsyrenov Zh.V. Obespechivajut li organy predvaritel'nogo rassledovanija kompensatsiju prichinennogo vreda poterpevshim? // V sbornike: Sledstvennaja dejatel'nost': problemy, ih reshenie, perspektivy razvitiya. materialy III Vserossijskoj molodjozhnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 2020. S. 572-575.
3. Suslin A.V. Uголовно-pravovye sredstva obespechenija vozmeschenija vreda poterpevshim: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. 2005. Moskva. S 12.
4. Kratkaja karakteristika sostojanija prestupnosti v Rossijskoj Federatsii za janvar'-maj 2022 goda. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/30967346/>. Data obraschenija: 06.07.2022.
5. Mullahmetova N.E. Sovershenstvovanie mehanizmov vozmeschenija vreda, prichinennogo prestupleniem // Zakon i vlast'. 2021. № 3. S. 25-28.
6. Bajanov A.E. Nekotorye problemy realizatsii prav poterpevshego v hode uголовного presledovanija // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2015. № 1. S. 214-217.
7. Milost'janova, A. D. Problema zaschity prav poterpevshego pri vozmeschenii uscherba, prichinennogo prestupleniem / A. D. Milost'janova. — Tekst : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2018. — № 45 (231). — S. 167-170.
8. Dubrovin V. V. Vozmeschenie vreda, prichinennogo prestupleniem, putem kompensatsii so storony gosudarstva (otechestvennyj i zarubezhnyj opyt) // Mezhdunarodnoe uголовnoe pravo i mezhdunarodnaja justitsija. 2010. № 3. S. 15.
9. Zvereva Ju.N. Dokazyvanie haraktera i razmera vreda, prichinennogo prestupleniem: diss. ... kand. jur. nauk. Nizhnij Novgorod, 2015. – 204 s. S. 5.
10. Strafprozessordnung (StPO) [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://www.gesetze-im-internet.de/stpo/>. Rezhim dostupa: 08.07.2022.
11. Martynov A.M. Realizatsija vozmeschenija vreda litsu, postradavshemu v rezul'tate sovershenija prestuplenija, v zakonodatel'stve zarubezhnyh stran // Mezhdunarodnoe uголовnoe pravo i mezhdunarodnaja justitsija. 2019. № 3. S. 29-32.
12. Pekarev G.V., Loginov E.A. Mehanizm obespechenija zaschity prav i zakonnyh interesov poterpevshih v uголовnom sudoproizvodstve Rossii i rjada zarubezhnyh stran // Vestnik magistratury. 2015. № 5-3 (44). S. 26-28.

УДК 347.97

ПРОБЛЕМНЫЕ ВЫНЕСЕНИЯ ЗАОЧНОГО РЕШЕНИЯ И АСПЕКТЫ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Пеленицына М. В., Выпирайло А. О.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Институт заочного производства достаточно давно функционирует в России. Так, его ключевой идеей является оптимизация сроков рассмотрения судебных дел, а также в целом упрощение всего судебного процесса. Тем не менее, на практике нередко возникает противоположная ситуация, причиной которой является несовершенство законодательных конструкций процессуального права. Таким образом, в рамках данного исследования автор рассмотрим основные проблемы заочного производства в России.

Приказное производство имеет множество преимуществ в системе судопроизводства России, ключевое из которых – сокращение времени рассмотрения дела. Тем не менее, вынесение судебного приказа сопряжено с множеством существенных недостатков, которые систематизируются и описываются в данном исследовании.

Ключевые слова: судебный приказ, приказное производство, проблемы судопроизводства, заочное производство, судопроизводство, истец, ответчик, суд.

Заочное производство по гражданским делам широко применяется в различных правовых системах мира в связи с необходимостью обеспечивать эффективность и своевременность гражданского судопроизводства. Заочное производство является порядком рассмотрения и разрешения гражданского дела в отсутствие ответчика, надлежащим образом извещенного о времени и месте судебного разбирательства и от которого поступило заявление о рассмотрении дела в его отсутствие или если сообщенные им причины неявки признаны неуважительными, истец не возражает против такого решения дела и суд может принять заочное решение на основании имеющихся в деле доказательств. Впервые институт заочного решения был введен Уставом гражданского судопроизводства Российской Империи 1864 г., использовался он в том случае, если ответчик в суд не появлялся. Такой порядок рассмотрения имел целью устранения причин, которые способствовали затягиванию процесса. В ходе данного исследования определим некоторые проблемы вынесения заочных решений суда.

В ходе анализа действующего законодательства, следует отметить на схожие основания применения обычного и заочного порядка. В то же время, существенной разницей является необходимость согласия истца для рассмотрения дела в данном порядке.

Первой проблемой, на которую обращают внимание исследователи, является противоречие в законодательстве относительно необходимости согласия истца. Так, настоящим законодательством установлено, что в том случае, если от истца не получено согласие на рассмотрение дела в порядке заочного судопроизводства, рассмотрение дела откладывается, а стороны извещаются о новом времени и дате рассмотрения. Однако данный подход существенно противоречит положениям ч. 4 ст. 167 ГПК РФ, т.е. в таком случае должен применяться обычный порядок. Учитывая

тот факт, что общие правила применения последствий неявки лиц в судебное заседание предусмотрены именно в ст. 167 ГК РФ, правовые нормы ч. 3 ст. 233 ГПК РФ должны быть изменены [1].

В источниках юридической науки можно встретить информацию о том, что в настоящее время вынесение заочного решения можно рассматривать как своеобразную санкцию, которая применяется в отношении ответчика, не явившегося на судебное заседание.

Однако в практическом аспекте происходит обратное: увеличение срока рассмотрения дела скорее негативное последствие именно для истца, поскольку увеличивается количество этапов рассмотрения дела. Фактически можно говорить о том, что данная особенность является противоречием ключевым целям заочного производства.

Кроме того, спорным является момент вступления в силу заочного решения, поскольку, к примеру, не всегда представляется возможным вручение ответчику копии заочного решения, что также ставит истца в крайне невыгодное положение. Однако в данном направлении необходимостью представляется скорее совершенствование правовых норм, регулирующих порядок и особенности извещения.

В целом, момент вступления в силу заочного решения является спорным. Фактически, если будет установлено, что копия заочного решения была вручена ответчику после истечения срока для подачи заявления о его отмене, но до истечения срока на подачу апелляционной жалобы на это решение, то срок для подачи такого заявления может быть восстановлен судом при условии, что заявление о восстановлении данного срока подано в пределах срока на апелляционное обжалование. Некоторые авторы указывают, что срок вступления в силу заочного решения должен исчисляться со дня отправления копии заочного решения ответчику [2].

Изучая особенности обжалования, вынесенного в заочном судопроизводстве решения, необходимо также отметить, что ответчику представляется возможность выбора: подача апелляционной жалобы или подача заявления об отмене заочного решения. Учитывая, что при подаче заявления срок рассмотрения и разрешения спора будет увеличен, причем существенно – превышая даже установленные сроки в общем порядке. Так, по данному вопросу справедливо подчеркивает Г.А. Журавлева: «Вполне логичным, на наш взгляд, будет лишение права ответчика на подачу заявления об отмене заочного решения, которое предусмотрено ч. 1 ст. 237 ГПК, так как ответчику предоставляется незаслуженная возможность отменить решение, которое было вынесено не в его пользу из-за его же безразличных действий (бездействия) в отношении рассмотрения дела» [3].

Учитывая тот факт, что в настоящее время в форме заочного производства рассматривается достаточно большое количество дел, актуальность его совершенствования приобретает особый смысл. Однако, как справедливо подчеркивает Э.И. Галимзянова, большая часть вынесенных решений обжалуются и отменяются.

Кроме того, актуальная такая практика, при которой ответчик указывает, что причиной его неявки было отсутствие извещения, и на данном основании вынесенное в порядке заочного производства решение отменяется. На основании ст. 224 ГПК суд до вынесения определения о заочном рассмотрении дела обязательно должен проверить факт уведомления ответчика надлежащим образом о времени и месте судебного заседания. При этом в материалах дела должны быть доказательства

такого уведомления. Спорной является также новелла об уведомлении ответчика, место жительства и местонахождение которого истцу неизвестно (даже после его обращения в адресное бюро и органы внутренних дел), с помощью подачи объявления в прессе.

Таким образом, автор указывает на неэффективность данного института [4].

В целом, как установлено, эффективность института заочного судопроизводства достаточно спорно оценивается исследователями. Так, к примеру, В.Г. Гусев отмечает, что эффективным заочное производство представляется только в том случае, если ответчик безразлично относится к решению суда. В то же время, как указывает В.В. Ярков: «заочное производство – это одно из основных направлений решения проблем доступа к правосудию, позволяющих достичь целей путем упрощения основных ее составляющих, не снижая в целом уровень юридических гарантий» [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на благоприятную в настоящее время судебную практику использования заочного производства в целях оптимизации сроков рассмотрения гражданских дел, все же существует множество проблем, связанных в реализации процессуальных норм.

Учитывая существенный рост нагрузки на судебные органы, а также бюрократичный характер судебного процесса, совершенствование правовых норм института заочного производства представляется актуальным направлением развития гражданского процессуального права. Эффективное применение института заочного производства свидетельствует о необходимости устранения пробелов, возникающих из-за проблем в судебной практике в процессе реализации норм гражданского процессуального законодательства.

Приказное производство направлено на упрощение работы органов судебной системы. Введение института судебного приказа получило массу положительных оценок со стороны исследователей юридической науки, как справедливо указывает Н.М. Кострова: задачей введения приказного производства было сделать правосудие наиболее понятным и доступным широкому кругу субъектов [6].

На сегодняшний день система правовых норм, регламентирующих судебный приказ несовершенна. Учитывая, что ключевая цель реформирования всей системы судебной системы в России на сегодняшний день заключается не только в повышении качества и эффективности ее работы, но и в упрощении, тема изучения приказного производства имеет повышенную актуальность.

Так, прибегая к судебному приказу, мировые судьи вправе рассматривать отдельные категории дел в отсутствие участников процесса, путем вынесения особого вида постановления. Использование приказного производства имеет несколько характерных особенностей, прежде всего, это диспозитивный порядок для истца, а также сокращение временных рамок рассмотрения и вынесения решения по делу. Характер приказного производства представляется как бесспорный, так, на основании достаточности доказательств судья единолично выносит соответствующее постановление.

Учитывая множество преимуществ данного порядка рассмотрения судебных дел, актуальным представляется определение наиболее значимых проблем в его содержании, в частности:

1. Вступление судебного приказа в законную силу ограничено временными рамками – 10 дней; так, многие исследователи указывают, что подобный порядок фак-

тически лишает возможности должника обжаловать вынесенное постановление. Безусловно, в тех случаях, когда сумма долга незначительна, это допустимо, однако, когда имеются крупные задолженности, к примеру, по кредитованию – подобный порядок порождает массу неудобств. Фактически, как указывает Е.И. Лощина, нарушаются права второй стороны на защиту своих прав и законных интересов [7].

2. По прежнему высоким остается риск возникновения судебных ошибок, как правило, причинами которых становится недостаточность доказательств или же их косвенный характер. Например, для вынесения судебного приказа по долговой расписке достаточным представляется только сам документ, имеющий простую письменную форму, что, по мнению автора исследования, неверно и может стать причиной наложения незаконных долговых обязательств на вторую сторону судебного спора.

3. Также изучая порядок и особенности приказного производства возникает вопрос о взыскании судебных издержек. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» по данной теме, ничего не указывается, что становится причиной некоторых проблем. В частности, ч. 2 ст. 124 ГПК РФ указывает, что истец обязан приложить доказательства в обоснование своих требований. Такими документами могут быть запросы в государственные органы, органы местного самоуправления, ЕРКЦ и другие. Требуется юридическая оценка собранных документов. Кроме того, многие люди, не зная, какими способами можно доказать свою правоту по делу, обращаются за помощью к юристам, что требует много времени и денег. Но поскольку в законе нет статьи, регуливающей вопрос о возмещении расходов, истцу ничего не возмещается.

4. Согласно законодательству, должник, который не согласен с вынесенным судебным приказом, может в десятидневный срок направить возражения в орган судебной власти, не мотивируя его ничем. Право должника – подать в суд возражение на постановление суда. На основании этих возражений суд отменяет постановление суда, оставляя заявителю право подавать заявление по тому же вопросу в иске. Следует отметить, что судебный приказ не может рассматривать спор о праве, соответственно, закон не содержит требований к возражениям, которые должен предоставить должник – их наличие уже является основанием для отмены судебного приказа; суд не может вступать в обсуждение обстоятельств дела.

Так, подобный правовой подход становится нередко причиной злоупотребления правом, поскольку должник осознает, что в последствии начинается исковое производство, которое более затратно не только материально, но и по времени.

В целях решения данной проблемы многие исследователи указывают использовать аналогию заочного производства, когда ответчику необходимо сослаться на доказательства своей правовой позиции.

Кроме того, в ГПК РФ также отсутствуют уточнения о том, в каком виде должны быть поданы возражения должником относительно исполнения судебного приказа, а исследователи юридической науки предлагают свои идеи. Так, например, А.А. Мохов считает, что возражения должны предъявляться в суд в письменном виде [8]. В то же время, В.С. Никитин полагает, что должник может использовать любые средства связи, в частности телефон, телеграмму, факс, электронную почту, главное указать номер и дату судебного приказа [9]. М.А. Черемин придерживается принци-

пиально иной позиции, согласно которой должник должен явиться в суд и устно высказать свои возражения [10].

Соответственно, приказное производство в гражданском процессе – это институт, который наряду со множеством преимуществ, имеет серьезные недостатки, которые требуют дальнейшей законодательной доработки.

Приказное производство существенно сокращает сроки рассмотрения дел отдельных категорий, что положительно влияет на нагрузку мировых судей.

Однако действующий порядок приказного судопроизводства имеет несколько проблемных аспектов, в частности слишком быстрое вступление в силу судебного приказа, имеется риск совершения судебных ошибок, не учтён порядок взыскания издержек, отсутствие требований к возражениям должника – все это говорит о необходимости дополнения действующего законодательства в отношении порядка приказного судопроизводства в целях его совершенствования.

Список литературы:

1. Азиева Д.С. Проблемы заочного производства в современной судебной системе // Молодая наука. – 2015. – С. 62-70.
2. Габазов Т. С. Актуальные проблемы заочного производства // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 5-2(45). – С. 32-38.
3. Десятые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 12–13 декабря 2014 года): сб. ст.: в 7 кн. Кн. 4: Проблемы предпринимательского и гражданского права, гражданского и арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата / отв. ред. М. Н. Илюшина, З. В. Каменева, С. Ю. Чашкова ; РПА Минюста России. – М.: РПА Минюста России, 2015. – 332 с
4. Галимзянова Э.И. Проблематика несовершенства заочного рассмотрения дела на современном этапе развития института заочного рассмотрения дела в гражданском процессе // Студенческая юридическая наука: Сборник студенческих научных статей. – №23. – 2019. – С. 40-43.
5. Ярков В.В. Современные проблемы доступа к правосудию в Российской Федерации // Российский юридический журнал – 2001. – № 1. – С. 22-90.
6. Кострова Н.М. Некоторые проблемы реализации судебного приказа // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2016. – №3. – С. 67-75.
7. Лощинина Е.И. Проблемные аспекты приказного производства в гражданском процессе // Вестник СГЮА. – 2017. – №6 (119) – С. 104-110.
8. Мохов А.А. Комментарий к ГПК РФ (постатейный) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс
9. Никитин В.С. Некоторые вопросы приказного производства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 7. – С. 22-24
10. Борисова Е.А., Ефимов А.Ф., Жуйков В.М. и др. Мировой судья в гражданском судопроизводстве / под ред. А.Ф. Ефимова, И.К. Писарева. – М.: Горо-дец, 2004. – С. 293-295.

Pelenitsyna M. V., Bulging A. O. Problematic issues of making a decision in absentia and aspects of writ proceedings in court proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 134-139.

Resume: Taking into account the significant increase in the burden on the judicial authorities, as well as the bureaucratic nature of the judicial process, the improvement of the legal norms of the institution of correspondence proceedings seems to be an urgent direction for the development of civil procedural law. The effective use of the institute of correspondence proceedings indicates the need to eliminate gaps arising from problems in judicial practice in the process of implementing the norms of civil procedural legislation.

Writ proceedings in civil proceedings are an institution that, along with many advantages, has serious drawbacks that require further legislative refinement. Writ proceedings significantly reduce the time for consideration of cases of certain categories, which has a positive effect on the workload of magistrates. However, the current order of writ proceedings has several problematic aspects, in particular, the entry into force of a court order too quickly, there is a risk of judicial errors all this suggests the need to supplement the current legislation regarding the procedure of writ proceedings in order to improve it.

Key words: court order, writ proceedings, problems of judicial proceedings, correspondence proceedings, judicial proceedings, plaintiff, defendant, court.

Spisok literatury:

1. Azieva D.S. Problemy zaochnogo proizvodstva v sovremennoj sudebnoj sisteme// Molodaya nauka. – 2015. – S. 62-70.
2. Gabazov T. S. Aktual'nye problemy zaochnogo proizvodstva // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. – 2020. – № 5-2(45). – S. 32-38.
3. Desyatye Vserossijskie Derzhavinskie chteniya (Moskva, 12–13 dekabrya 2014 goda): sb. st: v 7 kn. Kn. 4: Problemy predprinimatel'skogo i grazhdanskogo prava, grazhdanskogo i arbitrazhnogo processa, advokatury i notariata / otv. red. M. N. Ilyushina, Z. V. Kameneva, S. YU. CHashkova ; RPA Minyusta Rossii. – M.: RPA Minyusta Rossii, 2015. – 332 s
4. Galimzyanova E.I. Problematika nesovershenstva zaochnogo rassmotreniya dela na sovremennom etape razvitiya instituta zaochnogo rassmotreniya dela v grazhdanskom processe // Stencheskaya yuridicheskaya nauka: Sbornik studencheskih nauchnyh statej. –№23. – 2019. – S. 40-43.
5. YArkov V.V. Sovremennye problemy dostupa k pravosudiyu v Rossijskoj Federacii// Rossijskij yuridicheskij zhurnal– 2001. – № 1. – S. 22-90.
6. Kostrova N.M. Nekotorye problemy realizacii sudebnogo prikaza // YUridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – №3. – S. 67-75.
7. Loshchinina E.I. Problemnye aspekty prikaznogo proizvodstva v grazhdanskom processe // Vestnik SGYUA. – 2017. –№6 (119)–S. 104-110.
8. Mohov A.A. Kommentarij k GPK RF (postatejnyj) [Elektronnyj resurs]// SPS Konsul'tant Plyus
9. Nikitin V.S. Nekotorye voprosy prikaznogo proizvodstva // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2008. – № 7. – S. 22-24
10. Borisova E.A., Efimov A.F., Zhujkov V.M. i dr. Mirovoj sud'ya v grazhdanskom sudoproizvodstve / pod red. A.F. Efimova, I.K. Pisareva. – M.: Goro-dec, 2004. – S. 293-295.

УДК 343.33

**ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

Пикин И. В., Тараканов И. А.

Владимирский юридический институт ФСИН России

Исследование посвящено уголовно-правовой характеристике состава преступления, направленного на реабилитацию нацизма. Основная цель исследования заключается в рассмотрении дискуссионных вопросов уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, проблемных аспектов при характеристике элементов состава преступления, предусмотренного статьей 354.1 УК РФ. В результате исследования авторы приходят к выводу о целесообразности и обоснованности ужесточения уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных статьей 354.1 УК РФ, с целью искоренения идеологии и практики осуществления превосходства одной расовой, национальной либо этнической группы над другой, ставящих своей целью полное либо частичное физическое уничтожение «опозиционной» расовой, национальной, этнической либо религиозной группы.

Ключевые слова: реабилитация нацизма; уголовная ответственность; преступление; состав преступления; историческая память; безопасность человечества; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; оправдание нацизма; пропаганда нацизма.

В настоящее время становится все очевидней, что в современном мире, в условиях неухающих рецидивов холодной войны, история стала площадкой для идеологических противостояний, где каждая из сторон старается отстоять свою точку зрения. Как отмечает А.В. Мараева, «Великая Отечественная война оставила отпечаток в жизни каждого гражданина Российской Федерации и имеет важное историческое значение для нашего народа. Но, к сожалению, и в нашей стране, и за рубежом находятся лица, которые спекулируют данной темой, умышленно искажают историческую правду о событиях того времени, вводят в заблуждения подрастающее поколение, что может в итоге привести к возрастанию радикализации части общества и проявлению националистической активности» [10, с. 141].

Законы, запрещающие публичное оправдание преступлений нацистов, приняты во многих странах не только Европы, но и мира в целом. Опасность возрождения идей нацизма и фашизма обозначена в Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 г.

Реабилитация нацизма – одно из опасных явлений современного общества, которое приводит не только к посягательству на историческую справедливость, но и к искажению фактов, размыванию культурных устоев [3, с. 87]. Зачастую преступления, охватываемые составом ст. 354.1 УК РФ, основаны на фальсификации исторических фактов, искажении реальных исторических событий, что приводит к глобальному нарушению общественных интересов [5, с. 74].

Как отмечают П.В. Пошелов и Ю.С. Пестерева, криминализация реабилитации нацизма поможет в достижении социально полезных целей – защите исторической памяти, воспитании у молодого поколения уважения к ценности человеческой жизни, толерантности [13, с. 60].

Сходного мнения придерживается И.С. Макеева, выделяя в качестве оснований введения уголовной ответственности за реабилитацию нацизма 3 группы факторов:

1) важность для россиян исторической памяти, которая является сакральной, связующей нитью, объединяющей разные поколения между собой, подчеркивающей самобытность;

2) активизация деятельности пронацистских группировок внутри страны – рост числа людей, одобряющих и оправдывающих нацизм, напрямую повлиял на необходимость введения нормы, предусматривающей уголовную ответственность за реабилитацию нацизма;

3) политическая напряженность в мире, касающаяся пересмотра итогов Второй мировой войны и положений Нюрнбергского процесса [8, с. 146-147].

Размещение статьи о реабилитации нацизма в главе 34 УК РФ вызвало определенные споры в российских научных кругах. Отдельные исследователи с подобным подходом законодателя не согласны [12, с. 387-388].

Однако размещение статьи «Реабилитация нацизма» в главе УК РФ, объектом уголовно-правовой охраны которой являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность мирового сообщества, вполне обоснованно. При такой трактовке сохраняется связь реабилитации нацизма с системой преступлений против мира и безопасности человечества, криминализованных Международным военным трибуналом для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси.

Материалы Нюрнбергского процесса, а также принятые на современном этапе международного сотрудничества резолюции Организации Объединенных Наций, направленные на противодействие героизации нацизма, указывают на то, что национал-социализм как система идей, основанных на расовом превосходстве, должен рассматриваться исключительно через призму преступлений против мира и безопасности человечества [2].

Куда более дискуссионным является вопрос о непосредственном объекте реабилитации нацизма. Так, Е.В. Червонных непосредственным объектом преступления называет историческую память народа [16, с. 22-23], Э.Ю. Бадальянц – международный мир [1, с. 174-175], А.Ю. Иванов в качестве основного непосредственного объекта реабилитации нацизма выделяет интересы безопасности человечества [4, с. 9]. По мнению М.Г. Левандовской, непосредственным объектом анализируемого состава преступления являются общественные отношения, обеспечивающие достоверность исторических результатов Второй мировой войны [7, с. 158].

Наличие весьма большого количества мнений авторов относительно вопроса определения непосредственного объекта преступления во многом обусловлено достаточно широким разнообразием форм реабилитации нацизма.

Анализируя объективную сторону состава реабилитации нацизма, можно выделить шесть альтернативных форм такой реабилитации:

1) отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала;

2) одобрение преступлений, установленных указанным приговором;

3) распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны;

4) распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества;

5) осквернение символов воинской славы России;

6) оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.

Белорусский уголовный закон различает шесть форм реабилитации нацизма, только одна из которых соответствует УК РФ – одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала. При этом даже в криминализации данной формы есть весомое различие.

Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 354.1 УК РФ, несет вред как для конкретного человека, так и для общества и государства, что обуславливает социальную опасность деяния. В основе разграничения деяний, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ – положения, содержащиеся в приговоре Международного военного трибунала для суда и наказания главных преступников европейских стран оси, представляют собой итоговые решения Нюрнбергского военного трибунала, осудившего нацизм как преступную систему и идеологию.

Действующая норма статьи 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ предусматривает уголовную ответственность за отрицание фактов, установленных Международным военным трибуналом для суда и наказания главных военных преступников европейских стран, согласие с совершенными преступлениями данными лицами, а также распространение ложных сведений о деятельности СССР в годы 2-й мировой войны.

По мнению В.В. Ровнейко, между названием статьи и ее содержанием имеется расхождение, поскольку сложно признать корректным использование понятия «реабилитация» применительно к нацизму в контексте указанной статьи и с учетом тех форм, в которых, по мнению законодателя, она может выражаться. Как утверждает автор, данным формам в большей степени соответствовали бы такие категории, как «оправдание нацизма» и «пропаганда нацизма». Указанные понятия уже встречаются в УК РФ применительно к террористической деятельности, в связи с чем целесообразно было бы использовать подобные приемы юридической техники и законодательной конструкции применительно к нацизму [15, с. 884-885].

Аналогичного мнения придерживается А.В. Мараева, предлагая изменить наименование статьи 354.1 УК РФ на «Публичное оправдание нацизма». В качестве обоснования автор указывает, что уголовно-правовая охрана исторической правды в РФ является относительно новой тенденцией в развитии уголовного законодательства и требует особого внимания, так как в указанных нормах применяется терминология, допускающая двойственное толкование. В связи с этим ей предлагается на законодательном уровне закрепить понятия и определения таких терминов, как нацизм и фашизм, а также реабилитация нацизма, что позволит вникнуть в суть самой нормы и исключить двойственность понятий их толкования [9, с. 105].

В качестве субъекта преступления, предусмотренного ч.1 ст. 354.1 УК РФ, следует рассматривать вменяемое физическое лицо, достигшим возраста 16 лет, а также, по ч. 2 настоящей статьи – лицо, использующее свое должностное положение.

Что касается субъективной стороны, то под ней понимается «психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления, т.е. с выполнением его объективной стороны» [6, с. 138]. В содержание субъективной стороны включаются следующие элементы: вина, цель и мотив. При этом, вина является

ся обязательным признаком субъективной стороны, а цель и мотив необходимо рассматривать в качестве факультативного [11, с. 62-63].

В теории признается, что все деяния, предусмотренные в ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, должны быть совершены с виной в форме прямого умысла. Лицо должно осознавать публичный характер своих высказываний, их ложность (применительно к отрицанию фактов и распространению заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы войны), должно осознавать факт совершения преступлений нацистами в прошлом, а также публичный характер действия сопряженный с положительной оценкой данных преступлений (применительно к одобрению преступлений). Волевой момент проявляется в желании совершить какое-либо из вышеперечисленных действий, так как состав преступления является формальным.

Необходимо подробнее рассмотреть обоснованность признания единственной формой вины в данном составе преступления прямого умысла, а применительно ко второму признаку исследуемой нормы, важно установить, что все-таки понимается под заведомостью ложных сведений. Сразу же отметим, что диспозиция части 1 статьи 354.1 УК РФ не содержит указаний на цель или мотив преступления, поэтому они в данном случае находятся за рамками состава преступления.

Для того, чтобы понять, с какой формой вины может быть совершено исследуемое преступление, нужно обратиться к его объективной стороне. Как уже было отмечено, этот состав является формальным, в силу этого такое преступление может быть совершено только с прямым умыслом.

Теперь же рассмотрим каждый из признаков состава преступления, чтобы понять, каково наполнение прямого умысла каждого из этих признаков. Во-первых, отрицание установленных приговором Нюрнбергского трибунала фактов. Для признания такого действия преступным, необходимо чтобы лицо осознавало публичный характер своих действий по такому отрицанию (в силу того, что обязательным признаком объективной стороны является как раз публичность) и желало совершить эти действия по отрицанию фактов.

Мотив и цель, как мы уже указывали, с точки зрения закона, значения для квалификации не имеют. При этом, А.В. Чернявский полагает, что в субъективную сторону также необходимо включать осознание лицом ложности делаемых им публичных заявлений по отрицанию фактов [17, с. 112-114].

Вряд и это согласуется с тем, какую цель преследовал законодатель, внося статью 354.1 в Кодекс, поскольку лицо, отрицая такие факты, не воспринимает для себя свое отрицание как ложное, наоборот, оно уверено в том, что как раз установленные факты представляют собой ложную информацию. Именно так воспринимали свои действия заявители в Европейский суд по правам человека, по делам которых ЕСПЧ выносил решения, рассматривавшийся при анализе причин установления уголовной ответственности за реабилитацию нацизма.

Цели такого отрицания, в свою очередь, могут быть различными – от желания унижить человеческое достоинство конкретного лица до возбуждения ненависти к какой-либо социальной группе. Мотивы также могут быть разными – расовая, национальная или религиозная ненависть, или же даже хулиганский мотив, когда лицо тем самым стремится противопоставить себя обществу, выразить к нему презрительное отношение. Во-вторых, одобрение преступлений, установленных приговором Нюрнбергского трибунала. Для признания таких действий преступными необ-

ходимо также осознание лицом публичного характера своих действий и желание совершить такое одобрение. Лицо, помимо этого, должно также осознавать факт совершения таких преступлений в прошлом.

И, наконец, в-третьих, что касается распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, то лицо должно также осознавать публичный характер своих действий, осознавать заведомую ложность распространяемых им сведений и желать совершить такое распространение. При этом, под «заведомо ложными сведениями» понимается «...точное осознание виновным своих измышлений как надуманных, не соответствующих действительности» [8, с. 146].

Мы уже говорили, что вряд ли можно применять такие конструкции к истории, но, тем не менее, мы ведем речь об уже внесенной норме и остается, к сожалению, только согласиться с предложенным толкованием признака заведомости.

Конечно, это поможет хотя бы как-то разграничить преступные действия и непроступные и избежать необоснованной квалификации допустимых с точки зрения права действий по части 1 статьи 354.1 УК РФ.

Подводя итог работы, отметим, что действующая редакция нормы, на наш взгляд, в полной мере охватывает те противоправные деяния направленные на отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны.

Однако необходимость более эффективной уголовно-правовой защиты исторической памяти народа, интересов безопасности человечества, достоверности исторических результатов Второй мировой войны обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования как законодательной конструкции статьи 354.1 УК РФ, так и практики ее применения.

Так, К.В. Шевелева предлагает внести изменения в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», расширив перечень деяний экстремистской направленности, дополнив его формулировкой «реабилитация, публичное оправдание и пропаганда нацизма, фашизма». В результате этого преступные акты будут квалифицироваться по совокупности ст. 354.1 и 280 УК РФ либо ст. 282 УК РФ и других норм, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности. Эта мера позволит повысить эффективность противодействия экстремизму, создавать условия для снижения общественной агрессии и напряженности в социуме, защититься от ударов по традиционным российским духовно-нравственным ценностям, включая священную память народов Российской Федерации о событиях Великой Отечественной войны [18, с. 93].

На необходимость расширения временного периода охраняемой исторической памяти обращают внимание С.К. Редков и А.А. Бушева, отмечая, что нельзя ограничиваться только отдельным отрезком времени, тем более, что Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» от 10.02.1995 года № 32-ФЗ начинает отчет памятных дат от Ледового побоища 1242 года [14, с. 27].

С положительной стороны следует отметить изменения, внесенные в статью 354.1 УК РФ Федеральным законом от 05.04.2021 № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». В результате была су-

щественно усилена уголовная ответственность за совершение деяний, предусмотренных указанной статьей. В частности, существенно возрос размер штрафа, который может быть назначен в качестве наказания, а также при назначении лишения свободы стало обязательным дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Представляется, что ужесточение уголовной ответственности за реабилитацию нацизма осуществлено с учетом существующих реалий и может вызвать, на наш взгляд, определенный положительный эффект, а также будет способствовать правильно воспитанию у детей негативного отношения к нацистской идеологии, символике, принципам.

Список литературы:

1. Бадалянц, Э. Ю. Реабилитация нацизма: уголовно-правовая характеристика / Э. Ю. Бадалянц // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. – 2014. – № 8. – С. 173-178.
2. Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости: Резолюция ООН № 70/139 // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/139> (дата обращения: 10.09.2022).
3. Додонов, В. Н. Уголовно-правовая охрана исторической правды: зарубежный опыт и развитие российского законодательства / В. Н. Додонов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2014. – № 3. – С. 87-95.
4. Иванов, А. Ю. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Иванов. – Краснодар, 2018. – 28 с.
5. Кикнадзе, В. Г. История Второй мировой войны: противодействие попыткам ее фальсификации и искажения в ущерб международной безопасности / В. Г. Кикнадзе // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 4 (43). – С. 74-81.
6. Кумышева, М. К. Уголовная политика в сфере противодействия преступлениям, связанным с реабилитацией нацизма / М. К. Кумышева, Л. А. Геляхова // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13. – № 5. – С. 137-140.
7. Левандовская, М. Г. Реабилитация нацизма как преступление / М. Г. Левандовская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12 (52). – С. 155-162.
8. Макеева, И. С. Социальная обусловленность введения уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в России / И. С. Макеева // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1 (29). – С. 144-147.
9. Мараева, А. В. Вопросы толкования термина «реабилитация нацизма» применительно к ст. 354.1 УК РФ / А. В. Мараева // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 4. – С. 103-105.
10. Мараева, А. В. История становления законодательства об ответственности за реабилитацию нацизма в Российской Федерации / А. В. Мараева // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 6. – С. 141-144.
11. Мараева, А. В. Причины реабилитации нацизма в Российской Федерации / А. В. Мараева // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2020. – № 3. – С. 62-63.
12. Оганов, Г. К. Проблематика определения состава преступления реабилитации нацизма / Г. К. Оганов, В. С. Боровиков // Мировая наука. – 2020. – № 1 (34). – С. 387-392.
13. Пошелов, П. В. Предпосылки криминализации реабилитации нацизма в Российской Федерации / П. В. Пошелов, Ю. С. Пестерева // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 57-61.
14. Редков, С. К. Юридический анализ ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» / С. К. Редков, А. А. Бушева // На пути к гражданскому обществу. – 2020. – № 1 (37). – С. 25-27.
15. Ровнейко, В. В. Проблемы уголовно-правовой оценки реабилитации нацизма как преступления международного характера / В. В. Ровнейко // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2021. – Т. 31. – № 5. – С. 882-890.
16. Червонных, Е. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения / Е. В. Червонных // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 4. – С. 21-27.
17. Чернявский, А. В. Понятие реабилитации нацизма в уголовном законодательстве России / А. В. Чернявский // Научный электронный журнал Меридиан. – 2021. – № 3 (56). – С. 112-114.
18. Шевелева, К. В. Повышение эффективности применения норм об ответственности за реабилитацию нацизма / К. В. Шевелева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 2 (88). – С. 91-93.

Pikin I. V., Tarakanov I. A. To the question of criminal responsibility for the rehabilitation of Nazism // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 4. – P. 140-146.

The study is devoted to the criminal-legal characteristics of the corpus delicti aimed at the rehabilitation of Nazism. The main purpose of the study is to consider controversial issues of criminal responsibility for the rehabilitation of Nazism, problematic aspects in the characterization of elements of the corpus delicti provided for in Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. As a result of the study, the authors come to the conclusion that it is expedient and justified to tighten criminal liability for committing acts provided for in Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to eradicate the ideology and practice of exercising the superiority of one racial, national or ethnic group over another, aiming at the complete or partial physical destruction of the "oppositional" racial, national, ethnic or religious groups.

Keywords: rehabilitation of Nazism; criminal responsibility; crime; corpus delicti; historical memory; human security; World War II; Great Patriotic War; justification of Nazism; propaganda of Nazism.

Spisok literatury:

1. Badal'yanc, E. YU. Reabilitaciya nacizma: ugolovno-pravovaya harakteristika / E. YU. Badal'yanc // Vestnik Ryazanskogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 8. – S. 173-178.
2. Bor'ba s geroizaciej nacizma, neonacizmom i drugimi vidami praktiki, kotorye sposobstvuyut eskalacii sovremennyh form razizma, rasovoj diskriminacii, ksenofobii i svyazannoj s nimi neterpimosti: Rezolyuciya OON № 70/139 // Organizaciya Ob"edinennyh Nacij. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/139> (data obrashcheniya: 10.09.2022).
3. Dodonov, V. N. Ugolovno-pravovaya ohrana istoricheskoy pravdy: zarubezhnyj opyt i razvitie rossijskogo zakonodatel'stva / V. N. Dodonov // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2014. – № 3. – S. 87-95.
4. Ivanov, A. YU. Ugolovnaya otvetstvennost' za reabilitaciju nacizma: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A. YU. Ivanov. – Krasnodar, 2018. – 28 c.
5. Kiknadze, V. G. Istoriya Vtoroj mirovoj vojny: protivodejstvie popytкам ee fal'sifikacii i iskazheniya v usherb mezhdunarodnoj bezopasnosti / V. G. Kiknadze // Vestnik MGIMO Universiteta. – 2015. – № 4 (43). – S. 74-81.
6. Kumysheva, M. K. Ugolovnaya politika v sfere protivodejstviya prestupleniyam, svyazannym s reabilitaciej nacizma / M. K. Kumysheva, L. A. Gelyahova // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2020. – T. 13. – № 5. – S. 137-140.
7. Levandovskaya, M. G. Reabilitaciya nacizma kak prestuplenie / M. G. Levandovskaya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – 2018. – № 12 (52). – S. 155-162.
8. Makeeva, I. S. Social'naya obuslovlennost' vvedeniya ugolovnoj otvetstvennosti za reabilitaciju nacizma v Rossii / I. S. Makeeva // Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 1 (29). – S. 144-147.
9. Maraeva, A. V. Voprosy tolkovaniya termina «reabilitaciya nacizma» primenitel'no k st. 354.1 UK RF / A. V. Maraeva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 4. – S. 103-105.
10. Maraeva, A. V. Istoriya stanovleniya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za reabilitaciju nacizma v Rossijskoj Federacii / A. V. Maraeva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 6. – S. 141-144.
11. Maraeva, A. V. Prichiny reabilitacii nacizma v Rossijskoj Federacii / A. V. Maraeva // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki. – 2020. – № 3. – S. 62-63.
12. Oganov, G. K. Problematika opredeleniya sostava prestupleniya reabilitacii nacizma / G. K. Oganov, V. S. Borovikov // Mirovaya nauka. – 2020. – № 1 (34). – S. 387-392.
13. Poshelov, P. V. Predposylki kriminalizacii reabilitacii nacizma v Rossijskoj Federacii / P. V. Poshelov, YU. S. Pestereva // Sibirskoe juridicheskoe obozrenie. – 2020. – T. 17. – № 1. – S. 57-61.
14. Redkov, S. K. YUridicheskij analiz st. 354.1 UK RF «Reabilitaciya nacizma» / S. K. Redkov, A. A. Busheva // Na puti k grazhdanskomu obshchestvu. – 2020. – № 1 (37). – S. 25-27.
15. Rovnejko, V. V. Problemy ugolovno-pravovoj ocenki reabilitacii nacizma kak prestupleniya mezhdunarodnogo haraktera / V. V. Rovnejko // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. – 2021. – T. 31. – № 5. – S. 882-890.
16. CHervonnyh, E. V. Ugolovno-pravovaya harakteristika prestuplenij, predusmotrennyh st. 354.1 «Reabilitaciya nacizma» UK RF, i otdel'nye problemy ee pravoprimeneniya / E. V. CHervonnyh // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. – 2015. – № 4. – S. 21-27.
17. CHernyavskij, A. V. Ponyatie reabilitacii nacizma v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii / A. V. CHernyavskij // Nauchnyj elektronnyj zhurnal Meridian. – 2021. – № 3 (56). – S. 112-114.
18. SHEveleva, K. V. Povyshenie effektivnosti primeneniya norm ob otvetstvennosti za reabilitaciju nacizma / K. V. SHEveleva // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2022. – № 2 (88). – S. 91-93.

УДК 342.9

**ОБЖАЛОВАНИЕ АКТА ПРОВЕРКИ НАДЗОРНОГО ОРГАНА КАК
ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ
АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ**

Росенко М. И.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В статье рассматриваются проблемные вопросы правоприменительной практики в части соблюдения сроков рассмотрения и вынесения определения по делу об административном правонарушении в случае, когда имело место прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с обжалованием акта проверки, послужившего основанием для вынесения определения по делу об административном правонарушении предложены подходы к устранению существующей неопределенности законодательной нормы.

Ключевые слова: административное правонарушение, акт проверки, государственный контроль (надзор), обжалование, приостановление производства.

Административно-правовые отношения являются одними из наиболее динамично развивающихся, поскольку затрагивают практически все сферы жизни граждан. Механизм осуществления производства по делу об административном правонарушении и практика правоприменения в этой сфере демонстрируют ряд проблемных вопросов, которые существуют при реализации права граждан на обжалование действий органов государственной власти или их должностных лиц. Административные суды принимают разные решения, но нельзя сказать, что административно-процессуальная деятельность судей характеризуется непродуманностью или на их качество влияет увеличение количества рассмотренных дел. Содержание административно-деликтной практики, непоследовательность или несовершенство нормативного регулирования некоторых стадий в делах об административных правонарушениях, в ряде случаев правовая неопределенность существенно влияют на появление ошибок при применении судьями административных взысканий. В этих случаях высокий профессионализм судьи не является гарантией и поручительством качества работы органа административной юстиции. На актуальность данных проблем, их нерешенность указывается в исследованиях А.Н. Нобея, А.Н. Жеребцова, А.А. Максименко, О.В. Панкова и других специалистов – исследователей и практиков в сфере административного права и процесса [5; 6; 7; 8].

Содержательные и формальные аспекты процессуальной деятельности судьи суда общей юрисдикции по некоторым вопросам урегулированы недостаточно полно. Это касается возможности обжалования (опротестования) постановления судьи о передаче дела об административном правонарушении по подсудности (ст. 29 КоАП РФ). Кроме того, имеются нерешенные вопросы, касающиеся субъектов обжалования решений по делам об административных правонарушениях. К субъектам, имеющим право на обжалование, не отнесены государственные органы и должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях, которые подлежат рассмотрению другими органами, должностными лицами и судьями. Более того, они также не имеют отношения к участникам этого производ-

ства. Предполагается, что они могут опосредованно повлиять на пересмотр дела, в случае если прокурор в ответ на их обращение принесет протест.

Также существуют проблемные вопросы правоприменительной практики в части соблюдения сроков рассмотрения и вынесения определения по делу об административном правонарушении в случае, когда имело место прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с обжалованием акта проверки, послужившего основанием для вынесения определения по делу об административном правонарушении.

Акт проверки является результатом соответствующей контрольной меры органа, осуществляющего функции государственного контроля (надзора), муниципального контроля, является основным документом, удостоверяющим результаты проверки и служит основанием для вынесения определения по делу об административном правонарушении. Требования к его оформлению содержатся в Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». В соответствии с ч. 2 ст. 16 в Акт проверки должны быть внесены основные сведения о субъектах, объектах, предмете проверки и проверки [1].

Если в ходе процедуры проверки контролирующий орган устанавливает нарушения, образующие состав административного правонарушения, в отношении виновных лиц составляется протокол об административном правонарушении. Судьи, органы и должностные лица уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях в согласно с гл. 23 КОАП РФ [2], но в любом случае акт проверки контролирующего органа является основным доказательством по делу, поскольку является первичным документом, в котором фиксируются выявленные нарушения.

Однако, на практике часто встречаются случаи, когда лица, в отношении которых была проведена проверка, не согласны с ее результатами и осуществляют свое право на обжалование вынесенных в отношении них постановлений. В таких ситуациях одновременно возникают два юридических спора: об оспаривании предписания надзорного органа, которое, как правило, разрешается в арбитражном порядке, и о привлечении к административной ответственности, например, в суде общей юрисдикции. В связи с этим возникает вопрос о возможности использования результатов проверки контролирующего органа в качестве доказательств по делу при рассмотрении и принятии решения по делу об административном правонарушении до принятия окончательного решения в случае оспаривания указаний контролирующего органа и подтверждения правильности обоснованность результатов аудита.

К примеру, в Евпаторийском городском суде находилось на рассмотрении дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 20 ст. 19.5 КОАП РФ, возбужденное в отношении должностного лица по факту несоблюдения требований предписания Контрольно-счетной палаты городского округа Евпатория Республики Крым в установленный срок. При вынесении решения по делу судья не учел довод привлеченного к административной ответственности лица о том, что он не согласен с постановлением и обжаловал его в арбитражном суде, поскольку обращение в арбитражный суд с заявлением о признании постановления незаконным не приостанавливает его действие [4]. В исследуемом случае у судьи не было законных оснований для приостановления производства по делу об административном правона-

рушении до тех пор, пока арбитражный суд не рассмотрит дело об оспаривании постановления. Хотя, на наш взгляд, это было бы целесообразно. Во-первых, это снизило бы вероятность отмены в будущем решения по делу об административном правонарушении, вынесенного на основании незаконного и утратившего силу приказа административного органа. Во-вторых, с точки зрения экономии процессуальных издержек было бы эффективнее приостановить производство по делу, чем рассматривать другое дело о пересмотре решения по делу об административном правонарушении, в случае отмены постановления.

В то же время в приведенном примере вопрос о возможности привлечения лица за неисполнение приказа, законность которого еще не подтверждена в суде, возник в связи с тем, что лицо, которому был отдан приказ, предъявив жалобу на него, не подавал ходатайство о применении обеспечительной меры в виде приостановления действия настоящего постановления. В арбитражном процессе возможность принятия такой обеспечительной меры предусмотрена ст. 91 АПК РФ, однако инициатива должна исходить от заявителя, а не от суда [3]. При приостановлении действия предписания отсутствовал состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 20 ст. 19.5 КОАП РФ.

Иная ситуация складывается в случаях, когда сами нарушения, указанные в предписании, входят в состав административных правонарушений. Тогда приостановление действия предписания не влияет на возможность возбуждения дела об административном правонарушении за выявленные нарушения. Следствием этого является двойная судебная проверка того, действительно ли имели место выявленные нарушения: при рассмотрении дела о признании приказа незаконным – в рамках арбитражного процесса, при привлечении к административной ответственности – в суде общей юрисдикции (чаще всего). В то же время суды не имеют возможности приостановить производство до принятия решения по другому делу, где подлежат установлению аналогичные обстоятельства.

Исходя из вышеизложенного, законодательное признание обжалования акта проверки контролирующего органа в качестве основания для приостановления производства по делу об административном правонарушении может рассматриваться как организационно-правовое решение выявленной проблемы. В этом случае также было бы целесообразно предусмотреть условие о приостановлении срока давности привлечения к административной ответственности при прекращении производства по делу об административном правонарушении по указанному основанию.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ (ред. от 08.03.2022) [Электронный ресурс] КонсультантПлюс: справ.-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения : 08.08.2022).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ [Электронный ресурс] КонсультантПлюс: справ.-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения : 08.08.2022).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ [Электронный ресурс] КонсультантПлюс: справ.-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения : 08.08.2022).
4. Официальный сайт Евпаторийского городского суда Республики Крым, раздел судебное делопроизводство, информация по делу № 5-711/2021 (УИД 91RS0009-01-2021-001695-05). - https://evpatoriya-krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=72647942&case_uid=fe5363d6-fc6f-4b1c-a271-1d5147b6b0e7&delo_id=1500001

5. Жеребцов А.Н. Административно-процессуальные правонарушения, влекущие отмену или изменение управленческого решения по административному делу. Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства / Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: 13 октября 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / Под общ. ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. — СПб: ИД «Петрополис», 2018. — 548 с.
6. Максименко А.А. Актуальные проблемы при рассмотрении районными судами дел об административных правонарушениях // Наука и современность. 2017. №51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pri-rassmotrenii-rayonnymi-sudami-del-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah> (дата обращения: 14.09.2022).
7. Нобель Н.А. Проблемы, возникающие у судей судов общей юрисдикции при подготовке к рассмотрению дел об административных правонарушениях // *Актуальные проблемы российского права*. 2021;16(4):33-38. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.125.4.033-038>
8. Панкова О.В. Конвенция о защите прав человека и основных свобод в системе источников правового регулирования порядка осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях. Актуальные проблемы российского права. 2020;15(12):57-64.

Rosenko M. I. Appeal of the inspection report of the supervisory authority as grounds for suspension of proceedings in the case of an administrative offense // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 147-150.

The article deals with problematic issues of law enforcement practice in terms of compliance with the terms of consideration and issuance of a ruling in an administrative offense case in the case when there was a termination of proceedings in an administrative offense case in connection with the appeal of the inspection act that served as the basis for the issuance of a ruling in an administrative offense case, approaches to eliminating the existing uncertainty of the legislative norm are proposed.

Keywords: administrative offense, inspection report, state control (supervision), appeal, suspension of proceedings.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon «O zashchite prav yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya» ot 26 dekabrya 2008 goda № 294-FZ (red. ot 08.03.2022) [Elektronnyj resurs] Konsul'tantPlyus: sprav.-pravovaya sistema / Kompaniya «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya : 08.08.2022).
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30 dekabrya 2001 goda № 195-FZ [Elektronnyj resurs] Konsul'tantPlyus: sprav.-pravovaya sistema / Kompaniya «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya : 08.08.2022).
3. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24 iyulya 2002 goda № 95-FZ [Elektronnyj resurs] Konsul'tantPlyus: sprav.-pravovaya sistema / Kompaniya «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya : 08.08.2022).
4. Oficial'nyj sajt Evpatorijskogo gorodskogo suda Respubliki Krym, razdel sudebnoe deloproizvodstvo, informaciya po del № 5-711/2021 (UID 91RS0009-01-2021-001695-05). - https://evpatoriya-krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=72647942&case_uid=fe5363d6-fc6f-4b1c-a271-1d5147b6b0e7&delo_id=1500001
5. ZHerebcov A.N. Administrativno-processual'nye pravonarusheniya, vlekushchie otmenu ili izmenenie upravlencheskogo resheniya po administrativnomu delu. Aktual'nye problemy processual'nogo i pravovogo polozheniya sub"ektov grazhdanskogo, arbitrazhnogo i administrativnogo sudoproizvodstva / Sbornik statej po materialam V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: 13 oktyabrya 2017 g. // Severo-Zapadnyj filial FGBOUVO «Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya» / Pod obshch. red. L.V. Vojtovich, V.I. Kajnova. — SPb: ID «Petropolis», 2018. — 548 s.
6. Maksimenko A.A. Aktual'nye problemy pri rassmotrenii rajonnymi sudami del ob administrativnyh pravonarusheniyah // Nauka i sovremennost'. 2017. №51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pri-rassmotrenii-rayonnymi-sudami-del-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah> (data obrashcheniya: 14.09.2022).
7. Nobel' N.A. Problemy, vznikayushchie u sudej sudov obshchej yurisdikcii pri podgotovke k rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021;16(4):33-38. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.125.4.033-038>
8. Pankova O.V. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod v sisteme istochnikov pravovogo regulirovaniya poryadka osushchestvleniya pravosudiya po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020;15(12):57-64.

УДК 347.9

ИНСТИТУТ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Рябус О. А.

Ростовский филиал ФГБОУВО «РГУП»

В статье проводится теоретико-правовой анализ института доказывания в гражданском судопроизводстве. Автор рассматривает исследования видных российских ученых процессуалистов в области исследования института доказывания. В статье акцентируется внимание на том, что доказывание обладает чертами, которые характеризуют его какразновидность познания, и осуществляется на основании гражданского процессуального законодательства.

Автор соглашается с мнением ученых, о том, что основой судебного доказывания и активной роли суда в достижении истины, в процессе собирания исследования доказательств, заключается в том, что у суда имеется право ссылаться на факты, которые не были представлены сторонами.

В заключении автор приходит к выводу о том, что процедура исследования доказательств регламентирована Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. Оценка доказательств осуществляется на протяжении всего процесса доказывания и завершает этот процесс в момент окончательной оценки судом имеющихся и исследованных доказательств для вынесения решения по делу.

Ключевые слова: судебное доказывание, доказательства, арбитражный процесс, гражданский процесс, суд.

Институт доказывания в структуре отраслей процессуального права представляет собой «опосредованную форму судебного познания, детерминирующей деятельность органов правосудия и лиц, участвующих в процессе, по изучению фактических обстоятельств с целью эффективного, объективного и непосредственного рассмотрения и разрешения правового конфликта» [1, с. 29-34].

В гражданском судопроизводстве установление фактических обстоятельств дела, имеющих юридическое значение, происходит в процессе судебного доказывания, которое представляет собой многостороннюю и сложную деятельность суда и участвующих в деле лиц. Ни один гражданско-правовой спор не может быть разрешен без процедуры доказывания. Институт доказывания, возникший еще в римском праве и совершенствовавшийся на протяжении многих столетий, дошел до нас в достаточной степени разработанным.

Деятельность по доказыванию, является, несомненно, важной частью судебного процесса, некой основой, дающей возможность суду, осуществить применение норм материального и процессуального права к фактически установленным обстоятельствам, а также, на основе полученных сведений в процессе доказывания, осуществляемого сторонами, определить те обстоятельства, которые имеют важное юридическое значение для разрешения дела по существу.

Законодательством данное понятие не закреплено и поэтому это является исключительно прерогативой ученых, именно с учетом правил формальной логики. В своих работах данную концепцию развивали А.Ф. Клейнман, С.В. Курылев, М.А. Гурвич, В.Н. Щеглов и др. Так, С.В. Курылев отмечал, что «доказывание – не

познание, доказывание для познания, данное суждение наиболее точно выражает главную мысль сторонников указанной позиции» [2, с.156].

Также данные понятия разграничивает О.Л. Бегдан, «относя доказывание к деятельности сторон и иных заинтересованных лиц, целью которых является доказать свои требования и возражения, а судебное познание – к деятельности суда» [3, с.17-21].

М.А. Гурвич указывал, что «под доказыванием подразумевается деятельность, целью которой является убедить суд в достоверности рассматриваемых фактов» [4, с.65]. А.Ф. Клейнман «исключает из данного понятия исследование, проверку и оценку доказательств судом» [5, с.110].

Таким образом, данные авторы сводят судебное доказывание к убеждению суда в истинности утверждений сторон, и включает в процессуальную деятельность стороны по утверждению фактов, представления доказательств и участия в их исследовании, то есть, субъектами судебного доказывания являются только стороны, а суд играет пассивную роль в гражданском процессе, что представляется спорным вопросом.

Другие ученые-процессуалисты (М.К. Треушников, П.П. Гуреев, С.С. Алексеев, Ю.К. Осипов, В.М. Семенов и др.) [2; 6; 7] позиционируют деятельность суда с познавательной точки зрения. Иными словами, с этих позиций, доказывание есть процесс получения достоверного знания о рассматриваемых обстоятельствах дела, реализуемый в ходе деятельности суда и лиц, участвующих в деле, с использованием средств, предусмотренных законом.

Часть авторов понимает под «судебным доказыванием «деятельность субъектов процесса по установлению при помощи указанных законом процессуальных средств и способов объективной истинности наличия или отсутствия фактов, необходимых для разрешения спора между сторонами, то есть фактов основания требования и возражений сторон» [6, с. 95].

С.С. Алексеев отмечает, что «доказывание представляет собой исследовательскую деятельность, образующую само содержание опосредованного юридического познания» [7, с. 25].

П.П. Гуреев определяет «доказывание как способ познания обстоятельств, подтверждающих требования и возражения сторон, и иных обстоятельств, имеющих значение для дела» [8, с. 113].

По мнению М.К. Треушникова, «судебное доказывание есть логико-практическая деятельность суда, представителей, а также лиц, участвующих в деле, направленная на выяснение действительных, фактических обстоятельств рассматриваемого дела» [9, с. 430].

Как видно, названные выше авторы «определяют основой судебного доказывания активную роль суда в достижении истины, в процессе собирания и исследования доказательств, право суда ссылаться на факты, которые не были представлены сторонами, но только при этом суд не должен выходить за рамки предъявленного иска и возражений против него, а также обязанность суда принимать меры, предусмотренные законом для всестороннего, объективного, истинного выяснения обстоятельств рассматриваемого дела» [10, с. 166].

Некоторые ученые, «определяют процесс доказывания, как процессуальную деятельность только сторон, основанную на совокупности соответствующих

процессуальных прав и состоящую в утверждениях о фактических обстоятельствах дела, представлении доказательств, опровержении доказательств противника, заявлении ходатайств об истребовании доказательств, участие в исследовании доказательств, дачи объяснений по поводу исследованных доказательств» [5, с. 29-34].

И.И. Баширов определяет «судебное доказывание представляет собой путь от вероятных суждений к истинному знанию, которое обеспечивает вынесение судом законных и обоснованных решений» [11, с. 29-34].

Полагаем, что «судебное доказывание, как способ познания, находит свое применение в чувственно-практической деятельности суда и участвующих лиц по установлению фактических обстоятельств дела, при наличии или отсутствии которых закон определяет возникновение, изменение и прекращение гражданско-процессуальных, а также материально-правовых отношений» [12, с. 29-34].

Процедура осуществления доказывания заключается в установлении фактических обстоятельств дела при помощи судебных доказательств. В ходе получения сведений о фактах, суд определяет наличие или отсутствие обстоятельств дела, имеющих значение для осуществления правосудия.

Процесс доказывания, как и любая процессуальная деятельность состоит из строго определенных действий, закрепленных в гражданском процессуальном кодексе. Для инициации «процесса доказывания и предоставления их сторонами суд должен установить предмет доказывания по рассматриваемому спору» [13, с. 14-19].

В ходе судебного доказывания всем участникам гражданских процессуальных правоотношений законом отведена различная роль. Например, лица, которые участвуют в деле, могут приводить факты и доводы, показывающие их правовую позицию по данному делу, которая в зависимости от различных обстоятельств может меняться в ходе процессуального рассмотрения дела. Умозаключения относительно своей позиции эти лица выдвигают на основе судебных доказательств и тем самым либо продолжают участвовать в рассмотрении дела, либо отзывают иск, пытаясь заключить мировое соглашение.

На основании ст. 59 ГПК РФ [14], суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела. Суд должен проанализировать приведенные факты и доводы сторон и предложить сторонам представить дополнительные доказательства и посодействовать их собиранию. В ходе рассмотрения дела суд выносит свое решение по данному делу, сделав определенное умозаключение.

В процессе доказывания судом и участвующими в деле лицами должны быть обоснованы обстоятельства, которые подлежали установлению с помощью доказательств, в результате чего формируется новое знание, которое обладает определенным значением при рассмотрении дела. Круг участников процесса доказывания, состоящий из: свидетелей, экспертов, специалистов, обязывает их оказывать помощь в осуществлении правосудия и не вводит в их обязанности доказывать какие-либо обстоятельства по делу.

Доказывание обладает чертами, которые характеризуют его как разновидность познания, и осуществляется на основании гражданского процессуального законодательства. Важный аспект доказывания заключается в том, что оно

осуществляется в процессуальной форме, которая характерна для всего гражданского судопроизводства.

От качества судебного доказывания зависит обоснованность и законность вынесенных решений, которые содержат окончательный вывод об истинных взаимоотношениях сторон, их правах и обязанностях. При самом широком взгляде, «процессуальное (судебное) доказывание – урегулированный нормами гражданского процессуального права путь от вероятных суждений к подлинному знанию, способствующий вынести законное и обоснованное судебное решение, независимо от запутанности и сложности рассматриваемого дела» [6, с. 29-34].

Таким образом, исследуя судебное доказывание как познавательную деятельность, возникает необходимость изучать его содержание и структуру, иными словами, все составляющие элементы доказательственной деятельности судопроизводства.

ГПК РФ закрепил основания для освобождения сторон от доказывания в гражданском судопроизводстве в статье 61 и 68 ГПК РФ [14].

Следует отметить, что данное основание является «универсальным» и включено в положения АПК РФ [15] и КАС РФ [16]. Однако данное основание играет неоднозначную роль в гражданском процессе, это обусловлено тем, что законодатель исчерпывающим образом не раскрыл правовую конструкцию термина «общеизвестные факты», что на практике вызывает массу вопросов у правоприменителя. Вопрос об «общеизвестных фактах» рассматривали многие ученые-процессуалисты в своих трудах, так К.С. Юдельсон под «общеизвестными фактами» понимал «имеющий широкую известность факт, от доказывания которого суд по признаку общеизвестности освобождает» [17, с. 439].

В теории гражданского процесса сложилось мнение по поводу трех неразрывно связанных между собой признаков общеизвестного факта.

М.Г. Иванов выделил «признаки, по которым факт может быть признан общеизвестным: известность факта не только тому или иному кругу лиц, а известность всему миру, либо жителям данной территориальной единицы в государстве; легкость доказывания общеизвестного факта, в силу чего оно и не требует непосредственности общеизвестности – самый факт, а не заявление, оглашение факта должно быть общеизвестным» [18, с. 88-81].

В структуре осуществляемого гражданского судопроизводства выделяют следующие стадии с точки зрения института доказывания. Так, «на первой стадии происходит указание лиц, участвующих в гражданском процессе, на доказательства, что предполагает фиксацию в исковом заявлении сведения о том, что право субъекта гражданских отношений было нарушено или оспорено» [19, с. 84-85]. Несмотря на то, что «законодатель не требует реального предоставления доказательства при подаче заявления в суд, тем не менее, при вынесении определения о принятии искового заявления и возбуждении гражданского судопроизводства уполномоченным специалистом органов правосудия необходимо убедиться, что законный интерес, права и (или) свободы истца на самом деле нарушены, что невозможно без непосредственного представления доказательств» [20, с. 78-87].

В рамках второго этапа осуществляется представление и раскрытие доказательств. На этой стадии «доказывания субъекты, участвующие в

рассмотрении и разрешении дела, предоставляют в суд соответствующие сведения, подтверждающие требования (возражения) конкретной стороны» [21, с. 486-490]. В соответствии с действующей ст. 195 ГПК РФ «суд выносит решение только на основе тех доказательств, которые были рассмотрены им в рамках судебного заседания» [14]. Делается это для того, чтобы решение было законным и обоснованным (п. 1 ст. 195 ГПК РФ) [14]. В связи с этим, суд, компетентный для вынесения решения на основании имеющихся в деле доказательств, тем не менее, может вынести решение об отказе в исковых требованиях или удовлетворении исковых требований не в полном объеме, что побуждает стороны гражданского судопроизводства заботиться о полном и своевременном представлении доказательств в суд.

Третий этап – «собрание и истребование доказательств, – подразумевает, что сбором и представлением доказательств занимаются лица, участвующие в деле» [22, с. 508-511]. Однако в случае невозможности реализации данного процессуального действия или затруднительности получения каких-либо доказательств органы правосудия вправе на основании соответствующего ходатайства оказать содействие в истребовании доказательств в порядке, предусмотренном законодательством РФ.

На четвертом этапе «фиксируются и исследуются имеющиеся доказательства, итоги которых конспектируются в протоколе судебного заседания» [23, с. 21-24]. Извлечение необходимых для разрешения судебного конфликта сведений происходит одним из способов, предусмотренных законодателем в п. 1 ст. 55 ГПК РФ [14], и упомянутых выше. Также процессуальным законодательством РФ допускается осмотр и исследование письменных или вещественных доказательств в месте их нахождения в случае, если стороны не имеют возможности доставить доказательства в суд в установленной форме и содержании. При этом в данном случае к процессу исследования доказательств могут быть привлечены такие участники судопроизводства как эксперты, специалисты, свидетели. Осмотр и исследование доказательств «осуществляется соответствующими участниками на основе предварительного извещения истца или ответчика, а их отсутствие не является препятствием для проведения осмотра и исследования доказательств» (ст. 58 ГПК РФ) [14].

Наконец, завершающим этапом является оценка доказательств, которая осуществляется судом, по внутреннему убеждению, в рамках таких действующих принципов, как: объективность; полнота представленной информации; всесторонность исследования имеющихся сведений; непосредственность анализа материалов представленных доказательств (п. 1 ст. 67 ГПК РФ) [14].

Процедура исследования доказательств регламентирована Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. Оценка доказательств осуществляется на протяжении всего процесса доказывания и завершает этот процесс в момент окончательной оценки судом имеющихся и исследованных доказательств для вынесения решения по делу.

Список литературы:

1. Могилевский Г.А., Щегловский В.А., Бондаренко В.В. Доказывание в гражданском судопроизводстве как процессуальная процедура и пределы ее применения // Юридический факт. - 2018. - № 36. - С. 29-34.
2. Курылёв, С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. - С. 156.

3. Бегдан О.Л. О некоторых аспектах раскрытия доказательств в современном гражданском процессе // Приднепровский научный вестник. - 2017. - Т. 12. - № 2. - С. 17-21.
4. Гурвич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. - М., 1965. - С. 65.
5. Клейнман, А. Ф. Новейшие течения в советской науке процессуального права. / А.Ф. Клейнман – М.: Изд-во Моск. ун – та, 2017. – 119 с.
6. Гражданский процесс / под ред. В.В. Яркова. М.: Волтерс Клувер, 2014. - С. 95.
7. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2-х т. Свердловск: СЮИ, 1973. Т. 2. 3.
8. Российское гражданское право : Учеб. пособие / З.Г. Крылова, Э.П. Гаврилов, В.И. Гуреев и др.; Под ред. З.Г.Крыловой, Э.П. Гаврилова. - М.: ЮрИнфоР, 2019. - С. 113.
9. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – М.: Городец, 2014. – 432 с
10. Жалинский А.Э. Профессиональная деятельность юриста. - М.: БЕК, 2018. - С. 166.
11. Баширов И.И. Процесс доказывания на различных стадиях гражданского судопроизводства: некоторые проблемы правоприменения // Вестник науки. 2019. - Т. 3. - № 5 (14). - С. 279-282.
12. Власов А.А. Адвокат в гражданском процессе. - М.: Юрлитинформ, 2018. - С. 145.
13. Яковлева Е.А. Доказывание в гражданском процессе // E-Scio. - 2018. - № 4 (19). - С. 14-19.
14. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2022)// Российская газета. № 220.20.11.2002.
15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Российская газета. 2002. N 137.
16. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 08.03.2015 N 21-ФЗ(ред. от 11.06.2022) // Российская газета. 2015. № 49.
17. Советский гражданский процесс. Учебник / Юдельсон К.С. - М.: Госюриздат, 1956. - 439 с.
18. Иванов М.Г. Теоретико-прикладные аспекты организации предупреждения служебно-экономических правонарушений и обеспечения экономической безопасности в сфере кооперативного сектора экономики // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. - 2016. - №2. - С. 88-91
19. Давитавян Д. Проблемы процессуальной активности суда при доказывании по гражданским делам // Правовое регулирование общественных отношений на земле и в космическом пространстве Материалы международной научно-практической молодежной конференции. - 2018. - С. 84-85.
20. Нахова Е.А. К вопросу о процессуальных полномочиях суда при определении предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Цивилистика: право и процесс. - 2019. - № 4 (8). - С. 78-87.
21. Кузнецова К.Е., Лакиза Е.В. Доказывание в гражданском процессе // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. под общей редакцией А.И. Вострцова. Нефтекамск, 2020. - С. 486-490
22. Эткинд П.С. Субъекты доказывания в гражданском процессе // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. 2018. - С. 508-511.
23. Эткинд П.С. Субъекты доказывания в гражданском процессе // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского судопроизводства. – 2018. – №1. – С. 21-24.

Ryabus O. A. Institute of evidence in civil litigation: theoretical and legal analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 151-157.

The article provides a theoretical and legal analysis of the institution of proof in civil proceedings. The author considers the studies of prominent Russian scientists of processualists in the field of research of the institute of proof. The article focuses on the fact that proof has features that characterize it as a kind of knowledge, and is carried out on the basis of civil procedural legislation.

The author agrees with the opinion of scientists that the basis of judicial evidence and the active role of the court in achieving the truth, in the process of collecting and examining evidence, is that the court has the right to refer to facts that were not presented by the parties.

In conclusion, the author comes to the conclusion that the procedure for examining evidence is regulated by the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The assessment of evidence is carried out throughout the entire process of proof and completes this process at the time of the final assessment by the court of the available and examined evidence for making a decision on the case.

Keywords: judicial proof, evidence, arbitration process, civil process, court.

Spisok literaturey:

1. Mogilevskiy G.A., Shcheglovskiy V.A., Bondarenko V.V. Dokazyvaniye v grazhdanskom sudoproizvodstve kak protsessual'naya protsedura i predely yeye primeneniya // Yuridicheskiy fakt. - 2018. - № 36. - S. 29-34.
2. Kuryl'ev, S. V. Osnovy teorii dokazyvaniya v sovet-skoy pravosudii. Minsk, 1969. - S. 156.
3. Begdan O.L. O nekotorykh aspektakh raskrytiya dokazatel'stv v sovremennom grazhdanskom protsesse // Pridneprovskiy nauchnyy vestnik. - 2017. - T. 12. - № 2. - S. 17-21.
4. Gurchich M. A. Grazhdanskiye protsessual'nyye pravootnosheniya i protsessual'nyye deystviya // Trudy VYUZI. Voprosy grazhdanskogo protsessual'nogo, grazhdanskogo i trudovogo prava. - M., 1965. - S. 65.
5. Kleynman, A. F. Noveyshiye tcheniya v sovet'skoy nauke protsessual'nogo prava. / A.F. Kleynman – M.: Izd-vo Mosk. un – ta, 2017. – 119 s.
6. Grazhdanskiy protsess / pod red. V.V. Yarkova. M.: Volters Kluver, 2014. - S. 95.
7. Alekseyev S. S. Problemy teorii prava: kurs lektsiy: v 2-kh t. Sverdlovsk: SYUI, 1973. T. 2. 3.
8. Rossiyskoye grazhdanskoye pravo : Ucheb. posobiye / Z.G. Krylova, E.P. Gavrilov, V.I. Gureyev i dr.; Pod red. Z.G. Krylovoy, E.P. Gavrilova. - M.: YurInfoR, 2019. - S. 113.
9. Treushnikov, M.K. Sudebnyye dokazatel'stva / M.K. Treushnikov. – M.: Gorodets, 2014. – 432 s
10. Zhalinskiy A.E. Professional'naya deyatel'nost' yurista. - M.: BEK, 2018. - S. 166.
11. Bashirov I.I. Protsess dokazyvaniya na razlichnykh stadiyakh grazhdanskogo sudoproizvodstva: nekotoryye problemy pravoprimeniya // Vestnik nauki. 2019. - T. 3. - № 5 (14). - S. 279-282.
12. Vlasov A.A. Advokat v grazhdanskom protsesse. - M.: Yurlitinform, 2018. - S. 145.
13. Yakovleva Ye.A. Dokazyvaniye v grazhdanskom protsesse // E-Scio. - 2018. - № 4 (19). - S. 14-19.
14. "Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 11.06.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 22.06.2022).// Rossiyskaya gazeta. № 220.20.11.2002.
15. Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 24.07.2002 N 95-FZ (red. ot 11.06.2022) // Rossiyskaya gazeta. 2002. N 137.
16. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 08.03.2015 N 21-FZ (red. ot 11.06.2022) // Rossiyskaya gazeta. 2015. № 49.
17. Sovetskiy grazhdanskiy protsess. Uchebnik / Yudel'son K.S. - M.: Gosyurizdat, 1956. - 439 s.
18. Ivanov M.G. Teoretiko-prikladnyye aspekty organizatsii preduprezhdeniya sluzhebno-ekonomicheskikh pravonarusheniy i obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti v sfere kooperativnogo sektora ekonomiki // Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki. - 2016. - №2. - S. 88-91.
19. Davitavyan D. Problemy protsessual'noy aktivnosti suda pri dokazyvanii po grazhdanskim delam // Pravovoye regulirovaniye obshchestvennykh otnosheniy na zemle i v kosmicheskom prostranstve Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy molodezhnoy konferentsii. - 2018. - S. 84-85.
19. Davitavyan D. Problemy protsessual'noy aktivnosti suda pri dokazyvanii po grazhdanskim delam // Pravovoye regulirovaniye obshchestvennykh otnosheniy na zemle i v kosmicheskom prostranstve Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy molodezhnoy konferentsii. - 2018. - S. 84-85.
20. Nakhova Ye.A. K voprosu o protsessual'nykh polnomochiyakh suda pri opredelenii predmeta dokazyvaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve // Tsivilistika: pravo i protsess. - 2019. - № 4 (8). - S. 78-87.
21. Kuznetsova K.Ye., Lakiza Ye.V. Dokazyvaniye v grazhdanskom protsesse // Nauka, obrazovaniye, innovatsii: aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy Materialy Mezhdunarodnoy (zaочноy) nauchno-prakticheskoy konferentsii. pod obshchey redaktsiyey A.I. Vostretsova. Neftekamsk, 2020. - S. 486-490.
22. Etkind P.S. Sub'yekty dokazyvaniya v grazhdanskom protsesse // Aktual'nyye problemy protsessual'nogo i pravovogo polozheniya sub'yektov grazhdanskogo, arbitrazhnogo i administrativnogo sudoproizvodstva Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pod obshchey redaktsiyey L.V. Voytovich, V.I. Kaynova. 2018. - S. 508-511.
23. Etkind P.S. Sub'yekty dokazyvaniya v grazhdanskom protsesse.// Aktual'nyye problemy protsessual'nogo i pravovogo polozheniya sub'yektov grazhdanskogo sudoproizvodstva. – 2018. – №1. – S. 21-24.

УДК 343.9

ЦИФРОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Семёнова И. В.

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации*

В современном обществе нарастают обороты по цифровизации данных. Банковская сфера по многим направлениям перешла на информацию, имеющую цифровую форму, бизнес, деятельность в социальной сфере так же осваивает цифровой формат взаимодействия. Складываются цифровые правоотношения, соответственно не могло не привлечь внимание преступного сообщества. Однако в данной сфере необходимы особые знания в IT- сфере, программировании, в связи с этим не любая информация может стать предметом такого рода преступления. Информация должна обладать особыми свойствами и находиться не просто в какой-то квартире или помещении, а в особом специализированном месте, в которое невозможно попасть, применяя толь лишь силовые методы, при этом необходимо обладать специализированной техникой, навыками и умениями.

В статье предпринята попытка обосновать необходимость группы преступлений, именуемых «компьютерные преступления» перевести в разряд преступлений совершенных в сфере «цифровой информации», поскольку такое понимание считаем довольно узким, требующим изменения по групповому признаку и заменить термин.

Ключевые слова: цифровизация, переступления, национальные интересы, информационная сфера, предмет преступления, компьютерная информация, потребитель информации, источник информации, передача цифровой информации.

Рост геополитической нестабильности и конфликтности, усиление межгосударственных противоречий, ухудшение эпидемиологической ситуации в мире способствуют повышенному вниманию вопросам безопасности со стороны руководства государств. Рассматриваются вопросы, посвященные формированию безопасного информационного пространства, защиты российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия. При этом одним из приоритетных направлений формирования национальных интересов должна стоять информационная и экономическая безопасность [1]. В Стратегии национальной безопасности РФ отмечается, что для поддержания национальных интересов необходимо обеспечить защиту от противоправных посягательств на самих граждан, так и на их собственность. На проведенной 12 ноября 2021 г. конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», посвященной информационным технологиям Президент РФ В.В. Путин упомянул, что развитие цифровых технологий, должны работать на достижение национальных целей. Им был сделан акцент на то, чтобы развитие цифровизации основывалось на принципах деперсонификации и массивного доступа разработчикам искусственного интеллекта из России, научным организациям и бизнесу к обезличенным данным. Необходимо отметить, что Президент РФ, говоря о персональных данных граждан отметил, что особое решение следует принять в отношении информации, имеющей критическое значение для безопасности граждан. При этом, уточняя выше сказанное, акцентировал внимание слушателей на том, что «такая предельно личная информация должна храниться в единой государственной системе биометрической идентификации, то есть государство должно взять на себя

ответственность за ее хранение и при этом обеспечить свободный доступ к ней банкам, другим организациям, но в полностью зашифрованном виде, исключающем любое внешнее вмешательство, открытый доступ к персональным данным». При этом важно обеспечить не только кибербезопасность человека, но и его виртуально-го двойника – аватара, который будет внутри формирующихся метавселенных. Их разработчики обещают, что человек с помощью таких виртуальных миров сможет преодолевать пространства, не выходя из дома, - отметил Путин В.В. [2].

В век информационных технологий, компьютеризации и цифровизации вопросы безопасности в этой сфере являются актуальными. Так по итогам первого полугодия 2021 года, был зафиксирован рост числа тяжких и особо тяжких преступлений. По официальным данным МВД РФ, совершение преступлений было сопряжено с применением информационно-телекоммуникативных технологий. Отмечен также рост преступлений в IT-сфере, что составило 20,3%, от общего числа преступлений. При этом следует отметить, что в предыдущем 2020 г., число таких преступлений составляло 22,3% от общего числа совершенных преступлений за первое полугодие, при этом в 2021 г. за аналогичный период времени увеличился до 26,5% (от общего числа преступлений). Согласно той же статистике численность преступлений, которые совершены при помощи сети интернет, увеличилась до 42 %, при этом преступления с использованием компьютерной техники составляет из этого числа – 35,7 %, по итогам семи месяцев 2021 г. этот показатель составил 15,7%.

Защита интересов, прав и свобод человека от внешних и внутренних угроз, совершаемых в информационной сфере, является одно из приоритетных направлений деятельности государства. Для этого в Стратегии национальной безопасности определено, что органы государственной власти должны заботиться о развитии информационного пространства, которое будет безопасным для граждан, путем реализации мер, которые направлены на укрепление влияния государства, являющегося гарантом безопасности. Продолжают оставаться активными террористические организации, чья деятельность связана с работой по пропаганде вербовки граждан России для создания своих организаций для осуществления противоправных действий против суверенитета России, в том числе с помощью применения интернет-корпораций [3].

В связи с этим повышается интерес в научных кругах к методам предотвращения, не допущения и раскрытию такого рода преступлений.

Законом закреплено, что под «информационной сферой» понимается «совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" (далее – сеть "Интернет"), сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений» [4]. Представляется, что данное понимание является наиболее полным, поскольку является бланкетным, более точным и лаконичным, сформулированным и признанным на законодательном уровне. Отталкиваясь от такой трактовки, представляется возможным рассмотреть преступления в данной сфере более детально и уделить внимание объединенных в группу преступлений, совершенные в сфере компьютерной информации.

В юридической науке отмечается несколько походов в определении группового признака, по которому происходит объединение преступлений. Так одни авторы в качестве такового выделяют предмет преступления – информацию, указывая на то, что все преступления, которые можно объединить по этому признаку следует называть преступления в «информационной сфере» [5]. Другая же группа ученых придерживается классического понимания, исходя из средства совершения называя данную группу преступлений «в сфере компьютерных преступлений» [6]. Третья группа исследователей называет «преступления в сфере компьютерной информации» [7], такую интерпретацию поддерживает и законодатель, закрепив ее в названии гл. 28 УК РФ. Однако, однозначно утверждать какая трактовка верна достаточно сложно. От полноты и качественного анализа теоретической составляющей, научной обоснованности, в конечном счете, зависит точность выстроенной методики расследования преступления.

Рассматривая такого вида преступления, информация выступает отличительным элементом, по отношению с другими видами преступлений.

При этом следует отметить, что преступления могут быть совершены как с помощью информационной сферы, а также сама информация может выступать объектом и предметом посягательства. Кроме того, понятие «информационная сфера», является более значимой в юридическом понимании категорией, в отличие от отдельно взятых направлений ИТ сферы, сферы применения системы «Интернет», «компьютерная преступность» [8]. Каждая из категорий входящая в институт «информационной сферы» обладает своей правовой информацией, состоящей из правовых актов и связанных с ними комментариями, справочного, научного материала, охватывающего все направления. Наряду с этим, каждый элемент обладает индивидуально – правовым характером, способствующим формированию, трансформации и окончанию действия правоотношений, возникших в результате реализации указанных элементов. Незаконное применение, использование данных объектов преследуется уголовным законодательством.

Говоря о понятийном аппарате и формировании единой терминологии, следует отметить, что в данной сфере еще оно не сформировано окончательно. В связи с этим в научных трудах дается разностороннее толкование преступлений, совершаемых в информационной сфере. Каждый автор, рассматривая институт информационной безопасности, предлагает свое видение данной сферы, пытаясь дать объяснение путем определения его смысла [9]. Через толкования выделяется определение, которое раскрывает и разъясняет содержание и смысл каждого составляющего элемента, входящего в состав рассматриваемой категории.

В контексте нашего исследования интересует понимание «компьютерной информации». Насколько актуальна терминология, исходя из характеристики группового объекта – информации.

При толковании и формулировании определения каждой из составляющей единицы следует помнить о согласованности практической реализации данного элемента научного и теоретического познания. Создание единого понимания, единой концепции в понимании преступлений совершенных в информационной сфере, создание единой теоретической базы будет способствовать совершенствованию методологических особенностей при расследовании данной категории преступлений. «Информационная сфера» данная формулировка считаем наиболее приемлемая,

позволяющая применять ее в различных ситуациях, поскольку она обладает многофункциональным характером, однако она не учитывает специфику информации, не указывает на ее определяющие признаки, которая состоит в том, что вся информация является цифровой. Уголовный кодекс РФ в отдельную группу преступлений выделяет «преступления в сфере компьютерной информации» – гл 28. Данная глава объединяет в себе преступления, связанные с неправомерным доступом, а наравне с этим любые действия направленные на его реализацию и оказание различного рода воздействия. Представляется, что если бы информация, которая не является цифровой, то интерес преступного сообщества был бы иной, тем самым отнести такого рода преступления невозможно к данной группе, поскольку специфика проведения расследования по таким преступлениям в корне меняется. В связи с вышесказанным представляется необходимым рассмотреть теоретическую составляющую элементов, входящих в состав «цифровой информационной сферы». Одним из звеньев данной сферы является информация, которая относится к цифровой.

Основной понятийный аппарат сформулирован и закреплен на законодательном уровне в ст. 1 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и является отправной точкой для понимания данной сферы деятельности и тех процессов и правоотношений, которые происходят из нее.

Как ранее уже отмечалось, информация представляет собой определенные сведения, которые могут быть объектом публичных, гражданских правоотношений. Информация может свободно передаваться от одного субъекта к другому, при отсутствии ограничений, устанавливаемых федеральным законодательством. Информация является обобщенным понятием для любых данных, не зависимо от того относится ли она к субъекту (обладатель информации, оператор информационной системы) или объекту (доменное имя, сетевой адрес) или же к коммуникативным способам взаимодействия (информационно-телекоммуникационная сеть, информационные технологии). Буквенный текст, звуки, числа, графическое изображение, видео является формой сведений и данных, которые являются производными информации [10].

Законодателем закреплено толкование и понятие элементов, входящих в состав «информационной сферы». Не смотря на это, следует обратиться к тематическим исследованиям информационной среды, способам ее применения.

Следует отметить, что закрепленные в федеральном законодательстве понятия и их толкования являются постулатами. Однако они имеют свойство трансформироваться, корректироваться со временем в зависимости создания чего-то нового, продвинутого на информационном поле. В связи с этим, необходимо рассмотреть толкования отдельных терминов, закрепленных в федеральном законодательстве.

Для понимания природы преступлений в данной сфере, необходимо уяснить, что эта за категория. Говоря об «информации» как предмете изучения, с точки зрения философии, следует рассматривать ее через три составляющие. Это источник информации, ее потребитель и передающей среды [11]. В контексте криминалистического исследования нас интересует прагматический аспект изучения. При изучении специализированных источников: нормативных - правовых, научных отметим, что под «информацией» в ст. 2 ФЗ № 149-ФЗ [12] понимается любые сведения, которые могут быть предоставлены в различных формах. Информация, приобретая матери-

альную форму, наделяется признаками вещей. Согласно ГК РФ вещи могут свободно отчуждаться от одного субъекта к другому любым дозволенным законом способом [13].

При рассмотрении источника цифровой информации хотелось бы отметить, что данную составляющую невозможно рассмотреть в одной плоскости. Если говорить о том, от куда информация поступает или где хранится (сохраняется пользователем), то для этого существуют три места. В научных кругах эти объекты относят к «электронным носителям информации» [14]. К первому месту хранения отнесем объекты, на которых установлено программное обеспечение. С развитием технологий, средств коммуникаций, цифровизации общества к местам хранения относятся не только персональные компьютеры, но и ноутбуки, планшеты, гаджеты, телевизоры (типа смаррт-ТВ), мобильные устройства (смартфоны), «а также «умные» холодильники, бортовые компьютеры автомашин» [15] и думается, что со временем данный список будет только расширяться. Второй гигантской группой сбора цифровой информации из разных источников является хранилища данных, так называемые банки-данных, которые представлены несколькими типами: - корпоративный; - оперативный; -Data Mart.

Такие типы банков данных могут существовать как самостоятельно, так и образовывать гибридные хранилища, в зависимости от значимости и востребованности информации, а также по различным другим комбинациям.

При рассмотрении института «информации», отталкиваясь ее потребителя (подразумевая, что он может сам создавать информацию в цифровом виде, а так и осуществлять поиск или иметь доступ к ней), можно отметить, что согласно действующему законодательству к «информации» относятся: сведения о личности (персональные данные), о частной жизни субъекта (факты, события, места пребывания, виде деятельности), сведения о юридическом лице, его деятельности, финансовой отчетности, стратегически важных объектах, численности личного состава и т.д. Такого рода информацию можно поделить на две крупные группы: общедоступная и ограниченного доступа [16]. В нынешних нестабильных экономических и политических условиях ключевое место среди лиц, в отношении которых могут совершаться противозаконные действия, будут занимать те потребители информации, которые задействованы или имеют какое-либо отношение к государственному и экономическому сектору. Это могут быть сферы предоставления услуг на уровне государства или муниципального образования; деятельность, связанная с заключением и реализацией государственных контрактов; электронного документа оборота, биометрические персональные данные, а также к системе идентификации и аутентификации личности.

Связующим звеном между потребителем информации и ее источником является передающая среда. Наиболее востребованной передачей цифровой информации в современном мире являются волоконно-оптическая линия связи. Чтобы сигнал был отправлен из места его создания, необходим оптический передатчик, который предназначен для преобразования цифрового (электрического) сигнала в световой сигнал. Для получения сигнала необходим оптический приемник, который будет преобразовывать поступивший световой сигнал обратно и электрические импульсы. При этом в эту систему входят компоненты, которые являются оптическими пассивными – соединители, шнуры, розетки, которые объединяют между собой кон-

векторы (панели распределения, кроссовые шкафы) [17], создавая единую систему обмена информации. Информация может передаваться как в сети Интернет, так и в сетях связи согласно Доктрине, утвержденной Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, об информационной безопасности Российской Федерации. В отдельных нормативных правовых источниках для информации, которая состоит из сигналов, трансформированных импульсов, закодированных в единицах и ноликах, передающихся по единой системе обмена в сети Интернет, закреплено название «компьютерная информация».

Однако, такое понимание считаем довольно узким, требующим изменения по групповому признаку и заменить термин «компьютерная информация» на «цифровая информация». Также лишним подвидом цифровой информации считает И.Р. Багишев и И.И. Бикеев – компьютерную информацию. В своем исследовании, при рассмотрении ее как предмета преступления, приходят к выводу, что сведения, крутящиеся в устройствах (относящихся к информационно-коммуникационным, входящим в единую систему является) являются цифровыми. В связи с этим такое название будет отражать наиболее точно сущность данной информации [18].

Таким образом, хотелось бы отметить, что термин «компьютерная информация» становится архаичным. Требуется расширить границы понимания информации в связи с компьютеризацией и цифровизацией общества. В связи с этим, необходимо закрепить новое более расширенное понимание такого рода информации, тем самым расширяются количество объектов, входящих в перечень носителей информации. Необходимо привести к согласованности между собой нормативные – правовые акты и закрепить единое понимание и толкование термина. В таком случае, совершенные преступления, можно квалифицировать как преступления, совершенные в «сфере цифровой информации», а не компьютерной.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // pravo.gov.ru, 03.07.2021
2. Выступление Президента РФ на конференции // https://yandex.ru/video/preview/?text=конференция%20по%20информационной%20безопасности%2012%20ноября%202021%20выступление%20путина&path=yandex_search&parent-reqid=1650960687784472-11196632583612214590-vla1-2882-vla17-balancer-8080-BAL-4183&from_type=vast&filmId=7693856425870508655
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351
4. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" // www.pravo.gov.ru, 06.12.2016, "Собрание законодательства РФ", 12.12.2016, № 50, ст. 7074.
5. Триба, К. А. Уголовная ответственность за совершение преступлений в информационной сфере / К. А. Триба // *Colloquium-journal*. – 2020. – № 3-10(55). – С. 59-62. – EDN LRBKFN.; Марков, Е. И. Некоторые способы совершения преступлений в информационной сфере и пути их предупреждения / Е. И. Марков // Актуальные проблемы кибербезопасности в сети Интернет : Сборник научных трудов Всероссийской конференции, Москва, 23 апреля 2020 года. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2020. – С. 99-101. – EDN SMLPXO; Лебедев, А. С. Уголовно-правовая ответственность за преступления в информационной сфере / А. С. Лебедев, И. М. Сошина // *Мировая наука*. – 2020. – № 12(45). – С. 203-205.
6. Горбачева, О. С. Компьютерные преступления и роль компьютерной экспертизы в расследовании этих преступлений / О. С. Горбачева // *Право и образование*. – 2001. – № 5. – С. 125-133. – EDN НТУВВН.; Смирнов, И. М. Компьютерные преступления - компьютерные преступления мирового масштаба / И. М. Смирнов // *Верховенство права: международный и национальный аспект* : сборник

- статей Международной научно-практической конференции, Воронеж, 01 мая 2020 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2020. – С. 44-45. – EDN NWVLIU.
7. Попов, А. М. Особенности производства осмотра по преступлениям в сфере компьютерной информации КАК ЭЛЕМЕНТ ДОКАЗЫВАНИЯ / А. М. Попов, А. И. Дубовицкий // Право: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 109-115. – DOI 10.17277/pravo.2020.01.pp.109-115. – EDN QXLQSW; Коробеев, А. И. "Цифровизация" преступности и проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации / А. И. Коробеев // Роль права в развитии интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: современные тенденции и вызовы : V Тихоокеанский юридический форум, посвященный празднованию 120-летия Дальневосточного федерального университета и 100-летия юридического образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 03–05 октября 2019 года. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2020. – С. 127-129. – EDN ONVFHT.
8. Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно- правовые основы противодействия компьютерной преступности: дис. ... док. юрид. Наук:12.00.08/ Т.м. Лопатина. М., - 2007. -418с. Добровольцев Д.В.. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью: дис канд. юрид. наук: 12.00.08/ Д.В. Добровольский. - М., 2005. – 218 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1999. С. 756.
10. Смирнов Виталий Михайлович, Филиппова Полина Игоревна. Обеспечение информационной безопасности для защиты компьютерных и сетевых данных // StudNet. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-informatsionnoy-bezopasnosti-dlya-zaschity-kompyuternyh-i-setevyh-dannyh> (дата обращения: 10.02.2022).
11. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // "Собрание законодательства РФ", 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021).
13. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно- процессуальном доказывании: дис. канд. юрид.наук: 12.00.09 / Балашова Анна Александровна, Москва, 2020, С. 20-41.
14. Федотов И.С., Смагин П.Г. электронные носители информации: «вещественные доказательства» или «иные документы»// Вестник ВГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 195.
15. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // "Собрание законодательства РФ", 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448. Ст 5.
16. Куан И.А., Азимбаев Д.Ж., Щербаченя А.Н., Гербер А.С. ВОЛОКОННО-ОПТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ СВЯЗИ // Вестник науки. 2018. №5 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volokonno-opticheskie-linii-svyazi> (дата обращения: 05.04.2022). ГОСТ
17. Багишев И.Р Преступления в сфере обращения цифровой информации // И.Р. Багишев, И.И. Бикеев — Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. С. 34.

Semenova I.V. Digital information as a subject of encroachments of crimes in the field of computer information // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 158-165.

In modern society, the pace of digitalization of data is increasing. Banking, social sphere, business in many areas have switched to digital information. Economic and political activity is also mastering the digital format of interaction. The emerging digital legal relations, respectively, could not fail to attract the attention of the criminal community. However, special knowledge is needed in the IT field, programming, in this regard, not any information can become the subject of this kind of crime. Information must have special properties and be located not just in some apartment or room, but in a special specialized place that cannot be accessed using only force methods, while it is necessary to have specialized equipment, skills and abilities.

The article attempts to justify the need for a group of crimes called "computer crimes" to be transferred to the category of crimes committed in the field of "digital information", since such we consider the understanding to be rather narrow, requiring a change on a group basis and replacing the term.

Keywords: digitalization, transgressions, national interests, information sphere, subject of crime, computer information, consumer of information, source of information, transmission of digital information.

Spisok literaturey:

1. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 "O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii" //

pravo.gov.ru, 03.07.2021

2. Vystuplenie Prezidenta RF na konferencii // https://yandex.ru/video/preview/?text=konferenciya%20po%20informacionnoj%20bezopasnosti%2012%20no%20yabrya%202021%20vystuplenie%20putina&path=yandex_search&parent-reqid=1650960687784472-11196632583612214590-vla1-2882-vla-17-balancer-8080-BAL-4183&from_type=vast&filmId=7693856425870508655
3. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 "O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii" // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 05.07.2021, № 27 (chast' II), st. 5351
4. Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 "Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii" // www.pravo.gov.ru, 06.12.2016, "Sobranie zakonodatel'stva RF", 12.12.2016, № 50, st. 7074
5. Triba, K. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za sovershenie prestuplenij v informacionnoj sfere / K. A. Triba // Colloquium-journal. – 2020. – № 3-10(55). – S. 59-62. – EDN LRBKFN.; Markov, E. I. Nekotorye sposoby soversheniya prestuplenij v informacionnoj sfere i puti ih preduprezhdeniya / E. I. Markov // Aktual'nye problemy kiberbezopasnosti v seti Internet : Sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj konferencii, Moskva, 23 aprelya 2020 goda. – Moskva: Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii im. V.Ya. Kikoty, 2020. – S. 99-101. – EDN CMLPXO; Lebedev, A. S. Ugolovno-pravovaya otvetstvennost' za prestupleniya v informacionnoj sfere / A. S. Lebedev, I. M. Soshina // Mirovaya nauka. – 2020. – № 12(45). – S. 203-205. – EDN KRRRXX.
6. Gorbacheva, O. S. Komp'yuternye prestupleniya i rol' komp'yuternoj ekspertizy v rassledovanii etih prestuplenij / O. S. Gorbacheva // Pravo i obrazovanie. – 2001. – № 5. – S. 125-133. – EDN HTYVBH.; Smirnov, I. M. Komp'yuternye prestupleniya - komp'yuternye prestupleniya mirovogo masshtaba / I. M. Smirnov // Verhovenstvo prava: mezhdunarodnyj i nacional'nyj aspekt : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Voronezh, 01 maya 2020 goda. – Ufa: Obschestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Aeterna", 2020. – S. 44-45. – EDN NWVLIU.
7. Popov, A. M. Osobennosti proizvodstva osmotra po prestupleniyam v sfere komp'yuternoj informacii KAK ELEMENT DOKAZYVANIYA / A. M. Popov, A. I. Dubovickij // Pravo: istoriya i sovremennost'. – 2020. – № 1. – S. 109-115. – DOI 10.17277/pravo.2020.01.pp.109-115; Korobeev, A. I. "Cifrovizaciya" prestupnosti i problemy kvalifikacii prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii / A. I. Korobeev // Rol' prava v razvitii integracionnyh processov v Aziatsko-Tihookeanskom regione: sovremennye tendencii i vyzovy : V Tihookeanskij juridicheskij forum, posvyashchennyj prazdnovaniyu 120-letiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta i 100-letiya juridicheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii, Vladivostok, 03–05 oktyabrya 2019 goda. – Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 2020. – S. 127-129.
8. Lopatina T.M. Kriminologicheskie i ugolovno- pravovye osnovy protivodejstviya komp'yuternoj prestupnosti: dis. ... dok. jurid. Nauk:12.00.08/ T.m. Lopatina. M., - 2007. -418s. Dobrovol'cev D.V.. Aktual'nye problemy bor'by s komp'yuternoj prestupnost'yu: dis kand. jurid. nauk: 12.00.08/ D.V. Dobrovol'skij. - M., 2005. – 218 s.
9. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. M., 1999. S. 756.
10. Smirnov Vitalij Mihajlovich, Filippova Polina Igorevna OBESPECHENIE INFORMACIONNOJ BEZOPASNOSTI DLYA ZASHCHITY KOMP'YUTERNYH I SETEVYH DANNYH // StudNet. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-informatsionnoj-bezopasnosti-dlya-zashchity-kompyuternyh-i-setevyh-dannyh> (data obrashcheniya: 10.02.2022)
11. Filosofskij slovar' / pod red. I.T. Frolova. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Politizdat, 1991. str. 166
12. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 02.07.2021) "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2021) // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 31.07.2006, № 31 (1 ch.), st. 3448.
13. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya)" ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 26.10.2021).
14. Balashova A.A. Elektronnye nositeli informacii i ih ispol'zovanie v ugolovno-processual'nom dokazyvanii: dis. kand. jurid.nauk: 12.00.09 / Balashova Anna Aleksandrovna, Moskva, 2020, S. 20-41.
15. Fedotov I.S., Smagin P.G. elektronnye nositeli informacii: «veshchestvennye dokazatel'stva» ili «inye dokumenty» // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2014. № 3. S. 195.
16. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 02.07.2021) "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2021) // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 31.07.2006, № 31 (1 ch.), st. 3448. St 5.
17. Kuan I.A., Azimbaev D.ZH., SHCHerbachenya A.N., Gerber A.S. VOLOKONNO-OPTICHESKIE LINII SVYAZI // Vestnik nauki. 2018. №5 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volokonno-opticheskie-linii-svyazi> (data obrashcheniya: 05.04.2022). GOST
18. Bagishev I.R. Prestupleniya v sfere obrashcheniya cifrovoj informacii // I.R. Bagishev, I.I. Bikeev — Kazan': Izd-vo «Poznanie» Kazanskogo innovacionnogo universiteta, 2020. S. 34.

УДК: 342.92

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИСКРЕДИТАЦИЮ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Семёнова И. В.

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации*

Для сохранения мира на международной арене, защиты интересов граждан, общества и государства в целом и поддержания безопасности, Согласно подпунктам 2, 3 пункта 2.1 ст. 10 Федерального закона «Об обороне», военнослужащие могут быть задействованы за пределами территории нашего государства. Их деятельность осуществляется на основе общепризнанных международных принципах и нормах. На основе положений, закрепленных в международном законодательстве, силы Вооруженных сил привлекаются для предупреждения нападения и наступления вражеских сил не только на своей территории, но и на территории государств, которые обратились с просьбой поддержать их, а также защиты своих граждан, находящихся на территории другого государства. Учитывая сложившуюся обострившуюся геополитическую ситуацию в мире, народные волнения, которые захлестнули общество, телекоммуникативное пространство и сеть Интернет, распространение фейков и ложной информации, направленных на дискредитацию действий государственной власти назрела необходимость в урегулировании общественных отношений, в частности в сфере дискредитации Вооруженных Сил РФ. В связи с эти в КоАП РФ была введена новая статья. В статье приведена судебная практика привлечения лиц к административной ответственности, проведен анализ теоретического понимания «дискредитации» и выделены отличительные признаки.

Ключевые слова: дискредитация, Вооруженные Силы Российской Федерации, правонарушение, понятие, признаки, лингвистика, толковый словарь, судебная практика, административная ответственность.

Исходя из положений, закрепленных в Федеральном законе № 61-ФЗ «Об обороне» (далее Закон об обороне) основу обороны нашей страны входят Вооруженные силы Российской Федерации, которые являются военной государственной организацией. Их предназначение заключается в отражении какой-либо агрессии со стороны иностранного государства. Они также участвуют в сохранении целостности и неприкосновенности территории государства и согласно российскому законодательству могут привлекаться к иным задачам.

Для сохранения мира на международной арене, защиты интересов граждан, общества и государства в целом и поддержания безопасности, Согласно подпунктам 2, 3 пункта 2.1 ст. 10 Закона об обороне, военнослужащие могут быть задействованы за пределами территории нашего государства. Их деятельность осуществляется на основе общепризнанных международных принципах и нормах. На основе положений, закрепленных в международном законодательстве, силы Вооруженных сил привлекаются для предупреждения нападения и наступления вражеских сил не только на своей территории, но и на территории государств, которые обратились с просьбой поддержать их, а также защиты своих граждан, находящихся на территории другого государства.

Конституция Российской Федерации к ведению Совета Федерации относится решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Фе-

дерации за пределами территории Российской Федерации. С целью решения вопросов об использовании Вооруженных сил не на территории Российской Федерации положениями, содержащимися в пункте «г» части 1 статьи 102, наделяет соответствующими полномочиями Совет Федерации.

В связи с этим, на основании постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 35-СФ от 22.02.2022г «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» с целью реализации пункта 2.1 статьи 10 и пункта 1 статьи 10.1 Закона об обороне было принято Президентом РФ решение об использовании Вооруженных сил РФ за пределами нашей территории и 24 февраля 2022 года решение о проведении специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины с использованием Вооруженных Сил Российской Федерации реализовалось.

На основании конституционных положений, закрепленных в ч.3 ст. 69 и ст. 79.1 Конституции РФ, оказывать соотечественникам, проживающим за пределами территории РФ, Российская Федерация обязана осуществлять их поддержку, в реализации своих прав, защищать интересы и принимать меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности путем обеспечения мирного сосуществования, а также недопущения вмешательства во внутренние государственные дела.

Учитывая сложившуюся обострившуюся геополитическую ситуацию в мире, народные волнения, которые захлестнули общество, телекоммуникативное пространство и сеть Интернет, распространение фейков и ложной информации, направленных на дискредитацию действий государственной власти назрела необходимость в урегулировании общественных отношений, в частности в сфере дискредитации Вооруженных Сил РФ.

Категория «неуважение к военнослужащим» до недавнего времени не была в центре внимания законотворческого сообщества. Исследование этого нового, для судебной системы явления, в современном его проявлении, на сегодняшний день является весьма актуальным как для научного сообщества, административистов, так и для практики применения специальных познаний по различным категориям дел, связанных с правонарушениями в информационной сфере путем размещения, публикации и трансляции материалов и комментариев к ним в социальных сетях, на телевидении или иными способами с применением сети Интернет. Законодателем Федеральным законом от 04.03.2022 N 31-ФЗ в Кодекс об административных правонарушениях РФ была введена новая статья 20.3.3., предусматривающая ответственность физических, юридических и должностных лиц.

По данным ГАС «Правосудие» на 1 сентября 2022 года на территории Российской Федерации вынесено 6 422 судебных решений по административным правонарушениям в сфере дискредитации Вооруженных сил Российской Федерации. Из них, согласно статистическим данным по отдельным регионам судами было принято решений: Республика Крым – 258, Владимирская область – 48; Мурманская область – 61; Тульская область – 153; Московская область – 120; Томская область – 197; Ростовская область – 51 Кемеровская область – Кузбасс – 194; Хабаровский край – 98; Республика Алтай – 111; Республика Дагестан – 15; Амурская область – 150;

Волгоградская область – 75 результатов; Архангельская область – 189; Смоленская область – 54; Республика Бурятия – 119; Самарская область – 252; Пермский край – 345; Ивановская область – 96; Калининградская область – 231; город Санкт-Петербург – 253 [1].

Потребность в проведении научного исследования в данной области путем исследования членов общества или их вербально выраженного отношения к различным субъектам – органам исполнительной власти, в частности к представителям Вооруженных сил РФ возникает не только в уголовном или гражданском судопроизводстве, но также при производстве по делам об административных правонарушениях, поскольку в 2022 году особо ярко стали проявляться действия граждан, направленные на разного рода дискредитацию действий военнослужащих.

Обращаясь к судебной практике, хочется привести примеры:

Так, например, Азаренко А.В. в социальной сети «Контакт» разместил на своей странице многочисленные видеоролики дискредитирующего и недостоверного характера в отношении Вооруженных сил Российской Федерации, касающихся их действий во время участия их в специальной военной операции в Украине. Судом данные действия гражданина были признаны противозаконными, т.к. они являлись публичными, направленными на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Информация содержала искаженное и дискредитационное понимание задач по использованию Вооруженных сил Российской Федерации Совершенные им деяние не содержит признаков уголовно наказуемого деяния [2].

Серых, 24.03.2022 г. находясь в общественном месте, демонстрировала публично плакат, на котором была надпись – «Я за мир нет войне». Данные действия были признаны судом дискредитирующими использование Вооруженных Сил Российской Федерации в Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Данная гражданка была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях РФ и назначено наказание в виде административного штрафа в размере 30000 рублей [3].

Манеев Н.А. совершил действия, которые не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, при следующих обстоятельствах: 20.05.2022 г. на придорожную стелу с обозначением символов специальной военной операции на Украине «Z» и «V», на всеобщее обозрение - участке автомобильной дороги «Новый Оскол – Валуйки – Ровеньки» (4 км. 300 м.), вблизи с. Косицино Новооскольского района Белгородской области, используя краску. С обеих её сторон нанёс надписи «НЕТ ВОЙНЕ» и «ЗА МИР». Данные действия, также были признаны направленными на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации. И он был привлечен к ответственности [4].

В Советском районе города Брянска согласно протоколу об административном правонарушении №5380/Р 0026621 от 30 мая 2022г., 29 мая 2022 г. в 22 час. 00 мин. осуществил публичные действия Петров Я.М. Он сделал зарисовки на асфальте

флага Украины и надписи «Слава Украине» (сине-желтого цвета). Был признан виновным в совершении административного правонарушения и привлечен к ответственности [5].

В городе-герое Волгоград в Центральном районе 17 апреля 2022 года в 03 часа 00 минут на центральном лестничном марше Историко-мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом Кургане мужчина выражая протест против использования Вооруженных Сил Российской Федерации, нанес надпись на лестничном марше определенного содержания также был признан виновным подрыве доверия к проведению специальной военной операции по защите граждан Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с использованием Вооруженных Сил Российской Федерации [6].

Гражданин Маланин С.С. был привлечен к административной ответственности за совершенные противоправные действия, призывающие к проведению несанкционированного публичного мероприятия, направленного на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации на Украине в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, которые не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Из материалов дела следует, что он 13 марта 2022 года в 13.27, находясь по адресу **** в социальной сети «ВКонтакте», на своей персональной странице под названием «<данные изъяты>» (электронный адрес <https://<данные изъяты>>), а также в сообществе разместил пост: «Жители Мелитополя вышли к захваченному зданию администрации. Они требуют освободить мера Ивана Федоровича, которого вчера похитили. Выходите на улицу против этой бесчеловечной и грязной войны, которую развязал Путин 13 марта 2022 года в 14 ч. 00 мин., с призывом принять участие в несогласованном, публичном массовом мероприятии в форме митинга, где место определено: главная площадь города, в выходной день в 14 часов 00 минут». Судом признано, что пост содержит сведения о дате, месте и времени проведения мероприятия, побуждении в форме призыва, к участию в данном мероприятии. Мероприятие (акция), анонсированные в посте, размещенном пользователем социальной сети «ВКонтакте» Маланиным С.С. является публичным мероприятием. Тематика данного мероприятия – протест против специальной военной операции на Украине. Целевая аудитория, на которую направлена данная информация составляет неограниченной число участников [7].

Другая группа дел, изученная в рамках проводимого исследования, являются дела, по которым принято решение об отмене производства по делам об административных правонарушениях.

Так, например, администратором группы некий гражданин разместил в социальной сети «ВКонтакте» в своей записи на стене с ссылкой, разместил публикацию под названием «Послезавтра, поздним вечером, пройдет прямой эфир на тему «НетВойне!» «Подписывайся на блог, чтобы ничего не пропустить», в которой при переходе по хэштегу «НетВойне!» открывается информационная лента, на которой размещено множество информации, направленной на пропаганду и возбуждение вражды между Украиной и Россией. При выявлении данного факта, сотрудниками правоохранительных органов был составлен протокол об административном правонарушении о совершил им административного

правонарушения, предусмотренного ч.1 ст.20.3.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ посчитав, что размещение хэштега «#НетВойне!» направлены на пропаганду вражды между Россией и Украиной и образует состав административного правонарушения. При этом совершенное деяние повлекло за собой ряд негативных комментариев. По результатам изучения материалов дела, заслушивания ответчика суд принял решение, что данные действия не подпадают под данную квалификацию. И вынес соответствующее решение, освободив от административной ответственности, ссылаясь на то, что отсутствовал умысел осуществлять дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации [8].

При изучении определения, вынесенного судом по делу № 5-282/ 2022 в городе Хабаровск, выясняется, что существует еще и некомпетентность должностных лиц, составляющие протоколы об административных правонарушениях, повлекшая отмену производства по делу и как следствие безнаказанность, за совершенные противоправные деяния.

Согласно протоколу об административном правонарушении от 21.05.2022 г. Алакшин Д.К. 20.05.2022 г. в г. Хабаровске, осуществил публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в ДНР и ЛНР, в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, которые используются на основании решения Президента Российской Федерации и согласия Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, утвержденного постановлением от 22 февраля 2022 года № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации». Данный гражданин совместно со своей знакомой подошли к автомобилю «Лада Веста» и отклеил логотип «V» (георгиевская ленточка) с данного автомобиля, который был приклеен в верхнем левом углу на заднем стекле, его приятельница, держа маркер черного цвета в правой руке, написала на стекле автомобиля слева в верхнем углу, где ранее был наклеен логотип «V», и на заднем бампере слева надпись «Слава Украине!», тем самым гражданин Алакшин Д.К. совершил действия, которые подлежат квалификации предусмотренные частью 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ.

При этом судьей, при рассмотрении дела, было отмечено, что в протоколе не указано каким образом действия, совершенные Алакшиным Д.К. по отклеиванию логотипа «V» (георгиевская ленточка) относятся к действиям, которые можно квалифицировать по данной статье[9].

На основе проведенного анализа практики привлечения к административной ответственности за дискредитацию Вооруженных сил РФ, приходим к выводу, что суд не приходит к единому мнению, что любые действия, в том числе призывы, носящие публичных характер направленные на дискредитацию признаются противоправными. При этом данные действия должны быть совершены умышленно и направлены на уменьшение или утрату «авторитета, имиджа и доверия, умаление достоинства и авторитета, распространение ложных, неточных или искаженных сведений».

При этом наглядно видно, что некавалифицированное составление процессуальных документов, является причиной освобождения лица от ответственности. При составлении должностным лицом материалов дела об административном правонарушении в рассматриваемой сфере, необходимо проводить исследования речевых оборотов, независимо от формы (устной или письменной) их демонстрации, а также осмысление креолизованных текстов, четко фиксировать в протоколах об административных правонарушениях события, происходящие в момент совершения противоправного деяния, с указанием на то, что данные действия направлены на дисквалификацию вооруженных сил РФ и повышать свою квалификацию с учетом введения новых норм в отечественное законодательство.

Анализируя приведенные нами примеры, укажем на то, что информация (лозунги, призывы), размещаемая лицами, поступки, носящие агрессивный характер, являются действиями, носящими противоправный общественно опасный характер. Представляется, что это относится к признакам состава административного правонарушения, указанным в статье 20.3.3 КоАП РФ

По итогам изучения практики применения ст. 20.3.3 КоАП РФ приходим к мнению, что отсутствие единого понимания «дискредитации» в административном законодательстве порождает разночтения указанной нормы у представителей практики. В связи с этим возникает потребность обратиться к лингвистике. К задачам лингвистической экспертизы относится выявление смыслового значения текста, признаков непристойности его содержания, установление признаков нарушения норм приличия по языковой форме используемых стилистических средств и приемов, определение коммуникативной направленности высказывания и др.

Так в лингвистической экспертизе существует понятие «дискредитация», под которой понимается «коммуникативная стратегия, направленная на корректировку точки зрения адресата. То есть кто-то говорит или пишет о другом лице плохо, чтобы убедить читателя в отрицательных качествах этого лица. Поскольку это стратегия, то это намеренное действие, которое может проявляться и через сообщение не соответствующих действительности сведений, и через оскорбление» [10].

В толковых словарях даются определения, которые согласованы с лингвистическим понятием. Так под дискредитацией понимается «подрыв доверия к кому-, чему-л., умаление авторитета, значения кого-, чего-л.; дискредитирование» [11], «Умаление, утрата значения, авторитета» [12], «подрывать доверие, умалять авторитет — частного лица, руководителя, власти или лидера партии или государства» [13]. При этом слово «дискредитация» имеет французское происхождение, образованное от слова *discréditer*, которое переводится как «подрывать доверие» и предельно точно раскрывает содержание данного термина.

Существует широкое, общее понимание «дискредитации». Дискредитация в более общем понимании предполагает состояние обиженности [14]. В лингвистической науке выделяется три способа реализации манипулирования людьми: нейтральность, на повышение (формирование положительного образа ситуации или лица) и на понижение (создание отрицательного образа ситуации или лица) [15]. Действия, направленные на изменение сознания, мнения, поведения представляет собой манипулирование. Любое социальное явление имеет две

стороны: положительную и отрицательную. Дискредитация является разновидность манипуляции, носящие негативный окрас.

Анализируя судебную практику работы, нашли подтверждение своей точке зрения, что дискредитация может проявляться не только нецензурных выражениях, но также в действиях. Действия, направленные на дискредитацию всегда будут носить агрессивный характер, целью которого является создание негативного образа кого или чего-либо в глазах общества или отдельной личности.

Проявление дискредитации - соответствует «определенному этапу в реализации той или иной стратегии и направлено на скрытое внедрение в сознание адресата целей и установок, побуждающих его совершить поступок, выгодный манипулятору» [16].

Понятие «дискредитация» применяется при рассмотрении дел об административных правонарушениях в сфере дискредитации Вооруженных сил РФ и суд выносит решения исходя из закрепленного понятия в законе, регулирующем правоотношения в сфере предпринимательской деятельности, при этом понимает действия, связанные с распространением сведений, которые являются: ложными, неточными, искаженными. При этом они сопряжены с нанесением ущерба деловой репутации [17]. Данное понятие более узкое, хотя и приближенное к практике применения норм административного законодательства в рассматриваемой сфере правонарушений.

В части 2 рассматриваемой статьи, предусматривается ответственность за мероприятия, организованные и проводимые с нарушением установленных Федеральным законом от 19.06.2004 N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», которые могут создать не только угрозу жизни и здоровью граждан, а также нарушения общественного порядка и безопасности, а также функционированию различных отраслей инфраструктуры.

Целью всех выше перечисленных действий является подрыв в глазах иных лиц достоинства и авторитета в данном случае Вооруженных Сил РФ (далее ВС РФ).

Однако, при изучении постановлений Суда РФ, в которых принято решение об отмене производства по делу об административном правонарушении в совершении административного правонарушения, предусматривающего ответственность за дискредитирующие действия и прекращали производство в связи с отсутствием состава административного правонарушения приходим к выводу, что отсутствие нормативного закрепления понятия «дискредитация» и некомпетентности действий должностных лиц, создает предпосылки для безнаказанности за совершенные противоправные действия, которые могут быть неоднозначно истолкованы как исполнительной властью, так и судебной.

При составлении процессуальных документов и вынесении процессуального решения, должностное лицо, прежде всего, должно установить факт неуважения и пренебрежения. Речевые формы выражения должны нарушать установленные нормы и правила поведения. Такое общественное социальное пространство как сеть «Интернет» также подпадает под этические правила и нормы. В киберпространстве не допустимы деяния, направленные на нарушение правопорядка, проявление неуважения к обществу и институтам государственной власти.

При фиксации в протоколе действий, привлекаемого лица к ответственности необходимо проанализировать форму и содержание распространяемой информации, ее контекст, действия, совершенные в момент совершения правонарушения. При изучении материалов, находящихся в сети Интернет невозможно оставлять без внимания комментарии или иного выражения отношения, к размещенной информации, выяснить, причинно следственную связь между размещенной информацией и наступившими последствиями, это касается не только сетей интернета.

Следует отметить, что основным характерным элементом, отличающим дискредитацию является публичность действий, носящий оскорбительный характер. Оскорбительную форму так же может нести обесцененная лексика [18] в отношении военнослужащих, их действий в период проведения специальной военной операции. Публичными призывами, в свою очередь, признаются выраженные в любой форме (устной, письменной либо с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к совершению каких-либо действий [19]. Публичными действиями однозначно будет являться размещение поста и комментария в социальной сети, рассылка или пересылка сообщений в мессенджерах и чатах, размещение видеоматериалов в сети «Интернет» и многое другое.

В контексте рассматриваемой статьи речь идет о побуждении к совершению действий, направленных на воспрепятствование использования Вооруженных Сил Российской Федерации.

Информация, распространенная в киберпространстве также относится к публичным действиям. Её форма на сегодняшний день не позволяет применить возможности уже разработанных методик проведения исследований, она требует адаптированного ее варианта.

Все это говорит о несформированности понятийного аппарата и инструментария проведения лингвистических экспертиз, проводимых по делам, попадающим под рассматриваемую категорию. Должны формироваться качественно новые подходы и методики, технические разработки, позволяющие более квалифицированно и своевременно реагирование на противоправные деяния [20].

Обращаясь к лингвистическому анализу речи, следует отметить, что дискредитация, прежде всего, выражается в демонстрации своего неуважения. Для определения наличия элементов дискредитации необходимо установить уровень их табуированности и установить объект, в отношении которого данные проявления направлены в каждом конкретном случае [21]. При принятии решения о привлечении лица к ответственности ключевое значение занимает точная фиксация способов и последовательность совершения деяния в протоколах.

В случае выявления тезисов, высказываний или отдельных слов дающих отрицательную оценку деятельности Вооруженных сил РФ или их действиям, то на основе лингвистического анализа предусматриваются признаки дискредитации [22].

Объективной стороной состава правонарушения, предусмотренного ч.1 ст. 20.3.3 Кодекса РФ об АП являются действия, носящие публичный характер, направленные (адресованные) неопределенному кругу лиц. Часть 2 предусматривает действия, которые при этом сопровождаются призывами к проведению несанкционированных

публичных мероприятий, которые могут создать «угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи» [23].

Субъективной стороной является умысел подрыва авторитета и доверия к кому-либо, умаление достоинства и авторитета. Дискредитация может реализовываться различными путями: обвинения, нагнетания отрицательных факторов; оскорбления, навешивания ярлыков, и т.д. Формы реализации могут быть речевые (выкрикивания, ведя диалоги), коммуникативные стратегии (транспаранты, надписи, размещение информации в социальных сетях, срывание наклеек, листовок).

На основании вышесказанного, можно выделить следующие наиболее значимые признаки, характеризующие действия, относящиеся к дискредитации Вооруженных сил Российской Федерации:

1. Дискредитация Вооруженных Сил РФ прежде всего это разновидность манипуляции.
2. Действия должны быть направлены на формирование отрицательного образа, отношения.
3. Действия должны совершаться публично, то есть совершаться или производиться в присутствии одного или более человек (неограниченного круга лиц).
4. Форма выражения – любая, доступная для целевой аудитории: устная, письменная, с использованием технических средств.
5. Агрессивный характер обращения к иным лицам, в присутствии общественного сообщества (общества), людей, с целью призвать или вынудить их к совершению действия, с целью поддержания его идеологии.
6. Содержание призывов может не содержать нецензурной лексики.

Список литературы:

1. ГАС РФ «Правосудие» // <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>
2. Дело об административном правонарушении 5-1079/2022 от 08 июля 2022 года Белгородская область Старооскольский городской суд Первая инстанция // <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>
3. Дело об административном правонарушении 5-1524/2022 от 21 июля 2022 года. Белгородская область Шебекинский районный суд Первая инстанция // <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>
4. Дело об административном правонарушении № 5-350/2022 // <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>
5. Дело об административном правонарушении 5-681/2022 Советский районный суд г. Брянска // <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>
6. Дело об административном правонарушении № 07п-344/2022 г. Волгоград 9 июня 2022 года
7. Дело об административном правонарушении 5-632/20225-632/2022 .от 15 марта 2022 года г. Калининград
8. Дело об административном правонарушении 5-2-94/2022 от 25.04.2022 Ханты-Мансийский автономный округ - Югра (Тюменская область) // <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>
9. Дело № 5-282/ 2022 г. Хабаровск 25 мая 2022 года // <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>
10. Галяшина Елена Игоревна Феномен «Неуважение к власти» в аспекте судебной лингвистической экспертизы по делам об информационных правонарушениях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №5 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-neuvazhenie-k-vlasti-v-aspekte-sudebnoy-lingvisticheskoy-ekspertizy-po-delam-ob-informatsionnyh-pravonarusheniyah> (дата обращения: 29.07.2022).
11. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь. М.: Дрофа, 2000. Т. 1. С. 388. // <https://classes.ru/all-russian/dictionary-foreign-term-4911.htm>

12. Ушаков Дмитрий Николаевич [Электронный ресурс] : Материал из Википедии — свободной энциклопедии: Версия 10529869, сохран. в 12:55 UTC 18 августа 2008 / Авторы Википедии // Википедия, свободная энциклопедия. — Электрон.дан. — Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10529869>
13. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. — Санкт-Петербург: Норинт, 1998. — 1535 с. — ISBN 5-7711-0015-3. // <https://slovari.ru/tolkovyy-slovar-kuznecova/13018>
14. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев; под редакцией Н.Д. Голева. — Барнаул: АлтГПА, 2009. — 252 с.
15. Аношина, Е. Ю. Речевая стратегия дискредитации в текстах русскоязычных интернет-блогов / Е. Ю. Аношина // Инновационная наука. — 2016. — № 10-3. — С. 86-89. — EDN WXDCZJ.
16. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб.пособие / Г.А. Копнина. — 5-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. — 176 с.
17. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434. ст. 14.1
18. Галяшина Елена Игоревна Феномен «Неуважение к власти» в аспекте судебной лингвистической экспертизы по делам об информационных правонарушениях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №5 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-neuvazhenie-k-vlasti-v-aspekte-sudebnoy-lingvisticheskoy-ekspertizy-po-delam-ob-informatsionnyh-pravonarusheniyah> (дата обращения: 01.09.2022).
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2011.
20. Земскова С. И. Судебная экспертиза диффамационных материалов : монография / подред. Е. И. Галяшиной. М. :Юрлитинформ, 2013.
21. URL: <https://tauga.info/145507> (дата обращения: 16.05.2019)
22. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Проспект, 2021. с. 255, 261. (424 с.)
23. Федеральный закон от 04.03.2022 № 31-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 04.03.2022

Semenova I.V. Administrative responsibility for discrediting the armed forces of the Russian Federation: issues of theory and practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2022. — Т. 8 (74). № 4. — P. 166-176.

In order to preserve peace in the international arena, protect the interests of citizens, society and the state as a whole and maintain security, according to subparagraphs 2, 3 of paragraph 2.1 of Article 10 of the Federal Law "On Defense", military personnel may be involved outside the territory of our state. Their activities are carried out on the basis of generally recognized international principles and norms. Based on the provisions enshrined in international law, the forces of the Armed Forces are involved to prevent the attack and offensive of enemy forces not only on their own territory, but also on the territory of States that have requested to support them, as well as to protect their citizens who are on the territory of another State. Taking into account the current aggravated geopolitical situation in the world, the popular unrest that has overwhelmed society, the telecommunications space and the Internet, the spread of fakes and false information aimed at discrediting the actions of the state authorities, there is a need to regulate public relations, in particular in the sphere of discrediting the Armed Forces of the Russian Federation. In this regard, a new article was introduced into the Administrative Code of the Russian Federation. The article presents the judicial practice of bringing persons to administrative responsibility, analyzes the theoretical understanding of "discrediting" and highlights the distinctive features.

Keywords: discredit, the Armed Forces of the Russian Federation, offense, concept, signs, linguistics, explanatory dictionary, judicial practice, administrative responsibility.

Spisok literary:

1. GAS RF "Justice" // <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html>
2. The case of an administrative offense 5-1079/2022 of July 08, 2022 Belgorod region Starooskolsky City Court of the First instance // <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html>
3. The case of an administrative offense 5-1524/2022 dated July 21, 2022. Belgorod region Shebekinsky District Court of the First instance// <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html>
4. Administrative Offense case No. 5-350/2022 // <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html>
5. The case of an administrative offense 5-681/2022 Sovetsky District Court of Bryansk // <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html>
6. Case of administrative offense No. 07p-344/2022, Volgograd, June 9, 2022
7. The case of an administrative offense 5-632/20225-632/2022 .from March 15 , 2022 Kaliningrad
8. The case of an administrative offense 5-2-94/2022 dated 04/25/2022 Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra (Tyumen region) // <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html>

9. Case No. 5-282/ 2022 Khabarovsk, May 25, 2022 // <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html>
10. Galyashina Elena Igorevna The phenomenon of "Disrespect for authority" in the aspect of forensic linguistic expertise in cases of information offenses // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2019. No.5 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-neuvazhenie-k-vlasti-v-aspekte-sudebnoy-lingvisticheskoy-ekspertizy-po-delam-ob-informatsionnyh-pravonarusheniyah> (date of reference: 29.07.2022).
11. Efremova T.F. A new explanatory and word-forming dictionary. M.: Bustard, 2000. Vol. 1. p. 388. // <https://classes.ru/all-russian/dictionary-foreign-term-4911.htm>
12. Ushakov Dmitry Nikolaevich [Electronic resource] : Material from Wikipedia — free encyclopedia: Version 10529869, preserved. at 12:55 UTC on August 18, 2008 / Wikipedia authors // Wikipedia, the free encyclopedia. — Electron.dan. — San Francisco: Wikimedia Foundation, 2008. — Access mode: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10529869>
13. A large explanatory dictionary of the Russian language / comp. and gl. ed. S. A. Kuznetsov ; RAS, In-t linguist. research. — St. Petersburg: Norint, 1998. — 1535 p. — ISBN 5-7711-0015-3. // <https://slovariki.org/tolkovyj-slovar-kuznecova/13018>
14. Brinev K.I. Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise: monograph / K.I. Brinev; edited by N.D. Golev. — Barnaul: AltGPA, 2009. — 252 p.
15. Anoshina, E. Y. Speech strategy of discrediting in the texts of Russian-language Internet blogs / E. Y. Anoshina // Innovative science. — 2016. — No. 10-3. — PP. 86-89. — EDN WXDCZJ.
16. Kopnina G.A. Speech manipulation: textbook.manual / G.A. Kopnina. - 5th ed., ster. — M.: FLINT: Nauka, 2014. — 176 p.
17. Federal Law No. 135-FZ of 26.07.2006 (ed. of 11.06.2022) "On protection of competition" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.07.2006, No. 31 (1 part), Article 3434. Article 14.1
18. Elena Galyashina Igorevna Phenomenon of "Disrespect for authority" in the aspect of judicial linguistic expertise in cases of information offenses // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2019. No.5 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-neuvazhenie-k-vlasti-v-aspekte-sudebnoy-lingvisticheskoy-ekspertizy-po-delam-ob-informatsionnyh-pravonarusheniyah> (date of appeal: 01.09.2022).
19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2011 No. 11 (ed. of 28.10.2021) "On judicial practice in criminal cases of extremist crimes" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 8, August, 2011.
20. Zemskova S. I. Judicial examination of defamatory materials : monograph / edited by E. I. Galyashina. M.: Yurlitinform, 2013.
21. URL: <https://tayga.info/145507> (date of appeal: 16.05.2019)
22. Galyashina E.I. Forensic linguistic expertise. M.: Prospect, 2021. p. 255, 261. (424 p.)
23. Federal Law No. 31-FZ of 04.03.2022 (ed. of 14.07.2022) // published on the Official Internet portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> - 04.03.202.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Трифонов С. Г.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Статья посвящена отдельным вопросам взаимодействия уполномоченного по защите прав предпринимателей с органами публичной власти как федерального, так и регионального уровня. Это взаимодействие носит особый характер в силу одновременно и государственного и общественного характера самой должности уполномоченного. Эта двойственность правовой природы придает особый характер исследуемому взаимодействию.

В статье проанализированы права Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей при рассмотрении жалобы, также установлена легальная основа взаимодействия с федеральными и региональными органами публичной власти. Особо подчеркнута важность взаимодействия с федеральными и региональными органами законодательной власти.

Установлено, что регламентация взаимодействия Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей с федеральными органами государственной власти реализуется в специальных соглашениях с соответствующими органами публичной власти. Указанные соглашения содержат положения об информационном обмене, о формировании и проведении совместной информационной политики в установленных сферах деятельности, о взаимодействии сторон в форме проведения совместных мероприятий, совещаний, о создании совместных рабочих групп.

Таким образом, возможно акцентировать внимание на главных формы взаимодействия института Уполномоченного по защите прав предпринимателей с органами исполнительной власти: «запрос различных документов у органов государственной власти и органов местного самоуправления; заключение различных соглашений о сотрудничестве в сфере охраны прав и интересов предпринимателей; проведение совместных научно-практических мероприятий, конференций, в т.ч. форумов, симпозиумов, выступающих в виде определённых площадок для диалога бизнеса и государства; разбор и анализ жалоб субъектов предпринимательской деятельности и проверок совместно с органами исполнительной власти; работа в качестве эксперта в разнообразных научных, консультационных советах, которые функционируют при различных государственных органах; составление различных заключений, направленных на восстановления нарушенных прав предпринимателей и на направление их в органы государственной власти; подготовка Уполномоченным по защите прав предпринимателей обязательных ежегодных отчетных документов (доклады, отчеты), а также мотивированных предложений для органов государственной власти и органов местного самоуправления

Ключевые слова: Уполномоченный по защите прав предпринимателей, органы государственной власти, предпринимательская деятельность, взаимодействие, механизм государства, аппарат государства.

Статус Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей носит одновременно и государственный и общественный характер, в связи с тем, что с одной стороны, «сам бизнес-омбудсмен и его аппарат является органом государственной власти, а с другой стороны, основные направления функционирования самого института уполномоченного по защите прав преподавателей имеет правозащитный характер, связанный с защитой нарушенных прав субъектов осуществляющих предпринимательскую деятельности со стороны органов публичной власти и их должностных лиц» [1, с. 193].

Ряд ученых, среди которых, Кирилловых А.А., считают, что «двойственный характер статуса Уполномоченного по защите прав предпринимателей указывают на

то, что он фактически входит в систему государственной власти» [2], так как сам омбудсмен имеет статус юридического лица и является государственным гражданским служащим [3]. И как следствие этого при реализации своих непосредственных функций бизнес-омбудсмен должен активно взаимодействовать с органами государственной власти, органами местного самоуправления и общественными институтами и поддерживать связь с ними.

Само взаимодействие регламентируется путём заключения различных специальных соглашений с федеральными органами государственной власти. Основная форма взаимодействия уполномоченного по защите прав предпринимателей заключается в том, что они разбирают поступающие к ним жалобы участников предпринимательских отношений.

Ядром нормативного урегулирования разбора и анализа жалоб бизнес-омбудсменами и принятия по ним решений можно выделить следующим образом: федеральное законодательство о рассмотрении жалоб должностными лицами [4]; нормы ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»; локальные акты уполномоченных [5].

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей принимает решение о принятии жалобы субъекта предпринимательской деятельности к рассмотрению или об отказе в принятии жалобы к рассмотрению в течение 10 дней со дня ее поступления, о чем уведомляет заявителя в течение 3 дней. В дальнейшем Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей уведомляет заявителя о результатах реализации мер по восстановлению его нарушенных прав и законных интересов с периодичностью не реже одного раза в два месяца.

При этом в соответствии с п.3 ст. 4 ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» отказ в принятии жалобы к рассмотрению должен быть мотивирован, т.е. содержать основанные выводы Уполномоченного о наличии установленных законом оснований для такого отказа. При этом данный перечень является закрытым и не подлежит расширительному толкованию: направленная заявителем в письменном виде жалоба не поддается прочтению; заявителем поставлен вопрос, по которому уполномоченным уже многократно давался ответ, при этом в новой жалобе заявителем не приведены новые обстоятельства; ответ на поставленный заявителем невозможен без разглашения сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну.

В соответствии с п. 4 ст. 4 ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [6] не подлежат анализу и разбору анонимные жалобы (не указаны фамилия, имя, отчество (при наличии) и (или) почтовый или электронный адрес заявителя).

Перечень прав Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей при рассмотрении жалобы определяется в ст. 5 «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [6], к ним относятся:

беспрепятственно посещать органы государственной власти, органы местного самоуправления при предъявлении служебного удостоверения;

запрашивать и получать от органов государственной власти, органов местного самоуправления и у должностных лиц необходимые сведения, документы и материалы;

принимать с письменного согласия заявителя участие в выездной проверке, проводимой в отношении заявителя в рамках государственного контроля (надзора) или муниципального контроля и прочее.

В части 3 ст. 7 ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» предусмотрено, что «Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в рамках своей компетенции осуществляет взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления, полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах, инвестиционными уполномоченными в федеральных округах и иными лицами» [6].

В сфере законотворчества Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей обладает следующими полномочиями: «органам власти предложения о принятии и изменении нормативных правовых актов, относящихся к сфере деятельности уполномоченного; Президенту РФ мотивированные предложения о приостановлении действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ; Президенту РФ мотивированные предложения об отмене постановлений и распоряжений Правительства РФ; Правительству РФ мотивированные предложения об отмене или о приостановлении действия принятого федеральным органом исполнительной власти нормативного правового акта или его отдельных положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской, в том числе инвестиционной деятельности; высшему должностному лицу субъекта РФ (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) мотивированные предложения об отмене или о приостановлении действия актов органов исполнительной власти субъекта РФ (в случае, если соответствующие полномочия предусмотрены конституцией (уставом) субъекта РФ)».

Уполномоченный по защите прав предпринимателей также обладает правом давать заключения на проекты нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности, а также направлять органам и лицам, имеющим право на обращение в Конституционный суд РФ, мотивированные предложения в части, относящейся к компетенции уполномоченного, об обращении в Конституционный суд РФ с запросом о соответствии Конституции РФ актов, указанных в ее ч. 2 ст. 125.

Регламентация взаимодействия Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей с федеральными органами государственной власти реализуется «в специальных соглашениях (с Генеральным прокурором РФ, Федеральной службой судебных приставов, Министерством РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, МВД и др.)» [7].

Данные соглашения содержат положения об информационном обмене, о формировании и проведении совместной информационной политики в установленных сферах деятельности, о взаимодействии сторон в форме проведения совместных мероприятий, совещаний, о создании совместных рабочих групп.

Особым образом бизнес-омбудсмена взаимодействует с прокуратурой. Тем не менее, следует отметить тот факт, что «вмешательства органов прокуратуры возможно лишь при наличии достаточных оснований, предусмотренных ст. 21 Закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре РФ» [8].

Приведем результаты деятельности Генеральной Прокуратуры РФ в 2020 году в рамках совместной работы с институтом уполномоченных: «197 000 случаев нарушения законов о защите прав хозяйствующих субъектов выявлено и пресечено, 43 000 виновных лиц привлечено к дисциплинарной и административной ответственности» [9].

Таким образом, взаимодействие прокуратуры и Уполномоченного по защите прав предпринимателей является обоюдно выгодным, так как «позволяет последнему получить весомый, дополнительный инструмент, увеличивающий возможности в достижении целей сформулированных и в Федеральном законе от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ и в соответствующих законах субъектов Федерации. При этом данные органы не заменяют и не подменяют друг друга в деле обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав и свобод граждан» [1].

Представляется интересным факт «о взаимодействии Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей с главой государства. Прежде всего, оно осуществляется на основе Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ в форме направления специальных предложений Президенту РФ, предоставления ежегодного доклада бизнеса-омбудсмена» [10].

Одновременно существенную роль играет взаимодействие Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей с Президентом РФ в форме разнообразных встреч.

В 2012 году Создана Межведомственная рабочая группа по защите прав предпринимателей по инициативе Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и Генеральной прокуратуры Российской Федерации в которую вошли: Генеральная прокуратура РФ, МВД РФ, Министерство экономического развития РФ, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, Ведущие предпринимательские объединения.

Созданная межведомственная рабочая группа рассматривает системные проблемы и нарушения прав предпринимателей в различных сферах государственного регулирования, в том числе: при осуществлении уголовного преследования предпринимателей; в рамках контрольно-надзорной деятельности; при формировании тарифов на услуги естественных монополий и системы налогообложения; при осуществлении государственных закупок и погашении задолженностей перед подрядчиками по государственным и муниципальным контрактам; в ходе реализации функции распоряжения государственным имуществом и оказания государственных и муниципальных услуг; в вопросах государственной поддержки субъектов предпринимательской деятельности; в связи с неисполнением судебных решений органами власти.

Таким образом, проанализировав ряд специальной научной литературы, возможно акцентировать внимание на главные формы взаимодействия института Уполномоченного по защите прав предпринимателей с органами исполнительной власти: «запрос различных документов у органов государственной власти и органов местного самоуправления; заключение различных соглашений о сотрудничестве в сфере охраны прав и интересов предпринимателей; проведение совместных научно-практических мероприятий, конференций, в т.ч. форумов, симпозиумов, выступающих в виде определённых площадок для диалога бизнеса и государства; разбор и

анализ жалоб субъектов предпринимательской деятельности и проверок совместно с органами исполнительной власти; работа в качестве эксперта в разнообразных научных, консультационных советах, которые функционируют при различных государственных органах; составление различных заключений, направленных на восстановление нарушенных прав предпринимателей и на направление их в органы государственной власти; подготовка Уполномоченным по защите прав предпринимателей обязательных ежегодных отчетных документов (доклады, отчеты), а также мотивированных предложений для органов государственной власти и органов местного самоуправления» [11].

Далее можно указать на формы непосредственного взаимодействия Уполномоченного по защите прав предпринимателей с представителями судебной власти:

1. Подача различных исков в целях защиты прав и интересов предпринимателей.
2. Участие в качестве различных участников процесса: истец, заявитель, третьи лица;
3. Участие в качестве различных участников процесса: истец, заявитель, третьи лица;
4. участие в качестве защитника по административному судопроизводству на основе ходатайства, по уголовному судопроизводству на основе ходатайства и по решению суда;
5. Подача в Конституционный суд РФ запросов о соответствии Конституции РФ соответствующими субъектами, имеющих такое правомочие
6. Участие в заседаниях Конституционного Суда РФ.

Законодательство субъектов в большинстве своих актов содержат отдельную норму о взаимодействии бизнес-омбудсмана (Республики Бурятия, КБР).

В некоторых отсутствуют специальная отдельная норма о взаимодействии, лишь как пункт либо часть статьи (Республика КЧР, Северная Осетия – Алания, Адыгея, Краснодарского края)

Закон Ростовской области «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Ростовской области» в статье 7, определяет начала взаимодействия Уполномоченного с государственными, муниципальными органами и иными органами и организациями

«1. Уполномоченный в рамках своей компетенции осуществляет взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления, полномочными представителями Президента Российской Федерации в федеральных округах, инвестиционными уполномоченными в федеральных округах и иными лицами.

2. Руководители и иные должностные лица органов государственной власти Ростовской области, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в Ростовской области, органов местного самоуправления обязаны обеспечить прием Уполномоченного, а также предоставить ему запрашиваемые сведения, документы и материалы в срок, не превышающий пятнадцати дней со дня получения соответствующего обращения. Ответ на обращение Уполномоченного направляется за подписью должностного лица, которому оно непосредственно было адресовано.

3. Уполномоченный осуществляет ежеквартальное информирование о своей деятельности в средствах массовой информации.

4. По окончании календарного года Уполномоченный представляет Губернатору Ростовской области и в Законодательное Собрание Ростовской области доклад о своей деятельности. Представленный в Законодательное Собрание Ростовской области доклад Уполномоченного заслушивается на заседании Законодательного Собрания Ростовской области.

5. По окончании календарного года Уполномоченный направляет Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей информацию о результатах своей деятельности с оценкой условий осуществления предпринимательской деятельности в Ростовской области и предложениями о совершенствовании правового положения субъектов предпринимательской деятельности» [12].

Для реализации вышеуказанной нормы ростовским бизнес-омбудсменом в рамках своей деятельности заключены Соглашения о сотрудничестве (взаимодействии), в частности, «Соглашение Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Ростовской области и прокурора Ростовской области о взаимодействии в сфере защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности от 21.03.2013 г.; Соглашение о взаимодействии Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Ростовской области и Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Ростовской области от 01.07.2016г.; Соглашение о сотрудничестве между Главным управлением Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по Ростовской области и Уполномоченным по защите прав предпринимателей в Ростовской области от 17.01.2019» [13].

Таким образом, исходя из проведенного правового анализа действующего законодательства наблюдаем двойственный характер института Уполномоченного по защите прав предпринимателей. Исходя из этого и формируется особый порядок взаимодействия бизнес –омбудсмена с государственными органами, что дает уполномоченному по защите прав предпринимателей возможность быть арбитром между государством и бизнесом. Тем не менее, представляется возможным переход «на следующий этап взаимоотношений предпринимательского сообщества и публичной власти, позволяющие бы выходить на макроэкономический уровень планирования и решения проблем» [14]. Данный факт дает возможность увеличить полномочия бизнес-омбудсмена, трансформировать его институциональный статус, готовность власти к активной экономической политике.

Список литературы:

1. Горбачев А. П. Специализация института уполномоченного по правам человека в РФ (на примере Уполномоченного по защите прав предпринимателей): дисс. ... канд. юрид. наук 12.00.02 / А. П. Горбачев. Елец, 2015. 193 с
2. Кирилловых А. А. Уполномоченный по правам предпринимателей: основы правового статуса в системе правозащитных институтов //Законодательство и экономика. 2013. № 11.
3. О внесении изменений в Реестр должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574, и в Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 763 «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих» : указ Президента РФ от 25.06.2012 № 894 // Собр. законода-

тельства Рос. Федерации. 2012. № 27, ст. 3681.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер.закон от 14.11.2002 №138-ФЗ // Российская газета.- №220.- 2002; О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ// Российская газета.- №95.- 2006; Об исполнительном производстве: федер.закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ// Российская газета.- №223.- 2007; Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер.закон от 27.07.2010 №210-ФЗ// Российская газета.- №168.- 2010
5. Порядок подачи и рассмотрения жалоб, принятия решений по ним Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей [Электронный ресурс] : локальный акт Уполномоченного от 06.06.2013.//СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 07.05.2013 N 78-ФЗ (ред. от 30.04.2021) "Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации".//Собрание законодательства РФ. 13.05.2013. N 19, ст. 2305.
7. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации".// Парламентская газета. N 70-71.11.05.2006.
8. Беляков П. А. Международное сотрудничество как вид деятельности прокурора по защите права граждан на обращение в органы публичной власти // Отечественная юриспруденция.- 2016.- № 7 (9)
9. Доклад Уполномоченного по защите прав предпринимателя РФ Президенту РФ за 2021: [Электронный ресурс]/ <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/1.pdf>
10. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 11.06.2022) "О прокуратуре Российской Федерации".//Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 20.02.1992. N 8. Ст. 366.
11. Фадеева В.А. Конституционно-правовой статус уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.02-Саратов, 2016. - 193 с.; Park S., Korean Preaching, Han, and Narrative– Peter Lang. - 2008. –282 p.
12. Закон Ростовской области от 30 июля 2013 № 1146-ЗС «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Ростовской области. [Электронный ресурс] <https://www.donland.ru/documents/2459/>
13. Официальный сайт Уполномоченного по защите прав предпринимателей по Ростовской области.// <http://www.omb-pro.ru/soglashenie.php>
14. Комкова Г. Н. Предисловие // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса. - 2009. - С. 5.

Trifonov S.G. Commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs in the system of interaction with public authorities in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 177-184.

The article is devoted to certain issues of interaction between the commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs and public authorities at both the federal and regional levels. This interaction is of a special nature due to both the state and public nature of the very position of the commissioner. This duality of the legal nature gives a special character to the studied interaction.

The article analyzes the rights of the Commissioner under the President of the Russian Federation for the Protection of the Rights of Entrepreneurs when considering a complaint, and also establishes a legal basis for interaction with federal and regional public authorities.

It has been established that the regulation of the interaction of the Commissioner under the President of the Russian Federation for the Protection of the Rights of Entrepreneurs with federal government bodies is implemented in special agreements with the relevant public authorities. These agreements contain provisions on information exchange, on the formation and implementation of a joint information policy in established areas of activity, on the interaction of the parties in the form of joint events, meetings, and on the creation of joint working groups.

Thus, it is possible to focus on the main forms of interaction between the institution of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs and executive authorities: “requesting various documents from public authorities and local governments; conclusion of various agreements on cooperation in the field of protection of the rights and interests of entrepreneurs; holding joint scientific and practical events, conferences, including forums, symposia, acting as certain platforms for dialogue between business and the state; analysis and analysis of complaints of business entities and inspections together with executive authorities; work as an expert in a variety of scientific, advisory councils that operate under various government bodies; drawing up various conclusions aimed at restoring the violated rights of entrepreneurs and sending them to state authorities; preparation by the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs of manda-

tory annual reporting documents (reports, reports), as well as motivated proposals for public authorities and local governments

Keywords: Commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs, public authorities, entrepreneurial activity, interaction, mechanism of the state, apparatus of the state.

Spisok literaturi:

1. Gorbachev A. P. Spetsializatsiya instituta upolnomochennogo po pravam cheloveka v RF (na primere Upolnomochennogo po zashchite prav predprinimateley): diss. ... kand. yurid. nauk 12.00.02 / A. P. Gorbachev. Yelets, 2015. 193 s
2. Kirillovykh A. A. Upolnomochenny po pravam predprinimateley: osnovy pravovogo statusa v sisteme pravozashchitnykh institutov // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2013. № 11.
3. O vnesenii izmeneniy v Reyestr dolzhnostey federal'noy gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby, utverzhdennoy Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31 dekabrya 2005 g. № 1574, i v Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 25 iyulya 2006 g. № 763 «O denezhnom sodержanii federal'nykh gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh»: ukaz Prezidenta RF ot 25.06.2012 № 894 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2012. № 27, st. 3681.
4. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]: feder.zakon ot 14.11.2002 №138-FZ// Rossiyskaya gazeta.- №220.- 2002; O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]: feder.zakon ot 02.05.2006 № 59-FZ// Rossiyskaya gazeta.- №95.- 2006; Ob ispolnitel'nom proizvodstve: feder.zakon ot 02.10.2007 № 229-FZ// Rossiyskaya gazeta.- №223.- 2007; Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: feder.zakon ot 27.07.2010 №210-FZ// Rossiyskaya gazeta.- №168.- 2010
5. Poryadok podachi i rassmotreniya zhalob, prinyatiya resheniy po nim Upolnomochennym pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po zashchite prav predprinimateley [Elektronnyy resurs]: lokal'nyy akt Upolnomochennogo ot 06.06.2013. – SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Federal'nyy zakon ot 07.05.2013 N 78-FZ (red. ot 30.04.2021) "Ob upolnomochennykh po zashchite prav predprinimateley v Rossiyskoy Federatsii" // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 13.05.2013. N 19, st. 2305.
7. Federal'nyy zakon ot 02.05.2006 N 59-FZ (red. ot 27.12.2018) "O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii" // Parlament'skaya gazeta. N 70-71.11.05.2006.
8. Belyakov P. A. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo kak vid deyatel'nosti prokurora po zashchite prava grazhdan na obrashcheniye v organy publichnoy vlasti // Otechestvennaya yurisprudentsiya.- 2016.- № 7 (9)
9. Doklad Upolnomochennogo po zashchite prav predprinimateleya RF Prezidentu RF za 2021: [Elektronnyy resurs]/ <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/1.pdf>
10. Federal'nyy zakon ot 17.01.1992 N 2202-1 (red. ot 11.06.2022) "O prokureture Rossiyskoy Federatsii" // Vedomosti SND RF i VS RF. 20.02.1992. N 8. St. 366.
11. Fadeyeva V.A. Konstitutsionno-pravovoy status upolnomochennogo pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po zashchite prav predprinimateley : dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.02- Saratov, 2016. - 193 s.; Park S., Korean Preaching, Han, and Narrative— Peter Lang. - 2008. –282 p.
12. Zakon Rostovskoy oblasti ot 30 iyulya 2013 № 1146-ZS «Ob Upolnomochennom po zashchite prav predprinimateley v Rostovskoy oblasti. [Elektronnyy resurs] <https://www.donland.ru/documents/2459/>
13. Ofitsial'nyy sayt Upolnomochennogo po zashchite prav predprinimateley po Rostovskoy oblasti.// <http://www.omb-pro.ru/soglashenie.php>
14. Komkova G. N. Predisloviye // Politiko-pravovyye problemy vzaimodeystviya vlasti i biznesa v usloviyakh krizisa. - 2009. - S. 5.

УДК 343.3

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВЕ

Улезько И. С.

ФГБОУ ВО «Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ)»

Статья посвящена достаточно дискуссионному в науке и практике понятию предмета вымогательства. В ней рассматривается трехэлементная структура предмета данного преступления. Анализируются различные точки зрения по поводу понимания предмета в целом и его составляющих. Автор обращает внимание на нестыковки некоторых положений гражданского, уголовного права и правоприменительной практики, предлагает варианты их решения. В статье даётся подробный анализ таких категорий как имущество, имущественное право, действия имущественного характера, работы, услуги, цифровое право, исключительное право, право требования, приводятся примеры из практики. Автор полагает, что существующая редакция ст. 163 УК РФ в полной мере отражает содержание предмета вымогательства, позволяет правоприменителю отвечать на новые вызовы при совершении вымогательства.

Ключевые слова: предмет преступления, вымогательство, имущества, право на имущество, действия имущественного характера, работы, услуги.

Предмет преступления как структурный элемент объекта преступления играет важное значение при квалификации общественно опасных деяний. Исходя из формулировки ст. 163 УК РФ, предметом вымогательства является имущество, право на имущество и действия имущественного характера. Ранее в ст. 95 УК РСФСР предметом данного преступления считались только имущество и право на имущество. Изменения, произошедшие в структуре предмета вымогательства, объясняются тем, что содержание предмета преступления не статично. В связи с развитием капиталистической экономики, информационных технологий, развитием интеллектуальной собственности предмет вымогательства получил новое осмысление и обусловил появление нового структурного элемента предмета данного преступления – действия имущественного характера.

Кроме того, прочие элементы предмета вымогательства наполнились новым содержанием. Именно три составляющие определены законом и ВС РФ как предмет вымогательства. Однако единства мнений по поводу предмета данного преступления нет ни у ученых, ни у практиков. Нет ясности ни в предложенном законодателем понимании предмета преступления, ни в понимании содержания самих структурных элементов предмета.

Ученые по-разному определяют предмет преступления. Так Волженкин Б.В. [2, с. 385], Улезько С.И. [3, с. 342], Шишкин А.Д. [9, с. 36] говорили о трехсоставном понимании предмете преступления вслед за законодателем. В.И. Симонов и В.Г. Шумихин, опираясь на классическое понимание предмета преступления, определяя его как вещь материального мира, полагают, что предметом вымогательства является только имущество как вещь [8, с. 102]. С.М. Кочои считает, что право на имущество охватывается категорией имущества, поэтому нет смысла выделять его отдельным элементом предмета вымогательства [4, с. 91].

В.Н. Сафонов шире подходит к пониманию права на имущество и обращает внимание на то, что имущественное право является не только имуществом, но и

действием имущественного характера, что не всегда согласуется с нормами гражданского права и обычаями делового оборота [7, с. 36].

И.А. Клепицкий вообще считает дискуссию надуманной, т.к. к в конечном итоге интерес преступника всегда направлен на завладение материальной вещью [1, с. 13]. Это не совсем так. Если в отношении права на имущество эта мысль в большинстве случаев верна, то в действиях имущественного характера (например, предоставление услуги) это не работает. Важна не вещь, а услуга как процедура.

Общепризнанным предметом вымогательства является имущество. В уголовном праве под имуществом традиционно понимают любую вещь, имеющую потребительскую ценность. Имущество должно быть чужим и не изъятым из оборота. Гражданский Кодекс в ст. 128 ГК РФ относит к имуществу вещи и имущественные права (в том числе цифровые права). «Цифровое право» – это совокупность электронных данных, которая удостоверяет права на объекты гражданских прав. Легальное определение таких прав дано в ст. 141.1 ГК РФ. Фактически это – средство идентификации пользователя в блокчейне, обеспечивающее возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества).

Конституционный Суд Российской Федерации также считает, что имущественные права относятся к имуществу [10]. В этой части прав С.М. Кочои, который, говоря о предмете преступления, отождествляет имущество и имущественные права. Поэтому формально, без учетов интересов правоприменения нет необходимости в выделении в диспозиции ст. 163 УК РФ такого элемента предмета преступления как право на имущество, достаточно упомянуть лишь об имуществе, что вполне согласуется с мнением Конституционного Суда РФ и положениями ГК РФ.

Однако следует обратить внимание на то, что в самом ГК РФ законодатель наряду с имуществом выделяет право на имущество в силу значимости и специфики имущественных прав, поэтому УК РФ лишь продолжает линию законодателя. «В последнее время имущественные права приобрели особую значимость, поскольку наряду с вещами они признаются объектом права собственности и иных вещных прав. Основанием для этого является то, что, во-первых, имущественные права стали таким же благом, как и вещи, деньги, ценные бумаги и т.д.; во-вторых, они перестали быть ограниченно оборотоспособными в рамках обязательственных правоотношений, что имело место при уступке требования (цессии) и в некоторых других отношениях. Ныне имущественные права признаны таковыми законодательством и в области вещного, исключительного, корпоративного правоотношения и т.д. В-третьих, признание имущественных прав в качестве объекта обуславливается их свойством удовлетворять определенные потребности субъектов гражданского права. В-четвертых, это продиктовано развитием гражданского оборота, где по поводу имущественных прав возникают разные по характеру гражданско-правовые отношения» [5, с. 25].

Вместе с тем Верховный Суд РФ, определяя предмет вымогательства, вносит в определение предмета преступления некоторую путаницу. Бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства он почему-то не считает в отличии от ГК РФ имущественными правами, что противоречит гражданскому

законодательству, отсылка к которому является обязательной. Эту досадную ошибку необходимо исправить.

Верховный Суд разъяснил, что имущественными права также являются исключительные права и права требования.

В ст. 1229 ГК РФ исключительное право определено как право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации. Они же являются объектами гражданских прав, перечисленных в ст. 128 ГК РФ. Это право – имущественное. Оно передается по договору и наследуется. Доходы от совместного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат или на такое средство распределяются между всеми правообладателями в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Согласно ст. 1225 ГК РФ «результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются:

- 1) произведения науки, литературы и искусства;
- 2) программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ);
- 3) базы данных;
- 4) исполнения;
- 5) фонограммы;
- 6) сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания);
- 7) изобретения;
- 8) полезные модели;
- 9) промышленные образцы;
- 10) селекционные достижения;
- 11) топологии интегральных микросхем;
- 12) секреты производства (ноу-хау);
- 13) фирменные наименования;
- 14) товарные знаки и знаки обслуживания;
- 14.1) географические указания;
- 15) наименования мест происхождения товаров;
- 16) коммерческие обозначения».

Под правом на имущество, с передачей которого могут быть связаны требования при вымогательстве, Пленум Верховного Суда РФ понимает «удостоверенную в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества» [13]. Единственным уточнением к этому может быть то, что сегодня цифровые права, которые, как мы говорили ранее, являются имущественными, подтверждаются не только документами в привычном нам понимании (расписка, доверенность, завещание и т.п.), но и средствами идентификации пользователя в блокчейне в соответствии с правилами информационной системы (электронная подпись, пароль и т.п.).

Судебная практика достаточно четко разделяет понятие имущества и право на него. Так, апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам

Верховного Суда РФ от 15.01.2018 № 73-АПУ17-22 [10] оставлен в силе приговор Верховного Суда Республики Бурятия, согласно которому установлено, что 21 апреля 2016 г. Дамдинов предложил Тихонову, Базыкину Н. совершить вымогательство имущества и права на имущество у Б. под угрозой применения насилия, с чем они согласились. Дамдинов также предложил Киселеву участвовать в этом преступлении, на что тот ответил согласием. Реализуя задуманное, в этот же день, Дамдинов, Тихонов, Базыкин Н. и Киселев прибыли во двор дома Заиграевского района Республики Бурятия, в котором проживал Б. и под угрозой применения насилия потребовали от него передать им трех баранов, стоимостью 6000 рублей каждый, а также написать расписку с обязательством о добровольной и безвозмездной передаче им баранов. После того как Б. ответил отказом, Тихонов и Базыкин Н., с целью понуждения Б. выполнить их требования, нанесли несколько ударов кулаками по лицу Б., причинив ему физическую боль. Не добившись от Б. положительного ответа на свои требования, Дамдинов, Тихонов, Базыкин Н., Киселев покинули место преступления. Действия указанных лиц были квалифицированы как вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества и права на имущество под угрозой применения насилия, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия [10].

Легального определения действий имущественного характера в отечественном праве нет. Данная категория анализируется в Постановлениях Пленума ВС РФ. К действиям имущественного характера, на совершение которых направлено требование при вымогательстве, относятся действия, не связанные непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав (в частности, производство работ или оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота; исполнение потерпевшим за виновного обязательств) [13].

Под оказанием услуг имущественного характера суды понимают предоставление лицу любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатных либо по заниженной стоимости туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, исполнение обязательств перед другими лицами) [12]. Следует обратить внимание, что работа и услуга хотя и схожие, но не идентичные понятия. Первое предполагает наличие овеществленного результата, а второе нет. Их результаты помимо имущества являются объектами гражданских прав, упомянутых в ст. 128 ГК РФ. С этой позиции предмет вымогательства гораздо шире понятие имущества, поэтому оценка предмета данного преступления только как имущества не верна. Действиями, не связанными с переходом вещных прав, могут являться сообщения, обладающие инсайдерской информацией, которая в конечном итоге принесет вымогателю определенную выгоду.

Бурное развитие имущественной сферы и использование электронных (удаленных) услуг формируют у вымогателей новые цели, которые не относятся ни к имуществу, ни к имущественным правам (например, связаны с получением информации о механизмах корпоративного управления и контроля, банковской, биржевой и прочей инсайдерской информации и т. д.), а значит, могут пресекаться

уголовным преследованием с использованием расширенного предмета вымогательства в виде действий имущественного характера [6].

Итак, трехэлементная структура предмета преступления, изложенная в ст. 163 УК РФ соответствует требованиям юридической техники, принципам уголовно-правовой политики, обеспечивает эффективное правоприменение. В новой редакции Пленума ВС РФ, касающегося вымогательства, следует учесть досадные опечатки, связанные с содержанием права на имущество. Наличие такой категории как «действия имущественного характера», позволяют оперативно реагировать на новые цели вымогателей.

Список литературы:

1. Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. 2000. N 12. 17с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/ отв ред. А.И.Бойко. Ростов-на-Дону; Изд-во «Феникс»,1996, 736с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постанейными материалами и судебной практикой/ научный редактор Улезько С.И.- Ростов н/Д: Издательский центр 2МарТ»,2002, 740с.
4. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности: учебно-практическое пособие. – М., 2000, 288с.
5. Менглиев Ш. Имущественные права как объект права и правоотношения // Юрист. – 2004. - №9, С.26-21.
6. Рыбин И.В.// Теоретические и практические вопросы применения категории "действия имущественного характера" "Российское право: образование, практика, наука", N 3, май-июнь 2016 г.) / Электронный ресурс ГАРАНТ.
7. Сафонов В.Н. Организованное вымогательство (уголовно-правовой и криминологический аспекты) – СПб., 1997, 314с.
8. Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность: Учебное пособие. - М.: Изд-во Юрид. ин-та МВД РФ, 1993,160с.
9. Шишкин А.Д. Вымогательство в системе уголовно-правовых понятий: Некоторые проблемы законодательной регламентации // Российская юстиция. - 2006. - №12., С.34-39.
10. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.01.2018 № 73-АПУ17-22. [Электронный ресурс].
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 N 9-П. / Электронный ресурс Консультант Плюс.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях".
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. N 56 "О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) //СПС Консультант Плюс

Ulezko I. S. The subject of the crime of extortion // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 185-190.

The article is devoted to a rather controversial concept in science and practice of the subject of extortion. It examines the three-element structure of the subject of this crime. Various points of view on the understanding of the subject as a whole and its components are analyzed. The author draws attention to the inconsistencies of some provisions of civil, criminal law and law enforcement practice, offers solutions to them. The article provides a detailed analysis of such categories as property, property law, actions of a property nature, works, services, digital law, exclusive right, right of claim, and provides examples from practice. The author believes that the existing version of Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation fully reflects the content of the subject of extortion, allows the law enforcement officer to respond to new challenges when committing extortion.

Keywords: the subject of the crime, extortion, property, the right to property, actions of a property nature, works, services.

Spisok literaturi:

- 1.Klepitskiy I.A. Nedvizhimost' kak predmet khishcheniya i vymogatel'stva // Gosudarstvo i pravo. 2000. N 12. 17s.
2. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii/ отв red. A.I.Boyko. Rostov-na-Donu; Izd-vo «Feniks»,1996, 736s.

3. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii s postateynymi materialami i sudebnoy praktikoy/ nauchnyy redaktor Ulez'ko S.I.- Rostov n/D: Izdatel'skiy tsentr 2MarT»,2002, 740s.
4. Kochoi S.M. Otvet-stvennost' za korystnyye prestupleniya protiv sobstvennosti: uchebno-prakticheskoye posobiye. – M., 2000, 288s.
5. Mengliyev SH. Imushchestvennyye prava kak ob"yekt prava i pravootnosheniya // Yurist. – 2004. - №9, S.26-21.
6. Rybin I.V.// Teoreticheskiye i prakticheskiye voprosy primeneniya kategorii "deystviya imushchestvennogo kharaktera" "Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka", N 3, may-iyun' 2016 g.) / Elektronnyy resurs GARANT.
7. Safonov V.N. Organizovannoye vymogatel'stvo (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty) – SPb., 1997, 314s.
8. Simonov V.I., Shumikhin V.G. Kvalifikatsiya nasil'stvennykh posyagatel'stv na sobstvennost': Uchebnoye posobiye. - M.: Izd-vo Yurid. in-ta MVD RF, 1993,160s.
9. Shishkin A.D. Vymogatel'stvo v sisteme ugolovno-pravovykh ponyatiy: Nekotoryye problemy zakonodatel'noy reglamentatsii // Rossiyskaya yustitsiya. - 2006. - №12., S.34-39.
10. Apellyatsionnoye opredeleniye Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 15.01.2018 № 73-APU17-22. [Elektronnyy resurs].
11. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 06.06.2000 N 9-P. / Elektronnyy resurs Konsul'tant Plyus.
12. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.07.2013 N 24 (red. ot 24.12.2019) "O sudebnoy praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsionnykh prestupleniyakh".
13. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 17 dekabrya 2015 g. N 56 "O sudebnoy praktike po delam o vymogatel'stve (stat'ya 163 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii).//SPS Konsul'tant Plyus

УДК 347

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Улезько А. Ю., Князева Т. В.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Институт исковой давности, безусловно, один из важнейших институтов гражданского процессуального права в силу того факта, что устанавливает временные границы для защиты нарушенного субъективного права посредством использования механизмов судебной защиты. Вокруг понятия исковой давности не утихают споры и этот след уходит в далекое прошлое, в статье дается исторический экскурс развития дефиниции исковой давности, отражены воззрения ведущих ученых-цивилистов на предмет ее изменения. Процесс модернизации и непрерывного развития института сроков исковой давности был запущен с принятием действующего Гражданского кодекса Российской Федерации и продолжается в настоящее время.

По результатам исследования авторы приходят к выводу об огромном значении исковой давности для теории и практики правоприменения, в связи с тем, что данный институт содействует укреплению дисциплины участников гражданского оборота, стимулирует их активность в реализации принадлежащих им субъективных прав и обязанностей, оказывает важное влияние на своевременную защиту прав и законных интересов субъектов гражданско-правовых отношений.

Ключевые слова: исковая давность, легальное определение исковой давности, гражданское право.

Актуальность темы настоящего исследования обуславливает и тот факт, что действующее законодательство, содержащее положения о сроках исковой давности, находится в динамичном и в какой-то степени хаотичном процессе постоянного изменения. Примером последнему высказыванию может, например, быть Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.02.2016 года, признавшее одну из норм о сроках исковой давности неконституционной.

Понятие «исковая давность» во все времена вызывало повышенный интерес цивилистов и по сей день идут споры по поводу правильности легального определения исковой давности, закрепленного в ст. 195 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], в статье мы рассмотрим основные моменты по данному вопросу.

Как известно, понятие исковой давности зародилось еще в римском праве, так впервые «исковая давность» была упомянута в преторском эдикте, введенные им иски и сроки ограничивались одним годом. В 424 г. введена была тридцатилетняя давность по всем искам на основании римского гражданского права. И. Е. Энгельман, отмечал, что новый закон основан на том умозаключении, что то, что не было осуществлено в течение целого человеческого века, не должно уже нарушать спокойствия настоящего.

Широкий круг цивилистов понимал под исковой давностью погашение иска в случае не предъявления его течение определенного срока, что является ошибочным. Так, Г. Ф. Шершеневич под этим понимал потерю права обращаться к судебной защите посредством иска по неосуществлению права в течение установленного законом времени. Аналогичное мнение высказывал И. Е. Энгельман, он полагал, что исковая давность представляет собой способ погашения иска, положительно возникшего вследствие непредъявления его в течение определенного срока. Схожая

позиция принадлежала и советским ученым-юристам, например, А. Гурвич полагал, что исковая давность погашает право на иск как в отношении его судебного, так и внесудебного осуществления. Профессор М. П. Ринг раскрывает понятие исковой давности, как прекращение права на иск вследствие непредъявления иска в течение срока, указанного в законе. В противовес указанным мнениям выступает Б.Б. Черпахин, И.Б. Новицкий, которые считали, что исковая давность является сроком, в течение которого допускается принудительное осуществление гражданского субъективного права путем реализации права на иск.

Е. А. Крашенинников в своей работе отмечает что многие ошибочные мнения были ориентированы на формулировку ст. 44 Гражданского Кодекса РСФСР от 11.11.1922г., которая звучит следующим образом, право на иск погашается по истечении трехлетнего срока (исковая давность), если в законе не установлен иной срок давности [3]. Необходимо сказать, что спустя время, в ст. 81 Гражданском кодексе РСФСР от 11.06.1964 [4] было указано следующее предписание: требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом, арбитражем или третейским судом независимо от истечения срока исковой давности, данное предписание впоследствии побудило М.П. Ринга уточнить определение исковой давности, изложив его в следующей редакции: «исковая давность представляет собой установленный законом срок защиты нарушенного гражданского права» [14].

Как отмечалось ранее, современное легальное определение исковой давности закреплено в ст. 195 ГК РФ, так исковой давностью признается срок для защиты прав по иску лица, право которого нарушено, также следует отметить, что законодатель установил обязанность суда принимать к рассмотрению требование о защите нарушенного права независимо от истечения срока исковой давности (ст.199 ГК РФ.) [1]. Положения гражданского законодательства, устанавливающие и определяющие сроки исковой давности носят императивный характер. Данный характер исследуемых норм проявляется в следующем: сроки исковой давности невозможно изменить или отменить по соглашению сторон; основания для правоприменения таких конструкций, как приостановление, прекращение и восстановление течения сроков исковой давности устанавливаются исключительно федеральным законом.

Многие ученые-юристы отмечают, что не считают легальное определение исковой давности идеальным и выделяют ряд недостатков.

Е. А. Крашенинникова, Г.Л. Осокина высказывают мнение, что закрепленное в законодательстве определение исковой давности вводит ограничение на сферу ее действия, так как, по мнению цивилистов, исковая давность применяется не только при нарушении права, но и распространяется на законный интерес [7, с.25; 8, с.60]. Аналогичной позиции придерживается К. Ю. Лебедева, которая предлагает включить в предмет исковой давности помимо защиты прав и законных интересов еще и принадлежащие лицу свободы.

Здесь надо сказать, что не все ученые поддерживают идею расширения предмета исковой давности. Например, Т.А. Терещенко, придерживается позиции, что расширение сферы действия исковой давности не приведет ни к чему, кроме терминологической путаницы и неопределенности [16, с.171]. П. А. Ильичева отмечает, что точка зрения Т. А. Терещенко представляется более обоснованной, поскольку не включение законного интереса либо свобод в предмет исковой давности не может повлечь ограничения права заинтересованного лица на заявление о пропуске иско-

вой давности [5, с.135]. П. А. Ильичев подчеркивает, что это обусловливается прежде всего тем, что законный интерес, как правило, направлен на осуществление либо защиту субъективного права [6, с.22].

Аналогичное мнение по поводу расширения сферы действия исковой давности высказал К. Г. Савин, он считает, что предложение лишено практического смысла, т.к. касается не существа, а формулировок [15, с. 23]. Отсутствие в определении понятия исковой давности слова «интерес» не означает выведение нарушенного или оспариваемого интереса из-под действия давности. Изменение устоявшегося термина «исковая давность» вряд ли целесообразно. И без специального упоминания в законе нет сомнений в том, что исковая давность применяется не только к требованиям о защите нарушенного права, но и к требованиям о защите законного интереса, если только иное не вытекает из существа отношений.

На наш взгляд, мнение, выраженное Т.А. Терещенко, К. Г. Савиным и др. представляются правильными, в силу того, что расширение сферы действия исковой давности в действительности не имеет влияния в юридической практике и не может повлечь за собой ограничение права лица, нуждающегося в судебной защите. Нельзя не согласиться, что нарушение законного интереса или свобод потерпевшего лица непременно несет и нарушение субъективного права, которое согласно легальному определению представляет собой предмет исковой давности, таким образом, защита потерпевшего лица своего законного интереса или свобод напрямую направлена на осуществление субъективного права.

Еще один не менее дискуссионный вопрос, который поднимается большинством цивилистов, это – субъекты, имеющие право обращаться в суд с заявлением о применении исковой давности.

Как было сказано ранее, что согласно легальному определению, исковая давность представляет собой срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Следовательно, как отмечают Е.А. Крашенинников, Г.Л. Осокина, Т.А. Терещенко легальное определение не учитывает то, что за защитой может обратиться не только лицо, право которого нарушено, но также лицо, управомоченное предъявить иск в защиту чужого права [7, с. 32; 8, с. 60; 11, с. 86; 16, с.171].

Необходимо отметить, в действительности, в таком виде легальное определение исковой давности влечет за собой коллизию норм, так, например, согласно п. 1 ст. 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации или граждане вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Также в п. 1 ст. 46 ГПК РФ указано, что заявление в защиту законных интересов недееспособного или несовершеннолетнего гражданина может быть подано независимо от просьбы заинтересованного лица [2].

Следовательно, данная проблема имеется и в отношении тех лиц, которые действуют в чужом интересе от их имени, и в отношении тех лиц, которые действуют в чужом интересе от лица представляемого. В связи с этим, ученые предлагали внести корректировку в легальное определение исковой давности, так П. А. Ильичев предлагал дополнить легальное определение исковой давности, закрепленное в п.1 ст.

195 ГК РФ формулировкой «и иного уполномоченного в соответствии с федеральным законом лица».

С принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» (далее – Постановление Пленума № 43) были внесены разъяснения [20]. Так согласно п.2 Постановления Пленума № 43 в случае нарушения прав физических лиц, не обладающих полной гражданской или гражданской процессуальной дееспособностью (например, малолетних детей, недееспособных граждан), срок исковой давности по требованию, связанному с таким нарушением, начинается со дня, когда об обстоятельствах, указанных в п. 1 ст. 200 ГК РФ, узнал или должен был узнать любой из их законных представителей, в том числе орган опеки и попечительства. Отметим также, что п. 5 Постановления Пленума №43 посвящен обращению в суд органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций или граждан с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц в случаях, когда такое право им предоставлено законом [20].

Таким образом, высший судебный орган растолковал о расширении круга субъектов, имеющих права обращаться в суд с заявлением о применении исковой давности. С учетом изложенного, не считаем обоснованным дополнение легального определения исковой давности, предложенное П. А. Ильичевым.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Российская газета. 1994. № 238-239.
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 г. №138-ФЗ (ред. 11.06.2022)// Российская газета 2002 №220
3. Гражданский кодекс РСФСР от 11.11.1922//Известие ВЦИК 1922 №256 (утратил силу.)
4. Гражданский кодекс РСФСР от 01.10.1964 //Ведомостях Верховного Совета РСФСР 1964., № 24 (утратил силу).
5. Гурвич М.А Право на предъявление иска в теории и судебной практике последних лет// Правоведение. 1961 №2. – С.135
6. Ильичев П.А. Исковая давность. Проблемы теории и правоприменительной практики. Дис. ... канд.юрид. наук: 12.00.03// Москва, 2014. – С. 22-26.
7. Крашенинников Е.А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997. – С. 25, 32.
8. Крашенинников Е.А. Исковая давность в проекте Основ гражданского законодательства. Ярославль, 1992. – С. 60.
9. Лебедева К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков. Дис. ... канд.юрид. наук: 12.00.03 / Томск, 2003. – С. 98.
10. Новицкий И. Б. Сделки, исковая давность // М., 1954.– С 138.
11. Осокина Г.Л. К вопросу о понятии исковой давности // Вестник Томского Государственного Университета. 2012. №3.– С. 86.
12. Полевая О.С., Исковая давность в российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. – С. 22.
13. Ринг М.П. Исковая давность в советском гражданском праве. Автореф. дис...канд. юрид. наук // - М.: 1952. – С. 8.
14. Ринг М.П. Исковая давность в новом Гражданском кодексе РСФСР//Советская юстиция - М.:Госюриздат РСФСР, 1964, №19.
15. Савин К.Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве. Дис. ... канд.юрид. наук: 12.00.03//Москва. 2019. – С. 23.
16. Терещенко Т.А., «Понятие исковой давности», Москва, 2006. – С. 171.
17. Черепяхин Б.Б. Глава 11. Сроки. Исковая давность // Советское гражданское право. Том 1, Ленинград, 1971. – С 220-222.
18. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. - М.: Спарк, 1995. – С. 135.
19. Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву // Вестник права. – СПб.: Сенатская типография, 1901. – №3. – С. 3.

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 (ред. от 22.06.2021) "О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 12. декабрь, 2015.

Ulezko A. Y., Knyazeva T. V. Once again to the question of the definition of the limitation period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 191-195.

The statute of limitations is, of course, one of the most important institutions of civil procedural law due to the fact that it establishes time limits for the protection of a violated subjective right through the use of judicial protection mechanisms. Disputes around the concept of limitation period do not subside and this trace goes back to the distant past, the article gives a historical overview of the development of the definition of limitation period, reflects the views of leading civil scientists on the subject of its change. The process of modernization and continuous development of the institution of limitation periods was launched with the adoption of the current Civil Code of the Russian Federation and is ongoing.

Based on the results of the study, the authors come to the conclusion that the statute of limitations is of great importance for the theory and practice of law enforcement, due to the fact that this institution helps to strengthen the discipline of participants in civil circulation, stimulates their activity in the implementation of their subjective rights and obligations, and has an important impact on the timely protection of the rights and legitimate interests of subjects of civil law relations.

Keywords: limitation period, legal definition of limitation period, civil law.

Spisok literaturi:

1. Grazhdanskiy kodeks RF (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 25.02.2022) // Rossiyskaya gazeta. 1994. № 238-239.
2. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks RF ot 14.11.2002 g. №138-FZ (red. 11.06.2022)// Rossiyskaya gazeta 2002 №220
3. Grazhdanskiy kodeks RSFSR ot 11.11.1922//Izvestiye VTSIK 1922 №256 (utratil silu.)
4. Grazhdanskiy kodeks RSFSR ot 01.10.1964 //Vedomostyakh Verkhovnogo Soveta RSFSR 1964., № 24 (utratil silu).
5. Gurvich M.A Pravo na pred'yavleniye iska v teorii i sudebnoy praktike poslednikh let// Pravovedeniye. 1961 №2. – S.135
6. Il'ichev P.A. Iskovaya davnost'. Problemy teorii i pravoprimeritel'noy praktiki. Dis. ... kand.yurid. nauk: 12.00.03// Moskva, 2014. – S. 22-26.
7. Krashennnikov Ye.A. Ponyatiye i predmet iskovoy davnosti. Yaroslavl', 1997. – S. 25, 32.
8. Krashennnikov Ye.A. Iskovaya davnost' v projekte Osnov grazhdanskogo zakonodatel'stva. Yaroslavl', 1992. – S. 60.
9. Lebedeva K.YU. Iskovaya davnost' v sisteme grazhdansko-pravovykh srokov. Dis. ... kand.yurid. nauk: 12.00.03 / Tomsk, 2003. – S. 98.
10. Novitskiy I. B. Sdelki, iskovaya davnost' // M., 1954.– S 138.
- 11.Osokina G.L. K voprosu o ponyatii iskovoy davnosti // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2012. №3.– S. 86.
- 12.Polevaya O.S., Iskovaya davnost' v rossiyskom grazhdanskom prave: Dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2004. – S. 22.
- 13.Ring M.P. Iskovaya davnost' v sovet'skom grazhdanskom prave. Avtoref. dis...kand. jurid. nauk //- M.: 1952. – S. 8.
- 14.Ring M.P. Iskovaya davnost' v novom Grazhdanskom kodekse RSFSR//Sovet'skaya yustitsiya - M.:Gosyurizdat RSFSR, 1964, №19.
- 15.Savin K.G. Iskovaya davnost' v sovremennom otechestvennom i zarubezhnom grazhdanskom prave. Dis. ... kand.yurid. nauk: 12.00.03//Moskva. 2019. – S. 23.
- 16.Tereshchenko T.A., «Ponyatiye iskovoy davnosti». Moskva, 2006. – S. 171.
- 17.Cherepakhin B.B. Glava 11. Sroki. Iskovaya davnost' // Sovet'skoye grazhdanskoye pravo. Tom 1, Lenin-grad, 1971, – S 220-22.
- 18.Shershenovich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. - M.: Spark, 1995. – S. 135.
- 19.Engel'man I.Ye. O davnosti po russkomu grazhdanskomu pravu // Vestnik prava. – SPb.: Senat'skaya tipografiya, 1901. – №3. – S. 3.
- 20.Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.09.2015 N 43 (red. ot 22.06.2021) "O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s primeneniym norm Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob iskovoy davnosti.// Byulleten' Verkhovnogo Suda RF.N 12. dekabr', 2015.

УДК: 342.95

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК
СУБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В
ОБЛАСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ**

Цындра В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется потребность в исследовании места и роли Министерства внутренних дел России в формировании административно-наказательной политики.

Раскрыто содержание функций МВД России как субъекта административно-наказательной политики, участвующего в её формировании и реализации. Приведены примеры участия МВД России в подготовке проектов законодательных актов, направленных на совершенствование законодательства об административной ответственности, в том числе и проекта КоАП РФ (2018-2021 гг.), а также реализации её положений в практической деятельности органов внутренних дел.

Выделены подразделения МВД России, которые наиболее активно участвуют в разработке предложений, касающихся установления административной ответственности за отдельные правонарушения, а также видов и размеров административных наказаний.

Отдельно рассмотрены задачи Договорно-правового департамента МВД России, поздравлений органов внутренних дел по применению и исполнению административного законодательства в разработке, экспертном сопровождении и обсуждении этих законопроектов, а также правоприменительной деятельности органов внутренних дел.

Сделан вывод о том, что МВД России является одним из основных субъектов формирования государственной политики в области административных наказаний, назначаемых за правонарушения в сфере дорожного движения, обеспечения миграционного режима, общественного порядка и общественной безопасности.

Высказаны предложения по оптимизации взаимодействия МВД России и других субъектов административно-наказательной политики.

Ключевые слова: государственная политика в области административных наказаний, административно-наказательная политика, субъекты государственной политики, Министерство внутренних дел Российской Федерации, МВД России, законопроект, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Реализуемые в России в рамках конституционной реформы и реформы контрольно-надзорной деятельности мероприятия, предусматривают, в том числе, и трансформацию отечественного законодательства об административной ответственности, базирующего на обновлении принципов использования административно-деликтной репрессии, усилении профилактической и воспитательной функций административных наказаний, а также защиты прав и свобод участников производства по делам об административных правонарушениях.

При этом, отражение общественных и государственных интересов в правовом регулировании административно-деликтных отношений обеспечивается путем формирования соответствующей разновидности государственной политики, а также важной её составляющей – государственной политики в области административных наказаний.

Сегодня в Российской Федерации имеется ряд тенденций, отражающих отношение государства к административно-деликтному способу защиты, которые следует учитывать и при разработке административно-наказательной политики: уменьше-

ние административной репрессии в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, целью которого является снижение давления на бизнес-структуры; усиление административной ответственности за отдельные виды правонарушений, совершаемых физическими лицами (например, в области дорожного движения, обеспечения безопасности при проведении), связанное с необходимостью преодоления установок граждан к совершению повторных правонарушений, вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность, оскорбление органов публичной власти, обеспечение санитарно-эпидемиологического режима и др.; массовостью привлечения граждан к административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, фиксируемые работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, а также применение в связи с этим упрощенного порядка привлечения владельцев транспортных средств к административной ответственности; увеличение числа преюдиций с административной преюдицией.

В связи с отсутствием нормативно закреплённой в виде отдельного документа концепции государственной политики в области административных наказаний, перечень субъектов её формирования определяется исходя из полномочий государственных органов и других участников процесса правотворчества.

Проведённые нами исследования позволяют Министерству внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) относить к одному из основных субъектов формирования административно-наказательной политики [1; 2].

Статистические данные свидетельствуют, что увеличение числа административных правонарушений произошло преимущественно за счет противоправных деяний в области дорожного движения. Например, органами внутренних дел в 2016 году было выявлено 95,5 млн. правонарушений, а в 2020 году – 175,7 млн. (рост составил 83,9%). Абсолютное большинство (145,7 млн или 87%) правонарушений в сфере БДД выявлены с использованием специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. В ходе непосредственного выполнения служебных обязанностей сотрудниками полиции выявлено 21,6 млн, или 13% правонарушений в сфере безопасности дорожного движения [3].

В связи с интенсификацией процессов совершенствования законодательства об административной ответственности проведение исследования особенностей статуса МВД России как субъекта государственной политики в области административных наказаний предлагается признать актуальным и своевременным.

Теоретической базой анализа предложенной нами темы являются работы административистов, в которых раскрывается основы административно-деликтивной политики в целом, а также конкретизируется статус субъектов её формирования и реализации: Э.Е. Гензюка, В.В. Денисенко, А.Н. Дерюги, А.Н. Жеребцова, О.А. Заярного, В.В. Игнатенка, И.Ш. Киляшанова, А.В. Кирина, С.Н. Клепикова, О.С. Клепиковой, Д.А. Липинского, Д.М. Лукьянца, И.В. Максимова, Д.Н. Мышляева, Е.Н. Николенко, М.И. Никулина, Ю.И. Попугаева, П.П. Серкова, Ю.П. Соловья, Ю.Н. Старилова, М. С. Студеникиной, А.С. Родионовой, О.С. Рогачовой, А.Ю. Якимова и ряда других.

В то же время, статус МВД России в этой сфере изучен недостаточно. Думается, что такая ситуация обусловлена как сложностью самой проблемы, так и отсутстви-

ем необходимых методологических основ для её исследования.

С целью устранения данного пробела предлагается: раскрыть содержание функций МВД России как субъекта административно-наказательной политики, конкретизировать задачи подразделений органов внутренних дел, принимающих участие в её формировании (в первую очередь, Договорно-правового департамента МВД России, подразделений органов внутренних дел по применению и исполнению административного законодательства), изложить предложения для совершенствования полномочий МВД России по обеспечению данного направления государственной политики.

При определении роли и места МВД России среди субъектов государственной политики в области административных наказаний необходимо исходить из особенностей правового положения данного федерального органа исполнительной власти закреплённого в Указе Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации».

Характеризуя функции МВД России в рассматриваемой нами области предлагается учитывать предложенное нами понимание государственной политики в области административных наказаний как «динамического процесса, который состоит из двух фаз: формирования и реализации» [4].

Так, в процессе формирования этой политики МВД России регулярно готовит законопроекты, для оперативного регулирования общественных отношений, подвергающихся воздействию со стороны изменений в обстановке в сфере внутренних дел, приоритетности тех или иных задач в конкретный период времени, проблем, возникающих при реализации возложенных на него полномочий, выявленных в результате правоприменения.

В части, касающейся совершенствования законодательства об административных правонарушениях в период 2015-2021 гг. МВД России разработано или приняло участие в разработке более 50 проектов законов о внесении изменений в КоАП РФ, которые касались: введения ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, в сфере оборота наркотических средств, безопасности дорожного движения, в том числе и путем ужесточения административного наказания; установления административной ответственности за нарушения законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, совершенные в период введения режима повышенной готовности или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина); исчисления сроков административного задержания; уточнения полномочий органов внутренних дел по рассмотрению дел об административных правонарушениях; выполнения административного выдворения за пределы РФ и др. [5-6].

Непосредственно участвуя в подготовке проекта нового КоАП РФ МВД России разработало ряд существенных дополнений к его проекту, которые направлены: на усиление административной ответственности за правонарушения в сфере безопасности дорожного движения; расширение полномочий сотрудников полиции по наложению административных наказаний, введение дополнительных мер процессу-

ального обеспечения (например, ограничения действия права на управление транспортным средством); снижение числа «незначительных» административных правонарушений; делегирования части полномочий полиции органам власти субъектов РФ; отмены такого наказания как административный арест [7-8].

Такие предложения связаны с необходимостью реализации комплекса мероприятий по снижению смертности и травмирования граждан в результате дорожно-транспортных происшествий, распространяем коронавируса инфекции, сложностью администрирования возрастающего числа административных правонарушений, увеличением числа составов административных правонарушений, решения по которым принимают сотрудники полиции.

Кроме этого, МВД России являлось официальным представителем Правительства России, а также других субъектов законодательной инициативы, по федеральным законам, касающимся изменений в КоАП РФ. Например, в 2020 году такое представительство осуществлялось по 1 законопроекту (№ 876368-7), в 2019 году – по 4 (№606596-7, № 575754-7, 607321-7, №709497-7).

Следует отметить важную роль Министра внутренних дел РФ в формировании государственной политики, который вносит Президенту России и Правительству России проекты законодательных и иных нормативных правовых актов РФ по вопросам, относящимся к сфере внутренних дел, а также коллегии Министерства, определяющей магистральные направления развития государственной политики в сфере внутренних дел и приоритетных задачи для ОВД в определённый период времени или на отдельных направлениях их функционирования [10;11].

Например, на расширенной (с участием Президента Российской Федерации) коллегии МВД России 17.02.2022 г. обращалось внимание на ряд приоритетных задач, решение которых предусматривает и разработку предложений для совершенствования административно-деликтного законодательства: обновление нормативной базы для противодействия правонарушениям, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем, в отношении и с участием несовершеннолетних, распространением экстремистской идеологии, в области безопасности дорожного движения, а также совершаемым иностранными гражданами [11]. Такие коллегии проводятся ежегодно, а рассматриваемые на них постановочные вопросы, актуализируют правотворческую и практическую работу органов внутренних дел России.

Для обеспечения функции МВД России по выработке и реализации государственной политики в области совершенствования нормативно-правового регулирования сферы внутренних дел в структуре МВД России создан Договорно-правовой департамент. Задачами этого Департамента являются: организация и участие в формировании основных направлений государственной политики в области совершенствования нормативно-правового регулирования сферы внутренних дел; обеспечение совершенствования нормативно-правового регулирования сферы внутренних дел; осуществление контроля за соответствием издаваемых МВД России нормативных правовых актов, ненормативных актов управления законодательству Российской Федерации (п.п.9.1-9.3) [12]. Именно этот департамент выступает основным структурным подразделением МВД России непосредственно участвующих в разработке государственной политики в области административных наказаний в сфере внутренних дел.

С этой целью он: осуществляет мониторинг законодательных инициатив субъектов Российской Федерации по вопросам совершенствования федерального законодательства в сфере внутренних дел; разрабатывает проекты законодательных и подзаконных актов, носящих комплексный характер, руководит рабочими группами по их подготовке; обеспечивает взаимодействие с другими федеральными органами государственной власти по вопросам нормотворческой работы; подготавливает или участвует в подготовке проектов отзывов и заключений по проектам законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации; проводит правовую экспертизу представляемых на подпись (согласование) Министру проектов законов и актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации; редактирует проекты законов и подзаконных актов и др.

Для выполнения возложенных на Департамент задач он имеет право создавать рабочие группы и комиссии, привлекать в установленном порядке образовательные и научные организации МВД России, участвовать в организации проведения научных исследований, а также совещания, рабочие встречи, научно-практические конференции и семинары.

Среди других подразделений МВД России, наиболее активно участвующих в формировании административно-наказательной политики нами выделены:

а) ГИБДД МВД России, в составе которого функционирует Научный центр БДД МВД России, обеспечивающий выявление социального запроса (общественного мнения) и мониторинг проблем, препятствующих повышению безопасности дорожного движения, применения административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения, подведомственные органам внутренних дел (полиции), а также готовящий обоснования для ужесточения административных наказаний (введение уголовной ответственности) в области безопасности дорожного движения, а также предложений для повышения исполняемости административных наказаний, в первую очередь, штрафов [3];

б) ГУОООП МВД России, которым иницируются законопроекты по введению (усилению) административной ответственности в области обеспечения правопорядка при проведении публичных мероприятий, защите прав несовершеннолетних, уточнения полномочий сотрудников полиции по выявлению административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена законодательством субъектов Российской Федерации и др.[13];

в) ГУВМ МВД России, которое на основе проводимого анализа прогнозов изменения миграционной обстановки, разрабатывает проекты стратегических решений по вопросам миграции, а также проекты законов (например, в 2020 году в рамках совершенствования данного направления деятельности была обеспечена подготовка 9 законов, в том числе, касающихся мер административного воздействия в отношении отдельных категорий иностранцев) [14] и др.

Значительная работа в рассматриваемом нами направлении, проводится научными и образовательными организациями, которые в рамках плановых и инициативных исследований, разрабатывают предложения для совершенствования законодательства об административной ответственности в целом, и в области административных наказаний, в частности. Например, в Сводном перечне проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения

(2021 год), к ним отнесены: устранение законодательных пробелов в сфере противодействия правонарушениям, связанным с умышленным распространением заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях; решение вопросов административной преюдиции за побор; правового сопровождения цифровизации производства по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения и др.[15]

Координация научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел РФ осуществляется ФГКУ «ВНИИ МВД России» [16].

Также следует отметить и роль Общественного совета при МВД России, участвующего в разработке и рассмотрении концепций, программ, инициатив граждан, общественных объединений и организаций и проведение общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам деятельности органов внутренних дел (пп. «б» и «д» п. 4 «Положение об Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 28 июля 2011 года № 1027).

Так, обобщенные результаты рассмотрения обращений граждан и непосредственное обсуждение соответствующих законопроектов осуществляется на заседаниях Общественного совета, в решениях которого делаются выводы о общественной поддержке тех или иных предложений [17].

Подводя итог, проведённого нами анализа, можно констатировать, что: МВД России уполномочено разрабатывать и реализовывать государственную политику в сфере внутренних дел, осуществлять нормативно-правовое регулирование в отраслях общественной жизни, обеспечивающих защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, охрану общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности; в системе МВД России функционируют подразделения непосредственно применяющие и реализующие административное законодательство, а также обеспечивающие правовую работу и правоприменение в органах внутренних дел; образовательные и научные организации системы МВД России обладают научными кадрами и необходимой базой для изучения закономерностей общественных отношений, влияющих на формирование и реализацию административно-наказательной политики, а также разработки предложений для совершенствования законодательства об административной ответственности.

К мерам, которые, по нашему мнению, позволят повысить эффективность участия МВД России в формировании рассматриваемой нами политики, предлагается относить: проведение мониторинга региональных проблем в сфере внутренних дел, который позволит выявлять потребности в применении административно-деликтного способа защиты общественных отношений; разработка методики прогнозирования результатов усиления (отмены) административной ответственности за правонарушения, к которым общественность проявляет повышенное внимание (например, повышение штрафов за нарушения в области безопасности дорожного движения); увеличение числа научных исследований рассматриваемой нами проблематики, в том числе и регионального её аспекта, усиление контроля за внедрением научных результатов в нормотворчество; налаживание взаимодействия между МВД России и другими субъектами государственной политики в области административных наказаний и др.

Список литературы:

1. Цындря, В. Н. Понятие и виды субъектов формирования государственной политики в области административных наказаний в Российской Федерации / В. Н. Цындря // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 23 декабря 2019 года / Отв. редактор Н.В. Генрих. – Краснодар: ООО «Издательский Дом – Юг», 2020. – С. 85-90.
2. Цындря В.Н. Формирование государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний. Учебное пособие – Симферополь, Полипринт, 2020. – 80 с.
3. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2020 году. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021. 75 с.
4. Жеребцов, А. Н. Концептуальные теоретические аспекты административно-наказательной политики Российской Федерации / А. Н. Жеребцов, В. Н. Цындря // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 4(42). – С. 80-84.
5. Обзор основных результатов правовой работы Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2020 году. – ДПД МВД России, 2021, 52 с.
6. Законопроекты. КоАП РФ. МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=query&div=LAW&opt=1&REFDOC=355717&REFBASE=LAW&REFTYPE=CDLT_ALL_LINKS&REFDIFF=0&mode=backrefs&ts=84773606506785666272788322&rnd=0.3952051793754905&REFDOC=355717&REFBASE=LAW&REFTYPE=CDLT_ALL_LINKS&REFDIFF=0&NOQUERYLOG=1#00023364422280141017 (дата обращения: 01 марта 2022 г.).
7. В МВД выдвигают идеи по реформированию административного кодекса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-news.su/in-russia/284030-v-mvd-vydvigayut-idei-po-reformirovaniyu-administrativnogo-kodeksa.html> (дата обращения: 01 марта 2022 г.).
8. В МВД обсудили концепцию нового КоАП: ключевые предложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.allcarz.ru/konserciya-novogo-koap/> (дата обращения: 01 марта 2022 г.).
9. МВД подготовило свои предложения по изменениям КоАП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/buh/news/486853/> (дата обращения: 01 марта 2022 г.).
10. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (пп. 4 п. 20; п. 21).
11. Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации (17.02.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-narasshirennom-zasedanii-kolleгии-mvd-rossii-17-02-2022.html> (дата обращения: 01.03.2022).
12. Приказ МВД России от 21.07.2011 n 865 «Об утверждении Положения о Договорно-правовом департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации»
13. Обзор правоприменительной практики по исполнению законодательства об административных правонарушениях в 2021 году. – МВД России, 2022, 13 с.
14. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.mvd.ru/files/embed/2126203> (дата обращения: 01.03 2022 г.).
15. Сводный перечень проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения. - ВНИИ МВД России, Москва, 2021, 76 с.
16. Приказ МВД России от 01.04.2016 г. № 155 «Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420359885> (дата обращения: 01.03.2022).
17. Протоколы заседаний Общественного совета при МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--n1ag.xn--b1aew.xn--plai/Zasedaniya/protokoly> (дата обращения: 01.03 2022 г.).

Tsyndrya V.N. The Ministry of the internal affairs of the Russian Federation as a subject for forming the state policy in the field of administrative punishments // Scientific notes of V. I. Vernadsky crime-federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 196-203.

The article actualizes the need to study the place and role of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the formation of administrative and punitive policy.

The content of the functions of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a subject of administrative and punitive policy involved in its formation and implementation is disclosed. Examples of the participation of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the preparation of draft legislative acts aimed at improving legislation on administrative responsibility, including the draft Administrative Code of the Russian Federation (2015-2021), as well as the implementation of its provisions in the practical activities of internal affairs bodies are given.

The divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which are most actively involved in the development of proposals concerning the establishment of administrative responsibility for individual offenses, as well as the types and sizes of administrative penalties, have been identified.

The tasks of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, congratulations of the internal affairs bodies on the application and execution of administrative legislation in the development, expert support and discussion of these bills, as well as law enforcement activities of the internal affairs bodies are considered separately.

It is concluded that the Ministry of Internal Affairs of Russia is one of the main subjects of the formation of state policy in the field of administrative penalties imposed for offenses in the field of traffic, ensuring the migration regime, public order and public safety.

Proposals were made to optimize the interaction of the Ministry of Internal Affairs of Russia and other subjects of administrative and punitive policy.

Keywords: state policy in the field of administrative penalties, administrative and punitive policy, subjects of state policy, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ministry of Internal Affairs of Russia, draft law, Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Cyndrya, V. N. Ponyatie i vidy sub"ektiv formirovaniya gosudarstvennoj politiki v oblasti administrativnyh nakazaniy v Rossijskoj Federacii / V. N. Cyndrya // *Sovremennye problemy teorii i praktiki bor'by s prestupnost'yu* : Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 23 dekabrya 2019 goda / *Otv. redaktor N.V. Genrih*. – Krasnodar: OOO «Izdatel'skij Dom – YUg», 2020. – S. 85-90.
2. Cyndrya V.N. Formirovanie gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti administrativnyh nakazaniy. Uchebnoe posobie – Simferopol', Poliprint, 2020. – 80 s.
3. Pravoprimeritel'naya deyatel'nost' v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2020 godu. Informacionno-analiticheskij obzor. – M.: FKU «NC BDD MVD Rossii», 2021, 75 s.
4. ZHerebcov, A. N. Konceptual'nye teoreticheskie aspekty administrativno-nakazatel'noj politiki Rossijskoj Federacii / A. N. ZHerebcov, V. N. Cyndrya // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. – 2018. – № 4(42). – S. 80-84.
5. Obzor osnovnyh rezul'tatov pravovoj raboty Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii v 2020 godu. – DPD MVD Rossii, 2021, 52 s.
6. Zakonoproekty. KoAP RF. MVD Rossii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=query&div=LAW&opt=1&REFDOC=355717&REFBASE=LAW&REFTYPE=CDLT_ALL_LINKS&REFDIFF=0&mode=backrefs&ts=84773606506785666272788322&rnd=0.3952051793754905&REFDOC=355717&REFBASE=LAW&REFTYPE=CDLT_ALL_LINKS&REFDIFF=0&NOQUERYLOG=1#00023364422280141017 (data obrashcheniya: 01 marta 2022 g.).
7. V MVD vydvigayut idei po reformirovaniyu administrativnogo kodeksa [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://e-news.su/in-russia/284030-v-mvd-vydvigayut-idei-po-reformirovaniyu-administrativnogo-kodeksa.html> (data obrashcheniya: 01 marta 2022 g.).
8. V MVD obsudili koncepciyu novogo KoAP: klyuchevye predlozheniya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [https://www.allcarz.ru/koncepciya-novogo-koap/\(data obrashcheniya: 01 marta 2022 g.\)](https://www.allcarz.ru/koncepciya-novogo-koap/(data obrashcheniya: 01 marta 2022 g.)).
9. MVD podgotovilo svoi predlozheniya po izmeneniyam KoAP [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.klerk.ru/buh/news/486853/> (data obrashcheniya: 01 marta 2022 g.).
10. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 dekabrya 2016 g. № 699 «Ob utverzhenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennih del Rossijskoj Federacii i Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii po sub"ektu Rossijskoj Federacii» (pp. 4 p. 20; p. 21).
11. Rasshirennoe zasedanie kollegii Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii (17.02.2022) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystupleniya-putina-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-17-02-2022.html> (data obrashcheniya: 01.03.2022).
12. Prikaz MVD Rossii ot 21.07.2011 n 865 «Ob utverzhenii Polozheniya o Dogovorno-pravovom departamente Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii»
13. Obzor pravoprimeritel'noj praktiki po ispolneniyu zakonodatel'stva ob administrativnyh pravonarusheniyah v 2021 godu. – MVD Rossii, 2022, 13 s.
14. Godovoj otchet o hode realizacii i ocenke effektivnosti gosudarstvennoj programmy «Obespechenie obshchestvennogo poryadka i protivodejstvie prestupnosti» za 2020 god [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://media.mvd.ru/files/embed/2126203> (data obrashcheniya: 01.03.2022 g.).
15. Svodnyj perechen' problem deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii, trebuyushchih nauchnogo razresheniya. – VNI MVD Rossii, Moskva, 2021, 76 s.
16. Prikaz MVD Rossii ot 01.04.2016 g. № 155 «Ob osushchestvlenii nauchnoj (nauchno-issledovatel'skoj) deyatel'nosti v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/420359885> (data obrashcheniya: 01.03.2022).
17. Protokoly zasedaniy Obshchestvennogo soveta pri MVD Rossii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://xn--n1ag.xn--b1aew.xn--p1ai/Zasedaniya/protokoly> (data obrashcheniya: 01.03.2022 g.).

УДК 340.1

**ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И
ГРАЖДАНИНА: РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Иванов А. Э.

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

Формирование гражданского общества в Российской Федерации претерпевала на этапе своего развития определенные трудности, которые были связаны с несовершенством и отсутствием устойчивой правовой связи между государством и субъектами права в лице человека и гражданина. В процессе эволюции института ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, стали признаваться фундаментальные принципы, на которых основывается их правовой статус. В дальнейшем государство определило возможные пределы своего вмешательства в частную жизнь человека и гражданина, с другой стороны границы должного и возможного поведения субъектов права. В данной работе автор хотел рассмотреть на общетеоретическом уровне правовой институт ограничений прав и свобод человека и гражданина в контексте средства управления и разрешения вопросов, связанных с обеспечением должного уровня общественной жизни и параллельного решения возникающих задач, связанных с применением правовых средств в ходе модернизации общественных отношений.

Ключевые слова: правовой институт ограничений прав и свобод, человек и гражданин, проблемы эволюции, правовые средства, государство и субъекты права.

Рассматривая правовой институт, в котором объективно замыкаются однопорядковые юридические нормы, представленные в виде ограничений прав и свобод человека и гражданина, необходимо отметить то, что динамика его развития обусловлена огромным спектром отрицательных явлений в наиболее важных сферах государства, а также постоянным давлением со стороны внутренних и внешних политических угроз. В связи с этим государство вынуждено выстраивать грамотную политику, которая в последующем даст конкретные положительные результаты в решение задач, поставленных перед государством и обществом.

Проблема научного осмысления отсутствия результативности применяемых государством законодательных актов, обусловлена тем, что проблемы прав человека и гражданина на рубеже XX века в России не всегда воспринимались в серьез. Научные работы, связанные с исследованием данного правового института до последнего времени, не всегда носили системный характер, не вызывая особого научного интереса. В связи с этим в научном мире возникает огромное количество научных работ рассматривающих правовой институт ограничения прав и свобод человека и гражданина, которые в основном ограничиваются отдельной отраслью права. Особенностью правового регулирования ограничения прав и свобод человека и гражданина заключается в том, что со стороны государства постоянно разрабатываются различные стратегии, затрагивающие важные направления, касающиеся прав и свобод человека и гражданина, но не редко становится видно, что принимаемые нормативные правовые акты носят всего лишь общие положения без их конкретизации и обоснования [1].

Вопрос исследования такой правовой категории как ограничение прав и свобод, были рассмотрены на общетеоретическом уровне ранее целой плеядой ученых-

правоведов, таких как П.П. Баранов, Л.Д. Воеводина, В.Б. Исакова [2], В.К. Бабаевой и др. В свою очередь проблемы правового регулирования ограничения прав и свобод личности, заняли труды ученых специализирующих в области конституционного и административного права М.В. Баглая, Б.Н. Топорина, В.М. Курицына [3] и др.

Для понимания правовой категории ограничение прав и свобод личности, следует определить ее как санкционированное государством и закрепленное в нормах права процесс ограничения статуса личности в целях защиты наиболее важных для общества и государства ценностей. К таким ценностям, необходимо отнести конституционный строй, правопорядок, личная и общественная безопасность, внутренняя и внешняя безопасность и т.д. [4] Механизм ограничения прав и свобод личности является комбинационной частью всего государственного механизма в целом, который функционирует в настоящее время в Российской Федерации. Механизм института ограничения прав и свобод человека и гражданина, также представляет из себя такой способ реализации прав и свобод человеком и гражданином, при котором специфическим способом координируются подчинённые воле поведение субъекта права, путем действия или бездействия, которые должны отвечать предписаниям правовых норм. Система механизма реализации и ограничения прав и свобод человека и гражданина, по мнению автора, должна быть представлена в следующем виде: способность личности обладающего определенными правами самостоятельно совершать законные действия; применение лицом, обладающим определенными субъективными правами, в определенных случаях, когда это необходимо, прибегать к помощи государства; возможность требовать от других субъектов права должного поведения в определенных нормах права ситуациях.

Анализируя деятельность России в XX в., следует остановиться на функционировании социалистической системы прав и свобод человека. В данной системе было четко выражено ограничение неотчуждаемых прав личности, в том числе существовала возможность вмешательства со стороны государства в различные сферы прав человека и гражданина, все это было связано с тем, что государство признавала все права и свободы как нечто дарованное им самим. В связи с этим государство признавало приоритетным внутригосударственное право, которое образовывалось из установленных им норм соответствующие ее интересам [5]. Принимаемые меры стали необходимы в связи с разрушительными последствиями оставленные мировыми войнами, революционно-террористическими движениями и другими негативными явлениями, которые требовали незамедлительного усиления в административно-командных методах управления страной [6].

Правовые запреты и ограничения, которые являются главной составляющей чрезвычайного законодательства, в первую очередь направленные на поддержание государственно-правового режима в период сложный для страны времени, когда присутствует угроза национальным интересам.

Рассматривая ограничение прав и свобод личности как специального метода, применяемого в правовом регулировании, необходимо брать во внимание те правовые режимы, при которых в государстве допускается ограничение основных прав и свобод субъектов права. Под такими специальными правовыми режимами следует понимать применяемый согласно имеющимся в государстве нормам права, временный особый правовой режим, при котором функционирование органов государ-

ственной власти и иных субъектов общественных отношений, переходит на специальный режим функционирования. В процессе реализации такого режима, возможно введение жестких ограничений, которые в первую очередь отталкиваются на нормы экстраординарного законодательства, в котором содержатся конкретно определенные запреты, ограничения и обязанности.

Темпы роста значимости норм международного права на отечественное законодательство, еще относительно недавно, могло влиять на всю систему права и его отраслей в Российской Федерации, тем самым возможно проследить влияние на уже действующие нормативные правовые акта, такие как федеральные конституционные законы о чрезвычайном [7] и военном [8] положениях, а именно в разделах в которых содержат нормы права определяющие ограничения основных прав и свобод человека и гражданина. Также следует обратить внимание на то, что в Конституции Российской Федерации [9], закреплён более широкий и конкретизированный перечень прав и свобод, по сравнению с тем перечнем, который содержится в нормах международного права. Конституция Российской Федерации так же содержит. Цели, которые ставятся государством при введении особых правовых режимов, которые предполагают ограничение основных прав и свобод человека и гражданина, являются обеспечение должного уровня защиты личности, обеспечение должного уровня функционирования основ конституционного строя, действующего в государстве, восстановление государственной и общественной безопасности, восстановление правопорядка.

Основная цель введения специальных правовых режимов – это их применение в конкретно определенных случаях, где их главное предназначение это стабилизация нормального функционирования общественного строя, в том числе укрепление государственности.

Делая вывод по рассматриваемому вопросу, необходимо отметить то, что в связи с недостаточной реализацией человеком своих основных прав и свобод, обусловливается объективной деятельностью государства, которая в первую очередь направлена на сохранение наиболее важных ценностей, и применяемые им меры являются, как правило, временной мерой, которые используются для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя.

Список литературы:

1. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема: "Правовое регулирование и его механизм" / Н. А. Пьянов // Сибирский юридический вестник. – 2003. – № 1. – С. 3-7.
2. Теория государства и права : Учебник для бакалавров / В. Б. Исаков, В. В. Лазарев, В. К. Бабаев [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 715 с.
3. Курицын В.М. Из истории Советской Конституции: Декларация прав и обязанностей работников социалистического общества / В. М. Курицын // Советское государство и право. – 1990. – № 3. – С. 144-149.
4. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика: научное издание / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2010. – С. 76.
5. Никонов Д.А. Правовые ограничения как средство обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях режима контртеррористической операции / Д. А. Никонов, В. В. Луценко, М. М. Вишняков // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе: Сборник научных статей I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 17–18 февраля 2022 года. – Новосибирск: Новосибирский

военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. – С. 190-195.

6. Луценко В.В. Юридические пределы правового режима контртеррористической операции: понятия и виды / В. В. Луценко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 3-2. – С. 115-119.

7. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) "О военном положении" // СПС КонсультантПлюс.

8. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) "О чрезвычайном положении" // СПС КонсультантПлюс.

9. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

Ivanov A.E. The Institute of Restrictions on the Rights and Freedoms of Man and Citizen: Development and Formation in the Russian Federation at the Present Stage // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 204-207.

The formation of civil society in the Russian Federation underwent certain difficulties at the stage of its development, which were associated with imperfection and the lack of a stable legal connection between the state and subjects of law in the person of a person and a citizen. In the process of evolution of the institution of restriction of the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation, the fundamental principles on which their legal status is based began to be recognized. In the future, the state determined the possible limits of its interference in the private life of a person and a citizen, on the other hand, the boundaries of the proper and possible behavior of subjects of law. In this paper, the author wanted to consider at the general theoretical level the institution of restrictions on the rights and freedoms of man and citizen in the context of a means of managing and resolving issues related to ensuring the proper level of public life and solving incidental problems related to the use of legal means in the course of modernizing social relations.

Keywords: institution of restrictions on rights and freedoms, man and citizen, problems of evolution, legal means, state and subjects of law.

Spisok literatury:

1. P'yanov N.A. Konsul'tacii po teorii gosudarstva i prava. Tema: "Pravovoe regulirovanie i ego mekhanizm" / N. A. P'yanov // Sibirskij juridicheskij vestnik. – 2003. – № 1. – S. 3-7.

2. Teoriya gosudarstva i prava : Uchebnik dlya bakalavrov / V. B. Isakov, V. V. Lazarev, V. K. Babaev [i dr.]. – 3-e izd., per. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2019. – 715 s.

3. Kuricyn V.M. Iz istorii Sovetskoj Konstitucii: Deklaraciya prav i obyazannostej rabotnikov socialisticheskogo obshchestva / V. M. Kuricyn // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1990. – № 3. – S. 144-149.

4. Tihomirov YU.A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika: nauchnoe izdanie / YU.A. Tihomirov. – M.: Formula prava, 2010. – S. 76.

5. Nikonov D.A. Pravovye ogranicheniya kak sredstvo obespecheniya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyah rezhima kontrterroristicheskoy operacii / D. A. Nikonov, V. V. Lucenko, M. M. Vishnyakov // Aktual'nye problemy protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu na sovremennom etape: Sbornik nauchnyh statej I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 17–18 fevralya 2022 goda. – Novosibirsk: Novosibirskij voennyj institut imeni generala armii I.K. YAKovleva vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2022. – S. 190-195.

6. Lucenko V.V. YUridicheskie predely pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operacii: ponyatiya i vidy / V. V. Lucenko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – Т. 7. – № 3-2. – S. 115-119.

7. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.01.2002 N 1-FKZ (red. ot 01.07.2017) "O voennom polozhenii" // SPS Konsul'tantPlyus.

8. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.05.2001 N 3-FKZ (red. ot 03.07.2016) "O chrezvychajnom polozhenii" // SPS Konsul'tantPlyus.

9. Konstituciya Rossijskoj Federacii" (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS Konsul'tantPlyus.

УДК 341.349.2

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МОРЯКОВ

Коваль В. Н.

Севастопольский государственный университет

В статье рассматриваются основные направления реформирования национального трудового законодательства является приведение его в соответствие с международными трудовыми стандартами, в том числе ратифицированных Россией конвенций МОТ. Поэтому исследования правовой природы конвенций МОТ и их места в системе источников трудового права России, особенности применения в национальной юридической практике является актуальной проблемой в теоретическом и практическом аспектах. На современном этапе развития отношений в мировом сообществе, способствующем активизации сотрудничества в различных сферах и на всех уровнях, труд моряков имеет важнейшее значение для развития международной торговли, туризма, трудовой миграции и других аспектов международного сотрудничества. В трудовых отношениях, складывающихся в сфере морского транспорта, большое значение имеет тенденция интернационализации. Указанная тенденция привела к осознанию необходимости международно-правового регулирования труда моряков. Целью статьи является анализ правовой регламентации труда моряков на иностранных судах и обоснование предложений, направленных на совершенствование правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: Конституция РФ, Кодекс торгового мореплавания РФ, Конвенции и Рекомендации, национальное законодательство, правовая система России, трудовые отношения, моряк, международная организация труда, международно-правовое регулирование труда моряков.

Экономические преобразования в Российской Федерации (далее – РФ), остро выделили проблему занятости работников морского торгового флота. Финансовая ситуация, сложившаяся в отрасли, поставили перед моряками РФ проблему поиска работы на международном морском рынке труда. Внимание к этой проблеме возник еще в 90-х годах XX века, когда большое число моряков пошли работать на иностранные суда, при недостаточно эффективном национальном механизме защиты их прав за рубежом. Трудоустраиваясь к иностранному судовладельцу-работодателю, моряк «выпадает» из правового поля нашего государства. Указанная проблема привела к осознанию необходимости межнационального регулирования труда моряков. Важную роль в таком регулировании имеет защита трудовых прав моряков, которая не может быть осуществлена с помощью усилий только отдельных государств. Прежде всего его эффективность зависит от сочетания национальных средств с международным сотрудничеством не только на универсальном, но и на региональном уровнях. Поэтому создание и соблюдение международно-правовых стандартов труда моряков является проблемой международного уровня, решение которой возможно только в рамках международного сообщества.

Эффективность регулирования трудовых отношений моряков в большей степени зависит от качества международно-правовых норм, которые разрабатываются на основе изучения, обобщения и тщательного отбора наиболее демократических и универсальных национальных правил поведения в указанной сфере. Международной специализированной организацией, осуществляющей нормотворческую деятельность в сфере труда, является Международная организация труда (далее – МОТ), которая стала первым специализированным учреждением Организации Объединённых Наций (далее – ООН).

История МОТ, особенно в том, что касается отношений с ней бывшего Советского Союза и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, имеет довольно сложный характер и может быть оценена неоднозначно, несмотря на закрепление в ст. 67-1 Конституции РФ [5] принципа непрерывности государства. Ведь организация была создана в значительной степени как ответ Запада на вызов Октябрьской революции 1917 г. Определяя свою стратегию и философию, МОТ произнесла и намерения относительно искоренения эксплуатации, но не путем классовых конфликтов и конфронтации, а через достижение компромиссов, социального мира и сотрудничество. Компромисс – главный метод выполнения задач, которые ставит МОТ.

К основным сферам деятельности МОТ относятся:

- 1) занятость и безработица; профессиональная подготовка и переподготовка кадров;
- 2) права человека; условия, безопасность и гигиена труда, производственная и окружающая среда;
- 3) заработная плата;
- 4) социальное обеспечение;
- 5) отдельные категории трудящихся;
- 6) МОТ и социальные институты;
- 7) взгляд в будущее и проблемные положения.

Международная организация труда – мировой центр трудового, социального законодательства и социального диалога, который базируется на основе участия в работе всех его органов представителей трех сторон: правительств, работодателей и работников. Главными целями МОТ являются: содействие социально-экономическому прогрессу, достижения мира и социальной справедливости, улучшение условий труда и жизни людей, защита прав человека. На реализацию этих целей направлена, прежде всего, нормотворческая деятельность МОТ, а также вся ее организационно-практическая работа, научно-исследовательская и информационно-издательская деятельность. Разработка и принятие международных трудовых норм в форме конвенций и рекомендаций и контроль за их выполнением – важнейшее направление деятельности МОТ, призванной оказать помощь государствам-членам в разработке и совершенствовании национального трудового законодательства.

Документы МОТ, которые принимаются на ежегодной Генеральной конференции МОТ, согласуются со сторонами согласно принципу консенсуса, то есть по согласию всех сторон, однако это не является абсолютным правилом, поскольку внутри делегаций от государств решение может быть принято квалифицированным большинством (2/3 голосов каждой из сторон).

Особенности структуры и всей деятельности МОТ определяются сложностью согласования различных, часто даже противоположных интересов сторон. Диалог, дискуссии и принятия решений сторонами предусматривает взаимные учета интересов и достижения соглашений в условиях социального мира, что и предопределяет необходимость такой особенности структуры и деятельности МОТ, как ее трехсторонний характер.

Россией ратифицированы такие конвенции МОТ по защите труда моряков как:

- 1) Конвенция № 58 «О минимальном возрасте допуска детей на работу в море»;

2) Конвенция № 134 «О предупреждении производственных несчастных случаев среди моряков»;

3) Конвенция № 163 «О социально-бытовом обслуживании моряков в море и порту»;

4) Конвенция № 179 «О найме и трудоустройстве моряков»;

5) Конвенция 2006 года «О труде в морском судоходстве» и др.

Одним из основных направлений деятельности МОТ является закрепление концепции социального партнерства, а также помощь и поддержка становления этой системы регулирования социально-трудовых отношений в большинстве стран мира. Большинство норм о труде, которые предлагаются МОТ в форме конвенций и рекомендаций, содержат такие методы решения проблем в трудовой сфере, которые обеспечили их эффективность.

Устав и конвенции ООН закрепляют фундаментальные принципы регулирования трудовых отношений работников, что безусловно касается и моряков. В частности, Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., закрепила основные трудовые права человека, которые являются базовыми и для трудовой деятельности моряков, устанавливает отправные минимальные стандарты, такие как право на справедливые и благоприятные условия труда; право на равную плату за равный труд без какой-либо дискриминации; право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для нее самой и ее семьи, и на дополнительные средства социального обеспечения в случае необходимости; право на отдых и др. [6].

В науке международного права акцентируется внимание на комплексном характере Конвенции 2006 года о труде в морском судоходстве, которая получила название «Международный билль о правах моряков», поскольку она обобщает и систематизирует ранее принятые международно-правовые нормы по защите труда моряков. В исследуемой Конвенции обращает внимание наличие норм как материального, так и процессуального права и ее важное значение для систематизации контрольных механизмов по защите прав моряков, что, в частности, основанные на институтах сертификации и инспектирования [3]. Стоит отметить, что исследуемая Конвенция охватывает такие структурные элементы, как статьи, правила, а также Кодекс. При этом статьи и правила Конвенции включают положения, в которых идет речь об основополагающих принципах и правах, а порядок выполнения указанных правил детализирован в национальном законодательстве.

В трудовых отношениях морской отрасли иностранным элементом (субъектом) выступает моряк, работающий на судне под иностранным флагом. В соответствии со ст. 2 Конвенции понятие «моряк» означает лицо, работающее по найму на борту судна на любой должности [3]. Этой Конвенцией возлагается обязанность на государства-участника относительно необходимости обеспечения социальных и трудовых прав моряков с помощью их отражение в национальном законодательстве и на уровне коллективных договоров. Указанные основополагающие социально-трудовые права моряков отражены в ст. 4 Конвенции, где предусмотрено:

1) право на надежное и безопасное рабочее место;

2) право на достойные условия жизни на борту и труда;

3) право на справедливые условия занятости;

4) право на социальную защиту, включая медицинское и социально-бытовое обслуживание моряков.

Следует отметить, что императивный обязанность государств-участников по обеспечению соблюдения основополагающих прав и принципов в сфере труда в отношении моряков предусмотрено ст. 3 исследуемой Конвенции [3]. В соответствии с указанными положениями Конвенции исходными принципами признается: отмена всех форм обязательного или принудительного труда; признание права на коллективные переговоры и свободу ассоциации в сфере труда; недопустимость любых форм дискриминации в сфере труда, а также искоренение детского труда.

В сфере трудоустройства моряков центральное место заняла Конвенция МОТ № 179 о найме и трудоустройстве моряков, которая была принята Генеральной конференцией МОТ 22 октября 1996 г. Пункт 1 ст. 1 Конвенции закрепляет дефиницию «службы найма и трудоустройства» и распространяет действие Конвенции также на частные службы. Согласно ст. 4 Конвенции, государство должно обеспечить, чтобы на моряков не возлагалась прямо или косвенно оплата любых сборов и других расходов, связанных с его наймом или предоставлением работы. Статья 5 Конвенции предусматривает перечень требований, которым должны соответствовать службы посредничества при трудоустройстве моряков. Более того, в государствах, которые ратифицировали Конвенцию, должен действовать компетентный орган (министерство, ведомство), которое будет осуществлять контроль над такими службами, и установлены специальные лицензионные условия осуществления посреднической деятельности [4].

Международные трудовые нормы, в большинстве содержащиеся в конвенциях и рекомендациях МОТ, позволяют гармонизировать национальное трудовое право и практику трудовых отношений с другими странами. В первую очередь это касается морского судоходства из-за международного характера его деятельности.

Относительно участия РФ в международно-правовой системе защиты труда моряков следует отметить, что Россия является участницей 19 конвенций МОТ, направленных на защиту социальных и трудовых отношений моряков. Общие положения, касающиеся правового статуса моряков, в том числе их трудовых прав, находят отражение в Кодексе торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. [2]. Так, в соответствии с которым условия трудоустройства, права и обязанности экипажа судна, оплата труда и условия работы на судне, а также основания и порядок освобождения моряков подлежат регулированию законодательством нашего государства, указанным Кодексом, трудовыми и коллективными договорами, отраслевыми и генеральными тарифными соглашениями, а также уставами службы на судах. Согласно ст. 60 указанного Кодекса на судовладельца возлагаются обязанности по обеспечению членам экипажа судна:

- 1) безопасных условий труда;
- 2) охране их здоровью;
- 3) наличием спасательных средств;
- 4) бесперебойному снабжению продовольствием и водой;
- 5) наличием надлежащих помещений (кают, столовых, санитарных узлов, медицинских пунктов и помещений для отдыха);
- б) культурно-бытовому обслуживанию [2].

В условиях рыночной экономики перед Россией становится необходимостью интенсифицировать процесс ратификации и реализации содержания конвенций МОТ в сфере регулирования трудовых отношений моряков, особенно Сводной конвенции о труде в морском судоходстве. Кроме того, необходимо разработать и реализовать долгосрочную программу пересмотра национального законодательства, устанавливающего правовой статус моряков с учетом требований международно-правовых актов в этой сфере.

Проанализировав вышесказанное, можно утверждать о наличии достаточно развитой системы международно-правовых норм как обязательного, так и факультативного характера, направленных на защиту труда моряков на федеральном и региональном уровнях, участие в которой стремится активизировать и наше государство. Для нашего государства, к сожалению, остается актуальным ряд нерешенных вопросов по защите социально-экономических, в том числе трудовых прав моряков.

Конвенция 2006 года о труде в морском судоходстве объединила выработанные многолетней практикой и закреплённые в предыдущих конвенциях МОТ международные стандарты регулирования труда моряков. Сегодня она является глобальным правовым базисом защиты прав моряков за рубежом, определяет их социальные и трудовые права, связанные с работой на судне, содержит нормы об ответственности служб найма и трудоустройства моряков, которые работают на территории государства-участника.

Мы поддерживаем предложения российских учёных о том, что эффективность защиты прав моряков требует привлечение к этой проблеме специалистов-экспертов в области международного и национального трудового законодательства [1, с. 136].

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать вывод, что социальная защита моряков представляет собой совокупность экономических, организационных и правовых мероприятий, обеспечивающих установление эффективной системы правовых и социальных гарантий, обеспечивающих реализацию конституционных прав и свобод, удовлетворение материальных и духовных потребностей моряков и их семей в соответствии с особым видом деятельности, соответствующей их статусу в обществе, поддержание социальной стабильности в морской среде.

Для решения проблемы нарушения трудовых прав необходимо взаимодействие всех этих организаций, ратификация государствами Конвенций МОТ, создание компетентных органов для проверки выполнения международно-правовых норм и стандартов обеспечения трудовых прав моряков.

Поэтому исходя из вышесказанного, считаем, что к мерам, которые будут способствовать оптимизации системы правовой защиты моряков, прежде всего, следует отнести:

- 1) дальнейшее усиление ответственности работодателей за несоблюдение требований правовых норм относительно охраны труда на море;
- 2) обеспечение эффективности контроля по прозрачности системы трудоустройства моряков;
- 3) активизацию усилий работодателей, профсоюзов и правительства по разработке и реализации действенных программных положений, направленных на защиту социально-экономических, в том числе трудовых прав моряков.

Сегодня приобретает особое значение вопрос о пересмотре национального законодательства, устанавливающего правовой статус российских моряков с учетом требований международно-правовых актов в этой сфере.

Список литературы:

1. Бурцева, Е.В. Проблемы правового регулирования труда моряков / Е.В. Бурцева, О.В. Шарипова // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 7(187). – С. 134-136. – EDN WUJNLF.
2. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 28.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.07.2022) URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.07.2022).
3. Конвенция 2006 года о труде в морском судоходстве (MLC) [рус., англ.] (Вместе с "Пояснительными примечаниями...", "Правилами и кодексом", "Свидетельством о соответствии трудовым нормам в морском судоходстве", "Образцом национальной декларации") (Заключена в г. Женеве 23.02.2006) URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.07.2022).
4. Конвенция N 179 Международной организации труда "О найме и трудоустройстве моряков" (принята в г. Женеве 22.10.1996 на 84-ой сессии Генеральной конференции МОТ) URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.07.2022).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.07.2022).
6. Международное право в документах. М., 1982. С. 306.

Koval V. N. International legal regulation labor relations of seafarers // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 208-213.

The article discusses the main directions of reforming the national labor legislation and bringing it into line with international labor standards, including the ILO conventions ratified by Russia. Therefore, the study of the legal nature of the ILO conventions and their place in the system of sources of labor law in Russia, the specifics of application in national legal practice is an urgent problem in theoretical and practical aspects. At the present stage of the development of relations in the world community, which contributes to the intensification of cooperation in various fields and at all levels, the work of seafarers is of crucial importance for the development of international trade, tourism, labor migration and other aspects of international cooperation. In the labor relations developing in the field of maritime transport, the trend of internationalization is of great importance. This trend has led to an awareness of the need for international legal regulation of seafarers' work. The purpose of the article is to analyze the legal regulation of seafarers' work on foreign ships and substantiate proposals aimed at improving legal regulation in this area.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Code of Merchant Shipping of the Russian Federation, Conventions and Recommendations, national legislation, legal system of Russia, labor relations, seafarer, international Labor Organization, international legal regulation of seafarers' labor.

Spisok literaturey:

1. Burceva, E.V. Problemy pravovogo regulirovaniya truda moryakov / E.V. Burceva, O.V. SHaripova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2020. – № 7(187). – S. 134-136. – EDN WUJNLF.
2. Kodeks torgovogo moreplavaniya Rossijskoj Federacii ot 30.04.1999 N 81-FZ (red. ot 28.06.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 09.07.2022) URL : <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
3. Konvenciya 2006 goda o trude v morskome sudohodstve (MLC) [rus., angl.] (Vmeste s "Poyasnitel'nymi primechaniyami...", "Pravilami i kodeksom", "Svidetel'stvom o sootvetstvii trudovym normam v morskome sudohodstve", "Obrazcom nacional'noj deklaracii") (Zaklyuchena v g. ZHeneve 23.02.2006) URL : <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
4. Konvenciya N 179 Mezhdunarodnoj organizacii truda "O najme i trudoustrojstve moryakov" (prinyata v g. ZHeneve 22.10.1996 na 84-oj sessii General'noj konferencii MOT) URL : <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) URL : <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
6. Mezhdunarodnoe pravo v dokumentah. M., 1982. С. 306.

УДК 347.45/47

ДОГОВОР АУТСОРСИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Кеклис А. Ю., Шушкова О. А.

Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Термин аутсорсинг (outsourcing) дословно переводится с английского как использование внешних ресурсов. Данная форма взаимодействия субъектов экономической деятельности обусловлена принципом «оставляю себе только то, что могу делать лучше других, передаю внешнему исполнителю то, что он делает лучше других». Аутсорсинг выступает современной формой осуществления предпринимательской деятельности, выбираемой с целью повышения конкурентоспособности. При использовании аутсорсинга организация-заказчик получает возможность сконцентрироваться на основном виде деятельности своей компании. Авторы приходят к выводу, что несмотря на отсутствие в ГК РФ понятия, «договор аутсорсинга» закрепился в российской деловой практике, сложился и подход к пониманию предмета такого договора как к передаче аутсорсеру на выполнение определенной непрофильной функции заказчика. Вместе с тем, применение договора аутсорсинга в России осложнено отсутствием нормативной регламентации и неясностью правовой природы данных правоотношений.

Ключевые слова: договорное право, аутсорсинг, договор аутсорсинга, оказание услуг, выполнение работ, смежный договор, существенные условия аутсорсинга, правовая квалификация аутсорсинга

Аутсорсинг популярен как в мировой, так и в отечественной экономике, но как правовое явление он малоизучен. Применение договора аутсорсинга в России осложнено отсутствием нормативной регламентации и неясностью правовой природы данных правоотношений. Возникают различные сложности при заключении и исполнении договора аутсорсинга, в том числе в процессе осуществления правовой защиты интересов добросовестной стороны договора. Указанные факторы приводят к неэффективному применению договора аутсорсинга на практике, что вызывает недоверие к данной модели и сдерживает ее внедрение.

Многие исследователи отмечают, что отсутствие достаточного правового регулирования договора аутсорсинга препятствует применению данной технологии ведения бизнеса, что имеет негативный экономический эффект. Правовая природа договора аутсорсинга в настоящий момент остается дискуссионным вопросом. Существующие точки зрения относят договор аутсорсинга либо к договору возмездного оказания услуг, либо к договору подряда, либо характеризуют его как смешанный договор или самостоятельный вид договора [1, с. 14; 2, с. 58; 3, с. 57; 4; 5; 6, с. 99].

Существует также подход к аутсорсингу как к исключительно экономическому явлению, и, соответственно, рассматриваемые экономические отношения субъектов могут оформляться разными существующими договорными конструкциями, в частности, договором возмездного оказания услуг, поставки или договором простого товарищества, и говорить о самостоятельной договорной конструкции преждевременно и нецелесообразно.

На основании вышеизложенного можем заключить, что необходимо установить какие действия сторон являются предметом договора аутсорсинга, какие нормы подлежат применению к данным правоотношениям, и есть ли основания и необхо-

димось выделять данные правоотношения в качестве самостоятельных, недостаточно регулируемых существующими договорными конструкциями.

Несмотря на отсутствие нормативного регулирования данного договора, в деловой практике сложился определенный подход к определению предмета договора аутсорсинга. В договоре аутсорсинга предметом выступает передача исполнителю определенной функции, достаточно распространенным является также указание в предмете договора на непрофильный характер передаваемой функции для деятельности заказчика. В научной литературе встречается также мнение на то, что на основании договора аутсорсинга исполнителю передается управление и контроль над определенным процессом.

Так, И.А. Ещенко отмечает, что «предмет договора аутсорсинга имеет комплексное содержание, и обычно включает в себя выполнение работ, оказание услуг, а также, в некоторых случаях, и создание определенного продукта» [7]. Данный подход встречается также и в судебной практике, суды указывают на комплексное содержание подобных договоров и, как следствие, включение в него элементов различных договоров, как предусмотренных, так и не предусмотренных гражданским законодательством [8]. Таким образом, отсутствие нормативного регулирования договора аутсорсинга вынуждает правоприменителей обращаться к научным разработкам по этому вопросу.

И.Д. Котляров обращает внимание на схожесть трудовых правоотношений, возникающих между работодателем и работником с гражданско-правовыми отношениями, возникающими между заказчиком и исполнителем по договору аутсорсинга. Данная аналогия с трудовым правом наглядно иллюстрирует разграничение понятий «оказание услуги» и «выполнение функции» путем сопоставления правоотношений, возникающих на основании гражданско-правового договора с лицом, привлекаемым для выполнения конкретной работы, и трудового договора с работником [9]. Таким образом, можно обозначить, что выполнение функции на основании договора аутсорсинга подразумевает осуществление аутсорсером определенной деятельности в течение длительного периода времени в соответствии с внутренними актами (стандартами, регламентами и пр.) заказчика, при этом состав действий в различные периоды времени может отличаться в зависимости от требований и потребностей заказчика. И.Д. Котляров подчеркивает, что аутсорсер, оставаясь самостоятельным экономическим субъектом, вступает в подчиненное положение по отношению к заказчику ввиду необходимости соблюдения принятых в компании заказчика стандартов, регламентов и пр. при выполнении функции в интересах заказчика [9], то есть, высказывается точка зрения, что договор аутсорсинга представляет новый тип договора, опосредующий современную модель экономических и юридических правоотношений. Также, ряд авторов сходятся во мнении, что аутсорсер, по сути, становится внешним подразделением компании, сохраняющим свою независимость [10].

По нашему мнению, приведенная аналогия выявляет различие между оказанием услуги и выполнением функции, что позволяет определить предмет договора аутсорсинга и его особенности. Однако полагаем, что понятия «оказание услуги» и «выполнение функции» соотносятся как общее и частное.

С введением с 01 января 2016 года в Трудовой кодекс Российской Федерации ст. 56.1, в которой установлено понятие заемного труда и указание на запрет заемного

труда в России, начались дискуссии о законности заключения договора аутсорсинга в новых правовых условиях.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что данные изменения законодательства договора аутсорсинга не касаются, а направлены на совершенствование применения договора аутстаффинга, получившего официальное наименование договора о предоставлении труда работников (персонала).

На основании исследования И.Л. Рудой можно отметить разграничение договоров аутсорсинга и аутстаффинга по предмету [11, с. 23]. Предметом договора аутсорсинга является приобретение услуг внешней организации взамен использования собственных ресурсов, а договора аутстаффинга – использование персонала внешней организации взамен собственного персонала. При этом основным требованием к аутсорсеру является качество предоставляемой услуги, что является комплексной характеристикой, а не квалификационные требования к персоналу, что применимо для аутстаффинга.

Важно также разграничивать договор аутсорсинга от договора лизинга персонала. По мнению А. Нуртдиновой, и те, и другие отношения сторон оформляются договором оказания услуг. В случае с лизингом персонала кадровое агентство (исполнитель по договору) не занимается специализированной деятельностью по оказанию определённой услуги, а выступает исключительно как формальный работодатель, который трудоустраивает к себе персонал, в котором нуждается организация-заказчик, выступающая в отношениях фактическим работодателем [12]. К сожалению, на практике нередко складывается ситуация, когда под аутсорсингом понимают именно деятельность по предоставлению персонала, что противоречит существу аутсорсинга.

Авторы статьи придерживаются позиции, что договор аутсорсинга не опосредует заемный труд, и введенный запрет на данные правоотношения между субъектами предпринимательской деятельности не распространяется. Все вопросы, касающиеся процесса исполнения функции по договору аутсорсинга, регламентированы сторонами в договоре, и работники исполнителя получают указания от своего работодателя, который осуществляет управление, исходя из требований к процессу и результату, установленных в договоре. Отрицать присутствие в определённой степени подчиненности работников исполнителя распорядку и условиям труда в компании заказчика не следует. Например, в договоре аутсорсинга стороны могут установить, что работники исполнителя вправе находиться на территории компании-заказчика только в часы работы заказчика или обязать работников исполнителя соблюдать пропускной режим, но, по нашему мнению, данное обстоятельство не свидетельствует об управлении работниками аутсорсера заказчиком.

Разногласия вызывает также вопрос определения существенных условий договора аутсорсинга. Некоторые авторы предлагают относить к существенным условиям договора условие о качестве услуг. Оценка качества осуществляется посредством субъективных и объективных показателей. Где в качестве субъективного показателя выступает удовлетворенность заказчика качеством оказываемой услуги, а в качестве объективного – соответствие оказываемой услуги нормативным профессиональным стандартам. При этом отмечается, что на стадии заключения договора, на которой, соответственно, происходит достижение соглашения по существенным условиям договора, согласование условия о качестве услуги может быть затруднительным.

Е.Г. Шаблова указывает на то, что «для некоторых видов услуг невозможно использовать критерий «обычно предъявляемые требования», ввиду того, что данный критерий отсутствует» и приводит в качестве примера подобных случаев уникальные наукоемкие услуги [13, С.10]. В такой ситуации условие о качестве услуг становится существенным. Авторы полагают, что ввиду того, что на основании договора аутсорсинга осуществляется передача определенного вида деятельности с возложением на аутсорсера управления и контроля над этим видом деятельности с целью более качественного выполнения данной функции, условие о качестве оказываемых услуг требует согласования на стадии заключения договора и может быть отнесено к существенным условиям договора аутсорсинга. При этом не отрицается, что определение условия о качестве осуществляемой деятельности на стадии заключения договора может вызвать определенные затруднения. По нашему мнению, качество оказываемой услуги может определяться со ссылкой на законодательно установленные требования к качеству определенных услуг, внутренние акты заказчика или аутсорсера. В числе критериев, применяемых к любой услуге, можно привести соответствие действующему законодательству и безопасность оказываемой услуги.

В отдельных публикациях условие об ответственности сторон договора также обозначается как существенное [7]. Некоторыми исследователями в качестве существенных условий указываются срок начала и окончания оказания услуг, порядок оказания услуг [14]. Однако авторы настоящей статьи не усматривают оснований для определения данных условий в качестве существенных.

Отнесение к существенным условиям договора аутсорсинга цены договора обуславливается тем, что уменьшение затрат заказчика на определенный, как правило, непрофильный вид деятельности приоритетно для заказчика. Восполнение пробела договора аутсорсинга в части стоимости оказываемых услуг в соответствии с правилом, установленным п. 3 ст. 424 ГК РФ, то есть с учетом цены обычно взимаемой при сравнимых обстоятельствах за аналогичные услуги, видится затруднительным. На основании договора аутсорсинга оказываются комплексные индивидуализированные услуги, адаптированные под потребности конкретной компании, которые могут выполняться собственными силами заказчика, но не выполняются самостоятельно, в том числе с целью экономии затрат на реализацию данного вида деятельности организации-заказчика. Поэтому мы поддерживаем авторов, предлагающих относить к существенным условиям договора аутсорсинга цену договора.

Если говорить о практическом использовании договора аутсорсинга, то нередко на практике конструкция данного договора используется для получения необоснованной налоговой выгоды. Использование механизма заключения договоров аутсорсинга с вновь созданными организациями («дробление бизнеса»), использующими упрощенную систему налогообложения, не имеющих иной деловой активности, в которые переводятся сотрудники заказчика по такому договору, является основанием для привлечения к ответственности организации за налоговое правонарушение. Суды принимают во внимание, что целью подобных договоров аутсорсинга является создание «искусственной ситуации», а не разумные деловые цели и получение определенного экономического результата [15]. Таким образом, ввиду умышленного использования данной модели предпринимательства для экономии на налогах некоторыми субъектами гражданского оборота, заказчик должен быть готов к обоснованию целей перехода на аутсорсинг.

Как уже отмечалось ранее, договор аутсорсинга, несмотря на то, что является договором гражданско-правового характера, во многом затрагивает трудовые отношения, существующие между аутсорсером и его работниками. Отсутствие нормативной регламентации договора аутсорсинга, приводит к включению в договор условий, нарушающих права работников и вступающих в противоречие с нормами трудового и гражданского законодательства. В частности, на практике складывается ситуация, когда при заключении договора аутсорсинга заказчик и исполнитель согласовывают переход к заказчику права аутсорсера требовать от работника возмещения причиненного ущерба, принадлежащее работодателю на основании ст. 238 ТК РФ. С учетом полной материальной ответственности работника перед аутсорсером, то есть перед своим работодателем, и вышеуказанного условия договора аутсорсинга, стороны договора в такой ситуации считают правомерным обращение заказчика к работнику аутсорсера с исковым заявлением о возмещении ущерба или внесудебное возмещение причиненного ущерба. Судебная практика по таким делам противоречива, в том числе требования по таким искам некоторыми судами удовлетворяются. Иным способом закрепления полной материальной ответственности работников аутсорсера перед заказчиком, применяемым на практике, становится непосредственное заключение между заказчиком и работниками аутсорсера договора о полной материальной ответственности, что также вступает в противоречие с нормами трудового законодательства [16].

По нашему мнению, условие договора аутсорсинга о переходе права работодателя требовать возмещения материального ущерба к иному субъекту следует рассматривать как противоречащее нормам трудового законодательства. При этом вопрос привлечения к материальной ответственности работников аутсорсера должен затрагиваться в договоре аутсорсинга, в части регламентации содействия заказчика установлению факта причинения прямого действительного ущерба работодателю, то есть аутсорсеру, который впоследствии он сможет взыскать со своего работника.

Исследователями отмечается проблема обеспечения безопасных условий труда работникам аутсорсера на территории заказчика. Трудовым кодексом Российской Федерации на работодателя возложена обязанность по обеспечению работникам безопасных условий и охраны труда. При этом, если работник выполняет функцию на территории заказчика, работодатель фактически не имеет возможности обеспечивать вышеуказанные условия, а заказчик, не являющийся работодателем, данной обязанности не имеет. Складывающаяся ситуация характеризуется недостаточной защищенностью прав работников.

Таким образом, можно уверенно констатировать, что несмотря на отсутствие в ГК РФ понятия, «договор аутсорсинга» закрепился в российской деловой практике, сложился и подход к пониманию предмета такого договора как к передаче аутсорсеру на выполнение определенной непрофильной функции заказчика. Регулирование договора аутсорсинга нормами о договоре возмездного оказания услуг, по нашему мнению, хоть и не противоречит существу договора аутсорсинга, нельзя назвать исчерпывающим, в том числе и по тому, что к существенным условиям договора аутсорсинга следует относить цену и качество оказываемых услуг. Не остаются дискуссии о разрешенности использования аутсорсинга после введения в России запрета заемного труда. Эти дискуссии остаются актуальными в том числе и по тому, что легальное определение аутсорсинга отсутствует, а на практике

встречается искаженное понимание под аутсорсингом исключительно деятельности по предоставлению персонала. Актуальны также вопросы защиты прав работников, которые принимают участие в оказании услуг для исполнения договора аутсорсинга, и обеспечения качества оказываемых услуг. Вышеперечисленные правовые проблемы вызывают затруднения при использовании модели аутсорсинга в предпринимательской практике и препятствуют ее дальнейшему развитию.

Список литературы:

1. Брага И.В. Повышение конкурентоспособности предпринимательских структур фармацевтической промышленности РФ на основе применения аутсорсинга : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Брага Ирина Викторовна ; Московский государственный областной университет. – М., 2004. С. 14. – Текст: непосредственный.
2. Горшенина Ю. В. К вопросу о разновидностях договора аутсорсинга // Вестник Международного института экономики и права. – 2013. – № 2 (11). – С. 58. – Текст: непосредственный.
3. Календжян С.О. Аутсорсинг и делегирование полномочий в деятельности компании : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами – промышленность)» : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Календжян Сергей Оганович ; Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2003. С. 57. – Текст: непосредственный.
4. Корнийчук Г.А. Прием и увольнение работников: подбор и оценка персонала, оформление трудовых отношений (с учетом последних изменений в Трудовом кодексе РФ). – М.: Омега-Л, 2007. – 191 с. // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.06.2022). – Текст: электронный.
5. Слесарев С. Первым делом самолеты, или О том, запрещен ли сегодня аутсорсинг // Административное право. – 2017. – № 1. // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.06.2022). – Текст: электронный.
6. Шиткина И.С. Договор предоставления персонала: что это такое? // Хозяйство и право. 2004. – № 1. – С. 99. – Текст: непосредственный.
7. Ещенко И.А. Существенные условия договора аутсорсинга в правоприменительной судебной практике // Российский судья. – 2008. – № 4 // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.06.2022). – Текст: электронный.
8. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А32-40146/2011 (15АП-9767/2012-НП) от 29.12.2012 // Картотека арбитражных дел / https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/18c0c5ea-5c07-42a8-b443-971033ad11a2/c8d7e577-753f-4352-a93b-28531c2700f1/A32-40146-2011_20121229_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 07.06.2022 г.). – Текст: электронный.
9. Котляров И.Д. Нужен ли отдельный договор аутсорсинга? // Нотариус. – 2014. – № 1. // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.06.2022). – Текст: электронный.
10. Витко В.С., Цатурян Е.А. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга. – М.: Статут, 2012. – 128 с. // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.06.2022). – Текст: электронный.
11. Рудая И.Л. Методология управления в экономических системах на основе аутсорсинга: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Рудая Ирина Львовна ; Государственный университет управления. – М., 2009. С. 23. – Текст: непосредственный.
12. Нуртдинова А. Заемный труд: особенности организации и возможности правового регулирования // Хозяйство и право. – 2004. – № 9. // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.06.2021). – Текст: электронный.
13. Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шаблова Елена Геннадьевна ; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2003. С. 10. – Текст: непосредственный.
14. Варпаева И.А. Аутсорсинг бухгалтерского учета государственного (муниципального) учреждения // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2011. – № 12 (276). – С. 5. – Текст: непосредственный.
15. Решение Арбитражного суда Красноярского края по делу № А33-310/2014 от 13.08.2014 // Картотека арбитражных дел / <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/678b53dd-5225-4b04-b0ea->

09099a49c4b1/85e21c71-0c5a-476e-8250-622003aa0f7e/A33-310-

2014_20140813_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 16.06.2022 г.). – Текст: электронный.

16. Вишнепольская И. Материальная ответственность аутстафферов и аутсорсеров: практика, ошибки, рекомендации // Трудовое право. – 2014. – № 7. // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.06.2022). – Текст: электронный.

Keklis A. Y., Shushkova O. A. Outsourcing contract in the Russian Federation: problems of legal qualification // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 214-221.

The term outsourcing literally translates from English as the use of external resources. This form of interaction of subjects of economic activity is conditioned by the principle "I keep for myself only what I can do better than others, I transfer to an external performer what he does better than others." Outsourcing is a modern form of entrepreneurial activity, chosen in order to increase competitiveness. When using outsourcing, the customer organization gets the opportunity to concentrate on the main activity of its company. The authors come to the conclusion that despite the absence of the concept in the Civil Code of the Russian Federation, the "outsourcing contract" has become entrenched in Russian business practice, and there is an approach to understanding the subject of such a contract as a transfer to an outsourcer to perform a certain non-core function of the customer. At the same time, the application of the outsourcing contract in Russia is complicated by the lack of regulatory regulation and the ambiguity of the legal nature of these legal relations.

Keywords: contract law, outsourcing, outsourcing contract, provision of services, performance of works, related contract, essential terms of outsourcing, legal qualification of outsourcing.

Spisok literatury:

1. Braga I.V. Povyshenie konkurentosposobnosti predprinimatel'skikh struktur farmacevcheskoj promyshlennosti RF na osnove primeneniya autsorsinga : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk / Braga Irina Viktorovna ; Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. – M., 2004. S. 14. – Текст: непосредственный.
2. Gorshenina YU. V. K voprosu o raznovidnostyah dogovora autsorsinga // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava. – 2013. – № 2 (11). – S. 58. – Текст: непосредственный.
3. Kalendzhyan S.O. Autorsing i delegirovanie polnomochij v deyatelnosti kompanii : special'nost' 08.00.05 «Ekonomika i upravlenie narodnym hozyajstvom (ekonomika, organizaciya i upravlenie predpriyatiyami, otraslyami, kompleksami – promyshlennost')» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora ekonomicheskikh nauk / Kalendzhyan Sergej Oganovich ; Akademiya narodnogo hozyajstva pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. – Moskva, 2003. S. 57. – Текст: непосредственный.
4. Kornijchuk G.A. Priem i uvolnenie rabotnikov: podbor i ocenka personala, oformlenie trudovyh otnoshenij (s uchetom poslednih izmenenij v Trudovom kodekse RF). – M.: Omega-L, 2007. – 191 s. // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обрashcheniya: 11.06.2022). – Текст: электронный.
5. Slesarev S. Pervym delom samolety, ili O tom, zapreshchen li segodnya autsorsing // Administrativnoe pravo. – 2017. – № 1. // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обрashcheniya: 11.06.2022). – Текст: электронный.
6. SHitkina I.S. Dogovor predostavleniya personala: chto eto takoe? // Hozyajstvo i pravo. 2004. – № 1. – S. 99. – Текст: непосредственный.
7. Eshchenko I.A. Sushchestvennye usloviya dogovora autsorsinga v pravoprimenitel'noj sudebnoj praktike // Rossijskij sud'ya. – 2008. – № 4 // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обрashcheniya: 12.06.2022). – Текст: электронный.
8. Postanovlenie Pyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda po delu № A32-40146/2011 (15AP-9767/2012-NR) ot 29.12.2012 // Kartoteka arbitrazhnyh del / https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/18c0c5ea-5c07-42a8-b443-971033ad11a2/c8d7e577-753f-4352-a93b-28531c2700f1/A32-40146-2011_20121229_Postanovlenie_apellyacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обрashcheniya 07.06.2022 г.). – Текст: электронный.
9. Kotlyarov I.D. Nuzhen li otdel'nyj dogovor autsorsinga? // Notarius. – 2014. – № 1. // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обрashcheniya: 25.06.2022). – Текст: электронный.
10. Vitko V.S., Caturyan E.A. YUridicheskaya priroda dogovorov autsorsinga i autstaffinga. – M.: Statut, 2012. – 128 s. // СПС «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/> (дата обрashcheniya: 14.06.2022). – Текст: электронный.

11. Rudaya I.L. Metodologiya upravleniya v ekonomicheskikh sistemah na osnove outsorsinga: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora ekonomicheskikh nauk / Rudaya Irina L'vovna ; Gosudarstvennyj universitet upravleniya. – M., 2009. S. 23. – Tekst: neposredstvennyj.
12. Nurtdinova A. Zaemnyj trud: osobennosti organizacii i vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya // Hozyajstvo i pravo. – 2004. – № 9. // SPS «Konsul'tantPlyus» / <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 12.06.2021). – Tekst: elektronnyj.
13. SHablova E.G. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnoshenij vozmezdnoho okazaniya uslug : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk / SHablova Elena Gennad'evna ; Ur. gos. yurid. akad. – Ekaterinburg, 2003. S. 10. – Tekst: neposredstvennyj.
14. Varpaeva I.A. Outsorsing buhgalterskogo ucheta gosudarstvennogo (municipal'nogo) uchrezhdeniya // Buhgalterskij uchet v byudzhetnyh i nekommercheskikh organizacijah. – 2011. – № 12 (276). – S. 5. – Tekst: neposredstvennyj.
15. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnoyarskogo kraja po delu № A33-310/2014 ot 13.08.2014 // Kartoteka arbitrazhnyh del / https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/678b53dd-5225-4b04-b0ea-09099a49c4b1/85e21c71-0c5a-476e-8250-622003aa0f7e/A33-310-2014_20140813_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya 16.06.2022 g.). – Tekst: elektronnyj.
16. Vishnepol'skaya I. Material'naya otvetstvennost' autstafferov i outsorserov: praktika, oshibki, rekomendacii // Trudovoe pravo. – 2014. – № 7. // SPS «Konsul'tant Plyus» / <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 14.06.2022). – Tekst: elektronnyj.

УДК 341.9

ИНСТИТУТ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СДЕЛКИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Кузьменко Ю. А.

ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет»

В статье рассматриваются особенности правового регулирования внешнеэкономических сделок. Автор провел теоретико-правовой анализ правовой природы внешнеэкономического отношения, его изначальные и второстепенные признаки для того, чтобы добиться в этой деятельности результатов. Проанализированы международно-правовые акты, регулирующие институт внешнеэкономических сделок.

Автор приходит к выводу, что международная регламентация внешнеэкономических сделок происходит посредством международных договоров, международных обычаев, правовых документов международных организаций.

Автором статьи сформулирована дефиниция внешнеэкономической является сделка - это сделка, заключенная в экономической сфере при участии иностранного контрагента, и имеющая связь с двумя и более юрисдикциями. Как правило, внешнеэкономической сделкой также и называются отдельные разновидности договоров (международной купли-продажи, международной перевозки и т.п.), и различные односторонние сделки (выдача доверенности, заявление о зачете). Фактически, с помощью применения термина «сделка», во внешнеэкономических отношениях подразумевается «договор».

Ключевые слова: сделка, международная торговля, внешнеэкономическая сделка, внешнеэкономический договор, международный коммерческий договор, контракт, экспорт, импорт, Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, ИНКОТЕРМС.

В теории международного частного права вплоть до настоящего периода не выработано однообразного доктринального понятия внешнеэкономической сделки. Тем не менее, большое значение имеет обособление подобного рода признаков из массива гражданско-правовых сделок. Например, ряд ученых, в частности, Ануфриева Л. делает акцент на том, что «верная квалификация сделки как правового института, имеет большое практическое значение, так как исходя из этого, применению будут подлежать разные правовые режимы» [1, с.189].

В связи с мировой экономической интеграции, появляется потребность в осуществлении гармонизации, рецепции и унификации законодательных положений. В данном аспекте интерес вызывают вопросы соотношения таких дефиниций, как: «внешнеэкономические сделки», «внешнеэкономическая деятельность», «межгосударственный коммерческий контракт», «внешнеторговая сделка», «международная торговая сделка» и т. д. Исходя из того, что возможное заимствование опыта в данной сфере будет направлено на улучшение нормативного регулирования института, возможное нивелирование неоднозначного понимания отдельных аспектов института внешнеэкономических сделок, устранение пробельности, надлежит изучить массив норм и найти допустимое решение.

Возможное заимствование правовых норм наверняка будет содействовать устранению имеющихся пробелов путем модификации норм регламентирующих указанные отношения, сближению норм с лучшими образцами зарубежной практики, что

существенно облегчит ведение внешнеэкономической деятельности российскими компаниями, в том числе и в зарубежных юрисдикциях.

Указанная проблематика имеет принципиальное значение для процесса наполнения федерального и местных бюджетов, должна повысить инвестиционную привлекательность, как отдельных субъектов, так и Российской Федерации в целом и, в конечном счете, способствовать повышению уровня жизни населения и закреплённых в законодательстве социальных стандартов.

Необходимо отметить, что внешнеэкономическая деятельность весьма тщательно урегулирована действующим законодательством в сфере предпринимательского права, международного частного права и другими отраслями.

Внешнеэкономическая деятельность и ее правовая регламентация на международном уровне неоднократно подвергалась процедурам гармонизации и унификации на протяжении прошлого и нынешнего века и в этом процессе можно выделить ряд периодов связанных, в частности, с процессами глобализации мировой экономики.

Активизация международной торговли после Второй мировой войны продиктовала необходимость совершенствования правовых средств регулирования внешнеэкономических отношений и заложила требование оптимизации транзакционных издержек. В частности, принятая в 1955 году конвенция «О праве, применимом к международной купле-продаже товаров» [2] вроде бы и содержала понятие международной купли-продажи товаров, но дефиниции внешнеэкономической сделки или ее существенных признаков не называла напрямую, кстати, ни СССР, ни РФ не были в числе государств ратифицировавших данную конвенцию.

В рамках УНИДРУА в 1964 г. Приняты были еще следующие конвенции: «О единообразном законе о заключении договоров международной купли-продажи товаров» [3] и «О единообразном законе о международной купле-продаже товаров» [4].

Необходимо отметить, что в обеих конвенциях встречалось понятие международная сделка, в качестве сущностных признаков было указано: контрагенты-юридические лица должны быть разделены государственной границей (данный признак назван в качестве основного), также разделены государственной границей должны быть места получения и отправления товаров или услуг, место объявления оферты и место ее акцепта или же место заключения договора (контракта) и место исполнения обязательства по договору (контракту) (данный признак указан в качестве дополнительного).

Т.Н. Нешатаева прямо указала, что «... указанный подход, связанный с наличием любого из определяющих признаков, неважно основного или дополнительного, привел к тому, что определенное количество интернациональных экономических сделок не были признаны таковыми и были урегулированы национальным правом» [5, с. 2-10].

На данном этапе унификации норм в сфере внешнеэкономической деятельности был принят ряд значимых международно-правовых документов, таких как «Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров» [6] и «Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров» [7]. В указанных конвенциях был конкретизирован один из при-

знаков внешнеэкономической сделки, а именно обязательность дислокации субъектов предпринимательских отношений на территориях с разной государственной принадлежностью (при этом гражданство (место официальной регистрации) сторон сделки значением не обладало).

Российские ученые-правоведы обратили свои взоры на иностранную литературу лишь ближе к 1990 г. В 1991 г. вступили в силу «Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик», в которых, помимо прочего, содержалось словосочетание «внешнеэкономическая сделка». Несмотря на то, что в рамках такого интеграционного объединения как ЕАЭС существовали национальные нормативные акты регулирующие данные отношения, в качестве рамочного закона часто использовались «Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик» [8].

В настоящее время нормативное регулирование института внешнеэкономической деятельности представлено нормами ГК РФ [9] и Федерального Закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [10]. Стоит подчеркнуть, что, к сожалению, законодатель снова не дал дефиниции «внешнеэкономическая сделка» в указанных актах.

Исходя из вышеизложенного приходим к выводу, что дефиниция «внешнеэкономическая сделка» одновременно обладает родовыми признаками, которые включают в себя как признаки односторонних сделок (по типу доверенности), так и признаки двух- и многосторонних сделок, например, международная купля-продажа.

С точки зрения узконаправленного подхода при изучении исследуемой темы, представляет интерес ретроспективный теоретико-правовой анализ правовой природы и разновидностям внешнеэкономических договоров, которые были заключены ФРГ и СССР, предложенный известным ученым М. Богуславским. Изучая правовую природу, Богуславский М.М. акцентировал внимание на следующих чертах: «он считал тождественными понятия внешнеэкономические договоры и сделки; обязательное наличие иностранных контрагентов осуществление внешней торговой деятельности или иных видов внешнеэкономической деятельности» [11, с. 41].

В научной юридической литературе существует точка зрения, что «правовая природа «внешнеэкономические сделок» включает в себя большинство гражданско-правовых сделок в международном частном праве, а сущность «внешнеторговых сделок» проявляется в конкретных видах обязательств, направленных на отчуждение имущество, в частности, все разновидности договора-купли-продажи, т.е. в качестве существенного условия выступает предмет – товар (вещь), а также имеется взаимосвязь импорта - экспортной деятельностью» [12, с. 459-486].

Отдельные авторы, которые изучали данную проблематику утверждают, что «в качестве предмета трансграничной торговой сделки необходимо рассматривать и представление технических услуг» [13, с.54]. Проанализировав имеющийся материал, можно выделить следующие виды внешнеэкономических сделок: «импорт и экспорт продукции (купля-продажа), предоставление услуг, исполнение работ, результаты интеллектуальной деятельности» [12, с. 459-486]. Как было отмечено в рамках научных исследований, фактически, применяя термин «сделка» в сфере внешней экономики, подразумевается договор» [14, с.2 6].

Исходя из теоретико-правового и методологического анализа юридической литературы в сфере изучения самого института внешнеэкономических сделок возможно выделить их следующие признаки:

- обязательные, квалифицирующие сделку в качестве внешнеэкономической;
- факультативные - которые характерны лишь какой-либо определенной сделке.

Обязательными следует признать: различная государственная принадлежность субъектов сделки; передача в другое государство соответствующих объектов сделки.

Факультативными особенностями внешнеторговых сделок выступают: использование иностранной валюты процессе проведения расчетных операций; специальное нормативное регулирование; принадлежность контрагентов к различным государствам; вероятность разрешения разногласий в судебном порядке; пересечение товарами или услугами государственных границ и смена таможенных режимов в соответствии с этим.

Вышеуказанное создает возможность урегулирования правоотношений нормами таможенного права. Как показывает практика и исследование теоретических трудов, часть случаев имеет такой признак, а часть не имеет.

Представляется, что использование не национальной денежной единицы, а иностранной или и вовсе международной (коллективной) в расчетах между контрагентами есть факультативный признак. Например, при международной сделке в рамках ЕС – сумма договора будет указана в денежной единице Евро, но, в случае если в обычаях делового оборота контрагентов фигурирует такая денежная единица, данный признак присутствовать не будет.

Необходимо указать, что по своей сути и природе внешнеторговые сделки – сделки частного характера. И все признаки присущие частноправовым отношениям, присущи и ей, в частности это конечно же автономия воли. При этом, на более поздних этапах частного характера сделки микшируется с публично-правовыми предписаниями и входит в предмет правового регулирования административного и административно-правовых институтов предпринимательского права. Итак, возникнув как частноправовое такое правоотношение позже будет урегулировано нормами валютного, таможенного, налогового права. И здесь уже поднимаются проблемные вопросы избрания права, подлежащего применению, вопросы права внешнеэкономических (международных) договоров (например, Венская конвенция 1980 г.), возможность использования обычаев внешней торговли и делового оборота.

В связи с этим базу нормативно-правового регулирования данных отношений есть смысл обозначить как факультативный признак в силу того, что контрагенты могут указать права и обязанности в договоре и не прибегать к регулированию отношений нормами нормативно-правовых актов.

Вопрос о государственной принадлежности (национальности) в качестве признака внешнеэкономической сделки в большинстве случаев разрешается предельно просто: место регистрации контрагента или место нахождения основных технологических мощностей, но глобализация мировой экономики, появление транснациональных корпораций и оффшорных юрисдикций порождает множество сложно разрешимых задач в данной сфере.

В силу наличия частного и публичного регулирования хода выполнения сделок во внешнеэкономических правоотношениях споры по сделкам в этой сфере могут рассматриваться как в коммерческих арбитражах или иных судах третейского

характера, так и в государственных судебных инстанциях. Правда признак рассмотрения хода исполнения внешнеэкономических сделок в судебном порядке — это признак, носящий факультативный характер — при добросовестном соблюдении сторонами обязанностей и реализации прав в рамках сделки этого не происходит.

Исследуя вопрос о дефиниции внешнеэкономической сделки в трудах отечественных и зарубежных ученых можно указать следующее: «признаки присущие внешнеэкономической сделке, включенные в ее дефиницию неоднородны у разных исследователей и «нарастают» постепенно в связи с глобализацией и расширением количества самих внешнеэкономических сделок» [15]. Вместе с тем, надо указать, что главной особенностью данной сделки в трудах всех исследователей является факт трансграничной торговли или предоставления услуг.

Таким образом, проанализировав признаки, которые в литературе называют главными и факультативными можно прийти к выводу, что внешнеэкономической является сделка - это сделка, заключенная в экономической сфере при участии иностранного контрагента, и имеющая связь с двумя и более юрисдикциями. Как правило, внешнеэкономической сделкой также и называются отдельные разновидности договоров (международной купли-продажи, международной перевозки и т.п.), и различные односторонние сделки (выдача доверенности, заявление о зачете). Фактически, с помощью применения термина «сделка», во внешнеэкономических отношениях подразумевается «договор». Полагаем, что в настоящий момент не существует препятствий, чтобы использовать термины «международная сделка», «внешнеэкономическая сделка», «международный коммерческий договор» в качестве синонимов.

Список литературы:

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право. Особенная часть. М.: БЕК, 2002. С. 189.
2. Конвенция «О праве, применимом к международной купле-продаже товаров» (Гаага, 15 июня 1955 г.) // СПС Консультант Плюс
3. Конвенция о Единообразном законе о заключении договоров о международной купле - продаже товаров» (ULFIS) (Заключена в г. Гааге 01.07.1964) // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971. С. 75 - 84.
4. Конвенция о Единообразном законе о международной купле-продаже товаров» (ULIS) (Заключена в г. Гааге 01.07.1964) // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971. С. 46 - 74.
5. Нешатаева Т.Н. Международные коммерческие сделки: правовое регулирование и судебная практика. Внешнеэкономическая сделка: материально-правовое обеспечение. Понятие внешнеэкономической сделки // Внешнеторговое право. 2003. N 1. С. 2 - 10.
6. «Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров» (Заключена в г. Нью-Йорке 14.06.1974) // «Вестник ВАС РФ», N 9, 1993.
7. «Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров» (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // «Вестник ВАС РФ», N 1, 1994
8. «Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик» (утв. ВС СССР 31.05.1991 N 2211-1) // «Ведомости СНД и ВС СССР», 26.06.1991, N 26, ст. 733.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021). // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. N 49. ст. 4552.
10. Федеральный закон от 08.12.2003 N 164-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности" // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. N 50, ст. 4850.
11. Богуславский М.М. Виды и содержание договоров во внешнеэкономических отношениях СССР и ФРГ. М., 1986. С. 41.
12. Якимова В.А. Особенности применения комплаенс-процедур в системе внутреннего контроля экспортной деятельности предприятий // Международный бухгалтерский учет. 2021. N 4. С. 459 - 486.

13. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 54.
14. Горковенко М.Л. Понятие и признаки внешнеэкономической сделки // Гражданин и право. 2010. N 4. С. 26.
15. Леонова Е. В. Международный договор купли-продажи (Заключение и содержание): дис. ... канд. юрид. наук: СПб., 2002 212с.; Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. 989 с.

Kuzmenko Y. A. Institute of foreign economic deal: theoretical and legal analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 222-227.

The article discusses the features of the legal regulation of foreign economic transactions. The author conducted a theoretical and legal analysis of the legal nature of foreign economic relations, its primary and secondary features in order to achieve results in this activity. The international legal acts regulating the institution of foreign economic transactions are analyzed.

The author comes to the conclusion that the international regulation of foreign economic transactions occurs through international treaties, international customs, legal documents of international organizations.

The author of the article formulated the definition of foreign trade is a transaction - a transaction concluded in the economic sphere with the participation of a foreign counterparty, and having a connection with two or more jurisdictions. As a rule, a foreign economic transaction denotes both certain types of contracts (international sale and purchase, international transportation, etc.), and various unilateral transactions (issuance of a power of attorney, statement of set-off). In fact, through the use of the term "transaction", in foreign economic relations, a "contract" is implied.

Keywords: transaction, international trade, foreign economic transaction, foreign economic agreement, international commercial agreement, contract, export, import, Convention on Limitation of Actions in the International Sale of Goods, UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods, INCOTERMS.

Spisok literatury:

1. Anufriyeva L.P. Mezhdunarodnoye chastnoye pravo. Osobennaya chast'. M.: BEK, 2002. S. 189.
2. Konventsiya «O prave, primenimom k mezhdunarodnoy kuple-prodazhe tovarov» (Gaaga, 15 iyunya 1955 g.) // SPS Konsul'tant Plyus
3. Konventsiya o Yedinoobraznom zakone o zaklyuchenii dogovorov o mezhdunarodnoy kuple - prodazhe tovarov» (ULFIS) (Zaklyuchena v g. Gaage 01.07.1964) // Registr tekstov mezhdunarodnykh konventsiy i drugikh dokumentov, kasayushchikhsya prava mezhdunarodnoy trgovli. T. I.- N'yu-York: Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy, 1971. S. 75 - 84.
4. Konventsiya o Yedinoobraznom zakone o mezhdunarodnoy kuple-prodazhe tovarov» (ULIS) (Zaklyuchena v g. Gaage 01.07.1964) // Registr tekstov mezhdunarodnykh konventsiy i drugikh dokumentov, kasayushchikhsya prava mezhdunarodnoy trgovli. T. I.- N'yu-York: Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy, 1971. S. 46 - 74.
5. Neshatayeva T.N. Mezhdunarodnyye kommercheskiye sdelki: pravovoye regulirovaniye i sudebnaya praktika. Vneshneekonomicheskaya sdelka: material'no-pravovoye obespecheniye. Ponyatiye vneshneekonomicheskoy sdelki // Vneshnetorgovoye pravo. 2003. N 1. S. 2 - 10.
6. «Konventsiya ob iskovoy davnosti v mezhdunarodnoy kuple-prodazhe tovarov» (Zaklyuchena v g. N'yu-Yorke 14.06.1974) // «Vestnik VAS RF», N 9, 1993.
7. «Konventsiya Organizatsii Ob'yedinennykh Natsiy o dogovorakh mezhdunarodnoy kupli-prodazhi tovarov» (Zaklyuchena v g. Vene 11.04.1980) // «Vestnik VAS RF», N 1, 1994
8. «Osnovy grazhdanskogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i respublik» (utv. VS SSSR 31.05.1991 N 2211-1) // «Vedomosti SND i VS SSSR», 26.06.1991, N 26, st. 733.
9. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 N 146-FZ (red. ot 01.07.2021). // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 03.12.2001. N 49. st. 4552.
10. Federal'nyy zakon ot 08.12.2003 N 164-FZ (red. ot 14.07.2022) "Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya vneshnetorgovoy deyatel'nosti". // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 15.12.2003. N 50, st. 4850.
11. Boguslavskiy M.M. Vidy i sodержaniye dogovorov vo vneshneekonomicheskikh otnosheniyakh SSSR i FRG. M., 1986. S. 41.
12. Yakimova V.A. Osobennosti primeneniya komplayens-protsedur v sisteme vnutrennego kontrolya eksportnoy deyatel'nosti predpriyatii // Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchët. 2021. N 4. S. 459 - 486.
13. Kanashevskiy V.A. Vneshneekonomicheskkiye sdelki: material'no-pravovoye i kollizionnoye regulirovaniye. M.: Volters Kluver, 2010. S. 54.
14. Gorkovenko M.L. Ponyatiye i priznaki vneshnetorgovoy sdelki // Grazhdanin i pravo. 2010. N 4. S. 26.
15. Leonova Ye. V. Mezhdunarodnyy dogovor kupli-prodazhi (Zaklyucheniye i sodержaniye): dis. ... kand. yurid. nauk: SPb., 2002 212s.; Model'nyye pravila yevropeyskogo chastnogo prava / Per. s angl.; Nauch. red. N.YU. Rasskazova. M.: Statut, 2013. 989 s.

УДК 349.3

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ ОБЩЕГО РЫНКА ТРУДА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Орлова Е. Е.

ФГБОУ ВО «ТГТУ»

В статье анализируются особенности цифровизации в сфере занятости на евразийском пространстве, рассматривается унифицированная система поиска «Работа без границ», которая позволяет работодателям и соискателям получить доступ к национальным базам вакансий не только гражданами стран-членов ЕАЭС, но и гражданами стран входящих в СНГ. Интересным представляется рассмотрение цифровых платформ в сфере занятости с точки зрения «нетипичное» средство правообразования и гармонизации правового регулирования в сфере занятости на евразийском пространстве. Отмечается, что национальные базы вакансий имеют разное наполнение и функционал и делается вывод, что создание целой экосистемы цифровых сервисов в сфере трудоустройства и занятости граждан государств – членов Союза «Евразийская биржа труда» позволит реализовать такие сервисы, как информационная поддержка соискателей и работодателей, электронный трудовой договор, профориентационная диагностика, маркетплейс обучающих курсов и других сопутствующих услуг, внедрение мобильного приложения и другие сервисы.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, гармонизация правового регулирования, правотворчество, поиск работы, цифровая платформа, работа, безработный, органы службы занятости, трудоустройство, работодатели.

Динамизм современного мира способствует усилению внимания ученых и практиков к вопросам будущего человеческого развития. Рынок труда во всем мире, как и в России, находится на стадии глубоких преобразований, вызванных движущими факторами будущей сферы труда, такими как цифровизация, автоматизация производства, демографические сдвиги, глобализация, технологический прогресс, последствия пандемии коронавируса COVID-19. В связи с этим, в сфере трудовой занятости происходит размытие стандартной модели трудовых отношений, возникли принципиально новые возможности для удаленной занятости и прямого взаимодействия между работником и работодателем [5]. С другой стороны, в экспертном сообществе все более активно ведется дискуссия об угрозах, связанных с будущим сферы трудовой занятости. К их числу относят риски технологической безработицы, поляризации рынка труда, разрыва в квалификации, прекаризации занятости, дефицит «достойного труда» и т. д.

В связи с этим, возникает потребность осуществления политики занятости в условиях больших вызовов, которая характеризуется как всеобъемлющая, устойчивая и обладающая потенциалом противодействия угрозам, возникающим в сфере трудовой занятости. Кроме того, эта политика должна непрерывно адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам и при этом обеспечивать четкое видение на долгосрочную перспективу. Меры всеобъемлющей политики занятости должны быть направлены на расширение возможностей содействия занятости населения. Некоторые из них должны быть трансформированы под потребности рынка труда в условиях больших вызовов. Одним из мощного средства, способствующее решению

проблем безработицы является цифровизация в сфере содействия занятости как новая парадигма развития общего рынка труда на евразийском пространстве.

Содержание правовой парадигмы общего рынка труда государств-участников интеграционных процессов СНГ и ЕАЭС определяется смыслом перевода с греческого (*παράδειγμα*) как модели, образца, примера. В тоже время необходимо учесть, что в отличие от утвержденных государственных концепций и модельного законодательства, правовая парадигма отражает и, одновременно, направляет объективный ход развития правовой системы, задает принципы и приёмы отображения правовой реальности. В этом смысле парадигма определяет дальнейшую логику сближения права, пути и технологии его гармонизации. Она удерживает в своих рамках развитие механизма правового регулирования, в каком-то смысле является самовоспроизводящейся системой. По отношению к правовой парадигме всякая концепция и модельный закон выступают в качестве статических (прикладных) явлений (актов) – ограниченных по содержанию, а часто и по сроку времени действия.

Правовая парадигма придает процессу развития общего рынка труда вполне конкретное направление, содержательно определяемое не только прежним опытом национального и наднационального правового регулирования, но и теми целями интеграции.

Большинство средств гармонизации правового регулирования в сфере занятости относятся к технологиям правотворчества, которые прямо влияют на результат процесса правообразования. В этом смысле, в качестве участников гармонизации выступают разнообразные субъекты правотворчества: от национальных законодательных органов и должностных лиц – до наднациональных органов интеграционных объединений (ЕАЭС и СНГ), действующих в рамках «классических» технологий правотворчества.

В тоже время, на современном этапе развития права уже невозможно игнорировать его цифровое измерение, которое также влияет на процессы правообразования. Например, в Российской Федерации это те процедуры, значительная часть которых осуществляется на базе соответствующей цифровой платформы (<https://regulation.gov.ru/>).

Евразийская цифровизация в сфере занятости пока не имеет ярко выраженной отраслевой специфики связанной с функционалом правотворчества. Однако, в настоящее время начинается процесс формирования цифровой инфраструктуры правообразования в этой сфере. В отличие от правотворчества, правообразование является более широким процессом, состоящим из разных средств и факторов, влияющих на создание не столько конкретных нормативных актов, сколько на конструирование механизмов правового регулирования.

В этом смысле, всякая цифровая платформа представляет собой «нетипичное» средство правообразования, так как цифровые интернет-ресурсы оперируют большими массивами данных, на основании цифровой обработки и анализа которых возможно принятие ключевых решений правотворческими субъектами на всех уровнях управления. Кроме того, современные цифровые платформы имеют функции обратной связи, что позволяет правотворческим субъектам проводить мониторинг эффективности действующих норм, обращаясь непосредственно к участникам соответствующих правоотношений. Также цифровые платформы можно настроить

полностью или частично на функции обеспечения или поддержки правотворческой деятельности.

Эта тенденция наиболее очевидна в области цифровизации, так как современный мир не только интегрируется, но и виртуализируется. Цифровая среда представляет собой реальность, в которой самые острые социально-экономические проблемы если и не получают немедленного решения, то реакция и отклик на них наступают практически мгновенно.

Цифровизация в сфере занятости в контексте евразийской интеграции уже имеет конкретные формы своего воплощения. В конце 2021 года, на заседаниях Высшего Евразийского экономического совета и Совета глав государств – участников СНГ обсуждался вопрос об углублении интеграции государств-участников объединений на рынке труда и занятости населения. Прямым результатом этих заседаний стал проект, запущенный в целях формирования общего рынка труда и реализованный в рамках Евразийского экономического союза. Была создана унифицированная система поиска «Работа без границ», которая позволяет работодателям и соискателям получить доступ к национальным базам вакансий всех государств – членов Союза. Кроме того, функционал системы предусматривает пользование ее сервисами не только гражданами стран-членов ЕАЭС, но и гражданами стран, входящих в СНГ (Узбекистан, Таджикистан). Таким образом, цифровая платформа ЕАЭС фактически работает в формате СНГ.

Необходимо отметить, что национальные базы вакансий имеют разное наполнение и функционал. В Российской Федерации такой базой является цифровая платформа «Работа России» (<https://trudvsem.ru/>). Данный цифровой сервис имеет достаточно широкий функционал и в настоящий момент представляет собой своеобразный мультиотраслевой и мультифункциональный хаб, позволяющий использовать десятки сервисов по тематике труда и занятости.

Основой правового регулирования Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа России» является ст. 16.2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» [2]. В законе устанавливаются задачи платформы, особенности порядка ее функционирования, оператор платформы, ее связи с другими сервисами. В соответствии с требованиями закона, были приняты: Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 № 867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» [3] и Приказ Федеральной службы по труду и занятости от 8 июля 2022 г. № 173 «Об утверждении требований к информации размещаемой на Единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», а также порядка проведения оценки информации, размещаемой на Единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», на предмет соответствия требованиям к информации, размещаемой на единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» [4].

На примере цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа России» возможно увидеть технологии использования цифровых сервисов для правотворческой работы и, в конечном счете, для гармонизации правового регулирования в сфере занятости. Прежде всего – это так называемые «обеспечивающие»

технологии, суть которых заключается в создании необходимых условий для эффективного протворчества.

Цифровая платформа «Работа России» дает возможность собирать и обрабатывать большие массивы данных в целях «формирования аналитической информации о трудоустройстве граждан в Российской Федерации», что относится к задачам платформы (пп. 4 ч. 1 ст. 16.2 Закона о занятости населения в РФ). Также цифровая платформа обеспечивает «мониторинг и анализ информации, содержащейся на единой цифровой платформе; возможность ее развития» (пп. 4, 8 ч. 4 ст. 16.2 Закона о занятости населения в РФ).

Перед платформой занятости и трудовых отношений стоят следующие задачи:

- содействие занятости населения, в т.ч. путём размещения информации о возможностях трудоустройства, работодателях, испытывающих потребность в работниках, наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей, гражданах, ищущих работу;

- обеспечение процесса предоставления госуслуг в области содействия занятости, в т.ч. их оказания в электронном виде;

- создание, использование и хранение электронных документов, связанных с работой, а также с выполнением работ и оказанием услуг по договорам гражданско-правового характера, прохождением практической подготовки, стажировки, профессионального обучения или получения дополнительного образования, авторским договорам с физическими лицами;

- формирование аналитической информации о трудоустройстве.

Так, с 2021 года наравне с очным приемом граждан, ищущих работу, предусмотрена на постоянной основе дистанционная форма оказания такой услуги органами службами занятости — с использованием рассматриваемой цифровой платформы. Такая задача была выполнена не только по причине распространения в последнее время коронавирусной инфекции COVID 19, но и развитие информационно-коммуникационных технологий в сфере содействия занятости населения. Действительно, до начала пандемии коронавируса органы службы занятости предоставляли свои услуги только в очном режиме — при личном посещении ищущего работу органа службы занятости.

В апреле 2020 г. был введен временный дистанционный порядок постановки на учет в качестве безработного. Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и статью 21 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [1] (далее - Закон № 219-ФЗ) такой формат ввёл на постоянной основе. При этом при обращении лица ищущего работу требуется лишь заявление. Остальные документы запрашиваются органом службы занятости из других государственных информационных систем. Следует отметить, что наряду с дистанционным обращением остается возможность очных консультаций и обращений в органы службы занятости.

Таким образом, Единая цифровая платформа занятости и трудовых отношений позволит сформировать единые требования к порядку предоставления государственных услуг в части содействия занятости населения, а также единую федеральную систему мониторинга и управления качеством деятельности органов службы занятости на основе единых стандартов.

Важно то, что Закон № 219-ФЗ также установил основы особенностей взаимодействия работодателей, граждан и служб занятости в электронной форме. Так, закреплена обязанность органов службы занятости регистрировать граждан в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) при сайте Госуслуг для подачи заявлений через Единую цифровую платформу (при отсутствии у гражданина подтвержденной учетной записи).

Для расширения банка общедоступных вакансий Закон №219-ФЗ установил требования к размещению на Единой цифровой платформе занятости т трудовых отношений информации о вакансиях для ряда категорий работодателей (органы государственной власти РФ и субъектов РФ, органов местного самоуправления, работодатели с численностью выше 25 человек.

Единая цифровая платформа состоит из федеральной и региональной части, а также подсистем, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации.

Порядок функционирования Единой цифровой платформы устанавливает Правительство РФ. Он включает:

- перечень подсистем и порядок их взаимодействия; перечень информации на платформе; перечень участников информационного взаимодействия, их функции и полномочия;
- порядок представления, обработки информации на платформе, а также её информационного взаимодействия с иными информационными системами;
- порядок создания, использования и хранения на платформе электронных документов о работе, в том числе их передача в иные информационные системы, в случаях, предусмотренных трудовым законодательством;
- порядок использования платформы органами службы занятости для содействия гражданам в поиске подходящей работы, содействия работодателям в подборе необходимых работников и оказания иных государственных услуг в этой области;
- порядок оформления в электронном виде договоров гражданско-правовых договоров на выполнение работ и оказание услуг, прохождение практической подготовки, стажировки, профессионального обучения или получения дополнительного образования, авторских договоров с физическими лицами.

Предусмотрено, что Единая цифровая платформа обеспечивает:

- обработку информации, перечень которой утверждает Правительство РФ;
- идентификацию участников, прошедших авторизацию в ЕСИА;
- представление информации в электронной форме;
- мониторинг и анализ информации;
- представление работодателями в службу занятости информации о наличии или об отсутствии свободных рабочих мест и вакантных должностей;
- размещение работодателями информации, перечень которой устанавливает Правительство РФ, в т. ч. о наличии специальных рабочих мест, оборудованных (оснащенных) для инвалидов;
- размещение гражданами информации, перечень которой устанавливает Правительство РФ;
- возможность ее развития.

Оператор Единой цифровой платформы занятости и трудовых отношений — это уполномоченный Правительством РФ федеральный орган исполнительной власти, которым является Роструд.

Участники Единой цифровой платформы должны обеспечивать полноту, достоверность и актуальность информации, которую размещают на ней. По общему правилу информация на Единой цифровой платформе — общедоступна, кроме той, доступ к которой ограничен федеральным законом.

Таким образом, портал «Работа в России» как единая цифровая платформа в сфере занятости должен стать основным каналом предоставления вакансий от работодателей со среднесписочной численностью работников 25 и больше.

На наш взгляд, подобные возможности по обработке больших массивов данных, сервисы по организации обратной связи, другие «обеспечивающие технологии» необходимо развивать и на цифровой платформе «Работа без границ» (<https://trudvsem.ru/rbg/>). Судя по всему, что-то подобное уже планируется на межгосударственном уровне в ближайшее время.

В рамках стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года предусмотрено создание целой экосистемы цифровых сервисов в сфере трудоустройства и занятости граждан государств — членов Союза «Евразийская биржа труда». Обсуждается реализация таких сервисов, как информационная поддержка соискателей и работодателей, электронный трудовой договор, профориентационная диагностика, маркетплейс обучающих курсов и других сопутствующих услуг, внедрение мобильного приложения и другие сервисы.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и статью 21 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 219-ФЗ // Российская газета. – 2021. – № 144.
2. О занятости населения в Российской Федерации Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 // Бюллетень нормативных актов РСФСР. – 1992. – № 1. – С. 4 – 18.
3. О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 № 867 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 21 – Ст. 3446.
4. Приказ Федеральной службы по труду и занятости от 8 июля 2022 г. № 173 «Об утверждении требований к информации размещаемой на Единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405023291/?ysclid=18ev398fam733956460>
5. Попов А.В., Соловьева Т.С. Настоящее и будущее парадигмы занятости в условиях глобальных изменений. *Journal of Applied Economic Research*. – 2021. – Vol. 20. – No. 2. – P. 328.

Orlova E. E. Digitalization in employment as a new paradigm development of the common labor market in the Eurasian space // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 228-234.

The article analyzes the features of digitalization in the field of employment in the Eurasian space, considers the unified search system "Work without Borders", which allows employers and job seekers to gain access to national databases of vacancies not only by citizens of the EAEU member states, but also by citizens of the CIS countries. It is interesting to consider digital platforms in the field of employment from the point of view of an "atypical" means of legal education and harmonization of legal regulation in the field of employment in the Eurasian space. It is noted that the national databases of vacancies have different content and functionality, and it is concluded that the creation of an entire ecosystem of digital services in the field of employment and employment of citizens of the member states of the Eurasian Labor Exchange Union will allow the implementation of services such as information support for applicants and employers, electronic employment contract,

career guidance diagnostics, marketplace training courses and others. related services, the introduction of a mobile application and other services.

Keywords: employment, labor market, harmonization of legal regulation, lawmaking, job search, digital platform, work, unemployed, employment service agencies, employment, employers.

Spisok literatury:

1. O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii» i stat'yu 21 Federal'nogo zakona «O social'noj zashchite invalidov v Rossijskoj Federacii» Federal'nyj zakon ot 28 iyunya 2021 g. № 219-FZ // Rossijskaya gazeta. – 2021. – № 144.
2. O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii Zakon RF ot 19 aprelya 1991 g. № 1032-1 // Byulleten' normativnyh aktov RSFSR. – 1992. – № 1. – S. 4 – 18.
3. O edinoj cifrovoj platforme v sfere zanyatosti i trudovyh otnoshenij «Rabota v Rossii» Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13.05.2022 № 867 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2022. – № 21 – St. 3446.
4. Prikaz Federal'noj sluzhby po trudu i zanyatosti ot 8 iyulya 2022 g. № 173 «Ob utverzhenii trebovanij k informacii razmeshchaemoj na Edinoj cifrovoj platforme v sfere zanyatosti i trudovyh otnoshenij «Rabota v Rossii» [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405023291/?ysclid=l8ev398fam733956460>
5. Popov A.V., Solov'eva T.S. Nastoyashchee i budushchee paradigmy zanyatosti v usloviyah global'nyh izmenenij. Journal of Applied Economic Research. – 2021. – Vol. 20. – № 2. – P. 328.

УДК 347.113

**СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ОБЩИМИ ПОЛОЖЕНИЯМИ
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА И
ПОЛОЖЕНИЯМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОМПЕНСАЦИИ
МОРАЛЬНОГО ВРЕДА**

Плиева Н. Г.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Предмет исследования. В статье исследуется проблема возможности применения к правоотношениям, возникающим на основании положений пар. 4 гл. 59 Гражданского кодекса, положений пар. 1 этой же главы. Цель: на основе анализа положений указанных параграфов решить названную выше научную проблему. Методы и методология исследования: углубленный формально-логический анализ законодательных положений параграфов 1 и 4 главы 59 Гражданского кодекса с использованием методологических средств, разработанных выдающимся русским ученым-юристом Е.В. Васьковским и усовершенствованных современными учеными. Результаты исследования: обосновано, что заглавие пар. 1 «Общие положения о возмещении вреда» исключает возможность прямого распространения действия положений этого параграфа на обязательства по поводу компенсации морального вреда, возникающие на основании положений пар. 4 гл. 59 Гражданского кодекса. Но такое правоприменение возможно в порядке аналогии закона. Область применения результатов: Результаты могут быть использованы при применении законодательства о компенсации морального вреда, при подготовке изменений в соответствующие законодательные акты и в учебном процессе. Новизна результатов исследования заключается в выявлении специфики соотношения положений параграфов 1 и 4 гл. 59 Гражданского кодекса. Выводы: уточнение терминологии в Гражданском кодексе, использование в отношении имущественного вреда термина «возмещение», а в отношении морального вреда – термина «компенсация» породило не только проблему согласования терминологии Гражданского кодекса со ст. 53 Конституции, в которой речь идет о возмещении вреда (без его дифференциации на имущественный и моральный), со ст. 136 УПК и ст. 237 ТК, в которых употребляется термин «возмещение морального вреда», но и проблему определения соотношения положений о возмещении вреда и о компенсации морального вреда в самом Гражданском кодексе.

Ключевые слова: имущественный вред; моральный вред; возмещение вреда; компенсация морального вреда; размер компенсации морального вреда.

Проблема системных связей между общими положениями гл. 59 Гражданского кодекса и положениями законодательства о компенсации морального вреда связана с обеспечением защиты прав лиц, которым причинен моральный вред. И уже с этой точки зрения исследования этой проблемы должно быть признано актуальным. Ее актуальность усиливается явно недостаточной ее исследованностью в науке гражданского права.

К проблеме возмещения вреда в разные годы обращались М.М. Агакром, А.М. Беякова, К.М. Варшавский, В.Т. Смирнов., А.А. Собчак, Е.А. Флейшиц, Х.И. Шварц, М.Л. Шиминова, К.К. Яичков и другие ученые. Именно исследованиями названных ученых созданы методологические предпосылки для исследования возмещения вреда в аспекте системных связей соответствующих положений и норм, хотя этот аспект никогда не был специальным предметом исследования.

Целью настоящей статьи является разработка теоретических положений о системных связях между положениями главы 59 Гражданского кодекса о возмещении вреда и положениями законодательства о компенсации морального вреда, которые

(указанные теоретические положения) могли бы быть использованы при совершенствовании и гражданского законодательства и практики его применения.

Гл. 59 ГК имеет название «Обязательства вследствие причинения вреда». Это – очень удачное название. Оно индивидуализирует соответствующие обязательства не по их содержанию, а по юридическому факту, являющемуся основанием обязательств рассматриваемого рода. Если бы законодатель решил указать в названии главы на явления, которые стоят более близко к содержанию соответствующих обязательств, то есть к правам и обязанностям его сторон, он вынужден был бы указывать в названии главы и на возмещение имущественного вреда, и на компенсацию морального вреда. Название же «обязательства вследствие причинения вреда» акцентирует внимание на юридическом факте (причинении вреда), который является сложным в том смысле, что формулировка «причинение вреда» охватывает собою и причинение имущественного и морального вреда и даже причинение репутационного вреда юридическим лицам, о чем более подробно речь будет идти ниже. Однако удача законодателя при выборе названия гл. 59 ГК уже не сопутствовала ему при выборе заглавия параграфа первого этой главы.

Гл. 59 ГК состоит из 4-х параграфов. Параграфы 2, 3 и 4, в принципе, устанавливают специальные правовые нормы соответственно о возмещении имущественного вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, о возмещении имущественного вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг, и о компенсации морального вреда. Поскольку эти специальные параграфы посвящены возмещению вреда (имущественного) и компенсации вреда (морального) у законодателя было два варианта выбора заглавия параграфа первого гл. 59 ГК. Первый вариант – озаглавить пар. 1 так, чтобы его положения можно было распространить на все последующие три параграфа гл. 59 ГК, в том числе и на параграф, регулирующий отношения по поводу компенсации морального вреда. Этой цели соответствовало бы заглавие «Общие положения». Второй вариант – озаглавить параграф 1 так, чтобы его положения нельзя было распространять на отношения, регулируемые положениями пар. 4 гл. 59 ГК. Этой цели соответствовало бы заглавие «Общие положения о возмещении имущественного вреда».

Законодатель не выбрал ни первый, ни второй из предложенных здесь вариантов, а изыскал третий – «Общие положения о возмещении вреда». Это заглавие – тоже достаточно определенное: раз в нем указывается на «возмещение» (вреда), то им не может охватываться «компенсация» (морального вреда). В принципе, это – бесспорное утверждение. Но уже при первом приближении заметна потребность распространения положений п. 1 гл. 59 на отношения, регулируемые положениями п. 4 этой главы. Да и законодатель строг в употреблении термина «возмещение вреда» и в отграничении его от термина «компенсация» (морального вреда) только в пределах ГК (даже в пределах ГК (в п. 2 ст. 1101) законодатель употребил слова «возмещения вреда», хотя контексту этого законодательного положения соответствовали слова «компенсация морального вреда»). В Уголовно-процессуальном кодексе ст. 136 имеет заглавие «Возмещение морального вреда», а в тексте этой статьи речь идет о «компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении». Поскольку названная статья предусматривает не только указанную компенсацию, но и принесение извинения реабилитированному прокурором, в соответствующих случаях – сообщение о реабилитации в средствах массовой информации и сообще-

ние по месту работы, учебы или жительства реабилитированного, из этой статьи следует сделать вывод о том, что в ней возмещение морального вреда понимается как родовое понятие по отношению к «компенсации за причиненный моральный вред» в денежном выражении как понятию видовому и другим способам возмещения морального вреда. В Трудовом кодексе в заглавии и тексте ст. 237 речь идет о возмещении морального вреда. Но все эти колебания законодателя не исключают его четкости и определенности при использовании рассматриваемых терминов в ГК. И это должно учитываться при толковании соответствующих терминов и положений гл. 59 ГК, а также при разрешении коллизий между ними.

Правда, возникает деликатный вопрос, связанный с тем, что в ст. 53 Конституции речь идет о возмещении вреда, а судебная практика, в том числе практика Конституционного Суда, толкует это конституционное положение как основание и возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда. Полагаем, что термин возмещение вреда в ст. 53 Конституции должен толковаться в соответствии с тем значением, которое ему придавалось законодательством, действовавшим на время принятия Конституции. На то время в России действовали Основы гражданского законодательства СССР и республик от 31.05.1991. Основы предусматривали возмещение имущественного вреда и морального вреда. Термин «вред» при этом имел значение родового понятия, а понятие имущественного вреда и морального вреда считались видовыми по отношению к указанному родовому понятию. С учётом этого исторического момента и следует толковать ст. 53 Конституции: она предусматривает, используя терминологию действующего Гражданского кодекса, и возмещение имущественного вреда, и компенсацию морального вреда.

Впоследствии законодатель в целях совершенствования гражданско-правового регулирования пошел по пути разделения понятия «возмещения» на два понятия – «возмещение вреда», которое стало применяться к имущественному вреду и «компенсация морального вреда». После этого понятие «возмещение вреда» стало не вполне правильным распространять на компенсацию морального вреда.

Однако за ориентир в российской науке гражданского права, в практике правоприменения и даже при изучении гражданского права в высших юридических учебных заведениях становятся принятыми не преданность закону и не вера в закон, не признание необходимости поиска права и правовых ценностей в рамках закона, не приоритет правовой определенности перед справедливостью, как это принято в немецко-говорящих странах [1, 270]. Наиболее активные в научном творчестве ученые пошли по пути утверждения концепции поиска права за пределами закона, учета при правотолковании политико-правовых резонансов, расширительного и ограничительного толкования, так называемого объективно-телеологического толкования. Справедливость, даже мелочная, стала поводом для резко критической оценки закона. Вот один из сотен и тысяч примеров попыток воплощения в жизнь этой концепции. При комментировании п. 1 ст. 811 ГК А.Г. Карапетов пишет: «Первым днем, за который начинают причитаться проценты, является первый день просрочки... В самой комментируемой норме указано на день, в который сумма займа должна была быть возвращена, но, как представляется, эта формулировка не вполне корректна и не должна пониматься буквально. Иначе получится абсурдный вывод...» [2, с. 418]. Автор упрекает законодателя в некорректности, считает, что совершенно ясная и четкая мысль законодателя не должна пониматься буквально, поскольку из нее сле-

дует абсурдный вывод. Все же, учитывая немецкие, а не американские корни российской цивилистики, к данным утверждениям следует относиться критически и при правоприменении и при изучении курса гражданского права.

При сложившихся условиях некоторое отступление от буквы закона при толковании терминов «возмещение» и «вред» выглядит незаметным или вообще не выглядит. Покажем это на примерах самых авторитетных специализированных изданий. П.В. Крашенинников и Л.Ю. Михеева, комментируя ст. 1064 ГК, пишут: «В широком смысле вред рассматривается как всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любые неблагоприятные изменения в охраняемом законом благо, которые могут быть как имущественными, так и нематериальными... Причиненный вред может быть имущественным и неимущественным (моральным)» [3, абз. 176, 180]. Напомним, что здесь не просто раскрывается содержание термина «вреда», а дается его интерпретация в порядке комментирования ст. 1064 ГК. Но если уж авторы пришли к выводу о том, что ст. 1064 ГК регулирует отношения, на которые распространяется параграф 4 главы 59 Гражданского кодекса, то этот вывод надо было аргументировать или хотя бы дать необходимые пояснения. Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров пишут о возможности применения к отношениям, регулируемым положениями ст. 1099-1101 ГК, ст. 1074 ГК [4, абз.478], откуда следует, что нет препятствий для применения к этим отношениям всех положений параграфа 1 главы 59 ГК. Группа авторов, комментируя статью 1064 ГК, оценивает как удачное определение вреда, которое дано Верховным Судом и в соответствии с которым вред заключается в умалении охраняемого законом материального или нематериального блага [5, абз.72], что и открыло возможность в комментариях к указанной статье вести речь о компенсации морального вреда [5, абз.103]. В комментариях к Гражданскому кодексу возмещение вреда без каких-либо оговорок рассматривается как родовое понятие по отношению к компенсации морального вреда, а отсюда делается вывод о возможном применении положений, установленных параграфом 1 главы 59 ГК к отношениям, регулируемым положениями параграфа 4 той же главы [6, абз.7; 7, п. 3; 8, п. 4; 9, абз. 22]. Проявлением этого же самого подхода является также безоговорочное утверждение, например, о том, что п. 2 ст. 1070 ГК применяется к обязательствам по поводу причинения морального вреда. При этом указывается на то, что вред «возмещается» [10, с. 718]. Даже и в классическом учебнике гражданского права, изданном под редакцией Е.А. Суханова, допускается выражение «возмещение морального вреда» [11, с. 484].

Так актуализировалась проблема соотношения параграфов 1 и 4 гл. 59 ГК: можно ли к отношениям, регулируемым параграфом 4 этой главы применять положения параграфа 1? Постановка этого вопроса не является проявлением стремления к праздной псевдонаучной дискуссии. Она имеет и непосредственное практическое значение, ибо уже распространение п. 1 ст. 1064 ГК на отношения, регулируемые положениями параграфа 4 главы 59 Гражданского кодекса, потребует разрешения коллизии между п. 1 ст. 1064 ГК, не устанавливающим ограничений на возмещение причиненного вреда (выходит, – и морального тоже) и п. 2 ст. 1099 ГК, предусматривающим компенсацию морального вреда, причиненного нарушением имущественных прав, в случаях, предусмотренных законом. Наука гражданского права к разрешению такого рода коллизий попросту не готова. Есть и зарубежный опыт, который может оказывать давление на правосознание субъектов правотолкования и

правовприменения. Так, ст. 1382, 1383 Французского Гражданского кодекса устанавливают общие правила о возмещении вреда, не выделяя имущественного и неимущественного вреда. Современная практика французских судов, пишут К. Цвайгерт и Х. Кётц, «не делает различия между материальным и моральным ущербом» [12, с. 429]. Полагаем, что в Гражданском кодексе России такое различие четко проведено. Законодатель предпринял попытку разрешить указанную выше проблему пунктом 1 ст. 1099 ГК, в соответствии с которым основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными настоящей главой и статьей 151 ГК. Это законодательное положение тоже является не очень удачным. Параграфы 1-3 главы 59 Гражданского кодекса не содержат каких-либо положений, которые можно было квалифицировать как такие, которые определяют основания компенсации морального вреда. Утверждение о том, что в формулировке п. 1 ст. 1099 ГК имеется в виду, что основания компенсации морального вреда определяются в соответствии со ст. 1064 ГК, означало бы очевидное и недопустимое насилие над буквой закона. Правда, складывается такое впечатление, что научная, и учебная, и научно-практическая литература такое насилие считает приемлемым и повседневным явлением. Неприемлемым считается только обозначение этого явления незвучным и грубым словом «насилие». Для этого есть очень красивые слова типа «нет никаких политико-правовых резонов отрицать, что п. 1 ст. 1099 ГК отсылает к ст. 1064 ГК» (взято из судебной практики). Мы бы все-таки предпочли, чтобы толкование законодательных положений было гораздо более близким к букве этих положений. Это означает, что к обязательствам компенсации морального вреда следует применять, если это не противоречит существу таких обязательств, не только статью 1064 ГК, но также и ст. 1065-1083 ГК, однако исключительно в порядке аналогии закона. Конечно, аналогия закона – не лучший способ правоприменения, но он уж во всяком случае лучше, чем насилие над буквой закона, хотя бы оправдываемое ссылкой на небрежность законодателя.

Да и сам законодатель, указав на то, что основания компенсации гражданину морального вреда определяются, в частности правилами гл. 59 ГК (п.1 ст. 1099 ГК), не был уверен в том, что этого достаточно для распространения ст. 1064 ГК на отношения, регулируемые параграфом 4 этой главы, и включил в указанный параграф ст. 1100 ГК «Основания компенсации морального вреда». Но, очевидно, законодатель все-таки не исключал применения к отношениям по поводу компенсации морального вреда ст. 1064 ГК, поскольку основания компенсации морального вреда в ст. 1100 ГК изложил фрагментарно. Эта статья устанавливает только те случаи, при которых моральный вред компенсируется независимо от вины причинителя вреда. Раз устанавливаются отдельные случаи, когда моральный вред компенсируется независимо от вины, то должны быть и общие правила о том, когда не компенсируется моральный вред, а также о том, что условием компенсации морального вреда является наличие вины. Таким общим правилом никак не может считаться п. 1 ст. 1064 ГК. Если это признать, то вследствие совместимости этой как бы общей правовой нормы и специальной правовой нормой, установленной п. 2 ст. 1100 ГК («моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающим имущественное право гражданина, подлежит компенсации в случаях предусмотренных законом»), следует будет прийти к выводу о том, что моральный вред подлежит компенсации всегда, хотя бы он был причинен нарушением имущественных прав.

Такой вывод будет правильным с учетом как совместимости указанных правовых норм, так и того, что правовая норма, которая логически закреплена в п. 2 ст. 1099 ГК, обнаруживается при помощи вывода *a contra* и в соответствии которой моральный вред, причиненный нарушением имущественных прав гражданина, компенсации не подлежит (кроме специально установленных законом случаев), не может конкурировать с правовой нормой, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК (если бы эта норма была признана общей в рассматриваемом отношении).

Той же неуверенностью законодателя в возможности применения к отношениям, предусмотренным ст. 1100 ГК, п. 2 ст. 1064 ГК (признающем вину условием ответственности за причиненный вред) обусловлено и повторение применительно к компенсации морального вреда правила п. 2 ст. 1079 ГК об ответственности независимо от вины за вред, причиненный источником повышенной опасности, и правила п. 1 ст. 1070 ГК об ответственности независимо от вины за вред, причиненный органами дознания, следствия, прокуратуры и суда.

В п. 1 ст. 1099 ГК указывается также на то, что и «размер» компенсации морального вреда определяется гл. 59 Гражданского кодекса, а также ст. 151 ГК. Это положение вызывает интерес тем, что свидетельствует об осознании законодателем того обстоятельства, что до того, как он определил в п. 2 ст. 1101 ГК порядок определения размера подлежащего компенсации морального вреда, он определил этот порядок в ст. 151 ГК. Это, конечно, является очевидным дефектом законодательной техники, но также порождает коллизии между ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК. Они несложные, но это не может быть основанием для вывода о возможности разрешения этих коллизий исключительно с помощью интуиции. Для разрешения коллизии между базовыми нормами указанных статей, следует квалифицировать эту коллизию как коллизию между правовыми нормами, которые преимущественно регулируют одни и те же отношения, а отличаются только по содержанию диспозиций (содержанию устанавливаемых ими критериев определения размера компенсации морального вреда).

Лишь первоначально может сложиться впечатление, что ст. 1101 ГК устанавливает общие правовые нормы, которые распространяются на все отношения по поводу компенсации морального вреда, а специальные правовые нормы, установленные ст. 151 ГК, – только на отношения по поводу компенсации морального вреда, причиненного действиями, «нарушающими личные неимущественные права» гражданина «либо посягающие на принадлежащие гражданину нематериальные блага». Конечно, эта формулировка части первой ст. 151 ГК не может быть признана удачной уже потому, что сам законодатель в части первой ст. 151 ГК допустил компенсацию морального вреда и в других предусмотренных законом случаях (а не только при нарушениях личных неимущественных прав и посягательствах на принадлежащие гражданину нематериальные блага). Но трудно представить себе причинение морального вреда при отсутствии нарушения нематериальных прав и посягательства на нематериальные блага. Поэтому в целях интерпретации части первой ст. 151 ГК следует обратиться к п. 2 ст. 1099 ГК, в соответствии с которым моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом. Выходит, что моральный вред может быть причинен нарушением имущественных прав. Но моральный вред в соответствии с частью первой ст. 151 ГК – это физиче-

ские и нравственные страдания», и причинить такие страдания нарушением имущественных прав непосредственно нельзя. Их возможно непосредственно причинить только посредством нарушения личных неимущественных прав или посягательства на нематериальные блага. Следовательно, моральный вред может причиняться путем непосредственного нарушения личных неимущественных прав или непосредственного посягательства на нематериальные блага либо опосредованного нарушения указанных прав и посягательства на личные нематериальные блага через нарушение имущественных прав. Этот вывод подтверждается ст. 15 Закона «О защите прав потребителей», которая предусматривает компенсацию морального вреда, причиненного нарушением прав потребителя. Это законодательное положение по существу признает, что при непосредственном нарушении имущественных прав потребителя опосредованно (косвенно) нарушаются права неимущественные, чем причиняются потребителю нравственные страдания, т.е. моральный вред. Поэтому Конституционный Суд признал ст. 151 ГК не соответствующей Конституции в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием (в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 данного Кодекса), – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага» (Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2021). Даже и в части доказывания факта причинения морального вреда Конституционный Суд решил несколько ослабить требования к потерпевшим, сформулировав правовую позицию, в соответствии с которой в некоторых случаях «факт причинения морального вреда... не может быть сам по себе поставлен под сомнение» (п. 7 мотивировочной части названного Постановления).

Таким образом, сферы действия правовых норм, установленных п. 2 ст. 1099 ГК и ст. 151 ГК совпадают полностью: и в части компенсации морального вреда, причиненного нарушениями личных неимущественных прав или посягательством на нематериальные блага, и в части компенсации морального вреда «в других случаях, предусмотренных законом» (часть первая ст. 151 ГК), что тождественно формулировке п. 2 ст. 1099 ГК, «моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежат компенсации в случаях, предусмотренных законом».

Диспозиция правовой нормы, которая текстуально закреплена в п.2 ст.1101 ГК и предписывает определять размер компенсации морального вреда по критерию характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, который (характер) должен оцениваться с учетом всех обстоятельств, при которых был причинен вред, может применяться вместе с диспозицией правовой нормой, текстуально закрепленной в положении предложения первой части второй статьи 151 ГК. Эта последняя диспозиция вообще не содержит указания на такой обобщающий критерий, на который указывается в п.2 ст. 1101 ГК. Но нельзя отрицать то обстоятельство, что этот критерий охватывается формулировкой «иные заслуживающие

внимания обстоятельства» (часть вторая ст. 151 ГК), хотя стилистически и выглядит неудачным основной критерий определения размера компенсации морального вреда скрывать под формулировкой «иные заслуживающие внимания обстоятельства».

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что часть вторая ст. 151 ГК предписывает при определении размера компенсации морального вреда учитывать степень вины нарушителя, а п.2 ст. 1101 ГК предписывает учитывать степень вины в случаях, «когда вина является основанием возмещения вреда». Требуется разрешить коллизию между этими законодательными положениями и попутно дать интерпретацию взятого в кавычки выражения. Совершенно очевидно, что законодатель при формулировании этого выражения допустил досадную оплошность, которая исключает учет степени вины в случаях, предусмотренных абзацами четвертым и пятым ст. 1100 ГК. Но в случаях, когда закон допускает возмещение имущественного вреда и компенсацию морального вреда независимо от вины, все-таки обычно и фактически имущественный вред возмещается, а моральный – компенсируется при наличии вины. Поэтому степень вины причинителя вреда должна учитываться не тогда, «когда вина является основанием возмещения вреда» (по закону), а тогда, когда вина стала фактическим условием компенсации морального вреда. Так, при причинении морального вреда источником повышенной опасности степень вины причинителя вреда обычно учитывается, поскольку обычно его вина есть. А не учитывается степень вины только в случаях фактического отсутствия вины причинителя вреда. Рассматриваемая формулировка п. 2 ст. 1101 ГК оснований для такой дифференциации не дает. К тому же и сама по себе отсылка к «основаниям возмещения вреда» в статье, регулирующей отношения по поводу компенсации морального вреда, не может быть признана удачной. Она стала поводом для такого утверждения авторов одного из научно-практических изданий: «Степень вины причинителя вреда оценивается в том случае, если наличие вины является основанием для привлечения к такой ответственности (речь идет о компенсации морального вреда. – Н.П.) [4, абз.502]. Аналогичное утверждает и В.А. Белов, не рассматривая при этом соотношение части второй ст. 151 ГК и п. 2 ст. 1101 ГК [13, с.641]. Между тем, соответствующие правовые нормы, текстуально закрепленные в части второй ст. 151 ГК и п. 2 ст. 1101 ГК, являются совместимыми, а каждая из них не может препятствовать применению другой. А правовая норма, которая логически закреплена в п. 2 ст. 1101 ГК, обнаруживается при толковании при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой степень вины причинителя морального вреда не учитывается, если вина не является основанием возмещения вреда, не может препятствовать применению правовой нормы, текстуально закрепленной в части второй ст. 151 ГК, поскольку правовые нормы обнаруженные при помощи вывода *a contrario*, не способны, как правило, к конкуренции при правоприменении [14, с.326]. Таким образом, в конечном счете мы приходим к выводу о том, что преимущественному применению подлежит правовая норма, которая текстуально закреплена в части второй ст. 151 ГК и в соответствии с которой степень вины учитывается при определении размера компенсации морального вреда всегда, в том числе и в тех случаях, когда компенсация морального вреда производится в соответствии с законом независимо от вины причинителя вреда. А когда вины причинителя вреда нет фактически, то нет и степени вины, которая могла бы учитываться при определении размера компенсации морального вреда. Поскольку научное сообщество на данное время не го-

тово воспринять предложенный инструментарий разрешения коллизии между частью второй ст. 151 ГК и п. 2 ст. 1101 ГК, абзац второй из ст. 151 ГК следует исключить, а из положения предложения первого п. 2 ст. 1101 ГК следует исключить слова «в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда». Одновременно пункт 2 ст. 1101 ГК следует дополнить словами «иные заслуживающие внимания обстоятельства», взятыми из абзаца второго ст. 151 ГК, хотя и этого может быть недостаточно. Даже немецкие суды, казалось бы, твердо стоящие на позиции поиска права исключительно в пределах закона, вынуждены иногда отступать от закона и производить под видом возмещения морального вреда «изъятие незаконных доходов», полученных вследствие нарушения прав личности [15, с.260]. О том же пишет и немецкий ученый Р. Алекси [16, с. 8-9].

Наконец, остановимся на вопросе соотношения правовых норм, установленных параграфом 4 гл. 59 ГК и правовой нормы, которая установлена абзацем одиннадцатым ст. 12 ГК и которая предусматривает возможность применения такого способа защиты гражданских прав как компенсация морального вреда. Эта проблема представляется чрезвычайно сложной вследствие того, что в технико-юридическом аспекте вопрос о характере правовых норм, установленных ст. 12 ГК, об их соотношении с более конкретными правовыми нормами, предусматривающими способы защиты гражданских прав в науке не ставился, не обсуждался, а также в силу того, что и законодатель вследствие отсутствия соответствующих научных рекомендаций не использует те технико-юридические средства, которые позволили бы придать законодательным положениям признак определенности, в том числе в части разрешения коллизий между нормами гражданского права.

Речь идет о том, что если бы законодатель изложение нормативного материала в параграфе 4 гл. 59 ГК начал с фразы «моральный вред возмещается только гражданам (физическим лицам) и только в случаях, предусмотренных ст. 151 ГК и настоящей статьей», было бы совершенно ясно, что юридическим лицам, а в случаях, не предусмотренных ст. 151 ГК и 1099 ГК – и гражданам, моральный вред не возмещается, а абзац одиннадцатый ст. 12 ГК в части, противоречащей предусмотренной выше правовой норме, применяться не может. Но законодатель (как и правоприменители) рекомендации науки относительно значения слов «лишь», «только», «исключительно», «не иначе как» для разрешения коллизий между общими и специальными правовыми нормами [14, с. 338-348] не воспринимает. Так и создана проблема соотношения правовых норм, установленных ст. 12 ГК, и специальных правовых норм, предусматривающих способы защиты гражданских прав, в частности правовых норм, установленных ст. 151 и 1099 ГК.

Поскольку специальные правовые нормы, устанавливающие способы защиты конкретных гражданских прав, как правило, являются совместимыми с общими правовыми нормами, предусмотренными ст. 12 ГК, специальные правовые нормы о способах защиты прав не могут исключить применение общих правовых норм, установленных ст. 12 ГК. Но при правоприменении следует учесть судебную практику, которая уже в течение многих десятков лет вообще не считает, что ст. 12 ГК не устанавливает нормы прямого действия. Ст. 12 ГК для такого вывода оснований не дает. А поэтому, по логике вещей, указанная судебная практика не должна была бы применяться как противоречащая закону. Но из процессуальных законов вытекает иное. Процессуальные кодексы (ст. 391.9 ГПК; ст. 308.8 АПК; ст. 341 КАС) еди-

нодушны в том, что нарушение единообразия судебной практики является основанием для отмены или изменения судебных актов в порядке надзора, хотя нарушение судебными актами законов, как правило, таким основанием в соответствии с названными статьями процессуальных кодексов не является. Эти процессуальные положения, вне всякого сомнения, имеют и материально-правовое содержание. Они дают основание для вывода о том, что коллизия между единообразной судебной практикой и установленными законом материально-правовыми нормами должны разрешаться в пользу судебной практики. Таким образом, судебной практике необходимо следовать и в том, что установленные ст.12 ГК правовые нормы не имеют прямого действия. А абзац одиннадцатый ст. 12 ГК не может толковаться таким образом, что он является основанием компенсации морального вреда всегда, когда такой вред причинен. Следовательно, моральный вред подлежит компенсации только в случаях, предусмотренных ст. 151 и 1099 ГК. В остальных случаях моральный вред компенсации не подлежит. В частности, не подлежит компенсации и вред, причиненный юридическим лицам распространением сведений, порочащих их деловую репутацию (так называемый репутационный вред).

Однако в Определении Конституционного Суда от 4 декабря 2003 г. №508-О было указано на то, что «отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения». Все же Конституционный Суд не был уверен и в конституционности и в законности этого утверждения. Поэтому уже в следующем абзаце мотивировочной части своего Определения он сослался на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и практику Европейского Суда по правам человека. Как раз в этом вся суть вопроса, а не в том, что юридические лица могут предъявлять требования рассматриваемого в силу законодательства Российской Федерации: Конвенция была обязательной для России, юрисдикция Европейского Суда по правам человека распространялась на Россию. Но теперь всё изменилось: и Конвенция не обязательна для России, и юрисдикция Европейского Суда по правам человека не распространяется на Россию. Поэтому утратили юридическую силу как источники гражданского права и Определение Конституционного Суда от 4 декабря 2003 г. №508-О и Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16-8923 по делу № А56-58502/2015, нашедшее отражение в Обзоре судебной практики Верховного Суда № 1 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда 16 февраля 2017 г. Между тем, в научной литературе правовая позиция Конституционного Суда была безоговорочно поддержана: «Данный вывод был основан на положении ст. 45 (ч.2) Конституции РФ, в соответствии с которым каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом...» [17, абз.38]. Но права и свободы, которые подлежат защите в соответствии со ст. 45 Конституции, до момента начала защиты должны существовать, то есть они должны быть установлены так, как это предусматривают Конституция и закон. Поскольку право на компенсацию репутационных убытков действующее гражданское законодательство ни прямо, ни кос-

венно, ни текстуально, ни логически не закрепляет, оно не может защищаться в соответствии со ст. 45 Конституции.

Автор не утверждает, что она разрешила все поставленные в статье проблемы. Но одно бесспорно: поставленные в ней проблемы нуждаются в дальнейшем исследовании при проявлении максимального внимания к букве закона и обсуждении в научной среде.

Список литературы:

1. Грехениг К., Гелтер М. Трансатлантические различия в правовой мысли: американский экономический анализ права против немецкого доктринализма // Вестник гражданского права. – 2010. – № 6. – С. 207 – 278.
2. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации [Эксклюзивное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М – Логос, 2019. – 1282с.
3. Обязательства вследствие причинения вреда: Постатейный комментарий главы 59 Гражданского кодекса / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2009. СПС «КонсультантПлюс».
4. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью: практическое пособие / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: «Изд. Тихомирова М.Ю.», 2011. СПС «КонсультантПлюс».
5. Комментарий к главе 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. / Зуева М. В., Климович А. В., Корнеева О.В., Мережкина М. С., Томгосов А.А. СПС «КонсультантПлюс».
6. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая / Гришаев С.П., Свит Ю.П., Богачева Т.В. СПС «КонсультантПлюс».
7. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: В 3 т. (том 3) / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2011. СПС «КонсультантПлюс».
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: Учебно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2010. СПС «КонсультантПлюс».
9. Обязательства вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения: Юридический комментарий / Кудинов О.А. – М.: Городец, 2006. СПС «КонсультантПлюс».
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Контракт: ИНФРА•М, 1998. – 799 с.
11. Гражданское право: Учебник: в 4 т. / Под ред. Е.А. Суханова. Т.IV. Отдельные виды обязательств. – М.: Статут, 2020. – 544 с.
12. К. Цвайгерт, Х. Кётц. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х тт. – Том 2. – М.: Международные отношения, 1998. – 512 с.
13. Белов В.А. Гражданское право. Т.IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. – М.: Юрайт, 2013. – 1085 с.
14. Новейшее учение о толковании права / Под ред. В.Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. – 792 с.
15. Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы? // Вестник гражданского права. – 2012. - №6 – С. 227-288
16. Алексин Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). – Москва. Берлин.: Инфротропик Медиа. – 2011. – 192 с.
17. Гаврилов Е.В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека о компенсации вреда, не поддающегося точному денежному исчислению, причиненного умалением деловой репутации организаций // Российская юстиция. – 2017. – № 6. СПС «КонсультантПлюс».

Plieva N. System relations between the general provisions of the Civil Code on recovery for harm and the provisions of legislation on compensation for emotional distress // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 235-246.

Subject of research: The article examines the problem of the possibility of applying to legal relations arising on the basis of the provisions of paragraph 4 of Chapter 59 of the Civil Code, the provisions of paragraph 1 of the same chapter. Purpose: based on the analysis of the provisions of these paragraphs to solve the above-mentioned scientific problem. Methods and methodology of the research: deep formal and logical analysis of the legislative provisions of paragraphs 1 and 4 of Chapter 59 of the Civil Code using methodological tools developed by the outstanding Russian legal scholar E.V. Vaskovsky and improved by modern scientists. Research results: it is proved that the title of paragraph 1 «General provisions on compensation for harm» excludes the possibility of direct extension of the provisions of this paragraph to obligations regarding compensation for emotional distress arising on the basis of the provisions of paragraph 4 of Chapter 59 of the Civil

Code. But such enforcement is possible by analogy of law. Scope of application of the results: The results can be used in the application of legislation on compensation for emotional distress, in the preparation of legislative changes and changes of the educational process. The novelty of the research results consists in identifying the specifics of the correlation of the provisions of paragraphs 1 and 4 of Chapter 59 of the Civil Code. Conclusions: the clarification of terminology in the Civil Code, the use of the term "recovery" in relation to property damage, and the term "compensation" in relation to emotional distress gave not only the problem of reconciling the terminology of the Civil Code with Article 53 of the Constitution, which deals with compensation for damage (without differentiating it into property and moral), with art. 136 of the Code of criminal procedure and Article 237 of the Labour code, in which the term "compensation for emotional distress" is used, but also the problem of determining the ratio of provisions on recovery for harm and compensation for emotional distress in the Civil Code itself.

Keywords: property damage; emotional distress; recovery for harm; compensation for emotional distress; the amount of compensation for emotional distress.

Spisok literatury:

1. Grekhenig K., Gelter M. Transatlanticheskie razlichiya v pravovoj mysli: amerikanskij ekonomicheskij analiz prava protiv nemeckogo doktrinalizma // Vestnik grazhdanskogo prava. –2010. – № 6. – S. 207 – 278.
2. Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet: kommentarij k stat'yam 807–860.15 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Eksklyuzivnoe izdanie. Redakciya 1.0] / Otv. red. A.G. Karapetov. – M.: M – Logos, 2019. – 1282s.
3. Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda: Postatejnij kommentarij glavy 59 Grazhdanskogo kodeksa / Pod red. P.V. Krashennnikova. – M.: Statut, 2009. SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Tihomirova L.V., Tihomirov M.YU. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью: практическое пособие / Pod red. M.YU. Tihomirova. – M.: «Izd. Tihomirova M.YU.», 2011. SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Kommentarij k glave 59 «Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda» Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26 yanvarya 1996 g. № 14-FZ. / Zueva M. V., Klimovich A. V., Korneeva O.V., Merezhkina M. S., Tomtosov A.A. SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Postatejnij kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. CHast' vtoraya /Grishaev S.P., Svit YU.P., Bogacheva T.V. SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Postatejnij kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti vtoroj: V 3 t. (tom 3) / Pod red. P.V. Krashennnikova. – M.: Statut, 2011. SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. CHast' vtoraya: Uchebno-prakticheskij kommentarij (postatejnij) / Pod red. A.P. Sergeeva. – M.: Prospekt, 2010. SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda i neosnovatel'nogo obogashcheniya: YUridicheskij kommentarij /Kudinov O.A. – M.: Gorodec", 2006. SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii chasti vtoroj (postatejnij) / Pod red. O.N. Sadikova. – M.: Kontrakt: INFRA•M, 1998. – 799 s.
11. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik: v 4 t. / Pod red. E.A. Suhanova. T.IV. Otdel'nye vidy obyazatel'stv. – M.: Statut, 2020. – 544 s.
12. K. Cvajgert, H. Kyotc. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. V 2-h tt. – Tom 2. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. – 512 s.
13. Belov V.A. Grazhdanskoe pravo. T.IV. Osobennaya chast'. Otnositel'nye grazhdansko-pravovye formy. – M.: YUrajt, 2013. – 1085 s.
14. Novejshee uchenie o tolkovanii prava / Pod red. V.G. Rotanya. – Simferopol', 2019. – 792 s.
15. Kociol' H. Blesk i nishcheta nemeckoj civilisticheskoy dogmatiki. Nemeckoe pravo – primer dlya Evropy? // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2012. - №6 – S. 227-288
16. Aleksin R. Ponyatie i dejstvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu. – Moskva. Berlin.: In-frotropik Media. – 2011. –192 s.
17. Gavrilov E.V. Pravovye pozicii Evropejskogo Suda po pravam cheloveka o kompensacii vreda, ne poddayushchegosya tochnomu denezhnomu ischisleniyu, prichinenного umaleniem delovoj reputacii organizacij // Rossijskaya yusticiya. – 2017. – № 6. SPS «Konsul'tantPlyus».

УДК 349.2

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ТРУДА: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ВИДЫ

Попов С. В., Трифанова К. В.

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье авторами проводится теоретико-правовой анализ международных стандартов труда. Авторы, проводя ретроспективный анализ института международно-правового регулирования труда обращаются к трудам советских исследователей. Анализируя воззрения современных ученых, авторы приходят к выводу, что в настоящее время в сфере развития трудовых прав несколько меняются подходы к обозначенной проблеме.

Активные процессы глобализации вызвали мощный толчок развития доктрины международного трудового права, который привел к возникновению новых юридических терминов, которые имеют место в процессе международного регулирования условий труда. В статье рассматривается институт международно-правового регулирования труда как в широком, так и в узком смысле. Также авторы проводят анализ международных актов в сфере труда. В связи с этим в статье поднимается вопрос о сущности «международного трудового кодекса», который до сих пор остается открытым и не имеет однозначного толкования.

Авторы акцентируют внимание на том, что целесообразно закрепить понятия «международные трудовые стандарты» на законодательном уровне в национальной системе права, в связи с тем, что данный термин получил свое закрепление в различных официальных документах (международных организаций), а также на доктринальном уровне.

В заключении авторы предлагают классификацию международных стандартов, касающихся оплаты труда, а также дают дефиницию международного трудового стандарта.

Ключевые слова: труд, трудовые отношения, регулирование, международные стандарты, международные договоры, международные конвенции, трудовое законодательство.

Глобализация, обретает всеобъемлющий характер и не может обойти вниманием и сферу трудовых отношений. Безусловно, международно-правовое регулирование трудовых правоотношений является составной частью общественно-политической жизни любой страны. Именно поэтому разработаны программы по внедрению существующих международно-правовых стандартов во внутреннее законодательство, в частности, «закреплена не только необходимость разработки правовых норм по регулированию социально-трудовых отношений в рыночных условиях, но и приведение законодательства по этому вопросу в соответствие с нормами международного права» [1, с. 120].

В настоящее время указанные вопросы попадают в поле интереса исследователей различных отраслей юридических наук: общей теории права и государства, международного публичного права, трудового права, права социального обеспечения и др. И именно понятие международных трудовых стандартов находится на пересечении четырех отраслей права — это теория государства и права, международное право, философия трудового права и собственно трудовое право.

Характер и направление нашего исследования четко обрисовывает потребность в выяснении национального измерения международно-правового регулирования труда как необходимого компонента трудового права РФ, в аспекте рассмотрения об-

щепризнанных стандартов оплаты труда. В дальнейшем исследовании мы будем оперировать такими понятиями как «международно-правовое регулирование труда» и «международно-правовые стандарты», поэтому существует необходимость проанализировать указанные дефиниции, поскольку эти правовые категории являются мультиаспектными явлениями.

Первым среди отечественных ученых, кто заложил базис современного понимания международно-правового регулирования труда, был С.А. Иванов, «который впервые на территории Советского Союза на монографическом уровне определил понятие международно-правового регулирования труда, его цель, методы и формы регулирования, характер и степень влияния международных соглашений о труде на условия труда в конкретных государствах, и тому подобное» [1, с. 123].

Продолжил исследовать эту правовую категорию в определенном направлении и развивать идеи, заложенные С.А. Ивановым, Е.М. Аметистов. Он, исследуя развитие международного регулирования труда, отмечал: «что с одной стороны, нужны расширения проблематики, которую охватывают международные нормы, и повышение уровня прав и свобод, которые ими предоставляются, а с другой — максимально эффективная имплементация международных норм» [2, с. 123]. Непременными условиями такого имплементации является «добросовестное выполнение международных обязательств по вопросам труда, совершенствование и развитие национального права, как в сфере трансформации и выполнения международных договоров, так и в сфере регулирования труда, создание необходимых социально – экономических гарантий для осуществления целей международных норм, совершенствование форм и методов контроля за их применением» [3, с. 222].

По мнению И.Я. Киселева, «международно-правовое регулирование труда представляет собой регламентацию с помощью международных соглашений государств вопросов, связанных с применением труда, улучшением его условий, охраной труда, защитой индивидуальных и коллективных прав и интересов работников» [4, с.342].

Тенденции развития прав личности в трудовой сфере в начале XXI века несколько меняют подход современных исследователей к обозначенной проблеме. Так, ученые В.М. Толкунова и К.М. Гусов отмечают, что «сущность международно – правового регулирования труда составляют прежде всего идеи правовой защиты высших ценностей общества и государства, а именно прав и свобод человека, его чести и достоинства в сфере труда» [5, с. 146]. Также «в науке трудового права под международно-правовым регулированием труда необходимо понимать регулирование условий труда и охраны законных прав работников с помощью международных соглашений, под которыми они понимают Конвенции МОТ» [6, с. 212]. Мы не можем согласиться с таким утверждение, поскольку, «кроме актов МОТ, к источникам международно-правового регулирования относятся нормы каких - либо международных соглашений, так как международный договор — родовое понятие, охватывающее все международные соглашения, которые могут иметь разное наименование: договор, соглашение, пакт, трактат, конвенция, декларация, коммюнике, протокол, и т. д.» [7].

Как видим, в юридической науке сложились различные подходы как к понятию международно-правового регулирования в сфере труда вообще, так и относительно правового регулирования юридических гарантий, в частности. Так, С.С. Лукаш по-

нимает международно-правовое регулирование в сфере труда как «совокупность международно-правовых норм, устанавливающих стандарты в сфере труда и занятости с целью совершенствования системы внутреннего национального трудового права» [8, с. 28-34].

Представляется возможным разделить точку зрения ряда ученых, которые отмечают, что «все чаще приходится обращаться к международно-правовым актам, что объясняется активным участием нашей страны в жизни мирового сообщества, в деятельности многих международных организаций, а также широкими межгосударственными отношениями. Эта тенденция является общемировой. Международно-правовое регулирование превратилось в важный фактор, характеризующий социальные реалии современного мира» [9, с.29]. Справедливо отмечается, что особенностью международно-правового регулирования труда является то, что нормы международных договоров о труде, как правило, непосредственно не регулируют трудовые отношения, а устанавливают определенные стандарты в области труда, которые через их имплементацию в национальное законодательство каждой страны, которая принимает в них участие, конкретизируются и наделяются определенным правовым механизмом реализации» [9, с. 35].

Анализируя различные подходы и критически оценивая научные позиции, мы можем утверждать, что важнейшими источниками международного трудового права являются Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Вместе с тем, следует согласиться с мнением В.М. Шумилова о том, что «международным регулированием труда охватываются также и отношения, связанные с трансграничным перемещением рабочей силы как товара. «Интернационализация производства, усиление взаимозависимости национальных экономик объективно обусловили рост миграции рабочей силы как товара. В результате образовался и функционирует международный рынок труда, охватывающий разнонаправленные потоки трудовых ресурсов, пересекающих национальные границы» [10, с. 71]. Поэтому представляется целесообразным выделить широкое и узкое понимание понятия международно-правового регулирования отношений в сфере труда.

В широком смысле под международно-правовым регулированием понимается как деятельность соответствующих субъектов международного права, так и результат такой деятельности, то есть определенная система правовых актов, которые составляют суть международно-правового регулирования отношений в сфере труда.

В узком - система международных актов, нормы которых направлены на правовое упорядочение отношений в сфере труда. Ведь, как справедливо отмечает В.Л. Костюк, «международно-правовые акты выступают основной формой правового регулирования трудовых отношений...» [11, с. 151-157].

В настоящее время, «в системе современного международного права выделяют международное трудовое право, как самостоятельную отрасль права, сформировавшуюся на основе единой системы общих стандартов в сфере труда и трудовых отношений, а также международных договоров» [12, с. 88].

На современном этапе развития правовой среды человечества трудовое право является одной из достаточно молодых отраслей, но, вместе с тем, и очень важной: трудовое право является своеобразной «лакомой бумажкой», которая показыва-

ет, насколько в государстве развиты и гарантированы права и свободы человека, ведь именно трудовые права составляют значительную часть конституционных прав и свобод.

В процессе образования и формирования системы международных стандартов выдающимся является результат нормотворческой деятельности, которая осуществляется в рамках ООН, МОТ, региональных объединений государств и двух – и многосторонних договоренностей между ними. В базовых документах ООН закреплены основные права человека в сфере труда. Следует отметить, что именно в этих правовых документах ООН, зародилась правовая модель международных трудовых стандартов.

К основным документам ООН, в которых закреплены базовые трудовые стандарты, относятся: Всеобщая декларация прав человека (1948г.), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990 г.), Конвенция о правах ребенка (1989 г.) и др.

Всеобщей декларации прав провозглашает ряд основных трудовых прав: «каждый человек как член общества имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях (ст. 21); каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы (п. 1 ст. 22); каждый человек без какой-либо дискриминации имеет право на равную оплату за одинаковый труд (п. 2 ст. 23); каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, которое обеспечивает достойное человека существование его самого и его семьи и которое при необходимости дополняется другими средствами социального обеспечения (п. 3 ст. 23); каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов (п. 4 ст. 23); каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск (ст. 24); каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая еду, одежду, жилье, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, которое необходимо для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение в случае безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, старости или иного случая утраты средств к существованию в силу независящих от него обстоятельств (п. 1 ст. 25)» [13].

Детализированы основные трудовые права человека в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах» [14] (1966 г.), положения которого, так же, как и Положения «Пакта о гражданских и политических правах» [15], предусматривающих твердые юридические обязательства по их имплементации в национальное законодательство государств. Важным международным актом, который, среди прочего, определяет права граждан в сфере труда, является Европейская социальная хартия (пересмотренная) [16].

Самым авторитетным субъектом международного правового регулирования труда принято считать Международную организацию труда, как межгосударственное учреждение, которое имеет значительный нормотворческий опыт, длительную ис-

торию развития и занимается исключительно вопросами надгосударственной защите условий труда. Справедливо замечает И. Я. Киселев, что «именно формирование международного трудового права — это прежде всего и есть результат деятельности МОТ, которая в силу специального соглашения с ООН отвечает за деятельность в сфере решения международных трудовых и социальных проблем» [17, с. 13].

Идеологической предпосылкой создания в 1919 г. Международной организации труда было положение ст. 6 американского закона Клейтона о том, что «труд не должен рассматриваться просто как товар или предмет торговли. Учреждение этой организации положило начало международно-правовому регулированию труда» [17, с. 14].

Среди основных причин, обусловивших ее создание, выделяют следующие: Во-первых, политическая ситуация в мире. Так, указанный период характеризуется революционным движением в России и Европе, произошли массовые забастовки во Франции, Англии, Италии, создаются рабочие партии. В России победила Октябрьская революция и установилась советская власть. Именно развертывание революционной борьбы — главная причина создания МОТ. Во-вторых, экономические факторы, к которым относится стремление определенных стран как можно быстрее улучшить положение работников, преодолеть нищету и бедность населения. В-третьих, социальные условия, которым принадлежало значительное место, поскольку рабочий класс подвергался жестокой эксплуатации, работа проходила в тяжелых и невыносимых условиях труда и жизни работников, социальная защита отсутствовала. Социальное развитие значительно отставало от экономического, что существенно сдерживало общее развитие общества [17, с. 13].

Основополагающими конвенциями МОТ является «Конвенция № 87 о свободе ассоциации и защите права на организацию (1948 г.), Конвенция № 98 о применении права на организацию и на ведение коллективных переговоров (1949 г.), Конвенция о принудительном или обязательном труде (1930 г.), Конвенция № 105 об упразднении принудительного труда (1957 г.), Конвенция № 138 о минимальном возрасте приема на работу (1973 г.), Конвенция № 100 о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности (1951 г.), Конвенция № 111 о дискриминации в области труда и занятости (1958 г.) и Конвенция № 182 о запрете и немедленных мерах по ликвидации худших форм детского труда (1999 г.)» [18].

С принятием в 1998 г. Декларации МОТ основных принципов и прав в мире труда фактически было принято решение превратить эти базовые Конвенции МОТ в условия членства в данной международной организации. В Декларации МОТ были закреплены 4 принципа формирования системы международных трудовых стандартов, обобщая основополагающие права, содержащихся в данных конвенциях (Конвенции № № 29, 87, 98, 100, 105, 111, 138 и 182 МОТ). Это принципы: «свободы объединения и права на ведение коллективных переговоров; искоренение всех форм принудительного труда; запрет детского труда; запрет дискриминации в социально-трудовых отношениях» [19].

В научных кругах, во многих отечественных и зарубежных научных изданиях часто встречается термин «Международный кодекс труда», которым охватываются все акты МОТ. Данное понятие, как определенное собрание трудовых норм МОТ или ООН, используют в своих работах такие ученые как: К. М. Гусов, Н. Л. Лютов и

другие. Однако, следует акцентировать внимание на том, что вопрос терминологической сущности понятия «Международный кодекс труда» остается открытым среди ученых.

А. Б. Канунников и А.А. Пастухов утверждают, что «акты МОТ и ООН вместе составляют международный кодекс труда как юридическую основу для издания национальных норм трудового законодательства» [20, с.16-19].

Активные процессы глобализации вызвали мощный толчок развития доктрины международного трудового права, который привел к возникновению новых юридических терминов, которые имеют место в процессе международного регулирования условий труда. Тем не менее, не всегда такие термины имеют единое понимание. Это касается и Международному кодексу труда (МКТ). Впервые этот термин был использован при систематизации актов МОТ в 1939 году. Тем не менее, он применялся в научных кругах как значительно более широкое понятие и был скорее формальным названием первого сборника конвенций и рекомендаций МОТ. Он был напечатан в 1941 году на английском языке. В те годы сборник имел характер неофициальной систематизации, ибо, по сути, был простой компиляцией актов МОТ путем их объединения в группы в соответствии с аспектами регулирования условий труда. В 1951 г. Международное бюро труда подготовило новую редакцию сборника под тем же названием МКТ на английском, французском и испанском языках. Именно этот сборник получил наибольшее признание среди ученых и был дополнительно переведен на другие языки. Редакция сборника 1951 года имела вид обновленного систематизированного собрания международных трудовых стандартов (в 2 томах), которые содержались в различных конвенциях и рекомендациях, принятых МОТ в период с 1919 по 1951 год.

Представляется возможным согласиться с тем, что МКТ 1951 года представляет собой научный интерес и на сегодняшний день является образцом систематизации актов МОТ, учитывая, что этот процесс сейчас имеет приоритетное значение для организации. Однако, этот «кодекс» имеет только историческую ценность, так как он характеризует определенный этап развития нормотворчества МОТ и содержит значительное количество конвенций и рекомендаций, которые уже давно потеряли свою актуальность, были отменены или пересмотрены.

Таким образом, вопрос о сущности «международного трудового кодекса» до сих пор остается открытым и не имеет однозначного толкования. На наш взгляд, Международный Трудовой кодекс является сводом конвенций и рекомендаций, созданных МОТ при непосредственном участии представителей государств-членов, независимо от того, ратифицированы они или нет. Следует обратить внимание на то, что законодательном уровне в РФ термин «Международный Трудовой кодекс» не употребляется. Ряд ученых отмечает, что «для улучшения адаптации национальных трудовых норм государств-участников трудовых норм МОТ нужно провести кодификационную работу относительно норм организации, результатом чего должно стать создание Международного кодекса труда, который был бы наделен юридической силой прямого действия в Европейском суде по правам человека, специализированных трудовых судах и судах общей юрисдикции государств-участников МОТ» [21, с. 16-9]. Мы считаем указанную позицию по созданию Международного кодекса труда сомнительной.

Хотим еще обратить внимание, что «в 2001 г. под эгидой МОТ была выпущена книга коллектива авторов «International labour standards: a global approach», посвященная 75-летию Комитета экспертов по применению конвенций и рекомендаций. Данная книга содержит историю развития, содержание основных международных трудовых стандартов, однако, не дается их понятийная сущность» [22, с. 134]. Но из контекста следует, что: «под международными трудовыми стандартами понимается совокупность конвенций и рекомендаций МОТ, посвященных основным институтам трудового права: свободе ассоциаций, коллективным переговорам, запрету принудительного и обязательного труда, равным возможностям в труде, защите детей и молодежи, политике занятости, развитию трудовых ресурсов, охране труда, социальному обеспечению, охране труда людей разных профессий: моряков, рыбаков, врачей и др.» [21, с. 16-19; 22, с. 135].

Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод, что наиболее приемлемым для обозначения конвенций и рекомендаций Международной организации труда с точки зрения экспертов МОТ является именно термин «международные трудовые стандарты».

Международные трудовые стандарты подкреплены системой контроля, которая является уникальной на международном уровне, что помогает обеспечить выполнение странами конвенций, которые они ратифицировали.

Следует подчеркнуть, что правотворческая деятельность МОТ имеет значение для применения международных трудовых стандартов высшими судебными органами Российской Федерации.

Справедливо в этом контексте замечает И.Я. Киселев, что «содержание этих стандартов представляет собой концентрированное выражение опыта многих стран, плод тщательного отбора наиболее ценных и универсально значимых норм в положении национальных систем трудового права, создания оригинальных синтетических правил с участием юристов, представляющих существующие системы правового регулирования труда, итог столкновения различных мнений и подходов, различных политических сил и интересов, нахождения компромиссных юридических формул, трансформируемых в международные нормы» [4, с. 223].

Международные нормы труда на региональном уровне отражают, так как на универсальном, результаты согласованной деятельности государств по внесению в рыночную экономику социальных ценностей, разработке инструментов социальной политики, приемлемой для целей регионального экономического сотрудничества. Несомненно, правозащитная функция таких норм приоритетна. Однако, их создание обусловлено практическими потребностями региональной экономики в регулировании миграции рабочей силы, предупреждение социального демпинга, построения транснациональных рынков труда.

В настоящее время модернизация национального трудового законодательства должна происходить с учетом «международных трудовых стандартов путем гармонизации российского трудового законодательства с конвенциями и рекомендациями МОТ, в то же время, необходимо принимать во внимание законодательством Европейского Союза.

Выясняя понятие международного стандарта, необходимо отметить, что под этим определением мы понимаем общепризнанные правила, стандартизированные

требования, которые выдвигаются международным правом к нормативным-правовым актам и правоприменительной практике.

Как отмечает ряд ученых, «зарождение норм-стандартов в международном праве было связано со стремлением сформулировать в международной практике определенные политико-юридические ориентиры, рассчитывая на их последовательное широкое признание в мире» [23, с. 259].

Мировые или универсальные трудовые стандарты можно определить, как международные трудовые нормы, предложения и правила, содержащиеся в универсальных актах ООН и МОТ и касаются защиты условий труда, осуществления политики государств в сфере труда.

Данный термин является подходящей альтернативой термину «МТК», ведь он, во-первых, охватывает акты МОТ и акты ООН одновременно, не поднимая вопрос об их соотношении между собой, а во-вторых, говорит о все акты данных организаций как правовые стандарты, а значит, вопрос их распространение и юридической силы вообще не встает. Если термин «МТК «свидетельствует о наличии системности, то само понятие» стандарты» предполагает их разрозненность и неоднородность, что, в принципе, соответствует действительности [23, с. 260].

В научной литературе и периодических изданиях наряду с наиболее распространенным термином «международные трудовые стандарты» используются и другие, в частности, «международные стандарты труда», «международно-правовые стандарты в сфере труда и трудовых отношений» и др. Это дает возможность констатировать актуальность потребности проведения анализа выработанных терминов по пониманию сущности международных трудовых стандартов. Так, ни в одном нормативном акте отечественного законодательства не закреплена данная конструкция.

Таким образом, мы видим целесообразным закрепление понятия «международные трудовые стандарты» на законодательном уровне в национальной системе права.

Следует заметить, что правовая конструкция «международный стандарт» в отчетной и рекомендательной документации используется для оценки соответствия нормам международного права уровня развития различных сфер жизни общества.

Учитывая вышесказанное, можем утверждать, что понятие «международный стандарт» является общеупотребимым термином, в основном им пользуются национальные и международные учреждения во время определения степени соответствия поведения государства взятым на себя обязательствам.

Следует подчеркнуть, что международные трудовые стандарты-это термин, получивший определение не только на доктринальном уровне. Мы можем его найти в официальных документах (международных организаций), в частности, в различных программах действий МОТ. По мнению ученых А. В. Смирнова и И.А. Снигиревой, «международные трудовые стандарты, особенно универсального значения, принятые ООН и МОТ, - это «концентрированное выражение мирового опыта» [24, с.370].

Как отмечал И. Я. Киселев, «международные стандарты труда — нормативная субстанция международного трудового права – одно из достижений современной цивилизации, которая отразила результаты согласованной деятельности государств по внесению в рыночную экономику социальных ценностей, разработки усилиями

мирового сообщества инструментов социальной политики, приемлемой для государств, которые являются его составляющими» [17, с. 16].

Проанализировав международные нормативно-правовые акты, в которых определены виды международных трудовых стандартов, предлагаем такую классификацию международных стандартов, касающихся именно оплаты труда:

I группа — «Получение справедливого вознаграждения за равный труд», в эту группу могут быть включены следующие стандарты: справедливое и удовлетворительное вознаграждение; регулярность выплаты заработной платы; равная плата за равный труд; полнота выплаты заработной платы и др.

II группа — «Антидискриминационные стандарты оплаты труда»: равное вознаграждение мужчин и женщин за труд равной ценности; запрет принудительного труда; недопущение выплат заработной платы не деньгами (или в денежных знаках, не имеющих законного оборота на территории государства); свободное распоряжение своей заработной платой и пр.

III группа — «Защита оплаты труда»: гарантированность выплаты заработной платы и выходного пособия; установление минимальной заработной платы; ограничение отчислений из заработной платы; индексация заработной платы и др.

Учитывая вышесказанное, мы делаем вывод, что наиболее приемлемой конструкцией для определения международного трудового стандарта является следующая: это определенный образец (эталон, модель), которому присуща универсальность, всеобщность, объективная форма выражения, принятый компетентным органом международного сообщества, зафиксированный должным правовым способом в общедоступном документе и служит базовой нормой-принципом для сравнения с ним других подобных объектов или явлений.

В указанном определении отражены главнейшие признаки, которые характерны международному трудовому стандарту. Основные виды международных трудовых стандартов нашли отражение в Конституции Российской Федерации 1993 года.

Список литературы:

1. Иванов С.А. Проблемы международного регулирования труда. - Издательство «Наука». - Москва, 1964. - 222 с.
2. Аметистов Э.М. Международное право и труд. Факторы имплементации международных норм о труде. М.:Международные отношения., 1982.
3. Лушникова, М. В. Международное трудовое право и международное право социального обеспечения: введение в курс: учебное пособие / М. В. Лушникова, А. М. Лушников; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль:ЯрГУ, 2010. – 248 с.
4. Киселев И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. - М., 2006. - 467 с.
5. Трудовое право России: Учебное пособие / Под редакцией Толкуновой В.Н., Гусова К.Н. - М.: Юристъ, 2001. - 456 с.
6. Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России: Учеб. - 2-е изд., доп., испр. - М., 1999. - 438 с.
7. Аббосов, Самандар. 2022. «Совершенствование правового регулирования запрещения принудительного труда в Республике Узбекистан». Ежегодник трудового права 12: 239–246. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2022.119>
8. Лукаш С. С. Международно-правовое регулирование в сфере права / С. С. Лукаш // Юридическая наука и практика. - 2011. - № 2. - С. 28-34.
9. Давлетгильдеев Р.Ш. Д13 Региональные модели международно-правового регулирования труда / Р.Ш. Давлетгильдеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 176 с.
10. Шумилов В.М. Международное экономическое право. - М., 2001. - 228 с.
11. Костюк В.Л. Роль ООН и МОТ на международно-правовом регулировании трудовой правосубъектности / В.Л. Костюк // Публичное право : науч.-практический юридический журнал - 2012. - № 4 (8). - С. 151-157.

12. Международное право: учебник / Дурденевский В. Н., Крылов С. Б. и др. - М. : Юрид.
13. "Всеобщая декларация прав человека" (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). // Российская газета. 10.12.1998.
14. "Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах" (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. N 12. С. 1 - 5.
15. "Международный пакт о гражданских и политических правах" (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5 - 11.
16. "Европейская социальная хартия (пересмотренная)" (принята в г. Страсбурге 03.05.1996). // Бюллетень международных договоров. - 2010. - № 4. Апрель. - С. 17 - 67.
17. Киселев И. Я. Международно-правовое регулирование труда (международные стандарты труда): Учебное пособие. - М., 1995. - С.13.
18. Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией Труда / Международная Организация Труда. - Т. 1: 1919 - 1956. - Женева, 1999. - 427 с.
19. Декларация Международной организации труда "Об основополагающих принципах и правах в сфере труда" (принята в г. Женева 18.06.1998) // Российская газета. N 238, 16.12.1998.
20. Канунников А.Б., Пастухов А.А. Особенности современного понимания трудового права и основных начал трудового законодательства. // Трудовое право. - 2004. - № 7. - С. 16 - 19.
21. Гуцуляк В.Н. Российское и международное морское право (публичное и частное). М.: Граница, 2017. 448 с.
22. К вопросу о терминологической сущности понятия «Международный трудовой кодекс» // Современные проблемы науки и образования. - №1. - М., 2010. - С. 134.
23. Права человека: международное право и национальное законодательство / под ред. проф. В.В. Филиппова. - Вильнюс, 2011. - 338 с.
24. Трудовое право. Учебник / Под. ред. Смирнова О.В., Снигиревой И.О. - 4-е издание. - М.: Проспект, 2010. - С. 585.

Popov S.V., Trifobova K.V. International labor standards: concept, signs, types // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 247-257.

In the article, the authors carry out a theoretical and legal analysis of international labor standards. The authors, conducting a retrospective analysis of the institution of international legal regulation of labor, turn to Soviet researchers. Exploring the views of modern scientists, the authors come to the conclusion that at present, in the field of development of labor rights, approaches to the designated problem are somewhat changing.

The active processes of globalization have caused a powerful impetus for the development of the doctrine of international labor law, which has led to the emergence of new legal terms that take place in the process of international regulation of working conditions.

The article deals with the institution of international legal regulation of labor both in a broad and narrow sense. The authors also analyze international acts in the sphere of labor. In this regard, the article raises the question of the essence of the "international labor code", which still remains open and does not have an unambiguous interpretation.

The authors focus on the fact that it is advisable to fix the concept of "international labor standards" at the legislative level in the national system of law, due to the fact that this term has received its consolidation in various official documents (international organizations), as well as at the doctrinal level.

In conclusion, the authors propose a classification of international standards relating to wages, and also give a definition of the international labor standard.

Keywords: labor, labor relations, regulation, international standards, international treaties, international conventions, labor legislation.

Spisok literatury:

1. Ivanov S.A. Problemy mezhdunarodnogo regulirovaniya truda. - Izdatel'stvo «Nauka». - Moskva, 1964. - 222 s.
2. Ametistov E.M. Mezhdunarodnoye pravo i trud. Faktory implementatsii mezhdunarodnykh norm o trude. M.:Mezhdunarodnyye otnosheniya., 1982.
3. Lushnikova, M. V. Mezhdunarodnoye trudovoye pravo i mezhdunarodnoye pravo sotsial'nogo obespecheniya: vvedeniye v kurs: uchebnoye posobiye / M. V. Lushnikova, A. M. Lushnikov; Yarosl. gos. un-t im. P. G. Demidova. - Yaroslavl':YarGU, 2010. - 248 s.
4. Kiselev I.YA. Trudovoye pravo Rossii i zarubezhnykh stran. Mezhdunarodnyye normy truda. - M., 2006. - 467 s.
5. Trudovoye pravo Rossii: Uchebnoye posobiye / Pod redaktsiyey Tolkunovoy V.N., Gusova K.N. - M.: Yurist", 2001. - 456 s.
6. Gusov K.N., Tolkunova V.N. Trudovoye pravo Rossii: Ucheb. - 2-ye izd., dop., ispr. - M., 1999. - 438 s.

7. Abbosov, Samandar. 2022. «Sovershenstvovaniye pravovogo regulirovaniya zapreshcheniya prinuditel'nogo truda v Respublike Uzbekistan». *Yezhegodnik trudovogo prava* 12: 239–246. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2022.119>
8. Lukash S. S. Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye v sfere prava / S. S. Lukash // *Yuridicheskaya nauka i praktika*. - 2011. - № 2. - S. 28-34.
9. Davletgil'deyev R.SH. D13 Regional'nyye modeli mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya truda / R.SH. Davletgil'deyev. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2015. – 176 s.
10. Shumilov V.M. Mezhdunarodnoye ekonomicheskoye pravo. - M., 2001. - 228 s.
11. Kostyuk V.L. Rol' OON i MOT na mezhdunarodno-pravovomoye regulirovaniya trudovoy pravosub'yektnosti / V.L. Kostyuk // *Publichnoye pravo : nauk.-prakticheskiy yuridicheskiy zhurnal* - 2012. - № 4 (8). - S. 151-157.
12. Mezhdunarodnoye pravo: uchebnik / Durdenevskiy V. N., Krylov S. B. i dr. - M. : Yurid.
13. "Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka" (prinyata General'noy Assambleyey OON 10.12.1948).//*Rossiyskaya gazeta*. 10.12.1998 .
14. "Mezhdunarodnyy pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh" (Prinyat 16.12.1966 Rezolyutsiyey 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON).// *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 1994. N 12. S. 1 - 5.
15. "Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh" (Prinyat 16.12.1966 Rezolyutsiyey 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON).// *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 1994. № 12. S. 5 - 11.
16. "Yevropeyskaya sotsial'naya khartiya (peresmotrennaya)" (prinyata v g. Strasburge 03.05.1996).//*Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*. - 2010. - № 4. April'. - S. 17 - 67
17. Kiselev I. YA. Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye truda (mezhdunarodnyye standarty truda): Uchebnoye posobiye. - M., 1995. - S.13.
18. Konventsii i rekomendatsii, prinyatyey Mezhdunarodnoy Konferentsiyey Truda / Mezhdunarodnaya Organizatsiya Truda. - T. 1: 1919 - 1956. - Zheneva, 1999. - 427 s.
19. Deklaratsiya Mezhdunarodnoy organizatsii truda "Ob osnovopolagayushchikh printsipakh i pravakh v sfere truda" (prinyata v g. Zheneva 18.06.1998).//*Rossiyskaya gazeta*. N 238, 16.12.1998.
20. Kanunnikov A.B., Pastukhov A.A. Osobennosti sovremennogo ponimaniya trudovogo prava i osnovnykh nachal trudovogo zakonodatel'stva. // *Trudovoye pravo*. - 2004. - № 7. - S. 16 – 19.
21. Gutsulyak V.N. Rossiyskoye i mezhdunarodnoye morskoye pravo (publichnoye i chastnoye). M.: Granitsa, 2017. 448 s.
22. K voprosu o terminologicheskoy sushchnosti ponyatiya «Mezhdunarodnyy trudovoy kodeks» // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. - №1. - M., 2010. - S. 134.
23. Prava cheloveka: mezhdunarodnoye pravo i natsional'noye zakonodatel'stvo / pod red. prof. V.V. Fil'lipova. – Vil'nyus, 2011. – 338 s.
24. *Trudovoye pravo*. Uchebnik / Pod. red. Smirnova O.V., Snigirevoy I.O. - 4-ye izdaniye. - M.: Prospekt, 2010. - S. 585.

УДК 342.734

НЕТИПИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Старостин В. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются попытки реформирования трудовых отношений и видов рабочего времени в сфере нестандартной занятости в Российской Федерации. Развитие научно-технических инноваций в мировой экономике и сфере производства, требуют новых правовых решений в законодательной сфере при организации труда, которые позволят более эффективно использовать рабочее время, уменьшать издержки производства, повышать эффективность использования труда во всех сферах деятельности. В связи с этим, тенденции реформирования трудовых отношений в законодательстве целого ряда стран мира, в том числе и России, требуют дополнительного изучения. Возможность введения новых видов рабочего времени, создадут условия для использования нестандартных форм занятости и увеличения количества рабочих мест. Нестандартная занятость предполагает использование новых видов рабочего времени, которые ранее не применялись.

Ключевые слова: трудовые отношения, рабочее время, социальная политика, права человека.

В условиях цифровизации мировой экономики, происходит трансформация некоторых элементов правового регулирования в сфере политико-экономических отношений, связанных с внедрением инновационных форм труда, что способствует необходимости включения механизмов формирования направлений изменения содержания трудовых отношений.

Правовая и экономическая сторона трудовых отношений зависит от развития научно-технических инноваций в мировой экономике и сфере производства, что требует новых способов организации труда, позволяющих более эффективно использовать рабочее время и труд работников на предприятиях, уменьшать издержки производства. Этому может способствовать введение новых видов рабочего времени, что создаст условия для использования нетипичных форм занятости в трудовых отношениях и увеличения рабочих мест. Нетипичная занятость предполагает использование новых видов рабочего времени, которые ранее не применялись [1].

Понятие «прекаризация» (нетипичность, неустойчивость) в трудовых отношениях появилась относительно недавно в законодательстве некоторых стран мира. Ее корни более глубокие и малоизученные, чем кажется при поверхностном ознакомлении. Поэтому требуют более детального и дополнительного изучения. Первые исследования в области нетипичных форм занятости принадлежат Джеку Ниллесу, Фенку Скиффу, Джилу Гордану и Дэвиду Флемингу. Много внимания исследованиям в сфере новых форм занятости уделяли такие ученые как: В. Бек, М. Бехтель, Дж. Рифкин, А. Горц, В. Гимбельсон, Р. Капелюшников, А. Шевчук, Е. Гришнова., А. Колот, Э. Либанова, И. Новак, Е. Макарова.

Изучение указанной проблемы затрагивало ряд проблемных аспектов. Например, какие социально-политические преобразования стали причинами появления нетипичной занятости? Каковы способы политико-правовой регламентации указанных правоотношений? В чем ключевое отличие между стандартной и нестандартной занятостью? К какому виду правоотношений можно отнести новые виды занятости:

трудовым или гражданским? Вместе с этим, вопрос о возможном влиянии нетипичной занятости на социально-трудовые, экономические, общественно-политические и другие отношения в государстве, остается малоизученным. В этом и заключается, на наш взгляд, проблемное поле рассматриваемого нового явления в трудовых отношениях.

Основные элементы содержания трудовых отношений были сформированы в индустриальную эпоху и характеризовались четкими периодами времени выполнения трудовой функции, трудовыми обязанностями, перерывами, наличием рабочего места и др. В нетипичных формах занятости все элементы трудовых отношений достаточно абстрактны. Формирование трудовых отношений не всегда соответствует инновационным производственным технологиям, к которым можно отнести: всеобъемлющее использование информационно-коммуникационных средств, ускорение темпа производственных процессов и, главное, постепенной трансформации видов рабочего времени. Что способствует появлению новых видов нетипичной занятости. Например, в странах Европейского Союза около 1/3 работников имеют гибкий график рабочего времени или нестандартно трудоустроены [2]. С одной стороны, это помогает решить проблему безработицы через поиск новых источников рабочей силы и оптимизацию ее использования. Такое положение актуально для стран, где происходит процесс старения населения.

Вместе с этим, возникает ряд вопросов о способах регулирования трудовых отношений с элементами новых видов рабочего времени или «нестандартно» занятых работников. Например, часто в таких случаях трудовой договор между работником и работодателем не заключается. При отсутствии трудового договора, какие гарантии прав работников могут гарантироваться и соблюдаться? Какие особенности рабочего времени могут быть обусловлены гибким рабочим графиком? Если рабочее место за работником не закреплено, каким образом может осуществляться контроль и есть ли в этом необходимость? Если такие работники не значатся в штате предприятий, значит страховые, медицинские гарантии на них не распространяются?

Рассмотрим глубже эти и другие аспекты новых видов рабочего времени при нестандартной занятости. К основным отличительным чертам, с учетом элементов организации труда, можно отнести: средства производства, контроль времени работы, времени отдыха, оплаты труда.

Классическую основу трудовых отношений составляло законодательное регулирование трудовых отношений и рабочего времени. Трудовое правоотношение включало наличие прав и обязанностей работника и работодателя. Такое отношение имело формальное равенство сторон при заключении трудового договора, наличие прав и обязанностей сторон, подчинение работника трудовым обязанностям, включением в производственный коллектив, отчуждение работника от средств производства и т.д. Виды, содержание и продолжительность рабочего времени регулировались локальными актами предприятий и законодательством. Они носили достаточно жесткий характер. Например, опоздание работника могло повлечь ряд дисциплинарных взысканий.

При формировании постиндустриального общества, все чаще имеют место новые формы занятости и виды рабочего времени, при которых изменяются классические признаки трудового правоотношения. В связи с этим происходит изменение в орга-

низации труда, возможности более гибкого использования рабочего времени, изменение существенных условий труда при взаимодействии работника и работодателя.

В советский период в основу трудового договора было положено единое, неделимое, социалистическое трудовое правоотношение [3]. В постсоветский период складывается парадигма социально-партнерских отношений, определяющая политическое регулирование не социалистического, а наемного труда. Указанное регулирование осуществляет не только государство, но и работодатель, имея право на локальное нормативное регулирование труда.

Таким образом, ключевые элементы трудовых отношений, которые получили свое оформление в индустриальный период, переживают этап перехода к постиндустриальному (информационному обществу). При этом, в связи с расширением классического понятия трудового отношения появляются новые возможности для реализации прав личности, что по своему обогащает политику социально-трудовых отношений в целом. Этому способствуют кардинальные изменения в политической, экономической и правовой системах государства. Поэтому правовые формы трудовых отношений взаимосвязаны с такой трансформацией и влияют на непосредственное отношение между работником и работодателем [4]. Таковы общие тенденции в сфере политико-правового регулирования занятости и трудовых отношений.

Рыночная модель экономических отношений позволяет каждому гражданину выбирать форму занятости или не трудиться. В настоящее время, мер административного преследования за тунеядство, не предусматривается. Поэтому реализация права на труд происходит разнообразными способами: индивидуальная трудовая деятельность, заключение трудового договора, военная служба, государственная гражданская и др. Более широкое применение реализации права на труд остается выполнение трудовой функции по трудовому договору. Объяснение довольно простое. Трудовое законодательство в России традиционно было жестким, не позволяя просто так избавиться от работника.

После вступления в силу нового Трудового кодекса в 2002 г. [5] законодателем были урегулированы некоторые элементы трудовых отношений, которые не прописывались ранее. Например, закреплены особенности трудовых функций целого ряда категорий работников, в том числе на производствах с вредными условиями труда. Отработаны ключевые положения социального партнерства, указана концепция договорного регулирования трудовых и иных отношений, связанных с ними, внесены новые положения в институты трудового права. Все меры позволили сохранить социальную политику в России и значимость трудовых отношений, а также учесть потребности и интересы сторон трудового договора.

Однако сохранение жестких социальных правовых норм породило довольно нестабильную правоприменительную практику [6]. Это связано с изменением традиционного изучения трудовых отношений, основанных на бессрочном трудовом договоре. И меняют его не только внешние факторы, но и допустимые законодателем различные условия индивидуальных трудовых отношений, например, условие исполнения трудовых обязанностей вне рабочего места или места нахождения работодателя (правоотношение осуществляется по месту нахождения работника), условие срочности трудового договора (определяет границы периода правового отношения в календарном исчислении), закрепление неполного рабочего времени (устанавли-

вают продолжительность рабочего времени работника на протяжении определенного периода).

Таким образом, получают распространение нетипичные формы занятости. Они могут содержаться в основе трудового соглашения, с установлением неполного рабочего времени и на условиях работы вне места пребывания работодателя (удаленная работа), заемный труд.

Появление нетипичной занятости определяет еще один аспект трансформации политико-правового регулирования труда: современный рынок труда нуждается в концептуально новом понимании работника. Эта тенденция характерна для многих стран. В Великобритании исследователи отмечают, что границы между оплачиваемым трудом у конкретного работодателя и трудом домашним стирается с включением в трудовую деятельность женщин, лиц с семейными обязанностями, людей предпенсионного и пенсионного возраста [7]. Технологические изменения в организации трудовой сферы позволяют более широко использовать лиц с ограниченными физическими возможностями.

В связи с этим, формированию трудовых отношений способствует ряд объективных по существу и субъективных по форме факторов, в которых заключены возможности к расширению политики трудовых отношений, некоторых норм и институтов для категорий работников, не относящихся к наемному персоналу (служащим и рабочим) [8]. В трудовых отношениях все чаще участвуют физические лица, которые при выполнении своих обязанностей отличаются от традиционных работников. Их определяют в качестве лиц, подобных работникам (*employee-like-persons*). В таких трудовых отношениях между лицом и работодателем не имеется строгой законодательной взаимосвязи как работника и работодателя. В связи с этим работодатель не вправе определять, каким образом работник должен осуществлять свою трудовую функцию. Очевидно, что указанные тенденции порождают необходимость изменения концептуального подхода к понятию «работник» в трудовых отношениях. Эту точку зрения разделяют и европейские ученые [1]. Например, в отсутствие кодифицированного акта о труде в Германии трудовые отношения регулируются различными актами, при этом законодательное определение работника отсутствует. Вместе с этим в Торговом кодексе Германии в параграфе 84 содержится понятие самозанятого лица [9]. Это любое лицо, которое свободно может организовать свою деятельность и определять продолжительность рабочего времени. Таким образом, по мнению немецких ученых, ключевым критерием по разграничению между самозанятыми и наемными работниками, которые находятся в подчинении работодателя, является большее или меньшее количество свободного времени.

Традиционный взгляд на индивидуальное подчинение приказам работодателя в течение рабочего времени в последнее время не соотносится с реальным положением дел, когда все большее количество высококвалифицированных специалистов предпочитают оставаться свободными в решении вопросов «как и когда» заниматься трудовой деятельностью. В связи с вышеуказанным, появляются вопросы политического регулирования правового статуса так называемых свободных работников или «фрилансеров». С одной стороны, эти лица свободны в определении своего рабочего времени и объема занятости, с другой оказываются уязвимы и могут требовать защиты своих прав в период, когда работодателям необходимо миную социальные гарантии оперативно избавиться от работников. Возникает вопрос: можно ли

признать отношения с указанной категорией работников трудовыми по факту их подчинения власти работодателя? Для упорядочения указанных ситуаций в Германии в законе о коллективных договорах было закреплено понятие лиц подобных работникам. В России давно существует законодательное определение работника, однако это не решает проблем связанных со статусом «фрилансеров», количество которых увеличивается с расширением технических возможностей самостоятельной организации своего рабочего времени.

В законодательных актах Международной организации труда указаны критерии стандартной занятости. К ним относится занятость в течении полного рабочего времени, с заключением бессрочного трудового договора с работодателем и мерами защиты от необоснованного увольнения [10]. В настоящее время, в научной литературе предлагается несколько вариантов классификации новых видов рабочего времени, связанного с нестандартной занятостью. Безусловно, с углублением исследований и систематизации будет сформирована общепринятая классификация нестандартных форм занятости. В связи с этим указанные виды рабочего времени могут сочетаться друг с другом, образуя разнообразные комбинации. Более того, введение на производстве одного из видов нового рабочего времени, может быть предпосылкой для появления другого вида.

Причиной такого положения являются экономические кризисы, нестабильность социально-политического и экономического развития отдельных государств, вызывающие сокращение рабочих мест с установленными законом трудовыми гарантиями. Поэтому нетипичная занятость искажает само понятие и социально-политическую значимость института традиционных трудовых отношений. Ограничивает неотъемлемые права работников, которые возникли в индустриальную эпоху в результате массовых волнений и революционных событий. Проблемное поле нетипичной занятости усложняется вследствие развития информационного общества, научно-технической революции, процессов глобализации мировой экономики.

Трудовые отношения между работником и работодателем традиционно регламентируются заключением трудового договора. В этом документе определяются права и обязанности сторон, гарантии соблюдения прав работника. В результате заключения трудового договора работник социально защищен. Возникает ряд преимуществ: заработная плата, пенсионный и страховой стаж, медицинское обслуживание, регламентированное время труда и отдыха, наличие оплачиваемого отпуска и др. Таких прав при нетипичной занятости не имеется. Поэтому в такой занятости можно выделить социально-политическую, правовую и экономическую проблематику.

Социально-политическая сторона нетипичной занятости может заключаться в отсутствии гарантий прав работников, фиксированной и достойной оплаты труда, невысоком материальном благосостоянии, определенных сроков трудового правоотношения. При росте нетипичной занятости сокращается сфера наемного труда, расширяется индивидуальная предпринимательская деятельность, самозанятость. Что является источником неуверенности и неопределенности настоящего и будущего, в связи с низким уровнем доходов, способствует развитию стрессовых процессов в психике граждан, уменьшает доверие к органам власти и государственной социальной политике. В итоге может привести к постепенной маргинализации общества и социальным потрясениям.

Правовое содержание нетипичной занятости характеризуется частичным или полным отсутствием юридически значимых фактов в закреплении отношений между работником и работодателем. Поэтому в странах Европейского союза, вместо понятия «работник» применяется неопределенная характеристика в виде «лица, подобного работнику». Такое определение не нуждается в правовой регламентации, социальными гарантиями. Также опускается значение институтов трудового договора, рабочего времени, охраны труда, социального партнерства, понятие рабочего места и другие. Начало и завершение трудовых отношений размывается во времени, периоды труда становятся более гибкими. Отсутствует понятие регламентированного рабочего времени. Оно никак не контролируется работодателем.

С экономической точки зрения, можно выделить два проблемных направления. С одной стороны, гибкие формы занятости неприменимы на целом ряде предприятий. При росте нетипичной занятости, уменьшается значение наемного труда, что негативно влияет на роль профессиональных союзов и коллективных договорных отношений, являющихся важнейшей гарантией прав и защищенности работников при стандартной занятости. С другой стороны, гибкие условия труда предполагают изменения в технологических процессах производства общественного продукта, товаров, услуг. В этом отношении нетипичная занятость видоизменяет традиционные социально-экономические процессы, что способствует расширению гибкости трудовых отношений на рынке труда. В связи с этим традиционная занятость, которая содержит в своей основе наемный труд с наличием гарантированных прав работников, трансформируется. При уменьшении количества рабочих мест в промышленно-производственных секторах экономики, возникают новые в сфере услуг, информационных технологий, образовании, здравоохранении, культуре, и т.д.

Нетипичная занятость дифференцированно влияет на рыночные отношения. С одной стороны, она способствует минимизации затрат рабочей силы и расширению экономических сфер ее применения. С другой, не дает работодателям возможности задействовать весь трудовой потенциал работников, что уменьшает количество прибыли и увеличивает издержки на предприятиях [11]. Поэтому в указанном аспекте, нетипичная занятость может как позитивно, так и негативно влиять на развитие рыночных отношений.

Таким образом, нетипичная занятость, опосредованно закрепляет трудовые отношения между работником и работодателем, в связи с чем, не полностью используется трудовой потенциал, что отрицательно влияет на экономический рост. Государство недополучает налоговые платежи от предприятий всех форм собственности, а также подоходный и страховой налоги от работников. Поэтому разница между социально-политическим и экономическим содержанием нетипично занятых работников и предприятий-работодателей, очевидна.

В связи с этим, ключевой причиной нетипичной занятости, на наш взгляд, являются научно-технические, социально-политические и экономические преобразования общественных отношений в Российской Федерации, которые остро обозначились в постсоветский период. К таким изменениям не готовы органы исполнительной и законодательной власти, поэтому правовая регламентация нетипичной занятости отстает от возникших реалий, защита трудовых и социальных прав работников не осуществляется в новых видах трудовых отношений. Они могут быть решены правовой регламентацией в законодательной и экономической сферах.

Выводы. Проблему прекаризации трудовых отношений можно отнести без преувеличения к глобальным проблемам настоящего времени. Вышеизложенные причины нетипичной занятости имеют глубокие корни, связанные с развитием научно-технического прогресса, реформированием экономической и социально-политической сферы. Неустойчивые трудовые отношения значительно снижают материальное положение работников, что влияет на качество жизни. Неустроенность, отсутствие необходимого количества средств, увеличивает масштабы внешней трудовой миграции, ухудшает и без того проблемное демографическое положение в России, влечет за собой рост организованных криминальных и коррупционных проявлений, терроризма.

Поэтому отсутствие законодательного регулирования нетипичной занятости может привести к кризису сферы социально-трудовых отношений, что наряду с экономической нестабильностью увеличит дифференциацию между трудом и капиталом. Попытки быстрого решения данной проблемы в виде сосредоточения усилий на сборе налогов, обязательных платежей, сборов, улучшение условий для малого и среднего бизнеса, защиты социально-трудовых прав работников, кардинально ситуацию не изменят.

С учетом того, что основными тенденциями в сфере регулирования труда является наличие двух противоположных начал: социального и производственного, взаимоотношение между которыми во время экономических кризисов обостряется, что способствует политическому реформированию трудовых отношений. В таких условиях стремление к сохранению прибыли проводится работодателями путем сокращения социальных гарантий работникам и требований от правительства уменьшения налогов и сборов. Работники требуют расширения социальных гарантий трудовых отношений: увеличения заработной платы, сохранения рабочего места. Поэтому в таких условиях, только нестандартные виды занятости и рабочего времени способствуют приспособлению работников к новым политическим и экономическим условиям. Это может быть подтверждено принятой Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ. В которой предполагается содействие в занятости населения, в том числе в ее нетипичных формах, что является целью государственной политики [11].

Вместе с этим, используя такой подход к решению комплексной проблемы прекаризации в трудовых отношениях, вряд ли удастся решить. Необходимо на федеральном законодательном уровне принять Программу снижения «нетипичной занятости в Российской Федерации», в которой закрепить ключевые направления по созданию благоприятных условий по выводу из тени экономических, социально-политических, правовых предпосылок, способствующих росту нетипичной занятости, а также содействию продуктивности стандартной занятости. К ним можно отнести:

- правовая политика. Внесение изменений в законодательные акты, Трудовой кодекс РФ (фиксации и защищенности занятости в трудовых отношениях), Закон РФ от 19.04.1991 № 1032–1 «О занятости населения в Российской Федерации», в Кодекс об административных правонарушениях, об ответственности юридических лиц, осуществляющих нетипичную занятость, в целях получения нелегальных доходов, нормативно-правовые акты обеспечения налоговой политики и др. Принятие новых и пересмотр действующих Федеральных законодательных актов, для сниже-

ние нетипичной занятости. Поддержание правовой грамотности работников в сфере трудовых отношений, социального страхования. Системное, комплексное правовое просвещение работников и неформально трудоустроенных лиц [12].

- Социально-политические меры. Обеспечение функционирования политики занятости населения. Комплексный подход в работе государственной службы занятости населения. Качественное изменение специфики работы коммерческих агентств занятости. Создание условий обучения в системе дополнительного и профессионального образования, в целях развития навыков конкурентоспособности работников, с повышением квалификации на регулярной основе в течение трудовой жизни, в соответствии с требованиями цифрового социума и работодателей. Внедрение профессиональной ориентации.

- Экономические меры. Сочетание процесса реформирования рыночных отношений с политикой поддержания занятости населения. Упрощение условий для занятия предпринимательской деятельностью. Уменьшение налогового бремени, использование налоговых каникул и льгот, выделение субсидий и банковских кредитов на льготных условиях и др. Разработка и внедрение качественной системы поощрения работников. Должного обеспечения уровня оплаты труда, не менее прожиточного минимума, создания и сохранения рабочих мест. Создание экономического классификатора видов нетипичной занятости, в котором структурированы наиболее распространенные виды, их причины и способы ограничения.

Список литературы:

1. Малоун Т. У. Труд в новом столетии. Как новые формы труда и бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. Москва: Олимп-бизнес. 2006.
2. Смирных Л.И. Неустойчивость занятости (прекаризация: особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества). Москва: Издательский Дом Магистр – пресс. 2015.
3. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. Москва: Проспект. 2008.
4. Скачкова Г.С. Расширение сферы действия трудового права и дифференциации его норм. Москва: Норма. 2003.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. Москва.: Локид-Пресс. 2002.
6. Денисова И. Нестандартная занятость в российской экономике // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 154-156.
7. Heppele B. Rights at Work: Global, European and British Perspectives. London. Sweet & Maxwell, 2005.
8. Киселев И.Я. Новый облик трудового права стран запада / Москва. Интел-Синтез. 2003.
9. Торговый кодекс Германии. [электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального министерства юстиции и защиты прав потребителей. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/hgb/BJNR002190897.html> (Дата обращения: 15.05.2019).
10. О трудовом правоотношении: Рекомендация МОТ № 198. [электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=41127#05773836936680259> (Дата обращения: 15.05.2019).
11. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (редакция от 28.09.2018). [электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=41127#05773836936680259> (Дата обращения: 15.05.2019).
12. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/about> (Дата обращения: 15.05.2019).

Starostin V. A. Atypical employment in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 258-266.

The article discusses attempts to reform labor relations and types of working time in the field of non-standard employment in the Russian Federation. The development of scientific and technological innovations in the global economy and the sphere of production require new legal solutions in the legislative sphere in the organization of labor, which will allow more efficient use of working time, reduce production costs, increase the efficiency of labor use in all spheres of activity. In this regard, the trends of labor relations reform in the legislation of a number of countries around the world, including Russia, require additional study. The possibility of introducing new types of working hours will create conditions for the use of non-standard forms of employment and increase the number of jobs. Non-standard employment involves the use of new types of working time that have not been used before.

Keywords: labor relations, working hours, social policy, human rights.

Spisok literatury:

1. Maloun T. U. Trud v novom stoletii. Kak novye formy truda i biznesa vliyayut na organizacii, stil' upravleniya i vashu zhizn'. Moskva: Olimp-biznes. 2006.
2. Smirnyh L.I. Neustojchivost' zanyatosti (prekarizaciya: osobennoe i obshchee s uchetom integracionnyh uslij gosudarstva i obshchestva). Moskva: Izdatel'skij Dom Magistr – press. 2015.
3. Aleksandrov N.G. Trudovoe pravootnoshenie. Moskva: Prospekt. 2008.
4. Skachkova G.S. Rasshirenie sfery dejstviya trudovogo prava i differenciacii ego norm. Moskva: Norma. 2003.
5. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2001 g. Moskva.: Lokid-Press. 2002.
6. Denisova I. Nestandartnaya zanyatost' v rossijskoj ekonomike // Voprosy ekonomiki. 2007. № 9. S. 154-156.
7. Neppel V. Rights at Work: Global, European and British Perspectives. London. Sweet & Maxwell, 2005.
8. Kiselev I.YA. Novyj oblik trudovogo prava stran zapada / Moskva. Intel-Sintez. 2003.
9. Torgovyj kodeks Germanii. [elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Federal'nogo ministerstva yusticii i zashchity prav potrebitelej. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/hgb/BJNR002190897.html> (Data obrashcheniya: 15.05.2019).
10. O trudovom pravootnoshenii: Rekomendaciya MOT № 198. [elektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=41127#05773836936680259> (Data obrashcheniya: 15.05.2019).
11. O koncepcii dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N 1662-r (redakciya ot 28.09.2018). [elektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=41127#05773836936680259> (Data obrashcheniya: 15.05.2019).
12. O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii. URL: <http://kremlin.ru/about> (Data obrashcheniya: 15.05.2019).

УДК 347

ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК КАК ПРАВОВАЯ ДЕФИНИЦИЯ: ТЕКУЩИЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Симолян К. Р.

Кубанский государственный университет

Перманентно увеличивающиеся в судах количество материально-правовых споров, связанных с земельными участками способствует возрастанию потребности в уяснении правовой природы дефиниции «земельный участок», ее существенных характеристик. Вдобавок, важность четкого понимания дефиниции «земельный участок» связана с ее межотраслевым характером, затрагивающим вопросы регулирования в области гражданского, земельного и градостроительного права и законодательства.

В данной связи целью исследования выступает рассмотрение и анализ категории «земельный участок» в срезе их доктринального и правоприменительного совершенствования.

Методологической основой выступают как традиционные диалектические методы, так и методы частнонаучные – формально-юридический, сравнительно-правовой.

По итогам проведенного исследования делаются следующие выводы: во-первых, фундаментальным базисом доктринальной и легальной дефиниции «земельный участок» необходимо установить своего рода объективную действительность, отразив в рамках формально-юридической плоскости те характерные черты и признаки данной категории, которые имеют краеугольное значение для правового регулирования; во-вторых, дальнейшее развитие конструкции земельного участка возможно посредством применения концепции единого объекта недвижимости, которая гармонично формирует как связь земельного участка и построек на нем, так и использована для создания правовых режимов в области позитивной собственности.

Keywords: land, real estate, land, objects of land rights, use of land, civil law, land law, real estate, urban planning law, land legal relations.

В правовой доктрине давно закрепился постулат о том, что категория «земельный участок» имеет системообразующее значение для отрасли земельного права и регулирования отношений, складывающихся в рамках него [1]. При этом до сей поры в рамках российской правовой мысли отсутствует консолидированная позиция относительно земельного участка как объекта земельных правоотношений, выразивших его суть, характерные черты, признаки и свойства [2].

Отчасти сложившаяся доктринальная и законодательная диспозиция сформировалась в связи с отсутствием системного подхода у законодателя к выработке курса по регулированию данного вопроса и совершенствованию нормативной базы.

В данной связи становится вопрос о реализации прогностической функции в срезе научного познания, так как отсутствие четких контуров касаясь понимания земельного участка как объекта правового регулирования препятствует предвидению процессов развития соответствующих юридических феноменов [3].

Любопытно, что неоднородность в выработке единого понятия свойственна не только отечественной науке и практике, но и законодательству зарубежных стран. Так, например, в Португалии одновременно существуют несколько определений категории «земельный участок» (predio). В частности, ст. 204(1)(a) ГК Португалии выделяет сельские и городские земельные участки (predios rusticos e urbanos) как недвижимые вещи (coisas imoveis) [4].

В свою очередь положения Директивы о земельном кадастре определяют понятие «земельный участок» (predio) как «ограниченную часть земной поверхности,

которая является юридически самостоятельной и включает в себя воду, посадки, здания, строения любого типа, которые расположены на ней или иным образом прикреплены к ней неразрывным образом, а также самостоятельные объекты, объединенные режимом кондоминиума» [5].

И, наконец, ст. 2 Кодекса налогообложения недвижимости гласит, что «земельный участок обозначает любую часть земной поверхности, включая воды, насаждения, здания и сооружения любого типа, тесно связанные с землей и входящие в состав имущества физического или юридического лица, которая в обычных условиях имеет экономическую ценность, а также воды, насаждения, здания и сооружения, которые хотя и расположены на земной поверхности, являясь ее частью, но при этом имеют самостоятельную экономическую ценность» [6; 7].

В науке земельного права неоднократно предпринимались попытки разграничить содержание таких близких по значению дефиниций, как «земельный участок», «земля», «почва», «угодь», что связано с их недостаточной нормативно-правовой урегулированностью [8].

Согласно п. 3 ст. 6 Земельного кодекса РФ земельный участок является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально-определенной вещи. Заметим, что в исходной редакции ЗК РФ содержалась следующая формулировка: земельным участком как объектом земельных отношений является часть поверхности земли (в том числе почвенный слой), границы которой описаны и удостоверяются в установленном порядке. Таким образом, в действующей редакции Кодекса признание почвенного слоя как одно из характерных признаков земельного участка было упразднено.

Далее, в ЗК РФ появилась глава I.1 «Земельные участки», а в ст. 11.1 Кодекса земельный участок был определен как часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами. Таким образом, начиная с 2008 г. земельный участок стал исключительно плоскостным понятием, имеющим одно измерение - площадь (с точки зрения тригонометрии – два измерения).

Что касается определения границ земельного участка, то законодатель выбрал совершенно разумное решение: поскольку ЗК РФ регулирует отношения, связанные в первую очередь с переходом прав на земельные участки от публичного субъекта к частному лицу, а все, что касается процедуры формирования земельного участка, отнесено к сфере регулирования Закона о государственном кадастре недвижимости, то применительно к способу индивидуализации земельного участка, определению его границ ЗК РФ ввел отсылочную норму к этому Закону.

Как отмечает К. фон Бар земельный участок является нормативной вещью, которая в большинстве правопорядков может выступать и объектом права собственности, и объектом иных имущественных прав. Обязательственные притязания или права участия в юридических лицах объектом права собственности быть не могут, хотя и выступают в качестве имущества [7]. Стоит заметить, что суть нормативных вещей, напротив, в том, что они не существуют сами по себе; они обязаны своим существованием концепции вещных прав, их породило юридическое воображение, воплотившееся в юридических нормах. Примерами таких нормативных вещей являются не только обязательственные притязания или права участия в юридических лицах, но и земельный участок [7].

По мнению Е.А. Колюха, в ЗК РФ обязательно должно быть дано понятие не только земельного участка, но и земли, для того, чтобы имелась возможность однозначного толкования и единообразного применения норм земельного и гражданского права, а также исключения возможных спорных ситуаций при определении объекта земельного правонарушения и в то же время фактического объекта гражданского правонарушения (имущественного блага).

На основании вышеуказанных факторов автором выводится понятие земли как естественно возникшего компонента природной среды, поверхностного (в том числе почвенного) слоя суши, расположенного над недрами, характеризующегося особым органоминеральным составом, строением, границами в пространстве и выполняющего необходимые для обеспечения жизнедеятельности человека и окружающей среды функции [9].

Земельное законодательство предполагает деление земель в зависимости от целевого назначения на категории (п. 1 ст. 7 ЗК РФ). По данному основанию предоставляемые в собственность граждан земельные участки можно классифицировать на две основные группы:

- 1) относящиеся к землям сельскохозяйственного назначения;
- 2) относящиеся к землям населенных пунктов.

Важно отметить, что предоставление гражданам земельных участков на землях других категорий не представляется возможным, так как противоречит земельному законодательству РФ.

Категоризация земельного фонда необходима в прикладном аспекте, так как отнесение того или иного земельного участка к определенному виду земель является базисом для установления задач его применения и вида использования.

При этом стоит говорить о вариативности земельных участков по критерию целей их использования. Так, исследование нормативной базы по указанному вопросу дали возможность ученым-правоведам провести классификацию видов земельных участков, предоставляемых гражданам по критерию их использования. В частности, к ним относятся:

- связанные с ведением сельского хозяйства;
- связанные с садоводством и огородничеством;
- связанные с осуществлением строительной деятельности;
- связанные с предпринимательской деятельностью.

Заметим, что в ряде случаев возможны трансформации целевого характера использования земельных участков, предпосылкой чему зачастую может служить потребность в изменении рода деятельности. Так, например, земельный участок планируется под использование в рамках предпринимательской деятельности, однако имеется разрешение только строительства жилья. В данном случае лицу, выступающему в качестве правообладателя, необходимо будет совершить комплекс действий, направленных на изменения разрешения на использование земли.

Однако необходимо упомянуть об одном нюансе: изменение разрешения использования оставляет возможность применять земельный участок для другого целевого назначения в рамках нового вида разрешения использования, что, в свою очередь, не представляется возможным при переводе земельного участка в другую категорию.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 ГрК РФ предусмотрены следующие формы разрешенного использования:

- основные виды разрешенного использования;
- условно разрешенные виды использования;
- вспомогательные виды разрешенного использования.

На основании положений ч. 4 ст. 37 ГрК РФ правообладатели земельных участков могут выбирать основные и вспомогательные виды разрешенного использования земельных участков лично, при этом без необходимости согласовывать данные действия и получать какие-либо разрешения.

В правовой доктрине наличествует позиция о необходимости отмены категорирования земель. Данный подход аргументируется тождеством данного правового института с территориальным зонированием. Вдобавок, данное нововведение послужит упорядочиванию правовых институтов и поспособствует уменьшению коррупциогенных факторов в области земельных правоотношений [10].

Как отмечает Р.С. Бевзенко, отечественная правоприменительная практика на сегодняшний день вполне безболезненно воспроизводит концепцию единого объекта в соединении земельного участка и расположенного на нем (и под ним) сооружений; частично восприняла эту концепцию в контексте соединения земельного участка и зданий на нем. И несмотря на то, что *de jure* ГК РФ в настоящее время не ограничивает применение концепции единого объекта недвижимости для её реализации отсутствует нормативная база. В данной связи норму ст. 133.1 ГК РФ можно в определённой части считать в качестве первичной попытки регламентации рассматриваемого правового конструкта [11].

Можно солидаризироваться с позицией исследователей касаясь того, что модель единого объекта оптимально синхронизируется с концепцией земельного участка как трехмерного контура: внутренняя составляющая данного контура выступает как один из его элементов. Вполне допустимо, что в обозримой перспективе взамен дефиниций «недвижимая вещь», «земельный участок» и иных вещное право перейдет на оперирование зарегистрированными объемами пространства как объектами вещных прав [11].

Концепция единого объекта недвижимости не только позволяет удачно описать сочетание земельного участка и построек на нем, но и вполне может быть применена для создания удобных правовых режимов в сфере поэтажной собственности. Для этого достаточно представить, что право собственности на земельный участок, застроенный зданием, разделенным на помещения, разбито на количество долей, соответствующих количеству помещений, и каждая доля предоставляет ее обладателю эксклюзивное право на использование соответствующего помещения. Нормативные же вещи, напротив, не существуют сами по себе; они обязаны своим существованием концепции вещных прав, их породило юридическое воображение, воплотившееся в юридических нормах. Примерами таких нормативных вещей являются не только обязательственные притязания или права участия в юридических лицах, но и земельный участок.

Итак, на сегодняшний день полноценными объектами гражданских прав признаются, во-первых, земельные участки, права на которые зарегистрированы и которые прошли государственный кадастровый учет с процедурой межевания; во-

вторых, земельные участки, права на которые зарегистрированы в упрощенном порядке, т.е. с кадастровым учетом без межевания; и в-третьих, земельные участки, права на которые зарегистрированы вообще без кадастрового учета.

Последних на земельном рынке огромное количество, и уточнение их границ проводится исключительно в добровольном порядке [12].

Отраслевые особенности отношений по использованию земельных участков, а также специфика их правового регулирования не позволяет в полной мере применить к земельному участку как объекту использования гражданско-правовое понятие «недвижимая вещь».

Устанавливая предел пользования земельным участком, государство обязывает к осуществлению разрешенного вида деятельности, руководствуясь принципами планирования и обязательного использования земельных участков, что существенно ограничивает свободу правообладателей земельных участков в осуществлении принадлежащих им прав [2].

На сегодняшний день все меньше предпосылок принятия земельного участка как вещи. Земельный участок – это объект природы и природный ресурс. Вполне резонно, что ядром нормативно-правовой регламентации земель должны выступать природно-экономические, экологические свойства земельного участка [12].

Вдобавок, законодатель уточнил еще один признак земельного участка, а именно характеристики, позволяющие определить его в качестве индивидуально-определенной вещи, в которые, конечно же, входят и границы земельного участка. По мнению С.Ю. Стародумовой, к таким характеристикам следует отнести природные, антропогенные и фактические (физические характеристики) [13].

Кроме вышеназванных, к базовым характеристикам следует также отнести природно-антропогенные, т.е. наличие на земельном участке природных объектов, измененных в результате хозяйственной и иной деятельности, или объектов, созданных человеком, обладающих свойствами природных объектов и имеющих рекреационное и защитное значение.

В целом, сводя воедино имеющиеся в юридической науке и законодательстве позиции касательно категории «земельный участок» и её составных элементов, можно их свести к следующим признакам, наиболее полно отражающим суть данной дефиниции.

Во-первых, земельный участок – это часть суши в отличие от водного пространства.

Во-вторых, в содержание этого понятия нужно включить почвы – природный объект, органически связанный с землей (сушей).

В-третьих, без почвы невозможно представить себе леса, древесно-кустарниковую растительность, многолетние насаждения и иную растительность.

В-четвертых, нужно указать признак, связанный с признанием земельного участка как недвижимости. В качестве такового нужно указать на возможность признания земельного участка объектом права собственности и иных прав на землю [1].

По итогам проведенного исследования делаются следующие выводы: во-первых, фундаментальным базисом доктринальной и легальной дефиниции «земельный участок» необходимо установить своего рода объективную действительность, отразив в рамках формально-юридической плоскости те характерные черты и признаки данной категории, которые имеют краеугольное значение для правового регулирования

ния; во-вторых, дальнейшее развитие конструкции земельного участка возможно посредством применения концепции единого объекта недвижимости, которая гармонично формирует как связь земельного участка и построек на нем, так и использована для создания правовых режимов в области поэтажной собственности.

Список литературы:

1. Крассов О.И. Земельный участок - основа понятийного аппарата земельного права // Экологическое право. 2011. № 4. С. 4-12.
2. Эйриян Г.Н. Земельный участок как объект использования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 540-563.
3. Черданцев А.Ф. Понятие и функции юридической науки // Методология советского правоведения / УрГУ. Свердловск, 1978. Вып. 70. С. 3-22.
4. Código Civil Português – Режим доступа: <https://www.igac.gov.pt/documents/20178/358682/C%C3%B3digo+Civil.pdf/2e6b36d8-876b-433c-88c1-5b066aa93991>
5. Regulamento do Cadastro Predial – Режим доступа: http://bdjur.almedina.net/citem.php?field=node_id&value=1267223
6. Código do Imposto Municipal sobre Imóveis – Режим доступа: https://info.portaldasfinancas.gov.pt/pt/informacao_fiscal/codigos_tributarios/cimi/Pages/codigo-do-imi-indice.aspx
7. Бар фон К. Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstück) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия "вещь" в европейском вещном праве // Вестник гражданского права. 2018. № 5. С. 113-138.
8. Тоточенко Д.А. Понятие "земельный участок" и его соотношение со схожими терминами // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 152-159.
9. Конох Е.А. Возмещение вреда, причиненного земельными правонарушениями: гражданско-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. 182 с.
10. Баразгова Р.С. Основания деления земельного фонда России на категории: вопросы теории и практики // Тенденции развития частного права в условиях рыночной экономики: сб. науч. тр. Саратов, 2009. С. 12-15.
11. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 84-114.
12. Крассов О.И. Земельный участок как объект природы и природный ресурс // Экологическое право. 2013. № 6. С. 8-16.
13. Стародумова С.Ю. Понятие недвижимости в гражданском праве // Юридический мир. 2015. № 5. С. 42-45.

Simonyan Kristina R. Land Plot as a Legal Definition: Status and Prospects // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 267-273.

The permanently increasing number of substantive disputes in courts related to land plots contributes to an increase in the need to clarify the legal nature of the definition of "land plot", its essential characteristics. In addition, the importance of a clear understanding of the definition of "land" is associated with its cross-sectoral nature, affecting the issues of regulation in the field of civil, land and town planning law and legislation.

In this regard, the purpose of the study is to review and analyze the category "land" in the context of their doctrinal and law enforcement improvement.

The methodological basis is both traditional dialectical methods and private scientific methods - formal legal, comparative legal.

Based on the results of the study, the following conclusions are drawn: firstly, the fundamental basis of the doctrinal and legal definition of "land" is to establish a kind of objective reality, reflecting within the formal legal plane those characteristic features and signs of this category that are of fundamental importance for the legal regulation; secondly, further development of the construction of the land plot is possible through the application of the concept of a single real estate object, which harmoniously forms both the connection between the land plot and the buildings on it, and is used to create legal regimes in the field of floor property.

Ключевые слова: земельный участок, недвижимое имущество, земля, объекты земельных прав, использование земельных участков, гражданское право, земельное право, недвижимость, градостроительное право, земельные правоотношения.

Spisok literature:

1. Krassov O.I. Land plot - the basis of the conceptual apparatus of land law // Ecological law. 2011. № 4. P. 4-12.
2. Eiriyan G.N. Land plot as an object of use // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2019. № 3. P. 540-563.
3. Cherdantsev A.F. The concept and functions of legal science // Methodology of Soviet jurisprudence / Ural State University. Sverdlovsk, 1978. Issue. 70. P. 3-22.
4. Código Civil Português – Режим доступа: <https://www.igac.gov.pt/documents/20178/358682/C%C3%B3digo+Civil.pdf/2e6b36d8-876b-433c-88c1-5b066aa93991>

5. Regulamento do Cadastro Predial – Режим доступа: http://bdjur.almedina.net/citem.php?field=node_id&value=1267223
6. Código do Imposto Municipal sobre Imóveis – Режим доступа: https://info.portaldasfinancas.gov.pt/pt/informacao_fiscal/codigos_tributarios/cimi/Pages/codigo-do-imi-indice.aspx
7. Bar von K. What is the concept of a land plot (Grundstück) for and what is it? On the Difficulties of Establishing the Content of the Concept "Thing" in European Property Law // Bulletin of Civil Law. 2018. № 5. P. 113-138.
8. Totochenko D.A. The concept of "land" and its relationship with similar terms // Journal of Russian law. 2016. № 11. P. 152-159.
9. Konyukh E.A. Compensation for damage caused by land offenses: civil law aspect: Dis. ... cand. legal Sciences. Omsk, 2003. 182 p.
10. Barazgova R.S. Grounds for dividing the land fund of Russia into categories: questions of theory and practice // Trends in the development of private law in a market economy: Sat. scientific tr. Saratov, 2009. P. 12-15.
11. Bevzenko R.S. Land plot with buildings on it // Bulletin of Civil Law. 2017. № 2. P. 84-114.
12. Krassov O.I. Land plot as an object of nature and a natural resource // Ecological Law. 2013. № 6. P. 8-16.
13. Starodumova S.Yu. The concept of real estate in civil law // Legal world. 2015. № 5. P. 42-45.

УДК 347.424

ПОНЯТИЕ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Четкова Ю. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье анализируется актуальная проблема определения понятия непреодолимой силы в гражданском праве России. Несмотря на то, что институт освобождения должника от ответственности при наличии обстоятельств непреодолимой силы известен со времен Древнего Рима, а в нашей стране понятие непреодолимой силы обсуждалось еще в Российской Империи, накопления положительного знания, которое было бы общепризнанным в науке и воспринималось бы правоприменительной практикой, не происходит. В статье обосновывается вывод о том, что толкование законодательных положений, в которых употребляется термин «непреодолимая сила», оказалось трудной задачей ввиду отсутствия более-менее общепринятых правил толкования терминов. Предлагается признать, что термины должны толковаться в соответствии с тем значением, которое вытекает из положений законодательства, в которых они употребляются, а только во вторую очередь следует руководствоваться легальными определениями соответствующих понятий. Это касается и определения понятия непреодолимой силы, которое дается в п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ и которому противоречит значение этого термина, вытекающее из целого ряда иных законодательных положений.

Ключевые слова: непреодолимая сила, гражданско-правовая ответственность, случай, перевозка грузов, оценочное понятие, толкование терминов, чрезвычайность, непредотвратимость, обязательство, обстоятельства непреодолимой силы.

Проблема непреодолимой силы является предметом научной дискуссии уже, по крайней мере, больше ста лет. Создается, однако, впечатление, что накопления положительного знания, которое было бы общепризнанным в науке и воспринималось бы правоприменительной практикой, не происходит. Суды по-прежнему допускают многочисленные ошибки при квалификации соответствующих обстоятельств как непреодолимой силы. Эта квалификация обосновывается, преимущественно, логически несостоятельными аргументами. В большинстве случаев судебные акты, в которых определенные обстоятельства квалифицируются как непреодолимая сила, производят впечатление незавершенности и фрагментарности. Науку тоже можно упрекнуть во многом, но остановимся на том, что она очень часто не различает анализ проблемы в аспекте *de lege lata* и анализ той же проблемы в аспекте *de lege ferenda*. При таких условиях и законодатель лишается научных основ и добротной теоретической базы для формулирования нормативных положений, касающихся непреодолимой силы. Что-то надо менять и в науке, и в правоприменении, и в правотворчестве, когда они решают рассматриваемую проблему. Очевидная потребность в этих изменениях служит достаточным основанием для вывода об актуальности темы, обозначенной в заголовке настоящей статьи.

Понятие непреодолимой силы было известно уже в римском праве. Поэтому она стала обсуждаться в науке гражданского права по мере ее зарождения и развития ведущими учеными-исследователями проблем этой отрасли права. До событий 1917 г. среди таких ученых следует назвать Д. И. Мейера, К. Н. Анненкова, Г. Ф. Шер-

шеневича, К. П. Победоносцева, В. М. Хвостова. В советское время к этим проблемам обращались А. А. Лунц, Е. А. Флейшиц, М. М. Агарков, С. Н. Братусь, Б. С. Антимонов, И. Б. Новицкий, В. А. Тархов, О. С. Иоффе, Г. К. Матвеев, А. А. Собчак, Е. А. Павлодский и другие ученые. Продолжает разрабатываться проблематика, о которой здесь идет речь, и в современной российской науке гражданского права.

Автор настоящей статьи поставил перед собой цель вывести проблематику непреодолимой силы и случая из творческого тупика.

Как заметил Ю. Э. Монастырский, законодатель настолько проникся идеей непреодолимой силы, что определил это понятие в Гражданском кодексе трижды [1, с. 12]. Определения, данные в ст. 202, 401 и 1250 Гражданского кодекса Российской Федерации [2, 3], являются тождественными. И первой задачей исследователя и правоприменителя становится рассмотрение понятия непреодолимой силы в аспекте *de lege lata*, то есть выяснение того, что же понимает под термином «непреодолимая сила» действующее право. Создается впечатление, что это в наименьшей мере учитывается не только юридической наукой, но даже и судебной практикой, стремящейся освободиться от конституционных и законодательных оков и вырваться на просторы свободного поиска права. Так, в специальном и глубоком исследовании случая и непреодолимой силы Е. А. Павлодский буквально смешивает все возможные подходы к исследованию непреодолимой силы. Вроде бы автор правильно начинает анализ понятия непреодолимой силы с закона, но делает это, излагая мнения ученых [4, с. 55]. Тут же он переходит к судебной практике, зарубежному законодательству и зарубежной судебной практике [4, с. 56, 57]. Конечно, сказывается время написания Е. А. Павлодским своей работы. Но все-таки надо было бы отличать источники, имеющие регулятивное значение (вплоть до юридической науки), от источников, которые такого значения не имеют (зарубежное законодательство и зарубежная судебная практика) и могут анализироваться только в аспекте *de lege ferenda*. Таким образом, мы полагаем, что исследование непреодолимой силы необходимо начинать с аспекта *de lege lata*. Поскольку право сегодня должно пониматься интегрированно (интегративно или даже синтетически), уже в пределах аспекта *de lege lata* следует провести градацию подходов к исследованию рассматриваемого здесь явления. Это предполагает, прежде всего, исследование понимания непреодолимой силы правотворческими органами, как это понимание нашло отражение в законодательстве.

Это оказывается задачей нелёгкой. Само понятие непреодолимой силы является оценочным, то есть формально неопределённым или, по крайней мере, недостаточно формально определённым. Оценочными оказываются и понятия, которыми характеризуется непреодолимая сила законодателем, - чрезвычайность и непредотвратимость. Теории толкования оценочных понятий, по большому счёту, не существует. Поэтому преимущественно утверждается, что оценочные понятия должны толковаться судом по своему усмотрению, а само это толкование уже перестаёт быть таковым, а становится правотворчеством *ex post* [5, с. 42]. Полагаем, что идти по такому пути не следует. Очевидно, сначала следует выяснить собственный смысл слов «чрезвычайное» и «непредотвратимое» (событие). Здесь могла бы помочь научная, справочная и учебная юридическая литература, но стремление ученых дополнить содержание употребляемых в законе слов и выражений своим собственным

пониманием сути вещей, а не содержанием закона предостерегает от безусловного следования науке. Научные положения более широко могут использоваться для толкования оценочных понятий на законодательном этапе протолкования, когда будут исчерпаны все возможности интерпретации закона с учетом не только актов законодательства, но и судебной практики и социального контекста.

Следует признать, что судебная практика с задачей рационального толкования понятия непреодолимая сила явно не справляется. Это четко проявилось, например, при рассмотрении дела № А50-21608/2010 о взыскании с автомобильного перевозчика стоимости груза, погибшего в результате пожара, который возник вследствие взрыва колеса, повреждения топливных трубопроводов, возгорания топлива, автомобиля и груза [6]. 24 января 2011 года Арбитражный суд Пермского края принял решение об отказе в иске, поскольку груз был уничтожен в результате действия непреодолимой силы (случай, очевидно, полагал суд, не освобождал перевозчика от ответственности за несохранность груза). Судебными актами Арбитражного апелляционного суда и Федерального арбитражного суда Уральского округа решение суда первой инстанции было оставлено в силе.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ постановлением № 14316/11 от 20 марта 2012 г. принятые по делу судебные акты отменил, иск удовлетворил [7]. В обоснование принятого постановления Президиум сослался на ст. 401, 796 ГК РФ, а также указал, что аналогичное регулирование ответственности перевозчика содержится в ч. 5 ст. 34 Федерального закона «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» [8].

Профессор Д. В. Дождев пришел к выводу о том, что «цепь несчастных событий, приведшая к возгоранию и распространению огня, вызвавшего полную гибель автомобиля и груза, является, вопреки словам Президиума, чрезвычайным и непредотвратимым событием» [9, абз. 71] и оценил упомянутое постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ как незаконное. Обстоятельства, которые рассматривались и квалифицировались судьями, в принципе, не были уникальными. Для судебной практики они были обычными, а дела такого рода - повседневными. И все же высшая судебная инстанция признала квалификацию соответствующих обстоятельств тремя судебными инстанциями как непреодолимой силы, не основанной на законе. В свою очередь профессор Д. В. Дождев критически оценил позицию высшей судебной инстанции.

И это ведь не единичный случай отсутствия единого понимания непреодолимой силы. Пожар, источник и причины которого были установлены следствием и который распространился на соседний склад и уничтожил хранимое на складе по договору хранения имущество, решением Арбитражного суда города Москвы от 1 июля 2011 г. по делу № А40-25926/2011-13-230, постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 сентября 2011 г. и постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 30 ноября 2011 г. был квалифицирован как непреодолимая сила, с чем не согласился Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ (постановление от 21 июня 2012 г. № 3952/12) [10]. Обстоятельства этого дела, с точки зрения сложности их гражданско-правовой квалификации, и совсем уж были элементарными. Но только высшая судебная инстанция дала им правильную квалификацию, да и то – сугубо интуитивно (аргументация этой квалификации на законе не была основана).

С учётом ограниченности объема статьи остановимся более подробно на законодательных положениях, касающихся ответственности за несохранность груза при автомобильной перевозке. Прежде всего, отметим совершенно неоправданную усложненность законодательных положений, распространяющихся на рассматриваемые отношения. Базовое правило п. 3 ст. 401 ГК РФ, распространяющееся, в частности на перевозку грузов, широко известно. На него и ссылаются суды. Но его применение исключается специальной правовой нормой, которая текстуально закреплена в п. 1 ст. 796 ГК («перевозчик несет ответственность за несохранность груза или багажа, происшедшую после принятия его к перевозке и до выдачи грузополучателю, управомоченному им лицу или лицу, управомоченному на получение багажа, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза или багажа произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело»). Но и на это законодательное положение суды не имеют права ссылаться, поскольку оно устанавливает общую правовую норму, которая не может применяться вопреки специальной правовой норме, которая закреплена в ч. 5 ст. 34 Федерального закона «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» («перевозчик несет ответственность за сохранность груза с момента принятия его для перевозки и до момента выдачи грузополучателю или управомоченному им лицу, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить или устранить по не зависящим от него причинам»). Нельзя было также игнорировать и п. 1 ст. 36 того же Федерального закона, в соответствии с которым стороны освобождаются от ответственности за невыполнение своих обязательств, если они не были исполнены вследствие действия непреодолимой силы. Таким образом, применению подлежит специальная правовая норма, текстуально закреплённая в ч. 5 ст. 34 названного Федерального закона. Она исключает применение к автомобильной перевозке грузов п. 3 ст. 401 и п. 1 статьи 796 ГК РФ. Если вести речь о соотношении п. 1 ст. 796 ГК и ч. 5 ст. 34 названного Федерального закона, то вопрос о преимущественном применении одного из этих законодательных положений имеет существенное значение, поскольку основанием для освобождения перевозчика от ответственности, в соответствии со ст. 796 ГК являются обстоятельства, которые одновременно обладают двумя признаками – они должны быть и такими, которые перевозчик не мог предотвратить, и такими, устранение которых от перевозчика не зависело. А обстоятельства, которые в соответствии с п. 5 ст. 34 Федерального закона «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» освобождают перевозчика от ответственности, должны обладать одним признаком – либо непредотвратимости их перевозчиком, либо невозможности их устранения перевозчиком по независящим от него причинам. Насколько оправдана такая дифференциация правового регулирования – это не то обстоятельство, которое освободило бы субъекта правоприменения, в том числе суд, от обязанности учитывать эту дифференциацию. Законодатель заслуживает упрека, поскольку он усложнил соответствующие законодательные положения до такой степени, при которой субъекты правоприменения, да и учёные, допускают возможность игнорирования осуществляемой законодателем дифференциации правового регулирования. Но и ссылаться при разрешении спора, связанного с несохранностью груза при автомобильной перевозке, на п. 3 ст. 401 и п. 1 ст.

796 ГК РФ, не обращая внимания на наличие специальной правовой нормы, которая установлена п. 5 ст. 34 Федерального закона «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» и которая подлежит преимущественному применению перед правовыми нормами, установленными п. 3 ст. 401 и п. 1 ст. 796 ГК РФ, было нельзя.

Далее рассмотрение спора, связанного с уничтожением груза при автомобильной перевозке, предполагало разрешение коллизий между правовой нормой, которая логически закреплена в п. 5 ст. 34 упомянутого Федерального закона, обнаруживается при помощи вывода а contrario и в соответствии с которой перевозчик не несет ответственности (освобождается от ответственности) за несохранность груза, если докажет наличие обстоятельств, указанных в этой части, и правовой нормой, текстуально закреплённой в ст. 36 того же Федерального закона. Первая из названных правовых норм является специальной (поскольку сфера её действия – это ответственность за несохранность груза является более узкой, чем сфера действия сопоставляемой с ней правовой нормы), а вторая – общей (поскольку сфера её действия является более широкой, охватывает отношения по поводу ответственности за неисполнение сторонами всех обязательств, предусмотренных ст. 34, 35 указанного Федерального закона). Специальная правовая норма в сфере своего действия исключает применение общей. Следовательно, положение о непреодолимой силе, формулируемое в п. 1 ст. 36 Федерального закона «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта», не могло быть применено при разрешении упомянутого выше дела, ставшего предметом разбирательства в Президиуме Высшего Арбитражного Суда РФ.

Судебная практика, впрочем, как и научный анализ, до таких «деталей» не доходят, останавливаются на полпути. Поэтому нужно ставить вопрос о целесообразности такого усложнения законодательного материала, которое делает этот материал не воспринимаемым не только судебной практикой, но и юридической наукой. По этому поводу в свое время высказывался Рудольф фон Иеринг: «Какую пользу приносят точнейшие и подробнейшие законы, если судья... при самом сильном желании едва способен овладеть ими? Какая польза от тончайших определений, понятий и разграничений, если их применение к актуальному случаю наталкивается на величайшие затруднения вследствие недостатка в формальной осуществимости закона?» [11, с. 331].

Но поиски значения термина «непреодолимая сила», в том числе применительно к институту перевозки, в действующем законодательстве, не должны заканчиваться. В одной из работ изложена мысль о том, что при правотолковании тому пониманию терминов (понятий), которое вытекает из законодательных актов, следует отдать предпочтение перед определениями понятий, которые формулируются в таких актах [12, с. 159-160]. Это означает, что значение терминов следует выводить из системы отрасли права даже при наличии легального определения соответствующего понятия. Такое утверждение тем более правильно применительно к случаям, когда в легальном определении используются оценочные понятия. Поэтому обратимся к отдельным законодательным положениям, в которых используется термин непреодолимая сила.

В п. 2 ст. 794 ГК РФ речь идёт о непреодолимой силе, а также об «иных явлениях стихийного характера (пожарах, заносах, наводнениях) и военных действиях».

Поскольку называются «иные явления стихийного характера» (после непреодолимой силы), непреодолимая сила также должна быть отнесена к стихийным явлениям. Это – не окончательное решение вопроса, но всё-таки – некоторое приближение к его решению. Здесь же мы замечаем, что наводнения законодатель не включает в содержание понятия непреодолимой силы. Это тоже должно учитываться, хотя бы для цели понимания того, насколько определенное представление сложилось у законодателя о непреодолимой силе. Законодатель проявляет также определенную последовательность в выведении военных действий за пределы непреодолимой силы, о чём свидетельствует наряду с п. 2 ст. 794 ГК РФ, ч. 1 ст. 29, абзац второй ч. 1 ст. 117 Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» [13].

В п. 1 ст. 795 ГК РФ наряду с непреодолимой силой называются «иные обстоятельства, не зависящие от перевозчика». Подобно этому в ст. 36 Федерального закона «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта», ст. 120 Воздушного кодекса РФ [14] наряду с непреодолимой силой называются «иные не зависящие от перевозчика обстоятельства». Контекст приведённых законодательных положений позволяет сделать вывод о том, что непреодолимая сила также относится к не зависящим от перевозчика обстоятельствам (причинам).

В ст. 166 Кодекса торгового мореплавания РФ в качестве оснований освобождения перевозчика от ответственности наряду с непреодолимой силой называются «действия и распоряжения соответствующих властей» (задержание, арест, карантин), военные действия и народные восстания, забастовки и иные обстоятельства, вызвавшие приостановление и ограничение работы полностью или частично [15]. В ст. 311 КТМ РФ случайное столкновение судов выводится за пределы их столкновения вследствие непреодолимой силы. Следует также обратить внимание на то, что в качестве основания для освобождения собственника судна от ответственности в ст. 317 и 328, 336 КТМ РФ называются военные и враждебные действия, народные восстания, а также и «исключительное по своему характеру, неизбежное и непреодолимое стихийное явление».

Осуществленный здесь обзор законодательных положений, в которых используется термин «непреодолимая сила» дает основания для вывода о том, что действующее законодательство позволяет относить к категории непреодолимой силы чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях явления стихийного (то есть природного) характера. Понятием непреодолимой силы не охватываются стихийные явления, которые не обладают одновременно двумя указанными признаками, а также военные действия, народные восстания, забастовки. Также не могут быть отнесены к непреодолимой силе обстоятельства, которые зависят от субъекта, то есть находятся в сфере его деятельности, хотя бы они имели признаки чрезвычайности и непредотвратимости.

Автор настоящей статьи предвидит решительное несогласие коллег-учёных с изложенным пониманием законодателем непреодолимой силы. Еще более решительная критика может ожидать от судейского сообщества, которое не без опоры на закон может обосновывать необходимость учета при анализе проблемы непреодолимой силы в аспекте *de lege lata* судебной практики. Под «опорой на закон» тут понимается опора на ст. 391.9 Гражданского процессуального ко-

декса РФ [16], ст. 388 Арбитражного процессуального кодекса РФ [17] и ст. 341 Кодекса административного судопроизводства РФ [18]. Эти три статьи разных законодательных актов имеют одинаковое юридическое содержание. Они допускают отмену или изменение судебных актов в порядке надзора в случаях нарушения судебным актом прав и свобод, гарантированных Конституцией, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (1), прав и законных интересов неопределённого круга лиц или публичных интересов (2), единообразия в толковании и применении норм права (3). В науке обращалось внимание на то, что указанное нарушение единообразия судебной практики само по себе (независимо от нарушения закона) является достаточным основанием для отмены или изменения судебных актов. А нарушение судебным актом закона, если при этом не нарушаются интересы неопределённого круга лиц или публичные интересы либо не нарушается упомянутое единообразие, не является достаточным основанием для его отмены или изменения [19, с. 100]. Совершенно очевидно, что ст. 391.9 ГПК РФ, ст. 388 АПК РФ, ст. 341 КАС РФ противоречат ст. 120 Конституции Российской Федерации, ибо они единообразную судебную практику ставят выше закона. Но Конституционный Суд РФ не допускает применение судом закона, противоречащего Конституции без разрешения Конституционным Судом вопроса о конституционности (неконституционности) соответствующего закона (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П [20]). Да и трудно представить себе, что надзорная инстанция усомнится в конституционности статей законодательных актов, ставящих единообразную судебную практику выше закона, и обратится в Конституционный суд с соответствующим запросом. Поэтому суды и далее вынуждены будут ориентироваться при толковании термина «непреодолимая сила» не на закон, а на единообразную судебную практику.

Поэтому выход видится во внесении изменений в законодательные акты как в части формулирования более развернутого определения непреодолимой силы, отграничения её от случая, так и в части более решительного подчинения судебной практики, в том числе и той, которая сложилась как единообразная, закону. Потребностям соответствующих общественных отношений будет отвечать определение непреодолимой силы как обладающих признаками чрезвычайности и непредотвратимости стихийных явлений, общественных бедствий (военных действий, народных волнений, масштабных забастовок) и решений властей.

Более полное исследование непреодолимой силы предполагает её анализ в соотношении с проблемой вины как условия гражданско-правовой ответственности и случая. Это может стать предметом дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Монастырский, Ю. Э. Возмещение убытков в гражданском праве России: Дисс.... док. юрид. наук / Монастырский Юрий Эдуардович. – Москва, 2019. – 327 с. – Текст: непосредственный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 № 20-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (часть 1). – Ст. 5496.
4. Павлодский, Е. А. Случай и непреодолимая сила в гражданском праве / Е. А. Павлодский. – Москва: Юридическая литература, 1978. – 104 с. – Текст: непосредственный.

5. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой. – Москва: Статут, 2017. – 1120 с. – Текст: непосредственный.
6. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 23.08.2011 № Ф09-4716/11 по делу № А50-21608/2010. – URL: <https://base.garant.ru/38624040/> (дата обращения: 20.06.2022). – Текст: электронный.
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.03.2012. № 14316/11. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70093152/> (дата обращения: 22.06.2022). – Текст: электронный.
8. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (ред. от 06.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 46. – Ст. 5555.
9. Дождев Д. В. Объективные критерии освобождения от ответственности в гражданском праве / Д. В. Дождев // Гражданское право. – 2017. – № 2. – С. 14–17. – Текст: непосредственный.
10. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.06.2012 N 3352/12 по делу № А40-25926/2011-13-230 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 10.
11. Иеринг Р. ф. Избранные труды. В 2 т. Т. 2 / Р. ф. Иеринг. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. – 547 с. – Текст: непосредственный.
12. Ротань В. Г. Новейшее учение о толковании права: монография / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова; рук. авт. коллектива и отв. ред. В. Г. Ротань. – Симферополь, 2019. – 792 с. – Текст: непосредственный.
13. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 170.
14. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.
15. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 13.12.2021) // Российская газета. – 1999. – № 85-86.
16. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
17. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
18. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
19. Лукашева Н. Н. Проблема судебного правотворчества и ее отражение в процессуальном законодательстве и законодательстве о судостроительстве Российской Федерации / Н. Н. Лукашева // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Правотолкование и проблема судебного правотворчества» (Симферополь, 10–12 октября 2019 г.). – Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2020. – С. 97–103.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 25. – Ст. 3004.

Chertkova I. V. The concept of force majeure in the civil law of Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 274-282.

The article analyzes the actual problem of defining the concept of force majeure in Russian civil law. Despite the fact that the institution of releasing the debtor from liability in the presence of force majeure circumstances has been known since Ancient Rome, and in our country the concept of force majeure was discussed back in the Russian Empire, there is no accumulation of positive knowledge that would be universally recognized in science and would be perceived by law enforcement practice. The article substantiates the conclusion that the interpretation of legislative provisions in which the term "force majeure" is used turned out to be a difficult task due to the lack of more or less generally accepted rules for the interpretation of terms. It is proposed to recognize that the terms should be interpreted in accordance with the meaning that follows from the provisions of the legislation in which they are used, and only in the second place should be guided by the legal definitions of the relevant concepts. This also applies to the definition of the concept of force majeure, which is given in paragraph 3 of art. 401 of the Civil Code of the Russian Federation and which contradicts the meaning of this term, arising from a number of other legislative provisions.

Keywords: force majeure, civil liability, case, freight transportation, evaluative concept, interpretation of terms, emergency, unavoidability, obligation, force majeure circumstances.

Spisok literatury:

1. Monastyrskij, Ju. Je. Vozmeshhenie ubytkov v grazhdanskom prave Rossii: Diss.... dok. jurid. nauk / Monastyrskij Jurij Jeduardovich. – Moskva, 2019. – 327 s. – Tekst: neposredstvennyj.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 25.02.2022 № 20-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1994. – № 32. – St. 3301.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaja) ot 18.12.2006 № 230-FZ (red. ot 11.06.2022) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2006. – № 52 (chast' 1). – St. 5496.
4. Pavlodskij, E. A. Sluchaj i nepreodolimaja sila v grazhdanskom prave / E. A. Pavlodskij. – Moskva: Juridicheskaja literatura, 1978. – 104 s. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Dogovornoe i objazatel'stvennoe pravo (obshhaja chast'): postatejnyj kommentarij k stat'jam 307-453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii, chasti pervoj. – Moskva: Statut, 2017. – 1120 s. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 23.08.2011 № F09-4716/11 po delu № A50-21608/2010. – URL: <https://base.garant.ru/38624040/> (data obrashhenija: 20.06.2022). – Tekst: jelektronnyj.
7. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 20.03.2012. № 14316/11. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70093152/> (data obrashhenija: 22.06.2022). – Tekst: jelektronnyj.
8. Ustav avtomobil'nogo transporta i gorodskogo nazemnogo jelektricheskogo transporta: Federal'nyj zakon ot 08.11.2007 № 259-FZ (red. ot 06.03.2022) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2007. – № 46. – St. 5555.
9. Dozhdev D. V. Ob#ektivnye kriterii osvobozhdenija ot otvetstvennosti v grazhdanskom prave / D. V. Dozhdev // Grazhdanskoe pravo. – 2017. – № 2. – S. 14–17. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 21.06.2012 N 3352/12 po delu № A40-25926/2011-13-230 // Vestnik VAS RF. – 2012. – № 10.
11. Iering R. f. Izbrannye trudy. V 2 t. T. 2 / R. f. Iering. – Sankt-Peterburg: Juridicheskij centr Press, 2006. – 547 s. – Tekst: neposredstvennyj.
12. Rotan' V. G. Novejshee uchenie o tolkovanii prava: monografija / V. G. Rotan', O. E. Sonin, Ju. V. Chertkova; ruk. avt. kollektiva i otv. red. V. G. Rotan'. – Simferopol', 2019. – 792 s. – Tekst: neposredstvennyj.
13. Ustav zheleznodorozhnogo transporta Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 10.01.2003 № 18-FZ (red. ot 11.06.2022) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2003. – № 2. – St. 170.
14. Vozdushnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 19.03.1997 № 60-FZ (red. ot 14.03.2022) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1997. – № 12. – St. 1383.
15. Kodeks torgovogo moreplavanija Rossijskoj Federacii ot 30.04.1999 № 81-FZ (red. ot 13.12.2021) // Rossijskaja gazeta. – 1999. – № 85-86.
16. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 11.06.2022) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2002. – № 46. – St. 4532.
17. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 11.06.2022) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2002. – № 30. – St. 3012.
18. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 11.06.2022) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2015. – № 10. – St. 1391.
19. Lukasheva N. N. Problema sudebnogo pravotvorchestva i ee otrazhenie v processual'nom zakonodatel'stve i zakonodatel'stve o sudoustrojstve Rossijskoj Federacii / N. N. Lukasheva // Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Pravotolkovanie i problema sudebnogo pravotvorchestva» (Simferopol', 10–12 oktjabrja 2019 g.). – Simferopol', Krymskij federal'nyj universitet imeni V. I. Vernad'skogo, 2020. – S. 97–103.
20. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.06.1998 № 19-P «Po delu o tolkovanii otdel'nyh polozhenij statej 125, 126 i 127 Konstitucii Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1998. – № 25. – St. 3004.

УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, КАК ОДНОГО ИЗ ЭТАПОВ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ БЕСКОНТАКТНЫМ СПОСОБОМ

Даниленко Ю. А., Чернецкий О. К.

В статье проведено исследование особенностей методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств бесконтактным способом. Расследование данных преступлений имеет свои специфические особенности, которые реализуются на данных этапах следственного производства. Возбуждение уголовного дела по совершенному преступлению, связанному с незаконным оборотом наркотических средств бесконтактным способом, начинается с предварительного анализа поступившей информации о множественном или единичном эпизоде сбыта наркотических и психотропных веществ посредством сети Интернет и ее проверки. Первичным действием, которое становится отправным фактором для возбуждения уголовного дела является предварительная проверка сообщения о преступлении.

Ключевые слова: преступление, наркотические средства, бесконтактный способ, интернет, возбуждение уголовного дела, следствие, оперативно-розыскные мероприятия.

Процедура расследования преступлений по данному направлению представляет собой строго определенную структуру, которая включает в себя три независимых этапа: первоначальный, последующий и заключительный этапы расследования.

Именно на этапе первоначального этапа расследования данного рода преступлений следователь получает обособленные результаты оперативно-розыскных мероприятий данные, которые могут выступать основанием для возбуждения уполномоченным следователем уголовного дела и начале уголовного преследования. В случае, если в результате проведенных оперативно-розыскных действий устанавливается факт осуществления сбыта наркотических средств бесконтактным способом, то дело возбуждается по п. «б» ч.2 ст. 228.1 УК РФ [1, с. 130].

На практике возникают случаи, когда постановление о возбуждении уголовного дела выносится в отношении неустановленного на момент возбуждения уголовного дела человека. Такая ситуация возникает в результате целого ряда причин: 1) использование предполагаемым преступником технических устройств и программного обеспечения, обладающего высоким уровнем анонимизации, которая не позволяет установить и идентифицировать личность на момент возбуждения уголовного дела; 2) указание неверной информации в анкетных данных.

Непосредственно в момент начала производства первоначальных следственных действий, после возбуждения уголовного дела, следователь должен обладать фактической информацией касательно использованных технических средств, для разработки на их основании предположительных следственных действий необходимых для правильного и своевременного расследования данного преступления.

Данное преступление, ввиду технической оснащенности преступных групп, имеет целый ряд особенностей, которые должны учитываться следователем при рассмотрении конкретного уголовного дела данной категории.

Рассмотрим самые типичные ситуации, которые возникают в результате совершения незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ

посредством сети Интернет: 1) задержание в результате следственных мероприятий закладчика и фактическое установление канала сбыта наркотических средств.

В этой ситуации, следователь должен произвести незамедлительно ряд следственных действий. Среди них ключевое значение будут иметь: задержание, личный обыск, допрос подозреваемого и покупателя наркотических средств, освидетельствование, очная ставка, допрос свидетелей, изъятие образцов для сравнительного исследования и назначение соответствующих экспертиз; 2) задержание в результате оперативно-следственных мероприятий закладчика, без реального установления канала сбыта наркотических средств.

Такого рода ситуации возникают в связи с хорошо выстроенной системой анонимизации самой структуры сбыта наркотических средств, при которой первичные, низко ранговые представители преступных группировок не обладают весомой информацией о каналах сбыта и самих веществах. В данной ситуации применяются схожие оперативно-следственные действия, лишь с поправкой на то, что проводятся к тому же еще и оперативно-розыскные мероприятия, которые направлены на фактическое обнаружение и фиксирование каналов сбыта наркотических средств. Все оперативно-розыскные либо следственные мероприятия в данном случае должны быть произведены в самые кратчайшие сроки по отношению к событию преступления. Такая срочность обуславливается возможностью быстрого распространения информации о задержании закладчика, «в связи с чем могут быть предприняты контрмеры со стороны преступных групп по уничтожению всех фактических доказательств их причастности к данному рода преступлению» [2, с. 110]. Правоохранительные органы в данном случае могут столкнуться с небывалым уровнем противодействия, в связи с чем будет целесообразно склонить задержанного подозреваемого к сотрудничеству, для более быстрого изобличения любых ему известных фактов, касающихся бесконтактного сбыта наркотических средств. Среди такой информации могут быть данные как об иных участвующих в данной группе лицах, так и о характерных для данной группы средствах связи.

1. Информация о сбыте наркотических веществ была получена, но закладчик не был задержан, а канал сбыта наркотических веществ не был раскрыт.

Это самый сложный случай, для которого свойственны такого рода мероприятия: допрос оперуполномоченных, проводивших оперативно-розыскное мероприятие; допрос закупщика наркотических средств и психотропных веществ; допрос понятых, которые участвуют в оперативно-розыском мероприятии. Ситуация обязательно предполагает проведение различного рода экспертиз, например, комплексная химико-фармакологическая и физико-техническая экспертиза. Для быстрого и эффективного расследования данного рода преступлений необходимо обеспечить оперативную тесную взаимосвязь между следственными органами и оперативно-розыскной группой. Результатом такого сотрудничества должно быть правильное установление, изъятие и фиксирование следов преступления, которые имеют значение для расследуемого преступления, а также своевременное вычисление всех представителей преступной группировки и правильный выбор места и времени проведения оперативных и следственных действий. Только активное и плодотворное сотрудничество следователя и оперативных сотрудников может обеспечить сведение к минимуму или полное исключение возможности преступной группы избавиться от следов совершенного преступления.

Представители преступных групп, которые занимаются данной деятельностью, хорошо осведомлены касательно используемых тактических приемов и оперативно-розыскных мероприятиях, таких как «проверочная закупка», которая является наиболее часто используемой сотрудниками органов внутренних дел [3]. В связи с этим преступные группы все чаще прибегают к модернизации старых способов совершения преступлений, внедряя все более изощренные методы доставки наркотических средств бесконтактным путем, что сильно затрудняет деятельность правоохранительной системы при расследовании дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков и их аналогов. Именно на этапе проверки сообщений о преступлениях собирается основная информация о наличии в рассматриваемом деянии состава преступления.

Сведения, которые свидетельствуют о наличии в деянии состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ можно получить благодаря деятельности правоохранительных органов и проведению соответствующих оперативно-розыскных мероприятий. Однако это не исчерпывающий перечень источников получения первичной информации о преступлениях наркотической направленности, она также может быть получена от должностных лиц и граждан, а также медицинских работников, в случае попытки приобрести у них наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги на основании поддельных рецептов или вовсе без таковых.

Однако несмотря на все обилие возможных источников информации о преступлениях данной направленности, более 90% дел возбуждается на основании результатов оперативно-розыскной деятельности, все это связано с целым спектром причин: 1) преступные организации, которые занимаются данной деятельностью, обладают высоким уровнем анонимности, имеют развитую структуру разведки, контрразведки, а также целую систему безопасности. Строго определенная иерархичная структура позволяет контролировать абсолютно все стадии сбыта наркотических средств, начиная от стадии изготовления и заканчивая конечной реализацией; 2) существует определенная сложность при получении необходимой для целей расследования информации от лиц, которые непосредственно употребляют наркотические средства и психотропные вещества; 3) анонимность, которая стала следствием глобализации и развитие компьютерных технологий, позволяет членам преступных организаций быть максимально обособленными и находится вообще в разных частях мира; 4) преступные организации, которые специализируются на сбыте наркотических средств, могут охватывать при сбыте наркотических средств своей деятельностью огромную территорию административных единиц, а иногда и целых стран.

Исходя из положений ст. 140 УПК РФ главным требованием, которое является основанием для возбуждения уголовного дела, является наличие в совершенном деянии признаков состава преступлений предусмотренного УК РФ, которые выражаются в совокупности поводов и оснований. Исходя из практики применения статьи о незаконном сбыте наркотических средств, можно констатировать, что самым часто встречающимся поводом для возбуждения уголовного дела по данной статье является обнаружение признаков состава преступления непосредственно оперативно-розыскной группой в момент проведения оперативно-розыскных мероприятий, а сама деятельность регламентируется ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3].

Характерные для сбыта наркотических средств следственные ситуации: 1) бесконтактный сбыт наркотических и психотропных веществ посредством сети Интернет имеет свою специфику, для него свойственна следственная ситуация, при которой преступные элементы не были задержаны, а существует лишь сообщение о сбыте наркотических и психотропных веществ. В данной ситуации, для фактического изобличения преступных элементов, задействованных в незаконном сбыте наркотических средств, необходимо при поступлении информации о фактах сбыта наркотических средств и психотропных веществ провести целый ряд мероприятий, предусмотренных ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а именно: прослушивание телефонных звонков, наблюдение, проверочная закупка, обследование местности, помещений, участков, зданий и сооружений [3]; 2) задержание правоохранительными органами закладчика непосредственно с наркотическими веществами во время совершения преступления или же сразу после его совершения, является также очень распространенной практикой при расследовании рассматриваемого преступления. Необходимо провести целый ряд обособленных оперативно-розыскных мероприятий, а именно: изъятие образцов для сравнительного исследования, назначение судебной химической и судебно-медицинской экспертизы, а также проведение иных мероприятий направленных на установление лиц, участвующих в преступной деятельности; 3) задержание лица, которое подозревается в совершении преступления, а именно сбыта наркотических средств, при фактическом отсутствии при нем самих веществ.

Наиболее часто проводимыми оперативно-розыскными мероприятиями, при расследовании данного вида преступлений является: проверочная закупка, которая представляет из себя мнимую сделку купли-продажи с лицом, подозреваемым в сбыте наркотических веществ, и оперативный эксперимент, который заключается в моделировании определенных условий, для проявления противоправных намерений преступных элементов. На проведение таких оперативно-розыскных мер нужны оформленные в установленной форме постановления руководителя органа, ведающего оперативно-розыскной деятельностью [4, с. 14].

Распространение наркотиков посредством сети Интернет, имеет целый ряд особенностей даже на первичных этапах расследования. Ввиду особенностей технического плана, используемых преступниками при совершении сбыта наркотических средств, осложняется весь процесс расследования. Информация между преступными элементами передается через анонимные мессенджеры, которые полностью шифруют исходную информацию, что приводит к тому, что конечные звенья преступной цепочки не знают фактических данных, касающихся самой группы.

Для реальной борьбы с наркопреступлениями, сбыт которых происходит посредством сети Интернет, необходимо применение целого ряда не свойственных для иных преступлений мероприятий. Органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо произвести мониторинг интернет-ресурсов, на которых происходит незаконная деятельность, в частности незаконный сбыт наркотических веществ. После фактического обнаружения интернет-ресурсов, посредством которых осуществляется сбыт наркотических средств, представителям оперативно-розыскной группы необходимо воспользоваться зарекомендовавшими себя оперативно-розыскными методами и средствами. В процессе раскрытия личностей предполагаемых участников преступной группы, осуществляющей сбыт наркотических средств необходимо также выявить фактические места хранения

наркотических и психотропных веществ, канал сбыта и методику распределения денежных потоков. В результате данной деятельности происходит также и рассекречивание лиц, систематически покупающих наркотические и психотропные вещества, чья информация может иметь достаточно весомое значение для раскрытия преступления.

Оперативно-розыскное мероприятие в виде проверочной закупки может производиться как на ранней стадии расследования, так и на последующих стадиях расследования, однако, несмотря на это, оно имеет различное практическое значение. На первичном, доследственном этапе главенствующей задачей данного оперативно-розыскного мероприятия является установление и фиксация контакта с лицом, осуществляющим сбыт наркотических и психотропных веществ, а также изъятие образцов распространяемого вещества для последующей передачи их на соответствующее исследование. Кроме этого, целью данного оперативно-розыскного мероприятия является также и предоставление уполномоченному следователю документов, содержащих данные о результатах ОРМ, в целях решения вопроса о возбуждении уголовного дела [5, с. 172].

Следующим, не менее важным оперативно-розыскным мероприятием является наблюдение. Цель данного оперативно-розыскного действия состоит в наблюдении за поведением закладчика, фиксируемое посредством видео или аудиозаписи. Данное оперативно-розыскное действие заканчивается составлением определенных документов, а именно: справки о результатах «наблюдения», сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности и о представлении результатов ОРД органу дознания, следствия, суду. Данные мероприятия проводятся в случаях, если оперативно-розыскная группа не обладает информацией касательно возможного местонахождения предполагаемого тайника с наркотическими и психотропными веществами. В случае же, если оперативно-розыскная группа обладает такой информацией, то в этом случае проводится обособленное такое оперативно-розыскное мероприятие, как обследование зданий, помещений, сооружений, участков местности и транспортных средств. Оформление данного действия заканчивается составлением целого ряда процессуальных документов, таких как: акт обследования, рапорт об обнаружении признаков состава преступления, прилагаемые фототаблицы и объяснения понятых.

К исключительным оперативно-розыскным мероприятиям, характеризующим бесконтактный способ сбыта наркотических средств, относится прослушивание телефонных разговоров. Данное оперативно-розыскное действие актуально в случае, если оперативно-розыскная группа обладает информацией о составе преступной организации или индивидуальном преступнике, а также об используемых телефонных номерах предполагаемых преступников. Указанное оперативно-розыскное мероприятие может осуществляться как при использовании преступниками как мобильной связи, так и если коммуникация происходит посредством SMS-переписки. Данное действие является достаточно обширным и сложным в вопросе фиксации, и использовании в дальнейшем процессе полученных сведений. После получения и фиксации данных сведений необходимо предоставить соответствующее постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, а также постановление о предоставлении результатов ОРД органу, осуществляющему дознание. Все действия, произведенные в ходе данного мероприятия, должны быть зафиксированы на бумажных и электронных носителях, которые в последствии должны быть отражены в материалах дела.

Уникальным для бесконтактного способа сбыта наркотических средств является также такое оперативно-розыскное мероприятие как «снятие информации с технических каналов связи». Данное мероприятие всегда производится при расследовании данного рода преступлений и его целью является фактическое документирование интернет-переписки злоумышленников.

Задержание лица с наркотическими и психотропными веществами, а также поступающие из медицинских учреждений сообщения уполномоченными на то специалистами о фактах поступления в специализированные органы лиц, которые пребывают в состоянии наркотического опьянения, также является способом получения фактической информации, которая необходима для возбуждения уголовного дела по инкрементируемой статье.

В деятельности уполномоченных на то органов существует огромное количество практических подходов рекомендательного характера, на основе которых выстраивается первостепенная информация, которая связана непосредственно с выявлением конечных сбытчиков наркотических и психотропных веществ:

1. «Фактическое обнаружение криминальной сети дилеров»

Данная отработанная следственная ситуация происходит уже в период возбужденного уголовного дела за однородное преступление, при котором уже фактически производятся следственные и оперативно-розыскные мероприятия, целью которых является обнаружение и фиксация всей цепи сбыта наркотических и психотропных веществ, и выявления всех действующих лиц преступной группы. Данное действие в целом обеспечивает изобличение как низкоранговых диспетчеров преступной цепи, так и организаторов.

2. «Доказывание посредством потребителей». Эта следственная ситуация предполагает фиксацию факта единичной передачи наркотических и психотропных веществ дилером покупателю или непосредственно конечным потребителем. При такой ситуации происходит задержание конечного потребителя в свойственных ему местах обитания с последующей фиксацией показаний и получения иной разнородной информации о цепи сбыта, способе и механизме приобретения, и личности поставщика. После сбора необходимой информации у данных лиц представляется необходимым проведение проверочной закупки, итогом которой должно быть фактическая идентификация лиц, которые распространяют наркотические и психотропные вещества.

3. «Оперативная модель – свой среди чужих». Данная модель предполагает поиск правоохранительными группами в узконаправленных группах наркоманов лиц, которые не употребляют наркотических и психотропные вещества. Данные лица, с большой вероятностью относятся к касте сбытчиков наркотических средств, которые непосредственно доставляют конечному потребителю вещества.

4. «Фактическое обнаружение наркотических средств». Подобная модель видится в фактическом расследовании преступления на основании обнаруженных наркотических и психотропных веществ у подозреваемого или непосредственно в местах его постоянного пребывания, фактического места проживания.

Представленные выше практические методики расследования преступлений в сфере незаконного сбыта наркотических средств не являются исчерпывающими.

Предварительная проверка является одним из наиболее эффективных методов доказывания на первичной стадии возбуждения уголовного дела, которая позволяет следователю собрать необходимые доказательства для своевременного и правильного расследования уголовного дела.

Данное доследственное мероприятие имеет огромное количество полезных особенностей, которые позволяют следователю сформулировать цельную картину о произошедшем уже в процессе возбуждения уголовного дела. Именно в процессе доследственной проверки происходит фактическое изъятие у предполагаемых представителей преступного сообщества наркотических и психотропных веществ, которые должны быть описаны и приобщены к делу в соответствии с требованиями, установленными соответствующим законодательством. Возбудить и квалифицировать деяние, совершенное лицом, можно лишь после проведения соответствующей экспертизы изъятых средств. В ходе данного исследования должна быть установлена количественная и качественная характеристика, природа и составляющие признаки средства. В последствии именно фактически изъятые вещества играют важнейшую роль и ложатся в основу всего уголовного дела.

Однако проведение данного мероприятия сопровождается совершением целого ряда отступлений от законодательно установленного регламента, что ставит под вопрос законность данного действия и целесообразность использования фактически сведений, полученных в результате данного действия. В соответствии с регламентом, любое изъятие наркотических и психотропных веществ должно сопровождаться занесением всех необходимых сведений в протокол, а само изъятие возможно лишь на этапе производства осмотра места происшествия. Однако зачастую данное мероприятие оформляется актом изъятия либо же административным протоколом досмотра, что может ставить дальнейшее разбирательство под большой вопрос. Многие правоведы указывают на недопустимость включения таких документов, а именно административных документов, в соответствующее уголовное дело. С другой стороны, имеется и противоположная точка зрения касательно данного вопроса, которая обосновывается на нерешенности на доследственном этапе вопроса о характере производства. Нередки случаи, когда на данном этапе отсутствуют и вовсе основания для осмотра места происшествия, ввиду чего и совсем исключается правовая возможность изъятия веществ, которые предположительно являются наркотическими или психотропными веществами.

К наркотическим средствам, которые становятся главенствующим предметом расследования, устанавливаются определенные требования, касающиеся процесса непосредственного изъятия, транспортировки и хранения. Данные оперативно-доследственные мероприятия должны быть должным образом задокументированы, а сам процесс воздействия на наркотические вещества и любые манипуляции с ними должны производиться в точном соответствии с установленными регламентами и правовыми документами. Именно всецелое соблюдение методических рекомендаций при фактическом изъятии предполагаемых наркотических веществ позволяет в дальнейшем идентифицировать преступника. Все дело в том, что на упаковке наркотических и психотропных веществ в зачастую можно обнаружить микрочастицы, волосы и иные идентифицирующие признаки, принадлежащие предполагаемому преступнику, что в последствии будет иметь весомое значение при предъявлении обвинения и дальнейшем рассмотрении, и расследовании дела.

Именно сохранность следов, позволяющих в дальнейшем идентифицировать преступника, является одной из главенствующих причин усложненной методики изъятия и приобщения к уголовному делу наркотических средств. Уполномоченные лица при проведении изъятия и упаковки наркотических средств должны обеспечить присутствие понятых, а также точно зафиксировать все проведенные

действия в соответствующем протоколе. После чего изъятые вещества необходимо незамедлительно направить эксперту для проведения соответствующей экспертизы, а также взять провести личный осмотр подозреваемого и взять с последнего объяснения относительно сложившейся ситуации и обнаруженных веществ [6, с. 124]. Однако, нередко именно на этом этапе представителями оперативных групп совершается огромное количество неточностей и нарушений процессуальной формы, которые ставят под вопрос возможность использования полученных сведений при рассмотрении уголовного дела.

Зачастую, представители оперативных групп на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела, идут на нарушение процессуальных норм, проводя вместо осмотра места происшествия обыски жилых помещений. Сведения, полученные в результате таких мероприятий, являются недопустимыми и не могут быть положены в основу соответствующего уголовного дела ввиду нарушения процессуальной формы. Ввиду чего, субъектам, непосредственно производящим расследование, необходимо строго контролировать процесс изъятия, субъектный состав и другие требования касающиеся фиксации результатов оперативно-розыскной деятельности и следственной работы.

Список литературы:

1. Томин, В.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / В.Т. Томин., М.П. Поляков. – М. : Изд-во Юрайт, 2019. – 1087 с. – Текст : непосредственный.
2. Яблоков Н.П. Криминалистика: Учебник / Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2019. – 239 с. – Текст : непосредственный.
3. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (28.09.2022).
4. Любавина, М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ : учебное пособие / М. А. Любавина. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — 176 с. – Текст : непосредственный.
5. Филиппов, А. Г. Криминалистика : учебник для бакалавров / А. Г. Филиппов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2013. – 463 с. – (Бакалавр. Прикладной курс). – ISBN 978-5-9916-2554-8. – URL: <https://urait.ru/bcode/370085> (дата обращения: 29.09.2022). – Текст : электронный.
6. Киркина, Н. В. Основные направления воздействия на наркопреступность / Н.В. Киркина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. – 2015. – № 3.

Chernetsky O.K., Danilenko Yu.A. Features of checking a crime report as one of the stages of the investigation of illicit drug trafficking in a contactless way // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 283-291.

The article studies the features of the methodology for investigating crimes related to drug trafficking in a non-contact way. The investigation of these crimes has its own specific features, which are implemented at these stages of investigative proceedings. The initiation of a criminal case on a crime committed involving illegal drug trafficking in a non-contact way begins with a preliminary analysis of the information received about a multiple or single episode of the sale of narcotic and psychotropic substances via the Internet and its verification. The primary action that becomes the starting factor for initiating a criminal case is a preliminary check of the crime report.

Keywords: crime, narcotic drugs, non-contact method, Internet, initiation of a criminal case, investigation, operational search activities.

Spisok literatury:

1. Tomin, V.T. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / V.T. Tomin., M.P. Polyakov. – M. : Izd-vo YUrajt, 2019. – 1087 s. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Yablokov N.P. Kriminalistika: Uchebnik / N.P. Yablokov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: YUrist", 2019. – 239 s.
3. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti : Federal'nyj zakon ot 12.08.1995 N 144-FZ (poslednyaya redakciya). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (28.09.2022). – Tekst: elektronnyj.
4. Lyubavina, M.A. Kvalifikaciya prestuplenij, predusmotrennyh st.st. 228 i 228.1 UK RF : uchebnoe posobie / M. A. Lyubavina. – Sankt- Peterburg : Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2016. — 176 s. – Tekst : neposredstvennyj.

5. Filippov, A. G. Kriminalistika : uchebnik dlya bakalavrov / A. G. Filippov. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2013. – 463 s. – (Bakalavr. Prikladnoj kurs). – ISBN 978-5-9916-2554-8. – URL: <https://urait.ru/bcode/370085> (data obrashcheniya: 29.09.2022). – Tekst : elektronnyj.
6. Kirkina, N. V. Osnovnye napravleniya vozdejstviya na narkoprestupnost' / N.V. Kirkina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya : YUrisprudenciya. – 2015. – № 3..

УДК 343.231

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Зоз В. А., Лагуточкина А. С.

В статье раскрывается вопрос о правовом генезисе проблем, связанных с преступностью несовершеннолетних, которые используют в своей повседневной, в том числе, и преступной деятельности современные средства телекоммуникаций и «Интернет».

В частности, сегодня современная информационная сфера представлена возникновением и распространением информационно-телекоммуникационной сети Интернет, который является наиболее удобным и оперативным средством поиска, формирования, распространения и использования информации.

Подростки используют Интернет, реализуя свои потребности: в социальном внимании, как средство заработка и отвлечения от повседневных проблем.

Эффективность деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности несовершеннолетних зависит от ряда факторов, в том числе, от совершенствования действующего законодательства в части обеспечения цифровой безопасности несовершеннолетних.

При этом следует отметить, что ряд платформ с запрещенным или ограниченным для несовершеннолетних лиц контентом, оказывают деструктивное влияние на несовершеннолетних и вследствие чего побуждают к маргинальному поведению и в итоге к совершению противоправных поступков. В статье приведены статистические данные о фактах распространения наркотических средств посредством использования интернет-платформ, где также в зоне риска находятся несовершеннолетние лица.

Ключевые слова: оперативные подразделения органов внутренних дел, конституция, несовершеннолетние, правоохранительная деятельность, Интернет, социальная сеть.

На сегодняшний день особое место среди наиболее посещаемых онлайн-платформ заняли социальные сети, используемые в качестве особых ресурсов, обеспечивающих контакт между людьми.

Крупнейшей социальной сетью отечественного сегмента Интернета является «ВКонтакте» с целевой аудиторией более 90% юношей и более 94% девушек. При этом в последнее время среднестатистический интернет-пользователь не ограничивается поисковой системой или почтой и, как правило, подписан сразу на несколько социальных сетей («ВКонтакте» – 90-93% несовершеннолетних пользователя, Facebook – 13-15%, «Одноклассники» – 16%, Twitter – 10%, Instagram – 54%), новостные сайты, блоги, тематические и справочные проекты. Кроме того, для пользователя открываются значительные возможности для свободного взаимодействия в онлайн-режиме не только посредством социальных сетей, но и через ICQ, Messenger, Skype, Viber, Jabber, WhatsApp и т. д. [5].

Вполне очевидно, что социальная среда указанных платформ не только не препятствует, но и во многих случаях способствует криминогенному влиянию на несовершеннолетних. Криминогенный потенциал контента социальных сетей прогрессирует, в первую очередь, благодаря таким свойствам, как

общедоступность, открытость, востребованность, децентрализованность и анонимность.

Комплексное сочетание указанных качеств зачастую негативно воздействует на несовершеннолетних пользователей, ведь способствует латентному информационно-психологическому воздействию на эмоционально-поведенческое и когнитивное состояние неограниченного количества пользователей, формирует и изменяет их социальные установки, деформирует правосознание и поведение несовершеннолетних. Именно поэтому вследствие негативного воздействия контента социальных сетей дети и подростки становятся не только потерпевшими от преступлений, но иногда и сами превращаются в источник повышенной опасности.

Практика показывает, что социальные сети в настоящее время представляют уникальные возможности для распространения негативной информации; организации сообществ противоправного характера; коммуникации с целью вовлечения в осуществление преступных деяний; обмена преступным опытом. Угрозы, преследующие несовершеннолетних в соцсетях многогранны и разнообразны [3].

Отечественные и зарубежные исследователи на протяжении последних нескольких лет пытаются выяснить причины наиболее активного использования соцсетей как отдельными преступниками, так и целыми преступными сообществами. По мнению специалиста в области уголовного права А.В. Манойло, это связано со следующими условиями:

- Несовершеннолетние пользователи в силу физиологических возрастных особенностей в условиях использования интернет-ресурса не обладают критическим мышлением, их бдительность снижена, что делает их потенциальными жертвами.

- Утрата способности избирательности у человека в части его окружения и ближайшего круга общения размывается в условиях мнимого ощущения неприкосновенности в виртуальном пространстве.

- На данном этапе развития эволюции человека исключается возможность восприятия в качестве объекта опасности картинки. Именно ей (так называемым аватаром) представлена в соцсети личность любого пользователя. На уровне подсознания в качестве угрозы может распознаваться лишь физический объект, поэтому преступник без труда втирается в доверие.

- Чёткие границы привлечения к ответственности в виртуальном пространстве также размываются вследствие сложности раскрытия преступления [2].

По нашему мнению, исследователем А.В. Манойло не было указано ещё одно актуальное на сегодняшний день условие развития преступности в соцсетях – минимизация личного взаимодействия граждан в условиях карантина из-за опасной болезни COVID-19. Изоляция в домашних условиях напрямую повлияла на переход весомой части несовершеннолетних в онлайн-режим. В частности, компания GlobalWebIndex при поддержке команды соцсети «VK Coffe» произвела опрос 12 тысяч граждан из 13 стран и установила, что с 2020 года численность активных пользователей соцсетей пополнилась на 45%.

Статистические данные Следственного комитета Российской Федерации свидетельствуют о том, что смена образа жизни взрослых и детей в условиях

карантина повлияла на показатели, связанные с преступностью в Интернете. В частности, в 2020 году в Интернете было совершено 510 369 преступлений, что превышает аналогичные показатели 2019 года более чем на 73%. Среди них 677 фактов незаконной организации и проведения азартных игр, 589 случаев распространения порнографических материалов с изображением несовершеннолетних, более 2700 хищений чужого имущества, иные тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и экстремистскими проявлениями, в том числе совершаемые детьми и подростками [6].

«Постоянное сидение дома закономерно приводит к увеличению времени, проводимого несовершеннолетними в интернете. Поэтому повысились риски совершения против детей преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» – указала зампредседателя Следственного комитета Российской Федерации Е.Е. Леоненко [9].

Соответственно, данное условие стало причиной роста преступлений, совершаемых посредством использования социальных сетей.

Отечественный исследователь В.С. Соловьёв внёс предложение введения статистических данных преступлений, совершаемых с использованием соцсетей. Несмотря на то, что подобные преступления имеют в высшей степени латентный характер, отечественному специалисту удалось осуществить собственную систематизацию: незаконный оборот наркотиков (24,5%); посягательства на частную собственность (18,4%); преступления экстремистского и террористического характера (10,9%); распространение порнографии (10,3%); преступления против конституционных прав человека (9,1%); преступления в сфере компьютерной информации (7,9%); преступления против жизни и здоровья (5,4%); иные общественно опасные деяния [4].

Причём 81% из вышеперечисленных преступлений совершались во «ВКонтакте». Таким образом, несовершеннолетние, составляющие весомую часть пользователей социальной сети «ВКонтакте», наиболее часто становятся жертвами педофилов, администраторов групп смерти, занимающихся пропагандой самоубийства, мошенников [1].

В первую очередь, хотелось бы отметить, что государственные органы, в частности, органы внутренних дел осуществляют активный мониторинг недоброкачественного контента в виртуальной сети с целью последующей его ликвидации и привлечения к ответственности виновных.

Наиболее свежая статистика Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций демонстрирует, что в период с 2012 по 2018 гг., благодаря оперативным действиям служителей закона, внесены в реестр и заблокированы более 350 тыс. онлайн-ресурсов, на которых была размещена запрещённая информация. В частности, более чем на 92 тыс. подобных ресурсов осуществлялся незаконный оборот наркотиков (из них удалено 81 660 страниц, к 11 088 страницам доступ ограничен). На основании данного опыта, Федеральной службой был сделан вывод, во-первых, о беспрецедентном омоложении наркобизнеса, ведь средний возраст сбытчика составляет 19 лет, во-вторых, о значительном увеличении случаев вовлечения несовершеннолетних пользователей в сбыт наркотиков в онлайн-режиме именно через социальные сети и мессенджеры [7].

В рамках проделанной работы было заблокировано более 65 тыс. ресурсов, на которых распространялась детская порнография. Причём с июня 2017 года по 2018 год было обнаружено более 26 тыс. противозаконных материалов по признакам преступлений, предусмотренных пунктом «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ. По признакам данного состава преступления было осуждено всего 189 человек.

Более чем на 39 тыс. страницах была размещена информация с призывом к самоубийству, 14 тыс. страниц с суицидальным контентом были внесены в специализированный Единый реестр запрещенной к распространению в России информации с начала 2020 года. Так называемые группы смерти – наиболее опасные страницы, активно размещаемые в социальных сетях в 2016-2017 гг.

В качестве примера можно привести игру «Синий Кит». По хештегу #синийкит более 800 пользователей социальных сетей в 2017 году ждали, что им напишет куратор – мошенник, который раздавал каждому желающему задания (по одному в течение 50 дней) – от самого простого (например, забраться на крышу) до самого сложного (к примеру, сделать разрез на коже). На пятидесятый день у каждого подростка, вовлечённого в игру, задание было одинаковое – покончить жизнь самоубийством. Игра «Синий Кит» и подобные ей игры («Тихий дом», «Море Китов», «Разбуди меня в 4:20» и другие) спровоцировали смерть сотен школьников России.

Согласно статистике Следственного комитета Российской Федерации, за последние три года суицид совершили 2 205 детей и подростков. При этом отмечается, что попытки суицида многократно превышают число реальных самоубийств, а для половины из подростков такие попытки являлись неоднократными, а систематическими [9]. Кроме того, весомым фактором криминализации несовершеннолетних являются группы, пропагандирующие криминальный образ жизни. В качестве примера можно привести группы АУЕ («Арестантский уклад един») в соцсетях, состоящие из неформальных банд детей и подростков, идеализирующих и романтизирующих жизнь преступников. Система норм и ценностей, пропагандируемых в подобных сообществах, схожа с криминальной идеологией и подобной линией поведения. С 2016 года по сей день детьми и подростками совершаются преступления с характерными криками «АУЕ».

Так, например, 24 августа 2018 года компания из 15 подростков в течение двух часов ходила и избивала прохожих на улицах Санкт-Петербурга. Жертвами банды стали 16 человек. В результате совершения преступления было возбуждено два уголовных дела по статьям «Побои» и «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью».

Мониторинг и ликвидация сообществ «АУЕ» в социальных сетях началось ещё в 2017 году. По утверждению представителя Генеральной прокуратуры России, в 2017-2018 годах при поддержке региональных судов было заблокировано более 7 тыс. преступных сообществ.

17 августа 2020 года Верховный суд РФ постановил признать международное общественное движение АУЕ экстремистской организацией; с 2018 года стали ужесточаться наказания за склонение детей и подростков к суициду; были заблокированы соответствующие группы во «ВКонтакте» и «Одноклассниках» [8].

Кроме того, перспективным, по нашему мнению, является изменение ст. 128.1 УК РФ, а именно – ужесточение уголовной ответственности за клевету и

оскорбления, которые также являются популярным составом преступлений в соцсетях. Так, с 10 января 2021 года в ст. 128.1 были добавлены дополнительные квалифицирующие составы, а также значительно увеличен штраф за совершение преступления (за клевету – 1 000 000 руб., за ложное обвинение в преступлении против половой неприкосновенности – до 5 000 000 руб.) [8].

Также важные изменения коснулись ст. 230 УК РФ – Склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В частности, с 7 марта 2021 года уже действуют новые квалифицирующие обстоятельства для данного состава преступления –использование Интернета для совершения преступления.

Кроме того, хотелось бы остановиться на рассмотрении новых деяний, которые стали популярны в соцсетях с 2019-2020 года. Именно по этой причине данные деяния до сих пор не вошли ни в один состав преступлений, однако каждое из них несёт угрозу для развития детей и подростков.

- «Зумбобинг».

Во время самоизоляции наиболее популярным приложением, предназначенным для дистанционного обучения, стал Zoom, позволяющий создать онлайн-платформу для взаимодействия неограниченного круга лиц по аудио- и видеосвязи. Отсутствие жестких мер безопасности в этом сервисе привело к появлению нового вида хулиганства, получившего название «зумбомбинг», когда пользователь подключается к чужой конференции и загружает на всеобщее обозрение порноролики или другой контент, который может быть неприемлем для определенных обучающихся.

Одно из первых нападений было реализовано на одном из занятий школ Норвегии. Организаторы видеоконференцсвязи вынуждены были остановить онлайн-занятие после того, как в чате класса появился голый человек – неизвестный мужчина, подключившись к конференции, адрес которой он подобрал вручную, разделся на глазах у нескольких несовершеннолетних детей. Важно отметить, что в последнее время зафиксировано несколько подобных случаев, когда взрослые люди намеренно ищут видеоконференции со школьниками, которые вынуждены обучаться удаленно из-за коронавируса.

При этом отсутствие в диспозиции ст. 213 УК РФ «Хулиганство» оснований для привлечения данных нарушителей порядка к уголовной ответственности, способствуют их полной безнаказанности (до сегодняшнего дня ни один субъект не был привлечён к ответственности).

- «Секстинг».

Наиболее популярное в социальных сетях действие, связанное с рассылкой чужих фотографий интимного характера. Исследование социальных сетей, в частности, «Вконтакте» позволило выявить более 100 тыс. групп с целевой аудиторией численностью до 10 тыс. человек, в которых регулярно осуществляется рассылка подобных фотографий.

Отсутствие законодательного закрепления данного деяния, а также факт существования и регулярного обновления вышеуказанных сообществ, позволяют сделать вывод о полной безнаказанности виновных.

- «Грумминг».

Целенаправленное установление дружеских отношений с ребёнком с целью последующего вступления с ним в половой контакт – новый вид насилия над несовершеннолетними. Особая опасность действий нарушителя кроется в том, что своевременно предупредить или пресечь последствия невозможно. Сущность деяния заключается в следующем: мужчины (как показывает практика, зачастую их возраст превышает тридцать лет) создают в социальной сети фэйковую страницу ребёнка – ровесника будущей жертвы и завязывает дружеский диалог с несовершеннолетним, повествуя выдуманные истории из жизни, поддерживая его. Особое психологическое давление, оказываемое на ребёнка, зачастую является поводом для добровольного выполнения «просьб» виртуального знакомого.

Безусловно, каждое из представленных нами нарушений представляет особую опасность для физического и психологического развития несовершеннолетних. Однако факт отсутствия диспозиций соответствующих статей препятствует оперативно-розыскным подразделениям предупредить и пресечь эти преступления для последующего возбуждения административных или уголовных дел. По нашему мнению, устранение таких пробелов в законодательстве является необходимостью в настоящее время.

В первую очередь отметим, что в уголовном законодательстве США уже существует такой состав преступления как «Зумбобинг». По нашему мнению, следует внедрить данный состав преступления и в Российское законодательство в качестве квалифицирующего обстоятельства для ст. 213 УК РФ «Хулиганство».

Далее отметим, что нам представляется целесообразным ввести новый состав правонарушения в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ – «Секстинг».

Наконец, «Грумминг», по нашему мнению, должен стать квалифицирующим признаком для ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста».

Таким образом, современная архитектура общедоступности, открытости, востребованности и децентрализованности социальных сетей делает их легким орудием для совершения преступлений как несовершеннолетними, так и в отношении них.

Список литературы:

1. Бештоков М.В. Компьютерно-интерактивная социальная система как среда социализации российской молодежи: структура, потенциал и социализационные риски: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/д., 2018. С. 12.
2. Манойло А.В. Технологии современных войн. Политическая наука, 2017. Спецвыпуск. С. 306–325.
3. Полякова О.О. Особенности компьютерной игровой активности подростков // Поволжский педагогический вестник. 2018. № 1 (18). С. 13.
4. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 60–72.
5. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/> (дата обращения: 12.09.2022).
6. Официальный сайт Российского информационного агентства ТАСС – Статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/tag/statistika> (дата обращения: 12.09.2022).
7. Официальный сайт Российского информационного агентства ТАСС – Деятельность правоохранительных органов в 2017–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9219115> (дата обращения: 12.09.2022).
8. Официальный сайт Верховного суда РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsr.fu/> (дата обращения: 12.09.2022).

9. Официальный сайт Следственного Комитета Российской Федерации. Взаимодействие со СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/> (дата обращения: 20.09.2022).

Zoz V.A., Lagutochkina A.S. Individual elements of the current state of countering crimes committed using social networks against minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 292-298.

The article reveals the question of the legal genesis of the problems associated with juvenile delinquency, which use in their daily, including criminal activity, modern means of telecommunications and the "Internet".

In particular, today the modern information sphere is represented by the emergence and spread of information and telecommunication network Internet, which is the most convenient and rapid means of search, formation, distribution and use of information.

Teenagers use the Internet, realizing their needs: in social attention, as a means of earning money and distraction from everyday problems.

The effectiveness of law enforcement agencies' efforts to combat juvenile delinquency depends on a number of factors, including the improvement of existing legislation on the digital security of minors.

It should be noted that a number of platforms with prohibited or restricted for minors content, have a destructive effect on minors and as a consequence encourage marginal behavior and as a result commit unlawful acts. The article provides statistical data on the facts of distribution of drugs through the use of Internet platforms, where minors are also at risk.

The article provides statistical data on the facts of distribution of drugs through the use of Internet platforms, where minors are also at risk.

Keywords: operational units of internal affairs bodies, constitution, minors, law enforcement, Internet, social network.

Spisok literatury:

1. Beshtokov M.V. Komp'yuterno-interaktivnaya social'naya sistema kak sreda socializacii rossijskoj molodezhi: struktura, potencial i socializacionnye riski: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Rostov n/d., 2018. S. 12.
2. Manojlo A.V. Tekhnologii sovremennyh vojn. Politicheskaya nauka, 2017. Specvypusk. S. 306–325.
3. Polyakova O.O. Osobennosti komp'yuternoj igrovoj aktivnosti podrostkov // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 1 (18). S. 13.
4. Solov'ev V.S. Prestupnost' v social'nyh setyah Interneta (kriminologicheskoe issledovanie po materialam sudebnoj praktiki) // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2016. T. 10. № 1. S. 60–72.
5. Oficial'nyj sajt Ministerstva cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij RF. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/> (data obrashcheniya: 12.09.2022).
6. Oficial'nyj sajt Rossijskogo informacionnogo agentstva TASS – Statistika [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/tag/statistika> (data obrashcheniya: 12.09.2022).
7. Oficial'nyj sajt Rossijskogo informacionnogo agentstva TASS – Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v 2017–2020 gg. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9219115> (data obrashcheniya: 12.09.2022).
8. Oficial'nyj sajt Verhovnogo suda RF. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.vsrp.ru/> (data obrashcheniya: 12.09.2022).
9. Oficial'nyj sajt Sledstvennogo Komiteta Rossijskoj Federacii. Vzaimodejstvie so SMI [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sledcom.ru/> (data obrashcheniya: 20.09.2022).

УДК 343.222.43:347.9

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ

Скворцова О. В., Зитулаева Д. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Статья посвящена анализу сложившейся практики применения статей 159, 198, 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом законодательных новелл, затронувших как материально-правовые, так и процессуальные аспекты деятельности судебных органов по оценке совершенных деяний в финансово-бюджетной сфере государства. В работе приведены статистические данные количества раскрытых и нераскрытых органами предварительного расследования преступлений как на территории Российской Федерации в целом, так и на территории Республики Крым, проанализирована судебная практика применения статей 159, 198, 199 и проблемы их разграничения, предложены пути преодоления несовершенств уголовного законодательства в сфере пресечения налоговых преступлений и налогового мошенничества.

Ключевые слова: налоговое преступление, налоговое мошенничество, бюджет, недоимка, налогоплательщик.

Конституция Российской Федерации в главе 2, наряду с гарантированием гражданам прав, обеспечивающих нормальное функционирование демократического общества, устанавливает и их основные обязанности. Так, статьей 57 закреплена обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы [1, с. 17]. Уплата налога является одной из наиболее важных обязанностей налогоплательщика, поскольку обеспечивает функционирование экономической системы государства в целом. По состоянию на декабрь 2021 г. размер полученных федеральным бюджетом доходов составил 18 765 101 678,2 тыс. руб., из которых:

- оборотные налоги, к числу которых отнесены: НДС, акцизы, ввозная пошлина, – составили 9 341 068 140,5 тыс. руб.;
- налоги на доходы – 1 257 872 293 руб. [2].

Между тем, установленный органами Следственного комитета Российской Федерации ущерб от налоговых преступлений (то есть размер недополученных различными уровнями бюджетной системы России налоговых доходов) составил около 60 млрд. рублей, из них добровольно было возмещено 39,7 млрд. руб., что составляет 66% [3].

Согласно данным правовой статистики, размещенным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, на территории Республики Крым зарегистрировано преступлений экономической направленности (в том числе преступлений, совершаемых в сфере налогообложения) за 2021 г. – 1022 преступления, из которых: выявлено лиц, совершивших указанные деяния, – 673; предварительно расследовано преступлений экономической направленности – 843; уголовные дела по которым переданы в суд – 606 (на 122 преступления больше, чем в 2020 г.). Постепенно снижается показатель количества преступлений экономической направленности, не раскрытых органами предварительного расследования, образованными на территории субъекта. Количество таких преступлений за 2021 г. составляет 144 преступления экономической направленности, что ниже на 2,7 % аналогичных показателей за

2020 г., при том, что в 2020 г. было зарегистрировано преступлений экономической направленности – 974 [4].

Таким образом, неуклонный рост количества совершаемых преступлений, при учете высокой степени их латентности, обусловленной такими факторами, как: стремление субъектов предпринимательской деятельности сокрыть налоговую базу в целях получения незаконного материального обогащения, низкая правовая культура, недоверие граждан к деятельности налоговых и правоохранительных органов, недобросовестное исполнение отдельными государственными служащими возложенных на них обязанностей по проведению налогового контроля, приводят к тому, что часть статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере налогообложения, остаются неприменимыми на практике.

В подтверждение указанных обстоятельств, приведем судебную статистику за 2019-2020 годы. Так, в 2019 г. по обвинению в совершении деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 198 УК РФ, а именно: уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов путем непредставления налоговой декларации (расчета) или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию (расчет) или такие документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере, – постановлено 46 обвинительных приговоров, из которых назначено наказание в виде реального лишения свободы – 1 осужденному, три осужденных приговоры к лишению свободы без реального отбывания наказания (условно); назначен штраф в качестве основного вида наказания – по 37 уголовным делам. В 2020 году по части 1 ст. 198 УК РФ постановлено 26 обвинительных приговоров, по 23-м из которых в качестве основного вида наказания назначен штраф.

За совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 198 УК РФ, в особо крупном размере, в 2020 году осуждено 5 лиц, из которых штраф назначен 4 осужденным, 1 лицо приговорено к лишению свободы условно. В 2019 году из 15 осужденных лиц 13-ти был назначен штраф в виде основного вида уголовного наказания.

Наибольшее количество обвинительных приговоров постановлено по ст. 199 УК РФ:

– по ч. 1 – за уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией - плательщиком страховых взносов, путем непредставления налоговой декларации (расчета) или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию (расчет) или такие документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере, – постановлено 65 обвинительных приговоров в 2019 г., 40 приговоров – в 2020 г.;

– по ч. 2 – за совершение указанных деяний при наличии отягчающих обстоятельств (группой лиц по предварительному сговору; в особо крупном размере) – в 2020-м году осуждено 139 лиц, оправдано 4 лица; в 2019-м году осуждено 288 лиц, постановлено 4 оправдательных приговора [5].

Примечательно, что по ст. ст. 199.3 – 199.4 УК РФ за период 2019-2020 года ни одного обвинительного приговора постановлено не было, однако, как следует из

представленного выше доклада представителя Следственного комитета Российской Федерации, причиняемый ежегодно ущерб бюджетной системе Российской Федерации исчисляется миллиардами рублей. Безусловно, на показатели судебной статистики влияет тот факт, что, как правило, по делам указанной категории обвиняемые в ходе предварительного расследования заявляют о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), как следует – в порядке ст. 25.1 УПК РФ им назначается мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, что является эффективным механизмом реагирования государства на нарушение порядка налогообложения и способом реализации принципа экономии уголовной репрессии.

Из изложенного следует вопрос: снижение показателей постановленных российскими судами приговоров по статьям УК РФ, предусматривающим уголовную ответственность за нарушения в сфере налогообложения, (с учетом повышения общего числа преступлений экономической направленности), являются свидетельством повышения уровня правовой сознательности налогоплательщиков или практических проблем, возникающих при толковании правовых норм, и, как следствие, неправильной квалификации деяний (например, не по ст. ст. 198 – 199.2 УК РФ, а по ст. 159 УК РФ)? Необходимость разрешения поставленного вопроса обуславливает *актуальность* исследуемых в данной публикации аспектов.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N 48 г. Москва «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» к числу налоговых преступлений отнесены общественно опасные деяния, уголовная ответственность за которые предусмотрена статьями 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ [6]. Определение перечня преступлений, относимых правоприменителем в лице высшего судебного органа России, к числу налоговых имеет важное практическое значение: по делам о налоговых преступлениях существует специальный порядок возбуждения производства по уголовному делу, который вступившими с 09.03.2022 года поправками изменен: статья 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) дополнена ч. 1.3., предусматривающей, что поводом для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях служат *только* материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела [7]. Тем самым, исключается существовавшая ранее возможность возбуждения уголовного дела и до поступления следователю материалов налоговой проверки, например, на основании собранных оперативными подразделениями управлений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее по тексту – УЭБиПК) материалов. Подобные меры свидетельствуют о либерализации уголовно-правовой политики государства, позволяющей избежать избыточного давления со стороны и налоговых органов, и силовых структур на субъектов предпринимательской деятельности.

Вместе с тем, общий порядок возбуждения уголовного дела распространяется на расследование преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, которые совершаются, в том числе, в финансово-бюджетной сфере, в связи с чем имеют сходные характеристики объективных и субъективных признаков составов налоговых преступлений. Кроме того, лицам, обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 198 – 199.2 УК РФ, согласно ст. 108 УПК РФ, не может быть назначена мера пресечения в виде содержания под стражей, тогда как в отношении лица, об-

виняемого в совершении деяния, предусмотренного ст. 159 УК РФ, такой законодательный запрет не установлен (за исключением случаев совершения преступления индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности). Таким образом, правильность разграничения указанных составов влияет не только на окончательную правовую оценку государства, даваемую судом в приговоре, но и на весь ход предварительного расследования по уголовному делу, даже – на стадию его возбуждения и избрание меры пресечения.

Объективная сторона уклонения заключается в бездействии – уклонении от уплаты налогов и (или) сборов в нарушение установленной законодательством и известной лицу обязанности уплатить налоги, сборы, взносы при наличии реальной возможности уплатить такие обязательные платежи. Это бездействие связано с двумя альтернативно указанными способами совершения преступления:

– уклонение путём непредставления налоговой декларации (расчёта) или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным (п. 4, 5 постановления Пленума);

– уклонение путём включения в налоговую декларацию (расчёт) или иные документы, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, заведомо ложных сведений.

Как видим, первой проблемой конструирования диспозиций налоговых преступлений является их бланкетность. Так, законодателем в качестве способа совершения преступления предусмотрено непредоставление *иных документов*, под которыми, согласно разъяснениям Пленума ВС РФ, понимаются предусмотренные Налоговым кодексом Российской Федерации (далее – НК РФ) и принятыми в соответствии с ним федеральными законами, региональными законами и нормативными правовыми актами муниципальных образований документы, подлежащие приложению к налоговой декларации (расчету) и служащие основанием для исчисления и уплаты налогов, сборов, страховых взносов. Между тем, в самой диспозиции ст. 198 УК РФ наступление уголовной ответственности связано с уклонением от уплаты тех обязательных платежей, которые установлены *только законодательством Российской Федерации*. В силу ст. 1 НК РФ, законодательство Российской Федерации о налогах и сборах состоит из Налогового кодекса и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах, сборах, страховых взносах. Следовательно, региональные и муниципальные нормативно-правовые акты не отнесены действующим налоговым законодательством, которое подлежит применению при установлении наличия в деянии лица признаков состава налогового преступления (п. 29 Постановления Пленума ВС РФ), к числу актов, нарушение которых влечет уголовную ответственность. В то же время, согласно абз. 3 п. 1 Постановления Пленума ВС РФ, ответственность по ст. ст. 198 – 199 УК РФ наступает в случае уклонения от уплаты федеральных налогов и сборов, страховых взносов, региональных налогов и местных налогов и сборов. Таким образом, Постановление ВС РФ, призванное, согласно преамбуле, обеспечить единообразное применение судами законодательства об уголовной ответственности за налоговые преступления, с учетом запрета расширительного толкования уголовно-правовых норм, создает практический вопрос: соответ-

ствует ли дача уголовно-правовой оценки государством деяниям лица, связанным с уклонением от уплаты регионального или муниципального налога, буквальному толкованию содержания закона?

Определенную проблему на практике составляет установление субъективной стороны преступления. Верховный суд РФ обратил внимание судов на то, что совершение налоговых преступлений возможно *только с прямым умыслом*. Соответственно, суду необходимо дать оценку, имеются ли обстоятельства, прямо указывающие на осознание лицом противоправного характера своих деяний, желание либо сознательное допущение наступления вредных последствий в виде причинения крупного либо особо крупного ущерба. На наличие таких обстоятельств может указывать, например:

1) согласованность действий группы лиц, нацеленная на минимизацию налоговых обязательств. При наличии доказательственной базы совершения преступления группой лиц и согласованности указанных действий, необходимо обратить внимание на то, что в качестве квалифицирующего признака законодателем в ст. 198 УК РФ учтен только особо крупный размер уклонения, тогда как в ст. 199 УК РФ содержится квалифицирующий признак в виде совершения деяния группой лиц по предварительному сговору. В таком случае возникает необходимость при постановлении обвинительного приговора давать ссылку на п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в котором законодателем перечислены формы соучастия от менее общественно опасной (группа лиц) до наиболее опасной (преступное сообщество). Вместе с тем, отсутствие разграничения общественной опасности преступного посягательства в зависимости от совершения деяния в соучастии может приводить к злоупотреблениям на практике: правоприменитель назначает наказание, опираясь на размер уклонения, тогда, как установление факта совершения преступления в соучастии свидетельствует о направленности преступного умысла, заранее спланированном характере совершаемого деяния, достижении преступного сговора между соучастниками, как следствие, – продолжаемости во времени совершенного преступления. Кроме того, необходимо помнить и о соразмерности назначаемого наказания, которой не представляется возможным достичь в ситуации, когда составы простого, квалифицированного и, например, особо квалифицированного состава не разграничены по форме соучастия.

Говоря о способах совершения уклонения, хотелось бы обратить внимание на необходимость установления критериев разграничения совершения преступления путем минимизации налогового бремени от допустимых пределов налоговой оптимизации, под которой понимается легальное снижение налоговых выплат путем квалифицированной организации дел по исчислению и уплате налогов. К условиям законности деятельности по оптимизации можно, например, отнести применение налогоплательщиком такого режима налогообложения, который допускается налоговым законодательством (упрощенная система налогообложения; действовавший до 01.01.2021 года Единый налог на вмененный доход (далее по тексту – ЕНВД), отмененный в связи с увеличением числа случаев уклонения от уплаты налогов с помощью этого специального налогового режима, поскольку исчисленный налог при ЕНВД не зависел от реальной выручки и часто использовался при реализации схем по дроблению бизнеса);

2) доказанные факты подконтрольности фирмы-однодневки, в том числе, выполнение ряда административно-хозяйственных операций организации якобы силами и средствами фирмы-однодневки с использованием материально-технического резерва или рабочей силы проверяемого налогоплательщика;

3) факты имитации налогоплательщиками хозяйственных связей с фирмами-однодневками.

Кроме того, Следственный комитет России в Методических рекомендациях «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)» указал, что доказательствами наличия прямого умысла могут служить и прямые улики противоправной деятельности: например, наличие "черной бухгалтерии", обнаружение печатей и документации фирм-однодневок на территории (в помещении) проверяемого налогоплательщика, факты обналичивания денежных средств вместе с установленными фактами их расходования на те или иные нужды налогоплательщика-организации, ее должностных лиц и учредителей (участников) [8].

Следует отметить, что при установлении умысла лица в совершении преступных деяний, посягающих на установленный порядок взимания налогов и сборов, судам необходимо учитывать позицию Конституционного суда Российской Федерации, возлагающего на налоговые органы обязанность по проверке достоверности сведений, содержащихся в документах налогового учета и налоговой отчетности, подаваемых декларантом.

4 марта 2021 года Конституционным судом РФ была рассмотрена жалоба гр-на Калугарова В.В. о признании ч. 1 ст. 159 УК РФ противоречащей ст. ст. 18 и 46 (часть 1) Конституции РФ, поскольку, по мнению заявителя, указанная норма позволяет привлекать действовавшего добросовестно налогоплательщика к уголовной ответственности, возлагая только на него одного, не имеющего специального образования, ответственность за ошибочные решения налоговых органов о предоставлении ему налогового вычета. Гражданин Калугаров обвинялся в мошенничестве, а именно: ему инкриминировалось, что, приобретя квартиру за счет средств федерального бюджета, он представил в налоговый орган две налоговые декларации по налогу на доходы физических лиц за 2015 и 2016 годы с заявлением о предоставлении имущественных налоговых вычетов, на получение которых он не имел права, будучи участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих. Судом первой инстанции В.В. Калугарову было назначено наказание в виде штрафа в размере 50 тыс. руб. Судом апелляционной инстанции приговор был оставлен без изменения и было установлено, что подсудимый действительно представил договор купли-продажи, кредитный договор и сообщил, что жилое помещение приобретено «по военной ипотеке», однако не уточнил, что расходов из личных сбережений он не понес. По мнению судов, подсудимый не мог заблуждаться относительно правомерности своих действий, поскольку в силу п. 5 ст. 220 НК РФ ему не положен имущественный налоговый вычет: жилое помещение приобретено подсудимым за счет средств бюджетной системы РФ, а не за счет собственных средств [9].

Конституционный суд РФ, рассматривая жалобу, обратил внимание судов на то, что не исключены как добросовестное заблуждение налогоплательщика относительно законности основания для получения имущественного налогового вычета

(Постановление от 24 марта 2017 года № 9-П), так и ошибки в расчетах, в том числе, вследствие незнания налогового закона, при исчислении подлежащей уплате суммы налога (Постановление от 31 октября 2019 года № 32-П и Определение от 21 июня 2001 года № 173-О). Следовательно, обращение приобретателя жилого помещения в налоговый орган и представление им документов, чтобы подтвердить наличие у него права на вычет, служат предпосылкой для выполнения налоговым органом своей обязанности по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах. Если в ходе проводимой камеральной проверки выявлены ошибки, противоречия, несоответствия сведений, предоставленных декларантом, об этом должно быть ему сообщено, с требованием представить в течение 5 дней пояснения или внести надлежащие исправления в установленный срок.

Необходимо отметить, что вопросы соответствия ст. 159 УК РФ Конституции при признании лица виновным в совершении мошенничества в связи с предоставлением ему налогового вычета были предметом неоднократного рассмотрения Конституционным судом. В Постановлении от 22 июля 2020 года № 38-П по делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 159 УК РФ Конституционный Суд указал, что не образует объективных признаков мошенничества обращение лица, приобретшего жилой дом, квартиру, комнату или долю (доли) в них, в налоговый орган для подтверждения его права на вычет, если такое обращение повлекло ошибочное признание этого права налоговым органом или ошибочное установление размера вычета по результатам налоговой проверки, проведенной по документам, необходимым для разрешения данного вопроса и достаточным для его правильного разрешения, тем более, когда эти документы не содержат признаков подделки или подлога либо их представление не сопряжено с совершением других намеренных действий, специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом ошибочного решения, и когда на их основании при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа могло бы быть принято решение об отказе в предоставлении налогового вычета. Конституционный суд пришел к выводу, что само по себе такое обращение может быть необоснованным (например, если налогоплательщик ошибается в оценке наличия права на вычет и полагается на компетентность сотрудников налогового органа, чтобы подачей обращения разрешить вопрос о наличии или отсутствии этого права), не свидетельствует об умысле на совершение мошенничества.

Таким образом, Конституционный суд пришел к выводу, что само по себе необоснованное обращение налогоплательщика в налоговый орган с целью реализации права на имущественный налоговый вычет в связи с приобретением жилого помещения не может считаться представляющим достаточную для криминализации общественную опасность, поскольку предоставление вычета должно быть в такой ситуации исключено действиями сотрудников налогового органа, которые принимают решение, с учетом наличия специального образования, определенной законом квалификации [10].

Следственным комитетом РФ налоговым и следственным органам рекомендовалось учитывать, что неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора) может быть результатом как виновных деяний (умышленных и по неосторожности), так и деяний, которые могут быть квалифицированы как невиновные, к числу которых отнесена непреднамеренная арифметическая (техническая) ошибка при исчислении

налога. К числу обстоятельств, повлекших по неосторожности совершение налогового правонарушения, следственным органом отнесены низкая квалификация либо временная нетрудоспособность бухгалтера организации. Установление подобных фактов в ходе проводимой налоговой проверки, не является основанием для освобождения лица от ответственности и влечет наложение предусмотренных налоговым законом санкций, однако, вследствие отсутствия прямого умысла лица на совершение противоправных деяний, *уголовная ответственность должностных лиц или представителей организации не наступает.*

Проблемы квалификации деяний, связанных с получением необоснованного налогового вычета, возникают не только в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей налогового органа при проведении проверки предоставленных налогоплательщиком сведений, как в рассмотренном выше примере, но и в случае установления умысла лица на получение неосновательного обогащения ввиду необходимости разграничения в процессе квалификации смежных составов: ст. 159 УК РФ и ст. ст. 198-199 УК РФ.

Так, ст. 171 НК РФ налогоплательщику гарантировано право уменьшить общую сумму налога на добавленную стоимость на установленные законом налоговые вычеты. Может сложиться ситуация, при которой суммарный размер налоговых вычетов по налогам может превысить сумму исчисленного налога. В таком случае законом предусмотрена альтернатива: налогоплательщику предоставляется право на возмещение разницы между суммой исчисленного налога и суммой налоговых вычетов в форме либо зачета, либо возврата суммы излишне уплаченного налога. Процедура возмещения налогового вычета проводится как в заявительном порядке (до проведения камеральной проверки), так и в общем порядке – при проведении налоговым органом проверки по поданной налогоплательщиком декларации. Следовательно, внося в декларацию недостоверную информацию, лицо может, как недоплатить в бюджет налог при зачете разницы, в счет имеющихся недоимок или будущих налоговых платежей, так и получить возмещение из бюджета соответствующего уровня в форме возврата. Как видим, квалификация деяния может зависеть от итогового решения, принимаемого налоговым органом по результатам рассмотрения предоставленной декларации с недостоверной информацией:

– если лицу предоставляется возврат, то речь идет о хищении чужого имущества (бюджетных средств соответствующего уровня бюджета) путем обмана, следовательно, квалификация содеянного – по ст. 159 УК РФ (часть статьи – в зависимости от размера причиненного возвратом ущерба);

– если производится зачет разницы налогового платежа, вследствие чего виновное лицо не вносит в бюджет денежные средства, то речь идет о недополучении государством налога, следовательно, квалификация содеянного – по ст. ст. 198, 199 УК РФ (часть статьи – в зависимости от размера уклонения).

В другом случае, как квалифицировать содеянное, если лицо подает налоговую декларацию с недостоверными сведениями с намерением получить возврат уплаченной суммы налога? Налоговый орган в ходе проведения проверки, установив обоснованность суммы налога, заявленной к возмещению и выявив наличие у лица недоимки по иному налогу, вправе самостоятельно принять решение о зачете суммы налога, подлежащей возмещению, в счет погашения недоимки (п. 4 ст. 176 НК РФ), в результате чего уменьшается размер суммы налогов, подлежащих оплате налого-

плательщиком. Однако, учитывая незавершенность исполнения объективной стороны по независящим от лица обстоятельствам, как правильно квалифицировать деяние: по направленности умысла – по ст. 159 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ, или по фактически достигнутому результату – ст. 198 УК РФ?

Еще одним дискуссионным вопросом разграничения составов мошенничества и налоговых преступлений является случай обращения лица, включившего недостоверные сведения в декларацию, с заявлением о предоставлении возврата суммы излишне уплаченного налога, а после принятия решения введенным в заблуждение налоговым органом о возврате, недобросовестный налогоплательщик подает заявление об изменении формы возмещения налога – с возврата на зачет в счет предстоящих платежей. На наш взгляд, решение введенного в заблуждение налогового органа о возмещении суммы излишне уплаченного налога выступает в качестве правоупорождающего факта, обуславливающего появление у декларанта права требования в отношении денежных средств из соответствующего уровня бюджета. Такой вывод следует из того, что государство, реализующее властные полномочия через налоговые органы, принимая решение о возмещении суммы излишне уплаченного налога, теряет правомочие по распоряжению указанными денежными средствами, что подтверждается возложенной на налогоплательщика обязанностью возвратить полученные в заявительном порядке суммы с учетом процентов за пользование чужими денежными средствами (п. 24 ст. 176.1 НК РФ). Согласно п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 N 48 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" состав мошенничества считается оконченным со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения [11]. Следовательно, мошенничество при возмещении НДС считается оконченным с момента вынесения налоговым органом решения о возмещении, поскольку именно с данным решением связывается момент возникновения у лица права требования имущества из соответствующего бюджета.

Из приведенных выше ситуаций следует вопрос: существуют ли общепринятые критерии разграничения мошенничества и уклонения от уплаты налогов? В правоприменительной практике – нет.

Так, Советский районный суд г. Краснодара постановлением от 05.03.2018 г. вышел за пределы полномочий и направил дело прокурору, усмотрев необходимость переквалификации деяний подсудимого со ст. 199 УК РФ на ст. 159 УК РФ, посчитав квалификацию по ст. 199 УК РФ слишком мягкой и заявив о необходимости рассмотрения вопроса о вычете НДС как мошенничества. С. инкриминировалось то, что он, являясь генеральным директором ОАО, уклонился от уплаты НДС путём включения в налоговые декларации недостоверных сведений, обосновавших налоговый вычет, в результате чего была занижена налогооблагаемая масса, что повлекло неполучение бюджетом 26308302 рублей. Недостоверные сведения касались приобретения ОАО у ООО услуг и товарно-материальных ценностей. Краснодарский краевой суд, отменив постановление как незаконное и направив дело на новое рассмотрение, указал на следующее:

1) для решения вопроса о наличии в действиях обвиняемого состава хищения путём мошенничества суду необходимо установить полно и всесторонне обстоя-

тельства дела, свидетельствующие о наличии в действиях директора умысла на совершение мошенничества, а именно: истребовать документы, подтверждающие либо опровергающие невыполнение контрагентом перед заказчиками договорных обязательств; допросить конкурсного управляющего, которому передана хозяйственная документация предприятия, в том числе, документы, подтверждающие или опровергающие факт оказания услуг и поставки оборудования (акты приема-передачи, счета-фактуры и т.д.). Между тем, суд первой инстанции ограничился показаниями свидетеля К., участвовавшего в налоговой проверке ОАО, о том, что была установлена невозможность подрядными организациями выполнить взятые на себя обязательства. Суд кассационной инстанции указал, что для решения вопроса о наличии в действиях обвиняемого состава хищения путём мошенничества суд не истребовал документы, подтверждающие либо опровергающие фактическое невыполнение ОАО договорных обязательств. Выводы суда о том, что в материалах уголовного дела имеются 2 судебно-бухгалтерские экспертизы, противоречащие выводам акта исследования, проведённого в ходе следственной проверки, также не могут служить основанием для возвращения дела прокурору;

2) *уголовный закон исключает идеальную совокупность преступлений, предусматривающих ответственность за хищение денежных средств мошенническим путём, легализацию доходов, полученных преступным путём, с неуплатой налогов с организации;*

3) суд первой инстанции не учел и процессуальные особенности возбуждения уголовного дела: поводом к возбуждению уголовного дела в отношении С. по ст. 199 УК РФ явились результаты налоговой проверки. Указывая на признаки в действиях С. злоупотребления полномочиями с целью личного обогащения и извлечения выгод, суд не учёл, что поводом для возбуждения уголовного дела, предусмотренного гл. 23 УК РФ, является только заявление руководителя коммерческой организации либо его согласие [12].

Ростовский областной суд, наоборот, поддержал приговор суда первой инстанции, которым Радошевич А.И. был признан виновным в совершении деяния, предусмотренного ст. 159 УК РФ, а именно: по двум эпизодам хищения путем мошенничества группой лиц по предварительному сговору денежных средств из бюджета Российской Федерации в особо крупном размере, путем незаконного возмещения НДС ООО в размере 4 861 746 руб. 13 коп. и незаконного возмещения НДС ООО в размере 4 028 503 руб. 68 коп. Судебная коллегия не нашла оснований для удовлетворения жалобы стороны защиты о неправильной квалификации преступления и возможном наличии в данном случае признаков преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, исходя из того, что названной нормой предусмотрена уголовная ответственность за уклонение от уплаты налога при условиях, указанных в ее диспозиции. Однако по настоящему уголовному делу судом первой инстанции было установлено, что Радошевичем А.И. было совершено хищение путем мошенничества денежных средств из бюджета Российской Федерации, путем незаконного возмещения НДС, фактически принадлежащим ему юридическим лицам. То есть, указанные денежные средства из бюджета РФ были переведены на счета юридических лиц, в результате действий Радошевича А.И. и его соучастников, использовавших преступную схему неправомерного возмещения НДС, что, по мнению коллегии, не может быть расценено как уклонение от уплаты налогов [13].

Некоторые суды квалифицируют преступные деяния лица по получению и удержанию незаконно полученного налогового вычета как действия, образующие идеальную совокупность: приговором Усинского городского суда Республики Коми от 22 мая 2017 года Коз-В В.Г. был осужден по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ и по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Согласно приговору, являясь директором организации, Коз-в, путем включения в налоговые декларации заведомо ложных сведений уклонился от уплаты налогов на прибыль и на добавленную стоимость в особо крупном размере в сумме 17 575 121 руб., что составило 81,12% от всех подлежащих уплате налогов. В ходе проведения налоговой проверки было установлено, что необоснованная налоговая выгода НДС возникла, в том числе:

1) в результате включения в состав расходов, учитываемых при исчислении налога на прибыль, и в состав налоговых вычетов по НДС сведений об операциях с организациями, при отсутствии реальных финансово-хозяйственных операций с контрагентами, у которых отсутствовали необходимые условия для достижения результатов соответствующей экономической деятельности в силу отсутствия управленческого и технического персонала, основных средств, производственных активов. Заключение подобных договоров с этими организациями не было обусловлено разумными экономическими причинами, носило формальный характер и преследовало цель получения необоснованной налоговой выгоды;

2) в результате включения в состав расходов формально начисленных премий руководителю Коз-ву В.Г. и бухгалтеру Ш. без согласования с соучредителем организации, без учета стажа работы, должностного оклада, вне зависимости от конкретных производственных и трудовых результатов, что повлекло завышение расходов на выплату компенсаций за неиспользованный отпуск и страховых взносов и имело цель получения необоснованной налоговой выгоды.

При этом суд апелляционной инстанции исключил из квалификации содеянного ссылку на ч. 3 ст. 159 УК РФ, руководствуясь тем, что действия Коз-ва В.Г., направленные на принятие налоговым органом решения о возмещении по НДС за 1 квартал 2012 года в сумме 214 570 рублей, уже вошли в событие преступного деяния, за которое он осужден по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ [14]. Таким образом, идеальной совокупности деяния лица не образуют и требуют четкого разграничения критериев составов мошенничества и налоговых преступлений.

Доктриной уголовного права разработаны три подхода к разграничению указанных составов:

1. Сторонники первого подхода (Трохов С. В.) полагают, что квалификацию содеянного необходимо осуществлять в зависимости от направленности умысла лица и целей, им преследуемых [15].

2. Сторонники второго подхода (Васильева М.В., Перекрестова Л.В.) относят незаконное возмещение НДС к уклонению от уплаты налогов, независимо от направленности умысла, формы получения налогового возмещения: либо путем возврата, либо путем зачета [16].

3. Сторонники третьего подхода (Белов Е.В., Харламова А.А.) квалифицируют возмещение НДС только как хищение, совершенное путем обмана [17].

Между тем, отсутствие единого подхода к вопросам разграничения мошенничества и составов уклонения имеет важное практическое значение:

1) составы уклонения отнесены к категориям небольшой тяжести (только ч. 2 ст. 199 УК РФ законодателем отнесена к тяжким преступлениям), в то время как ч. 1 ст. 158 УК РФ отнесена к преступлениям небольшой тяжести, ч. 2 – средней тяжести, ч. 3, 4 – к тяжким преступлениям. Определение категории преступления влияет на определение вида рецидива, сроков применения условно-досрочного освобождения от наказания, исчисления сроков давности, в том числе – для освобождения от уголовной ответственности;

2) составы уклонения предусматривают специальное основание для освобождения – полная уплата суммы недоимки и соответствующих пеней, а также суммы штрафа; основания для освобождения от уголовной ответственности за мошенничество общие, предусмотренные главой 11 УК РФ;

3) преступления различаются и по моменту окончания: уклонение от уплаты налогов считается оконченным в момент фактического неисполнения налогоплательщиком обязанности по их уплате, который, согласно разъяснениям Пленума Верховного суда, может не совпадать со сроком подачи налоговой декларации. Поскольку, по общему правилу, мошенничество признается оконченным с момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению, то мошенничество в сфере налогообложения следует считать оконченным с момента принятия введенным в заблуждение налоговым органом решения о наличии у лица права на получение налогового вычета.

Решая проблему разграничения составов уклонения и мошенничества в сфере налогообложения, на наш взгляд, законодателю необходимо закрепить состав «налогового мошенничества» в ст. 159.7 УК РФ, сформулировав диспозицию статьи следующим образом: «мошенничество в сфере налогообложения, то есть хищение денежных средств из бюджета бюджетной системы Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований при возмещении налога, сбора, страховых взносов, путем включения заведомо ложных сведений в налоговую декларацию или иные документы, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным».

Кроме того, в целях стимулирования возмещения причиненного бюджету ущерба, необходимо внести изменения в ст. 76.1 УК РФ (часть 2), указав среди оснований освобождения от уголовной ответственности возмещение ущерба лицом, совершившим впервые преступление, предусмотренное ст. 159.7 УК РФ. Здесь следует обратить внимание на позицию Конституционного суда РФ, указавшего на то, что установление неодинаковых условий для освобождения от уголовного преследования лиц, совершивших разные преступления (разграничение ст. ст. 159 и 198, 199 УК РФ), направлено на достижение целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений, и тем самым – защиты личности, общества и государства от преступных посягательств [18]. Вместе с тем, установление специальных оснований для освобождения от уголовной ответственности за налоговое мошенничество, на наш взгляд, может стать одним из направлений гуманизации уголовно-правовой политики, позволяющей в условиях серьезной санкционной нагрузки на экономику Российской Федерации обеспечить беспереывную деятельность предпринимателей,

которые могли бы активно создавать необходимые для импортозамещения товары, оказывать услуги. Кроме того, уплата в бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причиненного ущерба (даже за исключением недоимки, поскольку в данном случае она не образуется), само по себе, уже оказывает сильное превентивное влияние на лицо, решившее ввести в заблуждение налоговый орган. На необходимость снижения «репрессивного давления» на хозяйствующих субъектов в кризисный период указывает и внесенный в Государственную Думу законопроект об объявлении амнистии в отношении граждан Российской Федерации, совершивших преступления небольшой и средней тяжести в сфере экономики, к числу которых предложено отнести, среди прочего, ч. 1, 2, 3 ст. 159, ч. 1 ст. 199 УК РФ.

Для приведения в соответствие норм материального и процессуального права, на наш взгляд, в ч. 2 ст. 140 УПК РФ необходимо внести изменения, указав, что «поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159.7, 198 – 199.2 УК РФ, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

В 2020 году блок норм, регулирующих вопросы уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений, претерпел изменения: был изменен механизм исчисления крупного и особо крупного размера неуплаченного налога. Прежняя модель исчисления предполагала альтернативу: исчисление в твердой денежной сумме или в процентах, что позволяло учесть особенности различных налогоплательщиков в целях обеспечения справедливости при дифференциации уголовного наказания, когда речь шла, например, об исчислении налоговой обязанности организации, исходя из показателей ее предпринимательской деятельности, принадлежащего ей имущества, обособленного от имущества ее учредителей и участников и др. Новая модель исчисления предполагает применение только твердых сумм неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов за период в пределах трех финансовых лет подряд. При этом в рассчитываемую сумму входит только сумма недоимки, за исключением штрафа и пени, хотя в случае освобождения лица от уголовной ответственности по ст. 198 УК РФ, наряду с недоимкой, необходимо оплатить сумму штрафа и пеней, а по ст. 199 УК РФ – сумму штрафа.

Введение законодателем в примечание к ст. 198 УК РФ конструкции крупного размера, посредством установления требования к продолжительности периода времени, в течение которого формируется недоимка, – 3 финансовых года, порождает ряд практических вопросов: каким образом подсчитывается причиненная недоимка по многоэпизодным преступлениям? В какой момент считать деяние оконченным? Как влияет направленность умысла на исчисление размера недоимки по многоэпизодным преступлениям? Можно ли относить составы уклонения к продолжаемым преступлениям?

Наглядным примером является приговор Свердловского районного суда г. Костромы по делу № 1-137/2019, оставленный без изменения апелляционным постановлением Костромского областного суда по делу № 22-799/2019. Первоначально лицу было предъявлено обвинение в совершении двух преступлений (ч. 1 ст. 198 УК РФ), разделённых по налоговым периодам – за 2011–2013 гг. и за 2014–2015 гг. Суд объединил эпизоды и по первому эпизоду, в связи с истечением сроков давности, производство прекратил. Суд апелляционной инстанции, рассмотрев жалобу

стороны о необходимости эпизодной квалификации, указал следующее: «три финансовых года подряд, подлежащих учёту при исчислении недоимки, представляют собой минимальный период, за который налогоплательщик может быть привлечён к уголовной ответственности при неуплате им соответствующей части налога. И в том случае, если этот временной период составляет большую продолжительность, а также, если сумма недоимки превысит одновременно 2 700 000 рублей, это позволяет квалифицировать такое деяние как одно продолжаемое преступление, состоящее из ряда тождественных действий, объединённых единым умыслом на сокрытие доходов от налогообложения, поэтому доводы жалобы в этой части о необходимости его эпизодной квалификации по признаку цикличности, суд находит не состоятельными» [19].

Таким образом, момент окончания длящегося преступления (авторы настоящего исследования исходят из того, что под длящимся преступлением в науке уголовного права понимается действие или бездействие, сопряжённое с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования) рассчитывается по последнему эпизоду, и за совершенные деяния по первым эпизодам лицо не освобождается от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, а недоимка за все эпизоды, объединённые единым умыслом, суммируется, образуя тем самым обязательный признак преступления с материальным составом – крупный размер.

Подводя итог настоящему исследованию, следует отметить, что уголовный закон в части установления ответственности за преступления в сфере налогообложения достаточно динамичен: с учетом изменяющейся макроэкономической ситуации, увеличения санкционной нагрузки, в целях стимулирования предпринимателей к производству импортозамещающих товаров и услуг и снижения нагрузки на отечественных производителей со стороны правоохранительных органов изменилась процедура возбуждения уголовных дел, на рассмотрении нижней палаты Парламента находится законопроект об объявлении экономической амнистии. Вместе с тем, гуманизация уголовно-правовой политики требует и однозначности в формулировании составов преступлений, отнесенных к числу налоговых, четкого разграничения их с мошенничеством, в связи с чем авторами предложено внести изменения в главу 21 УК РФ путем закрепления ст. 159.7 УК РФ в следующей редакции: «мошенничество в сфере налогообложения, то есть хищение денежных средств из бюджета бюджетной системы Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований при возмещении налога, сбора, страховых взносов, путем включения заведомо ложных сведений в налоговую декларацию или иные документы, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным».

Список литературы:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Проспект, 2022. – 62 с. – Текст: непосредственный.
2. О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов: Федеральный закон № 51-ФЗ от 04.03.2022: [принят Государственной Думой 26.11.2020; одобрен Советом Федерации 02.12.2020]. – Электронные текстовый данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380/ (дата обращения: 11.06.2022).

3. В СКР оценили ущерб от налоговых преступлений в 58 млрд рублей в год [Текст] // Ведомости: [сайт]. – Москва: 2022. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/01/17/905010-uscherb-nalogovih-prestuplenii> (дата обращения: 23.05.2022). – Режим доступа: общий. – Текст: электронный.
4. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: сайт. – Москва, 2022. – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 24.05.2022). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. – Текст: электронный.
5. Судебная статистика РФ: уголовное судопроизводство: данные о назначенном наказании по статьям УК: сайт. – Москва, 2022. – URL: <http://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 28.05.2022). – Режим доступа: для авторизованных пользователей. – Текст: электронный.
6. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N 48 г. Москва "О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления". – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712/ (дата обращения: 26.05.2022).
7. О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон № 51-ФЗ от 04.03.2022: [принят Государственной Думой 04.03.2022; одобрен Советом Федерации 04.03.2022]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411111/ (дата обращения: 25.05.2022).
8. <Письмо> ФНС России "О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)" (вместе с "Методическими рекомендациями "Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)", утв. СК России, ФНС России) [утв. 13.07.2017 N ЕД-4-2/13650@]. – Электронный ресурс. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220597/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/.
9. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного суда РФ от 04.03.2021 N 5-П г. Москва "По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова". – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378650/ (дата обращения: 21.05.2022).
10. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного суда РФ от 22.07.2020 N 38-П г. Москва "По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова". – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358137/ (дата обращения: 20.05.2022).
11. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 г. Москва "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате". – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 03.06.2022).
12. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 25.04.2018 года по делу № 22-2431/18. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: kraevoi-krd.sudrf.ru (дата обращения: 02.06.2022).
13. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 07.02.2018 года по делу № 22-763/18. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: oblsud--ros.sudrf.ru (дата обращения: 26.05.2022).
14. Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 27.09.2017 года по делу № 22-2217/17. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: vs--komi.sudrf.ru (дата обращения: 19.05.2022).
15. Трохов, С.В. Незаконное возмещение налога на добавленную стоимость: вопросы уголовно-правовой квалификации / С.В.Трохов // Судья. – Москва, 2020. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/podborki/ugolovnaya_otvetstvennost_za_nezakonnoe_vozmeschenie_nds/ (дата обращения: 06.06.2022).
16. Васильева, М.В. Мероприятия по пресечению налоговых преступлений и уклонений от уплаты налогов физическими лицами / М.В. Васильева М.В., Л.В. Перекрестова, Г.Я. Чухнина. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/meropriyatiya-po-presecheniyu-nalogovyh-prestupleniy-i-ukloneniy-ot-uplaty-nalogov-fizicheskimi-litsami-1> (дата обращения: 27.05.2022).

17. Белов, Е.В., Харламова, А.А. Налоговые преступления: уголовная ответственность, проблемы квалификации. Научно-практическое пособие / Е.В. Белов, А.А. Харламова: под ред. Н.Г.Каднива. - Электронные текстовые данные. - Режим доступа: https://www.studmed.ru/belov-e-v-harlamova-a-analogovye-prestupleniya-ugolovnaya-otvetstvennost-problemy-kvalifikacii_4254b556a87.html (дата обращения: 22.05.2022).
18. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного суда РФ от 09.07.2019 N 27-П г. Москва "По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова". - Электронные текстовые данные. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328817/ (дата обращения: 05.06.2022).
19. Приговор Свердловского районного суда г. Костромы по делу № 1-137/2019 от 12 сентября 2019 г. - Текст: электронный. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/v7y3WrgRХ6m1/> (дата обращения: 01.06.2022).

Skvortsova O.V., Zitulaeva D.A. Criminal responsibility for tax offenses: problems of differentiation and legislative novelties // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. - 2022. - Т. 8 (74). № 4. - P. 299-315.

The article is devoted to the analysis of the current practice of applying articles 159, 198, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation, with consideration of legislative novelties that have affected both substantive and procedural aspects of the activities of bodies for evaluating committed acts in the financial and budgetary sphere of the state. The paper presents statistical data on the number of crimes disclosed and undisclosed by the bodies of preliminary investigation both on the territory of the Russian Federation as a whole and on the territory of the Republic of Crimea, the judicial practice of applying Articles 159, 198, 199 and the problems of their differentiation are analyzed, ways of overcoming the imperfections of the criminal legislation in prevention of tax crimes and tax fraud.

Keywords: tax crime, tax fraud, budget, arrears, taxpayer.

Spisok literatury:

1. Rossiyskaya Federatsiya. Konstitutsiya (1993). Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: ofits. tekst. - M.: Prospekt. 2022. - 62 s. - Tekst: neposredstvennyy.
2. O federal'nom byudzhete na 2021 god i na planovyy period 2022 i 2023 godov: Federal'nyj zakon № 51-FZ ot 04.03.2022: [prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 26.11.2020; odobren Sovetom Federacii 02.12.2020]. - Elektronnyye tekstovyye dannyye. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380/ (data obrashcheniya: 11.06.2022).
3. V SKR otsenili ushcherb ot nalogovykh prestupleniy v 58 mlrd rubley v god [Tekst] // Vedomosti: [sayt]. - Moskva: 2022. - URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/01/17/905010-uscherb-nalogovih-prestuplenii> (data obrashcheniya: 23.05.2022). - Rezhim dostupa: obshchiy. - Tekst: elektronnyy.
4. Portal pravovoy statistiki Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii: sayt. - Moskva. 2022. - URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (data obrashcheniya: 24.05.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistr. polzovateley. - Tekst: elektronnyy.
5. Sudebnaya statistika RF: ugolovnoye sudoproizvodstvo: dannyye o naznachennom nakazanii po statiam UK: sayt. - Moskva. 2022. - URL: <http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17> (data obrashcheniya: 28.05.2022). - Rezhim dostupa: dlya avtoriz. polzovateley. - Tekst: elektronnyy.
6. «KonsultantPlyus» [Elektronnyy resurs]: Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26.11.2019 N 48 g. Moskva "O praktike primeneniya sudami zakonodatelstva ob otvetstvennosti za nalogovyye prestupleniya". - Elektronnyye tekstovyye dannyye. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712/ (data obrashcheniya: 26.05.2022).
7. O vnesenii izmeneniy v stati 140 i 144 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyj zakon № 51-FZ ot 04.03.2022: [prinyat Gosudarstvennoj Dumoy 04.03.2022; odobren Sovetom Federatsii 04.03.2022]. - Elektronnyye tekstovyye dannyye. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411111/ (data obrashcheniya: 25.05.2022).
8. FNS Rossii "O napravlenii metodicheskikh rekomendatsiy po ustanovleniyu v khode nalogovykh i protsessualnykh proverok obshchestvennykh interesov svidetelstvuyushchikh ob umysle v deystviyakh dolzhnostnykh lits nalogoplatelshchika, napravlennom na neuplatu nalogov (sborov)" (vmeste s "Metodicheskimi rekomendatsiyami "Ob issledovanii i dokazyvanii faktov umyshlennoy neuplaty ili nepolnoy uplaty summ naloga (sborov)". utv.

SK Rossii. FNS Rossii) [utv. 13.07.2017 N ED-4-2/13650@]. – Elektronnyy resurs. – Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220597/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/

9. «KonsultantPlyus» [Elektronnyy resurs]: Postanovleniye Konstitutsionnogo suda RF ot 04.03.2021 N 5-P g. Moskva "Po delu o provere konstitutsionnosti chasti pervoy stati 159 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.V. Kalugarovaya". – Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378650/ (data obrashcheniya: 21.05.2022).

10. «KonsultantPlyus» [Elektronnyy resurs]: Postanovleniye Konstitutsionnogo suda RF ot 22.07.2020 N 38-P g. Moskva "Po delu o provere konstitutsionnosti chasti tretyey stati 159 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina M.A. Litvinova". – Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358137/ (data obrashcheniya: 20.05.2022).

11. «KonsultantPlyus» [Elektronnyy resurs]: Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 N 48 g. Moskva "O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate". – Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (data obrashcheniya: 03.06.2022).

12. Apellyatsionnoye postanovleniye Krasnodarskogo krayevogo suda ot 25.04.2018 goda po delu № 22-2431/18. - Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa: kraevoi-krd.sudrf.ru (data obrashcheniya: 02.06.2022).

13. Apellyatsionnoye opredeleniye Rostovskogo oblastnogo suda ot 07.02.2018 goda po delu № 22-763/18. - Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa: oblsud--ros.sudrf.ru (data obrashcheniya: 26.05.2022).

14. Apellyatsionnoye opredeleniye Verkhovnogo suda Respubliki Komi ot 27.09.2017 goda po delu № 22-2217/17. - Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa: vs--komi.sudrf.ru (data obrashcheniya: 19.05.2022)

15. Trokhov. S.V. Nezakonnoye vozmeshcheniye naloga na dobavlenuyu stoimost: voprosy ugolovno-pravovoy kvalifikatsii / S.V.Trokhov // Sudia. – Moskva. 2020. - Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa:

http://www.consultant.ru/law/podborki/ugolovnaya_otvetstvennost_za_nezakonnoe_vozmeschenie_nds/ (data obrashcheniya: 06.06.2022).

16. Vasilyeva. M.V. Meropriyatiya po presecheniyu nalogovykh prestupleniy i ukloneniya ot uplaty nalogov fizicheskimi litsami / M.V. Vasilyeva M.V., L.V. Perekrestova. G.Ya. Chukhnina. - Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/meropriyatiya-po-presecheniyu-nalogovykh-prestupleniy-i-ukloneniy-ot-uplaty-nalogov-fizicheskimi-litsami-1> (data obrashcheniya: 27.05.2022).

17. Belov. E.V., Kharlamova. A.A. Nalogovyye prestupleniya: ugolovnaya otvetstvennost. problemy kvalifikatsii. Nauchno-prakticheskoye posobiye / E.V. Belov. A.A. Kharlamova: pod red. N.G.Kadniva. - Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa: https://www.studmed.ru/belov-e-v-harlamova-a-a-nalogovye-prestupleniya-ugolovnaya-otvetstvennost-problemy-kvalifikatsii_4254b556a87.html (data obrashcheniya: 22.05.2022).

18. «KonsultantPlyus» [Elektronnyy resurs]: Postanovleniye Konstitutsionnogo suda RF ot 09.07.2019 N 27-P g. Moskva "Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniy stati 199 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina D.N. Alganova". – Elektronnyye tekstovyye dannyye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328817/ (data obrashcheniya: 05.06.2022).

19. Prigovor Sverdlovskogo rayonnogo suda g. Kostromy po delu № 1-137/2019 ot 12 sentyabrya 2019 g. – Tekst: elektronnyy. – Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/regular/doc/v7y3WrgRX6m1/> (data obrashcheniya: 01.06.2022).

УДК 343.91

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Чернецкий О. К.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

На сегодняшний день наиболее эффективным способом противодействия росту преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, является профилактическая работа, начинающаяся с установления комплекса причин и условий, стимулирующих рост числа преступлений данного вида.

В силу того, что многие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков зачастую, не проявляются, находятся в латентном состоянии, понять их причины можно посредством анализа их отдельных элементов криминалистической характеристики.

Обеспечение всестороннего, полного, объективного, быстрого и эффективного расследования незаконных действий с наркотическими средствами обуславливается необходимостью разработки современной криминалистической методики, в формировании которой не последнее место отведено криминалистической характеристике и, прежде всего, такому ее элементу как личность преступника.

Изучение личности преступника в качестве субъекта преступного посягательства является одной из актуальных проблем юридической науки. Ее решением занимаются науки уголовно-правового цикла, исследующие различные аспекты этого научного направления. При этом, каждая из них дает свое определение способа преступления, пытаясь раскрыть его сущность для использования в решении собственных задач.

Ключевые слова: Личность преступника, криминалистическая характеристика преступлений, элемент криминалистической характеристики.

Незаконный оборот наркотиков является одной из самых серьёзных проблем для мирового сообщества. Противозаконная торговля давно вышла за рамки отдельно взятой страны, поэтому опасность увеличилась в несколько раз и её масштабы свидетельствуют о катастрофе, которая сопряжена с постоянно увеличивающимся количеством преступлений, связанных с оборотом запрещённых веществ. Россия может послужить показательным примером для этого утверждения, которое подкреплено статистическими данными: 2020 г. стал рекордным, поскольку число преступных деяний достигло отметки в 231, 5 тысячи, что на 5,7 % больше, чем годом ранее. В 2021 г., количество уголовных дел выросло до 235,5 тыс., что отмечено показателем увеличения в 9,5 %, если сравнить с 2020 г. соответственно [1]. Можно с уверенностью говорить о том, что положение несколько хуже, чем оно представлено Росстатом, поскольку он не отражает преступления, не попавшие под внимание правоохранительных структур в силу их латентности.

Чтобы расследования подобных преступлений оказались оперативными, всеобъемлющими и максимально эффективными необходимо разработать и внедрить соответствующие методики криминалистического значения. Кроме того, следует их совмещать с творческим подходом к расследованиям и своевременным применением специализированных знаний и навыков, которые образуются в течении следственной деятельности. Злодеяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков, несут в себе огромную общественную опасность, но правоприменительная практика показывает, что этот фактор учитывается далеко не всегда, что позволяет применять

более мягкие меры ответственности, так как деяние классифицируется по иным уголовным предписаниям. В большинстве случаев, это происходит по причине сложности состава преступления, состоящего из нескольких элементов, каждый из которых является отдельным законодательным нарушением.

На сегодняшний день наиболее эффективным способом противодействия росту преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, является профилактическая работа, начинающаяся с установления комплекса причин и условий, стимулирующих рост числа преступлений данного вида.

В силу того, что многие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков зачастую, не проявляются, находятся в латентном состоянии, понять их причины можно посредством анализа их отдельных элементов криминалистической характеристики.

Обеспечение всестороннего, полного, объективного, быстрого и эффективного расследования незаконных действий с наркотическими средствами обуславливается необходимостью разработки современной криминалистической методики, в формировании которой не последнее место отведено криминалистической характеристике и, прежде всего, такому ее элементу как личность преступника.

Изучение личности преступника в качестве субъекта преступного посягательства является одной из актуальных проблем юридической науки. Ее решением занимаются науки уголовно-правового цикла, исследующие различные аспекты этого научного направления. При этом, каждая из них дает свое определение способа преступления, пытаясь раскрыть его сущность для использования в решении собственных задач.

Характеристика личности преступника, осуществляющего хранение, сбыт наркотических средств включает в себя следующие данные:

- а) социально-демографические (образование, национальность, семейное положение, профессия, пол, возраст и т. д.);
- б) сведения производственно-бытового характера (поведение по месту работы, учебы, по месту жительства);
- в) сведения социально-правового характера (судимость, ранее совершенные административные правонарушения);
- г) физиологические (анатомические и функциональные признаки, биохимические особенности крови, слюны, пота и т. д.).

В первую очередь подлежит установлению количество лиц, причастных к совершению преступления. Причем, при установлении причастных к совершению преступления лиц, выясняются их анкетные данные, семейное положение, изучается характеристика с места работы и жительства, сведения о судимости и об административных правонарушениях.

К психолого-психическим особенностям личности наркосбытчика, подлежащим установлению относят: навыки, умения, устойчивые привычки, алкоголизм, наркомания, состояние в момент преступления.

Важное криминалистическое значение имеют признаки внешности и сопутствующие признаки преступника: «наличие на задержанном на теле и в вещах, находящихся при нем, следов (остатков) наркотических средств; принадлежность лицу изъятых с мест совершения незаконных действий следов, предметов, веществ и материалов и др., тары и упаковочных средств, используемых для хранения, перевозки

и пересылки наркотиков, а также сохранившихся на них следов; наличие в слюне, моче, крови данного лица наркотических средств; вменяемость лица в момент совершения преступления (отсутствие состояния, исключающего вменяемость (острый наркопсихоз, наркотический аффект и т. п.)» [2].

Проведенное исследование позволило выявить имеющие криминалистическое значение наиболее типичные социально-демографические черты, в целом присущие лицам, занимающимся незаконным оборотом наркотических средств.

Как правило, это лица достаточно молодого возраста (от 18 до 29 лет) используют более сложные способы сбыта наркотических средств, они чаще совершают преступления в организованных преступных группах, при организации тайников наркотических средств используют сложно доступные места, где наркотики не обнаруживаются. Наличие у преступника профильного образования или особых преступных навыков, что чаще имеет место среди лиц средней возрастной категории, позволяет им совершать преступления посредством новых информационных технологий, избегая личного контакта с потребителями наркотических средств.

Основными характеристиками личности преступников, сбывающих наркотические средства бесконтактным способом, являются: возраст 18–28 лет; среднее техническое, высшее или незаконченное высшее образование; познания в области компьютерной техники и информационных технологий; знание о финансовых операциях, например, особенностях движения денежных средств по счетам, вкладам и депозитам, возможностях системы безналичного расчета через электронные системы оплаты.

С точки зрения криминалистики не менее важно учитывать образованность лица, продающего наркотики. Когда такое лицо закончило высшее учебное заведение по специальности в области медицины, биологии, химии, то вероятно оно обладает достаточными знаниями о специфике тех и или иных наркотиков, их воздействии, эффекте. Такой человек знаком со специальным оборудованием и техническими средствами, химикатами, реагентами и понимает механику химических процессов. Этот момент, кстати, часто упоминается в литературе, что большинство производителей наркотиков так или иначе имеют отношение к химии, фармакологии и биологии, и что удивительно – гораздо реже медицины.

К примеру, Петрозаводский городской суд Республики Карелия признал гражданина Хайрулина А. Д. виновным в совершении преступлений по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации и по ч. 2 ст. 232 УК РФ, с наказанием в виде тюремного заключения.

Анализируя дело стало ясно, что Хайруллин А. Д. и Иванов А. А., сговорившись о совместных действиях, нашли необходимое помещение для производства дезоморфина, которое было расположено в квартире их знакомого. В этой квартире указанные лица, будучи осведомлены о технологии производства наркотика из доступных медикаментов и реактивов, продажа которых не ограничена законодательством, производили дезоморфин и разделяли готовый продукт на дозы в шприцах.

Полученный незаконный доход от продажи наркотиков указанные лица присваивали в равных частях, а также расходовали на покупку необходимого сырья для дальнейшего производства наркотика [3].

Также из судебной практики – Петрозаводский городской суд Республики Карелия признал виновным гражданина Петрова А.В. в совершении преступления по п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, а именно «незаконное производство наркотических средств, психотропных веществ, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере».

Анализируя дело становится ясно, что у гражданина Петрова были свои гаражи, в которых он должен был разрешить осуществлять постоянное изготовление наркотиков в крупном размере, в том числе психотропных определенному лицу. Это лицо, в отношении которого заведено самостоятельное уголовное производство, собрало необходимые сведения из тематических сайтов в сети Интернет, а также других источников, которые позволяли изготавливать данные наркотики, в том числе психотропные в «домашних» условиях. Согласно договоренности, это лицо обязалось показать и рассказать обвиняемому Петрову всю процедуру, методику и нюансы изготовления, а также подготовить необходимые технические средства, оборудование и материалы для производственного процесса, и в дальнейшем передать их обвиняемому Петрову, разместив их в гаражах. Также согласно договоренностям, данное лицо отвечало за поставку сырья, ингредиентов и реактивов для производства, и доставку их на место изготовления [4].

В современном мире, осведомленность и доступность всей необходимой информации, в том числе посредством сети Интернет дает возможность реализаторам наркотиков использовать новые методики производства уже существующих давно наркотических веществ, в том числе изобретать новые.

Стоит подчеркнуть, что большинство участников неправомерного оборота наркотиков имеют проблемы со здоровьем, в частности, гепатит А, В., ВИЧ/СПИД и пр. Подтверждение данных болезней у подозреваемого зачастую обозначает существование у него наркотической зависимости, то есть данное лицо вероятнее всего и употребляет наркотики, и продает их. Изучение материалов следователей и судебных органов позволяет утверждать, что большая часть преступников оправдывают свои незаконные действия в сфере оборота наркотиков потребностью материально обеспечивать собственное лечение указанных серьезных болезней либо неспособностью зарабатывать как-либо иначе.

В качестве наркокурьеров нередко встречаются женщины. Зачастую такое решение обусловлено тем фактом, что девушка или женщина меньше привлечет внимание, тем более если при перевозке наркотиков с ней будут дети. Использование женщин в качестве наркокурьеров и реализаторов свойственно для криминальных сообществ на этнической основе.

К примеру, Петрозаводский городской суд Республики Карелия признал виновной гражданку Ананьеву А. А. в совершении преступления по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

Виновная обвиняется в том, что намеревалась неправомерно продать наркотики посредством телекоммуникационных средств связи, в частности «Интернет», состоя в группе лиц с признаками предварительного сговора, в крупном размере. Указанное преступление не было завершено в виду независящих от обвиняемой причин.

На основании материалов дела мы видим, что обвиняемая, выполняя свои согласованные в группе функции, по распоряжению неизвестного лица собирать из «тай-

ников» определенный объем наркотиков. Далее, при помощи цифровых весов разделять партию и фасовать на готовые к реализации дозы, которые в дальнейшем относить в «тайники» в городской черте г. Петрозаводска, после чего уведомлять неизвестное лицо о точном месторасположении данных «тайников» с уже готовыми разовыми дозами внутри.

В процессе рассмотрения дела, обвиняемая сказала, что решила продавать наркотики в виду неблагоприятного материального положения, в частности, «натянутых» отношений с ее родителями, которые не давали деньги даже на одежду, поэтому заработать она решила самостоятельно. Время от времени в кругу друзей она покупала наркотические вещества бесконтактным методом посредством интернет-магазинов. В виду неблагоприятного материального положения, она согласилась на «работу» закладчиком разных наркотиков через приложение в интернет-магазине [5].

Существенная доля преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков осуществляется группой лиц по предварительному сговору. Следовательно, с точки зрения криминалистической характеристики, необходимо выявить и раскрыть признаки самой преступной группы. В действительности, большая доля преступлений этой категории осуществляются группой лиц.

Также часто преступниками по данным противоправным деяниям являются лица, имеющие в прошлом судимости и сроки тюремного заключения за имущественные преступления, и преступления в сфере неправомерного оборота наркотиков. До привлечения к уголовной ответственности потребляли наркотики уже длительное время и состояли на учете в наркологическом диспансере. Часто употребляемым наркотиком является марихуана и ее производные, на втором месте героин.

Таким образом, сведения о личности преступника, как элемента криминалистической характеристики преступлений связанных с незаконным оборотом наркотиков, необходимы для формирования составляющих частные криминалистические методики криминалистических рекомендаций, касающихся: особенностей выдвижения и проверки версий о круге лиц, среди которых необходимо распознать потенциального подозреваемого (т.е., проведения групповой диагностики); использования в расследовании данных о взаимосвязи типовых способов и обстановки преступления с определенными характеристиками таких преступников; составления в ходе расследования криминалистического прогноза посткриминального поведения преступника, в том числе для преодоления противодействия расследованию; определения тактики проведения отдельных следственных действий применительно к видам типичных преступников; выявления связи между разными преступлениями определенного вида (подвида), как раскрытыми, так и нераскрытыми.

Список литературы:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mvd.ru/reports/item/2994866/>
2. Попова В. В. Особенности расследования преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота наркотических средств.. (психотропных веществ): учеб.-практ. Пособие. Самара, 2014. С. 21.
3. Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 12 сентября 2012 года в отношении Хайруллина А. Д. // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/m6iYd3QVxp6O/>
4. Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 22 декабря 2014 года в отношении Горбунова Н. М. // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/cZsu09EHvYxR/>

5. Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия № 1–623/2017 от 31 августа 2017 г. по делу № 1–623/2.

Cherneckij O. K. The role of the criminal's personality in the investigation of crimes related to drug trafficking // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 4. – P. 316-321.

To date, the most effective way to counter the growth of crimes related to drug trafficking is preventive work, which begins with the establishment of a set of causes and conditions that stimulate the increase in the number of crimes of this type.

Due to the fact that many crimes related to drug trafficking often do not manifest themselves, are in a latent state, it is possible to understand their causes by analyzing their individual elements of criminalistic characteristics.

Ensuring a comprehensive, complete, objective, rapid and effective investigation of illegal actions with narcotic drugs is conditioned by the need to develop a modern forensic methodology, in the formation of which not the last place is given to the criminalistic characteristic and, above all, its element such as the identity of the criminal.

The study of the criminal's personality as a subject of criminal encroachment is one of the urgent problems of legal science. Its solution is dealt with by the sciences of the criminal law cycle, exploring various aspects of this scientific direction. At the same time, each of them gives its own definition of the method of crime, trying to reveal its essence for use in solving its own problems.

Keywords: Criminal personality, criminalistic characteristics of crimes, element of criminalistic characterization.

Spisok literatury:

1. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii, v tom chisle v Krymskom federal'nom okruge [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://mvd.ru/reports/item/2994866/>
2. Popova V. V. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, sovershennyh v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv.. (psihotropnyh veshchestv): ucheb.-prakt. Posobie. Samara, 2014. S. 21.
3. Prigovor Petrozavodskogo gorodskogo suda Respubliki Kareliya ot 12 sentyabrya 2012 goda v otnoshenii Hajrullina A. D. // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/m6iYd3QBxp6O/>
4. Prigovor Petrozavodskogo gorodskogo suda Respubliki Kareliya ot 22 dekabrya 2014 goda v otnoshenii Gorbunova N. M. // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/cZsu09EHvYxR/>
5. Prigovor Petrozavodskogo gorodskogo suda Respubliki Kareliya № 1–623/2017 ot 31 avgusta 2017 g. po delu № 1–623/2.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 342.951; 342.5

**ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ
ПРАВОНАРУШЕНИИ ПРОКУРОРОМ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Анкудинова Я. С.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Автором в статье представлен анализ проблемных вопросов возбуждения дела об административном правонарушении прокурором. Как приоритетные направления изучения в рамках данной статьи выделены: вопрос исключения фактов подмены прокурором полномочий других органов уполномоченных возбуждать дела об административных правонарушениях, расхождения в КоАП РФ трактовки права прокурора на возбуждения производства или дела об административном правонарушении, несоответствия положений норм Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и КоАП РФ в части привлечения к ответственности граждан прокурором, тема административного преследования как функции прокуратуры, полномочия прокурора относительно вынесения определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. В заключении автором предлагается ряд обоснованных позиций по внесению изменений в законодательство с целью исключения некоторых проблемных вопросов в данной тематике.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, административные правонарушения, производства по делам об административных правонарушениях, возбуждение дела об административном правонарушении, прокурорская деятельность.

Развитие государства «предполагает выявление, познание и использование новых закономерностей, принципов и методов, что является задачей научного знания и его высшего уровня – теории» [1], данный процесс обуславливает и необходимость выявления актуальных теоретических вопросов, выступающих предметом научного интереса.

В современных условиях «целесообразно выделить такое перспективное направление как участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» [2]. Это обусловлено принятием большого количества поправок в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях разработка проекта нового КоАП РФ, который «вряд ли заработает без проведения ряда сопутствующих реформ, которые будут затрагивать большинство сфер государственной деятельности и работы органов государственной власти, в том числе и органов прокуратуры, как одного из основных гарантов соблюдения конституционных прав» [3, с. 56].

Тема участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях встречается в положения трудов таких, ученых как: Бахрах Д.Н. [4], Басов С.Л. [5], Винокуров А.Ю. [6], Стуканов А.П. [7], Маматов М.В. [8]. Актуальность изучения данного вопроса подтверждается рядом диссертационных исследований, затрагивающих вопрос участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях, что выступает обоснованием актуальности данного направления как сферы научного исследования, так диссертации в данном

направлении написаны Гриценко Д. В. [9], Ломакиным В.И. [10], Медеевым Ю.В. [11], Моренко К.В. [12], Рябус О.А. [13], Хазикова В.Н. [14].

Стоит отметить, что прокурор в производстве по делам об административных правонарушениях занимает особое место, так как совокупностью подобных полномочий не обладает ни один из участников производства по делам об административных правонарушениях. Одной из особенностей статуса прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях выступает и его право на возбуждение дела об административном правонарушении.

Целью рассмотрения вопроса возбуждения дела об административном правонарушении прокурором выступает выявление основных спорных и проблемных моментов в данном вопросе, установление основных направлений развития научной мысли и проработка практических сложностей в указанной тематике.

1. Вопрос исключения фактов подмены прокурором полномочий других органов уполномоченных возбуждать дела об административных правонарушениях.

2. Существует объективная необходимость изучения вопроса расхождения в КоАП РФ трактовки права прокурора на возбуждения производства (ст.25.11) или дела (ст. 28.4) об административном правонарушении, к данной теме обращены работы Винокурова К.Ю. [15], Зрелова А.П. [16].

3. Проблемным выступает факт несоответствия положений норм Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и КоАП РФ в части привлечения к ответственности граждан прокурором, к данной проблематике в своих трудах обращались Винокуров А.Ю. [6], Винокуров К. [15], Гадиятова М.В. [17].

4. Актуальной выступает тема административного преследования, как отмечает А.Ю. Винокуров «функция административного преследования и ее отдельные аспекты требуют детального исследования на диссертационном уровне» [18].

5. Актуальными к обсуждению выступают полномочия прокурора относительно вынесения определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении и процессуальном аспекте отказа прокурора в возбуждении дела об административном правонарушении в связи с тем, что в этом направлении должных научных исследований нет, за исключением работы Субановой Н.В. [19]

В целях пресечения правонарушений, а также реализации полномочий прокурора по защите прав, свобод и законных интересов граждан, в соответствии с ч. 1 ст. 25 Федерального закона от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» ему предоставлено право выносить мотивированное постановление о возбуждении производства об административном правонарушении.

Аналогичные полномочия прокурора предусмотрены п. 1 ч. 1 ст. 25.11 КоАП РФ и ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ, закрепляющей право прокурора при осуществлении надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, возбудить дело о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации.

Здесь стоит уделить внимание вопросу исключения подмены прокурором полномочий других органов уполномоченных возбуждать дела об административных правонарушениях. На такой необходимости внимание акцентируется и в Приказе Генерального прокурора №78 от 19.02.2015.

В частности, возбуждение прокурором дела об административном производстве оправдано, когда уполномоченные органы не в полной мере реагируют на наличие факта правонарушения. Что обосновывает необходимость права прокурора вмешиваться, реализуя принцип неотвратимости ответственности. Действия прокурора по фактам выявленных правонарушений должны иметь избирательный подход к применению мер реагирования с целью не подменять органы контроля.

Хотелось бы акцентировать внимание на расхождении в КоАП РФ относительно трактовки права прокурора на возбуждения производства (ст.25.11) или дела (ст. 28.4) об административном правонарушении. На основании анализа практики прокурорской деятельности выявлены различные подходы к оформлению указанного постановления, отсутствие единообразия.

Нет и однозначного решения и в рамках научных исследований так позиции необходимости указывать в наименовании трактовки, обозначенной ст. 25.11 КоАП РФ – возбуждать производство по делу об административном правонарушении придерживается Винокуров К.Ю. [14], А.П. Зрелов полагает целесообразным вынесение «постановления о возбуждении дела об административном правонарушении по правилам 28.2 КоАП РФ, а по результатам прокурорского расследования постановление об административном правонарушении» [16].

В силу сложившейся практики логично закрепить право прокурора на составление постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, с учетом тождественности данного постановления протоколу об административном правонарушении в силу положений ч. 2 ст. 28.4 КоАП РФ.

Сразу стоит отметить, что на сегодняшний день существует факт несоответствия положений норм Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и КоАП РФ в части субъекта в отношении которого прокурор может выносить постановление о возбуждении производства по делу об административном правонарушении, к данной проблематике в своих трудах обращались Винокуров А.Ю. [6], Винокуров К. [15], Гадиятова М.В.[17], рассматривал указанную проблематику в своей работе Гриценко Д.В.[9] основным доводом здесь выступает то, что предметом прокурорского надзора является деятельность органов власти и их должностных лиц.

Положения статьи ст. 25 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляющие право прокурора выносить мотивированное постановление о возбуждении производства об административном правонарушении в отношении должностного лица, противоречат положениям ст. 28.4 КоАП РФ, которая содержит составы правонарушений, предусматривающие возможность привлечения к ответственности граждан. Что на практике приводит к возбуждению дел прокурором в отношении физических лиц.

В связи с чем полагаем возможным акцентировать внимание на данной проблематике и согласится с предложением Гриценко Д.В. относительно необходимости внесения дополнений ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ словами «...совершенном юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем либо должностным лицом, ответственность за которое предусмотрена настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации» [6, С. 10] в силу отсутствия урегулирования данного вопроса на сегодняшний день в том числе и в Проекте КоАП РФ в ст. 44.1 продублировано положение действующей редакции КоАП РФ относительно возможности прокурором возбудить дело о любом другом административном правонарушении [20].

Стоит отметить, что в Грузии и Туркменистане предусмотрена возможность привлечения и преследования в административном порядке как должностных лиц, так и граждан.

Ст. 28.4 КоАП РФ установлена исключительная компетенция прокурора по возбуждению дел об административных правонарушениях.

При проведении анализа Проекта КоАП РФ выявлен ряд составов административных правонарушений, которые хотя и сохранились в Проекте, но отнесены к исключительной компетенции прокурора не были, и соответственно в ст. 44.1 Проекта КоАП РФ не предусмотрены.

Исходя из анализа данных Проекта КоАП РФ не ясна мотивация законодателя по невключению определенных составов в исключительную компетенцию прокурора. Считаю целесообразным предусмотреть в ст. 44.1 Проекта КоАП РФ следующие составы административных правонарушений в силу высокой общественной опасности и требующих дополнительного контроля со стороны органов прокуратуры: ст. 9.8. Создание юридическим лицом условий для торговли детьми и (или) эксплуатации детей, 9.9. Изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов, 34.40. Нарушение порядка предоставления земельных или лесных участков либо водных объектов, 13.8. Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности.

В рамках изучения вопроса возбуждения дел об административных правонарушениях прокурором и проведения им административного расследования научным сообществом обсуждается тема административного преследования как функции прокуратуры в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Как отмечает А.Ю. Винокуров функция административного преследования и ее отдельные аспекты требуют детального исследования на диссертационном уровне [18].

Основополагающую роль в данном направлении играют роль работы Винокурова А.Ю., впервые данная тематика была обсуждена в его статье 2012 года [21] и в дальнейшем прорабатывалась в рамках публикаций автора [22]. Указанная тематика прослеживается в трудах Воронина О.В. [23], Григорьева В.Н. [24], Илия С.К. [25], Маматова М.В. [8], Субановой Н.В. [19].

Считаем, что деятельность прокурора по возбуждению дела об административном правонарушении и проведению административного расследования в соответствии с полномочиями, установленными законами, необходимо рассматривать в качестве административного преследования, как функции.

Указанная позиция подтверждается введением гл. 29.1 Правовая помощь по делам об административных правонарушениях, с указанием на такой вид деятельности как административное преследование, при этом не раскрывая данное понятие. Винокуров А.Ю. определяет административное преследование как «системное понятие, характеризующееся совокупностью реализуемых прокурорами полномочий, формирующих самостоятельную функцию, подчиненную задачам законодательства об административных правонарушениях, изложенным в ст. 1.2 КоАП РФ, и способствующую достижению целевых установок, адресованных

прокуратуре РФ в п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре.» [26].

Административного преследование стоит понимать, как совокупность полномочий, которыми наделен прокурор, его заместитель по осуществлению процессуальной деятельности прокуроров в рамках производства по делам об административных правонарушениях, направленную на привлечение к административной ответственности субъекта, совершившего правонарушение.

Рассматривая далее вопросы, требующие внимания стоит отметить, что итоговым решением на стадии возбуждения дела об административном правонарушении может выступать отказ в возбуждении дела. Удачно будет применение такой формы акта как представление, чем определение в силу того, что в рамках производства по делу об административном правонарушении в форме определения принимаются чаще текущие процессуальные решения.

В связи с чем логично изложить ч. 5. ст. 28.1. с в следующей редакции «5. В случае отказа в возбуждении дела об административном правонарушении при наличии материалов, сообщений, заявлений, указанных в пунктах 2 и 3 части 1 настоящей статьи, должностным лицом, рассмотревшим указанные материалы, сообщения, заявления, выносится мотивированное представление об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении».

О полномочиях прокурора относительно вынесения определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении и процессуальном аспекте отказа прокурора в возбуждении дела об административном правонарушении должных научных исследований нет, за исключением работы Субановой Н. В. [27].

Обязанность по вынесению определения об отказе о возбуждении дела об административном правонарушении с учетом наличия материалов, сообщений, заявлений, предусмотренных п. п. 2, 3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП будет возлагаться на прокурора исключительно в отношении тех составов, которые предусмотрены в ч. 1 ст. 28.4 КоАП. В случае вынесения определений об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях, не перечисленных в ч. 1 ст. 28.4 КоАП прокурор, как представляется, подменяет деятельность административно-юрисдикционных органов, тем самым принимая на себя риск обжалования принятого решения.

Практика работы органов прокуратуры в данном направлении идет разными путями. Существует практика, когда вопреки требованиям закона, определения об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях, перечисленных в ч. 1 ст. 28.4 КоАП, при наличии материалов, сообщений, заявлений, предусмотренных п. п. 2, 3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП, прокуроры не выносят. Либо прокуроры выносят определения об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях без учета исчерпывающе перечисленных КоАП случаев, когда их составление необходимо (т.е. без материалов, сообщений, заявлений, указанных в п. п. 2, 3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП). Так, определения об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях выносятся по материалам самостоятельно запланированных и проведенных прокурорских проверок.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Возбуждение прокурором дела об административном производстве оправдано, когда уполномоченные органы не в полной мере реагируют на наличие факта

правонарушения. Что обосновывает необходимость права прокурора вмешиваться, реализуя принцип неотвратимости ответственности. Действия прокурора по фактам выявленных правонарушений должны иметь избирательный подход к применению мер реагирования с целью не подменять органы контроля.

2. Закрепить право прокурора на составление постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, с учетом тождественности данного постановления протоколу об административном правонарушении в силу положений ч. 2 ст. 28.4 КоАП РФ, закрепляющих необходимость содержание в постановлении прокурора содержащее сведения, предусмотренные для протокола об административном правонарушении и в те же сроки.

3. С целью разрешить несоответствие положений ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» и КоАП РФ, внести дополнение ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ словами «...совершенном юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем либо должностным лицом, ответственность за которое предусмотрена настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации».

4. Определить, что деятельность прокурора по возбуждению дела об административном правонарушении и проведению административного расследования в соответствии с полномочиями, установленными законами – это административное преследование, как функция прокуратуры.

5. Обязанность по вынесению определения об отказе о возбуждении дела об административном правонарушении с учетом наличия материалов, сообщений, заявлений, предусмотренных п. п. 2, 3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП возлагать на прокурора исключительно в отношении тех составов, которые предусмотрены в ч. 1 ст. 28.4 КоАП.

Список литературы:

1. Майдыков А.Ф. Формирование теоретических основ управления органами внутренних дел в особых условиях как одного из научных направлений развивающейся теории управления органами внутренних дел и теории социального управления // Труды Академии управления МВД России. 2014. №3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-teoreticheskikh-osnov-upravleniya-organami-vnutrennih-del-v-osobykh-usloviyah-kak-odnogo-iz-nauchnyh-napravleniy> (дата обращения: 03.09.2022).
2. Анкудинова Я.С. Участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: некоторые аспекты формирования научной мысли. Марийский юридический вестник. 2022. № 1 (37). С. 82-84.
3. Анкудинова Я.С. Генезис научной мысли в сфере развития и становления института участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – С. 56-63.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник / Бахрах Д.Н. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – 624с.
5. Басов, С.Л. Участие прокурора в административно-юрисдикционном процессе: учебное пособие / С. Л. Басов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015 — 188 с.
6. Винокуров, А.Ю., Борисов, С. В., Бут, Н. Д и др. Теоретические основы и прикладные проблемы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях / А. Ю. Винокуров, С. В. Борисов, Н. Д. Бут [и др.]; руководитель авторского коллектива А.Ю. Винокуров. – Москва: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2017. – С. 75
7. Стуканов А.П. Прокурорский надзор за соблюдением законности по делам об административных правонарушениях: Уч. пособие. СПб., 1997. 40 с.
8. Маматов, М.В. Аналитическое обеспечение деятельности прокуроров в сфере административного преследования / М. В. Маматов, И. А. Маслов // Актуальные проблемы аналитического обеспечения функциональной деятельности прокуратуры : Сборник научных статей / Научный редактор А.Ю. Ви-

- нокуров. Ответственный составитель Т.В. Раскина. – Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – С. 84-92. – EDN RXNGXR.
9. Гриценко, Д.В. Правовой статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: дисс. ... к.ю.н. - Воронеж, 2014 - 225 с.
10. Ломакин, В.И. Прокурор в производстве по делам об административных правонарушениях: дисс. ... к.ю.н. - Омск, 2006 - 170 с.
11. Медеев, М.Р. Совершенствование организационно-правовых методов надзора за производством по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... к.ю.н.: 12.00.14 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. - Москва, 2006. - 21 с
12. Моренко К.В. Прокурор в административно-деликтном производстве : автореф. дис. ... к.ю.н.: 12.00.14 - Москва, 2017. - 20 с.,
13. Рябус, О.А. Процессуальный статус участников производства по делам об административных правонарушениях: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.14. - Ростов-на-Дону, 2006. - 192 с.;
14. Хазикова, В.Н. Процессуальные гарантии участников производства по делам об административных правонарушениях в арбитражных судах: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.15 [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. - Саратов, 2011. - 208 с.
15. Винокуров К. Вынесение прокурором постановления о возбуждении производства по делу об административном правонарушении // Законность. 2003. N 11.
16. Зрелов А.П. Административное расследование особенности правового регулирования, коллизии и правовые пробелы КоАП РФ "Право и экономика", №7, июль 2004 г.
17. Гадиятова М.В. Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях // Юридическая наука. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-uchastiya-prokurora-v-rassmotrenii-del-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah> (дата обращения: 24.09.2022).
18. Винокуров А.Ю. О тематике диссертационных исследований по вопросам прокурорской деятельности. Актуальные вопросы деятельности прокуратуры Российской Федерации: сб. материалов круглого стола и науч. диспута, провед. в 2020 г. в рамках работы научно объединения «Прокурорская деятельность» / под общ. ред. Н.В. Субановой; [сост. И.А. Вавькина, Н.А. Кулакова]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – Вып. 2. – М., 2021. С.76
19. Субанова, Н.В. Деятельность прокурора по осуществлению уголовного и административного преследования: вопросы процессуальной регламентации / Н. В. Субанова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 2(46). – С. 29-35. – EDN UYYJRZ.
20. Проект Федерального закона "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" (подготовлен Минюстом России 30.01.2020) //Электронный документ // СПС КонсультантПлюс
21. Винокуров А.Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 52-56
22. Винокуров, А.Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: теоретические, правовые и организационные аспекты / А. Ю. Винокуров. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Перспектива", 2019. – 552 с. – ISBN 978-5-392-30554-4. – DOI 10.31085/9785392305544-2019-552. – EDN CWGIUO.; Винокуров, А. Ю. Новые полномочия прокурора по осуществлению административного преследования / А. Ю. Винокуров, Ю. Е. Винокуров // Образование и право. – 2019. – № 2. – С. 165-169. – EDN YAFMRN.
23. Воронин, О.В. О прокурорском административном преследовании / О. В. Воронин // Правовые проблемы укрепления российской государственности : Сборник статей / Под редакцией М. М. Журавлева, А. М. Барнашова, В. М. Зуева. – Томск : Издательство Томского университета, 2011. – С. 34-35. – EDN SWQMKL.
24. Григорьев В.Н. Административное преследование в арсенале средств обеспечения законности прокуратуры Российской Федерации (из опыта разработки нового научного направления) // Вестник ННГУ. 2019. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-presledovanie-v-arsenale-sredstv-obespecheniya-zakonnosti-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-iz-opyta-razrabotki> (дата обращения: 06.09.2022).
25. Илий С.К. Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации по административному преследованию физических и юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений // Russian Journal of Economics and Law. 2016. №4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-organov-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-po-administrativnomu-presledovaniyu-fizicheskikh-i-yuridicheskikh-lits-za> (дата обращения: 06.09.2022).
26. Винокуров, А.Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: теоретические, правовые и организационные аспекты / А. Ю. Винокуров. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Перспектива", 2019. – 552 с. – ISBN 978-5-392-30554-4. – DOI 10.31085/9785392305544-2019-552. – EDN CWGIUO.
27. Субанова Н. В. Определение прокурора об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении // Законность. 2011. № 1. С. 19-21.

Ahkudinova Y. S. Initialation of a case on administrative infringement by the prosecutor: theory and practice issues // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 4. – P. 322-330.

The author in the article presents an analysis of the problematic issues of initiating a case on an administrative offense by the prosecutor. As priority areas of study within the framework of this article, the following are highlighted: the issue of excluding the facts of substitution by the prosecutor of the powers of other bodies authorized to initiate cases of administrative offenses, discrepancies in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the interpretation of the right of the prosecutor to initiate proceedings or cases of an administrative offense, inconsistencies between the provisions of the norms of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in terms of bringing citizens to responsibility by the prosecutor, the topic of administrative prosecution as a function of the prosecutor's office, the powers of the prosecutor regarding the issuance of a ruling on the refusal to initiate a case on an administrative offense. In conclusion, the author proposes a number of reasonable positions on amendments to the legislation in order to exclude some problematic issues in this topic.

Key words: prosecutor, prosecutor's supervision, administrative offenses, proceedings on cases of administrative offenses, initiation of a case on an administrative offense, prosecutorial activity.

Spisok literatury:

1. Majdykov A.F. Formirovanie teoreticheskikh osnov upravleniya organami vnutrennih del v osobyh usloviyah kak odnogo iz nauchnykh napravlenij razvivayushcheysya teorii upravleniya organami vnutrennih del i teorii social'nogo upravleniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2014. №3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-teoreticheskikh-osnov-upravleniya-organami-vnutrennih-del-v-osobyh-usloviyah-kak-odnogo-iz-nauchnykh-napravleniy> (data obrashcheniya: 03.09.2022).
2. Ankudinova YA.S. Uchastie prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniayah: nekotorye aspekty formirovaniya nauchnoy mysli. Marijskij yuridicheskij vestnik. 2022. № 1 (37). S. 82-84.
3. Ankudinova YA.S. Genezis nauchnoj mysli v sfere razvitiya i stanovleniya instituta uchastiya prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniayah. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74). № 2. – S. 56-63.
4. Bahrah D.N. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik / Bahrah D.N. – 6-e izd., pererab. i dop. – M.: Eksmo, 2011. – 624s.
5. Basov, S.L. Uchastie prokurora v administrativno-yurisdikcionnom processe: uchebnoe posobie / S. L. Basov. — Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2015 — 188 s.
6. Vinokurov, A. YU., Borisov, S. V., But, N. D i dr. Teoreticheskie osnovy i prikladnye problemy uchastiya prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniayah / A. YU. Vinokurov, S. V. Borisov, N. D. But [i dr.]; rukovoditel' avtorskogo kollektiva A.YU. Vinokurov. – Moskva: Akademiya General'noj prokuratury RF, 2017. – S. 75
7. Stukanov A.P. Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem zakonnosti po delam ob administrativnykh pravonarusheniayah: Uch. posobie. SPb., 1997. 40 s.
8. Mamatov, M.V. Analiticheskoe obespechenie deyatel'nosti prokurorov v sfere administrativnogo presledovaniya / M. V. Mamatov, I. A. Maslov // Aktual'nye problemy analiticheskogo obespecheniya funkcion-al'noj deyatel'nosti prokuratury : Sbornik nauchnykh statej / Nauchnyj redaktor A.YU. Vinokurov. Otvetstvennyj sostavitel' T.V. Raskina. – Moskva : Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2017. – S. 84-92. – EDN RXNGXR.
9. Gricenko, D.V. Pravovoj status prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniayah: diss. ... k.yu.n. - Voronezh, 2014 - 225 s.
10. Lomakin, V.I. Prokuror v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniayah: diss. ... k.yu.n. - Omsk, 2006 - 170 s.
11. Medeev, M.R. Sovershenstvovanie organizacionno-pravovykh metodov nadzora za proizvodstvom po delam ob administrativnykh pravonarusheniayah : avtoref. dis. ... k.yu.n.: 12.00.14 / Ros. akad. gos. sluzhby pri Prezidente RF. - Moskva, 2006. - 21 s
12. Morenko K.V. Prokuror v administrativno-deliktnom proizvodstve : avtoref. dis. ... k.yu.n.: 12.00.14 - Moskva, 2017. - 20 s.,
13. Ryabus, O.A. Processual'nyj status uchastnikov proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniayah: dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.14. - Rostov-na-Donu, 2006. - 192 s.;
14. Hazikova, V.N. Processual'nye garantii uchastnikov proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniayah v arbitrazhnykh sudah: dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.15 / [Mesto zashchity: Sarat. gos. akad. prava]. - Saratov, 2011. - 208 s.
15. Vinokurov K. Vynesenie prokurorom postanovleniya o vobuzhdenii proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii // Zakonnost'. 2003. N 11.
16. Zrel'ov A.P. Administrativnoe rassledovanie osobennosti pravovogo regulirovaniya, kollizii i pravovye problemy KoAP RF "Pravo i ekonomika", №7, iyul' 2004 g.

17. Gadiyatova M.V. Problemy uchastiya prokurora v rassmotrenii del ob administrativnykh pravonarusheni-yah // YUridicheskaya nauka. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-uchastiya-prokurora-v-rassmotrenii-del-ob-administrativnykh-pravonarusheni-yah> (data obrashcheniya: 24.09.2022).
18. Vinokurov A.YU. O tematike dissertatsionnykh issledovaniy po voprosam prokurorskoj deyatelnosti. Aktual'nye voprosy deyatelnosti prokuratury Rossijskoj Federacii: sb. materialov kruglogo stola i nauch. disputa, proved. v 2020 g. v ramkah raboty nauchyu ob "edineniya «Prokurorskaya deyatelnost'» / pod obshch. red. N.V. Subanovoj; [sost. I.A. Vavs'kina, N.A. Kulakova]; Un-t prokuratury Ros. Federacii. – Vyp. 2. – M., 2021. S.76
19. Subanova, N.V. Deyatel'nost' prokurora po osushchestvleniyu ugovnogo i administrativnogo presledovaniya: voprosy processual'noj reglamentacii / N. V. Subanova // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2015. – № 2(46). – S. 29-35. – EDN UYYJRZ.
20. Proekt Federal'nogo zakona "Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnykh pravonarusheni-yah" (podgotovlen Minyustom Rossii 30.01.2020) //Elektronnyj dokument // SPS Konsul'tantPlyus
21. Vinokurov A.YU. Administrativnoe presledovanie kak funkciya prokuratury Rossijskoj Federacii // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2012. № 10. S. 52-56
22. Vinokurov, A.YU. Administrativnoe presledovanie kak funkciya prokuratury Rossijskoj Federacii: teoreticheskie, pravovye i organizacionnye aspekty / A. YU. Vinokurov. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Prospekt", 2019. – 552 s. – ISBN 978-5-392-30554-4. – DOI 10.31085/9785392305544-2019-552. – EDN CWGIUO.; Vinokurov, A. YU. Novye polnomochiya prokurora po osushchestvleniyu administrativnogo presledovaniya / A. YU. Vinokurov, YU. E. Vinokurov // Obrazovanie i pravo. – 2019. – № 2. – S. 165-169. – EDN YAFMRN.
23. Voronin, O.V. O prokurorskom administrativnom presledovanii / O. V. Voronin // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti : Sbornik statej / Pod redakciej M. M. ZHuravleva, A. M. Barnashova, V. M. Zueva. – Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2011. – S. 34-35. – EDN SWQMKL.
24. Grigor'ev V.N. Administrativnoe presledovanie v arsenale sredstv obespecheniya zakonnosti prokuratury Rossijskoj Federacii (iz opyta razrabotki novogo nauchnogo napravleniya) // Vestnik NNGU. 2019. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-presledovanie-v-arsenale-sredstv-obespecheniya-zakonnosti-prokuratury-rossiyskoj-federatsii-iz-opyta-razrabotki> (data obrashcheniya: 06.09.2022).
25. Ilij S.K. Deyatel'nost' organov prokuratury Rossijskoj Federacii po administrativnomu presledovaniyu fizicheskikh i yuridicheskikh lic za sovershenie korruptcionnykh pravonarushenij // Russian Journal of Economics and Law. 2016. №4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-organov-prokuratury-rossiyskoj-federatsii-po-administrativnomu-presledovaniyu-fizicheskikh-i-yuridicheskikh-lits-za> (data obrashcheniya: 06.09.2022).
26. Vinokurov, A.YU. Administrativnoe presledovanie kak funkciya prokuratury Rossijskoj Federacii: teoreticheskie, pravovye i organizacionnye aspekty / A. YU. Vinokurov. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Prospekt", 2019. – 552 s. – ISBN 978-5-392-30554-4. – DOI 10.31085/9785392305544-2019-552. – EDN CWGIUO.
27. Subanova N. V. Opredelenie prokurora ob otkaze v возбuzhdenii dela ob administrativnom pravonarushenii // Zakonnost'. 2011. № 1. S. 19-21.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ И СПОСОБЫ

Борецкая Л. Р.

Крымский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье анализируются особенности злоупотреблений процессуальными правами в гражданском процессе. Раскрывается понятие «злоупотребление процессуальными правами», цели, которые преследуют стороны при нарушении предписаний ст. 45 АПК РФ, ст. 35 ГПК РФ и ст. 45 КАС РФ. Проводится анализ отдельных способов злоупотреблений процессуальными правами в арбитражном, гражданском и административном судопроизводстве. Исследуется судебная практика по различным видам процессуальных злоупотреблений применяемые в гражданском процессе. Делается вывод о необходимости многовекторности противодействия злоупотреблениям процессуальными правами, путем предупреждения, пресечения и привлечения к ответственности за злоупотребление процессуальными правами. Проведенный анализ указывает, на острую необходимость имплементировать в ГПК РФ и КАС РФ нормы, регулирующие меры процессуальной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 159 АПК РФ, а так же, дополнить ГПК РФ и КАС РФ нормой дающей право суду отказать в удовлетворении ходатайства или заявления, поданного вследствие недобросовестного процессуального поведения лица, участвующего в деле.

Ключевые слова: суд, истец, ответчик, судебная защита, иск, гражданский процесс, арбитражный процесс, злоупотребление правом, способы злоупотреблений, добросовестность, принцип добросовестности, иск, встречный иск.

Статья 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ [1] (далее – АПК РФ), статья 35 Гражданского процессуального кодекса РФ [2] (далее – ГПК РФ) и статья 45 Кодекса административного судопроизводства РФ [3] (далее – КАС РФ) регламентирует, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.

В науке гражданского, арбитражного и административного процессуального права в последнее время активно исследуется принцип добросовестности, а также, такое явление, как злоупотребление процессуальными правами, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в периодических изданиях.

Как показывает анализ судебной практики, такое явление как злоупотребление процессуальными правами в настоящее время носит множественный характер и свидетельствует о многообразии способов злоупотреблений.

Вышеизложенным объясняется актуальность исследования данного явления в целом и способов злоупотребления в частности.

Злоупотребления правами в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве в своих работах исследовали такие ученые как: Я.В. Грель, З.М. Готышева, М. Р. Загидуллин, А.В. Борбат, М.В. Кошелева, А.В. Юдин и др.

Принцип добросовестности попадал в поле зрения многих исследователей, таких как: О.Н. Бармина, Е.В. Вавилин, Ю.В. Сахарова, А.В. Чекмарева, А.А. Чукреев, А.В. Юдин, В.Л. Харсеева и многих других.

Проводимый анализ точек зрения не только на понятие «злоупотребление процессуальными правами», но и в целом на юридическую природу данного явления свидетельствует об отсутствии единства в понимании данной категории и в целом правовой природы исследуемого явления.

Нами неоднократно в своих научных исследованиях [4, с. 199-201; 5, с. 112-115] обращалось внимание на отсутствие нормативно закреплённого понятия «злоупотребления процессуальными правами», на необходимость раскрытия понятия «добросовестность», «добросовестные действия», акцентировали внимание на многообразии способов злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе.

Проводя исследование злоупотреблений процессуальными правами, необходимо согласиться с С.Н. Гавриловым, который указывает на правовую неопределённость «в связи с применением в судебной практике правовых терминов, которые не имеют ни законодательного толкования, ни конкретно-определённых правовых критериев. Для целей самого правоприменения и для оценки перспектив применения того или иного правового института важно определение смыслового - юридического - наполнения терминологической основы соответствующего института» [6, с. 119].

Действующее процессуальное законодательство не имеет нормативно закреплённых понятий: «добросовестность», «добросовестные действия», «злоупотребления процессуальными правами», хотя судебная практика, фиксируя данное явление, свидетельствует о том, что суды в своих судебных актах активно используют данные термины, используя судебское дискреционное полномочие.

Необходимо согласиться с З. М. Готыжевой, которая так же акцентирует внимание на актуальность правоприменительного аспекта злоупотребления процессуальными правами и сложность задачи, которая стоит перед правоприменителями, которую они решают при рассмотрении и разрешении конкретного спора, в связи с «научной полемикой относительно толкования основных подходов к такой правовой категории, как «злоупотребление процессуальным правом»» [7, с. 49].

А.В. Юдин указывает, что добросовестность используется в общеправовом понимании, т.е. означает правильно и законно, а в противовес добросовестности выступает злоупотребление правом как результат недобросовестного поведения [8, с. 38].

Недобросовестное поведение сторон, в ходе судебного разбирательства, признанное как злоупотребление правом, приводит по большому счёту к значительному снижению эффективности правосудия, и к причинению вреда общественным отношениям в сфере арбитражного, гражданского и административного судопроизводства, так как они затрагивают права и интересы всех участников цивилистического процесса.

Вред от злоупотреблений процессуальными правами, по мнению Т.Т. Алиева, выражается в «необходимости дополнительных затрат времени, материальных средств и психических и физических сил для установления действительных обстоятельств дела и разрешения на их основе заявленных требований» [9, с. 90].

Цели, которые преследуют стороны при нарушении предписаний ст. 45 АПК РФ, ст.35 ГПК РФ и ст. 45 КАС РФ, которые регламентирует обязанность добросовестно использовать все принадлежащие им процессуальные права, очень различны.

К возможным целям злоупотребления процессуальными правами можно отнести:

во-первых, это затягивание, торможение или замедление самого процесса судебного разбирательства, с целью отсрочивания даты вступления в законную силу решения суда, которое неблагоприятно для стороны;

во-вторых, отсрочка исполнения судебного акта, которое неблагоприятно для стороны;

в-третьих, извлечение определенных преимуществ для себя, в ущерб другим лицам и правосудию в целом;

в-четвертых, препятствие правосудию, т.е. воспрепятствование рассмотрению дела по существу и принятию законного и обоснованного судебного акта.

Проводя анализ цели, которую ставит сторона, недобросовестно использующая свои процессуальные права, необходимо согласиться с мнением М.А. Боловневых, который относит к целям злоупотребления процессуальными правами «причинение вреда оппоненту и достижение приемлемого результата, не связанного с правильным определением материально-правового положения сторон» [10, с. 111].

З.М. Готыжева выделяет причинение убытков другой стороне процесса как цель злоупотребления процессуальным правом [11, с. 50].

А.В. Борбат, М.В. Кошелева, проводя исследование злоупотребления правом на иск отмечают, что целью данного злоупотребления является воспрепятствование нормальной хозяйственной деятельности ответчика [12, с. 7].

Из анализа судебной практики по исследуемому явлению, можно выделить следующие способы злоупотребления процессуальными правами:

1. Заявление ходатайств; заявление необоснованных ходатайств; заявление многочисленных ходатайств; несвоевременное заявление ходатайств; неоднократное заявление ходатайств; повторное заявление аналогичных ходатайств, уже ранее рассмотренных судом.

Причем, затягивание рассмотрения и разрешения дела возможно при помощи заявления различных ходатайств. Например, заявление ходатайства о назначении экспертизы, при этом без предложения кандидатур экспертов, списка подлежащих разрешению вопросов и без внесения денег на депозит суда или заявление ходатайств о вызове свидетелей, а после удовлетворения данного ходатайства судом, обеспечить длительную неявку в суд вызванных свидетелей.

Заявление ходатайства об оставлении искового заявления без рассмотрения, так же может быть направлено на затягивание судебного процесса и не служить целям добровольного исполнения требований.

Так, суд в деле № А68-9008/2015 пришел к выводу о том, что ответчик допустил злоупотребление процессуальными правами, заявив ходатайство об оставлении иска без рассмотрения более чем через год с момента предъявления истцом иска, и признал действия ответчика направленными на затягивание судебного процесса и не направленными на добровольное урегулирование спора [13].

Расплывчатость формулировок ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ, регламентирующих основания участия в деле третьих лиц чьи права, могут быть затронуты принятым по делу решением, так же открывает возможности для злоупотреблений.

Нарушая статью 35 ГПК РФ, статью 41 АПК РФ или статью 41 КАС РФ, регламентирующие обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться

своими процессуальными обязанностями, стороны могут подавать ходатайства, а иногда и многочисленные ходатайства о привлечении в дело третьих лиц.

Заявление ходатайств об отложении судебного разбирательства тоже часто направлены на срыв судебного заседания и затягиванию судебного разбирательства.

Так, суд в деле А19-14950/2007 расценил действия арбитражного управляющего по заявлению ходатайств об отложении судебного разбирательства как злоупотребление своими процессуальными правами, направленное на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению его заявления по существу и принятию законного и обоснованного судебного акта [14].

Заявление ходатайств об истребовании доказательств или проведении экспертизы для проверки подлинности документа.

Заявление ходатайств об обеспечительных мерах, так же может быть направлено на затягивание судебного процесса.

2. Обжалование судебных актов; неоднократные обжалования судебных актов; обжалование судебных актов, при отсутствии доводов их незаконности; подача жалоб с недостатками оформления.

Так, суд в деле № А46-428/2019 пришел к выводу о недобросовестном поведении ответчика, неоднократно обращавшегося с апелляционными жалобами, не соответствующими по форме и содержанию требованиям, установленным ст.260 АПК РФ. Данные действия ответчика расценены судом как злоупотребление принадлежащими процессуальными правами, направленные на затягивание судебного процесса [15].

3. Предъявление встречного иска; несвоевременное предъявление встречного иска (т.е. предъявление на завершающем этапе судебного разбирательства или после длительного времени после возбуждения производства по делу); предъявление встречного иска с недостатками оформления (например, не приложен оригинал платёжного поручения об уплате государственной пошлины). Так, суд в Постановлении восьмого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2019 г. по делу № А46-428/2019, расценил вывод первой инстанции обоснованным, в котором подача встречного иска признана злоупотреблением правом [16].

4. Многочисленные неявки в судебное заседание, надлежаще извещенных сторон.

Так, суд в Постановлении ФАС Поволжского округа от 15.06.2004 по делу № А06-1427-14/2003 признал злоупотреблением правом неоднократные неявки в суд [17].

5. Примириительные процедуры, так же могут быть использованы как способ злоупотребления процессуальными правами. С целью затянуть судебное разбирательство по делу недобросовестные стороны могут обращаться к переговорам с целью заключения мирового соглашения или к процедуре медиации и др.

6. Непредставление, неполное предоставление документов (отзывов, доказательств и других процессуальных документов), несвоевременное предоставление документов (отзывов, доказательств и других процессуальных документов), дозированное предоставление документов (отзывов, доказательств и других процессуальных документов), как суду, так участникам судебного разбирательства. В том числе документов затребуемых судом.

7. Необоснованные или неоднократные заявления отводов судьё.

Так, суд в Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.01.2020 по делу № А51-6828/2018 о несостоятельности (банкротстве) должника суд апелляционной инстанции указал, что Корсун А.С., будучи директором кооператива, злоупотребляла своими процессуальными правами, препятствовала суду в осуществлении правосудия, неоднократно проявляла неуважение к суду и лицам, участвующим в деле. Отводы 07.03.2019, 09.04.2019 необоснованно заявлены в рамках рассмотрения обособленного спора по требованию временного управляющего к директору кооператива Корсун А.С. об истребовании документов, где она выступала ответчиком как должностное лицо [18].

Подобные злоупотребления отражены в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А72-1160/2017 [19], Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 июня 2017 г. № 11АП-2851/2017 по делу № А72-1160/2017 [20].

8. Необходимо согласиться с А.В. Борбат и М.В. Кошелевой, выделяющих злоупотребление правом на защиту, которое выражается в подаче жалоб по надуманным основаниям, подаче отзыва на иск, содержащего недостоверные сведения [21, с. 7].

9. Ссылка на неполучение корреспонденции.

Необходимо обратить внимание на то, что если сторона стала на путь не добросовестного использования своих процессуальных прав, то очень часто в одном деле используются сразу несколько способов злоупотреблений.

Например, в арбитражный суд поступило исковое заявление в порядке упрощенного производства о взыскании задолженности по договору подряда. Срок разрешения дела в порядке статьи 226 АПК РФ, составляет всего два месяца со дня поступления искового заявления, в отличие от рассмотрения дел в порядке искового производства, который составляет согласно 152 АПК РФ до шести месяцев. Ответчик, злоупотребляя правом на защиту, подал ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы, в связи с фальсификацией доказательств, которые положены в основу искового заявления. Суд обязан перевести рассмотрение дела в порядке искового судопроизводства. На первое заседание ответчик может просто не явиться или подать ходатайство об отложении судебного разбирательства. Судья как правило, в связи с неявкой в заседание или удовлетворении ходатайства, выносит определение об отложении судебного разбирательства. В процессе судебного разбирательства ответчик заявил необоснованный отвод судье, а позже и секретарю судебного заседания. По завершении судебного разбирательства, судья выносит решение, которое вступает в силу по истечении месячного срока со дня принятия решения, в случае если не подана апелляционная жалоба (ст.180 АПК РФ), в отличие от решения в порядке упрощенного производства, которое подлежит немедленному исполнению (ст.229 АПК РФ). И даже после вынесения решения, ответчик может злоупотреблять правами, путем подачи апелляционной жалобы, причем подав ее в последний день срока для обжалования, направив ее почтой и подав ее с недостатками оформления (например, не приложив оригинал платежного поручения подтверждающего уплату государственной пошлины). Суд апелляционной инстанции оставит апелляционную жалобу без движения и даст время на устранения недостатков жалобы. Таким образом, в приведенном примере ответчик использовал такие способы злоупотребления как: предъявление надуманного ходатайства; заявление отвода судье;

заявление отвода секретарю судебного заседания; неявка в судебное заседание; направление через почту апелляционной жалобы в последний день срока для обжалования; подача апелляционной жалобы с недостатками оформления, тем самым затянул судебное разбирательство на несколько месяцев и отсрочил дату вступления в законную силу решения суда, которое неблагоприятно для него.

Из приведенного примера вытекает логический вопрос о мерах противодействия злоупотреблению процессуальными правами.

Проблеме противодействия злоупотреблению правом в целом и злоупотреблению процессуальными правами в частности посвящено множество научных исследований. Так проблемы противодействия злоупотреблениям правами в гражданском судопроизводстве отражены в работах М.А. Боловнев [22], А.В. Юдина [23], Я.В. Грель [24], А.В. Борбат, М.В. Кошелева [25].

Так, А.В. Борбат, М.В. Кошелева указывают на отсутствие норм в российском законодательстве, которые могли бы предотвратить злоупотребления стороной своими процессуальными правами, в связи со сложностью определения, злоупотребляет ли сторона своими правами или же действует добросовестно [25, с. 7].

З.М. Готыжева обращает внимание на то, что «действующая нормативно-правовая база предлагает довольно скромный перечень инструментов, позволяющих предупреждать акты процессуального злоупотребления правом» [26, с. 48].

Необходимо провести анализ имеющихся механизмов противодействия злоупотреблению процессуальными правами.

Наложение штрафов и отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами.

М.Р. Загидуллин в диссертационном исследовании, посвященном юридической ответственности в цивилистическом процессе указывает, что отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (предусмотрено ст. 111 АПК РФ), является востребованной и эффективной мерой юридической ответственности за недобросовестное процессуальное поведение в арбитражном процессе, оно не является эквивалентной заменой взысканию компенсации за потерю времени (предусмотрено ст. 99 ГПК РФ) и предлагает распространить данную меру на все формы судопроизводства цивилистического процесса [27, с. 245].

Необходимо согласиться с высокой оценкой, данной М.Р. Загидуллиным, нормы регулирующей меры процессуальной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 159 АПК РФ, в виде отказа арбитражным судом в удовлетворении ходатайства или заявления, поданного вследствие недобросовестного процессуального поведения лица, участвующего в деле.

Мы так же считаем данную меру ответственности универсальной и необходимой имплементировать ее в ГПК РФ И КАС РФ.

Необходимо ГПК РФ И КАС РФ дополнить нормами, направленными на противодействие злоупотреблению процессуальными правами, в частности введением конкретных мер ответственности за злоупотребление процессуальными правами, и нормой дающей полномочие суду отказать в удовлетворении ходатайства или заявления, поданного вследствие недобросовестного процессуального поведения лица, участвующего в деле.

Делая вывод касательно механизмов противодействия злоупотреблению процессуальными правами необходимо акцентировать внимание на многовекторности противодействия злоупотреблениям процессуальными правами, а именно путем, во-первых – предупреждения, а именно исключив условия и предпосылки их совершения, во-вторых – пресечения их совершения и в-третьих – привлечения к ответственности за злоупотребление процессуальными правами.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [в редакции от 11 июня 2022] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [в редакции от 14 июля 2022] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ [в редакции от 11 июня 2022] // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391
4. Борецкая Л.Р., Потапова Л. В. Теоретические и практические аспекты злоупотреблений сторонами процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе // Евразийский юридический журнал.- 2018.- № 7 (122). - С.199-201
5. Борецкая Л.Р. Затягивание судебного разбирательства как цель злоупотреблений процессуальными правами в гражданском процессе // Экономика, управление, право и общество: сборник материалов VI Межрегиональной научно-практической сетевой Интернет-конференции (г. Симферополь 15.10.2021 г.) / Составители: Шефель С.В., Заслуженный деятель науки и техники Республики Крым, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» и Землячев С.В., доцент, к.э.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», директор АНО «Институт патриотического воспитания». Симферополь: ИТ «Ариал», 2022. – С.112-115
6. Гаврилов С. Н. Злоупотребление процессуальными правами: российское законодательство второй половины XVII - начала XIX века... и современный тренд // Вестник университета имени О.Е. Кутафина.- 2017.-№12.-С.117-123
7. Готыжева З.М. Некоторые теоретические и практические вопросы злоупотребления правом в области процессуального законодательства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 4. С. 48 - 56.
8. Юдин А.В. Злоупотребление гражданскими процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, 2005.-124с.
9. Алиев Т.Т. О гражданской процессуальной ответственности за злоупотребление процессуальными правами и обязанностями // Современное право. 2015. № 6. С. 90-93
10. Боловнев М.А. Упрощенное производство как средство противодействия злоупотреблениям процессуальными правами // Современное право. 2017. № 10. С. 110 – 112
11. Готыжева З.М. Некоторые теоретические и практические вопросы злоупотребления правом в области процессуального законодательства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 4. С. 48 - 56.
12. Борбат А.В., Кошелева М.В. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 6 - 9.
13. Определение ВС РФ от 26.12.2016 № 310-ЭС16-17806 по делу № А68-9008/2015; от 28.11.2016 № 310-ЭС16-15734 по делу № А68-9333/2015 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://base.garant.ru/71580036/> (дата обращения 26.09.2022).
14. Определение ФАС Восточно-Сибирского округа от 10.09.2012 по делу № А19-14950/2007 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1016110242> (дата обращения 27.09.2022).
15. Определение Верховного Суда РФ от 05.12.2014 № 305-ЭС14-4228 по делу № А40-160736/2013 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://base.garant.ru/70814708/> (дата обращения 26.09.2022).
16. Постановление восьмого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2019 г. по делу № А46-428/2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zEePDcCeEVZQ/> (дата обращения 20.09.2022).
17. Постановление ФАС Поволжского округа от 15.06.2004 по делу № А06-1427-14/2003 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://base.garant.ru/8186058/#:~:text=Постановление%20Федерального%20арбитражного%20суда%20>

- Поволжского и своими действиями затягивающими судебное (дата обращения 20.09.2022).
18. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.01.2020 по делу № А51-6828/2018 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/rxEXn6Mm97W8/> (дата обращения 10.09.2022).
19. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А72-1160/2017 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DXvkFuj3L5r1/> (дата обращения 20.08.2022).
20. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 июня 2017 г. № 11АП-2851/2017 по делу № А72-1160/2017 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://base.garant.ru/61987873/> (дата обращения 12.09.2022).
21. Борбат А.В., Кошелева М.В. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 6 - 9.
22. Боловнев М. А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: дис. ... канд. юрид. наук.- Ур. гос. юрид. акад.- Омск, 2019. 234 с.
23. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2009.-537с.
24. Грель Я.В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
25. Борбат А.В., Кошелева М.В. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 6 - 9.
26. Готыжева З.М. Некоторые теоретические и практические вопросы злоупотребления правом в области процессуального законодательства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 4. С. 48 - 56.
27. Загидуллин М. Р. Юридическая ответственность в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... док. юрид. наук.- Казанский федеральный университет.-Казань, 2022. 373 с.

Boretska L. P. Abuse of procedural rights in the civil process: concept, goals and methods // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 331-339.

The article analyzes the peculiarities of abuse of procedural rights in civil proceedings. The concept "abuse of procedural rights" is disclosed as well as aims pursued by the parties in case of violation of provisions of Article 45 of the Procedural Code of the Russian Federation, Article 35 of the Civil Procedure Code and Article 45 of the Code of Administrative Proceedings. An analysis of certain ways of abuse of procedural rights in arbitration, civil and administrative proceedings is carried out. The judicial practice on various types of procedural abuses of rights applied in civil proceedings is studied. The conclusion about the necessity to counteract the abuse of procedural rights by preventing, suppressing and bringing to responsibility for the abuse of procedural rights is made. The analysis indicates an urgent need to implement in the CPC RF and CAS RF the norms regulating measures of procedural responsibility provided by part. 5 Art. 159 of the APC RF, as well as to supplement the CPC RF and CAS RF with the norm giving the court the right to refuse the satisfaction of the petition or the statement filed as a result of bad faith procedural behavior of a person participating in the case.

Keywords: court, plaintiff, defendant, judicial protection, action, civil procedure, civil procedure, arbitration procedure, abuse of right, means of abuse, good faith, principle of good faith, action, counterclaim.

Spisok literatury:

1. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ [v redakcii ot 11 iyunya 2022] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 30. St. 3012.
2. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ [v redakcii ot 14 iyulya 2022] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
3. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ [v redakcii ot 11 iyunya 2022] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 10. St. 1391
4. Boreckaya L.R., Potapova L. V. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty zloupotreblenij storonami processual'nymi pravami v grazhdanskom i arbitrazhnom processe // Evrazijskij juridicheskij zhurnal.- 2018.- № 7 (122). - S.199-201
5. Boreckaya L.R. Zatyagivanie sudebnogo razbiratel'stva kak cel' zloupotreblenij processual'nymi pravami v civilisticheskom processe // Ekonomika, upravlenie, pravo i obschestvo: sbornik materialov VI Mezhtselevoj nauchno-prakticheskoy setевой Internet-konferencii (g. Simferopol' 15.10.2021 g.) / Sostaviteli: SHefel' S.V., Zasluzhennyj deyatel' nauki i tekhniki Respubliki Krym, d.f.n., professor, zav. kafedroj gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh disciplin Krymskogo filiala FGBOUVO «Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya» i Zemlyachev S.V., docent, k.e.n., docent kafedry gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh

- disciplin Krymskogo filiala FGBOUVO «Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya», direktor ANO «Institut patrioticheskogo vospitaniya». Simferopol': IT «Arial», 2022. – S.112-115
6. Gavrilov S. N. Zloupotreblenie processual'nymi pravami: rossijskoe zakonodatel'stvo vtoroj poloviny XVII - nachala XIX veka... i sovremennyy trend // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina.- 2017.-№12.- S.117-123
7. Gotyzheva Z.M. Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie voprosy zloupotrebleniya pravom v oblasti processual'nogo zakonodatel'stva // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. 2017. № 4. S. 48 - 56.
8. Yudin A.V. Zloupotreblenie grazhdanskimi processual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve. Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta S.-Peterb. gos. un-ta, 2005.-124s.
9. Aliev T.T. O grazhdanskoj processual'noj otvetstvennosti za zloupotreblenie processual'nymi pravami i obyazannostyami // Sovremennoe pravo. 2015. № 6. S. 90-93
10. Bolovnev M.A. Uproshchennoe proizvodstvo kak sredstvo protivodejstviya zloupotrebleniyam processual'nymi pravami // Sovremennoe pravo. 2017. № 10. S. 110 – 112
11. Gotyzheva Z.M. Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie voprosy zloupotrebleniya pravom v oblasti processual'nogo zakonodatel'stva // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. 2017. № 4. S. 48 - 56.
12. Borbat A.V., Kosheleva M.V. Zloupotreblenie processual'nymi pravami v arbitrazhnom processe // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2018. № 4. S. 6 - 9.
13. Opredelenie VS RF ot 26.12.2016 № 310-ES16-17806 po delu № A68-9008/2015; ot 28.11.2016 № 310-ES16-15734 po delu № A68-9333/2015 // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <https://base.garant.ru/71580036/> (data obrashcheniya 26.09.2022).
14. Opredelenie FAS Vostochno-Sibirskogo okruga ot 10.09.2012 po delu № A19-14950/2007 // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1016110242> (data obrashcheniya 27.09.2022).
15. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 05.12.2014 № 305-ES14-4228 po delu № A40-160736/2013 // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <https://base.garant.ru/70814708/> (data obrashcheniya 26.09.2022).
16. Postanovlenie vos'mogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 25 dekabrya 2019 g. po delu № A46-428/2019 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zEePDCeEVZQ/> (data obrashcheniya 20.09.2022).
17. Postanovlenie FAS Povolzhskogo okruga ot 15.06.2004 po delu № A06-1427-14/2003 // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <https://base.garant.ru/8186058/#:~:text=Postanovlenie%20Federal'nogo%20arbitrazhnogo%20suda%20Povolzhskogo,%20svoimi%20dejstviyami%20zatyagivayushchimi%20sudebnoe> (data obrashcheniya 20.09.2022).
18. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 15.01.2020 po delu № A51-6828/2018 // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/rxEXn6Mm97W8/> (data obrashcheniya 10.09.2022).
19. Postanovlenie Odinnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda po delu № A72-1160/2017 // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DXvkFuj3L5r1/> (data obrashcheniya 20.08.2022).
20. Postanovlenie Odinnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 30 iyunya 2017 g. № 11AP-2851/2017 po delu № A72-1160/2017 // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <https://base.garant.ru/61987873/> (data obrashcheniya 12.09.2022).
21. Borbat A.V., Kosheleva M.V. Zloupotreblenie processual'nymi pravami v arbitrazhnom processe // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2018. № 4. S. 6 - 9.
22. Bolovnev M. A. Effektivnost' protivodejstviya zloupotrebleniyam processual'nymi pravami: dis. ... kand. yurid. Nauk.- Ur. gos. yurid. akad.-. Omsk, 2019. 234 s.
23. Yudin A.V. Zloupotreblenie processual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve: Dis. ... dokt. yurid. nauk. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. SPb., 2009.-537s.
24. Grel' YA.V. Zloupotrebleniya storon processual'nymi pravami v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006.
25. Borbat A.V., Kosheleva M.V. Zloupotreblenie processual'nymi pravami v arbitrazhnom processe // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2018. № 4. S. 6 - 9.
26. Gotyzheva Z.M. Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie voprosy zloupotrebleniya pravom v oblasti processual'nogo zakonodatel'stva // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. 2017. № 4. S. 48 - 56.
27. Zagidullin M. R. YUridicheskaya otvetstvennost' v civilisticheskom processe: teoreticheskie problemy: dis. ... dok. yurid. nauk.- Kazanskij federal'nyj universitet.-Kazan', 2022. 373 s.

УДК 378

ОПЫТ МАССОВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Кириллова Т. К., Великая О. С.

В статье, на основе опыта нескольких образовательных учреждений, а также особенностях использования информационных технологий дается оценка дистанционному образованию. Автор устанавливает предпосылки внедрения массового дистанционного образования, а также положительные и отрицательные стороны данного процесса. В результате исследования автор делает вывод, что в долгосрочной перспективе массовое применение дистанционных технологий в образовательном процессе нецелесообразно. Более того, даже используемое в краткосрочных целях, дистанционное обучение требует ряда доработок в форме усовершенствования контрольных и индивидуальных мероприятий по отношению к студентам.

Ключевые слова: дистанционное образование, цифровизация, онлайн образование, студенты, преподаватели, образовательный процесс.

Следует признать, что эпидемиологический кризис оказал значительное влияние не только на глобальные, но и на образовательные процессы. Стремительное распространение инфекции COVID-19, вынудило правительства стран ввести ряд ограничительных мер, которые коснулись и высшего образования. Наиболее яркой из таких мер стал массовый переход на дистанционное обучение.

Несмотря на неопределенность, связанную с переходом на дистанционное обучение, уполномоченные лица обоснованно предполагали возможность эффективно использовать информационных технологий в образовательном процессе в новых условиях. Это предположение основывалось на тенденциях использования гаджетов студентами как в быту, так и при выполнении учебных заданий.

Так, согласно исследованию, проведенному Н.А. Скоблиной и О.Ю. Милушкиной [1], 97% студентов используют гаджеты для выполнения домашних заданий с помощью поиска необходимой информации, а 75% для чтения литературы. Однако для эффективного обучения мобильных телефонов может быть недостаточно, поэтому актуализируется вопрос использования студентами ноутбуков. Исследования Н.А. Скоблиной подтверждают, что именно эти устройства студенты чаще всего используют для выполнения домашних заданий.

Таким образом, тезис о том, что студенты имеют техническую возможность дистанционного обучения, подтверждается на практике, исходя из их опыта работы с гаджетами. Тем не менее, массовый переход традиционного образовательного процесса в дистанционный формат вынуждает задаться вопросами о последствиях такого шага.

Для начала мы видим необходимость указать на безусловно положительные последствия внедрения дистанционного обучения в образовательный процесс. Так, ряд исследователей отмечает, что:

1. Студенты получают возможность получить доступ к записанной лекции в любой момент времени;

2. Студенты имеют возможность получить информацию от лекторов, чье присутствие на лекции можно обеспечить только в дистанционном формате;

3. Большое количество студентов получают возможность получить доступ к материалам образовательного учреждения;

4. Преподаватель может потратить больше времени на индивидуальную работу со студентами [2].

Дополняя указанные выше пункты, мы можем добавить, что использование информационных технологий в дистанционном формате, а также образовательных платформ обеспечивает конкурентоспособность вуза. Скорость обмена данными в информационную эпоху принимает решающее значение. Тем не менее, несмотря на мировой тренд к внедрению информационных технологий в образовательный процесс, нельзя не отметить негативные проявления массового дистанционного обучения. В качестве таких можно выделить:

1. Отвлекающий фактор гаджета, используемого студентом во время занятий (студент параллельно с лекцией просматривает развлекательный контент);

2. Отсутствие взаимодействия между студентами (в большей степени данный фактор ранее реализовывался вне лекций, когда студенты активно коммуницировали друг с другом);

3. Недостаточно эффективное использование времени для занятий (студент, обладая возможностью прослушать лекцию в любое время, может не прослушать ее вовсе) [3];

4. Спад мотивационных факторов при изучении образовательного материала (об этом будет сказано подробнее ниже);

5. Возможность студентов обмениваться сделанными домашними заданиями (копирование ответов для выполненных работ и тестов осуществляется в течении нескольких секунд, что вынуждает совершенствовать контролирующий инструментарий по отношению к студентам);

6. Отсутствие обратной связи от студентов при выполнении работ в рамках дистанционного формата (здесь мы сталкиваемся с общей проблемой высшего образования – пассивностью студентов, которые лишь принимают предоставляемую им информацию, изредка давая обратную связь);

7. Преподавателю необходимо тратить время на изучение информационных технологий, а также образовательных платформ (к сожалению, старшее поколение в меньшей степени разбирается в технологических возможностях гаджетов, чем студенты) [4].

Таким образом, на наш взгляд, в условиях преобладающего количества отрицательных последствий массового дистанционного образования, следует поставить вопрос – цифровизация является неизбежным процессом, но следует ли следовать этому тренду в образовательном процессе?

На наш взгляд, с учетом вышеизложенного, на данный вопрос следует ответить отрицательно. Мы учитываем эпидемиологический фактор, однако следует учитывать, что с учетом 2-х летнего пандемийного периода, вузы могли дать полноценную оценку дистанционному обучению и принять соответствующие меры.

Данные меры, на наш взгляд, даже в условиях наиболее острого периода пандемии, могли сочетать в себе в равных пропорциях онлайн и офлайн обучение. Либо же, после того, как стал известен реальный масштаб угрозы COVID-19, представля-

лось возможным полностью вернуться к традиционному формату образования, точно реагируя на очаги эпидемии. Таким образом, удалось бы не только избежать большинства негативных последствий дистанционного обучения, но и обеспечить постепенное внедрение дистанционного формата в образовательный процесс.

Наш тезис базируется не только на сравнении отрицательных и положительных сторон дистанционного обучения, но и на практических исследованиях, проделанных Е.М. Солодовником в отношении дисциплины «физическая культура и спорт». Нами был взят именно данный пример, так как перед преподавателями стояла специфическая задача – обеспечить технические условия для выполнения студентами физических упражнений в рамках дистанционного формата.

Согласно проведенному Е.М. Солодовником исследованию, преподавательский состав успешно справился с этой задачей, за счет использования каждым студентом приложения Strava (сервис для отслеживания активности спортсменов с помощью мобильных устройств), а также видеозаписей с выполненными ими тренировками. Перечень упражнений студенты были вправе определить для себя самостоятельно, либо использовать предоставленные преподавателями комплексы физических упражнений [5].

Эффективность применяемых преподавательским составом методов контроля за выполнением физических упражнений студентами была настолько высока, что только 5% учащихся не занимались спортом вовсе. На наш взгляд, данный показатель является существенным по сравнению с иными дисциплинами, также проводимыми в дистанционном формате.

Однако исследователи отметили и негативные последствия от дистанционного формата обучения даже по таким дисциплинам как «физическая культура и спорт». Согласно предоставленным данным, у студентов была отмечена сниженная мотивация к возвращению к традиционному формату обучения. С учетом того, что данный формат является приоритетным, представляется, что такую ситуацию можно охарактеризовать как тревожную, что подтверждает наш тезис выше.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что применение массового дистанционного формата в долгосрочной перспективе является губительным. Однако данный формат подходит для решения краткосрочных задач – предположительно, от полугода до года (например, на период выяснения масштабов пандемии).

Однако это не значит, что краткосрочные инструменты не должны совершенствоваться. Мы можем отметить ряд специфичных проблем, связанных с ведением лекций в дистанционном формате. К наиболее характерным из них мы можем отнести деперсонализацию преподавателей и студентов. Следует признать, что личность как студента, так и преподавателя, даже при включенной видеокамере воспринимается в недостаточной степени для усвоения материала или осуществления коммуникации на надлежащем уровне. Для решения данной проблемы представляется возможным чередовать онлайн и офлайн лекции, либо проводить онлайн лекции только при обнаружении заболевания в конкретной группе.

Также, на наш взгляд, необходимо либо индивидуализировать домашние и экзаменационные задания для студентов, либо обеспечить их выполнение под более строгим контролем. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что копирование ответов с использованием информационных технологий в значительной степени масштабируется. Решением данного вопроса могут выступать индивидуальные за-

дания для каждого из студентов (как в случае с физической культурой в примере выше).

Тем не менее, составление или проверка данных заданий может занять существенное время и помешать изучению лекционного материала. Поэтому более оптимальным вариантом видится ужесточение контроля за выполняемыми заданиями, для предотвращения копирования ответов. Для решения этого вопроса представляется возможным обеспечить личное присутствие студентов в университете при сдаче экзаменационных заданий, либо потребовать от студентов установки специального приложения (по примеру Examus), которое будет контролировать процесс непосредственного выполнения домашнего задания учащимся.

Что касается снижения мотивации студентов при прослушивании лекций в дистанционном формате, то мы вынуждены отметить, что пока повлиять надлежащим образом на студента не представляется возможным. Снижение мотивации у студента при изучении лекционного материала может выражаться в фиктивном присутствии на занятии (студент, дав ответ на заранее подготовленный вопрос, отходит от рабочего места заниматься своими делами при выключенной камере), либо в поиске развлекательного контента (при включенной видеокамере). Единственный возможный вариант, который мы на данном этапе считаем оптимальным – предоставить студенту самостоятельно изучать лекционный материал, после чего проверять полученные им знания с использованием вышеуказанных методов.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать вывод, что решение о переходе на массовое дистанционное образование если и не было принято преждевременно, то не учитывало последствия от его введения в долгосрочной перспективе.

К сожалению, вузы по-прежнему «злоупотребляют» дистанционным форматом обучения, не обращая должного внимания на деградацию сущности высшего образования. На наш взгляд, только за счет сочетания дистанционного и традиционного формата обучения представляется возможным не только обеспечить конкурентоспособность вузов с помощью информационных технологий, но и предотвратить негативные последствия от их использования.

Список литературы:

1. Скоблина, Н.А. Место гаджетов в образе жизни современных школьников и студентов / Н.А. Скоблина, О.Ю. Милушкина, А.А. Татаринчик, Д.М. Федотов // Здоровье населения и среда обитания - ЗНиСО. - 2017. - № 7 (292). - С. 41-43.
2. Глыбовская, Д.А. Дистанционное обучение в период пандемии: глобальный эксперимент и его возможные последствия для системы высшего образования / Д.А. Глыбовская // Современное образование: содержание, технологии, качество. - 2020. - Т. 1. - С. 358-360.
3. Абдуллаев, Д.А. Развитие самоорганизации студентов и магистрантов средствами дистанционного тьюторского сопровождения / Д.А. Абдуллаев, Э.Р. Гузуева, Р.А. Кучмезов // Проблемы современного педагогического образования. - 2021. - № 71-4. - С. 4-7.
4. Королева, Т.Э. Студент и преподаватель в дистанционном образовании / Т.Э. Королева // Сборник материалов международной онлайн-конференции. – Ижевск. - 2021. - С. 15-18.
5. Солодовник, Е.М. Анализ отношения студентов ПетрГУ к дистанционному обучению по дисциплине «физическая культура и спорт» / Е.М. Солодовник, В.Н. Кремнева, Л.А. Неповинных // Вопросы педагогики. 2020. № 6-1. С. 184-188.

Kirillova T. K., Velikaya O. S. The experience of mass use of distance education in the Russian Federation at the initial stage of the covid-19 epidemic // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 340-344.

In the article, based on the experience of several educational institutions, as well as the peculiarities of the use of information technology, an assessment of distance education is given. The author establishes the prerequisites for the introduction of mass distance education, as well as the positive and negative aspects of this process. As a result of the study, the author concludes that in the long term, the mass use of distance technologies in the educational process is not advisable. Moreover, even used for short-term purposes, distance learning requires a number of improvements in the form of improving control and individual activities in relation to students.

Key words: distance education, digitalization, online education, students, teachers, educational process.

Spisok literaturey:

1. Skoblina, N.A. Mesto gadzhetov v obraze zhizni sovremennykh shkol'nikov i studentov / N.A. Skoblina, O.YU. Milushkina, A.A. Tatarinchik, D.M. Fedotov // Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya - ZNiSO. - 2017. - № 7 (292). - S. 41-43.
2. Glybovskaya, D.A. Distancionnoe obuchenie v period pandemii: global'nyj eksperiment i ego vozmozhnye posledstviya dlya sistemy vysshego obrazovaniya / D.A. Glybovskaya // Sovremennoe obrazovanie: sodержanie, tekhnologii, kachestvo. - 2020. - Т. 1. - S. 358-360.
3. Abdullaev, D.A. Razvitie samoorganizacii studentov i magistrantov sredstvami distancionnogo t'yutorskogo soprovozhdeniya / D.A. Abdullaev, E.R. Guzueva, R.A. Kuchmezov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. - 2021. - № 71-4. - S. 4-7.
4. Koroleva, T.E. Student i prepodavatel' v distancionnom obrazovanii / T.E. Koroleva // Sbornik materialov mezhdunarodnoj onlajn-konferencii. – Izhevsk. - 2021. - S. 15-18.
5. Solodovnik, E.M. Analiz otnosheniya studentov PetrGU k distancionnomu obucheniyu po discipline «fizicheskaya kul'tura i sport» / E.M. Solodovnik, V.N. Kremneva, L.A. Nepovinyh // Voprosy pedagogiki. 2020. № 6-1. S. 184-188.

УДК: 342.723;343.98

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛУЧЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЦЕЛЯХ ВСЕОБЩЕЙ РЕГИСТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Михайлов М. А., Кокодей Т. А.

Севастопольский государственный университет

Рассматриваются риски и проблемы всеобщей биометрической регистрации населения России. Подчеркивается ее актуальность в связи с паспортизацией населения новых регионов страны, ведением боевых действий, гибелью и безвестным исчезновением граждан. Анализируются причины возможного неприятия и противодействия: от подозрений в тотальном контроле до религиозных предубеждений. Предлагается принятие Единого Закона о биометрической регистрации, дополняемого по мере внедрения новых методов, порождаемых научно-техническим прогрессом. Выдвигается альтернатива авторитарному методу всеобщей регистрации постепенным расширением круга субъектов, подлежащих биометрическому учету за счет представителей профессий особого риска, владельцев источников повышенной опасности, лиц, работающих со значительными материальными ценностями, клиентов страховых компаний, сотрудников, получающих и обрабатывающих саму биометрическую информацию. Регистрации подлежат иностранцы, стремящиеся или вынужденные длительное время находиться на территории РФ, и россияне, выезжающие за пределы страны. Высказывается мнение о поощрении добровольной биометрической регистрации, свободной от навязывания ради повышения показателей статистики. Предлагается создание единой структуры учреждений для получения, хранения и предоставления биометрической информации граждан, находящей вне системы правоохранительных органов.

Ключевые слова: всеобщая биометрическая регистрация, геномная регистрация, дактилоскопическая регистрация, защита персональных данных, закон о биометрической регистрации, профессии особого риска, фальсификация биометрических данных, добровольная биометрическая регистрация, регистрация беженцев, утечка биометрической информации.

Проблема всеобъемлющей и эффективной паспортизации граждан, своей страны актуальна для государства и общества на протяжении многих лет. Необходимость ее решения продиктована различными целями, связанными и с государственным строительством, и с экономикой, и с обороной, и с правоохранительной деятельностью.

Первоначально документы, удостоверяющие личность, были уязвимы для подделок и ненадежны для идентификации их предъявителей. И если первая проблема более или менее преодолевалась путем внедрения элементов защиты: подписей, печатей, специальной бумаги, то для решения второй, впервые биометрические данные стали применяться, лишь после появления фотографии в середине XIX в.

Некоторые методы биометрической регистрации человека, например, антропометрия А. Бертильона, были отвергнуты из-за сложности процедуры и ненадежности результатов. Показательной является попытка всеобщей регистрации населения Аргентины дактилоскопическим методом, благодаря инициативе Х. Вучетича, первоначально получившая даже законодательную поддержку. Реализация этого Закона в 1911 г. спровоцировала активное противодействие, выразившееся в массовых беспорядках. При этом впервые недовольство граждан, вызванное нарушением их прав,

перспективой тотального контроля, отождествлением процедур, применяемых в отношении законопослушного населения с регистрацией преступников, что привело к отмене закона.

Сегодня с развитием научно-технического прогресса появились новые способы идентификации личности и возможности совершенствования традиционных. Вновь звучали предложения применения этих методов не только в целях охраны общественного порядка и противодействия преступности, но и для надежной аутентификации лица в процессе осуществления гражданско-правовых, трудовых, финансовых, налоговых и иных отношений.

Появились и совершенствуются Законы и нормативно-правовые акты, регулирующие как применение этих методов «О государственной дактилоскопической регистрации», «О государственной геномной регистрации в РФ», так и охраняющие биометрические данные (например, внесение изменений о защите биометрической информации в Закон о персональных данных), разрешающих их обработку только с разрешения лица. Указом Президента РФ определены задачи и сроки генетической паспортизации населения.

Отечественные ученые и практики анализируют зарубежный опыт использования этих методов в отношении законопослушных граждан. Звучат предложения о широком их внедрении и нашей стране [12].

Проблемы всеобщей регистрации населения Российской Федерации с использованием биометрических данных человека и пути их решения становились предметом научного интереса таких отечественных ученых юристов, как Аминев Ф.Г. [8; 6; 5], Волынский А.Ф. [10], Грибунов О.П. [11], Мочалов А.Н. [17], Цховребова И.А. [21]. Мы также неоднократно обращали внимание на отдельные аспекты внедрения этой идеи [13-16].

Необходимость всеобщего и эффективного учета граждан Российской Федерации очевидна. Более того, его актуальность возрастает в связи с паспортизацией и предоставлением гражданства России людям, проживающим на территориях бывшего СССР: на Кавказе и Украине, появлением новых территорий и регионов России, ведением боевых действий, последствием которых, являются риски ранения, гибели и безвестного исчезновения граждан страны. Уже идет работа по созданию Единого реестра физических лиц, проведению государственной дактилоскопической и геномной регистрации.

Однако, на наш взгляд, внедрение биометрических методов для всеобщей регистрации населения требует не императивного подхода, а мягкого последовательного пути, что позволит избежать непонимания и противодействия этим мероприятиям.

Прежде всего, следует проанализировать возможные причины такого противодействия и неприятия. Их спектр довольно широк, как по самой идее всеобщей регистрации населения, так и по отдельным методам ее реализации.

1. *Опасения тотального контроля со стороны государства являются, наверное, одной из самых болезненных и значимых причин неприятия и противодействия.* Принято думать, что, таким образом, спецслужбы, правоохранительные и иные государственные органы смогут отслеживать любого из граждан: его местонахождение, пути перемещения, общение, личную жизнь. Это связано, например, с внедрением технологий распознавания лиц, в совокупности с видеоинформацией камер наблюдения. Однако следует признать, что сегодня мы и без биометрической реги-

страции окружаем себя плодами научно-технического прогресса (смартфоны, банковские карты, устройства для досуга и фитнеса и т.п.), невольно фиксируемыми многие обстоятельства нашей жизни и деятельности. Кроме того, активность пользователей социальных сетей Интернета делает их жизнь максимально прозрачной. Но при таком объеме информации у спецслужб просто не хватит сил и средств для «тотального контроля».

2. *Кроме того, протест вызывает сам факт какой-либо регистрации законопослушных лиц с помощью методов, которые ранее применялись лишь к правонарушителям и даже к преступникам.* Это унижает и вызывает сомнение, что государство доверяет своим гражданам. Конечно, это заблуждение, которое необходимо разрушить и прежде всего популяризацией знаний о биометрии и полезности ее применения для решения целого ряда важных задач, вовсе не связанных с противодействием преступности (например, идентификация погибших в ходе техногенных катастроф и стихийных бедствий). Осознание их пользы мотивирует на преодоление таких предрассудков и помогает преодолеть эту неприязнь. В качестве примера можно привести лояльное отношение к получению дактилоскопической информации у лиц, получающих биометрический паспорт.

3. *Уязвимость хранилищ биометрической информации и риск злоупотреблений в ее использовании, от мошенничества до фальсификации доказательств в целях незаконных репрессий.* Действительно при создании такой базы данных, следует предпринять организационные меры для создания структур занимающейся получением, хранением и обработкой этой информации. Определения ведомства, уполномоченного заниматься такой деятельностью имеет большое значение для обеспечения охраны данных, а значит и доверия к нему со стороны регистрируемых. Проф. Аминев Ф.Г. утверждает, что в результате его опросов граждан по определению такого учреждения для генотипоскопической информации, лидируют органы внутренних дел [7, с. 97]. Однако регистрация населения в правоохранительных органах негативно воспринимается законопослушной его частью. Кроме того, возникают и опасения, постоянно подкрепляемые многочисленными сообщениями об утечках персональных данных, хакерских атаках, взломах закрытых баз данных различного назначения. Поэтому для обеспечения охраны данных необходим целый ряд мер и организационного и технического характера, а также усиление ответственности за несанкционированное использование и утрату биометрической информации и тем более за фальсификацию таких данных. Тем не менее, научно технический прогресс не остановить, и эти причины должны устраняться, а не становиться поводом отвергать использование биометрических данных. Следует вспомнить практику 90-х годов, когда суды отказывались принимать результаты цифровой фотосъемки и видеозаписи в качестве доказательственной информации, ссылаясь на их уязвимость для подделки. Со временем это предубеждение исчезло вместе с аналоговыми фотографией и видеосъемкой.

4. *Аргументы религиозного характера* также взяты на вооружение противниками всеобщей регистрации населения биометрическими методами. Наиболее ярким примером этого явилась полемика в одном из парламентов Ближнего зарубежья. Принуждение к регистрации православных называлось «тяжким грехом», кодирование биометрической информации – «сатанинскими числами», а сами намерения регистрации «происками дьявола» [16, с. 314]. В проекте документа «О позиции

церкви в связи с появлением и перспективами развития новых технологий идентификации личности», подготовленном комиссией Межсоборного присутствия по вопросам взаимодействия Церкви, государства и общества под председательством Патриарха, а затем разосланном по епархиям Русской Православной Церкви, отмечается, что: «Согласие граждан на использование средств электронного учета должно быть осведомленным, с обязательным разъяснением всех последствий принимаемого решения. Гражданам, желающим использовать эти средства, необходимо гарантировать осведомленность о содержании электронных записей, равно как и возможность изменять содержание данных записей или удалять их в тех случаях, когда иное не предусмотрено установленными законом требованиями общественной безопасности. Документы, выдаваемые государством, не должны содержать информацию, суть и назначение которой непонятны или скрываются от владельца, а также символов, носящих кощунственный или нравственно сомнительный характер либо оскорбляющих чувства верующих» [20].

5. Что касается возражений по поводу отдельных методов регистрации, то самым обсуждаемым является критика создания всеобщей базы данных геномной информации, что несет угрозу биологической безопасности страны. Отдельные авторы высказывают опасения о вероятности создания геномного оружия против россиян и настаивают на усилении охраны геномной информации граждан в целях предупреждения утечек [5, с. 34]. Это мнение становится все более актуальным на фоне сообщений об обнаружении на Украине биологических лабораторий, созданных Пентагоном. Однако Президентский Указ «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу», наоборот, прямо указывает, что одной из основных задач государственной политики в области химической и биологической безопасности является: осуществление генетической паспортизации населения с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека и формирование генетического профиля населения.

В связи с проведением общегосударственной генетической паспортизации населения и возможными рисками утечек этих данных, отдельные авторы пытаются прогнозировать появление, в связи с этим, негативных явлений, связанных с ограничениями при трудоустройстве по здоровью, дискриминацией отдельных этнических групп, незаконном поиске доноров для трансплантации. Речь идет о своеобразной генетической стигматизации человека [19]. Однако для достижения целей идентификации нет необходимости в столь детальном отображении особенностей генома человека в его генетическом паспорте, чтобы вести речь о вышеуказанных рисках [18, с. 23].

Мы становимся свидетелями активного использования технологий распознавания лиц, что делает вероятным уже в ближайшем будущем организацию регистрации населения и по этим биометрическим признакам.

Нам представляется, что попытка законодателя урегулировать отдельными федеральными Законами различные методы биометрической регистрации нерациональна. Научно-технический прогресс будет предлагать нам новые более эффективные, и менее затратные, как в техническом, так и в финансовом плане процедуры и методики, что дает основания для разработки единого Закона «О государственной биометрической регистрации», который включал бы положения общие для различных

методов регистрации, в то же время, регулируя особенности проведения отдельных. В этот же закон могли бы быть перенесены и положения о защите биометрических данных из ныне действующего ФЗ «О защите персональных данных».

Что касается самих мероприятий проведения биометрической регистрации, то существует несколько путей их реализации.

1. Проведение всеобщей регистрации населения в соответствии с принятым законом в определенные сроки и в определенных государственных органах. Единый закон, регламентирующий порядок получения, хранения и использования биометрических данных, позволил бы унифицировать процедуры их получения, сосредоточить их материально техническое обеспечение в одних руках, организовать эту работу в учреждениях специально созданной службы, не находящейся в подчинении правоохранительных органов, обеспечить сохранность сведений, путем усиления ответственности за нарушения, связанные с халатностью и злоупотреблениями, усилить техническую защиту этих данных.

2. Биометрическая регистрация отдельных категорий лиц, с постепенным расширением их круга. Принятие в 1994 г. Федерального закона «О государственной дактилоскопической регистрации» расширило применение этой процедуры на законопослушных граждан - представителей профессий особого риска. Мы считаем, что поэтапное расширения круга лиц, подлежащих биометрической регистрации может охватывать и владельцев, источников повышенной опасности: оружия (огнестрельного, пневматического, холодного и др.), транспортных средств (автомобототранспорта, катеров, яхт, малой авиации и др.).

В этот круг следует включить и спортсменов экстремалов: альпинистов, спелеологов, туристов, поклонников водного сплава, серферов и др., обязав клубы, предоставляющие подобные услуги, требовать от клиентов свидетельство о прохождении такой процедуры.

Вполне оправданным, по нашему мнению, было бы обязательное прохождение биометрической регистрации для лиц, получающих крупные кредиты, страхующих свою жизнь, выезжающих за рубеж. Да и круг профессий особого риска можно расширить путем включения в него работников банковской сферы, предприятий Гознака, лиц на которых возложена особая материальная ответственность, специалистов занятых добычей и обработкой драгоценных металлов и камней.

Отдельно следует отметить и лиц, работающих с некоторыми категориями биометрических следов (геномными, дактилоскопическими и др.), таких как: специалисты, эксперты, работники предприятий, изготавливающих средства и расходные материалы для этих целей. В результате их небрежного отношения к своим обязанностям, обрабатываемая биометрическая информация может быть загрязнена и даже подменена собственной, что приведет к серьезным последствиям наподобие «хальбронского фантома» [22]. Полагаем, что эти категории должны быть четко определены, а включенные в них лица, подвергнуты обязательной биометрической регистрации.

Беженцы, нелегальные мигранты, иностранные рабочие требуют внимания государства и должны быть зарегистрированы с получением биометрических данных, особенно при отсутствии надлежащих документов, удостоверяющих личность.

3. Расширение круга регистрируемых, путем введения добровольной биометрической регистрации населения. Нам сложно представить мотивы, движущие доб-

ровольцем. Наверное, это опасения за свою жизнь при существовании какого-либо риска, занятия опасной деятельностью как легальной, так, возможно и незаконной, наличие угроз со стороны недоброжелателей и преступников, перспектива стать пропавшим без вести ввиду наличия серьезного соматического или психического заболевания. Однако поощрение добровольной регистрации не должно превращаться в ее навязывание. На примере услуги добровольной дактилоскопической регистрации, которая сегодня оказывается в органах внутренних дел, можно отметить, что в некоторых регионах количество «добровольцев» достигло десятков тысяч, но вовсе не из-за сложной криминогенной обстановки и опасений стать пропавшими без вести, а вследствие стремления чиновников любым путем увеличить статистику добровольного дактилоскопирования. В момент вступления в силу Закона, разрешающего добровольную регистрацию это навязывалось для ускорения получения заграничных паспортов, затем она стала условием для кандидатов на занятие детективной и охранной деятельностью. Это свидетельствует о том, что и добровольная биометрическая регистрация может стать инструментом исправления (причем довольно грубого) ошибок и недостатков законодательства в этой сфере.

Подводя итог, следует отметить, что необходимость всеобъемлющего и надежного учета населения страны назрела, а средством его эффективной реализации может служить всеобщая биометрическая регистрация.

Требуется разработка и принятие единого Закона, регламентирующего порядок получения, хранения, защиты и использования биометрических данных в Российской Федерации, предусматривающего внесение дополнений с появлением новых методов вследствие научно-технического прогресса.

Всеобщая биометрическая регистрация населения требует решения ряда организационных задач. Представляется целесообразным создание не имеющего отношения к правоохранительным органам и иным силовым структурам Центра, уполномоченного проводить получение, обработку, хранение и защиту биометрической информации и предоставляющего доступ к ней в установленном законодательством порядке.

Мероприятиям по биометрической регистрации населения должна предшествовать определенная подготовительная работа, в ходе которой необходимо разъяснить цели и задачи такой регистрации, развеять опасения, минимизируя ее неприятие и противодействие.

Авторитарный и императивный подход к проведению регистрации представляется неприемлемым, альтернативой которому предлагается постепенное расширение круга регистрируемых: от представителей профессий особо риска и лиц, занимающихся экстремальными видами спорта, до владельцев источников повышенной опасности и лиц, допущенным к работе со значительными материальными ценностями, а также получающими и обрабатывающими саму биометрическую информацию. Регистрации подлежат и иностранцы, стремящиеся или вынужденные длительное время находиться на территории страны (мигранты, беженцы, гастарбайтеры).

Поощрение добровольной биометрической регистрации необходимо очистить от навязывания и злоупотреблений. Преимущества и льготы, предоставляемые добровольцам, должны стимулировать их на принятие такого решения, а не ставить в безвыходное положение.

Всеобщую биометрическую регистрацию следует превратить в надежное средство паспортизации населения страны, и тогда ее необходимость будет осознаваться людьми без опасений за возможные риски. Мероприятия по ее реализации должны стать обыденной процедурой, как в свое время воспринималась фотосъемка на документы, а затем и бесцветное дактилоскопирование при получении биометрического заграничного паспорта.

Список литературы:

1. Frank Krause: Das Phantom, das vielleicht gar keines ist, [Электронный ресурс] //Stuttgarter Nachrichten, March 25, 2009 URL: <https://web.archive.org/web/20090330184824/http://www.stuttgarter-nachrichten.de/stn/page/detail.php/1982393> (дата обращения: 12.10.2022).
2. Алешкина, Т. Н. Геномная регистрация в раскрытии и расследовании преступлений [Текст] / Т. Н. Алешкина // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2015. – № 1. – С. 5-10. – Текст: непосредственный.
3. Аминев, Ф. Г. Актуальные вопросы правового регулирования создания и функционирования баз данных генома человека [Текст] / Ф. Г. Аминев, А. В. Чемерис, В. А. Анисимов, // Правовое государство: теория и практика. — 2020. — № 2(60). — С. 134-144. — Текст: непосредственный. DOI: 10.33184/pravgos-2020.2.12
4. Аминев, Ф. Г. ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы [Текст] / Ф. Г. Аминев, В. А. Анисимов, Р. Р. Гарафутдинов [и др.] // Биомика. – 2019. – Т.11 №3. – С. 282-314. – Текст: непосредственный. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2019-26
5. Аминев, Ф. Г. О возможностях применения новых технологий ДНК-идентификации личности в целях всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации [Текст] / Ф. Г. Аминев, Р. Р. Гарафутдинов, А. В. Чемерис, [и др.] // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № № 1 (67). – С. 30-41. – Текст: непосредственный.
6. Аминев, Ф. Г. О значении всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации в борьбе с преступностью / Ф. Г. Аминев [Текст] // Южно-уральские криминалистические чтения. Доклады Международной научно-практической конференции. — Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. — С. 5-10. — Текст: непосредственный.
7. Аминев, Ф. Г. О необходимости принятия Федерального закона "О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации" в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений [Текст] / Ф. Г. Аминев // Правовое государство: теория и практика. — 2019. — № 3 (57). — С. 94-98. — Текст: непосредственный.
8. Аминев, Ф. Г., Геномная регистрация всего населения и этические вопросы формирования и использования соответствующих баз данных / Ф. Г. Аминев, В. А. Анисимов, А. М. Сагитов [и др.], [Текст] // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 2018. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. – С. 16-22. – Текст: непосредственный.
9. Анисимов, В. А. Об организационном аспекте современной технологии всеобщей ДНК-регистрации граждан [Текст] / В. А. Анисимов // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2020. – № 2(60). – С. 11-18. – Текст: непосредственный. DOI: 10.33184/pravgos-2020.2.2
10. Вольнский, А. Ф. К вопросу о создании единой государственной системы регистрации граждан: Проблемы, пути их решения [Текст] / А. Ф. Вольнский // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 9. — С. 56-58. — Текст: непосредственный.
11. Грибунов, О. П. Вопросы совершенствования законодательства о геномной регистрации: за и против [Текст] / О. П. Грибунов // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – Т.1. №1(3). – С. 83–90. – Текст: непосредственный.
12. Грибунов, О. П. Всеобщая дактилоскопическая регистрация граждан как элемент реализации криминалистического предупреждения преступлений [Текст] / О. П. Грибунов // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 402. – С. 188-191. – Текст: непосредственный.
13. Михайлов, М. А. В шаге от принятия решения о всеобщей дактилоскопической регистрации [Текст] / М. А. Михайлов // Эксперт-криминалист. – 2016. – № 1. – С. 36-39. – Текст: непосредственный.
14. Михайлов, М. А. Международная научно-практическая конференция в Государственной Думе "Совершенствование системы дактилоскопической регистрации" [Текст] / М. А. Михайлов, А. Г. Волеводз, Э. Л. Сидоренко // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 1(24). – С. 368-378. – Текст: непосредственный.

15. Михайлов, М. А. Правовое регулирование оборота дактилоскопической информации [Текст] / М. А. Михайлов // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. — 2010. — Т. 23. № 1 (62). — С. 311-318. — Текст: непосредственный.
16. Михайлов, М. А. Этические проблемы дактилоскопической регистрации населения [Текст] / М. А. Михайлов // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. — 2010. — Т. 23. № 1 (62). — С. 311-318. — Текст: непосредственный.
17. Мочалов, А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности [Текст] / А. Н. Мочалов // Lex russica (Русский закон). — 2021. — Т. 74. № 9. — С. 88-101. — Текст: непосредственный.
18. Панова, А. А. Всеобщая геномная регистрация: pro et contra [Текст] / А. А. Панова, А. Ф. Соколов // Энциклопедия судебной экспертизы. — 2014. — № 1(3). — С. 5-35. — Текст: непосредственный.
19. Поваров, Ю. С. Недопущение стигматизации по генетическим признакам: правовой аспект [Текст] / Ю. С. Поваров // Правовое государство: теория и практика. — 2021. — № 2(64). — С. 26-38. — Текст: непосредственный. DOI 10.33184/pravgos-2021.2.2
20. Проект документа «О позиции Церкви в связи с появлением и перспективами развития новых технологий идентификации личности» [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. 2012. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2255365.html> (дата обращения: 12.10.2022)
21. Цховребова, И. А. Государственная дактилоскопическая регистрация: практика применения и перспективы совершенствования [Текст] / И. А. Цховребова // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. — 2011. — № 7. — С. 179. — Текст: непосредственный.

Mikhailov M.A., Kokodey T.A. Organizational, legal and ethical aspects of obtaining, storing, and using biometric information for the purposes of general population registration // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. — 2022. — Т. 8 (74). № 4. — P. 345-353.

The risks and problems of universal biometric registration of the population of Russia are considered. Its relevance is emphasized in connection with the passportization of the population of new regions of the country, the conduct of hostilities, the death and disappearance of citizens. The reasons for possible rejection and opposition are analyzed: from suspicions of total control to religious prejudices. It is proposed to adopt a single law on biometric registration, supplemented as new methods are introduced, generated by scientific and technological progress. An alternative to the authoritarian method of universal registration is put forward by gradually expanding the circle of subjects subject to biometric registration by representatives of professions of special risk, owners of sources of increased danger, persons working with significant material values, clients of insurance companies, employees receiving and processing biometric information itself. Registration is subject to foreigners seeking or forced to stay on the territory of the Russian Federation for a long time, and Russians traveling outside the country. An opinion is expressed about the promotion of voluntary biometric registration, free from imposition for the sake of increasing statistics. It is proposed to create a unified structure of institutions for obtaining, storing and providing biometric information of citizens that is outside the system of law enforcement agencies.

Keywords: universal biometric registration, genomic registration, fingerprint registration, protection of personal data, law on biometric registration, professions of special risk, falsification of biometric data, voluntary biometric registration, refugee registration, biometric information leakage.

Spisok literatury:

1. Frank Krause: Das Phantom, das vielleicht gar keines ist, [E`lektronny`j resurs] // Stuttgarter Nachrichten, March 25, 2009 URL: <https://web.archive.org/web/20090330184824/http://www.stuttgarter-nachrichten.de/stn/page/detail.php/1982393> (data obrasheniya: 12.10.2022).
2. Aleshkina, T. N. Genomnaya registraciya v raskry`tii i rassledovanii prestuplenij [Tekst] / T. N. Aleshkina // Sovremenny`e problemy` prava, e`konomiki i upravleniya. — 2015. — № 1. — S. 5-10. — Tekst: neposredstvenny`j.
3. Aminev, F. G. Aktual`ny`e voprosy` pravovogo regulirovaniya sozdaniya i funkcionirovaniya baz danny`x genoma cheloveka [Tekst] / F. G. Aminev, A. V. Chemeris, V. A. Anisimov, // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2020. — № 2(60). — S. 134-144. — Tekst: neposredstvenny`j. DOI: 10.33184/pravgos-2020.2.12
4. Aminev, F. G. DNK-kriminalistika — zarozhdenie, sovremennost` i perspektivy` [Tekst] / F. G. Aminev, V. A. Anisimov, R. R. Garafutdinov [i dr.] // Biomika. — 2019. — Т. 11 № 3. — S. 282-314. — Tekst: neposredstvenny`j. DOI: 10.31301/2221 -6197.bmcs.2019-26
5. Aminev, F. G. O vozmozhnostyax primeneniya novy`x tehnologij DNK-identifikacii lichnosti v celyax vseobshhej genomnoj registracii naseleniya Rossijskoj Federacii [Tekst] / F. G. Aminev, R. R. Garafutdinov, A. V. Chemeris, [i dr.] // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2022. — № № 1 (67). — S. 30-41— Tekst: neposredstvenny`j.
6. Aminev, F. G. O znachenii vseobshhej genomnoj registracii naseleniya Rossijskoj Federacii v bo`r`be s prestupnost`yu / F. G. Aminev [Tekst] // Yuzhno-ural`skie kriminalisticheskie chteniya. Doklady`

- Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2019. – S. 5-10. – Tekst: neposredstvennyj.
7. Aminev, F. G. O neobxodimosti prinyatiya Federal'nogo zakona "O vseobshhej genomnoj registracii v Rossijskoy Federacii" v celyax uluchsheniya kachestva raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij [Tekst] / F. G. Aminev // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2019. – № 3 (57). – S. 94-98. – Tekst: neposredstvennyj.
8. Aminev, F. G., Genomnaya registraciya vsego naseleniya i eticheskie voprosy formirovaniya i ispol'zovaniya sootvetstvuyushhix baz dannyx / F. G. Aminev, V. A. Anisimov, A. M. Sagitov [i dr.], [Tekst] // Aktualnye problemy sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v ugovnom, grazhdanskom, arbitrazhnom processe i po delam ob administrativnyx pravonarusheniyax. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. – Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2018. – S. 16-22. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Anisimov, V. A. Ob organizacionnom aspekte sovremennoj texnologii vseobshhej DNK-registracii grazhdan [Tekst] / V. A. Anisimov // Sovremennoe ugovno-processual'noe pravo - uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya. – 2020. – № 2(60). – S. 11-18. – Tekst: neposredstvennyj. DOI: 10.33184/pravgos-2020.2.2
10. Voly'nskiy, A. F. K voprosu o sozdaniy edinoj gosudarstvennoj sistemy registracii grazhdan: Problemy, puti ix resheniya [Tekst] / A. F. Voly'nskiy // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – № 9. – S. 56-58. – Tekst: neposredstvennyj.
11. Gribunov, O. P. Voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o genomnoj registracii: za i protiv [Tekst] / O. P. Gribunov // Sovremennoe ugovno-processual'noe pravo - uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya. – 2021. – t.1. №1(3). – S. 83-90. – Tekst: neposredstvennyj.
12. Gribunov, O. P. Vseobshhaya daktiloskopicheskaya registraciya grazhdan kak element realizacii kriminalisticheskogo preduprezhdeniya prestuplenij [Tekst] / O. P. Gribunov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 402. – S. 188-191. – Tekst: neposredstvennyj.
13. Mixajlov, M. A. V shage ot prinyatiya resheniya o vseobshhej daktiloskopicheskoy registracii [Tekst] / M. A. Mixajlov // Ekspert-kriminalist. – 2016. – № 1. – S. 36-39. – Tekst: neposredstvennyj.
14. Mixajlov, M. A. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya v Gosudarstvennoj Dume "Sovershenstvovanie sistemy daktiloskopicheskoy registracii" [Tekst] / M. A. Mixajlov, A. G. Volevodz, E. L. Sidorenko // Biblioteka kriminalista. – 2016. – № 1(24). – S. 368-378. – Tekst: neposredstvennyj.
15. Mixajlov, M. A. Pravovoe regulirovanie oborota daktiloskopicheskoy informacii [Tekst] / M. A. Mixajlov // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Yuridicheskie nauki. – 2010. – T. 23. № 1 (62). – S. 311-318. – Tekst: neposredstvennyj.
16. Mixajlov, M. A. Eticheskie problemy daktiloskopicheskoy registracii naseleniya [Tekst] / M. A. Mixajlov // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Yuridicheskie nauki. – 2010. – T.23. №1(62). – S. 311-318. – Tekst: neposredstvennyj.
17. Mochalov, A. N. Cifrovoy profil: osnovnye riski dlya konstitucionnyx prav cheloveka v usloviyax pravovoj neopredelennosti [Tekst] / A. N. Mochalov // Lex russica (Russkij zakon). – 2021. – T.74. №9. – S. 88-101. – Tekst: neposredstvennyj.
18. Panova, A. A. Vseobshhaya genomnaya registraciya: pro et contra [Tekst] / A. A. Panova, A. F. Sokolov // Enciklopediya sudebnoj ekspertizy. – 2014. – № 1(3). – S. 5-35. – Tekst: neposredstvennyj.
19. Povarov, Yu. S. Nedopushhenie stigmatizacii po geneticheskim priznakam: pravovoj aspekt [Tekst] / Yu. S. Povarov // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2021. – № 2(64). – S. 26-38. – Tekst: neposredstvennyj. DOI 10.33184/pravgos-2021.2.2.
20. Proekt dokumenta «O pozicii Cerkvi v svyazi s poyavleniem i perspektivami razvitiya novyx texnologij identifikacii lichnosti» [Elektronnyj resurs] //Russkaya Pravoslav'naya Cerkov'. Oficial'nyj sajt Moskovskogo Patriarxata.2012.URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2255365.html> (data obrashheniya: 12.10.2022).
21. Czovrebova, I. A. Gosudarstvennaya daktiloskopicheskaya registraciya: praktika primeneniya i perspektivy sovershenstvovaniya [Tekst] / I. A. Czovrebova // Teoriya i praktika kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. – 2011. – № 7. – S. 179. – Tekst: neposredstvennyj.

СУЩНОСТЬ, ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лагуточкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье раскрываются вопросы формирования и перспектив использования нейросетевых технологий (искусственного интеллекта) подразделениями органов внутренних дел, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Использование нейросетевых технологий выступает при этом одной из важнейших предпосылок структурного построения безопасности государства, где искусственный интеллект приобретает статус инструмента в достижении первоочередных целей правоохранительных органов.

Избрав цель занять достойное место среди ведущих стран мира в области развития информационного общества, наша страна активно развивает собственную информационную и телекоммуникационную инфраструктуру. Можно констатировать, что от декларирования намерений в указанной сфере государство перешло к конкретным действиям, и на этом пути уже достигнуты заметные результаты.

Применение искусственного интеллекта в правоохранительной сфере преопределяет инновационные подходы к выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, учеты.

Последние тенденции в развитии науки и техники позволяют говорить о том, что человечество стоит на пороге новой эры – эры искусственного интеллекта: технологии служат на благо жизни человека, а такие термины как «нейросети» и «эволюционные алгоритмы» не кажутся научно-фантастическими, а, напротив, весьма применимы в обыденной жизни. Однако любое изобретение должно служить во благо и удовлетворять конкретные потребности личности, общества, государства. Потому внедрение инновационных разработок в отдельные сферы государственного строительства считается весьма приоритетным направлением развития науки и техники.

Реалии современного мира позволяют говорить о значительной степени информатизации, а также цифровизации общественных процессов: увеличиваются информационные блоки, ускоряются информационные связи. Для обработки имеющегося объема данных сегодня весьма широко используются технологии, связанные с самообучающимися системами искусственного интеллекта. Как писал Н. Ротшильд: «Кто владеет информацией, тот владеет миром», - отсюда вполне очевиден вывод, что системы обработки информации с помощью нейронных сетей являются весьма актуальными и будут сохранять данное свойство до тех пор, пока человек будет заинтересован в процессах обработки, хранения и передачи информации.

Как известно мозг человека способен воспринимать и обрабатывать поступающий информационный поток в достаточно сложном процессе работы нейронных связей и близко не может быть похож на компьютерный метод обработки информации. Однако, человеческий мозг может напоминать сложный нелинейный параллельный компьютер в котором нейроны мозга создают соединения друг с другом в

различных комбинациях, при этом количество соединений может составлять до 100 000. Человеческий мозг способен организовать функционирование нейронов так, чтобы они выполняли свою работу (обработка сигналов органов чувств, распознавание образов, моторика тела) во несколько раз быстрее, чем могут позволить современные суперкомпьютеры, например, за счет выстраивания нелинейных параллельных связей между элементами взаимодействия. В то же время, современные компьютеры, с нейросетевыми связями (искусственным интеллектом) выполняют функцию, связанную с обучением на примерах, на закладываемых алгоритмах, способны к самостоятельному анализу данных, они могут адаптироваться к изменению свойств объекта управления и подстраиваться к внезапно изменившимся условиям внешней среды, при этом обладая высочайшей устойчивостью к повреждению своих элементов при использовании нейросетевой архитектуры. В настоящее время во многих системах для принятия решений и управления процессами используются искусственные нейросети.

Так, весьма значительных успехов, как в теоретическом, так и в практическом исследовании искусственного интеллекта добилась Япония, где в 2000-е годы компьютеризация достигла определённых вычислительных возможностей. Это в свою очередь, позволило выработать методы «машинного обучения» - такие методы, которые используют математические модели исчисления, предназначенные для аналитической обработки данных об определенных явлениях. И что очень важно, обучение искусственного интеллекта на основе выявленных таким образом тенденций и принятие решений, а также прогнозирование на основе результатов этого обучения [5].

Широта применения искусственного интеллекта весьма разнообразна – это семантический поиск, экспертные системы и системы поддержки принятия решений, распознавание текста и речи, предсказание курсов акций, анализ текстов, системы безопасности. Нейросети особенно эффективны там, где нужно подобие человеческой интуиции, в частности к таким задачам относится принятие решений.

На сегодняшний день искусственный интеллект становится весьма перспективной инвестицией для таких корпораций, как Яндекс, Google, Yahoo, DWANGO, Preferred Networks, а также для таких крупных предприятий, как Toyota, FANUC и многих других.

Перспективы развития искусственного интеллекта в контексте рыночной экономики и коммерческих интересов вполне очевидны. На наш взгляд, наиболее актуальными на сегодняшний день являются вопросы внедрения искусственных нейронных сетей в деятельность учреждений и организаций социальной сферы, а также государственных органов. Обусловлено это исключительно утилитарными потребностями государства и общества, которые могут быть удовлетворены гораздо меньшим количеством затрачиваемых на это ресурсов.

Говоря о сфере применения нейросетей, стоит отметить, что на сегодняшний день она весьма обширна. Более того интерес к искусственному интеллекту возрастает в геометрической прогрессии. Потому считаем, что выбранная нами тематика научного исследования наиболее актуальна и соответствует потребностям современного общества.

Для того, чтобы дать понятие искусственной нейросети, используемой в оперативно-розыскной деятельности, считаем необходимым отталкиваться от функционального инструментария искусственного интеллекта.

Отталкиваясь от целей и задач борьбы с преступностью, мы можем перечислить те функции, которые могли бы реализовать нейросети при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Так, например, к их числу можно отнести: своевременное и наиболее полное документирование преступной деятельности лиц, подозреваемых в совершении преступления; эффективность планирования и проведения оперативно-розыскных мероприятий (а также оперативно-поисковых мероприятий по выявлению лиц, совершивших преступление, розыску преступников); достаточный уровень информационного обмена между оперативными подразделениями и службами в целях повышения их мобильности и качества взаимодействия при осуществлении оперативно-розыскной деятельности; прогнозирование и планирование при осуществлении оперативно-розыскной деятельности субъектами управления в целях оптимизации служебного процесса и экономии трудовых ресурсов и др.

Моделирование решаемых задач дает основание говорить о необходимости в перспективе использования субъектами ОРД искусственных нейросетей как средства ОРД. Закономерным будет тезис о том, что искусственный интеллект может стать комплексным средством ОРД, объединив в себе природу учетов и технических средств, используемых для решения задач ОРД [6].

На наш взгляд, данный подход вполне рационален. Использование искусственного интеллекта имеет значительное количество преимуществ, среди которых, например:

1) экономия времени, сил и средств ОРД.

В контексте постоянно меняющейся оперативной обстановки весьма актуальными становятся вопросы рационального использования сил и средств. Так, например, нейросеть посредством постоянного мониторинга и контроля за состоянием оперативной обстановки, а также имеющихся в ее распоряжении баз данных позволяет спрогнозировать какое ОРМ и когда необходимо осуществить в целях пресечения противоправной преступной деятельности лица. За счет чего повышается результативность проведения ОРМ, так как принятое системой решение основано на синхронизированном анализе взаимосвязанных данных.

2) полнота и своевременность документирования преступной деятельности.

Благодаря тому, что мониторинг состояния оперативной обстановки искусственной нейросетью ведется постоянно, исключается вариант, что какое-либо совершенное противоправное деяние окажется неучтенным и незамеченным для оперативных подразделений.

Таким образом, будет решаться еще и задача контроля за учетно-регистрационной деятельностью органов внутренних дел. Более того, если информация, полученная в рамках мониторинга нейросетью, после соответствующей санкции территориального органа внутренних дел будет зарегистрирована в КУСП, то нейросеть способна обработать и включить уже обработанные данные в соответствующую автоматизированную базу данных. Тогда оперативность отражения оперативно-значимой информации в учетах с целью информирования иных оперативных подразделений и служб будет обеспечена.

3) решение кадрового вопроса, а также стабилизация служебной нагрузки на оперативного сотрудника.

Внедрение искусственного интеллекта в деятельность оперативных подразделений позволит сэкономить трудовые ресурсы для принятия наиболее значимых управленческих решений. Более того чем выше объем данных, на основе которых формируются самообучающиеся алгоритмы нейросети, тем выше качество принимаемых ею решений и рекомендаций, имеющих ориентирующее значение при планировании оперативно-розыскной деятельности. Данный факт может иметь определяющее значение особенно в случаях, когда объем территории оперативного обслуживания, закрепленного за соответствующим территориальным органом, весьма велик и имеется некомплект сотрудников в оперативном подразделении.

Так или иначе, решение отдельных тактических или оперативно-служебных задач при помощи искусственных нейронных сетей позволяет решить одну глобальную проблему – это повешение защищенности государства и общества от противоправных посягательств. Ведь именно эту цель должна преследовать деятельность всех правоохранительных органов государства, включая оперативные подразделения и службы.

4) сокращение коррупционных влияний в борьбе с преступностью.

Для искусственного интеллекта, в соответствии со ст. 8 ФЗ «Об ОРД» – пол, национальность, расовая принадлежность и иные указанные характеристики не являются препятствием к проверке и анализу данных на предмет участия в преступной и иной противоправной деятельности. Кроме того, должностное положение фигуранта или степень участия лица в обеспечении правопорядка или судебной деятельности не сможет оказывать воздействие на декларирование предложений искусственного интеллекта, в части исполняемых им предназначений. Это позволит беспринципно подходить ко всем лицам, находящимся на территории Российской Федерации, равных в правах и обязанностях перед законом. В случаях, если фигурант подпадает под действие федеральных законов как спецсубъект, имеющий особый правовой статус (депутаты, судьи и др.), искусственный интеллект вправе затребовать предварительные (разрешающие) материалы для обеспечения доступа к результатам своей работы.

Среди основных тенденций развития оперативно-розыскной деятельности наряду с нормативно-правовым совершенствованием глобальным направлением остается технический прогресс. Он осуществляется за счет внедрения в жизнь человека все более новых образцов техники разрабатываемых на инновационных принципах работы, являющихся неотъемлемой частью жизнедеятельности социума.

В свое время подобными технически революционными изобретениями являлись компьютеры и сетевые возможности их использования, сотовая связь, позволяющая в разы увеличить коммуникативность общества и развивающая иные сервисные технологии данного процесса.

Искусственный интеллект в ближайшем будущем однозначно займет свою нишу в общественной востребованности, как для социальной сферы, так и в экономике, особенно, в части потребления и т.д. Для того, чтобы программы искусственного интеллекта могли полноценно работать, должны быть сформированы подразделения, на которые будет возложена ответственность за развитие технического обеспечения рабочих процессов [7].

В правоохранительной деятельности использование нейросетевых технологий – новейшая веха, которая позволит на «революционном уровне» пересмотреть и усовершенствовать работу органов внутренних дел. Остается много вопросов применения нейросетевых технологий: их техническое обеспечение, организация и применение в решении конкретных правоохранительных задач, в т.ч. задач оперативно-розыскной деятельности.

Существование искусственного интеллекта абсолютно невозможно без исходной информации, банков данных или учетов формируемых различной категорией субъектов. Данные банки информации можно разделить на следующие категории: государственные банки данных (учеты органов внутренних дел; учеты государственных организаций); негосударственные банки данных.

В целом для формирования учетов имеется ряд требований: 1) точность – каждый объект должен быть подробно описан по всем присущим ему одному признакам; 2) полнота и достоверность – должны быть учтены все объекты, подлежащие учету; 3) своевременность – необходимо своевременно выявлять и регистрировать объекты, подлежащие учету; 4) целенаправленность – четкое разграничение сведений в зависимости от информационной потребности субъектов оперативно-розыскной деятельности и выбор оптимального управленческого уровня системы органов внутренних дел для организации учета; 5) простота и удобство – наличие унифицированных, несложных для заполнения, но охватывающих все признаки объекта учета документов, карточек; а также широкое применение автоматизированных поисковых систем; 6) Комплексность – сочетание логически увязанных сведений, полученных из различных источников; 7) Ценность (полезность) – из всего существующего разнообразия информации должна отбираться только та, которая будет способствовать эффективному решению задач оперативно розыскной деятельности.

Как известно учеты органов внутренних дел – это система регистрации, сосредоточения, классификации, хранения данных о лицах, предметах, событиях по их признакам, предназначенная для эффективного информационного обеспечения деятельности ОВД и их оперативных подразделений в целях предупреждения, раскрытия, расследования преступлений, розыска скрывшихся преступников и иных категорий разыскиваемых лиц.

Отдельно хотелось бы отметить учеты государственных органов, не относящихся к правоохранительной деятельности. Основным источником информации для правоохранительной деятельности являются медицинские учреждения.

Следует иметь в виду, что в последнее время многие крупные медицинские учреждения переходят на автоматизированный учет пациентов и это положительно соотносится с внедрением нейросетевых технологий.

Отдельно необходимо остановиться на негосударственных базах данных формируемых предприятиями организациями учреждениями в части осуществления предпринимательской и иной деятельности, в том числе объединении осуществляющих некоммерческую деятельность.

Формируемые информационные системы позволяют оптимизировать деятельность юридических лиц, формируя сведения о клиентах, о динамике спроса, ценообразовании и т.д.

Для правоохранительных органов эти сведения не менее интересны в части осуществления контроля в отношении лиц подготавливающих, совершающих, совершивших преступления, а также выявления сопутствующей информации, связанной с выявлением свидетелей или очевидцев преступлений или иной информации имеющей доказательственное значение.

Так, приобретение и доставка гражданам коммерческой организацией через интернет-магазин зарубежных представителей предметов могущих подпадать под ст. 138.1. УК РФ (незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации) образует уже состав преступления и взаимодействие в этой части с подобными коммерческими структурами является обязательным [4].

Особое внимание следует уделить формируемым базам данных в банковской сфере. Коммерческие банки вкладывают в обеспечение собственной безопасности огромные суммы денежных средств, в разработку информационного контента, а также в передовые технологии. Сегодня практически большинство кредитов выдается гражданам с обязательной процедурой идентификации личности Face-ID. С учетом развития в МВД России технологии распознавания лиц, полученные сведения из негосударственных органов достаточно дополнили имеющийся банк данных. Это позволило более широко применять полученные сведения.

Существует отдельная отрасль, с которой правоохранительные органы обязаны осуществлять взаимодействие – организации предоставляющие услуги телекоммуникационных технологий и сотовой связи. Не является секретом то, что практически все оперативно-розыскные мероприятия ограничивающие права и свободы человека и гражданина преимущественно осуществляются совместно с рассматриваемыми организациями. Банки данных формируемые этими организациями являются весьма «ценным» контентом для оперативно-розыскной деятельности, а принятые федеральные законы («законы Яровой» [3]) обязывают операторов связи обеспечивать хранение звонков и сообщения абонентов за период, определяемый Правительством Российской Федерации (но не более, чем за 6 месяцев) в соответствии с 64-й статьей федерального закона «О связи», а информацию о фактах приема, передачи, доставки и обработки сообщений и звонков – 3 года [2].

Представленные для хранения данные являются весьма ценными данными для правоохранительной деятельности, не только ввиду характера передаваемой информации, но и в части, выявления уникальности голоса для последующей идентификации человека. Эти сведения расширяют возможности информационных баз для искусственного интеллекта. Рассмотренные выше информационные ресурсы, это всего лишь малая часть данных, которые необходимо использовать для обработки с использованием нейросетевых технологий.

Таким образом, возможности искусственного интеллекта позволяют решать вопросы, возникающие при решении задач ОРД, наряду с другими средствами – учеты, технические средства, служебные собаки и иные средства, используемые при осуществлении оперативно-поисковых и оперативно-розыскных мероприятий. Потому совершенствование технической составляющей деятельности оперативных подразделений кажется нам наиболее обоснованным и необходимым способом

упредить преступную деятельность еще на этапе подготовки к совершению преступления.

На сегодняшний день особое место среди наиболее посещаемых онлайн-платформ заняли социальные сети, используемые в качестве особых ресурсов, обеспечивающих контакт между людьми.

Крупнейшей социальной сетью отечественного сегмента Интернета является «ВКонтакте» с целевой аудиторией более 90% юношей и более 94% девушек. При этом в последнее время среднестатистический интернет-пользователь не ограничивается поисковой системой или почтой и, как правило, подписан сразу на несколько социальных сетей («ВКонтакте» – 90-93% несовершеннолетних пользователя, Facebook – 13-15%, «Одноклассники» – 16%, Twitter – 10%, Instagram – 54%), новостные сайты, блоги, тематические и справочные проекты. Кроме того, для пользователя открываются значительные возможности для свободного взаимодействия в онлайн-режиме не только посредством социальных сетей, но и через ICQ, Messenger, Skype, Viber, Jabber, WhatsApp и т. д. [5].

Вполне очевидно, что социальная среда указанных платформ не только не препятствует, но и во многих случаях способствует криминогенному влиянию на несовершеннолетних. Криминогенный потенциал контента социальных сетей прогрессирует благодаря таким свойствам, как общедоступность, открытость, востребованность, децентрализованность и анонимность.

Комплексное сочетание указанных качеств зачастую негативно воздействует на несовершеннолетних пользователей, ведь способствует латентному информационно-психологическому воздействию на эмоционально-поведенческое и когнитивное состояние неограниченного количества пользователей, формирует и изменяет их социальные установки, деформирует правосознание и поведение несовершеннолетних. Поэтому вследствие негативного воздействия контента социальных сетей дети и подростки становятся не только потерпевшими от преступлений, но иногда и сами превращаются в источник повышенной опасности.

Практика показывает, что социальные сети в настоящее время представляют уникальные возможности для распространения негативной информации; организации сообществ противоправного характера; коммуникации с целью вовлечения в осуществление преступных деяний; обмена преступным опытом. Угрозы, преследующие несовершеннолетних в соцсетях многогранны и разнообразны [3].

Отечественные и зарубежные исследователи на протяжении последних нескольких лет пытаются выяснить причины наиболее активного использования соцсетей как отдельными преступниками, так и целыми преступными сообществами. По мнению специалиста в области уголовного права А.В. Манойло, это связано со следующими условиями:

- Несовершеннолетние пользователи в силу физиологических возрастных особенностей в условиях использования интернет-ресурса не обладают критическим мышлением, их бдительность снижена, что делает их потенциальными жертвами.
- Утрата способности избирательности у человека в части его окружения и ближайшего круга общения размывается в условиях мнимого ощущения неприкосновенности в виртуальном пространстве.

- На данном этапе развития эволюции человека исключается возможность восприятия в качестве объекта опасности картинки. Именно ей (так называемым аватаром) представлена в соцсети личность любого пользователя. На уровне подсознания в качестве угрозы может распознаваться лишь физический объект, поэтому преступник без труда втирается в доверие.

- Чёткие границы привлечения к ответственности в виртуальном пространстве также размываются вследствие сложности раскрытия преступления [2].

По нашему мнению, исследователем А.В. Манойло не было указано ещё одно актуальное на сегодняшний день условие развития преступности в соцсетях – минимизация личного взаимодействия граждан в условиях карантина из-за опасной болезни COVID-19. Изоляция в домашних условиях напрямую повлияла на переход весомой части несовершеннолетних в онлайн-режим. В частности, компания GlobalWebIndex при поддержке команды соцсети «VK Coffe» произвела опрос 12 тысяч граждан из 13 стран и установила, что с 2020 года численность активных пользователей соцсетей пополнилась на 45%.

Статистические данные Следственного комитета Российской Федерации свидетельствуют о том, что смена образа жизни взрослых и детей в условиях карантина повлияла на показатели, связанные с преступностью в Интернете. В частности, в 2020 году в Интернете было совершено 510 369 преступлений, что превышает аналогичные показатели 2019 г. более чем на 73%. Среди них 677 фактов незаконной организации и проведения азартных игр, 589 случаев распространения порнографических материалов с изображением несовершеннолетних, более 2700 хищений чужого имущества, иные тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и экстремистскими проявлениями, в том числе совершаемые детьми и подростками [6].

«Постоянное сидение дома закономерно приводит к увеличению времени, проводимого несовершеннолетними в интернете. Поэтому повысились риски совершения против детей преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» – указала зампредседателя Следственного комитета РФ Е.Е. Леоненко [9].

Соответственно, данное условие стало причиной роста преступлений, совершаемых посредством использования социальных сетей.

В.С. Соловьёв внёс предложение введения статистических данных преступлений, совершаемых с использованием соцсетей. Несмотря на то, что подобные преступления имеют латентный характер, отечественному специалисту удалось осуществить собственную систематизацию: незаконный оборот наркотиков (24,5%); посягательства на частную собственность (18,4%); преступления экстремистского и террористического характера (10,9%); распространение порнографии (10,3%); преступления против конституционных прав человека (9,1%); преступления в сфере компьютерной информации (7,9%); преступления против жизни и здоровья (5,4%); иные общественно опасные деяния [4].

Причём 81% из вышеперечисленных преступлений совершались во «ВКонтакте». Таким образом, несовершеннолетние, составляющие весомую часть пользователей социальной сети «ВКонтакте», наиболее часто становятся жертвами педофилов, администраторов групп смерти, занимающихся пропагандой самоубийства, мошенников [1].

В первую очередь, хотелось бы отметить, что государственные органы, в частности, органы внутренних дел осуществляют активный мониторинг недоброкачественного контента в виртуальной сети с целью последующей его ликвидации и привлечения к ответственности виновных.

Наиболее свежая статистика Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций демонстрирует, что в период с 2012 по 2018 гг., благодаря оперативным действиям внесены в реестр и заблокированы более 350 тыс. онлайн-ресурсов, на которых была размещена запрещённая информация. В частности, более чем на 92 тыс. подобных ресурсов осуществлялся незаконный оборот наркотиков (из них удалено 81 660 страниц, к 11 088 страницам доступ ограничен). На основании данного опыта был сделан вывод, во-первых, о беспрецедентном омоложении наркобизнеса, ведь средний возраст сбытчика составляет 19 лет, во-вторых, о значительном увеличении случаев вовлечения несовершеннолетних пользователей в сбыт наркотиков в онлайн-режиме именно через социальные сети и мессенджеры [7].

В рамках проделанной работы было заблокировано более 65 тыс. ресурсов, на которых распространялась детская порнография. Причём с июня 2017 г. по 2018 г. было обнаружено более 26 тыс. противозаконных материалов по признакам преступлений, предусмотренных пунктом «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ. По признакам данного состава преступления было осуждено всего 189 человек.

Более чем на 39 тыс. страницах была размещена информация с призывом к самоубийству, 14 тыс. страниц с суицидальным контентом были внесены в специализированный Единый реестр запрещенной к распространению в России информации с начала 2020 года. Так называемые группы смерти – наиболее опасные страницы, активно размещаемые в социальных сетях в 2016-2017 гг.

В качестве примера можно привести игру «Синий Кит». По хештегу #синийкит более 800 пользователей социальных сетей в 2017 г. ждали, что им напишет куратор – мошенник, который раздавал каждому желающему задания (по одному в течение 50 дней) – от самого простого (например, забраться на крышу) до самого сложного (к примеру, сделать разрез на коже). На пятидесятый день у каждого подростка, вовлечённого в игру, задание было одинаковое – покончить жизнь самоубийством. Игра «Синий Кит» и подобные ей игры («Тихий дом», «Море Китов», «Разбуди меня в 4:20» и другие) спровоцировали смерть сотен школьников России.

Согласно статистике Следственного комитета РФ, за последние три года суицид совершили 2 205 детей и подростков. При этом отмечается, что попытки суицида многократно превышают число реальных самоубийств, а для половины из подростков такие попытки являлись неоднократными, а систематическими [9]. Кроме того, весомым фактором криминализации несовершеннолетних являются группы, пропагандирующие криминальный образ жизни. В качестве примера можно привести группы АУЕ («Арестантский уклад един») в соцсетях, состоящие из неформальных банд детей и подростков, идеализирующих и романтизирующих жизнь преступников. Система норм и ценностей, пропагандируемых в подобных сообществах, схожа с криминальной идеологией и подобной линией поведения. С 2016 г. по сей день детьми и подростками совершаются преступления с характерными криками «АУЕ».

Так, 24 августа 2018 г. компания из 15 подростков в течение двух часов ходила и избивала прохожих на улицах Санкт-Петербурга. Жертвами банды стали 16 чел. В результате совершения преступления было возбуждено 2 уголовных дела по статьям «Побои» и «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью».

Мониторинг и ликвидация сообществ «АУЕ» в социальных сетях началось ещё в 2017 г. По утверждению представителя Генеральной прокуратуры России, в 2017-2018 гг. при поддержке региональных судов было заблокировано более 7 тыс. преступных сообществ.

17 августа 2020 г. Верховный суд РФ постановил признать международное общественное движение АУЕ экстремистской организацией; с 2018 года стали ужесточаться наказания за склонение детей и подростков к суициду; были заблокированы соответствующие группы во «ВКонтакте» и «Одноклассниках» [8].

Кроме того, перспективным, по нашему мнению, является изменение ст. 128.1 УК РФ, а именно – ужесточение уголовной ответственности за клевету и оскорбления, которые также являются популярным составом преступлений в соцсетях. Так, с 10 января 2021 г. в ст. 128.1 были добавлены дополнительные квалифицирующие составы, а также значительно увеличен штраф за совершение преступления (за клевету – 1 000 000 руб., за ложное обвинение в преступлении против половой неприкосновенности – до 5 000 000 руб.) [8].

Также важные изменения коснулись ст. 230 УК РФ – Склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В частности, с 7 марта 2021 г. уже действуют новые квалифицирующие обстоятельства для данного состава преступления –использование Интернета для совершения преступления.

Кроме того, хотелось бы остановиться на рассмотрении новых деяний, которые стали популярны в соцсетях с 2019-2020 г. Именно по этой причине данные деяния до сих пор не вошли ни в один состав преступлений, однако каждое из них несёт угрозу для развития детей и подростков.

- «Зумбобинг». Во время самоизоляции наиболее популярным приложением, предназначенным для дистанционного обучения, стал Zoom, позволяющий создать онлайн-платформу для взаимодействия неограниченного круга лиц по аудио- и видеосвязи. Отсутствие жестких мер безопасности в этом сервисе привело к появлению нового вида хулиганства, получившего название «зумбомбинг», когда пользователь подключается к чужой конференции и загружает на всеобщее обозрение порноролики или другой контент, который может быть неприемлем для определенных обучающихся.

Одно из первых нападений было реализовано на одном из занятий школ Норвегии. Организаторы видеоконференцсвязи вынуждены были остановить онлайн-занятие после того, как в чате класса появился голый человек – неизвестный мужчина, подключившись к конференции, адрес которой он подобрал вручную, разделся на глазах у нескольких несовершеннолетних детей. Важно отметить, что в последнее время зафиксировано несколько подобных случаев, когда взрослые люди намеренно ищут видеоконференции со школьниками, которые вынуждены обучаться удаленно из-за коронавируса.

При этом отсутствие в диспозиции ст. 213 УК РФ «Хулиганство» оснований для привлечения данных нарушителей порядка к уголовной ответственности,

способствуют их полной безнаказанности (до сегодняшнего дня ни один субъект не был привлечён к ответственности).

- «Секстинг». Наиболее популярное в социальных сетях действие, связанное с рассылкой чужих фотографий интимного характера. Исследование социальных сетей, в частности, «ВКонтакте» позволило выявить более 100 тыс. групп с целевой аудиторией численностью до 10 тыс. человек, в которых регулярно осуществляется рассылка подобных фотографий.

Отсутствие законодательного закрепления данного деяния, а также факт существования и регулярного обновления вышеуказанных сообществ, позволяют сделать вывод о полной безнаказанности виновных.

- «Грумминг». Целенаправленное установление дружеских отношений с ребёнком с целью последующего вступления с ним в половой контакт – новый вид насилия над несовершеннолетними. Особая опасность действий нарушителя кроется в том, что своевременно предупредить или пресечь последствия невозможно. Сущность деяния заключается в следующем: мужчины (как показывает практика, зачастую их возраст превышает тридцать лет) создают в социальной сети фэйковую страницу ребёнка – ровесника будущей жертвы и завязывает дружеский диалог с несовершеннолетним, повествуя выдуманные истории из жизни, поддерживая его. Особое психологическое давление, оказываемое на ребёнка, зачастую является поводом для добровольного выполнения «просьб» виртуального знакомого.

Безусловно, каждое из представленных нами нарушений представляет особую опасность для физического и психологического развития несовершеннолетних. Однако факт отсутствия диспозиций соответствующих статей препятствует оперативно-розыскным подразделениям предупредить и пресечь эти преступления для последующего возбуждения административных или уголовных дел. По нашему мнению, устранение таких пробелов в законодательстве является необходимостью в настоящее время.

В первую очередь отметим, что в уголовном законодательстве США уже существует такой состав преступления как «Зумбобинг». По нашему мнению, следует внедрить данный состав преступления и в Российское законодательство в качестве квалифицирующего обстоятельства для ст. 213 УК РФ «Хулиганство».

Далее отметим, что нам представляется целесообразным ввести новый состав правонарушения в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ – «Секстинг».

Наконец, «Грумминг», по нашему мнению, должен стать квалифицирующим признаком для ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста».

Таким образом, современная архитектура общедоступности, открытости, востребованности и децентрализованности социальных сетей делает их легким орудием для совершения преступлений как несовершеннолетними, так и в отношении них.

Список литературы:

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с учетом последних изменений) // Справ.-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2022).
2. Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ (последняя редакция) // Справ.-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата об-

ращения: 20.08.2022).

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ // Справ.-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2022).

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ // Справ.-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2022).

5. Симидзу Рё. Искусственный интеллект в Японии: глубокое обучение и текущая ситуация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00307/> (дата обращения: 14.08.2022).

6. Озеров И.Н. Осуществление оперативно-разыскной деятельности в особых условиях // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2 (32). С. 109–112.

7. Зоз В.А., Шроль А.Р. Использование технологий искусственного интеллекта в правоохранительных органах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 2. С. 191–194.

Lagutochkin A. V. The essence, formation and prospects of using neural network technologies in operational investigative activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 354-365.

The article reveals the question of the legal genesis of the problems associated with juvenile delinquency, The article reveals the formation and prospects of use of neural network technologies (artificial intelligence) by internal affairs units, carrying out operational and investigative activities.

The use of neural network technology is one of the most important prerequisites for the structural construction of state security, where artificial intelligence acquires the status of a tool in achieving the primary goals of law enforcement agencies.

Having chosen the goal to take its rightful place among the leading countries of the world in the development of the information society, our country is actively developing its own information and telecommunications infrastructure. It can be stated that the state has moved from declaring intentions in the mentioned sphere to concrete actions, and notable results have already been achieved on this way.

The use of artificial intelligence in law enforcement determines the innovative approaches to detection, prevention, suppression and solving of crimes in the Russian Federation.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, operational-search activities, operational-search activities, records.

Spisok literatury:

1. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ (s uchetom poslednih izmenenij) // Sprav.-pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 20.08.2022).

2. Federal'nyj zakon «O svyazi» ot 07.07.2003 № 126-FZ (poslednyaya redakciya) // Sprav.-pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 20.08.2022).

3. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terrorizmu» i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyh mer protivodejstviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti: Federal'nyj zakon ot 06.07.2016 № 374-FZ // Sprav.-pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 20.08.2022).

4. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyh mer protivodejstviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti: Federal'nyj zakon ot 06.07.2016 № 375-FZ // Sprav.-pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 20.08.2022).

5. Simidzu Ryo. Iskusstvennyj intellekt v Yaponii: glubokoe obuchenie i tekushchaya situaciya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00307/> (data obrashcheniya: 14.08.2022).

6. Ozerov I.N. Osushchestvlenie operativno-rozysknoj deyatel'nosti v osobyh usloviyah // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. 2021. № 2 (32). S. 109–112.

ИНФРАСТРУКТУРА РЫНКА ТРУДА КАК ВИД СПЕЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА¹

Босос Е. В.

Московский государственный юридический университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Автором рассматривается современная инфраструктура рынка труда в контексте ее влияния на развитие предпринимательской среды и интеллектуальной экономики. Отмечаются основные направления модернизации сферы труда и занятости, обусловленные цифровизацией общества, изменением характера трудовых отношений и появлением новых форм бизнес-сотрудничества.

Ключевые слова: предпринимательская среда, инфраструктура предпринимательства, инфраструктура рынка труда, цифровизация рынка труда.

В последние годы предпринимательский сектор в России подвергается серьезным испытаниям, которые вызваны структурными изменениями в экономике вследствие пандемии COVID-19 и санкционного давления. При этом в наибольшей степени негативные обстоятельства отразились на рынке труда. В соответствии со статистическими данными кризисные явления в торгово-промышленной сфере в 2020 году привели к уменьшению количества занятых граждан до 70 млн. (при общей численности рабочей силы примерно 75 млн. человек) и росту численности официально зарегистрированных безработных на 323,5% по сравнению с предыдущим годом, увеличив в итоге уровень безработицы до 5,8% [1, с. 14]. В настоящее время ситуация на рынке труда, несмотря на непродолжительный период снижения безработицы, остается нестабильной в связи с введенными против РФ экономическими ограничениями. С другой стороны, внедрение современных технологий, цифровизация промышленного производства и сферы услуг приводят к дефициту квалифицированных кадров, обладающих соответствующими навыками.

В сложившихся условиях для бизнеса первоочередное значение имеют эффективные инфраструктурные отношения, складывающиеся как по поводу найма и переобучения работников, так и в связи с привлечением незанятых граждан к предпринимательской деятельности. Таким образом, следует согласиться с тем, что «... создание новых рабочих мест и условий для ведения малого бизнеса – это одно из направлений деятельности руководства РФ в процессе решения задачи обеспечения более благоприятной предпринимательской атмосферы ...» [2, с. 68]. При этом в соответствии со ст. 5 Закона РФ от 19 апреля 1991 года №1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон РФ о занятости) государственная политика в области содействия занятости населения также направлена, в том числе, на поддержку трудовой и предпринимательской инициативы граждан, содействие развитию их способностей к производительному, творческому труду.

Формирование и укрепление кадрового потенциала страны в целях решения приоритетных задач научно-технологического и социально-экономического развития РФ обеспечивается в настоящее время такими базовыми документами, как указ

¹ Исследование проведено в рамках выполнения НИР «Влияние системных проблем развития предпринимательской среды в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации экономики и формирование путей их разрешения» (8-ГЗ-2022).

Президента РФ от 07 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», указ Президента РФ от 21 июля 2020 года №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», Стратегия развития национальной системы квалификаций Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия развития квалификаций).

Поскольку рынок труда является частью рыночной экономики, разновидностью рынка ресурсов, а «... рыночная экономика по самой природе носит предпринимательский характер» [3, с. 19], то инфраструктуру рынка труда справедливо рассматривать в качестве одного из видов специальной инфраструктуры предпринимательства.

Исходя из широкого понимания инфраструктуры как интегральной экономической категории, составляющие которой создают условия для устойчивого функционирования и развития экономического производства, товарного обмена и жизнеобеспечения [4, с. 9], в научной литературе представлены, в частности, следующие определения инфраструктуры предпринимательства:

1) как комплекса общих условий, обеспечивающих развитие предпринимательства в основных отраслях народного хозяйства и удовлетворяющих потребности всего населения (точка зрения западных экономистов) [5, с. 2];

2) как совокупности институтов и посреднических структур, связывающих производителя продукции (услуг) и потребителя в едином рыночном пространстве [6, с. 39];

3) как совокупности специализированных (включающих инфраструктурные отрасли) и отраслевых (включающих виды инфраструктуры) факторов, направленных на обеспечение функционирования и оказания поддержки субъектам предпринимательства, а также способствующих активизации ресурсов предпринимателя [7, с. 10];

4) как системы экономико-организационных и правовых отношений по поводу оказания инфраструктурных услуг, то есть деятельности организаций инфраструктуры по реализации функций имущественной, финансовой, консультационной, информационно-правовой, инновационной, социальной, экспортной поддержки бизнеса [8, с. 12-13].

Соответственно различаются и доктринальные понятия инфраструктуры рынка труда, которая, в частности, определяется:

1) как составная часть рынка труда, включающая организации, обеспечивающие содействие занятости, а также нормативно-правовую и финансовую среду [9, с. 56];

2) как совокупность отношений субъектов хозяйствования, обслуживающих работодателей, наемных и других работников, реализующих свое воздействие на рыночную экономику через механизмы экономического, демографического, правового, организационного и социального регулирования в процессе формирования, распределения и перераспределения рабочей силы по отраслям народного хозяйства и регионам страны [10, с. 141].

Инфраструктура рынка труда как часть инфраструктуры предпринимательства выполняет те же функции, что и инфраструктура предпринимательства в целом, - воспроизводственную и регулирующую [6, с. 40]. Воспроизводственная функция заключается в создании условий для существования и непрерывного движения

производственных процессов путем вовлечения населения в предпринимательские структуры. Регулирующая функция направлена на обеспечение баланса интересов субъектов экономики, равномерного распределения человеческих ресурсов, а в целом на достижение национальной экономической безопасности.

В настоящее время значительная роль в инфраструктуре рынка труда по-прежнему отводится государственной службе занятости, включающей в себя Федеральную службу по труду и занятости (Роструд), органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие полномочия в области содействия занятости населения и государственные учреждения службы занятости населения.

На данный момент государственная служба занятости находится в стадии модернизации, введения новых принципов консультирования и оказания государственных услуг на основе современных цифровых технологий. Совершенствование деятельности службы занятости населения и повышение ее эффективности – главное направление государственной политики в сфере содействия занятости населения, исходя из паспорта национального проекта (программы) «Производительность труда и поддержка занятости», который начал реализовываться в 2019 году. Представляется, что практическим следствием реформирования должно стать максимальное удовлетворение трудовой потребности населения, особенно в условиях повышения производительности труда, создание условий для реализации предпринимательской инициативы, развитие и сбережение человеческого капитала.

В соответствии с подп. 3 ч. 2 ст. 15 Закона РФ о занятости ключевыми задачами государственной службы занятости населения как структуры, обеспечивающей взаимодействие субъектов на рынке труда, является помощь гражданам в поиске подходящей работы и содействие работодателям в подборе необходимых работников, осуществляемыми в соответствии с новыми стандартами, утвержденными Минтрудом России в 2022 году. Оказание данных государственных услуг осуществляется посредством Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», функционирующей в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 13 мая 2022 года №867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России». Используя данную федеральную государственную информационную систему, работодатель имеет возможность оперативно размещать сведения о себе и имеющихся вакансиях, в том числе для лиц с ограниченными возможностями, взаимодействовать с органами службы занятости населения, гражданами, ищущими работу, и работниками. Посредством единой цифровой платформы через подсистему «Электронный кадровый документооборот» обеспечивается создание, подписание, использование и хранение работодателем, работником, лицом, поступающим на работу, документов, связанных с работой, оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе.

Однако деятельность государственной службы занятости населения не ограничивается исключительно посредническими услугами и направлена также на оценку текущего состояния занятости населения и прогнозирование ее дальнейшего развития, на информирование о положении на рынке труда (подп. 1 ч. 2 ст. 15 Закона РФ о занятости). Мониторинг отношений в сфере занятости позволяет вовремя оценивать потребности экономики и бизнеса в трудовых ресурсах, актуализировать профессиональные навыки граждан, прогнозировать появление новых квалификаций и

ориентировать образовательные организации на подготовку востребованных специалистов. В соответствии со Стратегией развития квалификаций полномочия по проведению мониторинга рынка труда, экспертизе образовательных стандартов и программ, актуализации профессиональных стандартов возложены на советы по профессиональным коммуникациям, создаваемые на базе объединений работодателей по отраслевому и профессиональному признаку. Данные советы создают основу инфраструктуры национальной системы квалификаций.

В целях реализации приоритетной задачи по созданию цифровых ресурсов для участников национальной системы квалификаций Томским госуниверситетом и Всероссийским центром изучения общественного мнения была разработана и представлена в конце сентября 2022 года единая для всех регионов пилотная платформа мониторинга рынка труда РФ, которая позволяет выявить реальные профессиональные нужды работодателей и составить образовательные программы, формирующие востребованные компетенции.

Кроме того, на государственную службу занятости населения возложены обязанности по разработке и реализации программ, предусматривающих мероприятия по содействию занятости населения. В данном контексте важнейшей задачей является создание механизмов и возможностей для освоения гражданами современных специальностей и применения их на практике. Организация профессионального обучения дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан осуществляется в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография».

Следствием технического прогресса и инновационного развития стало появление на рынке труда специальных цифровых платформ, предлагающих новый формат бизнес-сотрудничества, основанный на делегировании полномочий и горизонтальной интеграции.

В соответствии с докладом МОТ по характеру осуществления трудовой функции выделяются две широкие категории цифровых платформ: онлайн-веб-платформы и платформы, ориентирующиеся на местоположение [11, с. 18].

Онлайн-веб-платформы посредством открытого обращения к географически рассредоточенной толпе предлагают работникам выполнить задачи или рабочие задания онлайн или удаленно (crowdwork). В данном случае трудовая функция может выполняться на других платформах и охватывать задачи разной степени сложности от микрозадач до решения сложных аналитических проблем, которые при этом могут разделяться между виртуальным облаком работников.

Платформы, ориентирующиеся на местоположение, аккумулируют задачи, требующие личного выполнения в определенных географических местах (такси, услуги на дому и т.п.).

В основном цифровые платформы выполняют роль посредников на рынке труда, квалифицируя потенциальных исполнителей услуг как самостоятельных экономических субъектов: организаций, индивидуальных предпринимателей, самозанятых. Однако цифровая платформа может выступить и непосредственным работодателем, предложив трудовые отношения лицам, ответственным за функционирование платформы.

Вовлеченность населения России в платформенную занятость в настоящее время оценивается в размере 6-8 млн. человек, а к 2030 году прогнозируется увеличение до 15 млн. человек [12, с. 23]

Несмотря на значительные организационные преимущества и снижение транзакционных издержек, деятельность цифровых платформ приводит к значительным негативным последствиям:

- отсутствие законодательных механизмов обеспечения трудовых прав и социальных гарантий лиц, занятых на платформе (права на отдых, достойных условий труда, отпуск, права на ведение коллективных переговоров), увеличивающаяся интенсивность труда и уменьшающаяся заработная плата, обусловленные глобальной конкуренцией и снижением количества реальных рабочих мест, создают социально опасную ситуацию, описанную еще К. Марксом, когда «... лес протянутых и ищущих работы рук становится все гуще, а сами руки – все более тощими» [13, с. 211];

- сложность в защите прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные в результате платформенной занятости;

- возникновение структурных проблем на рынке труда, в том числе вследствие низкой эффективности занятости, когда профессиональная квалификация не соответствует выполняемой работе;

- огромные объемы данных о транзакциях между заказчиками услуг и работниками позволяют цифровым платформам обеспечивать условия для максимизации своих доходов либо за счет более высоких затрат для тех, кто запрашивает услуги, либо за счет более низких зарплат для работников, либо за счет того и другого вместе, а кроме того, создают проблему конфиденциальности персональных данных [14, с. 8].

Подводя итог, следует отметить, что инфраструктура рынка труда в настоящее время переживает масштабное реформирование, обусловленное процессами цифровизации общества, высокими требованиями к производительной деятельности и профессиональной квалификации работников, необходимостью эффективного управления рынком труда, что увеличивает количество функций, возлагаемых, прежде всего, на государственную службу занятости населения. Вследствие чего постоянный мониторинг ситуации в сфере занятости населения, изучение потребностей предпринимательской среды, содействие гражданам в получении востребованных навыков становятся важнейшей задачей, направленной на развитие и поддержание устойчивости интеллектуальной экономики. Основным же механизмом взаимодействия субъектов на рынке труда становится электронный формат, осуществляемый посредством использования специальных цифровых платформ, что позволяет обеспечить доступность услуг в сфере труда и занятости, оперативность в решении кадровых вопросов, мобильность трудовых ресурсов и дистанционную занятость. Таким образом, эффективное развитие предпринимательской среды требует большей вовлеченности бизнеса во взаимодействие с учреждениями службы занятости населения, кадровыми центрами и операторами цифровых трудовых платформ.

Список литературы:

1. Труд и занятость в России: стат. сборник / Росстат. – М., 2021.
2. Кошелева Т.Н. Направления развития инфраструктуры поддержки малого предпринимательства на рынке организации труда // Инновационные научные исследования. 2021. №2-1 (4). С. 66-71.

3. Предпринимательство как стратегический ресурс развития хозяйственной системы / под ред. д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ В.А. Гневко. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2009. 262 с.
4. Бахтин М.Н., Дядюн И.А., Кособуцкая А.Ю. Генезис и развитие понятия «инфраструктура» в работах зарубежных и отечественных исследователей // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2020. №1. С. 5-10.
5. Седых Ю.А., Макаренко Т.А. Инфраструктура поддержки малого предпринимательства // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. №2. С. 1-6.
6. Галочкина О.А., Разумова И.В. Инфраструктура предпринимательства : сущность и виды // Вестник экономики, права и социологии. 2012. №1. С. 38-40.
7. Палякин Р.Б. Формирование бинарной модели развития инфраструктуры предпринимательства с учетом асимметрии институциональной среды. – Казань: Изд-во ООО «Абзац», 2018. 160 с.
8. Руденко Л.Г. Государственное управление инфраструктурной поддержкой малого предпринимательства: автореферат дис. д.э.н. – Москва, 2021. 41 с.
9. Лапшин В.Ю., Лапшина И.М. Генезис инфраструктурного комплекса рынка труда в России: от рабочих домов к системе маркетинга рабочей силы // Вестник ТГУ. 2012. Выпуск 6 (110). С. 56-61.
10. Убушаева Б.Г. Развитие теоретических аспектов региональной инфраструктуры рынка труда // Вестник университета. №4. С.139-145.
11. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. – Geneva: ILO, 2021. 283 p.
12. Герауф Ю.В., Глогова Н.И. Платформенная занятость – главный тренд развития рынка труда в современных условиях // Экономика. Профессия. Бизнес. 2021. №4. С. 22-27. 13. Маркс К. Избранные произведения / под ред. В.В. Адоратского. – М.: ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б). В 2 т.: Т.1. 377 с.
14. Бобков В.Н., Черных Е.А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. №14 (2). С. 6-15.

Basos E. V. Labor market infrastructure as a type of special entrepreneurship infrastructure // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 366-372.

The author examines the modern infrastructure of the labor market in the context of its impact on the development of the entrepreneurial environment and intellectual economy. The main directions of modernization of the sphere of labor and employment due to the digitalization of society, the changing nature of labor relations and the emergence of new forms of business cooperation are noted.

Key words: business environment, entrepreneurship infrastructure, labor market infrastructure, labor market digitalization

Spisok literatury:

1. Trud i zanyatost' v Rossii: stat. sbornik / Rosstat. – М., 2021.
2. Kosheleva T.N. Napravleniya razvitiya infrastruktury podderzhki malogo predprinimatel'stva na rynke organizatsii truda // Innovatsionnye nauchnye issledovaniya. 2021. №2-1 (4). S. 66-71.
3. Predprinimatel'stvo kak strategicheskij resurs razvitiya hozyajstvennoj sistemy / pod red. d.e.n., prof., zasl. deyat. nauki RF V.A. Gnevko. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskoj akademii upravleniya i ekonomiki, 2009. 262 s.
4. Bahtin M.N., Dyadyun I.A., Kosobuckaya A.YU. Genезis i razvitie ponyatiya «infrastruktura» v rabotah zarubezhnyh i otechestvennyh issledovatelej // Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie. 2020. №1. S. 5-10.
5. Sedyh YU.A., Makarenko T.A. Infrastruktura podderzhki malogo predprinimatel'stva // Internet-zhurnal «Mir nauki». 2015. №2. S. 1-6.
6. Galochkina O.A., Razumova I.V. Infrastruktura predprinimatel'stva : sushchnost' i vidy // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2012. №1. S. 38-40.
7. Palyakin R.B. Formirovanie binarnoj modeli razvitiya infrastruktury predprinimatel'stva s uchetom asimmetrii institucional'noj sredy. – Kazan': Izd-vo ООО «Abzac», 2018. 160 s.
8. Rudenko L.G. Gosudarstvennoe upravlenie infrastrukturnoj podderzhkoj malogo predprinimatel'stva: avtoreferat dis. d.e.n. – Moskva, 2021. 41 s.
9. Lapshin V.YU., Lapshina I.M. Genезis infrastrukturnogo kompleksa rynka truda v Rossii: ot rabotnyh domov k sisteme marketinga rabochej sily // Vestnik TGU. 2012. Выпуск 6 (110). S. 56-61.

10. Ubushaeva B.G. Razvitie teoreticheskikh aspektov regional'noj infrastruktury rynka truda // Vestnik universiteta. №4. S.139-145.
11. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. – Geneva: ILO, 2021. 283 p.
12. Gerauf YU.V., Glotova N.I. Platformennaya zanyatost' – glavnyj trend razvitiya rynka truda v sovremennykh usloviyah // Ekonomika. Professiya. Biznes. 2021. №4. S. 22-27.
13. Marks K. Izbrannye proizvedeniya / pod red. V.V. Adoratskogo. – M.: PARTIZDAT CK VKP(b). V 2 t.: T.1. 377 s.
14. Bobkov V.N., Chernyh E.A. Platformennaya zanyatost': masshtaby i priznaki neustojchivosti // Mir novoj ekonomiki. 2020. №14 (2). S. 6-15.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – С. 373-378.

УДК 340

**ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВОВ БЕЗРАБОТНЫХ ДЛЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПОРТУ ЛЕНИНГРАДА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.**

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье рассмотрен процесс организации трудовой деятельности безработных в трудовых и производственных кооперативах Бюро по использованию труда безработных при Комитете Ленинградской Губернской Биржи Труда. Данный орган возник и действовал на основании декретов и постановлений советской власти – декрета Совнаркома РСФСР «О биржах труда» от 18.01.1918; постановлении СНК от 3.09.1918 г. «о воспрещении безработным отказываться от работы»; декрета СНК «Об отделах распределения рабочей силы (положение)» от 29.10.1918 г. и иных нормативных актов, нашедших свое развитие по окончании Гражданской войны. Изучено содержание положения «О трудовых и производственных коллективах из безработных Бюро по использованию труда безработных при Комитете Ленинградской Губернской Биржи Труда» 1924 г., регламентирующее создание и деятельность таких трудовых коллективов.

Ключевые слова: безработные, биржи труда, трудовые коллективы, постановления, декреты, регламентация.

Один из крупнейших торговых портов России – порт Петербурга, затем Петрограда и Ленинграда, в результате событий 1-й Мировой, а затем и Гражданской войны, в начале 1920-х гг. как известно, переживал весьма сложные времена. Это было вызвано не столько разрушениями самого порта, сколько: а) существенным изменением товаропотока и его номенклатуры; б) перестройкой системы внешней торговли; в) перестройкой системы общественных отношений; г) нарушением и последующей реорганизацией товароденежных отношений; д) изменением организации управления и деятельности порта; е) дефицитом квалифицированных кадров различного уровня, массовой безработицей и множеством иных факторов.

Являясь до начала 1-й Мировой войны крупнейшим торгово-промышленным центром, Петроград понес ощутимые потери в квалифицированной живой силе. Наводнившие его безработные, зачастую сельские выходцы, т.е. не имеющие квалификации, жилья, организации и т.п. стали наиболее распространенной, если не преобладающей частью общества, организация и обеспечение работой которой требовали неимоверных усилий.

Следует также отметить, что решить проблему трудоустройства и занятости безработных пыталось еще Временное правительство, издав 19 августа 1917 г. соответствующий закон о биржах труда. С учетом данного опыта, 31 января 1918 г., но уже новой властью, был принят Декрет Совнаркома РСФСР «О биржах труда», в соответствии с которым биржи труда переходили в ведение профсоюзов и учреждались в городах, но уже с численностью жителей не менее 20 тыс. человек, что явно свидетельствует о усилении проблемы.

Управление данными организациями, формально, передавалось комитетам, в которых большинство принадлежало представителям рабочих, а высшим органом должен был служить Совет бирж труда (п. 10). Следует также отметить и то, что новосоздаваемые областные и местные биржи труда получили права юридических лиц (п. 14).

Естественно, что все ранее существовавшие органы, представляющие услуги по трудоустройству, объявлялись закрытыми и незаконными (п. 15) [1].

Свое развитие данный декрет получил в постановлении СНК от 3.09.1918 г. «о воспрещении безработным отказываться от работы», при регистрации на бирже труда. При этом, работы по уборке хлеба и доставке продовольствия были обязательны (п. 4), соответственно, как и необходимость передвижения в таких случаях «в иную местность» (п. 5) [2].

Еще одним документом в данном направлении стал Декрет СНК «Об отделах распределения рабочей силы (положение)» от 29.10.1918 г. [3].

Впрочем, нормативно-организационная база трудоустройства безработных в рассматриваемый период нашла широкое освещение в трудах отечественных ученых [4-6], а потому не требует специального изучения.

Кроме того, период Гражданской войны и военного коммунизма, как и иностранной интервенции, при общем упадке внешней торговли оставили незначительный след в истории обеспечения торгового порта Петрограда малоквалифицированными кадрами разнорабочих и грузчиков. Соответственно этому, новый период в данном направлении открылся лишь с окончанием основных событий войн, началом НЭП, началом становления советской внешней торговли, приходящихся на конец 1921 – 1922 гг.

Для упорядочения деятельности создаваемых артелей из безработных комитетом Ленинградской губернской биржи труда, согласно постановлению НКТ СССР от 28.10.1922 г. за №127/27 и циркуляра от 27.10.1923 г. за №129/29 издал положение «О трудовых и производственных коллективах из безработных Бюро по использованию труда безработных при Комитете Ленинградской Губернской Биржи Труда», которое было утверждено Ленинградским губернским комитетом биржи труда 16 апреля 1924 г. коллегией ответственных работников управления НКТ Сев.Зап.Обл. и Ленинградского Губернского Отдела Труда 21 апреля 1924 г. и согласовано с Губпрофсоветом.

Данный документ состоял из нескольких разделов: «Цель коллектива, его права, обязанности и ответственность»; «Управление делами коллектива»; «Состав коллектива, права и обязанности участников»; «Средства коллектива»; «Счетоводство и отчетность»; «Проверка дел коллектива».

Каждый такой коллектив получал свое название (или номер), район деятельности, адрес (п. 1), права юридического лица (печать с обозначением своего наименования, образец каковой выдается комитетом Ленинградской губ. Биржи Труда), вступать во всякого рода дозволенные законом договоры и обязательства, выступать на торгах, пользуясь преимуществом Госконтор, получать работы без торгов по соглашению с хозорганами, а также искать и отвечать на суде. Однако, таким коллективам воспрещалось получение работ от посредников и комиссионеров, а лишь непосредственно от хозорганов (п. 2); все же работы коллектива должны были выполняться исключительно личным трудом его участников.

В тоже время, коллектив освобождался в течение первых трех месяцев своего существования от уплаты промыслового обложения (п. 4). Кроме того, коллектив обязан оплачивать социальное страхование всех участников коллектива в размере, установленном Губсоцстрахом (п. 5) [7, л. 11].

Предусматривалось, что во главе коллектива стоит уполномоченный по коллективу, утверждаемый комитетом биржи труда по согласованию с Губпрофсоветом из кандидатов, представляемых Бюро по использованию труда безработных (п. 6). Вместе с тем, весь технический аппарат сотрудников коллектива утверждался Бюро, по представлению уполномоченного (п. 7), который также должен был вести дела коллектива «безубыточно на хозяйственном расчете и за правильное ведение хозяйства, а также за временное представление отчетности, согласно настоящего положения и дополнительных инструкций отвечает персонально» (п. 8); представлять коллектив во всех делах, обязательствах и сношениях с участниками коллектива, Госорганами, предприятиями, учреждениями и лицами (п. 9). И более того – все обязательства, доверенности, договоры, различные акты, требование на рабочую силу и пр. документы подписывались уполномоченным с возложением на него полной ответственности. Чеки также подписывались уполномоченным и лицом, ведущим финансовую отчетность (п. 9).

Также на уполномоченного возлагалось: а) общее заведывание всеми делами коллектива; б) распределение обязанностей и работ между отдельными участниками коллектива и испытуемыми, а также группами их; в) продажа изделий (изготавливаемых коллективом) в производственных коллективах; г) прием всякого рода денежных платежей, выдача заработной платы и производство необходимых расходов; д) хранение денежных сумм и всего имущества коллектива в установленном законом порядке; е) составление отчетов, а также планов деятельности и смет расходов на предстоящий операционный период; ж) ведение счетоводства и финансовой отчетности по формам, указанным Бюро (п. 10).

Для достижения наибольшей согласованности работы уполномоченного с коллективом, при нем создается местком и расценочно-конфликтная комиссия (п. 11) [7, л. 11 об.], а для наибольшей осведомленности участников коллектива о положении дел последнего, созывались, с разрешения бюро, периодически общие собрания участников, на которых уполномоченный делал доклад информационного характера о деятельности коллектива (п. 12).

Все конфликты, возникающие между администрацией и рабочими и служащими, должны были рассматриваться местной расценочно-конфликтной комиссией при коллективе (п. 13), а жалобы на неправильные действия уполномоченного приносятся в Бюро по использования труда безработных (п. 14).

Что до самого коллектива, то устанавливалось, что участниками могут быть лица обоего пола, в возрасте от 18 лет, зарегистрированные на ленинградской губернской бирже труда. Состав коллектива периодически и планомерно должен был изменяться в порядке и в сроки, устанавливаемые комитетом биржи труда (п. 15). При этом безработные, за время своего участия в коллективе, не теряли в течение 3-х месяцев своей очереди на бирже труда и при получении соответствующего спроса, могли быть посылаемы на постоянную работу по своей специальности (п. 16).

В случае необходимости в дальнейшем пополнения состава коллектива, уполномоченный должен был обращаться с надлежащим требованием на биржу с точным указанием профессии и квалификации запрашиваемых. По миновании надобности в труде участников коллектива, или по истечении срока пребывания его в коллективе, уполномоченный направлял его обратно на биржу (п. 17).

Лица, вступающие в коллектив, должны были предварительно, в качестве испытуемых, принять участие в работах коллектива не более 2-х недель. Вопрос о принятии или непринятии испытуемого в участники коллектива, после отбытия им испытания, разрешается уполномоченным, а могущие возникнуть по этому поводу конфликты, рассматривались расценочно-конфликтной комиссией (п. 18).

Испытуемый, непринятый в состав коллектива, автоматически выбывает в распоряжение биржи труда и получал от коллектива причитающуюся ему заработную плату за проработанное им время без всякого дополнительного вознаграждения (п. 19) [7, л. 12].

Кроме того, каждому участнику коллектива выдавалась личная книжка, в которую заносятся данные, касающиеся его заработка и вообще все сведения, относящиеся к расчетам его с коллективом (п. 21). Размер оплаты труда участников коллектива находится в зависимости от его хозяйственного состояния и устанавливался коллективом по соглашению с соответствующим Союзом, путем заключения тарифного соглашения или коллективного договора, которые предварительно согласовывались с Бюро (п. 22).

Каждый участник коллектива имел право выйти из него подав о том письменное заявление уполномоченному. Днем выбытия считается 7-й день с момента подачи о заявления, при этом выбывающий был обязан в течение указанного срока выполнять все возлагаемые на него работы по коллективу работы (п. 23).

Выбывший участник коллектива в 7-ми дневный, по подаче заявления о выходе, срок должен был получить окончательный расчет по выполненной им работе, при чем удерживался весь долг выбывающего, при его наличии (п. 24).

Участник коллектива за неисполнение данного положения или распоряжений уполномоченного и вообще за действия в ущерб коллективу могли быть распоряжением Уполномоченного, по согласовании сценочно-конфликтной комиссией, исключаться из коллектива, причем участник коллектива, исключенный или устранный от работ по причинам, предусмотренным п.п. «г», «д», и «е» ст. 47 КЗоТ, или же отказавшийся от предложенной работы в коллективе без уважительных причин, направлялся с мотивированным о том сообщением на Биржу труда (п. 25).

Для наилучшего использования труда квалифицированной рабочей силы, сохранения ее от распыления, а также наибольшей устойчивости коллектива, как хозяйственной единицы, коллективу предоставлялось право иметь постоянный кадр квалифицированных рабочих в количестве до 25% общего численного состава его рабочей силы, при чем участник коллектива, зачисленный в постоянный состав, снимался с учета Биржи Труда. Вопросы труда в отношении постоянного состава рабочих и служащих коллектива регулировались действовавшим законодательством (п. 26) [7, л. 12 об.].

Средства коллектива состояли: а) из сумм, выручаемых за производственные работы; б) ссуд, отпускаемых Комитетом Биржи Труда на особых условиях и в) прочих поступлений (п. 29).

Коллективы отчисляют ежемесячно определенный установленный комитетом биржи труда процент со своего валового сбора и таковой вносили в кассу бюро по использованию труда безработных (п. 29). На премирование административно-технического персонала коллектива устанавливалось отчисление в размере 1% с

оборота коллектива. Распределение премии и порядок выплаты ее устанавливал Бюро по представлению уполномоченного (п. 30).

Годовая чистая прибыль коллектива, образующаяся из валового дохода, за вычетом всех расходов, распределялась: 1) в запасный фонд коллектива 50%, которые расходуются исключительно на расширение дел коллектива с разрешения Бюро и 2) в Бюро 50% (п. 31). С особого разрешения Бюро, коллективом могли быть образованы капиталы со специальным назначением (п. 32) [7, л. 12 об.].

Наблюдение за деятельностью коллектива, проверка отчетности и ревизия дел его возлагалась на бюро по использованию труда безработных и Ревизионной комиссией комитета биржи труда (п. 37).

Прекращение же деятельности коллектива и ликвидация его дел могли произойти по постановлению Бюро, утвержденному комитетом биржи труда; все имущество коллектива переходило по описи в Бюро и зачислялось в фонд по борьбе с безработицей (п. 38). Порядок ликвидации устанавливался Бюро.

И, наконец, устанавливалось, что по всем вопросам не рассмотренных в данном положении следовало обращаться к законоположениям, инструкции и предписания Бюро по использованию труда заключенных (п. 40) [7, л. 13 об.].

Следует также указать, что государство стремилось к совершенствованию организации и деятельности как бирж труда, так и собственно безработных. Как указывает в своем исследовании С. А. Лысенков: «С 1924 г. все биржи труда перешли на принципы добровольного посредничества. В середине 1924 г. Ленинградская биржа труда первой самостоятельно опробовала новые методы работы» [8, с. 23]. В результате количество зарегистрированных безработных резко сократилось, а в связи с последующими событиями второй половины 1920-х гг. весной 1930 года закрылась Московская биржа труда [9, с. 46-49], что принято считать окончанием эры борьбы с безработицей в СССР.

Список литературы:

1. Декрет Совнаркома РСФСР «О биржах труда» 31 января 1918 г. – URL: Положение СНК о биржах труда. 27 января (9 февраля) 1918 г. (historyrussia.org)
2. Постановление СНК от 3.09.1918 г. «О воспреещении безработным отказываться от работы». – URL: № 704. Постановление Совета Народных Комиссаров. О воспреещении безработным отказываться от работы. | Проект «Исторические Материалы» (istmat.org)
3. Декрет СНК «об отделах распределения рабочей силы (положение)» от 29.10.1918 г. – URL: Законы о биржах труда и отделах распределения рабочей силы 1918 г. | Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина (xn--e1aaejmenosq.xn--p1ai)
4. А. А. Стряпихина. Биржи труда и особенности трудоустройства в СССР в 1920-е годы // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. №6(18). 2018.
5. Богданов С. В., Кучеренко М. И. Причины деформации рынка труда в советской России периода нэпа // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. Выпуск 29. 2014.
6. Гончаров Г. А. Биржа труда как регулятор рынка рабочей силы в годы НЭПа // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №30 (211). История. Вып. 42. С. 41-44.
7. ЦГА СПб. Ф. 3920. Оп. 1. Д. 8. 25.04.1924-22.05.1924 г.
8. Лысенко С. А. Борьба с безработицей и Самарская биржа труда: сравнительный анализ (80-е гг. XX – первая треть XX вв. – архив. к.и.н. 07.00.02. – Отечественная история. Самара, 2003. С. 23.
9. Лысенков С. А. Генезис российских бирж труда // Материалы пятой студенческой научной конференции. 23 апреля, 2002 г. Самара: Самарский Гуманитарный Институт, 2002. - С. 46-49.

Klimenko E. P. Legal organization of collectives of the unemployed for use in the port of Leningrad in the first half of the 1920s. // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 4. – P. 373-378.

The article discusses the process of organizing the work of the unemployed in labor and production cooperatives of the Bureau for the Use of Unemployed Labor under the Committee of the Leningrad Provincial Labor Exchange. This body arose and acted on the basis of decrees and resolutions of the Soviet government – the decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Labor Exchanges" dated 18.01.1918; the resolution of the SNK dated 09/3/1918 "on prohibiting the unemployed from refusing work"; the decree of the SNK "On labor distribution departments (regulations)" dated 10/29/1918. and other normative acts that found their development after the end of the Civil War. The content of the regulation "On labor and production collectives from the unemployed of the Bureau for the Use of unemployed Labor under the Committee of the Leningrad Provincial Labor Exchange" of 1924, regulating the creation and activities of such labor collectives, has been studied.

Keywords: unemployed, labor exchanges, labor collectives, resolutions, decrees, regulations.

Spisok literatury:

1. Dekret Sovnarkoma RSFSR «O birzhah truda» 31 yanvarya 1918 g.. – URL: Polozhenie SNK o birzhah truda. 27 yanvarya (9 fevralya) 1918 g. (historyrussia.org)
2. Postanovlenie SNK ot 3.09.1918 g. «O vospreshchenii bezrobotnym otkazyvat'sya ot raboty». – URL: № 704. Postanovlenie Soveta Narodnyh Komissarov. O vospreshchenii bezrobotnym otkazyvat'sya ot raboty. | Proekt «Istoricheskie Materialy» (istmat.org)
3. Dekret SNK «ob otdelakh raspredeleniya rabochej sily (polozhenie)» ot 29.10.1918 g. – URL: Zakony o birzhah truda i otdelakh raspredeleniya rabochej sily 1918 g. | Muzej istorii rossijskih reform imeni P. A. Stoly-pina (xn--e1aejmenocxq.xn--p1ai)
4. A. A. Stryapihina. Birzhi truda i osobennosti trudoustrojstva v SSSR v 1920-e gody // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. №6(18). 2018.
5. Bogdanov S. V., Kucherenko M. I. Prichiny deformacii rynka truda v sovetskoj Rossii perioda nepa // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. Vypusk 29. 2014.
6. Goncharov G. A. Birzha truda kak reguljator rynka rabochej sily v gody NEPa // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. №30 (211). Istoriya. Vyp. 42. S. 41-44.
7. CGA SPB. F. 3920. Op. 1. D. 8. 25.04.1924-22.05.1924 g.
8. Lysenko S. A. Bor'ba s bezroboticej i Samarskaya birzha truda: sravnitel'nyj analiz (80-e gg. HKH – per-vaya tret' HKH vv. – aref. k.i.n. 07.00.02. – Otechestvennaya istoriya. Samara, 2003. S. 23.
9. Lysenkov S.A. Genezis rossijskih birzh truda // Materialy pyatoj studencheskoj nauchnoj konferencii. 23 aprelya, 2002 g. Samara: Samarskij Gumanitarnyj Institut, 2002. - S. 46-49.

ТАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Попов А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются особенности применения физической силы сотрудниками органов внутренних дел. Анализируются условия и порядок применения физической силы по действующему российскому законодательству. Выявляются проблемы применения физической силы при задержании лица, совершившего противоправное деяние, и предлагаются пути их решения. Анализируются статистические данные по вопросу применения физической силы, а также рассматриваются отдельные судебные дела по указанной теме. Тактика применения физической силы сотрудниками органов внутренних дел является основой применения физической силы сотрудниками полиции. Четко разработанный план действий в возможных критических ситуациях позволит эффективно, согласно установленным нормам законодательства, исполнить последовательные действия по задержанию лица, совершившего правонарушение. Помимо этого, успешные тактические действия невозможны без должной подготовки сотрудников полиции. Необходимо совершенствовать как тактику применения физической силы, так и методы и способы физической и психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: физическая сила, органы внутренних дел, противоправное деяние, правонарушение, боевые приемы, огнестрельное оружие, задержание, преступление, тактика, сопротивление, нападение.

Рассматривая статистику применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы необходимо отметить, что количество случаев применения физической силы возросло практически на 15% за последние 2 года [1]. Это свидетельствует о том, что лица, совершающие правонарушения все больше оказывают сопротивление при задержании.

В Российской Федерации на органы полиции возложено множество соответствующих задач и функций, имеющих направленность на осуществление обеспечения правопорядка, реализацию мер защиты прав и свобод граждан, соответствующее проведение предупреждения и прекращения случаев совершения правонарушений, в связи с чем следует полагать, что в значительной мере от усовершенствования ее деятельности зависит в целом укрепление законности и состояние правопорядка в стране. Вся возрастающая сложность и динамичность социальной среды требует от сотрудников правоохранительных органов эффективного и быстрого реагирования с применением различных подходов, методов и приемов. Сотрудники ОВД обычно имеют дело с особым социальным контингентом, который характеризуется наличием асоциальных установок, агрессивности, скрытым характером преступной деятельности, а иногда и враждебным отношением к полиции. Задачи, которые решают сотрудники ОВД протекают, как правило, в рискованных условиях. Поэтому данная деятельность сопровождается высокой эмоциональной напряженностью, необходимостью преодолевать негативные эмоциональные состояния [2].

Данная тема является проблемной в современной общественной жизни, ведь право сотрудников органов внутренних дел порождает их определённые обязанности. Помимо этого существует множество особенностей применения физической силы сотрудниками органов внутренних дел.

Право на применение физической силы сотрудниками органов внутренних дел закреплено в ст. 20 ФЗ «О полиции», в которой указано, что сотрудник полиции имеет право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если иные способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей, в случаях: 1) для пресечения преступлений и административных правонарушений; 2) для доставления в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, и задержания этих лиц; 3) для преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции.

Согласно п.п. 8 ст.18 ФЗ «О полиции», превышение сотрудником полиции полномочий при применении физической силы влечет ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, если применение физической силы осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, федеральным законом «О полиции» и другими федеральными законами, в случае, если совершается нападение сотрудник ОВД вправе применить к нападающему лицу силовые меры соразмерные характеру и общественной опасности совершаемого посягательства. Данное право сотрудников органов внутренних дел является одним из гарантов их безопасности при осуществлении своих полномочий, так как, данная деятельность, несомненно, связана с повышенной опасностью [3].

Главным условием примирения физической силы является соразмерность опасности посягательства. Поэтому не разрешается применять боевые приемы, которые могут причинить повреждения и вред, на порядок сильнее, чем опасность нападения. К главному правилу, которое обязан знать любой сотрудник ОВД, в случае использования физической силы – минимизация вреда.

Сотрудникам ОВД необходимо обладать знаниями касательно правовых оснований использования физической силы в ходе выполнения служебных обязанностей и поставленных задач, помимо этого целесообразно строго следовать законодательным нормам. В случае выявления правонарушения и, если, подозреваемый начинает оказывать сопротивление, сотрудник имеет право применить физическую силу. При этом важно понимать, что такие меры должны быть четко соразмерны с сопротивлением правонарушителя. Соразмерность занимает важное место при рассмотрении вопросов применения физической силы при задержании лица.

К примеру, в случае, если сотрудник проводит задержание лица, и тот, в свою очередь начинает нападение, сопротивляясь задержанию, наносит удары сотруднику полиции неопасные для жизни, то сотрудник имеет право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, так как применение оружия в данном случае тактически и юридически будет нецелесообразно, так как в таком случае будет отсутствовать соразмерность причиненного вреда.

Рассматривая практические ситуации с применением физической силы при задержании можно сделать вывод о том, что часто встречаются случаи, когда применение физической силы при задержании лица, совершившего противоправное дея-

ние, приводит к большому ответному сопротивлению, и в итоге это вызывает необходимость применять боевые приемы борьбы.

Анализируя практику применения физической силы и боевых приёмов борьбы, тактически их можно разделить на три группы и применять последовательно по нарастающей в зависимости от складывающейся ситуации.

К первой группе относится применение именно физической силы, используемое для пресечения незначительных правонарушений, в том случае, когда задерживаемое лицо не исполняет требования, предъявляемые сотрудниками органов внутренних дел, в таком случае сотрудник полиции берёт правонарушителя, например, за руку и сопровождает, правонарушитель подчиняется и следует с полицейским.

Вторая группа характеризует применение боевых приёмов борьбы, они применяются, в случае если лицо совершившее правонарушение не выполняет требований сотрудника полиции и при попытке применения полицейским физической силы вырывается и оказывает физическое сопротивление, применяется приём задержания, например, способы: замком, рывком, рычаг руки внутрь, рычаг руки наружу.

Третья группа, в случае если лицо оказывает сопротивление, или нападает на сотрудника полиции, то применения физической силы, в том числе боевых приёмов борьбы может сочетаться с различными видами специальных средств, огнестрельным оружием или же с иными видами орудий.

Необходимо отметить, что выбор боевых приемов, применяемых к лицу, совершившему правонарушение, зависит от совокупности всех факторов и внешней ситуации.

К факторам, от которых зависит выбор боевых приемов, относятся: совершение правонарушения в совокупности, совершение тяжкого и особо тяжкого преступления, а также пресечение определённых правонарушений на различных стадиях [4].

Следует также отметить, что применение обсуждаемых полицией мер должно строго обеспечиваться в пределах, установленных законодательством, в противном случае нередко следует уголовная ответственность.

Важнейшей проблемой применения физической силы является злоупотребление властью. В уголовно-правовом понимании злоупотребление властью означает, что конкретное должностное лицо допускает неправомерное поведение по отношению к конкретному лицу, поскольку эти действия явно выходят за рамки его полномочий и влекут за собой правовые последствия. Совершение действий полицией, связанных с превышением установленных пределов, могут выражаться в виде умышленного убийства или причинения вреда здоровью человека в степени (тяжкой, средней тяжести) и общественно опасного поведения.

В соответствии с положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями» от 16.10.2009 г. №19 к рассматриваемым случаям рекомендуется относить деяние, которое совершено лицом при исполнении своих соответствующих служебных обязанностей, осуществленные исключительно при особых обстоятельствах, указанных в нормативном правовом акте, которые никто не вправе реализовывать [5].

Отсюда видно, что важным условием является непосредственное определение конкретного объема полномочий лица, применяющего силу, соответствующих специальных мер или соответствующих видов оружия.

Тактика применения силы должностными лицами органов внутренних дел является одной из важнейших составляющих задержания лиц, совершивших противоправные действия.

Тактика определяет стратегии поведения сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, требующих применения физической силы. В настоящее время существует множество проблем с тактическим поведением полиции [6].

Важным вопросом является теоретическая и практическая подготовка сотрудников полиции основам применения физической силы. В ОВД проводится служебно-боевая подготовка, но ее практически недостаточно для правильного реагирования и правильного применения мер профилактики и принуждения в критических ситуациях. В этом контексте важно совершенствовать правовую основу и способы применения силы.

Если у сотрудника ОВД есть пробелы в юридической, практической или тактической подготовке, он может ошибаться и нарушать закон, что влечет за собой ответственность, вплоть до уголовной ответственности самого сотрудника.

Психологическая подготовка сотрудников полиции также важна. В силу своего психологического и эмоционального состояния не каждый может применить силу по отношению к другому.

Рассмотрим пример важности психологической и боевой подготовки. Так, сотрудники ГИБДД постоянно находятся на (службе) рабочем месте и не могут участвовать в теоретических и практических занятиях, нарушая закон о применении силы.

30 марта 2015 г. сотрудник полиции был осуждён Зеленоградским судом города Москвы по ст. 286 УК РФ [7]. Данный сотрудник, находясь на службе, применил силу при исполнении своих служебных обязанностей, выходящих за рамки их компетенции. Сотрудник, задержав гражданина С., нарушил положения законодательства о применении физической силы. Сотрудник умышленно применил силу в отношении не сопротивляющегося гражданина без уважительной причины, а именно дважды ударил задержанного по голове [8].

Для решения этой проблемы считается целесообразным рассмотреть вопрос о включении в учебную программу ведомства отдельных дополнительных курсов для более глубокого изучения правовых основ применения силы путем индивидуального анализа реальной ситуации. К примеру, курсов, на которых бы изучалась судебная практика о применении физической силы сотрудниками полиции, а также при проведении занятий по служебной подготовке отрабатывать практические ситуации в виде ролевой игры с реальным сопротивлением задерживаемого, что позволит сотрудникам почувствовать пределы оказываемого физического воздействия в виде применения физической силы или боевых приёмов борьбы и повысит морально-психологическую устойчивость к подобным ситуациям во время несения службы.

Кроме того, рекомендуется проводить боевые учения с участием сотрудников других служб, которые всегда физически готовы приблизить реальную обстановку к возможной. Помимо всего перечисленного рекомендуется не только обучение на месте, но и посещение профессиональных сайтов, таких как МВД РФ и т.д.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что тактика применения физической силы сотрудниками органов внутренних дел является важной составляющей деятельности полицейских.

Каждое задержание может обернуться ситуацией, в которой будет необходимость в применении такой силы, и, в таком случае, сотрудник должен быть готов к противостоянию относительно правонарушителя.

При этом все действия должны быть строго регламентированы законом, так как в случае его нарушения – к сотруднику органов внутренних дел могут быть применены санкции.

Список литературы:

1. Статистические данные МВД РФ: Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.
2. Тактика действий сотрудников полиции в рискоопасных ситуациях: учебно-практическое пособие / М.А. Чуносков, А.Н. Попов – Краснодарский университет МВД России, 2017. – 190 с.
3. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ.
4. Щетинина Н. В. Пределы правомерности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и/или огнестрельного оружия / Н.В. Щетинина, А.Н. Пашнин // Вестник Уральского юридического института МВД. России. – 2018. – № 4. – С. 46–49.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями» от 16.10.2009 г. №19.
6. Ковшевацкий В. И. Юридическая ответственность сотрудников полиции за неправомерное применение физической силы / В. И. Ковшевацкий, С. П. Стащенко // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 4. – С. 200–205.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ: ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022.
8. Приговор № 1-14/2015 1-380/2014 от 30 марта 2015 г. по делу № 1-14/2015 Зеленоградский районный суд города Москва.

A.N. Popov The tactical aspect of the use of physical force by employees of internal affairs bodies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 379-383.

The article discusses the features of the use of physical force by employees of the internal affairs bodies. The conditions and procedure for the use of physical force under the current Russian legislation are analyzed. The problems of the use of physical force during the detention of a person who has committed an unlawful act are identified, and ways to solve them are proposed. Statistical data on the use of physical force are analyzed, as well as individual court cases on this topic are considered. The tactics of using physical force by law enforcement officers is the basis for the use of physical force by police officers. A clearly developed plan of action in possible critical situations will allow effectively, in accordance with the established norms of the law, to perform consistent actions to detain a person who has committed an offense. In addition, successful tactical actions are impossible without proper training of police officers. It is necessary to improve both the tactics of using physical force, and the methods and methods of physical and psychological training of employees of the internal affairs bodies.

Key words: physical force, internal affairs bodies, illegal act, offense, fighting techniques, firearms, detention, crime, tactics, resistance, attack.

Spisok literatury:

1. Statisticheskie dannye MVD RF: Rezhim dostupa: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics>.
2. Taktika dejstvij sotrudnikov politsii v riskoopasnyh situatsijah: uchebno-prakticheskoe posobie / M.A. Chunosov, A.N. Popov – Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2017. – 190 s.
3. Federal'nyj zakon «O politsii» ot 07.02.2011 № 3-FZ.
4. Schetinina N. V. Predely pravomernosti primeneniya sotrudnikami politsii fizicheskoj sily, spetsial'nyh sredstv i/ili ognestrel'nogo oruzhija / N.V. Schetinina, A.N. Pashnin // Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD. Rossii. – 2018. – № 4. – S. 46–49.
5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii «O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochijami» ot 16.10.2009 g. №19.
6. Kovshevatskij V. I. Juridicheskaja otvetstvennost' sotrudnikov politsii za nepravomernoe primenenie fizicheskoj sily / V. I. Kovshevatskij, S. P. Staschenko // Vestnik `ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2019. – № 4. – S. 200–205.
7. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federatsii ot 13.06.1996 №63-FZ: red. ot 14.07.2022, s izm. ot 18.07.2022.
8. Prigovor № 1-14/2015 1-380/2014 ot 30 marta 2015 g. po delu № 1-14/2015 Zelenogradskij rajonnyj sud goroda Moskva.

УДК 347.471

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Нижник Н. С., Нудненко Л. А.

В статье освещена дискуссия, состоявшаяся на XIX международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)», которая была проведена 28–29 апреля 2021 г. в Санкт-Петербургском университете МВД. В обсуждении проблемных вопросов ретроспективного и теоретико-правового анализа, касающихся государства и права в СССР, приняли участие ученые России, Беларуси, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Конго, Зимбабве. В числе дискуссионных были вопросы, касающиеся взаимоотношений советского государства и самоорганизующейся общественности, взаимодействия государственных органов и общественных объединений.

Ключевые слова: СССР, советское государство, гражданское общество, общественные объединения, общественные организации в СССР.

2022 год – год 100-летия со дня образования СССР. 28–29 апреля 2022 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась XIX международная научная конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)», посвященная важному событию в государственно-правовом развитии России – образованию Союза Советских Социалистических Республик. Организатором конференции выступила кафедра теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России (начальник кафедры – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Н. С. Нижник).

Проведение научных конференций, посвященных актуальным проблемам историко-теоретических наук Санкт-Петербургском университете МВД России является традицией [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

В состоявшейся конференции приняли участие 322 ученых и практиков, в числе которых 91 доктор наук и 158 кандидатов наук. 28 апреля 2022 г. в научном собрании участвовали граждане Беларуси, Молдовы, Кыргызстана, Таджикистана, Литвы, Зимбабве, Конго; ученые и практические работники Российской Федерации из 52 городов, из 123 академических и образовательных организаций, а также организаций, осуществляющих практическую юридическую деятельность [12, с. 38–49]. 29 апреля 2022 г. в секции молодых исследователей приняли участие 227 исследователей – граждане России, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Сан-Томе и Принсипи; из 24 российских городов, 40 образовательных организаций. 147 докладчиков – молодых исследователя представили результаты своих изысканий в очном формате [13, с. 29–33].

Доклады и выступления участников научного форума нашли отражение в двух частях электронного сборника материалов конференции [14; 15].

Для обсуждения на конференции были вынесены вопросы, касающиеся: предпосылок образования и распада СССР; характеристики СССР как государства нового типа; особенностей формы государства – СССР; специфики организации и функционирования советского государства; системы права и системы законодательства в

СССР; места милиции в механизме советского государства; формирования гражданского общества в СССР; форм взаимодействия государственных органов с обществом; развитие в СССР юридической науки и юридического образования; правовой культуры советского общества; формах самоорганизации общественности в СССР.

Одним из вопросов научной дискуссии на конференции были вопросы, касающиеся представлений о гражданском обществе в советской теоретической юриспруденции, взаимоотношений советского государства и самоорганизующейся общественности, взаимодействия государственных органов и общественных объединений.

Гражданское общество как некую социальную абстракцию, характеризующуюся наличием социального интереса, не противоречащего государственному, но и не совпадающего с ним, а также обладанием ресурсом, необходимым и достаточным для удовлетворения данного интереса, охарактеризовала *Н. И. Карчевская*, доцент кафедры правоведения факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат юридических наук, доцент [16, с. 2124–2129]. Опираясь на выделенные признаки гражданского общества, Н. И. Карчевская сделала вывод об отсутствии гражданского общества в СССР.

Этатизация общественных отношений исключала наличие социальных структур, не связанных с государством, в политической, экономической, социальной сферах. По сути, государственными организациями были партия, профсоюзы, политические молодежные организации и союзы (комсомол, пионерия), творческие союзы (Союз композиторов, Союз писателей). Конечно, в условиях СССР существовали общественные организации, обладавшие определенной «самодостаточностью» (в качестве примера можно привести так называемые группы по интересам: общества коллекционеров, общества охотников и рыболовов). Однако говорить об этих организациях как об институтах гражданского общества Н. И. Карчевская считает нецелесообразным. Интересы, не совпадающие с государственными, не провозглашались. Интересы личности, семьи, социальной группы рассматривались в неразрывной связи с интересами государства. При этом решительно пресекались попытки рассмотрения этих интересов как не совпадающих, и уж тем более противоречащих, государственным. В такие социальные категории, как «мораль», «нравственность», «зло», «добродетель» вкладывалось сугубо классовое содержание [16, с. 2127–2128].

На правовые основы функционирования общественных организаций в советском государстве обратила внимание *А. С. Туманова*, профессор Департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор [17, с. 2139–2150]. А. С. Туманова отметила, что уже в январе 1918 г. были распущены такие авторитетные дореволюционные организации, как Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов. Подлежали роспуску органы самоуправления, выступавшие против советской власти; учреждения, признавшие новую власть, должны были «слиться» с советами. Ликвидация добровольных обществ происходила и под нажимом массовых советских организаций: решение о роспуске скаутских организаций как буржуазных, закладывавших буржуазные принципы физического и пси-

хического воспитания, например, было принято II съездом Российского Коммунистического союза молодежи в октябре 1919 г. [17, с. 2140].

Действия организаций приостанавливались и на основании решений советских учреждений. Так, Народный комиссариат юстиции в августе 1918 г. объявил о ликвидации религиозных и благотворительных обществ и передаче их имущества советам.

Происходили самороспуск или прекращение деятельности обществ и союзов по идеологическим мотивам, в силу экономических причин, в связи с изменениями условий их жизни. Отдельные организации прекращали свое существование в силу того, что их основополагающая функция переходила к государству (например, потребность в организации «Всероссийская лига борьбы с туберкулезом» отпала, так как в советской системе здравоохранения появились туберкулезные диспансеры).

Ряд организаций пережили мучительный период «несогласия», «нейтральности», поисков путей «автономии» от советской власти, однако, включились в строительство социализма. Это были кооперация, союзы научной, инженерной, технической, медицинской, а отчасти и творческой интеллигенции. С большинством профсоюзов советская власть сотрудничала, поощряла научно-технические, инженерные и медицинские общества.

Первым документом советского государства, в котором определялось содержание права на объединение, была Конституция РСФСР 1918 г., согласно нормам которой право на объединение должно принадлежать трудящимся (ст. 16). В 1918–1921 гг. был издан ряд декретов и постановлений ВЦИК и СНК РСФСР, определявших взаимоотношения государства и конкретных обществ, государства и группы обществ одного типа, фиксировавших место обществ и союзов в системе государства диктатуры пролетариата, определявших порядок их создания и последующей деятельности [17, с. 2143–2144]. Значительная часть нормативных правовых актов касалась кооперативов и артелей.

Большое значение имело Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними» (от 3 августа 1922 г.), регламентировавшее различные стороны возникновения и деятельности добровольных обществ: устанавливался регистрационный порядок создания общественных организаций, определялся порядок надзора за обществами и союзами со стороны НКВД РСФСР [17, с. 2145].

В решении вопроса о возможности существования обществ участвовали партийные органы, хотя это участие юридически предусмотрено не было. Отрицательное заключение партийных органов лишало общества возможности зарегистрироваться.

Постановлением ЦИК и СНК СССР «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза ССР, и о надзоре за ними» (от 9 мая 1924 г.) разрешительный принцип создания ассоциаций был установлен официально. Для регистрации общесоюзной организации следовало иметь разрешение на ее создание. Проект устава общесоюзного общества представлялся на утверждение в СНК СССР, а регистрация обществ и надзор за ними осуществлялись НКВД союзных республик, поскольку общесоюзного НКВД в 1920-х годах не существовало [17, с. 2148].

Установилась практика текущего административно-политического надзора за деятельностью обществ со стороны НКВД. Все общества должны были систематически предоставлять в органы НКВД отчеты о своей деятельности и протоколы заседаний правлений [17, с. 2149–2150].

Подробная характеристика процедуры регистрации добровольных обществ и союзов в 1920-е годы была дана в докладе *Е. А. Боголюбова*, старшего преподавателя кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) [18].

На проблемах взаимодействия государства и естественнонаучных обществ в СССР сосредоточила свой исследовательский интерес *О. А. Валькова*, главный научный сотрудник отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук (Москва), доктор исторических наук [19, с. 2160–2169]. О. А. Валькова отметила, что естественнонаучные общества появились в Российской империи в начале XIX в. Каждое общество действовало на основании утвержденного правительством Устава, определявшего направления и границы его работы. В задачи обществ, как правило, входило изучение различных наук и (или) изучение России в естественнонаучном отношении. Естественнонаучные общества никогда не занимались политикой и не предпринимали попыток влиять на нее. Но и при этом государственные органы Российской империи всегда относились к научным обществам с большой настороженностью.

С приходом к власти в 1917 г. правительства большевиков ситуация не изменилась к лучшему. Наоборот, научные общества очень быстро потеряли ту небольшую автономию, которой обладали ранее. Все их средства мгновенно были национализированы и перешли под контроль государства, состав участников жестко контролировался, различные виды деятельности планировались иногда на несколько лет и подлежали государственному утверждению и одобрению [19, с. 2165]. На рубеже 1930-х годов многие общества из числа старых были ликвидированы или фактически трансформированы в государственные учреждения, управлявшиеся государственными чиновниками. Причина подобного отношения государства к организациям, занятым исключительно научными исследованиями, заключалась в демократической природе научных обществ. Они создавались по инициативе частных лиц; управляли собой сами с помощью созданных и действовавших демократических институтов; часто называли своих избранных руководителей президентами; в дореволюционной России общества, за исключением некоторых, получавших поддержку от государства, содержали себя сами, за счет членских взносов, продажи периодических изданий и прочего; они демонстративно публиковали отчеты о своей деятельности, в том числе финансовой, в мельчайших подробностях, показывая полное отсутствие коррупции. Одним словом, они являлись представителями того самого гражданского общества, которое прекрасно может себя само организовывать, никоим образом не нуждаясь для поддержания своей деятельности в государственных структурах. Это, естественно, не могло не вызывать недоверия основанных на чиновничестве и строгой иерархии бюрократических структур. Для правительства большевиков существование каких-либо независимых от него существностей было тем более неприемлемо независимо от того, чем они занимались [19, с. 2167–2168].

Участие граждан в отправлении правосудия *И. А. Андреева*, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва), доктор юридических наук, доцент [20, с. 2170–2175]. И. А. Андреева полагает, что, с одной стороны, участие граждан в отправлении правосудия является формой реализации народовластия, поскольку дает возможность участвовать в принятии решений, осуществляемых важнейшим видом государственной власти – судебной властью, а участие граждан в отправлении правосудия – это важнейший принцип демократической политической системы общества. С другой стороны, создание в различные эпохи судов с участием народного элемента отражает стремление с помощью определенного баланса профессионального и народного взгляда на правосудие найти модель эффективного и справедливого суда, соответствующую условиям исторического времени. Оба аспекта этого правового феномена ставят вопрос об оптимальной степени гражданского участия, степени вовлеченности граждан в процесс принятия властных решений, о характере социальной ценности «сплава» профессионального и непрофессионального компонентов, получаемого в результате [20, с. 2173].

Народный заседатель – общественный судья, пользующийся при выполнении своих юрисдикционных функций теми же правами, что и профессиональный судья, и привносящий как представитель общества в отправление правосудия особые неюридические ценности. В СССР до 1958 г. народные заседатели избирались всеобщим тайным голосованием сроком на три года. Впоследствии народные заседатели районных (городских) народных судов избирались на собраниях граждан по месту их жительства или работы открытым голосованием, а народные заседатели вышестоящих судов – соответствующими советами народных депутатов. После 1958 г. срок полномочий народных заседателей был увеличен с трех до пяти лет [20, с. 2173–2174].

Роль института обращений советских граждан в системе народного контроля СССР раскрыла *Е. В. Бердникова*, доцент кафедры конституционного и муниципального Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, кандидат политических наук, доцент [21, с. 2176–2186]. Обращения граждан с первых лет советской власти рассматривались как неотъемлемая часть организационно-правового механизма борьбы с волокитой и злоупотреблениями полномочиями и недобросовестностью должностных лиц советских учреждений. В соответствии с Декретом ВЦИК и СНК «О реорганизации государственного контроля» (от 9 апреля 1919 г.) осуществлять наблюдение за деятельностью советских учреждений по работе с обращениями граждан, правильностью их дальнейшего движения должен был Госконтроль.

При губернских отделениях Народного комиссариата государственного контроля были организованы местные бюро жалоб и предложений, которые осуществляли работу, аналогичную Центральному бюро заявлений и жалоб.

Учреждение Рабоче-Крестьянской инспекции, которая сменила Госконтроль в деле развития советской системы государственного управления, также сопровождалось возложением на нее задач, связанных с контролем за организацией во всех советских учреждениях работы с обращениями граждан. При управлении делами Народного комиссариата РКИ было создано Центральное бюро жалоб для приема заявлений о неправильных действиях, злоупотреблениях и правонарушениях долж-

ностных лиц. В ноябре 1923 г. было принято новое Положение о Центральном бюро жалоб Рабоче-Крестьянской инспекции и местных его органах, в котором фиксировался порядок работы с жалобами и заявлениями населения [21, с. 2182].

В Постановлении Президиума ЦКК ВКП (б) и Коллегии НК РКИ СССР «О результатах проверки прохождения крестьянских жалоб в советских учреждениях на местах» (от 14 декабря 1932 г.) были выделены серьезные недочеты в работе по рассмотрению крестьянских жалоб. Постановление Президиума ЦКК ВКП (б) и Коллегии НК РКИ СССР «О задачах, формах и методах работы Бюро жалоб» (июль 1933 г.) закрепляло возрастающая роль Бюро жалоб РКИ как органов массового контроля, осуществляющих свою деятельность на основе широкого привлечения трудящихся.

Принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» (от 12 апреля 1968 г.) стало важным событием, имеющим важное значение для правового регулирования порядка рассмотрения обращений граждан и его дальнейшей институционализации [21, с. 2184–2185].

Сравнительный анализ осуществления народного контроля в СССР и Российской Федерации произвел **А. Ф. Малый**, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор, который охарактеризовал законодательство об общественном контроле на разных этапах исторического развития государства [22, с. 2187–2196].

Проблемы привлечения населения к охране правопорядка стали предметом исследования **В. Ф. Прокофьева**, старшего научного сотрудника кафедры технологий управления Института цифровой экономики, управления и сервиса Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации [23, с. 2214–2221]. Наибольший эффект в привлечении населения к оказанию содействия государственным правоохранительным органам в различных организационных формах, причем, на основе добровольности, полагает В. Ф. Прокофьев, удалось достигнуть в период существования советского государства. Отличительной чертой привлечения к охране общественного порядка населения являлась массовость. Это связано, прежде всего, с тем, что для переломных этапов истории, особенно в революционную эпоху, значительную роль играли энтузиазм и творчество масс, которые не могли сохраняться достаточно длительное время. Естественно, и многие формы участия населения в охране порядка оказались недолговечными. В современной России предпринимались и предпринимаются попытки поиска и возрождения наиболее эффективных форм участия общественности в охране правопорядка [23, с. 2219–2220].

Формы проявления гражданской активности уральского общества в годы Великой Отечественной войны стали предметом исследовательского интереса **Н. С. Сидоренко**, профессора кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск), доктора исторических наук, доцента, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, и **Н. С. Нижник**, начальника кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД Рос-

сии, доктора юридических наук, кандидата исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации [24, с. 2230–2241]. Характеризуя механизм реализации движения всенародной помощи фронту, исследователи обратили внимание на единство двух аспектов – частных инициатив и урегулирования практических действий государственными и партийными органами. Перестройка деятельности органов государственной власти в военный период осуществлялась в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от «О военном положении» (от 22 июня 1941 г.), Директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» (от 29 июня 1941 г.), предусматривая выдвижение на первый план организации материальной и финансовой помощи действующей армии, обеспечения организованного проведения мобилизации запасных, снабжения армии, организации помощи раненым, содействие истребительным батальонам и отрядам народного ополчения [24, с. 2234].

Многообразие форм проявления гражданской активности в условиях военного времени получило закрепление в понятии «всенародная помощь фронту» [24, с. 2231], которое отражало преимущественно инициативные, самодеятельные виды и формы народной помощи действующей Армии и Флоту, направленные на оказание им дополнительной поддержки, наряду с государственно-административными мерами.

Современный этап развития общества и государства, изменения геополитической обстановки и международных отношений актуализируют проблематику, связанную с осмыслением опыта всенародной поддержки боевой мощи Красной Армии в годы Великой Отечественной войны в целях укрепления единства армии и народа в современных условиях. Востребованным выступает объективный анализ механизма реализации народных инициатив в чрезвычайной ситуации, преодоление перекосов, характерных в освещении данного аспекта как в советской литературе, акцентировавшей внимание на ведущей роли партийных структур в организации различных форм патриотических начинаний граждан, так и в определенной части исследований 1990-х годов, в которой подвергалась критике политическая система страны в целом и ее возможности в мобилизации общественных инициатив [24, с. 2233].

Многообразие форм бескорыстной народной помощи фронту, вклад в общее дело победы были настолько весомы, что не вызывает сомнений утверждение о том, что «успехи Красной Армии были бы невозможны без поддержки народа, без самоотверженной работы советских людей на фабриках и заводах, шахтах и рудниках, на транспорте и сельском хозяйстве... Можно сказать, что самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю, наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины» [25, с. 115].

Выдержала испытание войной и дружба народов: многочисленные народы и народности Уральского региона воспринимали войну с фашистскими захватчиками как общее дело [24, с. 2239].

Работа конференции была оценена ее участниками как плодотворная и способствующая приращению научных знаний о становлении и развитии государственно-правовой системы России, о закономерностях и особенностях организации и функционировании государственно-правовых институтов СССР. Участники конферен-

ции подчеркнули важность анализа государственно-правовой истории СССР для поиска путей совершенствования правового регулирования общественных отношений в современной России.

Список литературы:

1. Лясевич Т. Г., Нижник Н. С., Силкин Н. Н. Становление, эволюция и современное состояние полиции России как предмет научных исследований // *Юридическая наука: история и современность*. 2018. № 12. С. 141–163.
2. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // *Государство и право*. 2018. № 4. С. 110–117.
3. Нижник Н. С. Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // *Труды Академии МВД Республики Таджикистан*. 2018. № 4(40). С. 57–72. (это обзорная про таджиков. Текст заканчивается на с. 64. далее – лит-ра)
4. Нижник Н. С., Сидоренко Н. С. Полицейская деятельность: три века служения полиции Отечеству // *Полицейская деятельность*. 2018. № 5. С. 1–51.
5. Нижник Н. С. Полиция – субъект правоохранительной деятельности современного государства // *Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова*. 2018. № 4. С. 94–106.
6. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: направления и формы партнерского взаимодействия (по материалам международной конференции) // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2018. № 4. 43–48
7. Нижник Н. С. Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России // *Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований [Электронный ресурс]: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 года / Сост. Э. Х. Мамедов. – Электрон. дан. (3,78 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 267–296.*
8. Nizhnik N. 300 years in the service to the native land: specifics of the regional development of the police bodies in the Russian empire (on the materials of the jubilee international scientific conference held at St Petersburg university of the Ministry of internal affairs) // *Historia provinciae – the journal of regional history*. 2019. Т. 3. № 1. P. 505–522.
9. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Российская полиция: три века служения Отечеству // *Государство и право*. 2019. № 6. С. 138–145.
10. Нижник Н. С. Российская полиция: три века служения Отечеству (об участии ученых Академии управления МВД России в юбилейной международной научной конференции) // *Труды Академии управления МВД России*. 2019. № 1(49). С. 149–156.
11. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. История Российской империи в контексте теоретико-правового анализа (к 300-летию Российской Империи) // *Государство и право*. 2021. № 11. С. 186–195.
12. Нижник Н. С. От редактора // *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. — Электронные дан. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 32–63.*
13. Нижник Н. С. От редактора // *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Часть 2. Секция молодых исследователей: материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, Е. Н. Козинникова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 23–41.*
14. *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. — Электронные дан. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. 2294 с.*
15. *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Часть 2. Секция молодых исследователей: материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, Е. Н. Козинникова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. 1079 с.*
16. Карчевская Н. И. Идея гражданского общества: особенности развития в СССР // *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-*

- Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 2124–2129.
17. Туманова А. С. Правовые основы функционирования общественных организаций в 1920-е годы // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 2139–2150.
18. Боголюбов Е. А. Процедура регистрации добровольных обществ и союзов в 1920-е годы // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 215–2159.
19. Валькова О. А. Естественнонаучные общества и государственное управление в СССР // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 2160–2169.
20. Андреева И. А. Участие граждан в отправлении правосудия в СССР и других социалистических странах во второй половине XX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 2170–2175.
21. Бердникова Е. В. Институт обращений советских граждан и его роль в системе народного контроля СССР: политико-правовой анализ // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 2176–2186.
22. Малый А. Ф. Народный контроль: повторение пройденного? // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 2187–2196.
23. Прокофьев В. Ф. Привлечение населения к охране правопорядка: итоги советского периода и перспективы сегодняшнего дня // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 2214–2221.
24. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Формы проявления гражданской активности уральского общества в годы Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 2230–2241.
25. Сталин И. В. 26-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад Председателя ГКО на заседании Моссовета 6 ноября 1943 г. // О Великой Отечественной войне советского народа. М., 1949. С. 115.

Nizhnik N. S. Nudnenko L. A. The soviet state and society: the main areas of interaction // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 384-394.

The article highlights the discussion held at the XIX International Scientific and Theoretical conference "State and Law: evolution, current state, development prospects (to the 100th anniversary of the formation of the USSR)", which was held on April 28-29, 2021 at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs. Scientists from Russia, Belarus, Kyrgyzstan, Moldova, Tajikistan, Congo, Zimbabwe took part in the discussion of problematic issues of retrospective and theoretical-legal analysis concerning the state and law in the USSR. Among the issues discussed were issues concerning the relationship between the Soviet state and the self-organizing public, the interaction of state bodies and public associations.

Keywords: USSR, Soviet state, civil society, public associations, public organizations in the USSR.

Spisok literatury:

1. Lyasovich T. G., Nizhnik N. S., Silkin N. N. Stanovlenie, evolyuciya i sovremennoe sostoyanie policii Rossii kak predmet nauchnyh issledovanij // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2018. № 12. S. 141–163.
2. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Problemy sovershenstvovaniya normativnoj osnovy i praktiki deyatel'nosti policii v Rossii // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 4. S. 110–117.
3. Nizhnik N. S. Effektivnaya deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov – trebovanie sovremennosti // Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhhikistan. 2018. № 4(40). S. 57–72. (eto obzornaya pro tadjhikov. Tekst zakanchivaetsya na s. 64. dalee – lit-ra)
4. Nizhnik N. S., Sidorenko N. S. Policejskaya deyatel'nost': tri veka sluzheniya policii Otechestvu // Policejskaya deyatel'nost'. 2018. № 5. S. 1–51.
5. Nizhnik N. S. Policiya – sub"ekt pravoohranitel'noj deyatel'nosti sovremennogo gosudarstva // Vestnik Karagandinskoy akademii MVD Respubliki Kazahstan im. Barimbeka Bejsenova. 2018. № 4. S. 94–106.
6. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Policiya i grazhdanskoe obshchestvo: napravleniya i formy partnerskogo vzaimodejstviya (po materialam mezhdunarodnoj konferencii) // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2018. № 4. 43–48
7. Nizhnik N. S. Ad'yunkty Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii: nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' v kontekste 300-letiya policii Rossii // Pravoohranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovanij [Elektronnyj resurs]: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 7 dekabrya 2018 goda / Sost. E. H. Mamedov. – Elektron. dan. (3,78 Mb). – SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2019. S. 267–296.
8. Nizhnik N. 300 years in the service to the native land: specifics of the regional development of the police bodies in the Russian empire (on the materials of the jubilee international scientific conference held at St Petersburg university of the Ministry of internal affairs) // Historia provinciae – the journal of regional history. 2019. T. 3. № 1. P. 505–522.
9. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Rossijskaya policiya: tri veka sluzheniya Otechestvu // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 6. S. 138–145.
10. Nizhnik N. S. Rossijskaya policiya: tri veka sluzheniya Otechestvu (ob uchastii uchenyh Akademii upravleniya MVD Rossii v yubilejnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2019. № 1(49). S. 149–156.
11. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Istoriya Rossijskoj imperii v kontekste teoretiko-pravovogo analiza (K 300-letiyu Rossijskoj Imperii) // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 11. S. 186–195.
12. Nizhnik N. S. Ot redaktora // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. — Elektronnye dan. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 32–63.
13. Nizhnik N. S. Ot redaktora // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. CHast' 2. Sekciya molodyh issledovatelej: materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, E. N. Kozinnikova. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 23–41.
14. Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. — Elektronnye dan. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. 2294 s.
15. Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. CHast' 2. Sekciya molodyh issledovatelej: materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, E. N. Kozinnikova. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. 1079 s.
16. Karchevskaya N. I. Ideya grazhdanskogo obshchestva: osobennosti razvitiya v SSSR // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 2124–2129.
17. Tumanova A. S. Pravovye osnovy funkcionirovaniya obshchestvennyh organizacij v 1920-e gody // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 2139–2150.
18. Bogolyubov E. A. Procedura registracii dobrovol'nyh obshchestv i soyuzov v 1920-e gody // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [El-

- ektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 215–2159.
19. Val'kova O. A. Estestvennonauchnye obshchestva i gosudarstvennoe upravlenie v SSSR // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 2160–2169.
20. Andreeva I. A. Uchastie grazhdan v otpravlenii pravosudiya v SSSR i drugih socialisticheskikh stranah vo vtoroj polovine XX veka // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 2170–2175.
21. Berdnikova E. V. Institut obrashchenij sovetskikh grazhdan i ego rol' v sisteme narodnogo kontrolya SSSR: politiko-pravovoj analiz // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 2176–2186.
22. Malyj A. F. Narodnyj kontrol': povtorenie projdenogo? // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 2187–2196.
23. Prokofev V. F. Privlechenie naseleniya k ohrane pravoporyadka: itogi sovetskogo perioda i perspektivy segodnyashnego dnya // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 2214–2221.
24. Sidorenko N. S., Nizhnik N. S. Formy proyavleniya grazhdanskoj aktivnosti ural'skogo obshchestva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyj resurs]: v 2-h chastyah. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. CHast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'eva. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 2230–2241.
25. Stalin I. V. 26-ya godovshchina Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii. Doklad Predsedatelya GKO na zasedanii Mossoveta 6 noyabrya 1943 g. // O Velikoj Otechestvennoj vojne sovetskogo naroda. M., 1949. S. 115.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДОКТРИНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА БЕЖЕНЦЕВ

Шумиленко А. П., Пастухова Л. В.

Статья посвящена анализу роли доктрины международного права в развитии межгосударственного сотрудничества в сфере обеспечения и защиты прав беженцев и других вынужденно перемещённых лиц. Дается подробный обзор основных направлений соответствующих научных исследований за последние одиннадцать лет (2012–2022 гг.), а также основных индивидуальных и коллективных монографических изданий и докладов компетентных международных органов и экспертов в рамках каждого из указанных направлений. Особое внимание уделено вынесению на поверхность тех проблем, о которых западная доктрина международного права предпочитает молчать.

Ключевые слова: международное право беженцев; Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев; вынужденно перемещённые лица; беженец; искатель убежища; внутренне перемещённые лица; невысылка.

Трагические события, произошедшие в начале XXI в. в Ливии (2011 г.), Южном Судане (2013 г., 2021 г.), Сирии (2014 г.), Украине (2014 г., 2022 г.), Венесуэле (2019 г.), Мьянме (2021 г.), Афганистане (2021 г.), Нигерии (2021 г.) и ЦАР (2021 г.) суммарно спровоцировали *небывалое со времён окончания Второй мировой войны обострение глобальной проблемы вынужденно перемещённых лиц*. Но, помимо упомянутых событий, особую обеспокоенность у специалистов по международному праву беженцев (англ. термин «*International Refugee Law*» охватывает нормы, касающиеся вопросов обеспечения и защиты прав беженцев и других вынужденно перемещённых лиц), по нашему убеждению, должна была вызвать реакция компетентных органов международного сотрудничества, а также потенциальных государств убежища на возникновение потоков беженцев из определённых государств. Внезапному изменению стали подвергать не только отдельные национальные стратегии решения проблемы беженцев, но и общие региональные подходы, а также определяемые на международном уровне глобальные приоритеты. В обстоятельствах крайней политизированности позиций государств и в условиях распространения практики применения двойных стандартов в решении проблемы беженцев из конкретных государств помощь международному сообществу в восстановлении верховенства права могла бы и должна была оказать доктрина международного права, указывая беспристрастно, своевременно и настойчиво на реальные причины обострения и действительно эффективные способы решения проблемы беженцев в мире. Мы попытаемся определить, удастся ли ей это сделать.

Общий анализ научной литературы *по проблемам международного права беженцев* (индивидуальных и коллективных монографических изданий, а также докладов компетентных международных органов и экспертов) за последние одиннадцать лет (2012–2022 гг.) позволяет выделить следующие *основные направления научных исследований* в упомянутой ранее области: 1) инкорпорация международных (как универсальных, так и региональных) и национальных нормативно-правовых актов по вопросам обеспечения, защиты прав мигрантов и беженцев; 2) издание (как первоначальное, так и повторное) фундаментальных индивидуальных и коллективных научных исследований по международному праву беженцев); 3)

разработка, а также совершенствование фундаментальных академических учебных пособий по международному праву беженцев; 4) исследование эффективности и проблем реализации норм Конвенции о статусе беженцев 1951 г. (далее – Конвенция 1951 г.); 5) обзор и анализ результатов деятельности Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ ООН); 6) исследование правового статуса беженцев, искателей убежища и вынужденных переселенцев, а также объёма их конкретных прав; 7) анализ актуальных проблем международной защиты прав беженцев и тенденций развития института убежища; 8) исследование правового статуса, объёма конкретных прав, а также проблем обеспечения и защиты прав внутренне перемещённых лиц; 9) рассмотрение особенностей стратегий решения проблемы беженцев, а также защиты прав вынужденно перемещённых лиц на региональном уровне; 10) издание (как первоначальное, так и повторное) фундаментальных индивидуальных и коллективных научных исследований по проблемам Общей политики ЕС по вопросам миграции и убежища; 11) определение особенностей, проблем и перспектив развития Общей европейской системы убежища; 12) разбор проблем обеспечения и защиты прав вынужденно перемещённых лиц в ЕС; 13) изучение особенностей развития национального законодательства по вопросам обеспечения и защиты прав беженцев и других вынужденно перемещённых лиц.

Основные результаты *инкорпорации международных и национальных нормативно-правовых актов по вопросам обеспечения и защиты прав мигрантов и беженцев* зафиксированы в подготовленных экспертами УВКБ ООН соответствующих тематических подборках [1; 2], а также сборниках М. К. Синха [3] и под редакцией Г. Вермюлена и Э. Десмет [4]. *Фундаментальные научные исследования по международному праву беженцев* издали Р. Ислам и Дж. Х. Буиян [5], Дж. Хетеуэй [6] и М. Фостер [7], Г. Гудвин-Гилл, Дж. Макадам и Э. Данлоп [8], а также К. Мусало, Дж. Мур, Р. Босвэл и Э. Дазр [9]. *Фундаментальные академические учебные пособия по международному праву беженцев* разработали Е. Фиддиан-Касмие, Г. Лошер, К. Лонг и Н. Сигона [10], Й. Ведстед-Хансен [11], Ф. Никольсон и Дж. Кумин [12], С. Юсс [13], К. Костелло, М. Фостер и Дж. Макадам [14].

В контексте *исследования эффективности и проблем реализации норм Конвенции 1951 г.* внимание учёных приковано к следующим проблемам: а) *конкретизация (и возможности расширения) конвенционного определения понятия «беженец»* (Л. Волдмен [15]) с учётом формирования категорий *лиц, вынужденно перемещённых в связи с вооружёнными конфликтами и ситуациями насилия* (В. Хольцер [16; 17]), а также *изменениями климата и природными катастрофами* (С. Вирасингх [18]); б) *произвольное лишение гражданства и безгражданство* (Х. Ламберт [19]); в) *особые потребности женщин и детей в качестве отдельной категории искателей убежища* (В. Устервельд [20]); г) *возможность предоставления беженцам «внутренней защиты»* (Дж. Шульц [21]).

В рамках *обзора и анализа результатов деятельности УВКБ ООН* учёные исследуют следующие проблемы: а) *осуществление правотворческой, контрольной и координационно-регулятивной функций УВКБ ООН* (К. Льюис [22], Дж.-К. Симеон [23], К. Сендвик и К. Якобсен [24]); б) *практическое применение стратегий решения проблемы беженцев* (М. Пайпер, П. Пауэр, Дж. Том [25], Х. Накашиба [26, 27], В. Тюрк, Э. Эдвардс, К. Воутерс [28]); в) *обеспечение ответственности международного сообщества (и ответственности по защите)* (Э.-Дж. Пьерро [29],

М. Джанмир [30]); г) *содействие усовершенствованию процедуры определения статуса беженца* (Б. Барбур [31]).

В процессе исследования правового статуса и объёма конкретных прав мигрантов, беженцев, искателей убежища и вынужденных переселенцев юристы-международники рассматривают следующие проблемы: а) *характер соответствующих обязательств* государств в рамках международного права прав человека и международного права беженцев (Д. Кантор, Б. Бэрсон [32], Л. Хешл [33], Р. Бадари [34]) и *характерные черты общего подхода* к обеспечению прав беженцев (К. Огг [35]); б) *региональные особенности обеспечения и защиты прав* мигрантов и вынужденно перемещённых лиц ([36], К. Костелло [37], С. Каррера и З. Ванкова [38]); в) *обеспечение и защита конкретных прав* беженцев и других вынужденно перемещённых лиц: гражданских – *право на свободу и личную неприкосновенность* (Л. Фиске [39]), *право на вступление в брак и на уважение частной и семейной жизни* ([40], Т. Белэй [41], Ф. Никольсон [42; 43]); политических – *право принимать участие в ведении государственных дел* (Дж. Гилберт [44], Д. Шмальц [45]), *право голосовать и быть избранным* (Р. Зиглер [46]); экономических – *право на труд и право на справедливые и благоприятные условия труда* ([47], Т. Джинн, Р. Рисстек, Х. Демпстер, Э. Арнольд-Фернандес, С. Миллер, М. Герреро и Б. Каньяманза [48]), а также *право на собственность* (А. Смит [49], Х. Хассин и С. Леки [50], К. Параскева и Э. Мелигроу [51]); социальных – Л. Торнтон [52]; г) *объём прав категорий беженцев: детей* ([53], Дж. Побджой [54], С. Арнольд [55]); *женщин* ([56], Э. Арбель, К. Деверн, Дж. Милбенк [57], М. Крепин [58]); *инвалидов* (М. Крок, Л. Смит-Хан, Р. Маккалум, Б. Саул [59], С. Мотц [60]); *апатридов* (Х. Ламберт [19], Э. Фрипп [61], М. Фостер [62]), и «*экологических переселенцев*» (К. Корендеа [63], И. Мота Боргес [64], Х. Регебум [65], Дж. Шаккалуга [66], Дж. ван дер Влье [67]).

В контексте анализа актуальных проблем международной защиты прав беженцев внимание исследователей сосредоточено на вопросах, касающихся: а) *причин обострения проблемы вынужденно перемещённых лиц* (Э. Никанен [68], С. Юсс и К. Харви [69], У. Озсу [70], М. О'Салливан [71; 72], Д. Стивенс, Дж. Иван [72], Х. Камерон [73], К. Девиктор, К.-Т. До, А. Левченко [74], А. Мишра [75], К. Пинкок, А. Бетс и Э. Истон-Калабрия [76]); б) *проблем международного сотрудничества по вопросам оказания помощи беженцам и другим вынужденно перемещённым лицам* ([77], Ф. Очард [78], С. Нибоне, Д. Стивенс, Л. Балдассар [79], А.-М. Турнпиш [80], К. Девиктор, К.-Т. До [81], Д. Шмальц [82], А. Бетс [83], М. Георгиу, Р. Заборовски [84], В. Морено-Лакс, Э. Папаставридис [85], Э. Карска [86], Ш. Лабман [87], Н. Мицински [88], а также К. Огг [35]); в) *особенностей практического применения стратегий решения проблемы беженцев* (М. Инели-Сигер [89], А. Гарнье, Л. Джубилут, К. Сендвик [90], Дж. Шульц [21], Э. Валли, А. Петерман и М. Хидробо [91]); г) *оснований лишения лица права на получение статуса беженца* (С. Сингер [92], З. Тефферра [93], З. Якут-Бахтияр [94], Я. Ли [95] и Дж. Симеон [96]); д) *соблюдения принципа невысылки* ([97; 98], З. Тефферра [93], З. Якут-Бахтияр [94], Э. Хамдан [99], Р. Мунджиану [100], Ф. де Век [101] и Т. Белэй [41]); е) *обеспечения и защиты прав детей-беженцев* ([102; 103; 104; 53], Дж. Побджой [54], С. Арнольд [55], М. Седмак, Б. Зауэр, Б. Горник [105]); ё) *международного сотрудничества по оказанию помощи беженцам из конкретных государств – Палестины* (Ф. Элбаниз, Л. Таккенберг [106]), *Сирии* ([107], Д. Четти

[108], Б. Акессон, К. Купленд [109], Г. Межкальски и Б. Зыла [110]) и *Афганистана* (М. Икбал и М. Маколифф [111]); ж) *предоставления вынужденно перемещённым лицам помощи на гуманитарных основаниях* (Д. Куби [112] и Л. Фейжен [113]); з) *оказания помощи и предоставления защиты лицам, вынужденно перемещённым в связи с вооружёнными конфликтами и ситуациями насилия* (В. Хольцер [16; 17], Д. Кантор, Ж.-Ф. Дюрэ [114], М. Хеппольд, М. Пичоу [115], В. Тюрк, Э. Эдвардс, К. Воутерс [28], Б. Акессон, К. Купленд [109], Ш. Люфт [116], Э. Кацелли Прукаки [117]); и) *содействия и предоставления защиты лицам, вынужденно перемещённым в связи с изменениями климата или природными катастрофами («экологическим переселенцам»)* (К. Корендеа [63], И. Мота Боргес [64], Х. Регобум [65], Дж. Шаккалуга [66], Дж. ван дер Влье [67], С. Вирасингх [18] и М. Скотт [118]); к) *предоставления помощи и защиты вынужденно перемещённым жертвам гомофобии, ксенофобии, а также нетерпимости* (Т. Спийкебур [119] и Ж. Весселс [120]); л) *тенденций развития института убежища* (Л. Слинггенберг [121], Л. Вестра и Т. Сковацци [122], Л. Раббен [123], М. О'Салливан, Д. Стивенс, Н. Эль-Энани, К. Полле, К. Джонсон, С. Карциотто, С. Поробич, Д. Жупарич-Ильич, Л. Кирк [72], С. Берман [124], Д. Хезельбаш [125], Ш. Люфт [116], М. Джуфре [126], В. Мицилегас, В. Морена-Лакс, Н. Вавоула [127], Дж. Симеон [96], Л. Аффольтер [128] и Д. Дадли [129]).

В рамках исследования правового статуса, объёма конкретных прав и особенностей обеспечения и защиты прав внутренне перемещённых лиц внимание учёных приковано к следующим проблемам: а) *формирование международного правового и институционального механизмов обеспечения и защиты прав внутренне перемещённых лиц на универсальном* (Г. Кардона-Фокс [130], Р. Адеола [131] и Б. Ни Грейн [132]) и *региональном* ([36; 133], А. Абебе [134], Р. Адеола [131] и Б. Ни Грейн [132]) уровнях; б) *обеспечение и защита прав внутренне перемещённых лиц* ([135; 136], А. Смит [49], Х. Хассин, С. Леки, К. Хаггинс [50; 137], Р. Адеола [131] и Б. Ни Грейн [132]); в) *специфика предоставления помощи внутренне перемещённым лицам в конкретных государствах* [36; 134]: (Албания – Б. Николсон [138]; Сомали – [139] и Т. Аялью [140]; Колумбия – Д. Кантор [141]; Монголия, Филиппины и Эфиопия – М. Фияс, Д. Орендэйл, Д. Регаса и Б. Тербиш [142]).

В процессе рассмотрения особенностей стратегий решения проблемы беженцев и защиты прав вынужденно перемещённых лиц на региональном уровне осуществление общего сравнительно-правового анализа региональных стратегий координируют А. Абасс, Ф. Ипполито [143], С. Нибоун [144] и С. Вирасингх [18]; анализ опыта государств *Америки* [36] координируют Л. Джубилут, М. Эспиноза, Г. Мезанотти и др. [145]; изучением практики государств *Африки и Ближнего Востока* [146] занимаются Ч. Беяни [147], М. Шарп [148; 149], Л. Моттаги, А. Аль-Ахмади, Н. Ассаф, Ф. Оффре, К. Бансон и др. [150]; практику *европейских государств* в рамках *Совета Европы* [103; 104; 151] анализируют Т. Бочек [152], М. Седмак, Б. Зауэр и Б. Горник [105].

Отдельно следует выделить категорию научных трудов, посвящённых изучению сотрудничества государств-членов *Европейского Союза в сфере оказания помощи вынужденно перемещённым лицам*.

Фундаментальные научные исследования по актуальным проблемам *Общей политики ЕС по вопросам миграции и убежища* были изданы под редакцией следую-

щих учёных: С. Пирс, Э. Гилд, Дж. Томкин, Д. Акоста, К. Гронендийк, В. Морено-Лакс [153; 154; 155], К. Хейльбронер и Д. Тым [156; 157]. Следует вспомнить и разработанные экспертами ЕС и Совета Европы «Пособие по Европейскому праву по вопросам убежища, пограничного контроля и иммиграции» [158; 159; 160].

В контексте определения особенностей, проблем и перспектив развития Общей европейской системы убежища внимание юристов-международников приковано к следующим вопросам: а) обзор истории развития, а также общая критика политики ЕС по предоставлению убежища ([161], Л. де Бош [162], М. ден Хэйер [163], Э. Гилд, П. Миндерхоуд [164], Х. О'Нионс [165], Ф. Черубини [166], В. Морено-Лакс [167], Н. Заун [168], М. Коцур, Д. Моя, У. Сезги Созен, А. Романо [169], Э. Карска [86], Э. Кассоти и Н. Идриз [170]); б) особенности процедуры предоставления в ЕС убежища либо статуса беженца (И. Стефанс [171], К. Грюттерс, Э. Гилд и С. де Грут [172], А. М. Ренеман [173; 174], Д. Балдингер [175], З. Санчес Санчес [176], Н. Джил, Э. Гуд [177]); в) репатриация вынужденно перемещённых лиц с учётом обязательств по соблюдению принципа невысылки ([97], К. Гледвел [178], Р. Мунджиану [100], а также И. Мейчер [179] и Т. Молнар [180]); г) назревшая острая необходимость реформирования Общей европейской системы убежища (С. Веллутти [181], С. Баулоз, М. Инели-Цигер, С. Сингер, В. Стоянова [182], В. Четейл, Ф. Де Бруйкер, Ф. Мейани [183], Д. Тым, Г. Корнелиссе, Й. Вестед-Хансен, Э. Тсоурди, В. Морено-Лакс, М. Морару, Э. Гилд, П. Андраде, А. Голднер Ланг, Л. Слинггенберг, Ж.-Б. Фарси, С. Саролеа и У. Брандл [184]).

В процессе разбора проблем обеспечения и защиты прав вынужденно перемещённых лиц в ЕС исследователями выделяются следующие вопросы: а) воздействие негативных последствий массового наплыва беженцев в ЕС на европейскую систему защиты прав человека (Ш. Эйяр, Б. Баркбу, Н. Батини, Х. Бергер, Э. Детраджиэч, А. Дизьоли, К. Эбеке, Х. Лин, Л. Калтани, С. Соса, А. Спилимберго, П. Топалова [185], Дж. Овре-Финк, А.-С. Милле-Девель [186], В. Стоянова и Э. Карагеоргиу [187]); б) общие тенденции внутригосударственной имплементации государствами-членами ЕС норм Конвенции 1951 г. (Х. Ламберт, Дж. Макадам, М. Фуллертон [188], а также А.-М. Турнпиш [189], К. Костелло [190] и Дж. М. Леманн [191]); в) содействие допуску в ЕС вынужденно перемещённых лиц на гуманитарных основаниях (М.-К. Фоблетс, Л. Лебэф [192] и Л. Фейжен [113]); г) помощь в интеграции граждан третьих государств ([193]); д) характер воздействия технологических новшеств на защиту прав мигрантов и искателей убежища (М. Колодзейчик [194]); е) искоренение распространяющейся практики противоправного задержания мигрантов (И. Мейчер, М. Флинн, М. Грендж [195]); ё) специфика сотрудничества ЕС с третьими государствами по вопросам оказания помощи беженцам (Х. Кая [196]).

В рамках изучения особенностей национального законодательства по вопросам обеспечения и защиты прав беженцев и других вынужденно перемещённых лиц: а) осуществление общего обзора и анализа основных подходов государств к формированию внутригосударственного правового механизма защиты прав вынужденно перемещённых лиц координируют М. Жанмир [197], Д. Миллер [198], М. О'Салливан, Д. Стивенс [72], И. Исифоу [199]; б) соответствующее законодательство и практику государств Европы анализируют: [198], Н. Рибас-Матеос [200], С. Каррера и З. Ванкова [38]; Великобритании – С. Сингер [92], Дж. Клейтон,

К. Соьер, Р. Моффатт, Дж. Фирт и Х. Врей [201; 202], Дж. Кемпбел [203]; Ирландии – С. Муллалли, К. Мерфи, Л. Торнтон [204] и Т. О’Коннор [205]; Мальты – П. Ксуэреб и др. [206]; Германии – Д. Хохенлох [207]; Италии и Венгрии – Б. Майтени, Дж. Тамбурелли [208]; Кипра – К. Параскева и Э. Мелигроу [51]; в) исследование законодательства и практики *государств Америки* проводят: Канады – К. Севиньи [209], Л. Уолдмен [210; 211], Л. Форньер-Раглас, П. Маккерачер, Э. Расмуссон, Л. Инбар [212], К. Довернье, Ш. Эйкен, К. Грей, Дж. Лью, Д. Гелоуэй, Дж. Хекмен, К. Макинтош, О. Маклин [213; 214], Д. Миллер [198], Х. Гослет, Б. Карузо [215], С. Беглей, М. Джонс [216], Ш. Деслогс, К. Савицки [217], а также О. Окафор [218]; США – [219], Дж. Маркс [220], Э. Шонхольц, Ф. Шрег, Дж. Ногалес [221], А. Дастьяри [222], Б. Миллер, Л. Кейт, Дж. Холмс [223], Д. Миллер [198], С. Маккиннон [224], Д. Коулсон [225], а также С. Легомски, Д. Тронсон [226], М. Колодзейчик [194] и О. Окафор [218]; Латинской Америки – М.-Т. Гил-Базо [227]; г) изучением законодательства и практики *государств Африки* занимаются: М.-Т. Гил-Базо [227]; Бурунди – С. Франсен, К. Кушминдер [228]; Египта – В. Колманског [229] и Э.-Дж. Пьерро [29]; Камеруна – Э. Маттейсен [230]; Кении – В. Колманског [229] и К. Хоуг [231]; государств Субсахарской Африки – Ф. Вервимп, Ж.-Ф. Мейстадт [232], К. д’Орси [233]; Эфиопии – Х. Этрефи [234]; Чада – Т. Белтрамо, Х.-А. Денг, И. Сарр и П. Верме [235]; д) правотворческие инициативы и правоприменительную практику *государств Ближнего Востока* анализируют: [236]; Ливана – [237], М. Фаваз, Н. Сагхие, К. Наммур [238]; Ливана и Иордании – П. Верме, Ч. Джиглиарано, К. Визер, К. Хедлунд, М. Петцольд, М. Сантакроче [239]; Израиля – Г. Бен-Нун [240]; Турции – Л. Пинедо [241]; е) исследование законодательства и практики *государств Азии* проводят: Непала – К. Ядав Кумар [242]; Индии – Ш. Саркер [243]; России – А. Кубал [244]; Китая – Г. Лиу [245] и Л. Сонг [246]; ё) изучением законодательства и практики *Австралии и Новой Зеландии* занимаются: [198]; Австралии – Дж. Врачнас, М. Багарич, П. Димопулос, А. Патинаяк [247]; Новой Зеландии – Д. Теннент, К. Армстронг [248].

К большому нашему сожалению, *отечественная доктрина по вопросам международно-правовой защиты прав беженцев и других вынужденно перемещённых лиц* крайне скудно представлена на глобальном уровне в научном мире. За последние одиннадцать лет учебные пособия, доклады и монографии по соответствующей тематике подготовили: К. Буняева, Е. Божко [249], Е. Буртина, Е. Коростелева, В. Симонов [250], Д. Алиев [251], М. Маркелова [252], Д. Соболев [253], а также Ю. Соболева, Е. Маторина, Е. Демкина [254] и К. Жаринов [255].

Возвращаясь к основной цели исследования, для начала, попытаемся отследить динамику развития глобальной проблемы беженцев. *Неумолимая и неутешительная статистика* свидетельствует, что последние тринадцать лет общее количество вынужденно перемещённых лиц (далее – ВПЛ) ежегодно постоянно возрастает (2010 г. – 41 млн. чел. [256, с. 6]; 2015 г. – 65 млн. чел. [257, пар. 3, с. 1–2]; 2019 г. – 79,5 млн. чел. [256, с. 6]; 2020 г. – 82,4 млн. чел. [256, с. 2]; 2021 г. – 89,3 млн. чел. [258, с. 2]). Аналогично растёт и количество беженцев: 2015 г. – более 21 млн. чел. [257, пар. 3, с. 2]; 2017 г. – около 25,4 млн. чел. [259, с. 2]; 2020 г. – 26,4 млн. чел. [256, с. 2]; 2021 г. – 27,1 млн. чел. [258, с. 2]. Схожая тенденция наблюдается и в отношении общего количества внутренне перемещённых лиц (далее – ВнПЛ): если в 2012 г. их было 17,7 млн. чел. [258, с. 22], то в 2015 г. – более 40 млн. чел. [257,

пар. 3, с. 2], в 2020 г. – 48 млн. чел. [256, с. 2], а в 2021 г. – 53,2 млн. чел. [258, с. 2] (854 тыс. чел. из них находятся в Украине [258, с. 25]). Что же касается искателей убежища: если в 2015 г. их было 3 млн. чел. [257, пар. 3, с. 2], то в 2020 г. – 4,1 млн. чел. [256, с. 2], а в 2021 г. – 4,6 млн. чел. [258, с. 2, 33].

С 2014 г. по 2022 г. в годовых отчётах УВКБ ООН Украину намеренно не включали в перечень основных государств происхождения беженцев (при этом упоминая Сирию – около 6,85 млн. чел.; Венесуэлу – около 4,6 млн. чел.; Афганистан – около 2,71 млн. чел.; Южный Судан – около 2,36 млн. чел.; Мьянму – около 1,18 млн. чел.; ДР Конго – 908,4 тыс. чел.; Судан – 825,3 тыс. чел.; Сомали – 776,7 тыс. чел.; ЦАР – 737,7 тыс. чел.; Эритрею – 511,9 тыс. чел. [258, с. 17]), несмотря на то, что вооружённый конфликт в её восточной части с 2014 г. разрушал жизни сотен тысяч её граждан, вынуждая их стать вынужденно перемещёнными лицами. Более того, в аналогичный период в годовых отчётах УВКБ ООН Россию также намеренно не указывали в списке основных государств назначения беженцев (упоминая Турцию – около 3,76 млн. чел.; Колумбию – около 1,84 млн. чел.; Уганду – около 1,53 млн. чел.; Пакистан – около 1,49 млн. чел.; Германию – около 1,26 млн. чел.; Судан – около 1,1 млн. чел.; Бангладеш – 918,9 тыс. чел.; Ливан – 845,9 тыс. чел.; Эфиопию – 821,3 тыс. чел.; Иран – 798,3 тыс. чел. [258, с. 18]). Помимо всего упомянутого, в конце 2020 г. УВКБ ООН посчитало, что в отношении РФ уже нет оснований применять формулировку *«затяжная ситуация с беженцами из Украины»* в контексте статистики (по определению – *«25 000 или более беженцев одной национальности находятся в государстве пребывания непрерывно на протяжении как минимум 5 лет»*: граждане Афганистана в Пакистане и Иране; граждане Южного Судана в Кении, Судане и Уганде; с 2020 г. граждане Южного Судана и Бурунди в Конго), поскольку, по его мнению, показатели упали до 18 400 [256, с. 20].

С 2014 г. по 2022 г. УВКБ ООН намеренно не указывало в своих годовых отчётах Украину в перечне основных государств происхождения искателей убежища (упоминая в 2021 г. Афганистан – 125,6 тыс. чел.; Никарагуа – 111,6 тыс. чел.; Сирию – 110 тыс. чел.; Венесуэлу – 92,4 тыс. чел.; Гаити – 67 тыс. чел.; Гондурас – 59,8 тыс. чел.; ЦАР – 47,8 тыс. чел.; Ирак – 37,7 тыс. чел.; ДР Конго – 34,5 тыс. чел.; Сомали – 32,1 тыс. чел. [258, с. 31]). Более того, в аналогичный период в годовых отчётах УВКБ ООН Россию также намеренно не включали в перечень основных государств предоставления убежища (упоминая в 2021 г. США – 188,9 тыс. чел.; Германию – 148,2 тыс. чел.; Мексику – 131,4 тыс. чел.; Коста-Рику – 108,4 тыс. чел.; Францию – 89,4 тыс. чел.; Испанию – 65,4 тыс. чел.; Великобританию – 56,5 тыс. чел.; ДР Конго – 45,9 тыс. чел.; Италию – 43,8 тыс. чел.; Уганду – 41,8 тыс. чел. [258, с. 30]).

Но возмутительность целенаправленного игнорирования УВКБ ООН степени серьёзности проблемы вынужденно перемещённых лиц из Украины в период 2014–2022 гг. становится очевидной, если учесть, что, по данным МВД России, за период 2014–2020 гг. общее количество лиц, получивших статус временного убежища в РФ, составило 1 043 909 чел. (в 2020 г. ВПЛ из Украины составляли около 45 % – 8867 из 19817 чел.), а общее число лиц, получивших в РФ статус беженца, составило 4 264 чел. (в 2020 г. ВПЛ из Украины составляли около 12 % – 54 из 455 чел.) [260]. Крайне показательным стал принципиальный разворот УВКБ ООН на 180° в конце февраля 2022 г. – обновление статистических данных по количеству ВПЛ из Украины теперь (начиная с 24.02.2022) осуществляется ежедневно. По данным

(мнению) УВКБ ООН: по состоянию на 24.05.2022 РФ приняла 945 007 ВПЛ из Украины, на 19.07.2022 – 1 745 000, а на 25.10.2022 – 2 852 395 [261]. Но представители МЧС РФ ещё в конце июля 2022 г. констатировали принятие Россией 2,8 млн. ВПЛ из Украины [262]. По состоянию на 25.10.2022 Украина явно вышла на первое место в списке государств происхождения беженцев и искателей убежища (7 751 169 чел.), из которых 4 426 745 чел. (если верить УВКБ ООН) приняли государства-члены ЕС [261].

Приведённая нами статистика, а также общий обзор и критический анализ упомянутой ранее научной литературы позволяют сделать следующие выводы – доктрина международного права: 1) либо хранит молчание по поводу возникновения «политически чувствительных» проблем беженцев из определённых государств мира, либо рассматривает такие проблемы однобоко, демонстрируя крайнюю политизированность позиций государств (т. е., на протяжении 2014–2021 гг. либо мы не узнаём вообще о потоках ВПЛ из Украины в Россию, либо нам сообщают о наплыве ВПЛ из Республики Крым в Украину и ЕС); 2), умалчивает о практике применения двойных стандартов в решении проблемы беженцев из конкретных государств (т. е., если речь идёт о ВПЛ из стран Африки, Азии и Латинской Америки, то потенциальные государства назначения беженцев и искателей убежища будут настаивать на применении стратегий внутреннего переселения и развивать идею необходимости содействия ВнПЛ, но вот ВПЛ из Украины в период 2014–2021 гг. статус беженца или временное убежище в ЕС предоставлялись даже в случае отсутствия оснований по *Конвенции о статусе беженцев* 1951 г. [263, с. 400–410]); 3), молчит о применении двойных стандартов в определении истинных причин возникновения потоков ВПЛ из конкретных государств (т. е., если речь идёт о ВПЛ из стран Латинской Америки, Африки и Азии, то для представителей западной доктрины международного права причина скрыта именно в авторитарных политических режимах, вооружённых конфликтах, крайней нищете либо засухе, но в случае с ВПЛ из Украины в период 2014–2021 гг. – во «внешней агрессии», а не антиконституционном перевороте, нежелании умирать в ходе АТО либо грядущей крайней нищете); 4), [западная доктрина международного права], скрывая *истинную причину обострения проблемы беженцев в мире (иностранный вмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию развивающихся государств, «экспорт цветных революций» и разжигание внутригосударственных вооружённых конфликтов с целью обеспечения экономической эксплуатации ресурсов этих государств в будущем)*, отвлекает международное сообщество поисками лекарства от симптомов болезни, а не от причины заболевания; 3), упрямо отказывается замечать нежелание экономически развитых государств принимать на себя гораздо более существенную часть бремени и ответственности за решение проблемы беженцев во всём мире (т. е., несмотря на зафиксированных в *Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах* 2016 г., а также *Глобальном договоре о беженцах* 2018 г. намерениях наиболее развитых стран мира содействовать удовлетворению текущих и постоянных потребностей, поддерживать принимающие страны и общины [257, пар. 6–8, с. 22–23], а также использовать основные инструменты распределения бремени и ответственности [259; 264, пар. 31–48, с. 8–12], 83 % нагрузки по оказанию помощи беженцам и искателям убежища по-прежнему ложится именно на развивающиеся государства с низким и средним уровнем дохода населения, а иногда и на наименее развитые страны мира

[258, с. 2, 19], в то время как США, Канада, Великобритания и государства-члены ЕС активно работают над совершенствованием национального миграционного законодательства с целью минимизации негативного воздействия на их экономику потоков ВПЛ, нахлынувших из Ирака, Ливии, Сирии, Венесуэлы, Никарагуа, Афганистана, Мьянмы, ДР Конго, Сомали, Судана и Украины – государств, растерзанных спланированными и оплаченными американско-англо-евросоюзным альянсом «гуманитарными интервенциями», «цветными революциями», «дворцовыми переворотами» и их последствиями); б), не спешит во всеуслышание заявлять о том, что преследуемые в рамках Глобального договора о беженцах 2018 г. цели – ослабление нагрузки на принимающие страны, повышение способности беженцев обеспечивать самих себя, расширение использования предусматривающих доступ в третьи страны решений, содействие созданию в странах происхождения условий для безопасного и достойного возвращения [264, пар. 7, с. 3] – невозможно достичь в условиях фактического отсутствия у обладающих авторитетом, экономическими ресурсами и техническими возможностями государств политической воли и стремления укреплять международное сотрудничество в сфере обеспечения и защиты прав беженцев и других ВПЛ, поскольку «Глобальный договор не имеет обязательной юридической силы ... Его практическая реализация будет обеспечиваться за счёт добровольного оказания помощи для достижения коллективных результатов и прогресса в реализации целей ...» [264, пар. 4, с. 1].

Список литературы:

1. A thematic compilation of Executive Committee conclusions / Division of International Protection. – 7th ed. – Geneva: Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, Dept. of International Protection, 2014. – 582 p.
2. Thematic Compilation of General Assembly & Economic and Social Council Resolutions / Division of International Protection. – 4th ed. – Geneva: Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, Dept. of International Protection, 2014. – 586 p.
3. *Sinha M.* Handbook of legal instruments on international human rights and refugee laws / Dr. M. K. Sinha. – Gurgaon, Haryana, India: LexisNexis, 2014. – XIV, 957 p.
4. Essential texts on European and international asylum and migration law and policy / ed. by *G. Vermeulen, E. Desmet.* – Antwerpen; Apeldoorn; Portland: Maklu, 2017. – 1345 p.
5. An introduction to international refugee law / ed. by *R. Islam, J. H. Bhuiyan.* – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – XVII, 429 p.
6. *Hathaway J. C.* The rights of refugees under international law / J. C. Hathaway. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – LXX, 1382 p.
7. *Hathaway J. C.* The law of refugee status / J. C. Hathaway, M. Foster. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – LXXXI, 693 p.
8. *Goodwin-Gill G. S.* The refugee in international law / G. S. Goodwin-Gill, J. McAdam; with E. Dunlop. – 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – LXIII, 786 p.
9. *Musalo K.* Refugee law and policy: a comparative and international approach / K. Musalo, J. Moore, R. A. Boswell, A. Daher. – 5th ed. – Durham, North Carolina: Carolina Academic Press, 2018. – XLI, 1259 p.
10. The Oxford handbook of refugee and forced migration studies / ed. by *E. Fiddian-Qasbiyeh, G. Loescher, K. Long, N. Sigona.* – Oxford: Oxford University Press, 2014. – XXVIII, 747 p.
11. The refugee law reader: cases, documents and materials / *J. Vedsted-Hansen* (ed.-in-ch.). – 7th ed. – Budapest: Hungarian Helsinki Committee, 2015. – 334 p.
12. *Nicholson F.* A guide to international refugee protection and building state asylum systems / F. Nicholson, J. Kumin. – Geneva: Inter-Parliamentary Union; United Nations High Commissioner for Refugees, 2017.
13. Research handbook on international refugee law / ed. by *S. S. Juss.* – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2019. – XXIII, 448 p.
14. The Oxford handbook of international refugee law / ed. by *C. Costello, M. Foster, J. McAdam.* – Oxford: Oxford University Press, 2021. – LXXVIII, 1258 p.
15. *Waldman L.* The definition of convention refugee / Lorne Waldman. – 2nd ed. – Toronto: LexisNexis Canada, 2019. – LV, 687 p.

16. *Holzer V.* The 1951 Refugee Convention and the protection of people fleeing armed conflict and other situations of violence / V. Holzer. – Geneva: UNHCR, 2012. – 46 p.
17. *Holzer V.* Refugees from armed conflict: the 1951 Refugee Convention and international humanitarian law / V. Holzer. – Cambridge; Antwerp; Portland: Intersentia, 2015. – XIV, 257 p.
18. *Weerasinghe S.* Refugee law in a time of climate change, disaster and conflict: a working legal analysis of the refugee definition in the 1951 Convention and the regional refugee criteria, particularly where conflict and/or violence interacts with disaster / S. Weerasinghe. – Geneva: UNHCR, 2020. – 107 p.
19. *Lambert H.* Refugee status, arbitrary deprivation of nationality, and statelessness within the context of Article 1A(2) of the 1951 Convention and its 1967 Protocol relating to the Status of Refugees / H. Lambert. – Geneva: UNHCR, 2014. – 58 p.
20. *Oosterveld V. L.* Women and girls fleeing conflict: gender and the interpretation and application of the 1951 Refugee Convention / V. Oosterveld. – Geneva: UNHCR, 2012. – 48 p.
21. *Schultz J.* The internal protection alternative in refugee law: treaty basis and scope of application under the 1951 Convention relating to the status of refugees and its 1967 Protocol / J. Schultz. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, [2018], 2019. – VII, 431 p.
22. *Lewis C.* UNHCR and international refugee law: from treaties to innovation / C. Lewis. – London, New York: Routledge, 2012. – XXIII, 195 p.
23. The UNHCR and the supervision of international refugee law / ed. by J. C. Simeon. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – XXVI, 359 p.
24. UNHCR and the struggle for accountability: technology, law and results-based management / ed. by K. B. Sandvik, K. L. Jacobsen. – London; New York: Routledge, 2016. – X, 183 p.
25. *Piper M.* Refugee settlement: 2012 and beyond / M. Piper, P. Power, G. Thom. – Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2013. – 31 p.
26. *Nakashiba H.* Clarifying UNHCR resettlement: a few considerations from a legal perspective / H. Nakashiba. – Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2013. – 17 p.
27. *Nakashiba H.* Postmillennial UNHCR refugee resettlement: new developments and old challenges / H. Nakashiba. – Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2013. – 16 p.
28. In flight from conflict and violence: UNHCR's consultations on refugee status and other forms of international protection / ed. by V. Türk, A. Edwards, C. Wouters. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – XVII, 306 p.
29. *Pierrot E.-J.* A responsibility to protect: UNHCR and statelessness in Egypt / E.-J. Pierrot. – Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2013. – 22 p.
30. *Janmyr M.* Protecting civilians in refugee camps: unable and unwilling states, UNHCR and international responsibility / M. Janmyr. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2014. – X, 400 p.
31. *Barbour B.* Refugee status determination backlog prevention and reduction / B. Barbour. – Geneva: UNHCR, 2018. – III, 33 p.
32. Human rights and the refugee definition: comparative legal practice and theory / ed. by D. Cantor, B. Burson. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2016. – XV, 411 p.
33. *Heschl L.* Protecting the rights of refugees beyond European borders: establishing extraterritorial legal responsibilities / L. Heschl. – Cambridge; Antwerp; Portland: Intersentia, 2018. – XXX, 255 p.
34. *Bhandari R.* Human rights and the revision of refugee law / R. Bhandari. – London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2021. – X, 220 p.
35. *Ogg K.* Protection from refuge: from refugee rights to migration management / K. Ogg. – Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 2022. – XV, 215 p.
36. Human rights of migrants, refugees, stateless persons, victims of human trafficking and internally displaced persons: norms and standards of the Inter-American human rights system / Inter-American Commission on Human Rights. – Washington: Inter-American Commission on Human Rights, 2015. – 238 p.
37. *Costello C.* The human rights of migrants and refugees in European law / C. Costello. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – XLI, 356 p.
38. *Carrera S.* Human rights aspects of immigrant and refugee integration policies: a comparative assessment in selected Council of Europe member states / S. Carrera, Z. Vankova. – Strasbourg: Council of Europe, 2019. – 60 p.
39. *Fiske L.* Human rights and refugee protest against detention / L. Fiske. – New York: Routledge, 2014.
40. Realizing the right to family reunification of refugees in Europe: issue paper / Council of Europe Commissioner for Human Rights. – Strasbourg: Council of Europe, 2017. – 58 p.
41. *Belay T. S.* The right to family and private life as a limitation to the expulsion of non-nationals under international law / T. S. Belay. – Geneva: Institut de hautes études internationales et du développement, 2018. – IX, 432 p.
42. *Nicholson F.* The essential right to family unity of refugees and others in need of international protection in the context of family reunification / F. Nicholson. – 2nd ed. – Geneva: UNHCR, 2018. – VI, 263 p.
43. *Nicholson F.* The right to family life and family unity of refugees and others in need of international protection and the family definition applied / F. Nicholson. – 2nd ed. – Geneva: UNHCR, 2018. – 48 p.

44. *Gilbert G.* Political participation of refugees in their country of nationality / G. Gilbert. – Geneva: UNHCR, 2018. – III, 39 p.
45. *Schmalz D.* Refugees, democracy and the law: political rights at the margins of the state / D. Schmalz. – London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2020. – IX, 173 p.
46. *Ziegler R.* Voting rights of refugees / R. Ziegler. – Cambridge; New York, NY; Port Melbourne; Delhi; Singapore: Cambridge University Press, 2017. – XXIII, 262 p.
47. The access of refugees and other forcibly displaced persons to the labour market: background paper and draft ILO guiding principles for discussion at the ILO tripartite technical meeting on the access of refugees and other forcibly displaced persons to the labour market, Geneva, 7 July 2016 / International Labour Office, International Migration Branch. – Geneva: ILO, 2016. – VI, 33 p.
48. 2022 Global Refugee Work Rights Report / *T. Ginn, R. Resstack, H. Dempster, E. Arnold-Fernández, S. Miller, M. Guerrero, B. Kanyamanza*; Center for Global Development (CGD), Asylum Access, Refugees International. – 178 p. URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/2022-global-refugee-work-rights-report.pdf> (дата обращения: 17.09.2022). – Текст электронный.
49. *Smit A. R.* Property rights of refugees and internally displaced persons: beyond restitution / A. Smit. – London: Routledge, 2012. – XII, 257 p.
50. *Hassine K.* The United Nations principles on housing and property restitution for refugees and displaced persons (“The Pinheiro principles”): a commentary / K. Hassine, S. Leckie. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2016. – XXI, 402 p.
51. *Paraskeva K.* Cyprus at the European Court of Human Rights: a critical appraisal of the Court’s jurisprudence on the rights to property and home in the context of displacement / K. Paraskeva, E. Meleagrou. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2022. – VIII, 321 p.
52. *Thornton L.* The socio-economic rights of asylum seekers / L. Thornton. – London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2023. – 256 p.
53. Age assessment and fingerprinting of children in asylum procedures: Minimum age requirements concerning children’s rights in the EU / FRA, European Union Agency for Fundamental Rights. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. – 18 p.
54. *Pobjoy J. M.* The child in international refugee law / J. M. Pobjoy. – Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2017. – XLVII, 364 p.
55. *Arnold S.* Children’s rights and refugee law: conceptualizing children within the refugee convention / S. Arnold. – London; New York: Routledge, 2018. – X, 207 p.
56. Protecting the rights of migrant, refugee and asylum-seeking women and girls / Council of Europe. – Strasbourg: Council of Europe, 2019. – 18 p.
57. Gender in refugee law: from the margins to the centre / ed. by *E. Arbel, C. Dauvergne, J. Millbank*. – London: Routledge, 2014. – X, 295 p.
58. *Crépin M.* Persecution, international refugee law and refugees: a feminist approach / M. Crépin. – London; New York, NY: Routledge, Taylor & Francis Group, 2021. – VIII, 147 p.
59. *Crock M.* The legal protection of refugees with disabilities: forgotten and invisible? / M. Crock, L. Smith-Khan, R. McCallum, B. Saul. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2017. – XXVIII, 314 p.
60. *Motz S. A.* The refugee status of persons with disabilities / S. A. Motz. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2021. – XXVI, 373 p.
61. *Fripp E.* Nationality and statelessness in the international law of refugee status / E. Fripp; foreword by the Rt. Hon. Sir K. Schiemann. – Oxford; Portland, Oregon: Hart Publishing, 2016. – L, 362 p.
62. *Foster M.* International refugee law and the protection of stateless persons / M. Foster, H. Lambert. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – XXV, 254 p.
63. *Corendea C.* Legal protection of the sinking islands refugees / C. Corendea. – Lake Mary, FL: Vandeplas Publishing, LLC, 2016. – XXXVI, 239 p.
64. *Mota Borges I.* International law and environmental displacement: towards a new human rights-based protection paradigm / I. Mota Borges. – Oslo: University of Oslo, Faculty of Law, 2016. – 328 p.
65. *Ragheboom H.* The international legal status and protection of environmentally-displaced persons: a European perspective / H. Ragheboom. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2017. – XIII, 684 p.
66. *Sciaccaluga G.* International law and the protection of “climate refugees” / G. Sciaccaluga. – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. – XX, 217 p.
67. *Vliet J. M. M., van der.* The international legal protection of environmental refugees: a human rights-based, security and State responsibility approach / J.M.M. van der Vliet. – The Hague: Eleven International Publishing, 2020. – XIII, 447 p.
68. *Nykänen E.* Fragmented state power and forced migration: a study on non-state actors in refugee law / E. Nykänen. – Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. – XII, 387 p.
69. Contemporary issues in refugee law / ed. by *S. Singh Juss, C. Harvey*. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. – XI, 324 p.

70. *Özsu U.* Formalizing displacement: international law and population transfers / U. Özsu. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – XV, 169 p.
71. *O'Sullivan M.* Refugee law and durability of protection: temporary residence and cessation of status / M. O'Sullivan. – London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2020. – XI, 230 p.
72. States, the law and access to refugee protection: fortresses and fairness / ed. by *M. O'Sullivan, D. Stevens.* – Oxford; Portland, Oregon: Hart Publishing, 2017. – XXI, 312 p.
73. *Cameron H. E.* Refugee law's fact-finding crisis: truth, risk, and the wrong mistake / H. E. Cameron. – Cambridge; New York; Port Melbourne; New Delhi; Singapore: Cambridge University Press, 2018. – XII.
74. *Devictor X.* The globalization of refugee flows / X. Devictor, Q.-T. Do, A. A. Levchenko. – Washington, DC, USA: World Bank Group, 2020. – 21 p.
75. *Mishra A.* International refugee laws: now and then / A. Mishra. – New Delhi, India: Satyam Law International, 2020. – X, 328 p.
76. *Pincock K.* The global governed?: refugees as providers of protection and assistance / K. Pincock, A. Betts, E. Easton-Calabria. – Cambridge; New York; Port Melbourne; New Delhi; Singapore: Cambridge University Press, 2020. – XI, 154 p.
77. Forcibly displaced: toward a development approach supporting refugees, the internally displaced, and their hosts / World Bank Group. – Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank, 2017. – XV, 166 p.
78. *Orchard P.* A right to flee: refugees, states, and the construction of international cooperation / P. Orchard. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2014. – XIII, 297 p.
79. Refugee protection and the role of law: conflicting identities / ed. by *S. Kneebone, D. Stevens, L. Baldassar.* – London: Routledge, 2014. – XIV, 323 p.
80. La coopération: enjeu essentiel du droit des réfugiés / sous la direction d'*A.-M. Tournepiche.* – Paris: Éditions Pedone, 2015. – 104 p.
81. *Devictor X.* How many years have refugees been in exile? / X. Devictor, Q.-T. Do. – Washington, DC: World Bank Group, 2016. – 17 p.
82. *Schmalz D.* World citizens at the border: democratic theory, international law, and the figure of the refugee / D. Schmalz. – Frankfurt am Main, 2016. – 262 p.
83. *Betts A.* Refuge: rethinking refugee policy in a changing world / A. Betts. – New York, N.Y.: Oxford University Press, 2017. – XIV, 267 p.
84. *Georgiou M.* Media coverage of the refugee crisis: a cross-European perspective; Council of Europe report / M. Georgiou, R. Zaborowski. – Strasbourg: Council of Europe, 2017. – 24 p.
85. "Boat refugees" and migrants at sea: a comprehensive approach: integrating maritime security with human rights / ed. by *V. Moreno-Lax, E. Papastavridis.* – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2017. – 481 p.
86. Uchodźstwo XXI wieku z perspektywy prawa międzynarodowego, unijnego i krajowego = Refugeehood in the 21st century from the perspective of international, European Union and national law / red. nauk. *E. Karska.* – Warszawa: Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego. Katedra Ochrony Praw Człowieka i Prawa Międzynarodowego Humanitarne, 2020. – 274 p.
87. *Labman Sh.* Strangers to Neighbours: Refugee Sponsorship in Context / Sh. Labman. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2020. – 351 p.
88. *Micinski N. R.* UN global compacts: governing migrants and refugees/ N. R. Micinski. – London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2021. – XII, 167 p.
89. *Ineli-Ciger M.* Temporary protection in law and practice / M. Ineli-Ciger. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018. – XV, 281 p.
90. Refugee resettlement: power, politics, and humanitarian governance / ed. by *A. Garnier, L. L. Jubilut, K. B. Sandvik.* – New York; Oxford: Berghahn Books, 2018. – X, 317 p.
91. *Valli E.* Economic transfers and social cohesion in a refugee-hosting setting / E. Valli, A. Peterman, M. Hidrobo. – Florence, Italy: UNICEF Office of Research – Innocenti, 2018. – 52 p.
92. *Singer S.* Terrorism and exclusion from refugee status in the UK: asylum seekers suspected of serious criminality / S. Singer. – Leiden: Brill Nijhoff, 2015. – XXVII, 256 p.
93. *Teferra Z. M.* National security in international law: meaning and application in international human rights law, international refugee law and international humanitarian law / Z. M. Teferra. – Genève, 2016. – 595 p.
94. *Yakut-Bahtiyar Z.* Exclusion clauses of the Refugee Convention in relation to national immigration legislations, European policy and human rights instruments: Article 1F versus the non-refoulement principle / Z. Yakut-Bahtiyar. – Oisterwijk: Wolf Legal Publishers, 2016. – 378 p.
95. *Li Y.* Exclusion from protection as a refugee: an approach to a harmonizing interpretation in international law / Y. Li. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2017. – XII, 383 p.
96. Terrorism and asylum / ed. by *J. C. Simeon.* – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2020. – XVII, 424 p.
97. Scope of the principle of non-refoulement in contemporary border management: evolving areas of law / FRA, European Union Agency for Fundamental Rights. – Luxembourg: Publications Offices of the European Union, 2016. – 48 p.

98. Non-refoulement as a principle of international law and the role of the judiciary in its implementation: proceedings of the seminar 27 January 2017 / European Court of Human Rights. – Strasbourg: European Court of Human Rights, 2017. – 69 p.
99. *Hamdan E.* The principle of non-refoulement under the ECHR and the UN Convention against torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment / E. Hamdan. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2016. – VII, 404 p.
100. *Mungianu R.* Frontex and non-refoulement: the international responsibility of the EU / R. Mungianu. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – XXI, 251 p.
101. *Weck F., de* Non-refoulement under the European Convention on Human Rights and the UN Convention against Torture: the assessment of individual complaints by the European Court of Human Rights under Article 3 ECHR and the United Nations Committee against Torture under Article 3 CAT / F. de Weck. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2017. – XLVIII, 500 p.
102. Uprooted: the growing crisis for refugee and migrant children / UNICEF. – New York, NY: UNICEF, 2016. – V, 129 p.
103. Council of Europe Action Plan on Protecting Refugee and Migrant Children in Europe (2017–2019) / Council of Europe. – Strasbourg: Council of Europe, 2017. – 22 p.
104. Protecting children affected by the refugee crisis from sexual exploitation and sexual abuse. Special report adopted by the Lanzarote Committee on 3 March 2017 / Council of Europe. – Strasbourg: Council of Europe, 2017. – 92 p.
105. Unaccompanied children in European migration and asylum practices: in whose best interests? / ed. by M. Sedmak, B. Sauer, B. Gornik. – Abingdon; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2018. – X, 189 p.
106. *Albanese F.* Palestinian refugees in international law / F. P. Albanese, L. Takkenberg. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – XLIV, 560 p.
107. The mobility of displaced Syrians: an economic and social analysis / World Bank Group. – Washington, D.C.: World Bank Publications, 2020. – XIV, 263 p.
108. *Chatty D.* Syria: the making and unmaking of a refugee state / D. Chatty. – London: Hurst & Company, 2017. – X, 289 p.
109. *Akesson B.* Without choice?: understanding war-affected Syrian families decisions to leave home / B. Akesson, K. Coupland. – Geneva: International Organization for Migration, 2018. – 14 p.
110. *Mieszalski G.* Engaging displaced populations in a future Syrian transitional justice process: the peace-building-transitional justice nexus / G. Mieszalski, B. Zyla. – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. – X, 182 p.
111. *Iqbal M.* The eighth phase of Afghan displacement: situating the top ten issues for policymakers / M. Iqbal, M. McAuliffe. – Geneva: International Organization for Migration, 2022. – 20 p.
112. *Cubie D.* The international legal protection of persons in humanitarian crises: exploring the *acquis humanitaire* / D. Cubie. – Oxford; Portland, OR: Hart Publishing, 2017. – XLI, 348 p.
113. *Feijen L.* The evolution of humanitarian protection in European law and practice / L. Feijen. – Cambridge; New York; Port Melbourne; New Delhi; Singapore: Cambridge University Press, 2021. – XX, 227 p.
114. Refuge from inhumanity?: War refugees and international humanitarian law / ed. by D. J. Cantor, J.-F. Durieux. – Leiden: Brill, 2014. – XVII, 494 p.
115. The protection of persons fleeing armed conflict and other situations of violence / ed. by M. Happold, M. Pichou. – Bruxelles: Larcier, 2016. – 208 p.
116. *Lülf C.* Conflict displacement and legal protection: understanding asylum, human rights and refugee law / C. Lülf. – London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2019. – VIII, 254 p.
117. *Katselli Proukaki E.* International law and the rights of those displaced by armed conflict / E. Katselli Proukaki. – London: Routledge, 2020. – 267 p.
118. *Scott M.* Climate change, disasters, and the refugee convention / M. Scott. – Cambridge, United Kingdom; New York, NY, USA; Port Melbourne, Australia; New Delhi, India; Singapore: Cambridge University Press, 2020. – XXII, 184 p.
119. Fleeing homophobia: sexual orientation, gender identity and asylum / ed. by T. Spijkerboer. – London: Routledge, 2013. – XVIII, 238 p.
120. *Wessels J.* The concealment controversy: sexual orientation, discretion reasoning and the scope of refugee protection / J. Wessels. – Cambridge, United Kingdom; New York, NY; Port Melbourne, Australia; New Delhi, India; Singapore: Cambridge University Press, 2021. – XVI, 304 p.
121. *Slingenberg L.* The reception of asylum seekers under international law: between sovereignty and equality / L. Slingenberg. – Oxford: Hart Publishing, 2014. – XXII, 408 p.
122. *Westra L.* Towards a refugee oriented right of asylum / L. Westra, T. Scovazzi. – Farnham; Burlington: Ashgate, 2015. – X, 361 p.
123. *Rabben L.* Sanctuary and asylum: a social and political history / L. Rabben. – Seattle; London: University of Washington Press, 2016. – XIV, 335 p.

124. *Behrman S.* Law and asylum: space, subject, resistance / S. Behrman. – London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2018. – XXVII, 270 p.
125. *Ghezelbash D.* Refuge lost: asylum law in an interdependent world / D. Ghezelbash. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2018. – XVII, 207 p.
126. *Giuffré M.* The readmission of asylum seekers under international law / M. Giuffré. – Oxford; London; New York; New Delhi; Sydney: Hart Publishing, 2020. – XLI, 359 p.
127. *Securitizing asylum flows: deflection, criminalization and challenges for human rights* / ed. by V. Mitsilegas, V. Moreno-Lax, N. Vavoula. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2020. – VIII, 342 p.
128. *Affolter L.* Asylum matters: on the front line of administrative decision-making / L. Affolter. – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. – XVII, 203 p.
129. *Dudley D.* Gruppenverfolgung im Asyl- und Flüchtlingsrecht: Einheitlichkeit der Rechtsprechung von Tatsachen- und Obergerichten / D. Dudley. – Baden-Baden: Nomos, 2021. – 309 p.
130. *Cardona-Fox G.* Exile within borders: a global look at commitment to the international regime to protect internally displaced persons / G. Cardona-Fox. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2019. – 228 p.
131. *Adeola R.* The internally displaced person in international law / R. Adeola. – Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2020. – VIII, 198 p.
132. *Ní Ghráinne B.* Internally displaced persons and international refugee law / B. Ní Ghráinne. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – XXVI, 212 p.
133. *The Kampala Convention: key recommendations ten years on* / International Committee of the Red Cross. – Geneva: International Committee of the Red Cross, 2019. – 72 p.
134. *Abebe A. M.* The emerging law of forced displacement in Africa: development and implementation of the Kampala Convention on internal displacement / A. M. Abebe. – London; New York: Routledge, 2017. – XII.
135. *The Peninsula Principles on Climate Displacement Within States (18 August 2013)*. – 32 p. URL: <https://reliefweb.int/attachments/9db7a181-70f6-30f4-b83c-a8fb77b86aa0/Peninsula-Principles.pdf> (дата обращения: 18.09.2022). – Текст электронный.
136. *Forcibly displaced: toward a development approach supporting refugees, the internally displaced, and their hosts* / World Bank Group. – Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank, 2017. – XV, 166 p.
137. *Repairing domestic climate displacement: the Peninsula Principles* / ed. by S. Leckie, C. Huggins. – London; New York: Routledge, 2016. – XXI, 198 p.
138. *Nicholson B.* Accommodating the internally displaced in south-central Albania in 1918 / B. Nicholson. – Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2014. – 22 p.
139. *Identifying climate adaptive solutions to displacement in Somalia: assessment report* / IOM UN Migration, UN Environment Programme. – Geneva: IOM UN Migration, 2021. – 131 p.
140. *Ayalew T.* International response for protection of internally displaced persons: legal and institutional response for protection of conflict-induced internally displaced persons in Darfur and Somalia / T. Ayalew. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – IX, 94 p.
141. *Cantor D. J.* Returns of internally displaced persons during armed conflict: international law and its application in Colombia / D. J. Cantor. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018. – XXII, 651 p.
142. *Fias M.* Far away but surprisingly similar: the invisible worlds of internally displaced persons across the globe / M. Fias, D. J. Orendain, D. Regasa, B. Terbish. – Bruges: UNU-CRIS, 2021. – 14 p.
143. *Regional approaches to the protection of asylum seekers: an international legal perspective* / ed. by A. Abass, F. Ippolito. – Farnham: Ashgate, 2014. – XV, 392 p.
144. *Comparative regional protection frameworks for refugees* / ed. by S. Kneebone. – London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2017. – IX, 140 p.
145. *Latin America and refugee protection: regimes, logics, and challenges* / ed. by L. L. Jubilut, M. V. Espinoza, G. Mezzanotti. – New York; Oxford: Berghahn, 2021. – XVII, 429 p.
146. *Impact of COVID-19 on migrants and refugees in the Arab region* / Economic and Social Commission for Western Asia (ESCWA). – Beirut, Lebanon: United Nations, 2020. – 23 p.
147. *Beyani C.* Protection of the right to seek and obtain asylum under African Human Rights System / C. Beyani. – Leiden: Nijhoff, 2013. – XVII, 283 p.
148. *Sharpe M.* The 1969 OAU Refugee Convention and the protection of people fleeing armed conflict and other situations of violence in the context of individual refugee status determination / M. Sharpe. – Geneva: UNHCR, 2013. – 24 p.
149. *Sharpe M.* The regional law of refugee protection in Africa / M. Sharpe. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – XXXV, 263 p.
150. *Mottaghi L.* Refugee crisis in MENA: meeting the development challenge / prep. by a team led by L. Mottaghi; A. Alawi Al-Ahmadi, N. Assaf, Ph. Auffret, C. Bahnson and others. – Washington, DC, USA: World Bank Group, 2017. – 90 p.
151. *Council of Europe action plan on protecting vulnerable persons in the context of migration and asylum in Europe (2021–2025)* / Council of Europe. – Council of Europe, 2021. – 24 p.

152. *Boček T.* First report on the activities of the Secretary General's Special Representative on Migration and Refugees: 1 February 2016 to 31 January 2018 / T. Boček; presented to the Secretary General and the Committee of Ministers. – Strasbourg: Council of Europe, 2018. – 30 p.
153. EU immigration and asylum law: text and commentary. – 2nd rev. ed. Vol. 1. Visas and border controls / ed. by S. Peers, E. Guild, J. Tomkin. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. – 420 p.
154. EU immigration and asylum law: text and commentary. – 2nd rev. ed. Vol. 2. EU immigration law / ed. by S. Peers, E. Guild, D. Acosta, K. Groenendijk, V. Moreno Lax. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. – 597 p.
155. EU immigration and asylum law: text and commentary. – 2nd rev. ed. Vol. 3. EU asylum law / ed. by S. Peers, E. Guild, D. Acosta, K. Groenendijk, V. Moreno Lax. – Leiden: Brill Nijhoff, 2015. – 681 p.
156. EU immigration and asylum law: a commentary / ed. by K. Hailbronner, D. Thym. – 2nd ed. – München: C.H. Beck, 2016. – XXI, 1638 p.
157. EU immigration and asylum law: article-by-article commentary / ed. by D. Thym, K. Hailbronner. – 3rd ed. – München: C.H. Beck, 2022. – XXXV, 1806 p.
158. Handbook on European law relating to asylum, borders and immigration / European Union Agency for Fundamental Rights; Council of Europe. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2013. – 258 p.
159. Handbook on European law relating to asylum, borders and immigration / European Union Agency for Fundamental Rights; Council of Europe. – 2nd ed. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. – 276 p.
160. Handbook on European law relating to asylum, borders and immigration / European Union Agency for Fundamental Rights; Council of Europe. – 3rd ed. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. – 362 p.
161. European asylum policy: two major accords to break the impasse / Advisory Council on International Affairs. – The Netherlands: Advisory Council on International Affairs, 2020. – 64 p.
162. *Bauche L., de.* Vulnerability in the European law on asylum / L. de Bauche. – Bruxelles: Bruylant, 2012. – XII, 476 p.
163. *Heijer M.* Europe and extraterritorial asylum / M. den Heijer. – Oxford: Hart Publishing, 2012. – 341 p.
164. The first decade of EU migration and asylum law / ed. by E. Guild, P. Minderhoud. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. – XVI, 485 p.
165. *O'Nions H.* Asylum – a right denied: a critical analysis of European asylum policy / H. O'Nions. – Farnham: Ashgate, 2014. – 264 p.
166. *Cherubini F.* Asylum law in the European Union: from the Geneva Convention to the law of the EU / F. Cherubini. – London: Routledge, 2015. – IX, 290 p.
167. *Moreno-Lax V.* Accessing asylum in Europe: extraterritorial border controls and refugee rights under EU law / V. Moreno-Lax. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – LXVII, 550 p.
168. *Zaun N.* EU asylum policies: the power of strong regulating states / N. Zaun. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – XVI, 315 p.
169. The external dimension of EU migration and asylum policies: border management, human rights and development policies in the Mediterranean area / M. Kotzur, D. Moya, Ü. Sezgi Sözen, A. Romano (eds.). – Baden-Baden: Nomos, 2020. – 353 p.
170. The informalisation of the EU's External Action in the field of migration and asylum / E. Kassoti, N. Idriz (eds.). – Den Haag: Asser Press, 2022. – VI, 346 p.
171. *Staffans I.* Evidence in European asylum procedures / I. Staffans. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. – IX, 291 p.
172. Assessment of credibility by judges in asylum cases in the EU / ed. by C. Grütters, E. Guild, S. de Groot. Centre for Migration Law, Radboud University Nijmegen (NL) & International Association of Refugee Law Judges. – Oosterwijk, The Netherlands: Wolf Legal Publishers (WLP), 2013. – 219 p.
173. *Reneman A. M.* EU asylum procedures and the right to an effective remedy / A. M. Reneman. – E.M. Meijers Institute and Graduate School of the Leiden Law School, Faculty of Law, Leiden University, 2013. – XII, 454 p.
174. *Reneman M.* EU asylum procedures and the right to an effective remedy / M. Reneman. – Oxford: Hart Publishing, 2014. – XII, 413 p.
175. *Baldinger D.* Vertical judicial dialogues in asylum cases: standards on judicial scrutiny and evidence in international and European asylum law / D. Baldinger. – Leiden: Brill, 2015. – XIII, 547 p.
176. *Sánchez Sánchez Z.* The right to asylum in Europe: innovation of asylum procedures / Z. Sánchez Sánchez. – Cizur Menor, Navarra: Thomson Reuters – Aranzadi, 2018. – 156 p.
177. Asylum determination in Europe: ethnographic perspectives / ed. by N. Gill, A. Good. – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. – XVII, 335 p.
178. *Gladwell C.* Broken futures: young Afghan asylum seekers in the UK and on return to their country of origin / C. Gladwell. – Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2012. – 52 p.

179. *Majcher I.* The European Union returns directive and its compatibility with international human rights law: analysis of return decision, entry ban, detention, and removal / I. Majcher. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2020. – XVIII, 830 p.
180. *Molnár T.* The interplay between the EU's return acquis and international law / T. Molnár. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2021. – XV, 256 p.
181. *Velluti S.* Reforming the Common European Asylum System: legislative developments and judicial activism of the European Courts / S. Velluti. – Heidelberg: Springer, 2014. – XI, 110 p.
182. Seeking asylum in the European Union: selected protection issues raised by the second phase of the common European asylum system / ed. by C. Bauloz, M. Ineli-Ciger, S. Singer, V. Stoyanova. – Leiden; Boston: Brill, 2015. – XIV, 297 p.
183. Reforming the Common European Asylum System: the new European refugee law / ed. by V. Chetail, Ph. De Bruycker, F. Maiani. – Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2016. – VII, 541 p.
184. Reforming the Common European Asylum System: opportunities, pitfalls, and downsides of the Commission Proposals for a new pact on migration and asylum / D. Thym, *Odysseus Academic Network* (eds.). – Baden-Baden: Nomos, 2022. – 299 p.
185. *Aiyar S.* The refugee surge in Europe: economic challenges / prepared by S. Aiyar, B. Barkbu, N. Batini, H. Berger, E. Detragiache and others. – Washington, DC: International Monetary Fund, 2016. – 50 p.
186. Crise des réfugiés, crise de l'Union européenne?: colloque, Nice, 9 et 10 juin 2016 / Institut du droit de la paix et du développement, Université Côte d'Azur, Centres d'excellence Jean Monnet des universités Nice Sophia Antipolis et Grenoble Alpes, Chaire Jean Monnet d'études et de recherche juridiques européennes, Laboratoire de droit international et européen LADIE EA 7414; sous la dir. de J. Auvret-Finck, A.-S. Millet-Devalle. – Paris: Éditions Pedone, 2017. – 429 p.
187. The new asylum and transit countries in Europe during and in the aftermath of the 2015/2016 crisis / ed. by V. Stoyanova, E. Karageorgiou. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018. – XXVII, 307 p.
188. The global reach of European refugee law / ed. by H. Lambert, J. McAdam, M. Fullerton. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – XVIII, 322 p.
189. La protection internationale et européenne des réfugiés: la Convention de Genève du 28 juillet 1951 relative au statut des réfugiés à l'épreuve du temps / sous la dir. D'A.-M. Tournepiche. – Paris: Pedone; 14-Condé-sur-Noireau: Impr. Corlet numérique, 2014. – 176 p.
190. *Costello C.* The human rights of migrants and refugees in European law / C. Costello. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – XLI, 356 p.
191. *Lehmann J. M.* 'Protection' in European Union asylum law: international and European law requirements for assessing available protection as a criterion for refugee and subsidiary status / J. M. Lehmann. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2020. – XXVI, 278 p.
192. Humanitarian admission to Europe: the law between promises and constraints / M.-C. Foblets, L. Leboeuf (eds.). – Baden-Baden: Nomos, 2020. – 371 p.
193. Do the European Integration Fund and European Refugee Fund contribute effectively to the integration of third-country nationals?: Pursuant to Article 287(4) second subparagraph, TFEU. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012. – 64 p.
194. *Kołodziejczyk M.* The use of technology for the management of the EU/US Immigration and Asylum Policy – possible risks for fundamental rights protection / M. Kołodziejczyk. – Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2020. – 210 p.
195. *Majcher I.* Immigration detention in the European Union: in the shadow of the "crisis" / I. Majcher, M. Flynn, M. Grange. – Cham, Switzerland: Springer, 2020. – XVII, 480 p.
196. *Kaya H.* The EU-Turkey Statement on refugees: assessing its impact on fundamental rights / H. Kaya. – Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2020. – X, 237 p.
197. *Janmyr M.* Protecting civilians in refugee camps: unable and unwilling states, UNHCR and international responsibility / M. Janmyr. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2014. – X, 400 p.
198. Asylum procedures: report on policies and practices in IGC participating states / ed. by D. Miller; Intergovernmental Consultations on Migration, Asylum and Refugees (IGC). – 6th ed. – Geneva, Switzerland: Intergovernmental Consultations on Migration, Asylum and Refugees, 2015. – IX, 509 p.
199. *Issifou I.* Understanding decisions made on asylum applications in host countries / I. Issifou. – Washington, DC, USA: World Bank Group, 2020. – 41 p.
200. Migration, mobilities and the Arab Spring: spaces of refugee flight in the Eastern Mediterranean / ed. by N. Ribas-Mateos. – Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2016. – 212 p.
201. *Clayton G.* Textbook on immigration and asylum law / G. Clayton, C. Sawyer, R. Moffatt, G. Firth, H. Wray. – 7th ed. – Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2016. – XLIX, 617 p.
202. *Clayton G.* Immigration and asylum law / G. Clayton, G. Firth, C. Sawyer, R. Moffatt. – 9th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – LVI, 618 p.
203. *Campbell J. R.* Bureaucracy, law and dystopia in the United Kingdom's asylum system / J. R. Campbell. – London; New York, NY: Routledge, 2017. – XVII, 201 p.

204. *Mullally S.* Migration, asylum and citizenship law in Ireland: new borders / S. Mullally, C. Murphy, L. Thornton. – Oxford: Hart Publishing, 2021. – 256 p.
205. *O'Connor T.* Refugee and asylum law in Ireland / T. O'Connor. – London: Bloomsbury Publishing, 2022. – 400 p.
206. Migration and asylum in Malta and the European Union: right and realities, 2002 to 2011 / ed. by P. G. Xuereb. – Msida (M): Malta University Press, 2012. – XLII, 340 p.
207. *Hohenlohe D.* Dealing with the refugee crisis: the recent asylum law reforms in Germany from asylum procedure acceleration to fostering integration / Diana Princess of Hohenlohe-Oehringen. – Heidelberg: Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law, 2017. – 27 p.
208. Human rights of asylum seekers in Italy and Hungary: influence of international and EU law on domestic actions / ed. by B. Majtényi, G. Tamburelli. – The Hague: Eleven International Publishing, 2019. – XVI, 237 p.
209. *Sévigny C. A.* Starting from refugees themselves: a study on the resettlement of government-assisted refugees in Gatineau, Québec / C. A. Sévigny. – Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2012. – 18 p.
210. *Waldman L.* Canadian immigration & refugee law practice 2013 / L. Waldman. – Markham: LexisNexis, 2012. – LII, 1519 p.
211. *Waldman L.* Canadian immigration & refugee law practice / L. Waldman. – Toronto: LexisNexis Canada, 2019. – XVIII, 2060 p.
212. Canadian immigration and refugee law for legal professionals / L. Fournier-Ruggles; contrib. P. McKeracher, A. Rasmusson, L. Inbar. – 2nd ed. – Toronto: Emond Montgomery Publications, 2013. – XV.
213. *Dauvergne C.* Immigration and refugee law: cases, materials, and commentary / C. Dauvergne. – 2nd ed. – Toronto, Canada: Emond, 2015. – XXXVII, 1125 p.
214. *Aiken S. J.* Immigration and refugee law: cases, materials, and commentary / S. Aiken (gen. ed.), C. Grey (gen. ed.), C. Dauvergne, J. C. Yun Liew, D. Galloway, G. Heckman, C. MacIntosh, A. Macklin. – 3rd ed. – Toronto, Canada: Emond, 2020. – XXXI, 1122 p.
215. The 2017 annotated immigration and refugee Protection Act of Canada / ed. & annot. by H. M. Goslett, B. J. Caruso. – Toronto, Ontario: Thomson Reuters, 2016. – CXIX, 1544 p.
216. *Baglay S.* Refugee law / S. Baglay, M. Jones. – 2nd ed. – Toronto, ON: Irwin Law, 2017. – 603 p.
217. *Deslopes Ch.* Canadian immigration and refugee law: a practitioner's handbook / Ch. Deslopes, C. Sawicki, L. Fournier-Ruggles. – Toronto, Canada: Emond, 2017. – XXIV, 695 p.
218. *Okafor O. C.* Refugee law after 9/11: sanctuary and security in Canada and the US / O. C. Okafor. – Vancouver; Toronto: UBC Press, 2020. – XII, 349 p.
219. Immigration and refugee policy: breakthroughs in research and practice / Information Resources Management Association, USA. – Hershey, PA: Information Science Reference, IGI Global, 2019. – XIII, 469 p.
220. *Marks J. A.* Rural refugee resettlement: secondary migration and community integration in Fort Morgan, Colorado / J. A. Marks. – Geneva: UNHCR, 2014. – 46 p.
221. *Schoenholtz A. I.* Lives in the balance: asylum adjudication by the Department of Homeland Security / A. I. Schoenholtz; P. G. Schrag; J. Ramji-Nogales. – New York: New York University Press, 2014. – XV.
222. *Dastyari A.* United States migrant interdiction and the detention of refugees in Guantánamo Bay / A. Dastyari. – New York, NY: Cambridge University Press, 2015. – XVI, 270 p.
223. *Miller B.* Immigration judges and U.S. asylum policy / B. Miller, L. C. Keith, J. S. Holmes. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. – 238 p.
224. *McKinnon S. L.* Gendered asylum: race and violence in U.S. law and politics / S. L. McKinnon. – Urbana: Chicago; Springfield: University of Illinois Press, 2016. – VIII, 165 p.
225. *Coulson D.* Race, nation, and refuge: the rhetoric of race in Asian American citizenship cases / D. Coulson. – Albany: SUNY Press, 2017. – XXXI, 285 p.
226. *Legomsky S. H.* Immigration and refugee law and policy / S. H. Legomsky, D. B. Thronson. – 7th ed. – St Paul, MN: Foundation Press, 2019. – CXXII, 1681 p.
227. *Gil-Bazo M.-T.* Asylum in the practice of Latin American and African states / M.-T. Gil-Bazo. – Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2013. – 17 p.
228. *Fransen S.* Back to the land: the long-term challenges of refugee return and reintegration in Burundi / S. Fransen, K. Kuschminder. – Geneva: UNHCR, 2012. – 31 p.
229. *Kolmannskog V.* Gaps in Geneva, gaps on the ground: case studies of Somalis displaced to Kenya and Egypt during the 2011 drought / V. Kolmannskog. – Geneva: UNHCR, 2012. – 21 p.
230. *Mattheisen E.* Because I am a stranger: urban refugees in Yaoundé, Cameroon / E. Mattheisen. – Geneva: UNHCR, 2012. – 15 p.
231. *Hough C.* Newcomers to Nairobi: the protection concerns and survival strategies of asylum seekers in Kenya's capital city / C. Hough. – Geneva: UNHCR, 2013. – 23 p.
232. *Verwimp P.* Forced displacement and refugees in Sub-Saharan Africa: an economic inquiry / P. Verwimp; J.-F. Maystadt. – Washington, DC: World Bank Group, Africa Region, Office of the Chief Economist, 2015. – 42 p.

233. *D'Orsi C.* Asylum-seeker and refugee protection in Sub-Saharan Africa: the peregrination of a persecuted human being in search of a safe haven / C. d'Orsi. – London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. – XVI, 328 p.
234. *Atrafi H.* Working towards inclusion: refugees within the national systems of Ethiopia / H. Atrafi. – Geneva: UNHCR, Policy Development and Evaluation Service, 2017. – 42 p.
235. *Beltramo T.* Estimating poverty among refugee populations: a cross-survey imputation exercise for Chad / T. Beltramo, H.-A. H. Dang, I. Sarr, P. Verme. – Washington, DC, USA: World Bank Group, 2020. – 32 p.
236. Impact of COVID-19 on migrants and refugees in the Arab region / Economic and Social Commission for Western Asia (ESCWA). – Beirut, Lebanon: United Nations, 2020. – 23 p.
237. Big data for good: can big data illustrate the challenges facing Syrian refugees in Lebanon? / Economic and Social Commission for Western Asia (ESCWA). – Beirut, Lebanon: United Nations, 2020. – 55 p.
238. *Fawaz M.* Housing, land & property issues in Lebanon: implications of the Syrian refugee crisis / M. Fawaz, N. Saghiyeh, K. Nammour. – Beirut: UNHCR, 2014. 71 p.
239. *Verme P.* The welfare of Syrian refugees: evidence from Jordan and Lebanon / P. Verme, C. Gigliarano, C. Wieser, K. Hedlund, M. Petzoldt, M. Santacrocce. – Washington, DC: World Bank Group, 2016. – XIX.
240. *Ben-Nun G.* Seeking asylum in Israel: refugees and the history of migration law / G. Ben-Nun. – London; New York: I. B. Tauris, 2017. – XIV, 310 p.
241. *Pinedo L.* Identifying Syrian refugees in Turkish microdata / L. Pinedo. – Geneva: International Labour Office, 2019. – 18 p.
242. *Yadav Kumar K. C.* Refugee law: theory and praxis: a Nepalese perspective / K. C. Yadav Kumar. – Kathmandu: Pairavi Prakashan, 2016. – 153 p.
243. *Sarker S. P.* Refugee law in India: the road from ambiguity to protection / S. P. Sarker. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. – XXVII, 253 p.
244. *Kubal A.* Immigration and refugee law in Russia: socio-legal perspectives / A. Kubal. – Cambridge; New York, NY; Port Melbourne, VIC; New Delhi; Singapore: Cambridge University Press, 2019. – XXII, 205 p.
245. *Liu G.* Chinese refugee law / G. Liu. – Leiden, The Netherlands; Boston: Brill Nijhoff, 2019. – 652 p.
246. *Song L.* Chinese refugee law and policy: a door behind the bamboo curtain? / L. Song. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – XIII, 213 p.
247. *Vrachnas J.* Migration and refugee law: principles and practice in Australia / J. Vrachnas, M. Bagaric, P. Dimopoulos, A. Pathinayake. – 3rd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 382 p.
248. *Tennent D.* Immigration and refugee law / D. Tennent, K. Armstrong. – 2nd ed. – Wellington, [N.Z.]: LexisNexis, 2014. – XLVIII, 601 p.
249. *Буныева К. В.* Правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации: учебное пособие / К. В. Буныева, Е. А. Божко; М-во внутренних дел Российской Федерации, Белгородский юридический ин-т. Белгород: Белгородский юридический ин-т МВД России, 2015. 80 с.
250. *Буртина Е. Ю.* Россия как страна убежища: доклад об исполнении Российской Федерацией Конвенции о статусе беженцев 1951 года / Е. Ю. Буртина, Е. Ю. Коростелева, В. И. Симонов; Ком. «Гражданское содействие». Москва: Ваш формат, 2015. 343 с.
251. *Алиев Д. М. оглы.* Статус беженцев и лиц, ищущих убежище, по европейскому праву: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Алиев Джаваншир Мамед оглы. – М., 2019. – 282 с.
252. *Маркелова М. Н.* Международно-правовая защита прав детей в условиях вынужденной миграции: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Маркелова Мария Николаевна. – Москва, 2019. – 263 с.
253. *Соболев Д. В.* Эволюция механизмов регулирования института беженцев внутри и вне рамок миграционных кризисов / Д. В. Соболев. – М.: Конверт, 2020. – 156 с.
254. *Соболева Ю. В.* Организация оказания правовой помощи гражданам, вынужденно покинувшим территорию Украины: справочно-методическое пособие / Ю. В. Соболева, Е. И. Маторина, Е. А. Демкина; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Саратовская гос. юридическая акад., 2020. – 59 с.
255. *Жаринов К. Г.* Гарантии Конвенции о защите прав человека и основных свобод в сфере высылки иностранных граждан и их имплементация в правовой системе ЕС и правовой системе Российской Федерации: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Жаринов Кирилл Георгиевич. – М., 2022.
256. Global Trends: Forced Displacement in 2020. – UNHCR, 2021. – 72 p. URL: <https://www.unhcr.org/60b638e37/unhcr-global-trends-2020> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст электронный.
257. UN Doc. A/RES/71/1; 3 October 2016. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 сентября 2016 г. 71/1. *Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах*. 30 с.
258. Global Trends: Forced Displacement in 2021. – UNHCR, 2022. – 48 p. URL: <https://www.unhcr.org/62a9d1494/global-trends-report-2021> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст электронный.

259. Глобальный договор о беженцах. Краткое руководство УВКБ ООН. – УВКБ ООН, сентябрь 2018 г. – 9 с. URL: <https://www.unhcr.org/centralasia/wp-content/uploads/sites/75/2019/11/Global-Compact-on-Refugees-Quick-Guide-Rus.pdf> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст электронный.
260. Статистика / UNHCR. Россия. URL: <https://www.unhcr.org/ru/stats> (дата обращения: 27.10.2022). – Текст электронный.
261. Ukraine Refugee Situation / OPERATIONAL DATA PORTAL. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 27.10.2022). – Текст электронный.
262. В 2022 году в Россию прибыло больше украинских беженцев, чем в 2014-м / Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5480472> (дата обращения: 27.10.2022). – Текст электронный.
263. Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. I / сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 1408 с.
264. UN Doc. A/73/12 (Part II); 2018. Доклад Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев. Часть II. *Глобальный договор о беженцах*. IV, 27 с.

Andrey P. Shumilenko, Larisa V. Pastukhova. Current trends in the development of international refugee law by the doctrine of international law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 395-413.

The article is devoted to the analysis of the role of the doctrine of international law in the development of interstate cooperation in the field of ensuring and protecting the rights of refugees and other forcibly displaced persons. The authors give a detailed overview of the main areas of relevant scientific research over the past eleven years (2012-2022), as well as the main individual and collective monographic publications and reports of competent international bodies and experts within each of these areas. A special attention is paid to bringing to the surface those problems about which the Western doctrine of international law prefers to remain silent.

Key words: international refugee law; Office of the United Nations High Commissioner for Refugees; forcibly displaced persons; refugee; asylum seeker; internally displaced persons; non-refoulement.

НАУЧНАЯ ПАМЯТЬ, НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И НАУЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ¹

Кодан С. В.

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева

Изучение взаимодействия научной историографии с такими явлениями как научная память и научное наследие позволяют показать как механизмы передачи во времени накопленного научного опыта и знаний, так и обратиться к возможности использования их в качестве культурно-познавательных средств в научно-исследовательских практиках. В рамках данной статьи автор обогащается к проблемам понимания места и роли научной памяти и наследия в изучении историографических процессов в истории науки, показывает каналы трансляции ретроспективной научной информации посредством историографии в целях новых научных исследований.

Ключевые слова: наука, научная деятельность, науковедение, юриспруденция, история науки, история юридической науки, историография, историографические процессы.

Научная историография как отражение развития профессиональной истории – исследованного, написанного и сохранённого в науке в целом и отдельных сферах научного знания – в конкретной научной дисциплине – непосредственно и неразрывно связана с социальной памятью и социальным наследием в срезе их видов – научной памяти и научного наследия. Особенно рельефно эти взаимодействия просматриваются в истории изучения политико-правовой мысли. Не случайно В. И. Вернадский по этому поводу подчёркивал – «Именем научного мировоззрения мы называем представление о явлениях, доступных научному изучению, которое даётся наукой; под этим именем мы подразумеваем определённое отношение к окружающему нас миру явлений, при котором каждое явление входит в рамки научного изучения и находит объяснение, не противоречащее основным принципам научного искания» [1, с. 51-52].

В рамках данной статьи остановимся на отдельных проблемах, обозначенных в её названии – контекстах взаимодействия научной памяти, научного наследия и научной историографии как явлений, определяющих мировоззренческие позиции и культурно-познавательный инструментарий учёного в изучении истории науки как в целом, так и научной дисциплины историко-теоретического профиля – истории политических и правовых учений. Эти вопросы представляются особо значимыми для выхода юридических исследований на уровень междисциплинарных исследований с более широким охватом и осмыслением государственно-правовой сферы жизнедеятельности общества.

1. Научная память как культурно-познавательное средство

Научная память и научная историография взаимосвязаны и выступают как явления, связанные с передачей во времени от поколения к поколению учёных научного опыта и знаний в науке в целом и отдельных научных дисциплинах. Научная память для учёного выступает одновременно как объект и как инструмент исследования и, в последнем плане, становится культурно-познавательным средством, осваивая и опираясь на которое отдельный учёный и научное сообщество обращаются к про-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

шлому науки для её развития в настоящем в конкретных научно-исследовательских практиках в целях получения основного результата научной деятельности – новых знаний. При этом подчеркнём, что научная память является видом социальной памяти и её понимание опирается на знания о последней.

Социальная память как объект исследования в социально-гуманитарных науках складывается в 1920-1930-е гг. и развивается до настоящего времени. *Изучение социальной памяти в европейской социогуманитаристике* представили в различных проекциях зарубежные ученые М. Хальбвакс, А. Моль, Я. Ассман, П. Рикёр, П. Нора, Ф. Йейтс, П. Хаттон и др. У истоков выделения исследовательских проблем социальной памяти стоял французский социолог Морис Хальбвакс, который впервые ввёл её данное терминологического обозначения в исследовательское пространство. В 1950-2020-е гг. изучение социальной памяти прочно укоренилась и выделилось в качестве направления исследования в социально-гуманитарных науках и стала предметом исследования социологов, историков, психологов, культурологов, антропологов, литературоведов и др. [2, с. 107-109].

Изучение социальной памяти в отечественной социогуманитаристике начало складываться со второй половины 1960-х гг. Его основу заложили исследования советского философа Я. К. Ребане, который первым в советском обществоведении поставил понятие «социальная память» в ряд общенаучных понятий, отграничил это явление от генетической памяти и охарактеризовал социальную память в контексте сложных социальных информационных процессов, охарактеризовал социальную память как «своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного познания, показал группы носителей социальной памяти и основные средства доступа к ним в качестве универсального базиса общественного и индивидуального познания». Им были впервые поставленные и проанализированы информационные аспекты понимания социальной памяти [3, с. 44-54].

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. Ю. А. Левада, В. А. Ребрин, Б. С. Илизаров, В. А. Колеватов и др. определили и представили в своих работах достаточно широкий диапазон изучения явлений, связанных с социальной памятью [4, с. 60-69; 5]. Постсоветский период изучения социальной памяти в 1990-2010-е гг. характеризуется отходом от принципа партийности в науке с неизменной и исключительной опорой на марксистско-ленинскую методологию её изучения. Включение в исследовательское пространство изучения социальной памяти новых методологических подходов и развитие междисциплинарных связей в социогуманитаристике повлекло расширение диапазона исследований (А. В. Соколов, Л. П. Репина, А. И. Макаров, А. А. Дорская и др.). Во многом этому способствует и публикация в России переводов классических работ по изучению социальной памяти. Все это вывело проблематику изучения социальной памяти на новый уровень осознания её как явления и познавательного средства. Социальная память изучалась и изучается в самых различных познавательных проекциях, характеризующих ее виды, уровни, процессы влияния на современность и др. вопросы [6, с. 12-26].

Подходы к изучению социальной памяти в современных социально-гуманитарных науках представляю достаточно большой спектр направлений её изучения - структурно-функциональный (М. Хальбвакс, Э. Дюркгейм, М. Мосс и др.),

социально-психологический (Э. Фромм, В. Вундт, П. Жане, З. Фрейд, К. Юнг и др.), информационный (В. Г. Афанасьев, Я. К. Ребане, Э. Тоффлер и др.), культурно-семиотический (Я. Ассман, Ю. М. Лотман, О. Г. Эксле, О. Т. Лойко и др.), структуралистский (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Ж. Лакан, Р. Барт и др.) [7, с. 92-106]. Выбор того или иного подхода позволяет, как отмечает Э. Г. Юдин, обеспечить «принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения» [8, с. 69]. В рамках настоящей статьи представляется целесообразным выбор информационного подхода как наиболее отвечающего и соответствующего цели изучения места и роли памяти и наследия в сопряжении с научной историографией в научной деятельности.

Информационный подход к изучению социальной памяти акцентирует внимание на механизмах и ресурсах передачи накопленного опыта и знаний от поколения к поколению как коммуникативно-информационных процессах. Социальная память в контексте информационного подхода выступает как «специфическая надындивидуальная система информации, обеспечивающая накопление, хранение, передачу существенно важной, программирующей поведение индивидов информации от поколения к поколению (вертикальный обмен информацией), а также обмен информацией между людьми одного поколения (горизонтальный обмен информацией)» – отмечает В. Г. Афанасьев [9, с. 45-46]. Информационный подход позволяет определить «социальную память общества как систему накопления, хранения, воспроизводства и трансляции коллективного опыта и знаний, значимых для функционирования и развития социума» [10, с. 73]. Он исходит из понимания последней как «сложной информационной системы, функцией которой является сохранение и актуализация информации о прошлом социальной системы» [11, с. 165]. Одновременно следует учитывать современные возможности расширения доступа к историографическим источникам в современном информационном обществе за счёт информационных ресурсов и электронных баз данных (электронных библиотек, справочно-информационных систем и др.), которые повышают эффективность исследовательских практик [12, с. 13-22].

Субъектный элемент социальной памяти связан с её носителями и восприятием опыта прошлых поколений на индивидуальном и коллективном уровнях, а её субъекты выступают как носители социальной памяти, которые формируют, транслируют и интерпретируют общую и специализированную социальную информацию, передаваемую от поколения к поколению. Субъективный контекст социальной памяти соединён с рассмотрением человека и социальных общностей как своеобразной «системы», занятой поиском и переработкой социальной ретроспективной информации об опыте деятельности предшествующих поколений в определённых сферах жизнедеятельности. При этом важно учитывать систему взаимоотношений индивидуальной и коллективной памяти в функционировании социальной памяти.

Человек как субъект социальной памяти формируется в процессе социализации его биологической памяти. Для этого «человек должен был овладеть своей натуральной, биологической памятью, подчинить её деятельность новым условиям своего социального бытия, должен был заново воссоздать свою память, сделав её памятью человеческой», – отмечает известный советский психолог А. Н. Леонтьев [13, с. 31]. Из всех разделов индивидуальной памяти человека (образный, семантический, аффективный, моторный, самосознание) именно семантический раздел памяти как

словесно-логический опирается «на слова, понятия, высказывания, абстрактные идеи» и выступает как «память о языках, текстах и знаниях» [14, с. 70-72]. Семантическая память в связи с индивидуальной социальной памятью выступает её своеобразной «поисковой системой» – тезаурусом памяти [15, с. 47-59; 16, с. 118-128]. Индивидуальная память человека характеризуется двумя чертами – «в качестве формы сознания, память целиком и полностью индивидуальна. ... В первую очередь, мы запоминаем свой собственный опыт, а вспоминаемое прошлое представляет наше достояние...» и что «хранящееся в памяти прошлое – имеет одновременно личный и коллективный характер» – отмечает американский историк Дэвид Лоуэнталь [17, с. 307-308].

Коллектив в качестве субъекта социальной памяти выступает как социальная общность людей, функционирование которой в качестве носителя социальной памяти связано с осознанием потребностей и значения фиксации общего для него накопленного опыта через коллективное сознание. На это обращает внимание Ю. М. Лотман, указывая, что «подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создаёт механизмы коллективной памяти» [18, с. 345]. Важно учитывать, что коллективный уровень социальной памяти может рассматриваться как «сложная сеть общественных нравов, ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех социальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки (*cadres sociaux*) коллективной памяти, и только внутри этой системы координат может быть расположена индивидуальная память, если ей суждено выжить» – определяет американский историк Патрик Хаттон [19, с. 200].

Взаимодействие индивидуальной и коллективной памяти в контексте памяти социальной является имманентным свойством последней. Именно «благодаря общению между людьми и традиции как коммуникации между поколениями знания способны накапливаться и храниться. Это – бесценный запас всеобщего опыта. Рождаясь, входя в общение с другими, погружаясь в язык, человек становится проводником знания (образов, понятий, схематизмов мышления), накопленного его референтной группой. Продолжительность жизни группы намного превышает продолжительность жизни отдельного человека. Причастность к памяти группы позволяет каждому человеку виртуально прожить более долгую жизнь, чем та, которая отпущена ему в биологическом существовании. Если же допустить, что человеческие сообщества тоже способны вступать в обмен знаниями с другими группами, то групповая память вливается в некую общегрупповую надиндивидуальную память» – отмечает А. И. Макаров [20, с. 10]. В данном контексте социальная память взаимодействует с такими культурно-познавательными явлениями как преемственность и рецепция.

Познавательный элемент в составе социальной памяти выступает как «обусловленный прежде всего общественно-исторической практикой процесс приобретения и развития знания, его постоянное углубление, расширение, совершенствование и воспроизводство. Это такое взаимодействие объекта и субъекта, результатом которого является новое знание о мире. ... Познание как форма духовной деятельности существует в обществе с его возникновением, проходя вместе с ним определённым

ные этапы развития» – отмечает В. П. Кохановский [21, с. 5-6]. При этом важно учитывать, что познавательная деятельность человека, реализуясь во времени и в поколенческом срезе, посредством социальной памяти, как указывает А. Ассман, «отделяется от живых носителей и переходит на материальные информационные носители» [22, с. 32].

Память как *динамический процесс накопления знаний во времени* связана с тем, что сама социальная память есть «осуществляемый обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств, процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщённого коллективного опыта человечества, добытого им в процессе развития науки, философии, искусства, знаний и образных представлений о мире. Хранящиеся в книгах и в других средствах социальной памяти сведения тем или иным путём выдаются для "переписывания" в память индивидов и, следовательно, для использования людьми в их разнообразной деятельности. Эта память – неотъемлемый элемент духовной жизни общества, его общественного сознания» – отмечает В. А. Ребрин [23, с. 44-45]. Накопление *человеческого опыта*, как отмечает Б. С. Илизаров, проходит в своём развитии три этапа – репродуктивный, реконструктивный и *конструктивный*. Не останавливаясь подробно на первых двух этапах, подчеркнём значение последнего – *конструктивного этапа*, который определяется по мере того, как в обществе происходит процесс «подлинного овладения своей собственной памятью» и когда познание «перешло от стихийного накопления ретроспективной информации к сознательной её концентрации в специально созданных для этого институтах-депозитариях. От архивов-библиотек древности, ведомственных архивов, кабинетов с раритетами и частных хранилищ был пройден путь к разветвлённой сети общенациональных библиотек, архивов, музеев и др.». На этом этапе социальная память приобрела «большую хронологическую глубину и системную целостность» [24, с. 326-327].

Виды социальной памяти не могут рассматриваться вне и без учёта понимания оснований выделения её видовых характеристик. Поскольку социальная память связана с направлениями деятельности человека и социума, она, соответственно, фрагментирована на отдельные взаимосвязанные и взаимодействующие секторы, характеризующихся спецификой накопленного опыта и знаний и позволяющей выделить отдельные виды социальной памяти. *Видовая конфигурация социальной памяти представляет* интерес с точки зрения выделения особенностей отдельных видов деятельности человек, которые порождают и накапливают знания в определённых сферах жизнедеятельности общества. В общем отдельные виды социальной памяти, как указывает С. С. Розова, «можно отождествлять с ячейками социальной памяти, устроенной по особому классификационному типу. Они содержат различные знания, единство которых внутри каждой ячейки задаётся тем, к чему эти знания относятся. Следовательно, ячейка – это такой способ организации знаний, когда они объединены своим общим отношением, своей "привязкой" к одному и тому же» и это всегда «знания о чем-то, о каких-то объектах» [25, с. 8]. На этой основе в связке деятельность-знания и отложении последних в «ячейках социальной памяти» можно говорить о наличии видов последней. Поэтому в современной социогуманитаристике выделяются виды социальной памяти с точки зрения объектов передачи опыта и

знаний – историческая, культурная, этно-социальная, коммуникативная, семейно-родовая и др. Специфическим видом социальной памяти выступает память научная.

Научная память как разновидности социальной памяти выступает в качестве особой и соединена с наукой как особым видом познавательной деятельности человека, направленный на получение, обоснование и систематизацию знаний и связанных с ними носителей информации. При этом особо подчеркнём, что научная память в пространстве социальной памяти характеризуется ее тесной взаимосвязью с другими её видами и, прежде всего, исторической и культурной видами памяти. Понимание этих взаимодействий и пересечений имеют решающее значение в понимании взаимодействия их в историографии как истории развития науки как в целом, так и отдельных научных дисциплин.

Научная память и историческая память взаимодействуют в плане того, что они связаны с постижением опыта деятельности социума. Но при этом их следует различать. Историческая память по отношению к памяти научной носит более общий характер и «рассматривается как сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта» и «понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной (социальной памяти) – как память об историческом прошлом или ... как символическая репрезентация исторического прошлого» – отмечает Л. П. Репина [26, с. 10]. При этом научная память концентрирует своё внимание в исторической проекции хода производства и фиксации знаний. Здесь в научных изысканиях, как отмечает В. И. Вернадский, «историческое изучение является единственной возможностью их быстрого проникновения в научную мысль и единственной формой критической оценки, позволяющей отличить ценное и постоянное в огромном материале этого рода, создаваемом человеческой мыслью. Значительная часть этого материала имеет преходящее значение и быстро исчезнет. Чем скорее можно это понять, тем быстрее будет движение пашей мысли, рост нового научного миропонимания. Такой отбор научного и важного точнее и быстрее всего может быть произведён при историческом его изучении» [27, с. 223-224].

Научная память и культурная память взаимосвязаны через место науки в культуре общества и культуры в научной деятельности. На их пересечениях научная память выступает средством обращения к приобретённым ранее знаниям. М. К. Мамардашвили в связи с этим подчёркивает, что «культурой наука является в той мере, в какой в ее содержании выражена и репродуцируется способность человека владеть им же достигнутым знанием универсума и источниками этого знания и воспроизводить их во времени и пространстве, т. е. в обществе, что предполагает, конечно, определённую социальную память и определённую систему кодирования. Эта система кодирования, воспроизводства и трансляции определённых умений, опыта, знаний, которым дана человеческая мера или, вернее, размерность человечески возможного, система, имеющая прежде всего знаковую природу, и есть культура в науке или наука как культура» [28, с. 42]. Этим указывается на преходящее значение культуры в науке с точки зрения знания и критического освоения научного наследия прошлого, опоры на него при поведении научных изысканий.

Субъектный элемент научной памяти связан с особенностями состава субъектов научной деятельности и, соответственно, её носителями являются отдельные учёные, научные коллективы и сообщество учёных в целом. Учёный является основ-

ным субъектом научной памяти. Он использует собственную индивидуальную память и память научных коллективов и научного сообщества как коллективную память для доступа к научному наследию. Соответственно отдельный учёный и коллективные субъекты – научные коллективы и научное сообщество – на своих уровнях являются хранителями и сообразными ретрансляторами научной памяти и наследия. Более того – научная память, как и память любого профессионального сообщества, обеспечивает вхождение учёного в научное сообщество как корпорацию. На это обращает внимание Морис Хальбвакс – «Человек при вступлении в профессию должен одновременно и научиться применять некоторые практические правила, и проникнуться так называемым корпоративным духом, который есть не что иное, как коллективная память профессиональной группы. То, что такой дух формируется и крепнет из века в век, вытекает из того факта, что функция, служащая его носителем, сама существует уже долго, а выполняющие её люди находятся в частых сношениях, выполняют одинаковые или, во всяком случае, однородные операции и все время ощущают, что деятельность каждого из них, сочетаясь с другими, служит общему делу. Но одновременно их сближает друг с другом и то, что их функция отличается от других функций социального целого и что в интересах своей профессии им важно не давать затемниться этим отличиям, но, наоборот, тщательно обозначать и подчёркивать их» [29, с. 228].

2. Научное наследие как отражение результатов научной деятельности

Научное наследие как результат научной деятельности одновременно является и неотъемлемой частью духовной культуры общества. В данном контексте необходимо учитывать, что указанный вид наследия входит в состав *социального наследия* как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями и оказывающих существенное влияние на жизнедеятельность последующих поколений. Оно является каналом, по которому, как отмечает Б. С. Илизаров, происходит наследование «исторически конкретным, социальным человеком, а через него очередным поколением людей определённой совокупности культурно-информационных средств (в широком смысле слова), созданных предшествующими поколениями». По его мнению, «термин «социальное наследие» шире общеизвестного понятия «культурное наследие», под которым чаще понимается совокупность культурных ценностей, создаваемых в обществе или приобретаемых им в процессе исторического развития. В понятие «социальное наследие» включаются не только высокие достижения культуры, представляющие собой социальные ценности человечества, но и весь обыденный опыт, воплощённый в сознании (памяти) людей и в отчуждённых от сознания продуктах их деятельности. Если рассматривать это понятие с точки зрения теории информации, то социальное наследие можно определить и как совокупность всей социальной информации, которой обладали уходящие из жизни поколения» [30, с. 60-69].

Далее следует учитывать, что наследие в социальной, исторической и научной памяти связано фиксацией результатов познавательной деятельности человека (и социума в целом) и отражается в её продуктах. Акцентируя на этом внимание, М. А. Розов отмечает, что «человеческое познание, будучи общественно-историческим процессом, неразрывно связано с таким явлением, как социальная память. Продукты этого познания, накапливаемый опыт должны как-то фиксироваться, сохраняться, транслироваться, должны становиться всеобщим достоянием. Только благодаря

социальной памяти наш опыт перестаёт быть фактом исключительно мира ментальных состояний и переходит в сферу попперовского «третьего мира». Можно поэтому сказать, что познание в его специфически человеческом проявлении – это развитие содержания и механизмов социальной памяти» [31, с. 178]. При этом заметим, что Карл Поппер в концепции «трёх миров» обращает внимание на то, что вместе с физическим миром, наблюдаемой природой («первый мир») и сферой человеческого познания и протекающих в мозгу людей психических процессов («второй мир») возникает «третий мир» именно «как продукт деятельности человека» и, по мнению, именно «"третий мир" есть человеческий продукт, человеческое творение» [32, с. 118, 119, 158]. Именно «третий мир» составляет основу социального наследия.

Виды социального наследия связаны и фрагментируются по сферам жизнедеятельности общества, что позволяет выделить конкретные его виды, корреспондирующие видам социальной памяти. Соответственно выделяется наследие историческое, культурное, научное и др. Культурное наследие, например, определяется как «совокупность национальных культурных ценностей, материализованных в научных открытиях, произведениях искусства, словесности, памятниках архитектуры, в сохранении культуры языка» [33, с. 7]. Специфическое место в культурном наследии занимает общественная мысль выступает как «осознанное и социально-значимое отображение реально существовавшей и существующей действительности (т. е. общественной жизни) в виде исторически обусловленной динамической системы идей и взглядов того или иного общества, имеющей значение для всего населения и господствующей в данное время» [34, с. 74-76]. Своеобразие этой разновидности наследия состоит в «нематериальной материи», непосредственно связанной с мыслителем и зафиксированной в его произведениях [35, с. 44].

Юридическое наследие в научной литературе выделяется и позиционируется как специфический вид социального наследия, которое связано с юриспруденцией. В общем плане оно выступает как «вся совокупность юридических явлений, отношений, состояний, результатов деятельности и опыта, доставшихся национальной правовой системе конкретного общества (региона и т. п.) от прошлых этапов и периодов общественного развития» и содержит в своём составе три части: (1) «достижения правовой культуры»; (2) «юридический опыт прошлого»; (3) «остатки старых правовых институтов, явлений, форм и т.п.» – отмечает В. Н. Карташов [36, с. 11-12]. При этом к достижениям «правовой культуры» относится достаточно широкий диапазон источников, входящих в юридическое наследие. Среди них результаты изучения политико-правовых явлений мыслителями прошлого – их произведения как продукты интеллектуальной деятельности и основной вид носителей информации – историко-юридических источников, позволяющих изучать политико-правовую мысль в исторической проекции. Одновременно это и научные произведения, входящие и составляющие историографию истории политических и правовых учений, которые являются составной частью юридического наследия.

Научное наследие как продукт научной деятельности включает «опубликованные результаты научных исследований и экспериментов, библиографические и фактографические базы данных, сведения об учёных, их научной деятельности, публикациях, проектах и т.п., а также большое количество неопубликованных документов, таких как отчёты, письма, воспоминания, записки, фотоматериалы и т.п.» [37, с. 91]. Именно научное наследие отражает как развитие науки в целом, так и отдель-

ных научных дисциплин. Но научное наследие не просто «полное собрание» научных достижений прошлого – оно проходит проверку и оценку временем, поскольку в ходе научной деятельности оцениваются, отбираются и концентрируются наиболее значимые образцы научного опыта, которые и передаются посредством научной памяти и наследия следующему поколению учёных и обществу в целом. На это обращает внимание М. К. Мамардашвили, подчёркивая, что «развитая наука всегда "подтягивает" за собой своё прошлое: чтобы сохранить прежние достижения в качестве действенных ценностей, она постоянно переосмысливает и перерабатывает их (обобщая их, сокращая и "уплотняя") в духе логического строя и содержания современного знания. Отдельный учёный имеет дело больше всего с этой уже "подтянутой" историей, а не с исходной индивидуальной формой, в которой первоначально получены определённые результаты познания; он выходит, следовательно, за рамки архаических форм зависимости от труда предшественников» [46, с. 91].

Одновременно следует учитывать, что «наука связана не только с производством знаний, но и с их постоянной систематизацией. Монографии, обзоры, учебные курсы – все это попытки собрать воедино результаты, полученные огромным количеством исследователей в разное время и в разных местах. С этой точки зрения науку можно рассматривать как механизм централизованной социальной памяти, которая аккумулирует практический и теоретический опыт человечества и делает его всеобщим достоянием» – отмечает М. А. Розов [38, с. 90]. В этом проявляется и связь между научной памятью и научным наследием. В полной мере это относится и к юриспруденции.

3. Научная историография и историографические процессы в контексте научной памяти и наследия

В настоящее время наука имеет дело и взаимодействует с конструктивной формой социальной памяти, является её неотделимой частью и концентрируется на уровне изучения историографических процессов в научной деятельности. Последняя отражается в продуктах научной деятельности и структурированной по областям научного знания, которые собственно и отражает *научная историография* как сфера знания, которая направлена на изучение зафиксированной в научных произведениях и других историографических источниках истории развития науки.

Научная историография и научная память в современной социогуманитаристике выступает как одно из своеобразных «мест памяти», в которых, как отмечает французский историк Пьер Нора, «память кристаллизуется и находит своё убежище». Он, раскрывая содержание метафоры «места памяти», подчёркивает – «Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности». Одновременно указывается и на то, что «исследуя свои материальные и концептуальные ресурсы, процедуры своего собственного производства, социальные каналы своего распространения и механизмы своего собственного превращения в традицию, вся история целиком вступает в свой историографический возраст, достигнув своей деидентификации с памятью. Память сама превратилась в предмет возможной истории» [29, с. 17, 23, 26]. В контексте указанного следует обратить внимание на общую посылку подхода П. Нора по поводу взаимодействий памяти и историографии, в которых последняя позволяет вывести («деидентифицировать») за пределы памяти историографические знания, подвёрнутые социально-

политическим влияниям общественной памяти, и перевести их посредством научного анализа на уровень репрезентации *профессионального историографического знания* как такового – системы знаний науковедческого, эмпирического, теоретического, биографического и методологического характера.

Научная историография, научная память и история науки взаимодействуют через изучение генезиса и процесса развития науки, состоявшихся в прошлом и анализируется «как именно возникла наука, какими конкретными путями она развивалась» – отмечает И. С. Тимофеев [42, с. 244-245]. История науки как отрасль научного знания находит преломление через историографию науки, которая в современном понимании рассматривается как сфера знаний, охватывающая «различные формы историко-научных реконструкций, которые изображают реальный исторический процесс развития науки на базе соответствующих месту и времени методов исследования, способов отбора, описания и интерпретации научных текстов, открытий, научных теорий» – подчёркивает Л. А. Маркова [43, с. 333-334]. Это же относится и к отдельным научным дисциплинам, каждая из которых имеет собственные историографические разделы, которые фрагментированы по отдельным сферам научного знания или научным дисциплинам – историография истории, историография философии, историография социологии, историография политологии и др. В этом отношении не является исключением и юриспруденция, поскольку отдельные юридические науки имеют свою историю развития, отражённую в научно-отраслевой научной литературе – её историографии. Следует учитывать и то, что «историография науки – это не только память науки, ее архив, но и средство ее активного освоения и развития» – подчёркивает С. Р. Микулинский. Он справедливо обращает внимание на то, что «историки науки создали множество трудов... Извлекли из забвения массу фактов и событий, проанализировали в деталях с большой тщательностью жизнь и научные труды великого множества специалистов различных областей знаний, и притом не только их самых выдающихся представителей. Выявлен огромный эмпирический материал, без которого невозможно было бы изучение развития науки» [45].

Особое место в научной историографии принадлежит *исследованию жизни и деятельности классиков, их классических текстов* как памяти о прошлом и составной части памяти культурной. На это обращает внимание Ян Ассман, который указывает на выделение в истории «абсолютных учителей» и тексты как остановившаяся «древность» приходят в нестоящее не как «чужое» и они, «как своего рода классика, становятся воплощением нормативных и формирующихся ценностей» [40, с. 99, 129, 299-300]. При этом следует учитывать и весьма важный тезис о том, что «классикой оказывается та часть прошлых достижений культуры, которая сохраняет свою актуальность в настоящем и продолжает существовать и оставаться востребованной наряду с более поздними произведениями искусства, философскими и политическими идеями, научными концепциями и теориями» – подчёркивают И. М. Савельева и А. В. Полетаев [41, с. 18]. В контексте указанного выделяются *классические историографические научные тексты* – произведения основоположников этого направления в социогуманитаристике, которые заложили основания корпуса историографических знаний и на основе которых оно развивается. Эта «помнящая культура настоящего» находит преломление в трёх срезах – классическом наследии общественной, политической и правовой мысли, её исследовании в произведении учё-

ных и изучении истории науки историографами. В полной мере это относится и к истории политических и правовых учений и историографии последней.

В истории науки подчёркивается значение *изучение истории самой истории развития научного знания* в науке в целом, отдельных отраслях и дисциплинах научных знаний. В этом отношении историография выступает как аналитический срез и фиксация генезиса научного знания уже в историографических трудах. Не менее важными в изучении истории науки являются и науковедческие аспекты в истории наук - «размышления внутри историографии науки о том, как пишется история науки, каков предмет ее исследования, какими методами пользуются историки науки, какую роль они отводят социальным факторам в истории науки и как определяют место науки в обществе, как интерпретируют научные революции и т. д.» - отмечает Л. А. Маркова [43, с. 10-11]. И здесь научная память и научное наследие приобретают основное, базисное значение для историографических исследований в истории политических и правовых учений, занимая «третью позицию» после произведений мыслителей и исследований политико-правовой мысли.

Научная историография, научная память и история науки взаимодействуют через изучение, в пространстве изучения которой находится «генезис и процесс развития науки, состоявшиеся в прошлом» и анализируется «как именно возникла наука, какими конкретными путями она развивалась» – отмечает И. С. Тимофеев» [42, с. 244-245]. История науки как отрасль научного знания находит преломление через историографию науки, которая в современном понимании рассматривается как сфера знаний, охватывающая «различные формы историко-научных реконструкций, которые изображают реальный исторический процесс развития науки на базе соответствующих месту и времени методов исследования, способов отбора, описания и интерпретации научных текстов, открытий, научных теорий» – подчёркивает Л. А. Маркова [43, с. 33-334]. Это же относится и к отдельным научным дисциплинам, каждая из которых имеет собственные историографические разделы, которые фрагментированы по отдельным сферам научного знания или научным дисциплинам – историография истории, историография философии, историография социологии, историография политологии и др. В этом отношении не является исключением и юриспруденция, поскольку отдельные юридические науки имеют свою историю развития отражённую в научно-отраслевой научной литературе – её историографии. При этом следует учитывать, что «историография науки – это не только память науки, ее архив, но и средство ее активного освоения и развития» – подчёркивает С. Р. Микулинский. Он справедливо обращает внимание на то, что «историки науки создали множество трудов... Извлекли из забвения массу фактов и событий, проанализировали в деталях с большой тщательностью жизнь и научные труды великого множества специалистов различных областей знаний, и притом не только их самых выдающихся представителей. Выявлен огромный эмпирический материал, без которого невозможно было бы изучение развития науки» [44, с. 7-8].

В истории науки имеет особое значение *изучение истории самой истории развития научного знания* в науке в целом, отдельных отраслях и дисциплинах научных знаний. В этом отношении историография выступает как аналитический срез и фиксации генезиса научного знания уже в историографических трудах. Не менее важными в изучении истории науки являются и науковедческие аспекты в истории наук – «размышления внутри историографии науки о том, как пишется исто-

рия науки, каков предмет ее исследования, какими методами пользуются историки науки, какую роль они отводят социальным факторам в истории науки и как определяют место науки в обществе, как интерпретируют научные революции и т. д.» – отмечает Л. А. Маркова [45, с. 10-11]. И здесь научная память и научное наследие приобретают основное, базисное значение для историографических исследований в истории политических и правовых учений, занимая внимая «третью позицию» после произведений мыслителя и исследований политики-правовой мысли.

Теоретико-методологические проблемы изучения историографии в контексте научной памяти и наследия в последние десятилетия находятся в поле повышенного внимания научного сообщества. В исследовательских практиках достаточно чётко просматриваются эмпирический и теоретический уровни взаимодействия научной памяти, научного наследия и научной историографии, позволяющие показать значение и назначение этих культурно-познавательных средств в формировании научного мировоззрения, знания истории развития научного знания и овладении учёным их в качестве инструментария исследования историографических процессов. Не менее важное значение имеют и методологические аспекты историографического знания, который ориентируется на изучение методологических принципов, подходов, конкретных методов, методики и технологий изучения истории науки. Одновременно следует учитывать и изменения отношения к историографическому знанию в условиях различных «методологических поворотов» с социально-гуманитарных наук, которые существенно расширили на междисциплинарных уровнях палитру познавательного инструментария и привнесли новые исследовательские возможности в изучение истории науки через исследование её отражения в историографии. Все позволяет в научных исследованиях провести исторические реконструкции процессов формирования, фиксации и развития научного знания, которое отражают историографических источниках – научные труды. При этом эти «исторические реконструкции», как отмечает отечественный философ, академик В. С. Стёпин, представляют «особый вид теоретического знания, ориентированный на освоение сложных, исторически развивающихся систем, который применяется как в социально-гуманитарных, так и в естественных науках» [46, с. 6]. Соответственно и научная историография как в целом, так и на уровне научных дисциплин, формирует свою систему теоретико-методологических знаний, способствующих изучению истории науки и на основе изучения научного опыта развитию соответствующих отраслей научного знания.

Подводя итоги, обратим внимание на следующее. Научная память как специфический вид социальной памяти, который во взаимодействии с памятью исторической и культурной, выступает в качестве культурно-познавательного средства в изучении процессов накопления и систематизации научных знаний в сфере научной деятельности. Обращение к наработкам в области изучения социальной и научной памяти позволяет их использовать в различных областях научного знания и акцентировать внимание на процессах передачи научной информации – опыта и знаний – от одного поколения учёных к другому поколению. Соответственно научное наследие выступает прежде всего, как результат научной деятельности и отражается как в научных произведениях учёных, так и других носителях информации, позволяющих показать характер научной деятельности её результаты. Входя в социальное наследие общества, наследие научное представляет результаты научной деятельности, выступает в качестве основы для исследования её развития и тематического анализа

направлений развития как в науке в целом, так и в отдельных научных дисциплинах, включая и юриспруденцию. В свою очередь научная память и научное наследие неразрывно связаны с историей науки, которая отражается и фиксируется в историографическом наследии – текстах научных трудов. Это позволяет говорить о научной историографии как продукте научной памяти и элементе научного наследия. Именно на этом пересечении указанных явлений возможна реконструкция истории развития научных дисциплин в различных тематических исследовательских проекциях.

Список литературы:

1. Вернадский В. И. Очерки по истории современного научного мировоззрения // Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 51-52.
2. Матусевич О. А. Теория социальной памяти в западноевропейской гуманитарной науке // Труды Белорусского государственного технического университета. 2012. № 5. С. 107-109.
3. См.: Ребане Я. К. О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации // Учёные записки Тартуского государственного университета. Труды по философии. 1966. 10. Вып. 187. С. 3-12. См. также: Ребане Я. К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии. 1982. № 8. С. 44-54.
4. Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 60-69.
5. Колеватов В. А. Социальная память и познание. М., 1984.
6. Кодан С. В. Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы к классификации // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. Гл. 1. § 1. С. 12-26.
7. Грязнова Е. В. Социальная память как элемент культуры // Человек и культура. 2015. № 5. С. 92-106.
8. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. С. 69.
9. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975, - С. 45-46.
10. Миклина Л. И. Структура и содержание социальной памяти общества // Научное мнение. 2014. № 9. С. 73.
11. Аникин Д. А. Социальная память в свете информационного подхода // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2007. № 12. С. 165.
12. Кодан С. В. Электронные информационные ресурсы в изучении истории политических и правовых учений // Технологии XXI века в юриспруденции. Екатеринбург. 2021. С. 13-22.
13. Леонтьев А. Н. Развитие высших форм запоминания // Избранные психологические произведения. М. 1983. Т. 1. С. 31.
14. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002. С. 70-72.
15. Эпштейн М. Н. Жизнь как тезаурус // Московский психотерапевтический журнал. 207. № 4. С. 47-59.
16. Знаков В. В. Ценностное осмысление человеческого бытия: тезаурусное и нарративное понимание событий // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 118-128.
17. Лоуэнталь Д. Прошлое - чужая страна. СПб., 2004. С. 307-308.
18. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. М., 1996. С. 345.
19. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 200.
20. Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти (образы - концепты - рефлексия. Волгоград. 2009. С. 10.
21. Кохановский В. П. Философия и методология науки. М., 1999. С. 5-6.
22. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Пер. с нем. М., 2014. С. 32.
23. Ребрин В. А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974. С. 44-45.
24. Илизаров Б. С. Память социальная // Социологический словарь. М., 2008. С. 326-327.
25. Розова С. С. Генетическая модель классификации (возникновение классификационной структуры социальной памяти) // На пути к теории классификации. Новосибирск, 1995. С. 8.
26. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 10.
27. Вернадский В. И. Мысли о современном значении истории знаний // Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 223-224.
28. Мамардашвили М. К. Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982. С. 42.
29. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 288.
30. Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8 С. 60-69.
31. Розов М. А. Познание и механизмы социальной памяти // На теневой стороне. Материалы к исто-

- рии семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск, 2004. С. 178.
32. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 118, 119, 158.
33. Кошман Л. В. Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 5. С. 7.
34. Пушкарев Л. Н. Содержание и границы понятия «общественная мысль» // Отечественная история. 1992. № 3. С. 74–76.
35. Журавлев В. В. «Нет ничего сильнее мысли». Из опыта подготовки энциклопедических изданий, посвященных общественной мысли России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 1. С. 44.
36. Карташов В. Н. Преемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 11–12.
37. Барахнин В. Б., Федотов А. М., Федотова О. А. Электронная библиотека по научному наследию как фактографическая система // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции. Тр. XV Всеросс. научн. конф. Ярославль, 2013. С. 91.
38. Розов М. А. Наука как традиция // Стёпин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М., 1995. С. 90.
39. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб. 1999. С. 17, 23, 26.
40. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М., 2004. С. 99, 129, 299–300.
41. Савельева И. М., Полетаев А. В. Классическое наследие. М., 2010. С. 18.
42. Тимофеев И. С. Методологическое значение изменений в понимании предмета и целей историко-научных исследований // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982. С. 244–245.
43. Маркова Л. А. Историография науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Под ред. И.Т. Касавина. М., 2009. С. 333–334.
44. Микулинский С. Р. Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988. С. 7–8.
45. Маркова Л. А. Наука. История и историография XIX–XX вв. М., 1987. С. 10–11.
46. Степин В. С. Историко-научные реконструкции: плюрализм и кумулятивная преемственность в развитии научного знания // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 6.
47. Мамардашвили М. К. К проблеме метода истории философии (Критика исходных принципов историко-философской концепции К. Ясперса) // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию, М., 1992. С. 244.

Kodan S.V. Scientific memory, scientific heritage and scientific historiography in the research space histories of political and legal doctrines // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 414–428.

The study of the interaction of scientific historiography with such phenomena as scientific memory and scientific heritage makes it possible to show both the mechanisms for transmitting accumulated scientific experience and knowledge over time, and to turn to the possibility of using them as cultural and cognitive means in research practices. In this article, the author enriches himself with the problems of understanding the place and role of scientific memory and heritage in the study of historiographic processes in the history of science, shows the channels for broadcasting retrospective scientific information through historiography for the purpose of new scientific research.

Key words: science, scientific activity, science of science, jurisprudence, history of science, history of legal science, historiography, historiographic processes.

Spisok literatury:

1. Vernadskij V. I. Ocherki po istorii sovremennogo nauchnogo mirovozzreniya // Vernadskij V. I. Trudy po vseobshchej istorii nauki. M., 1988. S. 51–52.
2. Matusевич O. A. Teoriya social'noj pamyati v zapadnoevropejskoj gumanitarnoj nauke // Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2012. № 5. S. 107–109.
3. Sm.: Rebane YA. K. O nekotoryh principah podhoda k analizu obshchestvennoj informacii // Uchyonye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po filosofii. 1966. 10. Vyp. 187. S. 3–12. Sm. takzhe: Rebane YA. K. Informaciya i social'naya pamyat': k probleme social'noj determinacii poznaniya // Voprosy filosofii. 1982. № 8. S. 44–54.
4. Ilizarov B. S. Rol' retrospektivnoj social'noj informacii v formirovanii obshchestvennogo soznaniya (V svete predstavlenij o social'noj pamyati) // Voprosy filosofii. 1985. № 8. S. 60–69.
5. Kolevatov V. A. Social'naya pamyat' i poznanie. M., 1984.
6. Kodan S. V. Social'naya pamyat' v strukture nauchno-poznavatel'noj deyatel'nosti: ponyatie, osnovnye harakteristiki, podhody k klassifikacii // YUridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely. SPB., 2020. Gl. 1. § 1. S. 12–26.
7. Gryaznova E. V. Social'naya pamyat' kak element kul'tury // CHelovek i kul'tura. 2015. № 5. S. 92–106.
8. YUdin E. G. Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'. M., 1997. S. 69.
9. Afanas'ev V. G. Social'naya informaciya i upravlenie obshchestvom. M., 1975. – S. 45–46.
10. Miklina L. I. Struktura i soderzhanie social'noj pamyati obshchestva // Nauchnoe mnenie. 2014. № 9. S.

73.

11. Anikin D. A. Social'naya pamyat' v svete informacionnogo podhoda // Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. 2007. № 12. S. 165.
12. Kodan S. V. Elektronnye informacionnye resursy v izuchenii istorii politicheskikh i pravovykh uchenij // Tekhnologii XXI veka v yurisprudencii. Ekaterinburg. 2021. S. 13-22.
13. Leont'ev A. N. Razvitie vysshih form zapominaniya // Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya. M. 1983. T. 1. S. 31.
14. Sokolov A. V. Obshchaya teoriya social'noj kommunikacii. SPb., 2002. S. 70-72.
15. Epshtejn M. N. ZHizn' kak tezaurus // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 207. № 4. S. 47-59.
16. Znakov V. V. Cennostnoe osmyslenie chelovecheskogo bytiya: tezaurusnoe i narrativnoe ponimanie sobytij // Sibir-skij psihologicheskij zhurnal. 2011. № 40. S. 118-128.
17. Louental' D. Proshloe - chuzhaya strana. SPb., 2004. S. 307-308.
18. Lotman YU. M. Vnutri myslyashchih mirov. CHelovek - tekst - semiosfera - istoriya. M., 1996. S. 345.
19. Hatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb., 2004. S. 200.
20. Makarov A. I. Fenomen nadyndividual'noj pamyati (obrazy - koncepty - refleksiya. Volgograd. 2009.
21. Kohanovskij V. P. Filosofiya i metodologiya nauki. M., 1999. S. 5-6.
22. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. Per. s nem. M., 2014. S. 32.
23. Rebrin V. A. Metodologicheskie problemy socialisticheskogo obshchestvennogo soznaniya. Novosibirsk, 1974. S. 44-45.
24. Ilizarov B. S. Pamyat' social'naya // Sociologicheskij slovar'. M., 2008. S. 326-327.
25. Rozova S. S. Geneticheskaya model' klassifikacii (vozniknovenie klassifikacionnoj struktury social'noj pamyati) // Na puti k teorii klassifikacii. Novosibirsk, 1995. S. 8.
26. Repina L. P. Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki). M., 2003. S. 10.
27. Vernadskij V. I. Mysli o sovremennom znachenii istorii znaniy // Vernadskij V. I. Trudy po vseobshchej istorii nauki. M., 1988. S. 223-224.
28. Mamardashvili M. K. Nauka i kul'tura // Metodologicheskie problemy istoriko-nauchnyh issledovanij. M., 1982. S. 42.
29. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati. M., 2007. S. 288.
30. Ilizarov B. S. Rol' retrospektivnoj social'noj informacii v formirovanii obshchestvennogo soznaniya (v svete predstavlenij o social'noj pamyati) // Voprosy filosofii. 1985. № 8 S. 60-69.
31. Rozov M. A. Poznanie i mekhanizmy social'noj pamyati // Na tenevoj storone. Materialy k istorii seminara M. A. Rozova po epistemologii i filosofii nauki v Novosibirskom Akademgorodke. Novosibirsk, 2004. S. 178.
32. Popper K. Ob'ektivnoe znanie. Evolyucionnyj podhod. M., 2002. S. 118, 119, 158.
33. Koshman L. V. Kul'turnoe nasledie kak faktor istoricheskoy pamyati // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser 8. Istoriya. 2011. № 5. S. 7.
34. Pushkarev L. N. Soderzhanie i granicy ponyatiya «obshchestvennaya mysl'» // Otechestvennaya istoriya. 1992. № 3. S. 74-76.
35. Zhuravlev V. V. «Net nichego sil'nee mysli». Iz opyta podgotovki enciklopedicheskikh izdaniy, posvyashchennyh obshchestvennoj mysli Rossii // Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 2008. № 1.
36. Kartashov V. N. Preemstvennost' v pravovoj sisteme obshchestva: metodologicheskie osnovy issledovaniya // YUridicheskaya tekhnika. 2011. № 5. S. 11-12.
37. Barahnin V. B., Fedotov A. M., Fedotova O. A. Elektronnaya biblioteka po nauchnomu naslediyu kak faktograficheskaya sistema // Elektronnye biblioteki: perspektivnye metody i tekhnologii, elektronnye kollekcii. Tr. XV Vseross. nauchi, konf. YAroslavl', 2013. S. 91.
38. Rozov M. A. Nauka kak tradiciya // Styopin V. S., Gorohov V. G., Rozov M. A. Filosofiya nauki i tekhniki. M., 1995. S. 90.
39. Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriej. Problematika mest pamyati // Franciya-pamyat'. SPb. 1999. S. 17, 23, 26.
40. Assman YA. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turah drevnosti. Per. s nem. M., 2004. S. 99, 129, 299-300.
41. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Klassicheskoe nasledie. M., 2010. S. 18.
42. Timofeev I. S. Metodologicheskoe znachenie izmenenij v ponimanii predmeta i celej istoriko-nauchnyh issledovanij // Metodologicheskie problemy istoriko-nauchnyh issledovanij. M., 1982. S. 244-245.
43. Markova L. A. Istoriografiya nauki // Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki. Pod. red. I.T. Kasavina. M., 2009. S. 333-334.
44. Mikulinskij S. R. Ocherki razvitiya istoriko-nauchnoj mysli. M., 1988. S. 7-8.
45. Markova L. A. Nauka. Istoriya i istoriografiya XIX-XX vv. M., 1987. S. 10-11.
45. Stepin V. S. Istorko-nauchnye rekonstrukcii: plyuralizm i kumulyativnaya preemstvennost' v razviti nauchnogo znaniya // Voprosy filosofii. 2016. № 6. S. 6.

УДК 342.571; 340.137.2

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И РАЗВИТИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ О НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Адельсеитова А. Б.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В настоящее время исследование исторического начала народного представительства в органах власти является крайне важным аспектом изучения данного явления. Многие научные исследования посвящены анализу исторического происхождения народного представительства, однако, к сожалению, сформировались определенные штампы, которые, по мнению автора, несколько упрощенно истолковывают эволюцию данного понятия, акцентируя внимание на поверхностные аналогии между историей и современностью государства. Автором исследуется генез политико-правовой мысли о народном представительстве как обязательной составляющей комплексного анализа конституционно-правовой природы данного явления.

Ключевые слова: генезис, парламент, народное представительство.

Одним из основных вопросов, рассматриваемых в контексте изучения парламентаризма и роли парламента в системе органов государственной власти, является в том числе и представительная функция парламента. Перед тем, как рассмотреть теоретические аспекты формирования современного представительства, остановимся на некоторых фрагментах предыстории народного представительства. Немецкий ученый XX ст. К. Каутский отмечал, что представительные учреждения встречаются в очень ранние периоды, еще в период варварства. «Действительно, как только расширилась область некоторых общественных дел, как только она стала охватывать более значительный круг их, так что уже стало невозможным разрешить эти дела в одном собрании, на котором присутствовали бы все заинтересованные лица собраниями немногих лиц, их предводителей» [1, с. 18-19].

В древней демократии первичным было непосредственное народовластие. Народное собрание, на которое собирались все полноправные граждане государства, осуществляло управление делами государства. То есть, каждый из присутствующих непосредственно реализовывал право на участие в делах государства и общества. Однако использование своих политических прав постепенно и вовсе не соответствовало ни большим размерам современных государств, ни другим условиям жизни. Так, российский ученый В. Водовозов в своем исследовании эволюции всеобщего избирательного права на западе отмечал, что при отсутствии практической возможности сходиться вместе для разрешения общих дел, граждане выбирают среди общества особых лиц, - делегатов или депутатов, являющихся представителями их интересов и убеждений и вместо них обсуждают и разрешают общественные дела [2]. То есть участие граждан в государственных делах в форме непосредственной демократии впоследствии становится организационно невозможным и вследствие этого возникает необходимость в создании и функционировании органа народного представительства. Именно поэтому в начале XX ст. непосредственно всенародным собранием обсуждались законы и избирались

должностные лица только в четырех кантонах Швейцарии, которая по численности своего населения и географическим данным являлось не очень большим государством. Во всех других государствах Западной Европы и Америки, не исключая и швейцарских кантонов и Швейцарского Союза в целом в XX ст. на смену непосредственному участию граждан в государственных делах пришло представительство и референдумы. Современный ученый-конституционалист В. Шаповал началом предыстории формирования и становления избираемых гражданами государственных представительных учреждений считает создание коллегияльного органа – совета четырехсот в Афинах в Древней Греции, а также учреждений представительного характера, которые создавались на протяжении почти всех периодов существования древнегреческой демократии. То же самое касается и истории Римской империи. Но все эти учреждения являлись институтами так называемого сословного представительства [3]. Следует отметить, что на современном этапе формально сословное представительство почти не существует, за исключением верхних палат западноевропейских парламентов, например, в палате лордов Великобритании.

Современным парламентам в период феодализма исторически предшествовали сословно-представительные образования, среди которых первым в большинстве своем называют испанские кортесы, возникшие еще в XII в. Позже такие органы начали возникать и в других странах Европы, например, во Франции, где органом сословного представительства выступали генеральные штаты. При этом характер и состав сословий в разных странах отличались друг от друга, однако обязательной чертой сословно-представительных парламентов было участие в их работе депутатов от «третьего сословия», под которым сначала понимали только жителей городов (горожан), а в меру освобождения крестьянства и оно вошло в эту группу [4].

Следовательно, истоки практического формирования и развития государственных учреждений представительного характера находятся в недрах государственно-правовой истории. А для того, чтобы иметь представление о становлении представительной деятельности парламента с концептуальной точки зрения, необходимо обратиться к политико-правовой доктрине. Важным для понимания генезиса представительной функции парламента является освещение содержания политико-правовой теории и философских убеждений французских и английских мыслителей XII – XVIII вв. Со времен возникновения доктрины распределения властей и вплоть до наших дней возникло множество разнообразных предложений и взглядов по конкретным вопросам организации и функционирования законодательных органов. В.М. Шаповал в исследовании исторических аспектов парламентаризма отмечает, что в Англии еще в XII в. формировались политические тезисы против неограниченной королевской власти и обнародовались соответствующие трактаты. Декларировалась идея о том, что законодательная власть должна принадлежать не одному лицу, королю, а «лучшим людям» [5, с. 18]. Вышеизложенное свидетельствует не только о начале процесса формирования идей распределения властей, но и о легальном и публичном характере этого процесса. Определенные политические процессы были отражены в произведениях Дж. Локка, который предложил развернутую теорию распределения властей. Дж. Локк различал три вида власти – законодательную, исполнительную и союзную (федеративную). Власть,

по мнению Дж. Локка, неравноправна. В частности, законодательная власть – парламент – является высшей, а все иные виды власти происходят от нее и подчиняются ей. Но законодательная власть не безгранична. Она является доверенной властью, а верховная власть остается за народом, и только она может изменять состав законодательного органа или даже отстранить его от решения государственных дел. То есть парламент осуществляет власть от имени народа и суверенитет принадлежит народу [4, с. 274-275].

Один из известнейших представителей британской общественно-политической мысли XVIII в. Э. Берк не воспринимал идею народного суверенитета. Он считал, что суверенитет принадлежит парламенту. Он не признавал миссии членов парламента – передавать обобщенную точку зрения своих избирателей. Депутаты, по его мнению, являются лицами, которым, учитывая их мудрость и общественное положение, избиратели поручают осуществлять представительство. В своей деятельности они должны руководствоваться своими убеждениями, а не соображениями своих избирателей.

Самым последовательным приверженцем идеи народного суверенитета был Ж.-Ж. Руссо, безоговорочно признававший народ единственным субъектом и носителем суверенной власти, источником полномочий всех государственных органов. Исходя из этого, он считал принцип народного суверенитета несовместимым с представительной демократией, потому что последняя, на его взгляд, не содержит в себе средств для выражения всеобщей воли народа. То есть в основе формируемого суверенитета имеется всеобщая воля. Ж.-Ж. Руссо подчеркивает отличие всеобщей воли от воли всех: первая подразумевает общие интересы, вторая – интересы частные и представляет собой лишь совокупность проявленной воли частных лиц. «Но, – объясняет он, – отбросьте из этих проявлений волю взаимно уничтожающую крайности; в результате составления оставшихся расхождений получится всеобщая воля». Таким образом, отставив господство в государстве и его законах всеобщей воли, Ж.-Ж. Руссо решительно критикует различные частичные ассоциации, партии, группы и объединения, вступающие в неизбежную конкуренцию с сувереном. Их воля становится общей по отношению к своим членам и частной по отношению к государству. Этот процесс извращает процесс формирования настоящей всеобщей воли граждан, поскольку выясняется, что голосующих не столько, сколько людей, а только сколько организаций. «Наконец, когда одна из этих ассоциаций настолько велика, что одерживает верх над всеми остальными, получится уже не сумма незначительных различий, а одно единственное различие. Тогда нет уже всеобщей воли, и мысль, которая берет верх, есть уже не что иное, как мнение частное». В этой связи Ж.-Ж. Руссо присоединяется к взглядам Макиавелли о том, что «наличие сект и партий» вредит государству. «Если имеются частичные союзы, то следует увеличить их количество и тем самым предупредить неравенство между ними» [4, с. 294-299].

Вообще, такое понимание народного суверенитета, а также представительной власти отрицалось многими мыслителями и политическими деятелями, среди которых наиболее известными оппонентами во Франции в те времена были Ш. Монтескье и Э. Сийес. Они восприняли идею народного суверенитета только через представительство народа, потому что народ, согласно их взглядам, не может быть

компетентен в непосредственном осуществлении законодательной и исполнительной власти.

В своих поисках «духа законов» Ш. Монтескье отмечал, что одним из основных законов демократии является закон, согласно которому законодательная власть принадлежит только народу. Народ будет осуществлять эту власть через представительный орган – парламент. Согласно концепции Ш. Монтескье целесообразна двухпалатная структура представительного органа. Одна из палат должна быть народной, то есть формироваться из депутатов, избранных народом. Вторая палата будет носить аристократический характер и будет представлять наследственную знать [6, с. 103-104].

Следует подчеркнуть, что на континенте Европы двухпалатная парламентская структура формировалась под значительным влиянием идей Ш. Монтескье и во многих случаях отражала их общую сущность. Учение Ш. Монтескье сыграло заметную роль в становлении мировой политико-правовой мысли и повлияло на развитие государственных, в частности представительских институтов в новый период мировой истории.

Что касается политико-правовых воззрений Э. Сийеса, то, по мнению некоторых ученых он по праву является родоначальником современной зарубежной теории народного представительства. Э. Сийес определял представительство необходимым, поскольку непосредственную демократию считал невозможной. Он объясняет это увеличением населения стран, что привело к отказу от народного собрания и привело к избранию представителей. В идеях Э. Сийеса меняется сам характер представительства, и депутаты превращаются из простых передатчиков воли избирателей в их подлинных представителей, избираемых народом. Впоследствии Э. Сийес высказывал достаточно категорическое мнение по поводу непосредственной демократии и заявлял об абсолютном значении представительной. Значительным достижением Э. Сийеса является формулировка развернутой концепции свободного депутатского мандата. Аргументируя эти свои мысли, ученый высказывал тезис о том, что депутаты являются представителями всей нации, а не округов, от которых они избраны. В Англии, подобных взглядов Ш. Монтескье и Э. Сийесу, придерживался основатель британского утилитаризма И. Бентам. Он характеризовал народный суверенитет как верховную "конститутивную" власть народа, в частности, как право назначать своих представителей для осуществления властных функций и их отстранение от власти через определенное время. Сам же народ, по его мнению, не может осуществлять власть, хотя способен выбирать для этого своих агентов и контролировать их. Гарантии обеспечения интересов населения И. Бентам видел в установленном всеобщем избирательном праве для избрания представительного органа всего народа. И. Бентам подчеркивал, что представительная демократия, основанная на всеобщем избирательном праве, является единственной рациональной формой правления. В представительной демократии эгоистические намерения, опосредованные соответствующими государственными учреждениями, превращаются в мощное орудие общественной пользы [7, с. 20].

Представитель британской школы утилитаризма второй половины XIX ст. Дж. С. Милль глубоко проанализировал сам характер народного представительства. В своих «Размышлениях о представительном управлении» ученый не только определяет представительное управление как идеальную форму управления, но и опре-

деляет условия для существования или внедрения представительного управления и характеризует те факторы (политические, социальные, правовые и психологические), которые будут способствовать его качеству. Дж. С. Милль считает, что благосостояние общества всегда зависит от усилий, прилагаемых его членами. Поэтому условия существования представительной формы правления, по его мнению, : 1) желание народа ввести ее; 2) желание и способность народа делать то, что нужно для сохранения; 3) желание и способность выполнять обязанности и функции, которые она налагает [8, с. 170-178].

Следует отметить, что важным психологическим фактором становления и развития представительного управления является уровень общего развития общества. То есть речь идет о возможности адаптации общества к представительному правлению. Дж. С. Милль считает, что адаптация народа к представительной системе зависит во многом не от места, которое он занимает в иерархии народов земли, а скорее от того, имеет ли (и в какой мере) он то, что нужно для этой системы. Однако эти необходимые реквизиты так тесно связаны со степенью всеобщего развития нации, что некая ответственность между ними и этой степенью – скорее исключение, чем правило.

Весомым вкладом учения Дж. С. Милля в систему представительства, на наш взгляд, является активизация и повышение роли народа и отдельного индивида в процессе охраны и защиты собственных прав и интересов. Потому что сам народ может быть непригоден для представительного управления в результате чрезмерной пассивности и готовности подчиняться. Активность народа имеет свое выражение в разработке им представительных институтов. То есть, народ или какая-нибудь многочисленная его часть через своих представителей – депутатов, которых этот народ периодически избирает, осуществляет верховную власть, контролирующую общественные процессы.

Представительная система правления имела своих сторонников и в Германии. Так, германский философ XVIII в. Гегель в своем трактате по основам философии права подробно проанализировал государство как таковое, со всеми его атрибутами. Анализируя законодательную власть, он затрагивает вопрос представительной демократии и неотъемлемого ее атрибута – избирательного права. Гегель отмечает, что «каждый лично должен участвовать в обсуждении и решении общих государственных дел, поскольку – члены государства и дела государства – это дела всех и все вправе влиять на их решение своими знаниями и своей волей – представление, которое хотелось бы внедрить в государственный организм как демократический элемент без всякой разумной формы, тогда как государственный организм таков только благодаря этой форме...». Но все не могут участвовать в решении государственных и общественных дел лично, поэтому выбирают для этого доверенных лиц – депутатов. Гегель считает, что «поскольку депутаты направляются для обсуждения и решения общих дел, то их выборы имеют смысл в том случае, если они лучше разбираются в делах, чем индивиды, которые их делегируют, а также если они защищают не личный интерес любой общины, корпорации в противовес общему, а осознают значимость всеобщего. Поэтому они не находясь в статусе доверенных лиц, уполномоченных, связанных инструкциями, тем более что назначение собрания депутатов состоит в том, чтобы осуществлять живую, направленную на взаимный обмен сведениями, на убеждение и совместную сове-

щательную деятельность» [9, с. 270-275]. По мнению Гегеля, введение представительства означает, что «...согласие должно быть дано не непосредственно всеми, а только уполномоченными лицами, поскольку отдельное лицо уже не участвует как бесконечное лицо. Представительство опирается на доверие... Человеку выражают доверие, когда уверены в его готовности заниматься с чистой совестью моим делом как своим, прилагая к этому все свои знания» [9].

Таким образом, и Гегель, и Дж. С. Милль, выражая свои идеи относительно модели представительства, акцентируют внимание на значимости уровня сознания народа, а тем самым и определяют психологические факторы, влияющие на качество представительства народа в государстве. То есть, для того чтобы избирать своих представителей для выполнения «общего дела», для представительства своих интересов, народу необходимо иметь представление о том, какое именно дело будут выполнять избранные. Для осознания того, насколько способны те или иные лица являться представителями, народ должен ориентироваться в тех процессах, которые происходят в государстве и обществе того времени.

Очень важен для современной концепции народного представительства в суждениях Гегеля о представительстве пропорциональный характер представительства. Речь идет о том, что среди представителей народа должны быть лица, которые были бы знакомы со всеми профессиональными сферами общества и принадлежали к этим сферам (например, к торговле, фабрикам и т.д.). Только в том случае, когда представитель осознает все проблемы и интересы определенной части или сферы общества, он действительно может являться депутатом, реально может представлять общие интересы ввиду присутствия в нем интересов своей собственной объективной реальности.

Британский государствовед Де Лольм считает, что «природа не щедра на свои дары, и наделяет лишь небольшое число людей головой способной к сложным комбинациям законодательства». Отсюда возникает потребность в орудии, через которое нация будет участвовать в осуществлении государственной власти, отсюда – потребность в создании и функционировании особого органа, собрания – избранных лиц, способных к ведению государственных дел. Путем такого отбора способных и создается парламент, который, таким образом, не что иное, как «организованный народ» [10, с. 9].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что современная конституционно-правовая доктрина признает существование суверенитета народа, осуществляемого прежде всего в форме представительной демократии, а в отдельных случаях и с ограниченными целями в форме непосредственной демократии. Последняя может выступать как референдум (плебисцит), народная инициатива, прямое правление, осуществляемое через собрание населения соответствующей территории и т.д. Именно в таком понимании принцип народного (национального) суверенитета содержится в современных конституциях, подражая в этом вопросе унаследованному ими конституционализму древних демократий. Законность современных конституций, независимо от того, приняты ли они парламентом, специально избранным конституционным собранием или одобрены референдумами, основывается на согласии народа как единого суверена власти, который может устанавливать собственную форму правления и осуществлять государственную власть через избрание своих представителей.

Список литературы:

1. Каутский К. Представительное правление. – СПб, “Молот”, 1905. – 96 с.
2. Рожков М. О формах народного представительства. – СПб, “Молот”, 1905. – 128 с.
3. Шаповал В. Зарубежный парламентаризм. – К.: Основы, 1993. – 143 с
4. История политических и правовых учений. Учебник для вузов / Под общ. ред. члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора В.С. Нерсесянца. – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1997. – 736 с.
5. Милль Дж. С. О свободе: Эссе / Пер. з англ. – К.: Видавництво Соломії Павличко “Основи”, 2001. – 463 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Основы философии права или Естественное право и государствоведение / Пер. з нем. Р. Осадчука и М. Кушнيرا. – К.: Юніверс, 2000. – 336 с.
7. Велихов Б. Теория и практика пропорционального представительства. А. Велихова. С.-Петербург, Издание “Л”. – 1907. – 76 с.

Adelseitova A.B. On the genesis and development of political and legal thought about the representation of the people: foreign experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – Р. 429-435.

Currently, the study of the historical beginning of popular representation in government is an extremely important aspect of the study of this phenomenon. Many scientific studies are devoted to the analysis of the historical origin of the people's representation, however, unfortunately, certain cliches have formed, which, according to the author, somewhat simplistically interpret the evolution of this concept, focusing on superficial analogies between the history and modernity of the state. The author explores the genesis of political and legal thought about popular representation as an obligatory component of a comprehensive analysis of the constitutional and legal nature of this phenomenon.

Key words: genesis, parliament, people's representation.

Spisok literatury:

1. Kautskij K. Predstavitel'noe pravlenie. – SPb, “Molot”, 1905. – 96 s.
2. Rozhkov M. O formah narodnogo predstavitel'stva. – SPb, “Molot”, 1905. – 128 s.
3. SHapoval V. Zarubezhnyj parlamentarizm. – K.: Osnovi, 1993. – 143 s
4. Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij. Uchebnik dlya vuzov / Pod obshch. red. chlena-korrespondenta RAN, doktora yuridicheskikh nauk, professora V.S. Nersesyanca. – M.: Izdatel'skaya gruppy INFRA M – NORMA, 1997. – 736 s.
5. Mill' Dzh. S. O svobode: Esse / Per. z angl. – K.: Vidavnicтво Solomii Pavlichko “Osnovi”, 2001. – 463 s.
6. Gerel' G. V. F. Osnovy filosofii prava ili Estestvennoe pravo i gosudarstvovedenie / Per. z nem. R. Osadchuka i M. Kushnira. – K.: YUnivers, 2000. – 336 s.
7. Velihov B. Teoriya i praktika proporcional'nogo predstavitel'stva. A. Velihova. S.-Peterburg, Izdanie “L”. – 1907. – 76 s..

УДК 349+004.91

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гундерич Г. А., Латышева Е. В.

В статье рассмотрены актуальность перехода учреждений и организаций от традиционного документооборота к электронному документообороту, описаны основные пути прохождения электронного документа, а именно – его обработки, выполнения и представления на утверждение руководителю. Рассмотрены традиционную характеристику системы электронного документооборота в соответствии с нормативно-правовыми актами.

Ключевые слова: документ, документоведение, документация, электронный документооборот, автоматизированный документооборот, система электронного документооборота организаций.

На современном этапе развития новейших IT-технологий и использования при обработке и передачи информации приводит к успешному и быстрому принятию управленческих решений. Совершенствование методов работы с документами в современных условиях направлена на широкое использование современных информационно-коммуникационных технологий, ведь именно инструменты автоматизации способны обеспечить значительное улучшение качества и эффективности деятельности работы специалистов, повышение открытости и прозрачности документационных процессов в организациях и учреждениях.

Электронное делопроизводства в наше время стало применяться на все жизненно-важные направления.

Ведь, внедрение электронного делопроизводства является базовой предпосылкой для развития в учреждении эффективной цифровой экономики, прозрачности и открытости управления и исполнительской дисциплины персонала. Трансформация традиционного делопроизводства в цифровой формат позволяет улучшить все этапы документирования от создания документа к его хранению, что позволяет упростить пути прохождения документа в электронном обороте организаций, модернизировать управление в целом посредством использования информационно-коммуникационных технологий. Потребность в эффективном управлении документами и приводит к созданию автоматизированных систем электронного документооборота, включающие в себя создание электронных документов, их обработку, передачу, хранение.

Документоведение – сравнительно молодая наука, которая имеет свойство трансформироваться и приобретать новые свои проявления, особенно в связи с техническим прогрессом, переходом на политику «цифрового государства». В силу научно-технического прогресса развитие современной науки невозможно вне таких понятий как «информационное общество», «информационная экономика», «системы управления документами», «документация и информационные оболочки».

Формирование «информационного общества» связано с факторами, которые затрагивают сферу обращения документированной информации. Во-первых, изменяются состав и структура ресурсов документальной информации, способов фиксации деятельности людей. Во-вторых, расширяется документальное поле информационного пространства; имеются в виду, в первую очередь, процессы глобализации всех, и прежде всего экономических отношений, формирования

глобальной системы знаний. В-третьих, документооборот обогащается традициями каждой отдельно взятой страны.

Важную роль в деятельности организаций любого размера и профиля деятельности играют современные системы электронного документооборота. В настоящее время на большинстве предприятий, организаций, учреждений различных форм собственности корпоративная информация (договоры, прайс-листы, приказы, деловая переписка, финансовая документация и др.) хранится как в бумажном, так и в электронном виде (часто неупорядоченно на файл-сервере). При этом практически неизбежно возникает дублирование информации, а кроме того не обеспечивается поддержка разных версий документов и безопасность их хранения. Даже при преобладании электронной формы хранения документов, они не всегда используются эффективно. Потребность в эффективном управлении электронными документами и привела к созданию систем электронного документооборота.

Внедрение системы электронного документооборота в России регулируется на законодательном уровне такими правовыми актами, ст. 169 Налогового кодекса Российской Федерации [1]; в статьях 160 и 434 Гражданский кодекс Российской Федерации [2] говорится о возможности документооборота в электронном виде; Постановления Правительства РФ, приказы министерств и ведомств.

Кроме того, следует упомянуть Федеральный закон от 27 ноября 2006 года № 149-ФЗ [3], в котором обмен электронными сообщениями, подписанными электронной подписью, признаётся в качестве документооборота для заключения договоров ГПХ (п.3 ст.11). А также Арбитражный процессуальный кодекс, который разрешает участникам судебного процесса использовать наряду с бумажными электронные документы, подписанные электронной подписью (п.1 ст.41, п.3 ст.75).

В этих условиях необходимо обеспечить организационное взаимодействие разных структур общества и государства, скоординировать формы и методы их деятельности посредством документированной информации.

Как известно, во всех развитых странах приняты и реализуются концепции и стратегии информатизации общества, включающие использование электронного документа и электронной подписи. В частности, в России действует Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». В соответствии с вышеуказанным актом одной из задач применения информационных и коммуникационных технологий для развития социальной сферы, системы государственного управления, взаимодействия граждан и государства является продвижение проектов по внедрению электронного документооборота в организациях, создание условий для повышения доверия к электронным документам.

Также в стратегии указано на необходимость обеспечения перехода государственных органов и органов местного самоуправления к использованию электронного правительства в своей работе. Так, на примере органов прокуратуры рассмотрим аспекты развития документооборота в условиях цифрового общества. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» [4] предусмотрено изменение работы, документооборота в органах прокуратуры в целях создания системы взаимодействия с гражданами, обществом, организациями и учреждениями, которая

позволяет использовать современные и перспективные каналы коммуникаций, обеспечения открытости, доступности и достоверности данных для граждан и юридических лиц.

Таким образом, в органах прокуратуры предусмотрено использование автоматизированных информационных систем для обеспечения документооборота не только внутри ведомства, но и для осуществления взаимодействия с иными правоохранительными органами. Однако на данный момент работа по созданию, обработке, отправке и получению этих документов ведется и в электронной, и в бумажной форме даже при наличии введенной в действие электронной цифровой подписи (ру-токинов) в органах прокуратуры. Двойной документооборот, который ведется в органах прокуратуры и не только внутри него, на наш взгляд, замедляет работу правоохранителей, ведет к потере такого ресурса как время и непосредственно сказывается на результативности и обеспечении главной задачи органов прокуратуры – обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина. В ряде стран вопрос о сочетании бумажного и электронного документов решен давно. В нашей же стране этот вопрос пока остается открытым, хотя законодательно урегулирован в полной мере. Представляется, что такое «двойное» делопроизводство ведется по привычке, для удобства, что все же тормозит процесс осуществления возложенных задач на органы прокуратуры.

Самой главной проблемой для органов государственной власти, и особенно исполнительной, остается информационное обеспечение их деятельности. А в этой связи стоит обратить внимание на нормативное закрепление индикаторов оценки качества и состава документов, используемых в процессе деятельности этих органов. В этом круге вопросов немаловажное значение имеют классификаторы функций органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Они нужны для всех ведомств, необходимо их упорядочить по вертикали и горизонтали, сформировать модули (блоки) документов по каждой функции или ее частям и после этого переходить к электронной форме информационного (документального) обеспечения.

Но для перехода к электронному документообороту в большем масштабе, чем это имеет место сейчас, необходима унификация форм документов, программ их обработки, гармонизация всех требований к электронным документам, базам и банкам данных, к целевой характеристике серверов. Институт государства и права РАН предложил разработать комплексный закон «О документировании, документообороте и архивном хранении документов» [5]. Такой закон мог бы регулировать делопроизводство и систему документирования информации не только в государственном секторе, но во всех организациях, которые предоставляют первичную или обработанную информацию в органы государственной власти, в двух узаконенных формах документа – бумажной и электронной. Закон должен ориентировать на сокращение бумажного оборота документов. Необходимо оценивать состояние документирования, делопроизводства и документооборота на основе индикаторов, соответствующих целям информационного обеспечения (функции органов), уровню развития технологий. Следует ориентироваться на совмещение и постепенное замещение бумажного документа электронным.

Стоит отметить, что реализация программ по внедрению электронного документооборота и документообращения должна начинаться с нормативного

урегулирования, в частности, с определения основополагающих терминов, формирования единого понятийного аппарата. Учитывая, что индекс цифровой грамотности граждан России, согласно информации, представленной Региональным общественным центром интернет-технологий, снизился на 14,7% по сравнению с 2020 г., то должна быть проведена большая работа по организации серии образовательных мероприятий, нацеленных на подготовку общества к жизни в условиях цифровой экономики.

В современную эпоху роль государства трансформируется, а, согласно взглядам наиболее радикальных реформаторов, государство вообще может потерять свое значение, поскольку на смену власти народа придет власть цифры. Очевидно, что справиться со многими проблемами, связанными с цифровизацией и имеющими в своей основе объективный характер, без применения современных технологий не представляется возможным.

Список литературы:

1. Налогового кодекса Российской Федерации 31 июля 1998 года № 146-ФЗ. Электронный ресурс.-URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ. Электронный ресурс.-URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 ноября 2006 года № 149-ФЗ. Электронный ресурс.-URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.
4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года». Электронный ресурс.-URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=4763127>
5. И. Бачило. О проблемах информационного права в области документирования. Электронный ресурс.-URL: https://eos.ru/eos_delopr/eos_lib/215/19416/

Gunderich G. A., Latysheva E. V. Current issues of documentation in information activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 436-439.

The article discusses the relevance of the transition of institutions and organizations from traditional document management to electronic document management, describes the main ways of passing an electronic document, namely, its processing, execution and submission for approval to the head. The traditional characteristics of the electronic document management system in accordance with regulatory legal acts are considered.

Key words: document, document management, documentation, electronic document management, automated document management, electronic document management system of organizations.

Spisok literaturey:

1. Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii 31 iyulya 1998 goda № 146-FZ. Elektronnyj resurs.-URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii 30 noyabrya 1994 goda N 51-FZ. Elektronnyj resurs.-URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Federal'nyj zakon «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» ot 27 noyabrya 2006 goda № 149-FZ. Elektronnyj resurs.-URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.
4. Prikaz General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 14 sentyabrya 2017 g. № 627 «Ob utverzhdenii Konceptii cifrovoj transformacii organov i organizacij prokuratury do 2025 goda». Elektronnyj resurs.-URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=4763127>
5. I. Bachilo. O problemah informacionnogo prava v oblasti dokumentirovaniya. Elektronnyj resurs.-URL: https://eos.ru/eos_delopr/eos_lib/215/19416/

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ЗАДАЧИ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Яценко А. О., Гордецкий А. А.

Вопрос определения правового статуса и задач прокурора в рамках гражданского процесса неоднократно рассматривался многими учёными и исследователями. В научной литературе существует множество различных мнений касательно определения процессуального статуса прокурора и настоящее исследование направлено на выявление единственно верной позиции. Касательно вопроса определения круга задач прокурора при его участии в гражданском процессе в данном исследовании проанализированы как действующие нормативно-правовые документы, так и ведомственные акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в которых определен их конкретный перечень.

Ключевые слова: прокурор; гражданский процесс; правовой статус прокурора; процессуальный статус прокурора; задачи прокурора.

Статьей 129 Конституции Российской Федерации [1] закреплено понятие прокуратуры как единой федеральной централизованной системы органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции, исполнением законов и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Прокуратура, как один из государственных органов гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина.

Органы прокуратуры имеют важное значение при осуществлении правосудия, поскольку они выступают не только в качестве основного органа, гарантирующего защиту прав граждан, но и обладают большим правозащитным потенциалом, отличающим их от других государственных органов. Прокуратура благоприятствует вынесению судом законного, справедливого и обоснованного решения и выступает «проводником интересов государства» [10].

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве, будучи одним из институтов гражданского процессуального права, имеет ряд проблем, одной из которых является отсутствие единого подхода в понимании правового положения прокурора в гражданском судопроизводстве.

Ни Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [2], ни Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [3]. не предоставили четкого определения роли прокурора в гражданском процессе как со стороны его правового статуса, так и поставленных перед ним задач. Рассмотрение указанной проблематики имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Круг процессуальных прав и обязанностей прокурора, его процессуальное положение, содержание предмета прокурорской защиты позволят непосредственно определить юридическую характеристику такого правового явления как участие прокурора в гражданском процессе.

По мнению Кузнецова, И. С. Определение правового статуса прокурора в гражданском судопроизводстве в ходе теоретических анализов, привело исследователей к различным выводам, которые, имеют ряд особенностей.

Во-первых – прокурор особая сторона гражданского процесса. Аргументирует тем, что исковое заявление прокурора в пределах его полномочий предполагает наличие второй стороны – ответчика. Вследствие этого, при наличии ответчика, в гражданском процессе должен быть и истец. Во-вторых – прокурор процессуальный

истец. Прокурор, с учётом возложенных на него прав и обязанностей истца (с определенными ограничениями), являясь субъектом доказывания обстоятельств гражданского дела, рассматривается стороной только в процессуальном смысле, так как у него отсутствует материальный интерес к делу, а материально-правовые последствия судебного акта на прокурора не распространяются.

В третьих – прокурор является особым представителем по гражданскому делу. Это аргументируется тем, что прокурор выступает в качестве защиты лица, с материально-правовым интересом в гражданском деле (например, подача искового заявления в целях защиты законных интересов гражданина), но при этом он имеет отличия от представителей по гражданскому договору.

В-четвертых – форма участия прокурора в гражданском процессе для дачи заключения по делу устанавливает его процессуальное положение как представителя государства, а предъявление искового заявления в интересах другого лица – в качестве процессуального истца.

В-пятых – прокурор имеет положение «правозаступника». Одна из целей органов прокуратуры – обеспечение законности в рамках гражданского судопроизводства. Указанный вывод привел ряд современных исследователей, к определению процессуального положения прокурора, как «правозаступника», понятие которого развивали дореволюционные авторы.

В-шестых – прокурор при участии в гражданском процессе является представителем государства и имеет собственный интерес, заключающийся в обеспечении законности. Некоторые исследователи предполагают, что он всегда имеет статус представителя государства и не может иметь процессуальный статус стороны, представителя (даже особого рода), и процессуального истца [7].

С указанными мнениями автор не может согласиться. Если рассматривать настоящий вопрос с теоретической точки зрения, то первым делом необходимо отметить, что стороной по делу является субъект спора о праве, основой которого является материально-правовой интерес к результатам гражданского судопроизводства. Прокурор, в свою очередь, не может иметь материально-правового интереса к делу, а имеет только процессуальную заинтересованность в гражданском деле, определяемую через совокупность целей и задач, стоящей перед прокуратурой в целом. Прокурор заинтересован сугубо в защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, определённых нормативными правовыми актами. Кроме того, положение прокурора как процессуального истца также не соответствует формам участия прокурора в гражданском судопроизводстве, закреплённых в процессуальном законодательстве. Следовательно, признание прокурора процессуальным истцом или особой стороной гражданского дела, не представляется возможным.

Указанные точки зрения, рассматривающие прокурора как представителя, тоже не представляются верными. Институт прокурорской защиты, при участии в гражданском процессе, при подаче искового заявления и возбуждения гражданского дела в интересах Российской Федерации, субъектов и муниципалитетов, неопределённого круга лиц или индивидуальных граждан, действительно имеет внешнее сходство с институтом представительства.

Однако, это исключительно внешнее сходство, так как в своём внутреннем содержании участие прокурора в гражданском процессе имеет в своей основе защиту прокурором законности. Непостоянство правового статуса прокурора, выражаемое в

смене его процессуального положения, помимо вышеперечисленного, приведет к ещё большей запутанности.

Процессуальное положение прокурора как «правозаступничество» также имеет ряд недостатков. Дореволюционными авторами, в частности, Кислова Е.М., понятие «правозаступник» применялось к другому участнику судебного разбирательства – адвокату.

Согласно мнению Кисловой Е.М., адвокат, как правозаступник, представляя собой публичную фигуру в рамках судебного процесса, осуществлял защиту интересов индивидуального лица, при этом защищая интерес всего общества, так как защита реализовывалась во имя общественного, общего блага. В свою очередь, прокуратура всегда обеспечивала и защищала интересы закона [6].

Если же отнести определение «правозаступник» к процессуальному положению прокурора в рамках гражданского процесса, мы признаем наличие у него доверителя, в интересах которого прокурор исполняет свои обязанности (таковым, например, является общество и/или государство в лице публичных образований).

Определение правового статуса прокурора как представителя государства уже в большей мере подводит нас к потенциальной истине. Так, ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определены цели деятельности органов прокуратуры: обеспечение верховенства закона, единство и укрепление законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Если следовать логике законодателя, то первостепенным видом деятельности прокуратуры является «обеспечение верховенства закона» и «единство и укрепление законности». Вместе с тем данный подход приводит к выводу, что результатом реализации таких целей современными органами прокуратуры является лишь слепое исполнение законов. В свою очередь, современная прокуратура имеет возможности полного обжалования (или в части) нормативных правовых актов, издаваемых государством и государственными органами, возбуждению особых производств. В этой связи, мнение о том, что прокурор имеет процессуальный статус исключительно представителя государства не признается состоятельным, так как изданный государством закон может нарушать права и законные интересы граждан.

Вышеизложенное позволяет прийти к мнению, что роль органов прокуратуры должна пониматься существенно шире. Автор считает, что прокуратура, является независимым органом, защищающим интересы граждан, общества и государства и осуществляет правоохранительную функцию, выступая гарантом не только интересов закона, но и прав, в естественном его понимании.

Следовательно, прокурор в рамках гражданского процесса, защищая публичный интерес, является специфическим представителем, что выражается в защите им неотчуждаемых прав и интересов личности, реального права и правопорядка.

Указанные точки зрения ряда исследователей о процессуальном положении прокурора и предъявленные определения (сторона, представитель, процессуальный истец, правозаступник), по мнению автора, не позволяют точным образом определить сущность участия прокурора в гражданском процессе. Использование проанализированной терминологии заранее обречено на неудачу, так как не позволяют раскрыть суть прокурорской деятельности.

Кроме этого, указанная терминология не используется на практике, так как в исковых заявлениях, заключениях по ряду гражданских дел, протоколах судебных заседаний, судебных актах, используется исключительно термин «прокурор». Он исходит из положений о правовом статусе прокурора, определенном Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и используется в нормах гражданского процессуального законодательства. «Прокурор» – это вид лица, участвующего в гражданском деле и, как следствие, процессуальное положение.

Мохов А.А. провела параллель между правовым статусом прокурора в гражданском процессе и задачами прокуратуры, указав на то, что «различные ошибочные представления о прокуроре как о стороне в гражданском процессе основаны на том, что прокурор имеет ряд таких же процессуальных прав, какие принадлежат сторонам, а также на факте участия прокурора в доказательственной деятельности по установлению фактов спорного правоотношения» [9].

В этой связи, автором предлагается использовать единственно возможную терминологию, наиболее полно отражающую цели, задачи и непосредственно деятельность органов прокуратуры, а именно «прокурор». Она позволит определить его процессуальный статус и отграничить процессуальное положение от других участников судебного разбирательства.

Определив процессуальный статус прокурора в рамках производства по гражданским делам, необходимо рассмотреть вопрос об определении точного круга задач, стоящих перед органами прокуратуры.

Как указывалось, ранее, Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» определена цель прокурорской деятельности, а именно обеспечение верховенства закона, единство и укрепление законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Настоящее положение трактуется Генеральным прокурором Российской Федерации, акты которого регулируют вопросы организации деятельности системы органов прокуратуры. Так, в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10.07.2017 № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» [4] указано следующее положение: «В целях эффективного исполнения органами прокуратуры задач по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, реализации полномочий, направленных на защиту и реальное восстановление прав и свобод граждан, а также охраняемых законом интересов общества и государства...».

Следовательно, Генеральной прокуратурой Российской Федерации, акты которой обязательны к исполнению всеми работниками органов прокуратуры, положение части 2 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» трактовались так, что цель и задачи деятельности прокуратуры облечены в целостное определение, где в цель прокурорской деятельности интегрированы четыре задачи:

- 1) защита прав и свобод человека и гражданина;
- 2) защита охраняемых законов интересов общества и государства;
- 3) обеспечение верховенства закона;
- 4) обеспечение единства и укрепления законности.

Данное определение задач прокурора при участии в гражданском процессе не может должным образом теоретически и практически способствовать разрешению

реальных жизненных ситуаций. Цели и задачи существенно различаются между собой, так как категория «задачи» по своему содержанию является частной и конкретной в отношении к категории «цели».

Как указывает Маслаков А.В. «цели и задачи прокурорского надзора – две категории, тесно связанные между собой, но, тем не менее, различные» [8].

Вышеизложенное способствовало изданию приказа Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» [5], в котором задачи участвующего в гражданском судопроизводстве прокурора определены следующим образом:

– защита и реальное восстановление нарушенных прав, законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований;

– обеспечение законности на всех стадиях гражданского судопроизводства.

Генеральная прокуратура Российской Федерации данным актом заполнила существующий пробел, касаемо определения задач деятельности прокурора.

Подведем итоги:

1. Процессуальный статус прокурора, который наиболее полно отражает его цели, задачи и деятельность в гражданском процессе, может реализовываться только через терминологию «прокурор» и не требует дополнений. «Прокурор» – это вид лица, участвующего в гражданском деле и его процессуальное положение.

2. В настоящее время Федеральным законом «О прокуратуре в Российской Федерации» достаточно точно определена цель деятельности прокурора, а именно: обеспечение верховенства закона, единство и укрепление законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Вместе с тем согласно Приказу Генеральной Прокуратуры Российской Федерации № 2 от 11.01.2021 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» задачами участвующего в гражданском судопроизводстве прокурора являются: 1) защита и реальное восстановление нарушенных прав, законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований; 2) обеспечение законности на всех стадиях гражданского судопроизводства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 04.07.2020. N 144.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ СЗ РФ 2002г.- N 46. - Ст. 4532
3. Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации ВСНД РФ и ВС РФ. 1992г. - N 8. - Ст. 366.
4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10.07.2017 № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // «Законность». 2017. № 10.
5. Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // «Законность». 2021. № 2.
6. Кислова Е.М. Значение участия прокурора в гражданском судопроизводстве (история и современный этап) // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 8 – URL: <https://human.snauka.ru/2017/08/24338> (дата обращения: 29.10.2021).
7. Кузнецов, И. С. Проблемы определения правового статуса прокуратуры в Российской Федерации. Молодой ученый. — 2019. — № 4 (242). — С. 303-305.
8. Маслаков А.В. Надзор как процессуальная форма защиты публичного интереса. диссертация ... кандидата юридических наук. – Самара, 2009. С.40.

9. Мохов А.А. Комментарий к ГПК РФ (постатейный) [Электронный ресурс]// СПС Консультант Плюс
10. Пеленицына М.В., Современные проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки.2022. Т.8. №2. С. 175-182.

YAcenko A. O., Gordetskiy A. A. Determining the legal status and tasks of the prosecutor in civil proceedings: theoretical and legal study // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 440-445.

The issue of determining the legal status and tasks of the prosecutor in the framework of civil proceedings has been repeatedly considered by many scientists and researchers. There are many different opinions in the scientific literature regarding the definition of the procedural status of the prosecutor and this study is aimed at identifying the only correct position. With regard to the issue of determining the range of tasks of the prosecutor with his participation in the civil process, this study analyzes both the current regulatory documents and departmental acts of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, which define their specific list.

Keywords: prosecutor; civil process; legal status of the prosecutor; procedural status of the prosecutor; tasks of the prosecutor.

Spisok literatury:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020. N 144.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 N 138-FZ of the Federal Law of the Russian Federation 2002- N 46. - St. 4532
3. Federal Law No. 2202-I of January 17, 1992 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation of the Supreme People's Commissariat of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. 1992 - No. 8. - Article 366.
4. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated 10.07.2017 No. 475 "On ensuring the participation of prosecutors in civil and administrative proceedings" // "Legality". 2017. № 10.
5. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation No. 2 dated 11.01.2021 "On ensuring the participation of prosecutors in civil and administrative proceedings" // "Legality". 2021. № 2.
6. Kislova E.M. The significance of the prosecutor's participation in civil proceedings (history and modern stage) // Humanitarian scientific research. – 2017. – No. 8 – URL: <https://human.snauka.ru/2017/08/24338> (accessed: 29.10.2021).
7. Kuznetsov, I. S. Problems of determining the legal status of the Prosecutor's Office in the Russian Federation. A young scientist. — 2019. — № 4 (242). — Pp. 303-305.
8. Maslakov A.V. Supervision as a procedural form of protection of public interest. dissertation ... of the candidate of legal sciences. – Samara, 2009. p.40.
9. Mokhov A.A. Commentary to the Civil Procedure Code of the Russian Federation (article by article) [Electronic resource]// SPS Consultant Plus
10. Pelenitsyna M.V., Modern problems of the prosecutor's participation in civil proceedings of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences.2022. Vol.8. No. 2. pp. 175-182.

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Басова Ю. Ю.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье проведен анализ научных исследований предметом которых являлись различные аспекты обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях. Установлено, что обеспечение законности в чрезвычайных ситуациях включает в себя своевременное принятие востребованных и справедливых нормативных правовых актов; полное и всестороннее нормативное правовое регулирование ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях возникновения чрезвычайной ситуации; наличие эффективно функционирующей системы уполномоченных субъектов по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях; постоянная, целенаправленная и эффективная деятельность прокуратуры в условиях возникновения чрезвычайной ситуации. Кроме того, анализ содержательной стороны различных научных концепций позволил обозначить ряд проблем, которые требуют современного научного осмысления и разрешения в сфере обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях.

Автором предложено авторское понятие «законность», «обеспечение законности в чрезвычайных ситуациях».

Ключевые слова: деятельность, законность, обеспечение, чрезвычайные ситуации, законодательство, система.

Деятельность современных государственных институтов сопряжена с реализацией различных направлений государственной деятельности, направленных на обеспечение стабильного функционирования всех сфер жизнедеятельности общества: экономической, социальной, технологической, производственной, энергетической, духовной, информационной, политической и т. д.

Ежегодно регистрируются сотни ситуаций чрезвычайного характера, в результате которых государству причиняются значительный ущерб. Следует отметить, что международная практика предупреждения, противодействия ликвидации последствий различных чрезвычайных ситуаций свидетельствует, что одной из существенных угроз для современного демократического государства является нарушение прав и свобод физических и юридических лиц со стороны органов, ответственных за ликвидацию чрезвычайной ситуации [1].

Сегодня часто звучат критические замечания, что государство как ведущий субъект обеспечения законности как в обычных условиях, так и в чрезвычайных ситуациях, защищает нечто абстрактное и неконкретное. По нашему мнению, такой подход является необоснованным и складывается, прежде всего, в связи с недостаточным количеством отраслевых научных исследований данной проблематики. Большинство исследований было проведено в рамках общетеоретического анализа, в которых понятие «законность» рассматривалось в рамках широкой правовой проблематики. Как справедливо отмечает А.О. Долгопят, «каждый новый этап развития государства позволяет ставить перед наукой вопрос об обновлении определения законности» [2]. Разработка понятийного аппарата, выявление закономерностей и особенностей обеспечения законности при чрезвычайных ситуациях, а также разграничение и установление определенных связей с другими подобными правовыми

явлениями, имеет большое значение как для научно-исследовательской деятельности, так и для правоприменительной практики.

Следует отметить, что в условиях перехода страны к принципиально новой концепции безопасности в целом, теоретические исследования особенностей обеспечения законности при чрезвычайных ситуациях приобретает новое теоретическое и практическое значение, что, прежде всего, обусловлено существенным изменением как внутренних, так и внешних условий развития нашего общества и государства в целом.

Значимость законности для общества и государства связана с тем, что это правовое явление фокусирует сложные процессы, происходящие в государстве. В связи с этим более обоснованным является мнение, что обеспечение законности в некотором смысле является условием и одновременно целью реформирования страны [3, с. 23].

В современных научных исследованиях существует значительное количество подходов относительно определения понятия «законность». Не вдаваясь в детальный анализ существующих научных подходов, отметим:

во-первых, большинство определений отражают разнообразные аспекты законности;

во-вторых, значительная часть ученых концентрируют внимание только на одном содержательном аспекте законности, а именно: исполнении законов;

в-третьих, в отдельных научных исследованиях законность рассматривается как в узком, так и в широком смысле. Однако, основываясь на законах формальной логики, определение понятия в широком и узком понимании не только усложняет научно-исследовательскую работу в любой сфере, а также может создать сложности в правоприменении. По нашему мнению, попытки определить понятие в широком и узком смысле сводятся не к прогрессу в науке, а к толерантному отношению к приведенным ранее определениям. Юридическая терминология не должна обладать неоднозначностью, в содержании понятия должно быть четко отражено конкретное правовое явление.

Таким образом, основываясь на научных позициях, можно сделать промежуточный вывод и определить, что законность:

– это не сам процесс правотворчества (издания правовых норм), а определенные требования к нему;

– это не просто правовое поведение, а соответствие деятельности государственных органов, организаций, общественных объединений, должностных лиц и поведения граждан правовым требованиям, следствием, которого, является точное, обязательное и единообразное применение и исполнение законодательства;

– это не только строгое и неуклонное исполнение законов, но и своевременное принятие востребованных нормативных правовых актов, внесение необходимых изменений и дополнений, которые полностью и эффективно обеспечивает потребности общества на каждом этапе его развития в правовом регулировании общественных отношений.

Продолжая исследование сущности законности, следует отметить, что ее обеспечение достигается путем определения требований к деятельности участников общественных отношений; осуществление надзора за исполнением законов и пресечение

нарушений закона, обеспечения соблюдения правовых норм. Совокупность данных элементов и взаимосвязи между ними образуют структуру обеспечения законности.

Профессор В.В. Ключков, отмечал, что структура обеспечения законности включает в себя: 1) совокупность взаимосвязанных требований законности; 2) отношение участников общественных отношений к требованиям законности и к их исполнению; 3) реализацию (осуществление) этих требований в жизнедеятельности общества [4, с. 35]. В то же время, представленная структура вполне эффективно может быть применена в обычных условиях жизнедеятельности государства и общества, однако в ней не учтена вся специфики общественных отношений, которые возникают в чрезвычайных ситуациях. Структура обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях не может ограничиваться определением только требований законности, отношениям к ним и т.д.

По мнению профессора Н.Н. Карпова «составными частями обеспечения законности в сфере военной службы являются: а) полное и всестороннее конституционное и иное законодательное и нормативное правовое регулирование процесса защиты Отечества (организации обороны Российской Федерации) и, в частности, прохождения военной службы; б) постоянная, целенаправленная и эффективная деятельность военного командования по точному, обязательному и единообразному исполнению законодательных норм, регулирующих организацию обороны страны, поддержанию правового порядка в войсках; в) постоянная, всесторонняя и полномасштабная деятельность органов государственной и муниципальной власти, военного командования по признанию, соблюдению и защите конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина при прохождении военной службы; г) организация в войсках эффективной деятельности суда, прокуратуры и правоохранительных органов, направленной на точное, обязательное и единообразное исполнение законодательных норм, регулирующих организацию обороны страны, признание, соблюдение и защиту конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина при прохождении военной службы» [5; 6; 7; 8].

Основываясь на указанных научных позициях, следует отметить, что система обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях включает в себя такие элементы, как: своевременное принятие востребованных и справедливых нормативных правовых актов; полное и всестороннее нормативное правовое регулирование ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях возникновения чрезвычайной ситуации; наличие эффективно функционирующей системы уполномоченных субъектов по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях; постоянная, целенаправленная и эффективная деятельность прокуратуры в условиях возникновения чрезвычайной ситуации. Проанализируем более детально указанные элементы, с учетом особенностей, которые обусловлены чрезвычайной ситуацией.

Итак, первым элементом является своевременное принятие востребованных и справедливых нормативных правовых актов. Отметим, что важнейшее требование законности – полное соответствие права и каждой правовой нормы потребностям общественного развития, органическое сочетание в них интересов общества и гражданина. Таким образом, основополагающее требование законности заключается в необходимости обеспечения соответствия законов, в том числе и конституционных, потребностям общественных изменений; своевременной трансформации действующей

щего права, исходя из этих потребностей; провозглашенным правам граждан; социальной справедливости; общечеловеческим ценностям [4, с. 35-37].

Данный элемент структуры обеспечения законности включает в себя два аспекта.

Первый аспект – требование своевременного регулирования правом общественных отношений, которые нуждаются в таком регулировании и поддаются ему. Указанный аспект вытекает из необходимости не только принятия соответствующих правовых норм, но и их своевременного изменения и отмены с учетом изменяющихся социальных условий и потребностей общественного развития.

Законность приобретает особое значение в условиях существования правового государства. Именно поэтому законность зависит от современного состояния государства и общества, и ее необходимо определять в контексте развития нашей страны как правового государства. В этом качестве законность предполагает наличие развитой системы законодательства и юридических механизмов выявления потребности в принятии, отмене или изменении законов. Е.А. Савченко справедливо указывает: «отсутствие законов востребованных обществом, создает риск нарушения режима законности и может квалифицироваться как ее нарушение. Отсутствие законов, востребованных обществом, может рассматриваться как несоблюдение Конституции» [9, с.105-107].

Более чем тридцатилетний опыт законодательного регулирования общественных отношений, обусловленных возникновением чрезвычайных ситуаций, позволяет критически оценить накопленный нормативный материал. Анализ теоретических и прикладных проблем правоприменения в сфере предупреждения и ликвидации негативных последствий чрезвычайных ситуаций различного генезиса, подводит исследователей и практиков к решению задач, которые сформулированы в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400, эффективная реализация которых, в том числе, возможна путем проведения систематизации и актуализации нормативно-правовой базы по вопросам предупреждения и ликвидации негативных последствий чрезвычайных ситуаций.

Профессор Т.Л. Козлов отмечал: «внесение постоянных «лоскутных» изменений в действующие правовые нормы не позволяет выйти на новый уровень правового регулирования с учетом уже осмысленных, но не реализованных парадигм; утяжеляются старые конструкции, не добавляя при этом ясности в имеющуюся терминологическую недоопределенность; возникает противоречивость отдельных норм, пробельность, коллизионность в регулировании ряда важных вопросов» [10, с. 159].

Потребность в принятии востребованных изменений в чрезвычайное законодательство назрела, ее очевидность продиктована рядом факторов, которые обуславливают необходимость системной работы в построении цельного, логичного, отвечающего запросам юридической техники законодательного регулирования общественных отношений, возникающих в чрезвычайных ситуациях.

На сегодня возникла потребность в нормативном определении единого подхода к определению понятия и классификации чрезвычайных ситуаций, Проведенный анализ научных работ и законодательства наглядно продемонстрирует, что в текстах «чрезвычайных» нормативных правовых актов используется несогласованная терминология, имеются разночтения, и в целом, не создана единая система правового

регулирования в указанных условиях. Такая ситуация и обуславливает необходимость разработки и принятия «Кодекса гражданской защиты».

Между тем, нечеткость представлений об институте чрезвычайного законодательства, находящегося на стыке политики и права, неизбежно создает предпосылки для различного рода нарушений и злоупотреблений, что крайне опасно, поскольку чревато «вторжением» органов исполнительной власти в прерогативы законодательных и судебных органов, установлением авторитаризма, подрывом конституционных основ государства и т.п. Вот почему нужны научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правотворческой и правоприменительной деятельности, направленные на повышение роли и значения правовых средств управления социальными кризисами и чрезвычайными ситуациями [11, с. 75-79].

Вторым аспектом, является принятие справедливых нормативных правовых актов. В зависимости от сферы проявления законность понимают как форму выражения идеи справедливости – нравственный подход [11, с. 387].

Современное определение законности невозможно без учета справедливости как основного ее критерия. А.О. Долгополов считает, что «законность – это реализация в России справедливых действующих правовых предписаний субъектами права». Автор обосновывает, что на сегодня законность – это не только соблюдение законов (в таком случае законность необоснованно «сужена»), но и иных нормативных правовых актов. Кроме того, законодательство должно отвечать критерию справедливости [2, с. 75]. Поддерживая мнение А.О. Долгополова, В.М. Пресняков отмечает, что «справедливость как бы растворена в нормативном содержании Конституции и выражает «дух» Основного Закона». Вместе с тем автор указывает, что справедливость в значении соразмерности, эквивалентности, равного масштаба правового регулирования представляет собой «имманентное начало права, инвариативное к социальному контексту. Норма права всегда должна применяться одинаковым образом к равным субъектам. Любые отклонения от справедливости можно рассматривать как отступление от права, то есть неправомерными действиями» [12, с. 4, 13].

Актуальность и значимость принципа справедливости находит свое подтверждение в правоприменительной практике судебных органов. Так, в период с 1994 по 2015 года, Конституционный Суд РФ обращался к принципу справедливости примерно в каждом десятом из принимаемых им решений (1842 из 16974) [14, с. 100-104]. Кроме того, в решениях Конституционный Суд также подчеркивает, что справедливость является не только общеправовым, но и конституционным принципом.

Важно не только создать хороший закон, всесторонне учитывающий потребности общественного развития в той или иной области отношений, но и обеспечить правильное применение этого закона на практике, точное исполнение его всеми обязанными лицами. А.О. Долгопят обосновано считает, что «законность – это такое состояние жизни общества, при котором существует качественное, непротиворечивое законодательство, а принятые в установленном порядке нормы права уважаются и используются органами власти, должностными лицами, организациями и гражданами» [2, с. 75].

Для законности важнейшим значением является соблюдение законодателем принципа равенства, а следовательно, и справедливости, что предполагает закрепление в законе одинаковых для всех субъектов (в нашем случае пострадавших) условий получения финансовой помощи. Как показывает конституционно-судебная

практика, недостаточное соблюдение принципа равенства ведет к многочисленным нарушениям прав и законных интересов граждан [15].

Следующим элементом является полное и всестороннее нормативное правовое регулирование ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях возникновения чрезвычайной ситуации.

Профессор В.В. Ключков справедливо утверждал, что: «важнейшее требование законности – наличие такой совокупности правовых норм, которая полностью и эффективно обеспечивает потребности общества на каждом этапе его развития в правовом регулировании общественных отношений; обеспечивает функционирование и дальнейшее развитие демократии – той совокупности правовых норм, которая необходима для наиболее полного, эффективного выполнения правовой системой ее социальных функций [4, с. 39].

Общественные отношения, возникающие при обеспечении законности, имеют комплексный характер, ведь регулируются нормами различных отраслей права, в частности, конституционного, международного, гражданского, уголовного, административного.

Не менее важным элементом структуры обеспечения законности является наличие эффективно функционирующей системы уполномоченных субъектов по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях.

Условно деятельность государственных органов по обеспечению законности в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций можно разделить на три этапа:

- 1) проведение организационных мероприятий по обеспечению правопорядка и безопасности;
- 2) непосредственное обеспечение правопорядка и безопасности в условиях чрезвычайной ситуации с использованием комплекса мероприятий, предусмотренных законодательством;
- 3) содействие деятельности органов, принимающих участие в ликвидации последствий чрезвычайной ситуации [16, с.140].

Рассматривая субъектов обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях, следует отметить, что их целесообразно разделить на три группы: общие, специальные и вспомогательные. Характеризуя общих субъектов отметим, что они определяют основы внутренней политики государства, стратегию государственного управления в сфере внутренней безопасности, а в частности обеспечения правопорядка и безопасности как в обычных условиях жизнедеятельности, так и в условиях возникновения различных чрезвычайных ситуаций, имеют соответствующие полномочия и решают в основном конституционно и законодательно закрепленные стратегические задачи в указанной сфере, а также реализуют государственную политику по обеспечению внутренней безопасности и защиты населения и территории от негативных последствий чрезвычайных ситуаций. К ним относятся Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство РФ, Федеральные органы исполнительной власти, подведомственные им агентства, службы, надзоры, федеральные службы и агентства; органы местного самоуправления.

К специальным субъектам обеспечения правопорядка и безопасности в чрезвычайных ситуациях можно отнести государственные органы, деятельность которых непосредственно направлена на реализацию мер по обеспечению законности в указанных условиях. К ним относятся: Министерство внутренних дел РФ, Министер-

ство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерство обороны РФ, Прокуратура РФ, Федеральная служба безопасности РФ, и др.

Основными направлениями деятельности данной группы субъектов являются, во-первых, обеспечение выполнения федерального законодательства и других нормативных правовых актов по вопросам защиты населения от чрезвычайных ситуаций, а также обеспечения правопорядка и безопасности в указанных условиях, во-вторых, осуществление мер по разработке и реализации государственных программ по вопросам защиты населения от чрезвычайных ситуаций, в-третьих, реализация системы мер по обеспечению правопорядка и безопасности в пределах своих полномочий; осуществления надзора за исполнением федерального законодательства и т.д. [17, с. 23].

К вспомогательным субъектам следует отнести следующие органы: Министерство здравоохранения РФ, Министерство финансов РФ, Министерство иностранных дел РФ, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Министерство транспорта РФ и др.

Последним элементом системы обеспечения законности является постоянная, целенаправленная и эффективная деятельность прокуратуры в условиях чрезвычайной ситуации.

На стадии ликвидации чрезвычайной ситуации «внимание» прокурора должно быть сосредоточено на оценке эффективности, полноты, достаточности и своевременности действий должностных лиц, а также соблюдения ими соблюдения законодательства при проведении: эвакуационных мероприятий; размещении граждан в местах временного пребывания; организации жизнеобеспечения (снабжения населенных пунктов электричеством и водой, продуктами питания, средствами первой необходимости) населенных пунктов, социальных объектов, медицинских учреждений (включая медицинские учреждения закрытого типа), учреждений ограничения/лишения свободы; обеспечении образовательного процесса; законности составления списков граждан, имеющих право на материальные выплаты (компенсации) и строительство жилья; обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия населения, утилизации мусора после пожаров и захоронения трупов животных.

Подводя итог, можем сделать следующие выводы:

1. В существующих научных исследованиях отсутствует единство относительно определения понятия «законность». Основываясь на научных позициях, можно определить, что законность это режим общественной жизни, при котором обеспечено своевременное принятие востребованных и справедливых нормативных правовых актов, которые обеспечивают всестороннее правовое регулирование деятельности уполномоченных государственных органов, их должностных лиц, признанию, соблюдению и защите конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина; точное, обязательное и единообразное применение и исполнение этих законодательных норм, а также оперативное выявление нарушений, их пресечение, установление причин и условий, способствующих их совершению.

2. Под обеспечением законности в чрезвычайных ситуациях следует понимать осуществляемую на основании своевременно принятых востребованных и справедливых нормативных правовых актов, деятельность уполномоченных государственных органов и их должностных лиц по обеспечению правопорядка и безопасности в

чрезвычайных ситуациях; точному, обязательному и единообразному применению и исполнению этих законодательных норм; признанию, соблюдению и защите конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайных ситуаций, а также оперативному выявлению нарушений, их пресечению, установлению причин и условий, способствующих их совершению

3. Основным путем решения проблемы эффективного обеспечения законности как в обычных условиях жизнедеятельности общества и государства, так и в условиях чрезвычайных ситуаций различного характера, прежде всего, является своевременное и надлежащее регулирование общественных отношений, возникновение которых обусловлено данной ситуацией.

Список литературы:

1. Встраивание прав человека в повседневную практику : учебное пособие по международному законодательству по правам человека // URL: https://www.biiic.org/files/5931_building_human_rights_into_practice_-_russian.pdf (дата обращения 25.01.2022).
2. Долгопят А.О. К вопросу о понятии и содержании законности // Общество и право. 2014. №2 (48).
3. Позднышев А.Н. Институт государственной службы в сфере обеспечения общественной безопасности (теоретико-методологические проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
4. Клочков В.В. Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора: монография / сост.: А.В. Клочкова, О.В. Пристанская. М. ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2012.
5. Карпов Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы деятельности прокуратуры по обеспечению законности в сфере прохождения военной службы : дис. д-ра юрид. наук. М., 2012 г. 444 с.; Карпов Н.Н. Конституционно-правовые отношения в сфере обороны Российской Федерации и проблемы их совершенствования : монография. М., 2005. 318 с.
6. Карпов Н.Н. Конституционное право Российской Федерации : учебник. М. : Издательство ЮНИТИ-ДАТА, 2005. 687 с.
7. Карпов Н.Н. Прокуратура в системе государственной власти Российской Федерации : монография. М. : Издательство ЮНИТИ-ДАТА, 2007. 127 с.
8. Карпов Н.Н. Конституционно-правовые отношения и роль прокуратуры в обеспечении их стабильности: Монография. М. : Ин-т повышения квалификации руковод. кадров Генпрокуратуры РФ, 2007. 157 с.
9. Савченко Е. А. Некоторые аспекты соблюдения законности субъектами разрешительной и контрольно-надзорной деятельности в условиях модернизации социально-экономического развития // Журнал российского права. 2019. №7.
10. Козлов Т. Л. Перспективы развития российского законодательства о противодействии коррупции // Журнал российского права. 2020. №5.
11. Фомин А. А. Проблемы реализации законодательства и правовой защиты в условиях социальных бедствий и чрезвычайных ситуаций / А. А. Фомин, Р. А. Максимов // Юрист-Правоведь. 2012. № 3.
12. Теория государства и права: учебник /отв. ред. проф. В.В.Кожевников. Омск : Изд-во Ом.гос. ун-та, 2015.
13. Пресняков М.В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание : автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Саратов : Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина. 2010.
14. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в российском праве // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №7.
15. Принцип равенства: информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 – 2020 годов)» (одобreno решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/56feb639cbbf046a8f12e00432f0b51a42dfdb59/ (Дата обращения 03.09.2022)/
16. Арзамасцев Н.И. Административно-правовое обеспечение органами внутренних дел общественной безопасности при чрезвычайных ситуациях техногенного характера: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
17. Сапожников А.И. Административно-правовой режим общественной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Basova J. J. Law enforcement system in emergencies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 446-454.

The article analyzes scientific research, the subject of which was various aspects of ensuring the rule of law in emergency situations. It has been established that ensuring the rule of law in emergency situations includes the timely adoption of demanded and fair regulatory legal acts; full and comprehensive normative legal regulation of the restriction of constitutional rights and freedoms of a person and a citizen in an emergency situation; the presence of an effectively functioning system of authorized entities to ensure the rule of law in emergency situations; constant, purposeful and effective activities of the prosecutor's office in an emergency situation. In addition, the analysis of the content side of various scientific concepts made it possible to identify a number of problems that require modern scientific understanding and resolution in the field of ensuring the rule of law in emergency situations.

The author proposes the author's concept of «legality», «ensuring the rule of law in emergency situations».

Key words: activity, legality, provision, emergency situations, legislation, system.

Spisok literatury:

1. Vstraivanie prav cheloveka v povsednevnyuyu praktiku : uchebnoe posobie po mezhdunarodnomu zakonodatel'stvu po pravam cheloveka // URL: https://www.biicl.org/files/5931_building_human_rights_into_practice_-_russian.pdf (lata obrashcheniya 25.01.2022).
2. Dolgopyat A.O. K voprosu o ponyatii i sodержanii zakonnosti // Obshchestvo i pravo. 2014. №2 (48).
3. Pozdnyshev A.N. Institut gosudarstvennoj sluzhby v sfere obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti (teoretiko-metodologicheskie problemy) : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2003.
4. Klochkov V.V. Aktual'nye problemy teorii zakonnosti i prokurorskogo nadzora: monografiya / sost.: A.V. Klochkova, O.V. Pristanskaya. M. ; Akad. Gen. prokuratury Ros. Federacii, 2012.
5. Karpov N.N. Teoreticheskie i prikladnye problemy deyatel'nosti prokuratury po obespecheniyu zakonnosti v sfere prohozhdeniya voennoj sluzhby : dis. d-ra yurid. nauk. M., 2012 g. 444 s.; Karpov H.H. Konstitucionno-pravovye otnosheniya v sfere oborony Rossijskoj Federacii i problemy ih sovershenstvovaniya : monografiya. M., 2005. 318 s.
6. Karpov H.H. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii : uchebnik. M. : Izdatel'stvo YUNITI-DANA, 2005. 687 s.
7. Karpov H.H. Prokuratura v sisteme gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii : monografiya. M. : Izdatel'stvo YUNITI-DANA, 2007. 127 s.
8. Karpov H.H. Konstitucionno-pravovye otnosheniya i rol' prokuratury v obespechenii ih stabil'nosti: Monografiya. M. : In-t povysheniya kvalifikacii rukovod. kadrov Genprokuratury RF, 2007. 157 s.
9. Savchenko E. A. Nekotorye aspekty soblyudeniya zakonnosti sub"ektami razreshitel'noj i kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti v usloviyah modernizacii social'no-ekonomicheskogo razvitiya // ZHurnal rossijskogo prava. 2019. №7.
10. Kozlov T. L. Perspektivy razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva o protivodejstvii korruptcii // ZHurnal rossijskogo prava. 2020. №5.
11. Fomin A. A. Problemy realizacii zakonodatel'stva i pravovoj zashchity v usloviyah social'nyh bedstvij i chrezvychajnyh situacij / A. A. Fomin, R. A. Maksimov // YUrist-Pravoved". 2012. № 3.
12. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik /otv. red. prof. V.V.Kozhevnikov. Omsk : Izd-vo Om.gos. un-ta, 2015.
13. Presnyakov M.V. Konstitucionnyj princip spravedlivosti: yuridicheskaya priroda i normativnoe sodержanie : avtoref. dis.... d-ra yurid. nauk. Saratov : Povolzhskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby imeni P.A. Stolypina. 2010.
14. CHEchel'nickij I.V. Princip spravedlivosti v rossijskom prave // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2014. №7.
15. Princip ravenstva: informaciya «Konstitucionno-pravovaya zashchita predprinimatel'stva: aktual'nye aspekty (na osnove reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii 2018 – 2020 godov)» (odobreno resheniem Konstitucionnogo Suda RF ot 17.12.2020) [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/56feb639cbbf046a8f12e00432f0b51a42dfdb59/ (Data obrashcheniya 03.09.2022)/
16. Arzamascev N.I. Administrativno-pravovoe obespechenie organami vnutrennih del obshchestvennoj bezopasnosti pri chrezvychajnyh situacijah tekhnogennoho haraktera: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003.
17. Sapozhnikov A.I. Administrativno-pravovoj rezhim obshchestvennoj bezopasnosti : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – С. 455-463.
УДК 342.

**ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМАТИВНЫХ
ПРАВОВЫХ АКТОВ, ПРИНИМАЕМЫХ ПО ВОПРОСАМ СОВМЕСТНОГО
ВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЁ СУБЪЕКТОВ**

Шкляр Т. А.

Верховный Суд Республики Крым

В статье на основе анализа практики рассмотрения судами административных дел об оспаривании нормативных правовых актов, принимаемых законодательными органами государственной власти на региональном уровне, выделяются особенности рассмотрения, выявляются проблемные вопросы и перспективы нормотворчества государственных органов публичной власти субъекта РФ.

Ключевые слова: административное судопроизводство, оспаривание нормативных правовых актов государственных органов публичной власти субъекта РФ, судебный контроль административно-деликтного нормотворчества субъекта РФ.

Административные дела об оспаривании нормативных правовых актов, принимаемых государственными органами власти субъекта Российской Федерации, рассматриваются судами по правилам главы 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее также – КАС РФ).

Ориентиры, относительно которых проводится проверка нормативного правового акта, содержатся в статье 213 КАС РФ.

Характерные процессуальные особенности разрешения административных споров, связанных с признанием нормативных правовых актов недействующими, введенные главой 21 КАС РФ, типичны и для рассматриваемой группы споров.

Отметим правила родовой подсудности, невозможность обращения со встречными административными исковыми требованиями, срок обращения в суд с административным иском о признании недействующим нормативного правового акта, который определен всем периодом действия нормативного правового акта, ведение дел через представителей, имеющих высшее юридическое образование, особые требования к содержанию административного искового заявления в части обязательного указания нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу, которому противоречит оспариваемый акт, то есть фактически правовое основание иска, исчерпывающий перечень мер предварительной защиты в виде запрета применять оспариваемую норму в отношении административного истца.

Одним из ключевых вопросов, возникающих при рассмотрении административных дел о признании недействующими нормативных актов, принимаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации, является вопрос о наличии компетенции и полномочий на принятие такого акта.

Превышение субъектом полномочий при правовом регулировании, вторжение в сферу федерального ведения, может выступать основанием для признания соответствующего правового акта недействующим. Соответствующее разъяснение, обеспечивающее единство правоприменительной практики, содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 [1].

Вместе с тем, ответ на такой, возможно, очевидный вопрос, не является столь яв-

ным. Зачастую, самым непростым является именно установление наличия либо отсутствия полномочий, обстоятельств соблюдения или несоблюдения пределов компетенции органа государственной власти субъекта в области законотворчества.

К теме разграничения полномочий РФ и её субъектов, являющейся актуальной, обращаются и в теоретических кругах, выступая за отнесение общих принципов налогообложения и сборов в РФ к исключительному ведению Российской Федерации [2], разработку модельного закона, позволяющего совершенствовать правовые акты регионов, внедрение комплексной оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов в области экологической безопасности [3], за законодательную конкретизацию полномочий органов государственной власти РФ, субъектов РФ, органов местного самоуправления, а также повышение эффективности контроля качества осуществления переданных полномочий [4], которые заслуживают внимания и одобрения не только в указанных авторами областях правоотношений.

Очерчивая круг правоотношений, правовое регулирование которых на уровне субъекта РФ наиболее часто было предметом рассмотрения в судах, следует упомянуть сферу градостроительства, обращения с животными, создания и охраны особо охраняемых природных территорий регионального значения, социальной поддержки и социальной помощи гражданам пожилого возраста и инвалидам, гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, а также детям-сиротам, ветеранам труда, поддержки народных промыслов.

Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из тезиса о том, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации как единой системы публичной власти выступает одной из основ федеративного устройства, определенных Конституцией РФ, выразил правовую позицию, имеющую практикообразующее, ориентирующее значение.

Суть ее заключается в том, что законодатель субъекта Российской Федерации, осуществляя правовое регулирование, вправе самостоятельно решать правотворческие задачи по вопросам, не получившим содержательного выражения в федеральном законе, не отступая при этом от конституционных требований о непротиворечии законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации федеральным законам и о соблюдении прав и свобод человека и гражданина [5].

Подход, который сформулировали суды с учетом правовых выводов Конституционного Суда РФ, основывается на имеющих основополагающее значение нормах Конституции РФ (статьи 71-73, 76), Федерального закона № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Изложим их лаконично следующим образом.

При рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов, принимаемых субъектом РФ, необходимо устанавливать, относится ли регулирование рассматриваемых вопросов к совместному ведению или собственному ведению субъекта, не противоречит ли соответствующее регулирование федеральному.

Указанную направленность сохранил и Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», определив основные принципы деятельности государственных орга-

нов, входящих в систему публичной власти. В фокусе нашего внимания в рамках настоящего обсуждения отметим принцип разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти, который не был выделен в Федеральном законе № 184-ФЗ [6].

Нельзя не согласиться с мнением о том, что законодательный орган государственной власти субъекта РФ создается для принятия нормативных актов, законов, в которых отражаются потребности жителей именно этого региона, согласующиеся с интересами страны в целом [7].

Обратимся к анализу практики реализации данного подхода судами на примере рассмотрения достаточно характерных административных дел, которые разрешались в различных регионах России.

По делу об оспаривании постановления законодательного органа одного из субъектов, которым был установлен порядок определения отдельным категориям граждан права на бесплатный или льготный проезд в автомобильном и электрифицированном транспорте городского сообщения, на основании статей 72, 76 Конституции Российской Федерации, статьи 26.3 Федерального закона № 184-ФЗ суды пришли к следующим выводам. Социальная защита, включая социальное обеспечение, находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, в связи с чем органы государственной власти субъекта Российской Федерации в пределах своих полномочий при решении вопросов социальной поддержки отдельных категорий граждан вправе устанавливать законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации критерии нуждаемости; соответственно, субъект Российской Федерации, исходя из критерия нуждаемости, вправе предоставлять меры социальной поддержки, если они являются дополнительными к установленным федеральным законодательством мерам социальной поддержки, финансируемых исключительно из бюджета субъекта Российской Федерации. А поскольку федеральное регулирование не содержит предписаний о порядке определения критерия нуждаемости, субъект Российской Федерации вправе его рассчитывать самостоятельно. Установление описанных обстоятельств позволило прийти к заключению о том, что оспариваемые предписания нормативного правового акта субъекта Российской Федерации федеральному законодательству не противоречат [8].

В другом случае, проверяя результаты первичного правового регулирования одного из субъектов РФ, суды также высказали суждение, что социальная поддержка граждан находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а федеральное законодательство не содержит указаний относительно формы и механизма предоставления мер социальной поддержки в виде компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг инвалидам, таким образом субъект полномочен самостоятельно осуществить регулирование данных отношений [9].

Ситуация о дополнительном правовом регулировании вопроса относительно технических характеристик контейнеров и бункеров для накопления твердых коммунальных отходов была разрешена в пользу правительства субъекта РФ, поскольку на федеральном уровне указанный вопрос урегулирован не был и относился к компетенции субъекта [10].

В случае оспаривания нормы, которой были урегулированы отношения в сфере

связи путем установления обязательных для исполнения операторами связи требований к проектированию и эксплуатации линий связи суды, напротив, пришли к точке зрения, согласно которой в силу статьи 71 Конституции РФ, статьи 6 Федерального закона «О связи» органы государственной власти субъекта РФ не наделяются правом регулировать отношения в сфере связи, поэтому такие вопросы не относятся к их компетенции [11].

Как мы видим, алгоритм размышления при изучении результатов нормотворческой деятельности субъекта РФ именно такой: необходимо соотнести, относится ли правовое регулирование спорных правоотношений к совместному ведению или самостоятельному ведению субъекта РФ, а затем установить имеется ли федеральное регулирование, какие аспекты упорядочены непосредственно в федеральном законе, соответствует ли акт первичного регионального нормотворчества положениям федерального закона. При этом сохраняется обязанность субъекта РФ по приведению принятого им нормативного акта в соответствие с федеральным законом после осуществления федерального регулирования.

Ещё одна группа административных дел, которую нельзя обойти вниманием при исследовании практики рассмотрения административных дел, связанных с нормотворчеством на региональном уровне, – это административные дела об оспаривании нормативных правовых актов в области законодательства об административных правонарушениях.

Так, установление административной ответственности, в отличие от уголовной, возможно на региональном уровне субъектом РФ.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее также – КоАП РФ), указывая, что систему законодательства об административных правонарушениях составляет данный кодекс и принимаемые в соответствии с ним законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, детализирует общее правило разграничения компетенции органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и содержит положение, позволяющее достаточно четко разграничивать полномочия государственных органов РФ и государственных органов субъекта в области правотворчества по вопросам совместного ведения в этом направлении. Согласно данному правилу к ведению субъектов Российской Федерации в области административно-деликтного нормотворчества отнесено установление административной ответственности исключительно за нарушение законов и иных нормативных правовых актов, принятых данным субъектом Российской Федерации и органами местного самоуправления [12].

Таким образом, при разрешении административных дел об оспаривании нормативных актов, устанавливающих административную ответственность на региональном уровне, подлежали исследованию два направления: во-первых, наличие полномочий по принятию нормативных запретов, норм, правил, за которые устанавливалась административная ответственность и собственно наличие полномочий по установлению административной ответственности.

Иллюстрацией может быть случай по оспариванию областного закона, согласно которому нарушение установленных уполномоченным исполнительным органом государственной власти сроков оплаты стоимости перемещения на специализированную стоянку задержанного транспортного средства влечет наложение админи-

стративного штрафа. При обстоятельствах, когда обязанность оплатить стоимость перемещения и хранения задержанного транспортного средства в сроки, определенные субъектом Российской Федерации, была установлена частью 11 статьи 27.13 КоАП РФ, то есть на федеральном уровне, суды установили, что административная ответственность может быть установлена только федеральным законом. В дополнение к вышеизложенному, было высказано суждение, которое мы разделаем, что даже отсутствие на федеральном уровне нормативного правового акта, предусматривающего административную ответственность за неисполнение указанной обязанности, не свидетельствует при таких обстоятельствах о праве субъекта Российской Федерации осуществить собственное правовое регулирование правоотношений в данной сфере [13].

Рассмотрим еще несколько примеров, в которых суды подробно анализировали проблемы соотношения полномочий по правотворчеству субъектов различных уровней системы публичной власти при установлении административной ответственности.

По делам об оспаривании акта, в котором была установлена административная ответственность за размещение транспортных средств на газонах, детских площадках суды исходили из следующего.

Позиция административного истца сводилась к доводам о превышении полномочий субъектом Российской Федерации и противоречии статье 12.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающей ответственность за нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств.

Опираясь на положения Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», суды последовательно устанавливали, относится ли регулирование правоотношений в области благоустройства к полномочиям субъекта РФ и органов местного самоуправления, выясняли, затрагивают ли правила, установленные нормами о благоустройстве территории, отношения в сфере безопасности дорожного движения, идентичны ли они запретам, установленным Правилами дорожного движения, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090.

В рамках разрешения таких административных дел суды пришли к точке зрения, что указанные полномочия не носят общенациональное значение, отнесены к совместному кругу вопросов, составляющих общую сферу правотворческой деятельности. Ввиду того, что правила и нормы о запрете на размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, а также на детских и спортивных площадках предусмотрены нормативными правовыми актами этого субъекта Российской Федерации, правотворческая инициатива по введению административной ответственности путем указания в диспозиции статьи об административном правонарушении конкретных противоправных действий, исключающих совпадение признаков объективной стороны административного правонарушения, установленного законом субъекта Российской Федерации, с признаками объективной стороны административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена КоАП РФ, учинена субъектом РФ в пределах компетенции [14].

Специфику установления административной ответственности нормативными правовыми актами субъектов РФ хотелось бы рассмотреть через призму следующей конкретной ситуации. В некоторых регионах правоприменители столкнулись с

проблемой привлечения к административной ответственности лица, находящихся в летний период на пляжах без одежды.

Федеральным законодателем в главе 20 КоАП РФ, объединяющей правила поведения, за которые установлена административная ответственность в сфере общественного порядка и общественной безопасности, не введена ответственность за такое нарушение как нахождение в общественных местах без одежды.

При этом возник вопрос о том, возможно ли расценить такие действия как мелкое хулиганство, ответственность за которое установлена статьёй 20.1 КоАП РФ?

Различные мнения высказывали суды по данному поводу.

В одних случаях высказывалось мнение о том, что особенностью объективной стороны мелкого хулиганства является обязательная совокупность двух признаков – основного, которым является нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, и одного из факультативных: нецензурная брань, оскорбительное приставание к гражданам либо уничтожение или повреждение чужого имущества, в связи с чем такие действия не образуют состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена статьёй 20.1 КоАП РФ [15].

Суды занимали и иную точку зрения, полагая, что состав административного правонарушения имеется, отмечали, что демонстрация себя в обнаженном виде в общественном месте вопреки желанию окружающих, противоречит нормам морали, нравственности и общепринятым правилам поведения, может быть расценена как оскорбительное приставание к гражданам в неприличной навязчивости [16].

Основываясь на оговоренных подходах, предлагается обсудить вопрос о допустимости регулирования указанных правоотношений на региональном уровне. Возможно ли ввести запреты нахождения в общественных местах в обнаженном виде на региональном уровне? Относится ли такое регулирование к совместному или исключительному ведению РФ? Не противоречит ли подходам, сформулированным на федеральном уровне?

Если обращаться к законодательной практике Республики Крым, то Закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» содержит норму, регламентирующую административные правонарушения в области охраны общественного порядка, определяет административную ответственность за приставание к гражданам в общественных местах [17].

Иных составов административных правонарушений в сфере охраны общественного порядка региональный нормативный акт не содержит.

В одном из регионов была выдвинута законодательная инициатива относительно введения административной ответственности за появление в общественных местах в обнаженном виде [18]. Однако, нам не известно об окончательной редакции данного акта на настоящий момент.

Действующее федеральное законодательство не содержит прямых ограничений и запретов относительно нахождения в обнаженном виде в общественном месте.

Правила пользования пляжами в Российской Федерации, утвержденные Приказом МЧС России от 30.09.2020 № 732 [20], не содержат ни указанных правил поведения, ни ответственности за нарушение общественного порядка на пляже, поскольку регулируют иные правоотношения с иной целью осуществления государственного контроля за безопасностью людей на водных объектах.

Полагаем, приведенные суждения позволяют задуматься о возможном регулировании поведения граждан в общественных местах, детализации понятия «общественное место» на федеральном либо региональном уровне.

В данной системе координат хотелось бы подвергнуть широкому обсуждению правомерность установления на региональном уровне административной ответственности за нахождение в общественном месте, в частности, на пляже в обнаженном виде, если нормативным актом субъекта РФ соответствующее правило будет установлено либо соответствующим образом сформулирована гипотеза и диспозиция в нормативном акте субъекта, предусматривающем административную ответственность?

По сути, именно при таких ситуациях надлежащим образом реализуется компетенция субъекта, своевременно и актуально регулируются общественные правоотношения, предоставляется своевременный ответ на запросы общества.

В заключение, не настаивая на бесспорности высказанных предложений, хотелось бы выразить надежду, что затронутые темы будут способствовать дополнительному глубокому осмыслению и развитию правоотношений в сфере нормотворчества на региональном уровне, в том числе и с точки зрения судебного нормоконтроля.

Список литературы:

1. Постановление пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Источник – СПС «КонсультантПлюс».
2. Тютин Д.В. «Налоговое право: Курс лекций» // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
3. Абанина Е.Н., Сухова Е.А. «Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития: монография. («Остицинформ», 2022). // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
4. Сухова Е.А. «Правовая политика в сфере обеспечения экологической безопасности Российской Федерации как инструмент достижения целей устойчивого развития. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-v-sfere-obespecheniya-ekologicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-kak-instrument-dostizheniya-tseley/viewer> (дата обращения: 15.11.2022).
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 1996 года № 2-П, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 1998 года № 1-П, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 года № 13-П, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2013 года № 30-П, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 года № 30-П, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 года № 10-П. // Источник - СПС «КонсультантПлюс»/
6. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
7. Лебедев В.А. «Публичная власть в субъектах РФ: понятие, принципы, система // «Конституционное и муниципальное право», 2022, № 6 // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 28.10.2015 № 10-АПГ15-11; решение Кировского областного суда от 11.06.2015 по делу № 3-20/2015. // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Пензенского областного суда от 14.04.2022 по делу № 3а-21/2022; апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.07.2022 по делу № 66а-1599/2022. // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
10. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6.10.2021 № 88а-16687/2021. // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
11. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 1.09.2021 № 88а-5947/2021. // Источник - СПС «КонсультантПлюс».

12. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
13. Решение Архангельского областного суда от 06.02.2019 № 3а-85/2019. // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
14. Решение Костромского областного суда от 28.02.2020 по делу № 3а-16/2020; Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.08.2021 № 87-КАД21-1-К2; Решение Санкт-Петербургского городского суда от 26.09.2018 по делу № 3а-152/2018; Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2019 № 78-АПГ18-24. // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20.05.2019 № 87-АД19-7; постановление Октябрьского районного суда г. Иркутска от 5.08.2022 № 5-949/2022; решение Хабаровского краевого суда от 4.06.2015 № 12-183/2015. // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 1.04.2022 № 5-286/2022; постановление Рьяльского районного суда Курской области от 28.05.2021 № 5-159/2021; постановление Туапсинского районного суда Краснодарского края от 20.10.2016; постановление Анапского городского суда Краснодарского края от 15.06.2014 № 5-1161/2014; решение Московского городского суда от 22.03.2019 № 7-2961/2019. // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
17. Закон Республики Крым от 25.06.2015 № 117-ЗРК/2015 (ред. от 19.07.2022) «Об административных правонарушениях в Республике Крым» (принят Государственным Советом Республики Крым 17.06.2015). // Источник - СПС «КонсультантПлюс».
18. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/777315666>. (дата обращения: 10.11.2022).
19. Приказ МЧС России от 30.09.2020 № 732 «Об утверждении Правил пользования пляжами в Российской Федерации». (Зарегистрировано в Минюсте России 28.10.2020 № 60609). // Источник - СПС «КонсультантПлюс».

Shklyar T. A. Legal peculiarities of consideration of administrative cases on contestation of normative legal acts adopted on issues of joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 455-463.

In the article on the basis of the analysis of practice of consideration by courts of administrative cases on contestation of the normative legal acts accepted by legislative authorities of the state power at regional level, features of consideration are allocated, problem questions and prospects of rulemaking of the state public authorities of the subject of the Russian Federation are revealed.

Key words: administrative legal proceedings, contesting normative legal acts of state public authorities of the subject of the Russian Federation, judicial control of administrative-tort rulemaking of the subject of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Postanovlenie plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 50 «O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii normativnykh pravovykh aktov i aktov, soderzhashchih raz'yasneniya zakonodatel'stva i obladayushchih normativnymi svojstvami» // Istochnik – SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Tyutin D.V. «Nalogovoe pravo: Kurs lekciy» // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Abanina E.N., Suhova E.A. «Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii: sostoyanie i perspektivy razvitiya: monografiya. («YUsticinform», 2022). // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Suhova E.A. «Pravovaya politika v sfere obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii kak instrument dostizheniya celej ustojchivogo razvitiya. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-v-sfere-obespecheniya-ekologicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoj-federatsii-kak-instrument-dostizheniya-tseley/viewer> (data obrashcheniya: 15.11.2022).
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 18 yanvarya 1996 goda № 2-P, postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 9 yanvarya 1998 goda № 1-P, postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21 dekabrya 2005 goda № 13-P, postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 dekabrya 2013 goda № 30-P, postanovlenie Konstitucionnogo Suda Ros-

- sijskoj Federacii ot 1 dekabrya 2015 goda № 30-P, postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 marta 2017 goda № 10-P. // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus»/
6. Federal'nyj zakon ot 21.12.2021 № 414-FZ (red. ot 14.03.2022) «Ob obshchih principah organizacii publicnoj vlasti v sub"ektah Rossijskoj Federacii». // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 7. Lebedev V.A. «Publichnaya vlast' v sub"ektah RF: ponyatie, principy, sistema // «Konstitucionnoe i municipal'noe pravo», 2022, № 6 // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 8. Opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda RF ot 28.10.2015 № 10-APG15-11; reshenie Kirovskogo oblastnogo suda ot 11.06.2015 po delu № 3-20/2015. // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 9. Reshenie Penzenskogo oblastnogo suda ot 14.04.2022 po delu № 3a-21/2022; apellyacionnoe opredelenie CHetvertogo apellyacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 19.07.2022 po delu № 66a-1599/2022. // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 10. Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 6.10.2021 № 88a-16687/2021. // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 11. Kassacionnoe opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 1.09.2021 № 88a-5947/2021. // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 12. «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 04.11.2022). // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 13. Reshenie Arhangel'skogo oblastnogo suda ot 06.02.2019 № 3a-85/2019. // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 14. Reshenie Kostromskogo oblastnogo suda ot 28.02.2020 po delu № 3a-16/2020; Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 04.08.2021 № 87-KAD21-1-K2; Reshenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 26.09.2018 po delu № 3a-152/2018; Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 06.02.2019 № 78-APG18-24. // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 15. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20.05.2019 № 87-AD19-7; postanovlenie Oktyabr'skogo rajonnogo suda g. Irkutsk ot 5.08.2022 № 5-949/2022; reshenie Habarovskogo kraevogo suda ot 4.06.2015 № 12-183/2015. // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 16. Postanovlenie Oktyabr'skogo rajonnogo suda g. Sankt-Peterburga ot 1.04.2022 № 5-286/2022; postanovlenie Ryl'skogo rajonnogo suda Kurskoj oblasti ot 28.05.2021 № 5-159/2021; postanovlenie Tuapsinskogo rajonnogo suda Krasnodarskogo kraja ot 20.10.2016; postanovlenie Anapskogo gorodskogo suda Krasnodarskogo kraja ot 15.06.2014 № 5-1161/2014; reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 22.03.2019 № 7-2961/2019. // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 17. Zakon Respubliki Krym ot 25.06.2015 № 117-ZRK/2015 (red. ot 19.07.2022) «Ob administrativnyh pravonarusheniyah v Respublike Krym» (prinyat Gosudarstvennym Sovetom Respubliki Krym 17.06.2015). // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».
 18. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/777315666>. (data obrashcheniya: 10.11.2022).
 19. Prikaz MCHS Rossii ot 30.09.2020 № 732 «Ob utverzhdenii Pravil pol'zovaniya plyazhami v Rossijskoj Federacii». (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 28.10.2020 № 60609). // Istochnik - SPS «Konsul'tantPlyus».

АНАЛОГИЯ ЗАКОНА И ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Абдуллаев Л. Ш.

Севастопольский государственный университет

Применение аналогии закона предполагает, что будет решен вопрос об источниках, в которых следует искать правовые нормы, которые регулируют отношения, составляющие предмет гражданского права. Однако гражданский кодекс ответа на этот вопрос не дает. Целью статьи является выяснения круга источников гражданского законодательства, урегулированность которыми общественных отношений, исключает применение аналогии закона. Для достижения указанной цели решались следующие задачи: 1) выявить круг источников гражданского права, признаваемых таковыми Гражданским кодексом; 2) показать положения процессуальных кодексов, логически закрепляющие правовые нормы, признающие сформированные судами правовые позиции нормами материального (гражданского) права. Методологическая основа: основным методом исследования, который использовал автор, был метод формально — логического анализа гражданского законодательства. Использовались диалектический и системный методы. Результаты: нечеткое решение в главе I Гражданского кодекса вопроса об источниках гражданского права имеет продолжение в ч.1 ст. 6 ГК, где названы как препятствующие применению аналогии закона только законодательство, обычаи и договоры. Особенно остро стоит вопрос о регулировании отношений, составляющих предмет гражданского права, правовыми нормами, содержащимся в формулируемых судами правовых позициях. Выводы: необходимо более четкое определение в Гражданском кодексе источников гражданского права и указание в п.1 ст. 6 ГК на то, что урегулированность отношений правовыми нормами, установленными всеми этими источниками, исключает применение аналогии закона.

Ключевые слова: источники гражданского права; законодательство; аналогия закона; аналогия права; пробелы в праве.

Полагаем, что разумно будет предположить, что должна существовать такая тенденция в развитии гражданского законодательства и практики его применения, когда законодательство будет приближаться к жизни (к потребностям общественных отношений) и к логике, а его применение будет приближаться к содержанию законодательства и той же логике. Применение аналогии закона и аналогии права особенно требует утверждения такой тенденции, поскольку такое правоприменение требует ответов не только на вопросы о том, как урегулированы общественные отношения, но и на вопрос о том, в какой мере они правом не урегулированы. А этот последний вопрос представляется гораздо более сложным, чем первый. Наука гражданского права не разработала методологических средств, которые давали бы возможность отвечать на такого рода вопросы. С учетом изложенного тема настоящей статьи должна быть признана актуальной.

Методы и методология. Основной метод исследования, использованный автором – это формально – логический метод. С его помощью автор стремился выявить все юридическое содержание п.1 ст. 6 ГК, п.3 ст. 11 ГПК, п.6 ст. 13 АПК, определяющих основания применения аналогии закона, а также обнаружить правовые, которые логически закреплены в процессуальных кодексах и признают сформированные судами правовые позиции источниками материального (в первую очередь – гражданского) права. Использовались также диалектический и системный методы. Как на методологическую базу автор опирался на труды ученых, исследовавшие проблемы про-

белов в праве и аналогии закона, – Д.И. Мейера [1, с. 74 – 75], Г.Ф. Шершеневича [2, с. 51 – 52], Е.В. Васьковского [3, с. 110 – 142], П.Е. Недбайло [4, с. 447 – 471], В.В. Лазарева [5;6], Е.А. Суханова [7, с. 80 – 82], М.И. Брагинского [8, с. 102 – 108], В.А. Белова [9, с. 215 – 217], А.Г. Карапетова [10, с. 441 – 473], А.А. Петрова и Е.Ю. Тихонравова [11, с. 3 – 36] и других ученых. В последние десятилетия в России защищен ряд диссертаций по этой проблеме.

Результаты исследования и их обоснование. Основанием применения аналогии закона и аналогии права обычно называют пробелы в праве. Возможно, в России эта традиция идёт от родоначальника русского гражданского права Д.И. Мейера, который употреблял термин «восполнение пробела в законе» [1, с. 75], а то обстоятельство, что он при этом имел в виду пробел в праве, подтверждается его пояснением, что при применении аналогии закона осуществляется выход и за пределы воли законодателя [1, с. 74]. Применительно к действующему гражданскому праву такое утверждение было бы неприемлемым. «Выход за пределы воли законодателя» при аналогии закона действительно есть, но это выход за пределы той воли законодателя, которую он выявил в применяемой в порядке аналогии закона правовой норме. Выхода же за пределы гражданского права в целом нет, поскольку применять в соответствующих случаях аналогию закона предписал тот же законодатель, и это предписание охватывается понятием правового регулирования отношений, являющихся предметом гражданского права.

Ф.К.ф. Савинья также писал о пробелах [12, с. 433] и даже о «пробелах в праве» [12, с. 434]. Но он также указывал на то, что при применении аналогии мы пытаемся устранить отсутствие мысли закона по соответствующему вопросу посредством органического единства права [12, с. 434], и что способ аналогии основан исключительно на внутренней взаимосвязи правовой системы [12, с. 435]. Но раз пробелы в праве устраняются «посредством органического единства права», за счет исключительно учёта внутренней взаимосвязи правовой системы, то обозначение рассматриваемого явления термином «пробел в праве» выглядит не вполне корректно. Устраняемое указанным способом отсутствие правового урегулирования – это пробел не в праве в целом, а в отдельных источниках права, в отдельных их положениях.

Пробелы в гражданском праве России могут появиться только тогда, когда из Гражданского кодекса будут исключены положения о применении аналогии закона и аналогии права, и когда судам будет позволено отказывать в разрешении дела по мотивам отсутствия правовых норм, на основании которых спор может быть разрешен. Пока такого разрешения нет и пока не признаётся право суда при отсутствии правовых норм самостоятельно создавать необходимые для разрешения спора правовые нормы, следует признать, что в России законодатель исходит из беспробельности, в частности гражданского права.

В то же время следовало бы учесть, что законодатель говорит не о пробелах в гражданском праве, а об отсутствии «прямого» урегулирования соответствующих общественных отношений, которое (отсутствие) восполняется аналогией закона. При этом законодатель исходит из того, что таким образом, а также с помощью аналогии права, восполняется любая неурегулированность общественных отношений, а существование каких – либо пробелов в праве исключается. Юристы, в особенности юристы – ученые не могут не уважать закон. Поэтому благоразумно всё же

для юриста было бы говорить о прямом урегулировании общественных отношений, а также о непрямом их урегулировании, которое осуществляется с помощью средств, указанных в п.1 и 2 ст. 6 ГК.

То, что в п.1 ст.6 ГК законодатель указывает не на неурегулирование отношений в порядке аналогии закона, а на «применение» аналогии закона, обусловлено исключительно заботой законодателя об изысканности стиля, а не стремлением его придать ограниченное юридическое содержание п.1 ст. 6 ГК. Да, применение права – это одна из стадий правового регулирования [13, с. 439]. Но правильно также и то, что применение правовой нормы, которая не регулирует данные отношения ни прямо, ни косвенно, недопустимо. Трудно согласиться с утверждением В.Д. Зорькина о том, что Конституция не предусматривает полной подчиненности российских законов международным договорам, что приоритет нормы международного договора над нормой закона имеет место только в сфере правоприменения [14]. Не может быть приоритета в сфере правоприменения без приоритета в сфере правового регулирования вообще, что есть на стадиях, предшествующих правоприменению.

Однако решение вопроса о том, когда же общественные отношения следует считать прямо не урегулированными предполагает исследование всех источников, содержащих нормы гражданского права или являющихся индивидуальными регуляторами этих отношений. К числу таких источников относятся не только те, которые названы в п. 1 ст. 6 ГК, но и общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, судебные акты (в соответствующих случаях) и разъяснения высших судебных инстанций, нормы, которые в силу закона могут быть извлечены из существа регулируемых отношений, а также из существа правоотношений. Эти источники и нормы могут препятствовать применению аналогии закона и права. Поэтому нельзя согласиться с мнением А.Г. Карапетова о том, что «мы имеем полноценный пробел в праве, если вопрос не урегулирован в формализованных источниках права (из предыдущего изложения явствует, что под таковыми понимаются международные договоры, законы и подзаконные акты. – Л.А.), отсутствует соответствующее договорное регулирование и отсутствует применяемый правовой обычай» [10, с. 441 – 442].

И эту мысль об урегулированности общественных отношений в «формализованных источниках права» (правда, уже без перечисления этих источников) как основание для вывода о наличии пробелов в праве на тех же страницах А.Г. Карапетов повторяет дважды. Можно было бы спросить у автора, препятствует ли выводу о «полноценном пробеле в праве» наличие сформулированной Верховным Судом правовой позиции, которая в соответствии с правовыми нормами, логически закрепленными в целом ряде статей Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодексов, является обязательной не только для судов, но и для участников соответствующих гражданских отношений. Очевидно, – препятствует, хотя п.1. ст. 6 ГК не называет соответствующую судебную практику среди «формализованных источников права», препятствующих применению аналогии закона.

В отечественной юридической науке господствует абстрактный подход к проблеме пробелов в актах и положениях законодательства. Об этом свидетельствует уже преимущественное применение термина «пробелы в праве». Уже в первых обстоя-

тельных исследованиях проблем, о которых здесь идет речь, В.В. Лазарев безоговорочно исходил из идеи наличия пробелов в праве и старался решительно опровергнуть концепцию беспробельности права [5; 6]. Один из ведущих советских теоретиков права Л.С. Явич писал, что существование пробелов в системе законодательства не требует особых доказательств [15, с. 140]. Пробелы в праве безоговорочно признавал С.С. Алексеев [16, с. 347]. Законодательство Российской Федерации не содержит такого указания, подобного тому которое сформулировано в ст. 4 Гражданского кодекса Франции: «Судья, который откажется рассматривать дело под предлогом пробела в законе, неясности или недостаточности последнего может быть подвергнут преследованию по обвинению в отказе в правосудии». Но Гражданский процессуальный кодекс закрепляет право на обращение в суд и не содержит каких-либо положений, которые могли бы быть истолкованы как допускающие возможность отказа в приеме искового заявления или иного отказа в разрешении дела по мотиву отсутствия применимой нормы или хотя бы общего начала, на основе которых может быть разрешен гражданско-правовой спор. Это соответствует ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому защиту его прав и свобод. Отсюда можно сделать вывод о том, что законодатель, в том числе и конституционный, исходит из того, что в праве, в том числе гражданском праве, пробелов нет, а действующее гражданское право позволяет разрешить любой гражданско-правовой спор. Следовательно, законодатель исходит из того, что пробелов в гражданском праве нет. И если о таких пробелах речь ведется в публикациях, посвященных проблемам теории права, то это оправдывается недостаточным знанием и учетом практических проблем правового регулирования. Но вот и в фундаментальной работе гражданско-правового содержания, изданной под редакцией А.Г. Карапетова, многократно указывается на «пробелы в праве» и на невозможность «создать беспробельное правовое регулирование» [10, с. 441–443]. Но пробелов в праве, взятом в целом, в том числе и в гражданском праве, нет, и правовое регулирование, в том числе гражданско-правовое, является беспробельным.

Вместе с тем п.1 ст. 6 ГК допускает, что отношения, являющиеся предметом гражданско-правового регулирования, могут быть «прямо» не урегулированными «законодательством или соглашением сторон». Уже слово «прямо» требует своей интерпретации, но эту проблему мы не будем здесь анализировать, а займемся ею только в связи с неурегулированностью отношений положением законодательства, актом законодательства или законодательством в целом.

Глава 1 Гражданского кодекса допускает регулирование отношений, которые мы условно называем гражданскими, законодательством (ст. 2 ГК), обычаями (ст. 5 ГК), общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 7 ГК). Выходит, что указанная глава признает только три источника гражданского права. Возможно даже, – два, имея в виду, что общепринятые принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации часть 4 ст.15 Конституции Российской Федерации признает составной частью правовой системы Российской Федерации, что дает основание для отнесения этих источников к гражданскому законодательству.

Если же принципы, нормы и акты, указанные в ст.7 ГК, к законодательству не отнести, то им и вообще не останется места в системе источников гражданского права,

поскольку прямая неурегулированность отношений законодательством, обычаем и соглашением влечет применение аналогии закона и права. Вместе с тем, изложенное обнаруживает необходимость внесения изменений в главу 1 Гражданского кодекса: надо либо в ст. 3 ГК отнести к гражданскому законодательству общепринятые принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, содержащие нормы гражданского права, а также некоторые иные акты, содержащие нормы гражданского права, либо к источникам, отсутствие урегулированности которыми гражданских отношений влечет применение аналогии закона, специально отнести содержащие нормы гражданского права общепринятые принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации и некоторые иные акты. Нельзя мириться с тем, что в течение десятилетий уже в начальных статьях Гражданского кодекса сохраняются существенные противоречия, разрешаемые на практике путем отступления от буквы закона, а более грубо выражаясь – путем насилия над этой буквой, ибо такие отступления и насилие имеют далеко идущие результаты, имеющие разрушительные последствия для правовой системы России.

Кроме того, как здесь уже было указано, нормативное урегулирование гражданских отношений дополняется их регулированием соглашениями сторон (договорами), а в силу специальных норм – также учредительными документами юридических лиц (п.1,5 ст. 52 ГК). Если все перечисленные источники «прямо» гражданские отношения не регулируют, правоприменитель обращается к аналогии закона и права.

Однако сделанный вывод не согласуется уже с некоторыми положениями Гражданского кодекса. Так в соответствии с п.1 ст.169 ГК сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам нравственности, ничтожна. Это есть ничто иное как прямое признание законом того, что основы нравственности в соответствующих случаях являются источниками гражданского права, регулятором гражданских отношений. П. 4 ст.167 ГК прямо предусматривает возможность неприменения последствий недействительности сделки, если их применение будет противоречить основам нравственности. Обязанность участников гражданско–правовых отношений действовать добросовестно, закрепленная прямо или косвенно в п. 3 ст. 1, п.1 ст. 10, п. 3 ст. 307, п. 4 ст. 450 ГК, также предполагает применение в соответствующей части норм нравственности как регулятора гражданских отношений. Очевидно, это же предполагает и предписание руководствоваться принципом справедливости, содержащееся в п. 5 ст. 393 ГК. Урегулированность отношений в названных случаях нормами нравственности исключает применение к ним аналогии закона, но только в п. 1 ст. 6 ГК на это не указывается.

Гражданский кодекс вслед за Конституцией Российской Федерации, не признает судебную практику источником права. С учетом этого, сформулированные в судебных постановлениях, принятых по результатам разрешения дел Президиумом Верховного Суда, в постановлениях Пленума Верховного Суда, в утвержденных надлежащим образом обзорах судебной практики правовые позиции не должны препятствовать применению аналогии закона. Даже сформулированные Конституционным Судом в мотивировочных частях его постановлений, а тем более – определений правовые позиции не должны препятствовать применению аналогии закона (не только в соответствии с Конституцией и Гражданским кодексом, но также и в соответствии

с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Но это утверждение правильно лишь постольку, поскольку Конституция, Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», Гражданский кодекс на счет рассматриваемого вопроса не устанавливают ничего.

Складывается, однако, впечатление, что Конституционный Суд не сомневается в юридической обязательности правовых позиций, содержащихся в мотивировочных частях его постановлений и определений. В этом убеждает огромное количество ссылок в постановлениях и определениях Конституционного Суда на ранее сформированные им правовые позиции. Но нельзя игнорировать волю законодателя. При таких условиях целесообразно было бы признавать только те правовые позиции Конституционного Суда, соответствие которых Конституции и федеральным законам не вызывает сомнений. Следовательно, такие правовые позиции должны признаваться препятствующими применению аналогии закона только в соответствующих случаях.

Кроме того, необходимо также учитывать, что ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», признающая обязательность решений (то есть постановлений, заключений и определений) Конституционного Суда, не может быть истолкована таким образом, что она признает обязательными правовые позиции, изложенные в мотивировочных частях Конституционного Суда.

Интересно обратить также внимание на то обстоятельство ст. 198 ГПК и ст. 170 АПК содержат указания на возможность ссылок в решениях судов на постановления Пленума Верховного Суда, постановления Президиума Верховного Суда и обзоры практики Верховного Суда, утвержденные Президиумом Верховного Суда (в ст. 170 АПК – также на возможность ссылок на аналогичные акты, кроме упомянутых обзоров практики, Высшего Арбитражного Суда), но при этом не содержат указаний на возможность ссылок на правовые позиции, сформулированные в мотивировочных частях решений Конституционного Суда. Напрашивается вывод а *contrario*: раз есть указания на возможность ссылок на соответствующие акты Верховного Суда (Высшего Арбитражного Суда), в которых формулируются правовые позиции, и нет указания на возможность ссылок на правовые позиции Конституционного Суда, ссылки на эти последние являются недопустимыми. Но надо учитывать, что судебная практика и наука, как общее правило, вывод а *contrario* не признает, но прибегает к нему, когда уж очень хочется обосновать запавшую в душу идею. Даже классик мировой юриспруденции и борец за чистоту учения права Ганс Кельзен, признававший вывод от противного «совершенно бесполезным» [17, с. 426], когда понадобилось и очень хотелось, не задумываясь, воспользоваться выводом а *contario* [17, с. 256]. Кажется, что классику не очень подходит такая противоположность двух суждений, несколько сглаживаемая только расстоянием между ними.

Поскольку обнаружена разная оценка законодателем нормативного юридического значения правовых позиций Конституционного Суда, с одной стороны, и Верховного Суда – с другой, попробуем довести до логического завершения поиск законодательного основания для вывода о том, что п.1 ст.6 ГК не может препятствовать применению гражданско-правовых норм, содержащимся в правовых позициях Верховного Суда. Уточним в этих целях юридическое содержание п.1 ст.6 ГК. Это законо-

дательное положение устанавливает, когда гражданское законодательство «применяется» в порядке аналогии закона. Раз речь идет о «применении», логично предположить, что в п.1 ст.6 ГК текстуально закрепляется норма процессуального права. Нормы процессуального права текстуально закрепляются также в ст.198 ГПК и ст.170 АПК, которые предусматривают возможность ссылок в решении суда на соответствующие правовые позиции. Нормы процессуального права, устанавливаемые в п.1 ст.6 ГК, с одной стороны, и ст.198 ГПК и ст.170 АПК, с другой, являются совместимыми в том смысле, что первая не препятствует применению других и наоборот. При таких условиях утрачивает актуальность вопрос о том, соотносятся ли они как общая и специальная. Но отметим, что они не находятся в таком соотношении, поскольку сферы их действия частично совпадают, а частично сферы действия каждой из них выходят за пределы сферы действия другой.

Важнее обратить внимание на то обстоятельство, что и в п. 1 ст. 6 ГК, и в ст. 198 ГПК, и в ст. 170 АПК логически закреплены материально (гражданско) – правовые нормы, которые обнаруживаются при помощи вывода от последующего правового явления (норм процессуального права) к предыдущему (нормам материального права). О таких нормах пишут авторы одного из новейших изданий [18, с. 228 – 286]. О тех же нормах писал в свое время Е.А. Васьковский. Но он использовал термин «вывод от условий к следствию и наоборот» [19, с. 302 – 305]. Правовые нормы, текстуально закрепленные в п. ст. 6 ГК, ст. 198 ГПК, ст. 170 АПК, легализуют, в частности применение к гражданским правоотношениям гражданско–правовых норм, входящих в содержание правовых позиций, которые сформулированы Верховным Судом и препятствуют применению к таким правоотношениям аналогии закона и аналогии права.

Правовые нормы, текстуально закрепленные в ст. 330, 379.7, 391.9 ГПК и ст. 270, 288 и 308.8 АПК, являются процессуальными. Они устанавливают основания изменения или отмены судебных актов в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Ст. 330 и 379.7 ГПК и ст.270 и 288 АПК такими основаниями называют неправильное истолкование закона. Поскольку ст. 198 ГПК и ст. 170 АПК допускают ссылки в судебных решениях на соответствующие акты Верховного Суда, именно по этим актам должна определяться правильность или неправильность толкования закона, регулирующего спорные отношения. Следовательно, в конечном счете в акте Верховного Суда, в котором трактуется указанный закон, содержится материально – правовая норма, которая легализуется в ст. 330 или в ст. 379.7 ГПК либо в ст. 270 или в ст. 288 АПК. Указанная норма также обнаруживается при помощи вывода от последующего правового явления (нормы процессуального права) к предыдущему правовому явлению (норме материального права). Аналогичным образом нормы материального (в соответствующих случаях – гражданского) права обнаруживаются при толковании ст. 391.9 ГПК и ст. 308.8 АПК, устанавливающих основания для отмены и изменения судебных актов в порядке надзора и называющих одним из таковых нарушение единообразия толкования и применения закона.

Так законодатель, не изменяя и не дополняя Гражданский кодекс, легализовал судебную практику как источник гражданского права. Но не всю судебную практику, а только ту, которая получила отражение в судебных актах коллегий Верховного Суда, а затем была включена в обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда, в постановлениях Президиума Верховного Суда по конкретным

делам и в постановлениях Пленума Верховного Суда. Вся иная судебная практика, в том числе и правовые позиции Конституционного Суда, не отраженные в резолютивных частях его постановлений, *de lege lata* не могут быть признаны источниками права – процессуального и материального, в том числе гражданского. Такая судебная практика не содержит норм гражданского права, а поэтому не может препятствовать применению аналогии закона и права.

Таким образом, применение аналогии закона вопреки правовым позициям Конституционного Суда, является возможным. Такая возможность, вытекающая из п.1 ст.6 ГК, не может блокироваться, в конечном счете ничем, кроме федерального закона.

Есть еще один источник права, препятствующий применению аналогии закона. На этот источник законодатель указывает в п.1 ст.6 ГК, предусматривая возможность применения аналогии закона к соответствующим отношениям, если это не противоречит их существу. Правоприменитель может извлечь из существа регулируемых отношений правовую норму и прийти к выводу, что она препятствует применению аналогии закона. На подобную возможность (извлечения правовой нормы из существа регулируемых отношений) законодатель указывает многократно, в частности в п.4 ст. 365 ГК, в п. 3 ст. 391 ГК, в п. 2 ст. 425 ГК. Наличие указания на такую возможность в п.1 ст.6 ГК может порождать коллизию между соответствующей специальной правовой нормой, извлекаемой из существа общественных отношений, и общей правовой нормой, установленной в п.1 ст.6 ГК. Такие коллизии разрешаются в соответствии с правилом *lex speciācis derogat generali*. Интересно, что о юридическом содержании, которое дается экономическим отношением писал Маркс: «Юридическое отношение... есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» [20, с. 94]. В этой цитате термин «экономические отношения» тождествен термину «производственные отношения», которые Маркс понимал, как объективные (антипод волевым отношениям). Этот термин означает не что иное как существо отношений. Что касается терминов «юридическое отношение», «волевое отношение», то они, по – Марксу, обозначают разные аспекты единичных отношений, представляющих единство фактического (имущественного) и юридического (гражданско–правового) отношения. При этом важно обратить внимание на то, что экономическое отношение предопределяет содержание не только фактического, но и юридического отношения. Поэтому правовую норму надо искать в отношении экономическом (производственном), составляющем существо волевого отношения.

Выводы. Нечеткое определение круга источников гражданского права в Гражданском кодексе заключается в том, что в ст.3 ГК нормативные акты министерств и других федеральных органов исполнительной власти не включены в состав гражданского законодательства. Также неясен вопрос о возможности включения в состав гражданского законодательства, названных в ст.7 ГК. С учетом этого затруднено толкование термина «законодательство, употребляемого в п.1 ст. 6 ГК как регулятором отношений, составляющих предмет гражданского права, нормы морали, корпоративные акты, правовые позиции, формулируемые судами, нормы, вытекающие из существа регулируемых отношений». Все это требует внесения соответствующих изменений и дополнений в главу I Гражданского кодекса.

Правовые нормы, которые логически закреплены в ч. 4.1 ст. 198, п.3 ст.391.9 ГПК, ч.4 ст. 170, п.3 ст.308.8 АПК, обнаруживаются при помощи вывода от последующего правового явления (признанием основанием изменения или отменой судебных актов нарушения единообразия в применении или толковании норм права или не учет правовых позиций, сформулированными судами) к предыдущему правовому явлению (нормам материального права, содержащихся в соответствующих правовых позициях) и которые признают соответствующие правовые позиции судов источниками материального (гражданского) права, не признаются ни в науке, ни в судебной практике. При таких условиях соответствующие правовые позиции судов должны быть прямо признаны источниками права в главе I Гражданского кодекса.

Список литературы:

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2000. – 831с.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: «СПАРК», 1995. – 556 с.
3. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: Для начинающих юристов. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 158 с.
4. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. – М.: Госюриздат, 1960. – 512 с.
5. Лазарев В.В. Пробелы в праве. Вопросы понятия пробелов и критика теории беспробельности права. – Казань: Изд. Казанского университета, 1969. – 96с.
6. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юридическая литература, 1974. – 184 с.
7. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Суханов Е.А. – М.: Статут, 2019. Т. 1. Общая часть. – 576 с.
8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 1997. – 682 с.
9. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т I. Введение в гражданское право. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.
10. Основные положения Гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М – Логос, 2020. – 1469 с.
11. Петров А.А., Тихонравов Е.Ю. Пробелы и коллизии в праве – Москва: Проспект, 2019 – 80 с.
12. Савиньи Ф.К.ф. Система гражданского римского права. – М.: Статут, 2011. – 510 с.
13. Общая история государства и права. Академический курс в 2-х томах/ Под ред. М.Н.Марченко. Том 2. Теория права. – М.: Зерцало, 1998. – 640 с.
14. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал Российского права. – 2004. – №12. СПС «Консультант Плюс».
15. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: Изд. Ленинградского университета, 1976. – 288 с.
16. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах Т.2. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
17. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. – СПб: АЛЕФ Пресс, 2015. – 542 с. 18. Новейшее учение о толковании права/ Под ред. В.Г. Ротана. – Симферополь, 2019. – 792с.
19. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
20. Маркс К. Соч. 2-е изд. Т.23. – М.: Политиздат, 1960. – 908 с.

Abdullaev L. Sh. The analogy of the law and the problem of sources of civil law // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 464-473.

The application of the analogy of the law assumes that the issue of the sources in which to look for legal norms that regulate relations that are the subject of civil law will be resolved. However, the Civil Code does not provide an answer to this question. The purpose and objectives of the article. The purpose of the article is to clarify the range of sources of civil legislation, the settlement of which social relations excludes the use of the analogy of the law. To achieve this goal, the following tasks were solved: 1) to identify the range of sources of civil law recognized as such by the Civil Code; 2) to show the provisions of the procedural codes, logically fixing the legal norms, recognizing the legal positions formed by the courts as the norms of substantive (civil) law. Methodological basis: the main research method used by the author was the method of formal-logical analysis of civil legislation. Dialectical and systemic methods were used. Results: the fuzzy

solution in Chapter I of the Civil Code of the issue of the sources of civil law is continued in part 1 of Art. 6 of the Civil Code, where only legislation, customs and contracts are named as preventing the application of the analogy of the law. Conclusions: there is a need for a clearer definition in the Civil Code of the sources of civil law and an indication in paragraph 1 of Art. 6 of the Civil Code to the fact that the regulation of relations by legal norms established by all these sources excludes the application of the analogy of the law.

Keywords: sources of civil law; legislation; analogy of the law; analogy of law; gaps in law.

Spisok literary:

1. Meyer D.I. Russian civil law. - M.: Statute, 2000. - 831p.
2. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. - M.: "SPARK", 1995. - 556 p.
3. Vaskovskiy E.V. A Guide to the Interpretation and Application of Laws: For Beginning Lawyers. - M.: LENAND, 2021. - 158 p.
4. Nedbailo P.E. Application of Soviet legal norms. - M.: Gosjurizdat, 1960. - 512 p. 5. Lazarev V.V. Gaps in law. Issues of the concept of gaps and criticism of the theory of the absence of gaps in law. – Kazan: Ed. Kazan University, 1969. - 96p.
6. Lazarev V.V. Gaps in the law and ways to eliminate them. - M.: Legal literature, 1974. - 184 p.
7. Sukhanov E.A. Civil law: textbook: in 4 volumes / otv. ed. Sukhanov E.A. – M.: Statut, 2019. Vol. 1. General part. – 576 p.
8. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law: General Provisions. - M.: Statute, 1997. - 682 p.
9. Belov V.A. Civil law. A common part. T I. Introduction to civil law. – M.: Yurayt, 2011. – 521 p.
10. Basic provisions of the Civil Law: article-by-article commentary on articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Edition 1.0] / Rev. ed. A.G. Karapetov. - M.: M - Logos, 2020. - 1469 p.
11. Petrov A.A., Tikhonravov E.Yu. Gaps and conflicts in law - Moscow: Prospect, 2019 - 80 p.
12. Savigny F.K.f. Roman civil law system. - M.: Statute, 2011. - 510 p.
13. General history of state and law. Academic course in 2 volumes / Ed. M.N. Marchenko. Volume 2. Theory of Law. – M.: Zertsalo, 1998. – 640 p.
14. Zorkin V.D. Precedent nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. - 2004. - No. 12. SPS "Consultant Plus".
15. Yavich L.S. General theory of law. - L.: Ed. Leningrad University, 1976. - 288 p. 16. Alekseev S.S. General theory of law. In two volumes T.2. - M.: Legal literature, 1982. - 360s.
17. Kelsen G. Pure doctrine of law. 2nd ed. - St. Petersburg: Alef Press, 2015. - 542 p. 18. The latest doctrine of the interpretation of law / Ed. V.G. Rotanya. - Simferopol, 2019. - 792s.
19. Vaskovsky E.V. civilistic methodology. The doctrine of the interpretation and application of civil laws. - M.: TsentrYurInfoR, 2002. - 508 p.
20. Marx K. Op. 2nd ed. T.23. - M.: Politizdat, 1960. - 908 p.

НАШИ АВТОРЫ

Адельсеитова А. Б.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Абдуллаев Л. Ш.	<i>аспирант Севастопольского государственного университета</i>
Анкудинова Я. С.	<i>старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Аминов А. А.	<i>помощник оперативного дежурного ОМВД России по Белогорскому району, старшина полиции</i>
Аскарлов С. В.	<i>преподаватель кафедры криминалистики, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России</i>
Ахмедова С. Т.	<i>Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)</i>
Басов А. В.	<i>д.ю.н., доц., заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Басова Ю. Ю.	<i>к.ю.н., доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Басос Е. В.	<i>К.ю.н., доц., доцент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>
Борецкая Л. Р.	<i>старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Великая О. С.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, полковник внутренней службы</i>
Городецкий А. А.	<i>юрисконсульт ООО «Берег»</i>
Гундериц Г. А.	<i>к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры</i>

	<i>Российской Федерации</i>
Даниленко Ю. А.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и процесса юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Донская О. В.	<i>к.ю.н., доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУВО «Южно – Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»</i>
Заброда Д. Г.	<i>д.ю.н., доц., Профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Змерзлый Б.В.	<i>д.и.н., д.ю.н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Зитулаева Д. А.	<i>обучающаяся 2-го курса магистратуры юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Зоз В. А.	<i>старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Довгань К. Е.	<i>к.ю.н., доц., доцент юридического института, Алтайский государственный университет, Россия, Алтайский край, Барнаул</i>
Евскива Е. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры административного и финансового права – начальник отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"</i>
Ивакин Г. А.	<i>д.и.н., доцент, заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО»</i>
Кеклис А. Ю.	<i>к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского права, Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 199178, г. Санкт-Петербург, В.О.</i>
Кириллова Т. К.	<i>Д.ю.н., проф., профессор кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского государственного университета и аэрокосмического приборостроения</i>
Клименко П. М.	<i>д.мед.н., проф., профессор кафедры детской хирургии с</i>

	<i>курсом урологии Медицинской академии Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Клименко Е. П.	<i>к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права Института «Таврическая академия» (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»</i>
Клубенко В. С.	<i>аспирант 2 курса Института «Таврическая академия» (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» кафедры истории и теории государства и права, специальность: юриспруденция</i>
Князева Т. В.	<i>магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)</i>
Коваль В. Н.	<i>д.ю.н., директор Юридического института, профессор кафедры «Гражданское право и процесс» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»</i>
Кодан С. В.	<i>д.ю.н., проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник управления научных исследований, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева</i>
Кокодей Т. А.	<i>д.э.н., профессор кафедры Уголовное право и процесс Юридического института ФГАОУ ВО "Севастопольский государственный университет"</i>
Костян О. А.	<i>аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Высшей школы права ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»</i>
Кузьменко Ю. А.	<i>к.ю.н., доцент кафедры финансового права, ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет»</i>
Лагуточкина А. С.	<i>оперуполномоченный отдела уголовного розыска отдела полиции № 1 «Железнодорожный» УМВД России по г. Симферополю</i>
Лагуточкин А. В.	<i>к.ю.н., доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Латышева Е. В.	<i>д.и.н., профессор, заведующий кафедрой документо-ведения и архивоведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Малюгин С. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева».</i>
Михайлов М. А.	<i>к.ю.н., заведующий кафедрой Уголовное право и процесс Юридического института ФГАОУ ВО "Севастополь-</i>

	<i>ский государственный университет"</i>
Мишина Ю. В.	<i>преподаватель кафедры специальной подготовки, ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова»</i>
Москалева Е. Н.	<i>старший преподаватель кафедры уголовного права Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Нагорный А. П.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Нижник Н. С.	<i>д.ю.н., проф., Санкт-Петербургский университет МВД России кафедра теории государства и права, начальник кафедры; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации</i>
Нуденко Л. А.	<i>Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшей профессиональной школы Российской Федерации</i>
Орлова Е. Е.	<i>к.ю.н., доц., директор Юридического института ТГТУ (ФГБОУ ВО Тамбовский Государственный Технический университет)</i>
Осоченко А. А.	<i>преподаватель АНО «ООВО» «Университет экономики и управления» АНО «ПОО» «Финансово-экономический колледж» г. Симферополь</i>
Пастухова Л. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский филиал)</i>
Попов А. Н.	<i>преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Попов С. В.	<i>д.ю.н., доц., проф. к-ры гражданского права, Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Процаевский В. А.	<i>д.ю.н., проф., профессор кафедры «Трудовое право» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»</i>
Пикин И. В.	<i>к.ю.н., доц., начальник кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, полковник внутренней службы</i>
Родителева Я. Н.	<i>старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>

Росенко М. И.	<i>д.пол.н., профессор кафедры конституционного и административного права Юридического института Севастопольского государственного университета</i>
Рябус О. А.	<i>к.ю.н., доцент кафедры гражданского процессуального права, Ростовского филиала ФГБОУВО «РГУП» мировой судья судебного участка № 1 Пролетарского судебного района г. Ростова-на-Дону</i>
Семёнова И. В.	<i>к.ю.н., преподаватель кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского ордена Жукова военного института войск национальной гвардии РФ</i>
Семенцова И. А.	<i>к.ю.н., доц., Московский университет им. С.Ю. Витте (филиал в г. Ростове-на-Дону), доцент кафедры уголовного права и процесса</i>
Симонян К. Р.	<i>старший преподаватель кафедры гражданского права Кубанского государственного университета</i>
Скворцова О. С.	<i>к.ю.н., доц. кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Старостин В. А.	<i>преподаватель, Таврическая академия, юридический факультет, Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.</i>
Тараканов И. А.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, полковник внутренней службы</i>
Трифонова К. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры административного и финансового права, доцент кафедры гражданского права, Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Трифонов С. Г.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Улезько А. Ю.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ)»</i>
Улезько И. С.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ)»</i>
Федорова Е. А.	<i>к.ю.н., Государственный морской университет им. ад-</i>

	<i>мирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск), доцент кафедры «Публичное право»</i>
<i>Цындра В. Н.</i>	<i>к.ю.н., доц., заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
<i>Чернецкий О. К.</i>	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и процесса юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
<i>Шкляр Т. А.</i>	<i>земеститель Председателя Верховного Суда Республики Крым, к.ю.н., Верховный Суд Республики Крым</i>
<i>Шумиленко Л. В.</i>	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры истории и теории государства и права Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»</i>
<i>Шушкова О. А.</i>	<i>Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), студентка</i>
<i>Яценко А. О.</i>	<i>к.ю.н., доцент зав.кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Великая О. С. Предреформенный период развития уголовного права Финляндии и его влияние на эволюцию пенитенциарной системы (1866-1970 гг.).....	3
Ивакин Г. А. Законодательная деятельность правомонархистов в Государственной Думе и Государственном Совете 1907–1912 годов (часть II).....	11
Костян О. А. Вопросы соответствия законодательного определения инвестиций, научной доктрины и практики.....	20
Клименко П. М., Змерзлый Б. В. Организационно-правовые меры борьбы с распространением холеры в Финляндии в 1831 г. (ч. 2).....	28
Малюгин С. В. Учебная литературы в источниковедении историографии истории политических и правовых учений в России (середина XIX в. – конец XX в.).....	34
Осоченко А. А. Правовое регулирование пожарной безопасности Ленинградского торгового порта в конце XIX – начале XX веков.....	49

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Анохин А. Н. Об исследовании конституционных основ системы публичной власти в Российской Федерации.....	57
Аскарлов С. В. Организация использования правоохранительными органами достижений криминалистики в целях раскрытия и расследования дорожно-транспортных преступлений.....	62
Ахмедханова С. Т. Общая характеристика субъективных признаков составов коррупционных преступлений, совершаемых в сфере образования.....	68
Басов А. В. Актуальные вопросы установления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.....	74
Донская О. Г., Новикова Т. Ю., Москалева Е. Н. Обеспечение ментальной безопасности личности в условиях цифровизации...81	81
Евсикова Е. В. Публично-правовая ответственность в современном российском праве: теоретико-правовой аспект.....	87
Заброда Д. Г., Аминов А. А. Общая характеристика взаимодействия участкового уполномоченного полиции с общественными объединениями правоохранительной направленности.....	97

Клубенко В. С.	Соотношение и взаимодействие органов законодательной и судебной власти.....	105
Мишина Ю. В.	Продажа самогона: наказать нельзя простить. где ставим запятую?.....	117
Нагорный А. П., Родителева Я. Н.	Об отдельных проблемах возмещения вреда потерпевшему в ходе уголовного судопроизводства и пути их решения.....	127
Пеленицына М. В., Выпирайло А. О.	Проблемные вынесения заочного решения и аспекты приказного производства в судопроизводстве.....	134
Пикин И. В., Тараканов И. А.	Особенности уголовной ответственности за реабилитацию нацизма по действующему уголовному законодательству.....	140
Росенко М. И.	Обжалование акта проверки надзорного органа как основание для приостановления производства по делу об административном правонарушении...	147
Рябус О. А.	Институт доказывания в гражданском судопроизводстве: теоретико-правовой анализ.....	151
Семёнова И. В.	Цифровая информация как предмет посягательства преступлений в сфере компьютерной информации.....	158
Семёнова И. В.	Административная ответственность за дискредитацию вооруженных сил РФ: вопросы теории и практики.....	166
Трифонов С. Г.	Уполномоченный по защите прав предпринимателей в системе взаимодействия с органами публичной власти в Российской Федерации.....	177
Улезько И. С.	Предмет преступления при вымогательстве.....	185
Улезько А. Ю., Князева Т. В.	Еще раз к вопросу о дефиниции исковой давности	191
Цындра В. Н.	Министерство внутренних дел Российской Федерации как субъект формирования государственной политики в области административных наказаний...	196

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Иванов А. Э.	Правовой институт ограничения прав и свобод человека и гражданина: Развитие и становление в Российской Федерации на современном этапе.....	204
Коваль В. Н.	Международно-правовое регулирование трудовых отношений моряков.....	208
Кеклис А. Ю., Шушкова О. А.	Договор аутсорсинга в Российской Федерации: проблемы правовой квалификации.....	214

Кузьменко Ю. А.	Институт внешнеэкономической сделки: теоретико-правовой анализ.....	222
Орлова Е. Е.	Цифровизация в сфере занятости как новая парадигма развития общего рынка труда на Евразийском пространстве.....	228
Плиева Н. Г.	Системные связи между общими положениями гражданского кодекса о возмещении вреда и положениями законодательства о компенсации морального вреда.....	235
Попов С. В., Трифонова К. В.	Международные стандарты труда: понятие, признаки, виды.....	247
Старостин В. В.	Нетипичная занятость В Российской Федерации.....	258
Симонян К. Р.	Земельный участок как правовая дефиниция: текущие состояние и перспективы.....	267
Черткова Ю. В.	Понятие непреодолимой силы в гражданском праве России.....	274

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Даниленко Ю. В., Чернецкий О. К.	Особенности проверки сообщения о преступлении, как одного из этапов расследования незаконного оборота наркотических средств бесконтактным способом.....	283
Зоз В. А., Лагуточкина А. С.	Отдельные элементы современного состояния противодействия преступлениям, совершенным с использованием социальных сетей, в отношении несовершеннолетних.....	292
Скворцова О. В., Зитулаева Д. А.	Уголовная ответственность за налоговые преступления: проблемы разграничения и законодательные новеллы.....	299
Чернецкий О. К.	Роль личности преступника в расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.....	316

СРОЧНО В НОМЕР

Анкудинова Я. С.	Возбуждение дела об административном правонарушении прокурором: вопросы теории и практики.....	322
Борецкая Л. Р.	Злоупотребление процессуальными правами в цивилистическом процессе: понятие, цели и способы.....	331
Кириллова Т. К., Великая О. С.	Опыт массового использования дистанционного образования в Российской Федерации на начальном этапе пандемии COVID-19.....	340

Михайлов М. А., Кокодей Т. А.	
Организационные, правовые и этические аспекты получения, хранения и использования биометрической информации в целях всеобщей регистрации населения.....	345
Лагуточкин А. В.	
Сущность, формирование и перспективы использования нейросетевых технологий в оперативно-розыскной деятельности.....	354
Басов Е. В.	
Инфраструктура рынка труда как вид специальной инфраструктуры предпринимательства.....	366
Клименко Е. П.	
Правовая организация коллективов безработных для использования в порту Ленинграда в первой половине 1920-х гг.....	373
Попов А. Н.	
Тактический аспект применения физической силы сотрудниками органов внутренних дел.....	379
Нижник Н. С., Нуденко Л. А.	
Советское государство и общество: основные направления взаимодействия..	384
Шумиленко А. П., Пастухова Л. В.	
Современные тенденции доктринального развития международного права беженцев.....	395
Кодан С. В.	
Научная память, научное наследие и научная историография в исследовательском пространстве истории политических и правовых учений.....	414
Адельсеитова А. Б.	
К вопросу о генезисе и развитии политико-правовой мысли о народном представительстве.....	429
Гундериц Г. А., Латышева Е. В.	
Актуальные вопросы документоведения в информационной деятельности...	436
Яценко А. О., Городецкий А. А.	
Правовой статус и задачи прокурора в гражданском процессе: теоретико-правовое исследование.....	440
Басова Ю. Ю.	
Система обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях.....	446
Шкляр Т. А.	
Правовые особенности рассмотрения административных дел об оспаривании нормативных правовых актов, принимаемых по вопросам совместного ведения Российской Федерации и её субъектов.....	455
Абдуллаев Л. Ш.	
Аналогия закона и проблема источников гражданского права.....	464